

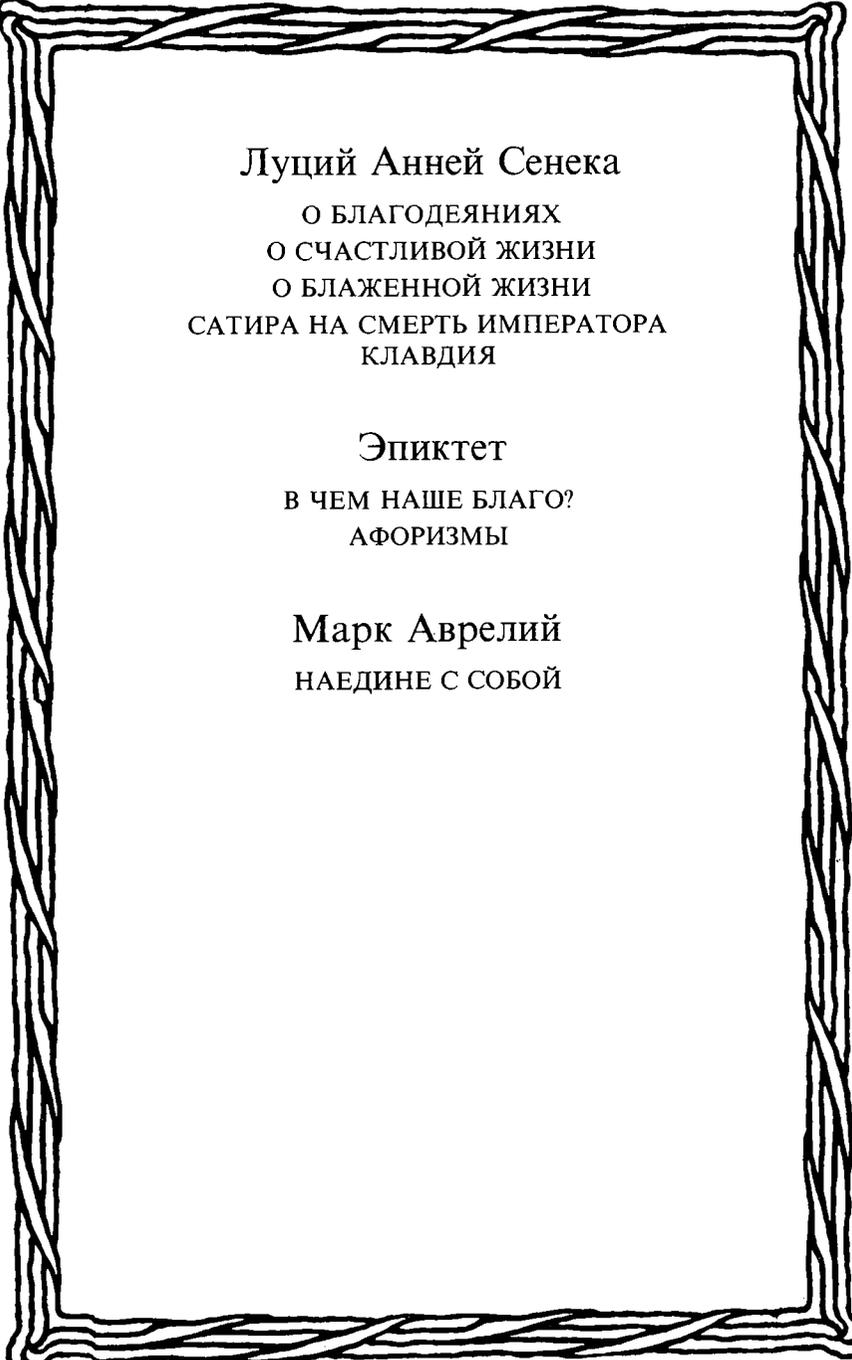
РИМСКИЕ СТОИКИ
Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий

Библиотека
этической
мысли

РИМСКИЕ
СТОИКИ
Сенека, Эпиктет,
Марк Аврелий

Библиотека
этической
мысли

Луций Анней Сенека

О БЛАГОДЕЯНИЯХ
О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ
О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ
САТИРА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА
КЛАВДИЯ

Эпиктет

В ЧЕМ НАШЕ БЛАГО?
АФОРИЗМЫ

Марк Аврелий
НАЕДИНЕ С СОБОЙ

РИМСКИЕ
СТОИКИ
Сенека, Эпиктет,
Марк Аврелий

Москва
Издательство «Республика»
1995

Вступительная статья,
составление, подготовка текста
В. В. Сапова

P51 **Римские стоики:** Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий/Вступ. ст., сост., подгот. текста В. В. Сапова.— М.: Республика, 1995.— 463 с.— (Б-ка этической мысли).
ISBN 5—250—02462—9

В книгу вошли этические сочинения так называемых поздних, или римских, стоиков: Луция Аннея Сенеки (ок. 4 г. до н. э.— 65 г. н. э.), Эпиктета (ок. 50—ок. 140 гг.) и Марка Аврелия (121—180 гг.). Нравственная философия римских стоиков представлена в книге малоизвестными сочинениями Сенеки — «О благодеяниях», «О счастливой жизни», «О блаженной жизни», беседами и афоризмами Эпиктета, размышлениями Марка Аврелия «Наедине с собой».

Произведения даны в основном в дореволюционных переводах, которые и сегодня не утратили своего значения. В приложении к книге печатаются статья А. Ф. Лосева о стоиках и очерк С. А. Котляревского о Марке Аврелии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Р 0301070000—032
079(02)—95

ББК 84 (0)3+87.7

ISBN 5—250—02462—9

© Издательство «Республика», 1995

О СТОИКАХ И СТОИЦИЗМЕ

В русском языке слово «стойк» прочно, и в общем-то правильно, ассоциируется с глаголом «стоять». Ассоциация, как мы увидим в дальнейшем, совершенно случайная, но если и бывает полное совпадение случайности и необходимости, то оно перед нами. «Стойк» — это тот, кто «стойт», хотя бы и рушилось все вокруг, «стойк» — это тот, кто выполняет свой долг до конца, хотя бы и не было никого, кто бы спросил с него...

А началось все случайно. Основатель школы стоицизма Зенон (336—264 гг. до н. э.), сын Мнасея (или Демея) из Кития, что на Кипре, приплыв в Афины из Финикии ¹, зашел в книжную лавку и там, читая Ксенофоновы «Меморабиллии» («Воспоминания о Сократе»), пришел в такой восторг, что спросил, где можно найти подобных людей? Случайно мимо книжной лавки проходил в это время киник Кратет (ученик «Пса»-Диогена). «Вот за ним и ступай!» — ответил на вопрос Зенона продавец. С тех пор он и стал учеником Кратета.

Кратет, как это и подобает кинику, по совету Диогена все свои земли отдал под пастбища, а все свои деньги бросил в море и стал вести «собачий» образ жизни. Случалось, приходили к нему родственники — уговаривать и отговаривать, Кратет прогонял их палкой. К своему плащу он пришел напоказ овчину, что выглядело безобразно, и все в гимнасии смеялись над ним, сам же он оставался невозмутим.

За всем этим показательным эпатажем скрывалось, однако, нечто серьезное. Золотой век Эллады — век Перикла и блестящих побед над персами — был уже позади. Над Грецией сгушались предзакатные сумерки. Правда, как отмечает А. Ф. Лосев, период «упадка» длился почти тысячу лет, начиная от завоевания Греции Александром Македонским и кончая падением Западной Римской империи. «Поэтому, вообще говоря, едва ли удобен термин «упадок» в отношении столь огромного периода философии» ². Более правильно интерпретировать эту эпоху как период индивидуализма и диалектически связанного с ним космополитизма. Эти две характерные черты отчетливо просматриваются у киников,

¹ Существует версия, согласно которой Зенон попал в Афины из-за того, что корабль, на котором он плыл, потерпел крушение. Может быть, это не самая правдоподобная версия, но зато символическая: обращение к философии и превращение в стойка как результат кораблекрушения. Действительно, люди часто начинают философствовать, лишь претерпев какую-нибудь крупную неудачу в своей жизни...

² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 7.

в частности и у учителя Зенона Кратета. «Хочешь, я восстановлю твой город?» — спросил у него Александр Македонский, разрушивший в 335 г. до н. э. родной город Кратета «семивратные Фивы». «Зачем? — ответил Кратет. — Какой-нибудь новый Александр возьмет и разрушит его опять».

«Родина моя, — говорил он, — это Бесчестие и Бедность, неподвластные никакой Удаче, и земляк мой — недоступный для зависти Диоген». Философией же, учил он, заниматься нужно до тех пор, пока не поймешь, что нет никакой разницы между вождем войска и погонщиком ослов. Идея равенства всех людей войдет впоследствии в «золотой фонд» идей стоицизма, и не случайно поэтому в числе стоиков встретим в дальнейшем и императора, и бывшего фригийского раба. Но это — в дальнейшем... А пока последуем за Зеноном, догоняющим своего будущего учителя Кратета.

Зенон в момент встречи с Кратетом был уже далеко не мальчик — ему исполнилось тридцать и на вид он был совсем не красавец: с кривой шеей, худой, довольно высокий, со смуглой кожей (за что его прозвали «египетской лозой»), с толстыми ногами, нескладный и слабосильный. Он был стеснителен и нелюдим и обычно не принимал приглашения друзей на обед. Бóльшее удовольствие доставляло ему есть зеленые фиги и загорать на солнце. Однажды он обратился к оракулу с вопросом, как ему жить наилучшим образом, и бог ответил: «Взять пример с покойников». Зенон понял, что это значит, и стал читать древних писателей.

Кратет сразу же заметил, что его новый нескладный ученик при всей своей приверженности к философии слишком застенчив для кинического бесстыдства. Чтобы исцелить Зенона от этого «недуга», Кратет однажды дал ему нести по городу горшок с чечевичной похлебкой. Зенон засмутился и старался держать горшок незаметно. Тогда Кратет своим посохом разбил у него в руках горшок, и будущий стоик, устыдившись залитого похлебкой платья, бросился бежать, а Кратет крикнул ему вслед: «Что ж ты бежишь, финикийчик? Ведь ничего страшного с тобой не случилось!»

Действительно, зная нравы киников¹, доходящие порой до полного и настоящего цинизма, в современном смысле этого слова, можно согласиться с Кратетом, что ничего страшного с «финикийчиком» не случилось. По крайней мере, Кратет не заставлял его, подобно Диогену, совершать при всех «и дела Деметры, и дела Афродиты»...

Лет десять учился Зенон у Кратета и потом еще у Стильпона и Ксенократа, прежде чем начал излагать собственное учение, прохаживаясь взад и вперед по Расписной Стое. Так назывался портик на афинской агоре, построенный в V в. до н. э. и расписанный лучшим тогдашним художником Полигнотом. Здесь при Тридцати тиранах было убито около полутора тысяч афинских граждан, и с тех пор места этого старались избегать. Когда же здесь начал учить Зенон (ок. 300 г. до н. э.), люди снова стали приходить сюда, чтобы послушать его. Скоро из числа слушателей выделились особо внимательные и преданные «ученики», — они-то и получили впоследствии название «стоиков».

¹ Напомним читателю, что слово «киник» («циник») по-гречески означает буквально «пес», «собака». Киник — это тот, кто ведет «собачий образ жизни».

Чему учил Зенон? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Из сочинений Зенона (Диоген Лаэртский насчитывает их больше двух десятков) до нашего времени не дошло ни одного. Исследователи античной философии обычно излагают и анализируют учение стоиков раннего периода «в целом», и сказать, что именно из этого учения принадлежит Зенону, а что его последователям,— в большинстве случаев невозможно.

Вот то немногое, что известно достоверно. Зенон первым ввел разделение философского учения на три части: физику, этику и логику. При этом сам он, в отличие от некоторых своих последователей, логику ставил на первое место, физику на второе, этику на третье. На первый взгляд такая иерархия наук может показаться странной: ведь всем известно, что именно этика стоиков представляет собой то центральное ядро их учения, которое вот уже больше двух тысяч лет привлекает к себе внимание и «обычных» читателей, и профессионалов. И быть стоиком — это, по-видимому, прежде всего быть носителем стоической морали. Правда, такое представление о стоиках сложилось уже в более позднюю эпоху благодаря «популярному» направлению в римском стоицизме (сочинения трех представителей которого — Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия — собраны в этой книге).

Что касается ранних греческих стоиков, то их учение, имея своей задачей ответить на вопрос о смысле и цели жизни, складывалось именно как целостная философская система (в борьбе с враждебным эпикуреизмом), в рамках которой ответ на любой конкретный вопрос возможен только в том случае, если он хорошо обоснован.

Зенон, например, учил, что конечная цель человека — жить «согласно с природой». Диоген Лаэртский сообщает, что Зенон был «первый», кто «заявил» об этом в своем трактате «О человеческой природе». С тех пор эта мысль повторялась сотни, а может быть, и тысячи раз — от страстного призыва Ж.-Ж. Руссо вернуться «назад к природе» (покинуть города, разделить большие государства) и до современных нудистов, считающих, что ходить нагишом — это и значит «жить согласно с природой».

Но что же такое «природа»? Жить согласно с природой, продолжает Зенон, это то же самое, что жить согласно с добродетелью: сама природа ведет нас к добродетели. «И наоборот, жить добродетельно — это значит то же, что жить по опыту всего происходящего в природе, потому что наша природа есть лишь часть целого. Стало быть, конечная цель определяется как жизнь, соответствующая природе (как нашей природе, так и природе целого),— жизнь, в которой мы воздерживаемся от всего, что запрещено общим законом, а закон этот — верный разум, всепроникающий и тождественный с Зевсом, направителем и распорядителем всего сущего. Это и есть добродетель и ровно текущая жизнь счастливого человека, в которой все совершается согласно с божеством каждого и служит воле всеобщего распорядителя»¹.

Даже и при поверхностном анализе этого отрывка нельзя не увидеть, как органично и неразрывно соединены в этом рассуждении физика,

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 295—296.

натурфилософия, логика, и собственно этика. И это присуще любому положению стоической философии. Такому единству трех частей философии в немалой степени способствовала особая система категорий, разработанная стоиками. Некоторые из этих категорий получили широкую известность и прочно вошли в историю мировой философии.

Пожалуй, самая известная и самая замечательная из них — категория Логоса, заимствованная стоиками из философии Гераклита. У него же стоики переняли учение о происхождении мира из огня и о периодически повторяющемся возвращении мира в огонь. Вообще физика стоиков представляет собой сочетание физики Аристотеля с элементами учения Гераклита. Мир, согласно учению стоиков, есть единое тело — живое и расчлененное, насквозь пронизанное одушевляющим его телесным дыханием («пневмой»). Вместе с тем мир отождествляется стоиками с богом, и поэтому все, что в нем или с ним происходит, происходит **логично**, то есть в соответствии с необходимостью и целесообразностью. В отличие от эпикурейского космоса мир стоиков лишен пустоты, и в нем поэтому нет и не может быть никакой свободы. А то, что в обыденном общечеловеческом смысле понимается как свобода (или, точнее, произвол), — это всего лишь «заблуждения сердца и ума»: «согласного судьба ведет, а несогласного тащит».

Судьба у стоиков тождественна Логосу. «Судьба есть Логос космоса». «Судьба есть Логос, провиденциально упорядочивающий все в мире»¹. Поэтому стоика судьба ведет, а не тащит. Стоик понимает и любит свою судьбу, какая бы ни выпала на его долю. *Amor fati* (любовь к судьбе, любовь к року) — одно из самых знаменитых (особенно благодаря Ф. Ницше) понятий стоицизма (правда, уже позднего, римского стоицизма).

Итак, Логос — это не только Слово, это еще и Закон, это еще и Судьба, и Необходимость, и — Справедливость. Стоический мудрец отчетливо понимает, что один и тот же Логос правит миром и разумным поведением человека. Мудрец поэтому живет добродетельной жизнью, то есть в соответствии с законами природы, и это обеспечивает ему безмятежность существования («атараксию»), которая и есть высшая цель жизни.

Не упустим при этом, что стоический мудрец живет в согласии и с собственной философией, которая, по его мнению, есть тот же Логос в переложении на общедоступный человеческий язык. Именно по этой причине в постановлении афинян о Зеноне особо отмечается, что он «и в собственной жизни являл для всех пример согласия с учением, которое проповедовал» и поэтому «народ почел за благо Зенону Китийскому, сыну Мнасея, воздать хвалу и законным чином увенчать его золотым венком за добродетель и здравомыслие; а гробницу его поставить на Керамике за народный счет»².

После смерти Зенона его школой — в строго ортодоксальном духе учителя — руководил Клеанф (364—232 гг. до н. э.), а затем — Аристон Лысый из Хиоса.

¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. С. 116.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 272.

Аристон, рассказывает Диоген Лаэртский, учил, что «конечная цель — в том, чтобы жить в безразличии ко всему, что лежит между добродетелью и пороком, и не допускать в отношении к этим вещам ни малейшей разницы: все должно быть одинаково... Физику и логику он отменил, утверждая, что первая выше нас, а вторая не для нас, и одна только этика нас касается. Диалектические рассуждения он сравнивал с паучьими сетями, которые кажутся искусно сотканными, а на самом деле бесполезны... Говорил он убедительно и во вкусе толпы...»¹

Больших успехов в борьбе со скептицизмом (который с определенного момента вырос в грозного соперника стоицизма) добилась школа стоиков при Хрисиппе из Сол в Киликии, который руководил ею в 232—204 гг. до н. э.

В Рим стоицизм был перенесен Панэцием из Родоса (ок. 185—110 гг. до н. э.). Панэций и его младший современник Посидоний из Апамеи (ок. 135—51 гг. до н. э.) по историко-философской традиции считаются представителями так называемой Средней Стои.

В Риме стоицизм поистине обрел свою вторую родину. Здесь он и умер. И здесь обрел свое бессмертие. История стоицизма на римской почве на первый взгляд может показаться своеобразным историко-философским парадоксом. Во-первых, начиная уже с Панэция, стоицизм все чаще входит в самые разнообразные — «экллетические» — связи с другими учениями (прежде всего, платонизмом и неоплатонизмом), начинает «смягчаться» (а всякое «смягчение» стоицизма не есть ли уступка... эпикурейству?!). Во-вторых, весьма проблематично говорить и о творческом развитии стоицизма в Риме: каждый из поздних стоиков (имеем в виду только трех, представленных в настоящей книге), если оценивать его учение строго академически, не может быть признан вполне оригинальным мыслителем; каждый из них лишь усиливает ту или иную стоическую категорию, ту или иную сторону учения (чаще всего при этом, вслед за Аристоном Лысым, физику и логику «отменяя»), мало или почти не изменяя его в целом. Кроме того, римские стоики не столь последовательно, как Зенон, придерживались принципов собственного учения. Иногда их жизненное поведение лишь слегка и не в главном расходилось с теми принципами, которые они проповедовали, но случалось — и Сенека тому примером, — что оно полностью им противоречило. И тем не менее стоит только произнести слово «стоик» или «стоицизм», и в сознании у большинства людей возникает образ Рима, образ того же Сенеки или Марка Аврелия... Лишь немногие вспомнят при этом, что изначальной родиной стоицизма была все-таки Греция и почти все с философской точки зрения ценное и оригинальное в стоицизме разработано греческими философами, а отнюдь не римлянами. В чем же дело?

Вопрос об оригинальности нам хочется здесь оставить в стороне по той простой причине, что вопрос этот совершенно праздный и, кроме «узких специалистов», никого по-настоящему не интересует и интересоваться не может. Иной исследователь-виртуоз может «блестяще» показать

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 317.

и доказать, что данный (имярек) мыслитель неоригинален, подражателен, эклектичен, что одну идею он заимствовал у Гераклита, другую у Платона, третью еще бог знает у кого, и тем не менее разнесенного таким образом в пух и прах мыслителя читают и будут продолжать читать все новые и новые поколения читателей. Значит, не в оригинальности или неоригинальности тут дело.

Историческое значение римских стоиков вообще находится вне этой сферы, «по ту сторону» вопроса о традиционализме, новизне и новаторстве. Римские стоики прежде всего и главным образом — «учители жизни», «вечные спутники» человечества, точнее, той его части, которая по складу ума и характера близка к стоикам. Короче говоря, стоики — для стоиков. Эпикурейцу стоики покажутся чересчур суровыми, скептику — слишком фаталистичными и целеустремленными (здесь под «эпикурейцами» и «скептиками», равно как и под «стоиками», разумеются, конечно, не приверженцы «учения», а носители определенной психологии). Либо наши души настроены в унисон со стоиками, и тогда нам, строго говоря, никакие аргументы и доказательства вовсе не нужны и мы, едва только открыв «размышления» Марка Аврелия, понимаем, что это «наше», либо — нет, и тогда уж никакие аргументы нам не помогут...

Всеми этими обстоятельствами и объясняется отчасти столь значительный успех стоицизма на римской почве. Римляне в массе своей были народом по преимуществу стоическим. Они легко уступали пальму первенства в различных областях жизнедеятельности другим народам, особенно грекам. Кроме одной. Классическая цитата из Вергилия лучше всего объяснит, что это за «область»:

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше;
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, — не спорю:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!

(Энеида, VI, 847—853; перевод С. Ошерова)

Римляне — воины, «мужи», «государственники» и завоеватели — были стоиками чуть ли не от рождения. Их не интересовал вопрос, «оригинальна или неоригинальна» та или иная философия, их волновало лишь одно: насколько она созвучна их умонастроению, может ли она помочь в их нелегкой жизни, насквозь пронизанной идеей государства и права, насколько она к ней «приложима». Стоицизм «приложился» прекрасно.

Философия «героического пессимизма» (именно так можно охарактеризовать стоицизм) была очень созвучна мировосприятию римского народа. Тем более что в Рим стоицизм проник в то время, когда тот по своему историческому возрасту соответствовал Греции эпохи Зенона: исторические сумерки сгущались уже и над ним. Еще далеко не все это видели и ощущали, но «предчувствия и предвестия» (если воспользоваться формулой Вячеслава Иванова) были уже налицо. Как капитан должен

покинуть тонущий корабль последним, так и стойку-римлянину предстояло в ближайшей исторической перспективе продемонстрировать «городу и миру» свою абсолютную выдержку и доказать свою неколебимую верность вскормившей его империи. Роптать ему было не на кого, надеяться не на что, нужно было только молча и с достоинством умереть, дабы не уронить себя перед лицом Вечности... Разумеется, сказанное относится не ко всем римлянам поголовно, а лишь к сознательным носителям «римской идеи». В Риме, как и повсюду в мире, полно было своей «черни» — «черни» и в буквальном, и в метафорическом смысле. Но стоик всегда должен знать (и он знал это), что каждый его поступок встречается скептической ухмылкой циника и что плодами его трудов воспользуется не он сам, а некий «эпикуреец»... Вот те причины, в силу которых философия стоиков оказалась для римлян в буквальном смысле слова «философией жизни».

Была и еще одна причина счастливой судьбы стоицизма в Риме (точнее было бы сказать: «посмертной судьбы стоицизма в Риме»): это особые отношения, которые сложились здесь между умирающим стоицизмом и нарождающимся христианством. Многие идеи и образы Нового Завета почти дословно совпадают с цитатами из сочинений Сенеки. Эта близость идей Сенеки христианству уже в древности породила легенду о его христианстве (якобы в христианство обратил Сенеку апостол Павел), что дало повод к составлению мифической переписки между ним и апостолом Павлом. Много родственного с христианством и у Эпиктета, который к тому же и по своему социальному положению был близок членам раннехристианских общин. «Родство» между стоицизмом и христианством не стоит, конечно, преувеличивать: стоики все же, несмотря на целый ряд своих созвучных христианству идей, оставались язычниками, например Марк Аврелий, хотя и «по долгу службы», все-таки организовал гонение на христиан. Но это родство не следует и игнорировать. И может быть, самое глубокое родство между стоицизмом и христианством следует искать не в совпадении отдельных мыслей и высказываний, а в том самоуглублении личности, на котором история стоицизма закончилась и история христианства началась.

Переворот, совершенный стоиками в философии, можно назвать, если воспользоваться современным термином, «экзистенциальным»: чем безразличнее становился стоический мудрец к окружающему его миру (в том числе и к социальному), тем сильнее он проникал в сокровенные глубины собственного Я, обнаруживая в своей личности целую вселенную, ранее совершенно ему неведомую и недоступную. В «размышлениях» Марка Аврелия достигнута, по-видимому, предельная глубина самопознания и исповедальности, доступные античному человеку. Без этого открытия «внутреннего мира» человека («внутреннего человека», по терминологии Нового Завета), совершенного стоиками, едва ли была бы возможна победа христианства. Поэтому римский стоицизм можно, в определенном смысле, рассматривать как «подготовительную школу» христианства, а самих стоиков (Сенеку, Эпиктета, Марка Аврелия) — как «искателей Бога»¹.

¹ Название прекрасной книги Фаррара (Спб., 1898).

Со смертью Марка Аврелия умер и стоицизм. Точнее, началось бессмертие стоицизма. В той или иной степени, в той или иной форме стоицизм (уже не столько как философское учение, а как определенное умонастроение, определенный склад ума и характера) возрождался в истории неоднократно. Стоиками были английские пуритане, носители «духа капитализма» и основатели Новой Англии, у нас в России несомненным стоиком был протопоп Аввакум (измученная жена спросила его однажды: «Долго ли мука сея, протопоп, будет?» — «До самых могилы, Марковна», — ответил протопоп. Она же, вздохняя, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем») и многие, многие тысячи других...

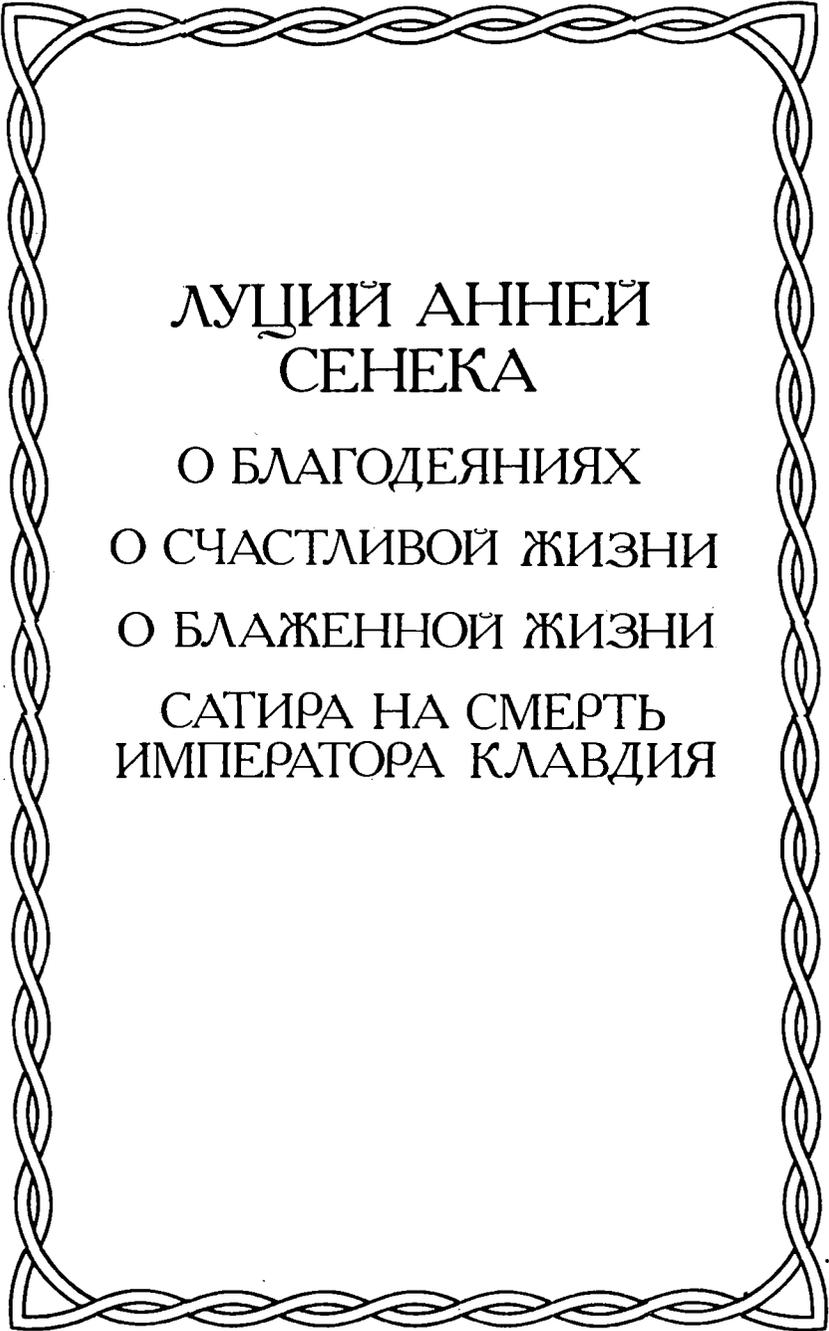
Разумеется, стоики, как наиболее активная и твердая в своих убеждениях часть населения, в любой стране всегда составляли меньшинство. Но это было то социально значимое меньшинство, которому нередко удавалось переломить неблагоприятную ситуацию в лучшую сторону, хотя при этом — повторим еще раз — им самим почти никогда не удавалось воспользоваться плодами своей победы.

Вот почему сегодня нам, живущим в России и не желающим покидать свою страну ради сытной и комфортной жизни в чужих краях, философия стоиков необходима.

Кажется, этот тезис не нуждается в доказательстве. Итак, «будь подобен скале: волны беспрестанно разбиваются о нее, она же стоит недвижимо, и вокруг нее стихают взволнованные воды»¹.

В. Сапов

¹ Наст. изд. С. 295.

ЛУЦИИ АННЕИ
СЕНЕКА

О БЛАГОДЕЯНИЯХ

О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ

САТИРА НА СМЕРТЬ
ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ

О БЛАГОДЕЯНИЯХ

Семь книг к Эбуцию Либералию

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

Среди многих и разнообразных заблуждений людей, живущих безрассудно и необдуманно, мне кажется, досточтимый Либералий, нет почти ничего более опасного, как то, что мы не умеем ни давать, ни принимать благодеяний. Благодеяния же, худо оказанные, обыкновенно худо и принимаются, и если нам их не возвращают, то поздно жаловаться: мы потеряли их в тот самый момент, когда давали. И неудивительно, если среди наиболее распространенных и наиболее тяжких пороков чаще всего встречается неблагодарность. Это, очевидно, зависит от многих причин, и, во-первых,— от того, что мы не выбираем людей, которые были бы достойны благодеяния, но, имея в виду приобрести должников, тщательно собираем сведения относительно их родовых имений и движимого имущества. Мы не бросаем семян на истощенную и бесплодную почву, благодеяния же скорее безо всякого разбора разбрасываем, чем даем. И нелегко сказать, что хуже: не сознавать благодеяния или требовать его обратно, ибо благодеяние есть долг такого рода, что из него следует возвращать только то, что охотно возвращается; тяготиться им весьма постыдно по той причине, что для оправдания доверия (в этом случае) нужны не материальные средства, а душа. Благодеяние возвращает тот, кто охотно сознает его. Но если и лежит вина на тех, кто даже в сознании не воздает благодарности, то не безвинны и мы. Много мы встречаем неблагодарных, но еще более сами делаемся такими. В одном случае мы бываем сурово требовательны и притязательны, в другом — легкомысленны и очень скоро раскаиваемся в своем благодеянии, в третьем — бываем сварливы и жалуемся, когда упускают малейшую возможность нам уплатить. Таким образом мы отравляем всякую благодарность не только после того, как оказали благодеяние, но и в тот самый момент, когда оказываем. В самом деле, кто из нас бывал доволен, когда его просили недостаточно усердно или только однажды? Кто, замечая, что к нему хотя бы обратиться с просьбой, не нахмуривал бровей, не отвращал лица, не притворялся занятым и длинными речами, намеренно бесконечными, не отклонял удобного для просьбы случая, не избегал, при помощи разнообразных хитростей, людей, прибегавших к нему со своими нуждами? Будучи же застигнут в безвыходном положении, кто не старался оттянуть времени, давая этим осторожный отказ, или хотя и обещал, но через силу, нахмуривав брови, сердито и едва

выговаривая слова? Но ведь никто охотно не признает себя должником в том случае, когда он не получил, а вынудил. Может ли кто быть благодарен тому человеку, который гордо бросил благодеяние, с гневом выкинул его или оказал его уже после того, как утомился, с тем только, чтобы избежать доуки? Ошибается, кто питает надежду на благодарность со стороны того, кого он изнурил проволочками, измучил ожиданием... Благодеяние принимается с таким же чувством, с каким оказывается; посему не следует оказывать его с пренебрежением. Ведь каждый бывает обязан только самому себе тем, что он получил от другого (как бы) без его ведома. Не следует быть и медленным, ибо кто медленно делал, тот, очевидно, долго не имел охоты делать, а во всяком деле дорого ценится охота. В особенности же благодеяние не должно быть оскорбительным. В самом деле, если природа устроила так, что обиды оставляют более глубокий след, чем благодеяния, и последние скоро исчезают из памяти, тогда как первые надолго в ней остаются, то чего ждать тому, кто, оказывая благодеяние, причиняет обиду? Подобному человеку достойную благодарность воздает тот, кто забывает его благодеяние. Не должна охлаждать в нас усердия к благотворительности и масса людей неблагодарных. Ибо, во-первых, мы сами, как я сказал, увеличиваем ее. Во-вторых, сами бессмертные боги не получают отвращения к своей щедрой благотворительности, несмотря на существование святотатцев и людей, с пренебрежением к ним относящихся. Они продолжают поступать сообразно своей природе и оказывают свою помощь всему, между прочим, и тем самым людям, которые плохо понимают их благодеяния. Последуем их примеру, насколько это позволит человеческая немощь; станем дарить благодеяния, а не отдавать в рост. Вполне достоин быть обманутым тот, кто, давая, помышляет об уплате.

«Благодеяние худо принято». Но ведь и дети и супруги обманывали наши надежды, тем не менее мы и воспитываем, и женимся, и до такой степени идем наперекор опыту, что, раз испытав поражение, снова ведем войны, раз потерпев кораблекрушение, снова пускаемся в море. Насколько более благородно быть постоянным в благодеяниях! Кто не оказывает благодеяний по той причине, что не получает их обратно, тот, очевидно, оказывает их с целью возвратить; этим он дает благовидный предлог для неблагодарных. Однако и сим последним людям постыдно отказывать в благодеяниях, хотя они того и заслуживают. Сколько недостойных света — однако день настает, сколько жалуются на то, что они родились, однако природа производит новые поколения и терпит существование тех, которые сами лучше бы желали вовсе не жить! Возвышенной и доброй душе свойственно искать не плодов благодеяний, но самих благодеяний, и среди худых людей отыскивать хороших. Какое было бы величие в том, чтобы приносить пользу многим, если бы никто не обманывал? Добродетель в данном случае заключается в оказании благодеяний безо всякого расчета на

их обратное возвращение. Плоды благодеяний пожинаяются благодарным человеком немедленно. Неблагодарность не должна смущать нас и поселять апатию к столь прекрасному делу, так что, если бы у меня даже совсем была отнята надежда найти благодарного человека, то и в таком случае я предпочел бы лучше не получать благодеяний обратно, чем не оказывать их. Ибо кто не оказывает благодеяний, тот предваряет проступок неблагодарного. Выскажу свою мысль: кто не возвращает благодеяния, тот погрешает более, кто не оказывает, тот — скорее ¹.

Глава 2

«Когда станешь расточать благодеяния толпе, то много их надо потерять, чтобы однажды (сделать) положить хорошо» ².

В первом стихе ни с чем нельзя согласиться, во-первых, потому что благодеяний не следует расточать толпе, а во-вторых, потому, что расточительность вообще не заслуживает похвалы, тем более в благодеяниях. Если оказывают благодеяния, не руководясь рассудком, то они перестают быть таковыми и получают какое-либо другое имя. Заслуживает внимания второй стих, где одно удачно оказанное благодеяние рассматривается как вознаграждение за убытки, причинные потерю многих. Но посмотри, прошу тебя, не будет ли и более близким к истине, и более сообразным с достоинством добродетельного человека посоветовать ему оказывать благодеяния даже в том случае, когда нет надежды ни одного оказать удачно. Дело в том, что неосновательно предположение, будто бы «много (благодеяний) надо потеть»...

Ни одно (благодеяние) не пропадает, так как, кто теряет его, тот, очевидно, рассчитывал заранее (на прибыль). Смысл благодеяний прост: их только дарят; если что возвращается, то уже прибыль, не возвращается — нет убытка. Благодеяние оказано для благодеяния. Никто не записывает благодеяний в долговую книгу ³ и не напоминает о них каждый день и час подобно жадному займодавцу. Добрый человек никогда и не думает о них, если не напомнит лицо, возвращающее (долг). В противном случае благодеяние принимает вид ссуды. Записывать благодеяния в расход — постыдное ростовщичество. Что бы ни случилось с первыми твоими дарами — продолжай раздавать их; лучше, если они будут находиться у людей неблагодарных, которых со временем стыд, или какая-нибудь случайность, или подражание могут сделать благодарными. Не отступай: продолжай свое дело и стремись к жребию мужа добродетельного. Подавай помощь: кому средствами, кому кредитом, кому расположением, кому советом, кому полезными наставлениями. Звери и те сознают за собою обязанности. Нет ни одного дикого животного, которого бы нельзя было приручить и привязать к себе посредством заботливого ухода. Так укротители безнаказанно касаются пасти львов; диких слонов, при помощи корма, приручают до такой

степени, что они послушно отправляют работы⁴. Таким образом, постоянные благодеяния покоряют даже существ, лишённых разума и способности оценить их. С неблагодарностью отнеслись к твоему первому благодеянию? Ко второму уже так не отнесутся. Забыли о том и о другом? Третье приведет на память и забытые!

Глава 3

Благодеяния теряет тот, кто скоро приходит к убеждению, что их потерял⁵. Но кто сохраняет постоянство и прежние благодеяния умножает новыми, тот исторгает благодарность даже из жесткого и неблагодарного сердца. Неблагодарный на многое не посмеет поднять очей. Куда бы он ни обратился, убегая от своей совести, пусть всюду видит тебя. Свяжи его узами своих благодеяний!

Теперь я обращусь к рассмотрению сущности и свойств благодеяний, если ты позволишь мне, предварительно, вкратце упомянуть о том, что не имеет прямого отношения к делу. Почему граций три, почему они между собою сестры, для чего они сплелись руками, для чего улыбаются, для чего они (изображаются) девы и одеты в просторную и прозрачную одежду?⁶

Некоторые утверждают, что одна из них изображает дающую благодеяние, другая принимающую, третья возвращающую обратно. Иные видят в них олицетворение трех родов благодеяний: дарования, возвращения, дарования и возвращения вместе. Но признаешь ли ты верным то или другое объяснение — какая нам будет польза от этого знания? Что означает хоровод граций, сплетшихся руками и обращенных лицами одна к другой? То, что благодеяния, переходя в последовательном порядке из рук в руки, тем не менее в конце концов снова возвращаются к дающему их. Порядок этот совершенно разрушается, как скоро раз бывает нарушен, и, наоборот, принимает в высшей степени прекрасный вид, как скоро бывает сохранен и удержана в нем (последовательность) взаимность. Грации улыбаются: это по той причине, что лица тех, которые дают или принимают благодеяния, бывают обыкновенно радостны. Они — юны, ибо воспоминание о благодеяниях не должно стареть. Они девы, ибо (благодеяния) непорочны, чисты и святы для всех. В благодеяниях ничего не должно быть невольного, связанного или принужденного — вот почему грации одеты в просторные туники, и притом в прозрачные, ибо благодеяния требуют того, чтобы их видели.

Положим, что кто-нибудь и увлекся греками до такой степени, что считает необходимым говорить и об этом, однако никого не найдет, кто бы признал относящимся к делу говорить о тех именах, какие дал грациям Гесиод. Старшую он назвал Аглаей, среднюю — Евфросиной, младшую — Талией. Эти имена каждый, по своему усмотрению, изменяет и старается найти им какое-нибудь объяснение, тогда как на самом деле Гесиод дал

названия своим девам по личному усмотрению. Таким же образом Гомер переименовал наименование одной грации, назвав ее Пасифеею, и выдал ее замуж, дабы знали, что они не весталки ⁷. Найду я и другого поэта, у которого грации являются опоясанными и одетыми в фригийские ⁸ одежды. Подобным образом они изображаются и вместе с Меркурием, не потому, что благоденствия восхваляются разумом или красноречием, но потому, что так заблагорассудилось художнику. Равно и Хрисипп, который обладает остроумием, тонким и проникающим в глубину самой истины, который говорит только ради дела и употребляет слов не больше того, сколько их надо, всю свою книгу наполнил подобными глупостями, так что весьма мало рассуждает (о самом) способе оказания, принятия и возвращения благоденствий и так, что не басни он помещает в качестве приложения к этим рассуждениям, а самые рассуждения — в качестве приложения к басням. Так Хрисипп, сверх того, о чем писал Гекатон, сообщает, что три грации доводятся дочерьми Юпитеру и Юноне, что они летами моложе Гор, но милевиднее их лицом и по сей причине даны в спутницы Венере. Равным образом он считает относящимся к делу и название их матери: Эвринома ⁹, по его мнению, названа так потому, что раздача благоденствий свойственна людям, обладающим богатым состоянием, — как будто существует обычай давать матери имя после дочерей или как будто поэты передают настоящие имена. Как номенклатор вместо памяти руководится смелостью и дает имена всем, кого и не знает, так и поэты не считают нужным говорить истину, но, будучи вынуждены необходимостью или соблазнившись красотою, — каждого заставляют называться таким именем, которое было бы приятным для стиха. И для них нет обмана, когда они что-нибудь привносят в свою запись: так как ближайший (по времени) поэт заставлял их (т. е. граций) носить свое (выдуманное им) название. Вот тебе доказательство этого: Талия, когда о ней по преимуществу идет речь, у Гесиода называется Харитою, а у Гомера — Музою.

Глава 4

Чтобы самому не делать того, что порицаю, опущу все, не относящееся к делу и не имеющее ровно никакого отношения к предмету речи. Только ты защищай нас, как скоро кто-нибудь станет упрекать нас в том, что мы заставили стать наряду с прочими Хрисиппа, человека поистине великого, но тем не менее грека, остроумие которого слишком тонко изощряется и часто обращается против него самого. Даже и в том случае, когда он, по-видимому, нечто делает (серьезно), он колет, а не пронзает.

Какого же рода красноречие необходимо в данном случае? Здесь следует говорить о благоденствиях и подвергнуть систематическому обсуждению то действие, которое служит главнейшим связующим звеном для человеческого общества. Надлежит дать

норму жизни, дабы под видом щедрости не пленяло нас необдуманное легкомыслие и дабы (с другой стороны) это самое обсуждение, умеряя, не останавливало благотворительности, которая не должна ни совершенно отсутствовать, ни впадать в излишество. Следует учить (людей) — с охотою получать, с охотою возвращать и ставить для себя важной задачей — не только сравнивать делами и душевным расположением с теми, кому они обязаны, но и превосходить их, потому что тот, на ком лежит обязанность воздать благодарность, никогда не сквитается (со своим благодетелем), если не превзойдет его. Одним следует внушать, чтобы они были чужды всяких расчетов, другим, чтобы считали за собою более долгов.

К сему-то благороднейшему состязанию, состоящему в том, чтобы благодеяния побеждать благодеяниями, и призывает нас Хрисипп при помощи таких рассуждений. По его словам, следует опасаться, как бы малым воздаянием благодарности не оскорбить святыни, ибо Хариты — дочери Юпитера, и не нанести обиды столь прекрасным девам. Ты преподай мне какое-нибудь из таких наставлений, благодаря которым я стал бы более благодетельным и более благодарным в отношении к тем, кто мне оказывает благодеяния, — благодаря которым благодетели и благодетельствованные вступали бы между собою в духовное состязание, — так чтобы оказавшие (благодеяния) забывали, а должники сохраняли живое воспоминание. Все же выдумки, о которых было говорено выше, пусть остаются на долю поэтов, назначение которых в том и состоит, чтобы услаждать слух и сплетать интересные басни. Напротив — те, кто желает врачевать умы, поддерживать доверие в отношениях людей и утверждать в душе их сознание долга, пусть говорят языком серьезным и берутся за дело с большими силами, если только не считают возможным при помощи пустых и вздорных речей и бабьих аргументов пресечь такое опаснейшее зло, как полное забвение благодеяний (*beneficiorum novas tabulas*).

Глава 5

Насколько необходимо обойти всё излишнее, настолько же необходимо доказать, что нам прежде всего надлежит исследовать, в чем состоит наш долг при получении благодеяния. Ибо один утверждает, что его долг состоит в тех деньгах, которые он получил, другой, что (его долг) состоит в свете, третий — в должности, четвертый — в управлении провинцией. Но все это — только знаки благодеяний, а не самые благодеяния. Благодеяния нельзя осязать рукою: оно заключается в душе. Существует большая разница между материею благодеяния и самим благодеянием. Посему благодеяние заключается не в золоте, не в серебре и не в каком-либо другом из предметов, слывающих весьма ценными, но в самом расположении дающего. Люди неопытные обращают внимание только на то, что бросается

в глаза, что дается и становится предметом обладания, и, напротив, мало ценят то, что на самом деле дорого и ценно. Всё, чем мы владеем, что мы видим и к чему прилепляется наша похоть, — (непрочно) преходяще; судьба или неправда могут у нас отнять это: благодеяние же продолжает пребывать и после утраты того предмета, чрез посредство которого оно было оказано. А чего никакая сила не может упразднить, то сделано надлежащим образом. Я выкупил у пиратов своего друга — его схватывает другой враг и заключает в темницу: он (в данном случае) уничтожает не благодеяние, но пользу, проистекшую от моего благодеяния. Я возвратил кому-нибудь детей, спасенных во время кораблекрушения или пожара, но их похитила болезнь или какое-нибудь случайное несчастье: и с их утратою продолжает пребывать то, что оказано чрез них. Таким образом, все, ложно усвояющее себе имя благодеяния, служит лишь вспомогательным средством, при помощи которого проявляется дружественное расположение. То же бывает и в других случаях, где различается внешний вид и самая сущность дела. Император жалует когонибудь ожерельями и венками, которые даются за вступление на стену неприятельского города (*corona murali*) или за спасение жизни гражданина (*c. civica*). Что такого ценного заключают в себе: венок, расшитая тога (*praetexta*), ликторские связки, трибунал или колесница? В них заключается не самая почеть, а только внешние знаки почестей. Подобным образом и то, что представляется нашим взорам, не само благодеяние, но лишь след и знак благодеяния.

Глава 6

Итак, что же такое благодеяние (само по себе)? Благотельное действие, которое дает радость (другим) и, давая, получает ее, действие, совершаемое с готовностью, охотно и по собственной доброй воле.

По сей причине важно не то, что делают или что дают, но то, с каким расположением духа это совершают, ибо в этом-то расположении лица, дающего или делающего, и состоит самое благодеяние, а не в том, что дают или делают. Большую разницу между тем и другим можно видеть уже из того, что благодеяние всегда остается благом, тогда как то, что делается или подается, — не благо и не зло. Дух возвышает малое, очищает нечистое и лишает цены великое и слышшее ценным; само же по себе то, к чему стремятся, не имеет никакой природы: ни доброй, ни злой; важно то направление, какое дает ему виновник действия, от которого зависит назначение предметов. Самое благодеяние состоит не в том, что составляет предмет исчисления и раздачи, подобно тому, как не в самих жертвах состоит почитание богов, хотя бы они были тучны и блестели золотом, но в благочестивом и непорочном (расположении) настроении духа молящихся. Таким образом, люди добродетельные бывают благочестивыми

даже и в том случае, когда их приношение состоит из одних зерен и похлебки, а злые, наоборот, не оставляют нечестия, хотя бы и обильно орошали кровью алтари.

Глава 7

Если бы благодеяния заключались в предметах, а не в самом расположении души того человека, который их оказывает, то они становились бы (для нас) тем важнее, чем важнее то, что мы получаем. Но это ложно: нас всегда наиболее одождает тот, кто малое дал великолепным образом, кто душою сравнился с богатством царей, кто дал немного, но охотно, кто, увидав мою бедность, забыл о своей, кто возымел не только охоту, но (даже) и горячее желание оказать мне помощь, кто счел себя облагодетельствованным, когда оказывал благодеяние, кто дал так, как бы и не думал о возвращении и, получив обратно,— как бы и не давал, кто нашел и стремился найти удобный случай для помощи.

Напротив, с неблагодарностью относятся к тому, что, как я сказал, насильно вымогается или случайно перепадает от дающего, хотя бы это казалось по содержанию и по внешнему виду великим. С гораздо большей благодарностью принимают то, что подается ласковой, чем то, что подается полной рукой. Один мне дал немного, но больше он и не мог! А другой дал и много, но зато колебался, медлил, давая, вздыхал, подал гордо, выставил это напоказ и желал угодить (вовсе) не тому, кому давал: давал он для (своего) честолюбия, а не для меня.

Глава 8

Когда многие приносили Сократу большое вознаграждение, каждый сообразно со своими средствами,— Эсхин, его бедный ученик, сказал: «Я ничего не нахожу достойного тебя, что мог бы тебе дать, и в этом одном отношении сознаю себя бедняком. Посему вручаю тебе одно, что имею: себя самого. Прошу тебя благосклонно принять этот дар, каков бы он ни был, и подумать, что ведь другие хотя и давали тебе много, но еще более оставляли себе». Сократ на это отвечал: «Разве ты не сделал мне дорогого подарка,— если только сам не ценишь себя низко? Посему я позабочусь о том, чтобы возвратить тебя самому тебе лучшим, чем взял». Этим приношением Эсхин превзошел самого Алкивиада, духовные богатства которого равнялись его материальным (богатствам), и всю щедрость богатых юношей¹⁰.

Глава 9

Видишь, как дух находит средства для благотворительности, даже находясь среди затруднительных обстоятельств? На мой взгляд, Эсхин своими словами выразил такую мысль: «Ничего ты не достигла, судьба, пожелав, чтобы я был беден: несмотря на то,

что у меня найдется наготове подарок, достойный этого мужа, и, не имея возможности принести ему что-нибудь из твоего,— я дам свое». Не думай, чтобы он ценил себя дешево: самого себя он сделал уплатою за себя же. Талантливый юноша нашел способ, как завладеть Сократом. Надо обращать внимание не на то, что именно и какой ценности дается, но на то — кем. Человек хитрый легко открывает доступ к себе людям с неумеренными желаниями и на словах ободряет смелые надежды, не имея никакого намерения помочь на деле... Но еще хуже, на мой взгляд, тот, кто с грубой речью, суровым лицом и недобрыми намерениями показывает свое богатство. Счастливица чтут и проклинают, а сами, питая ненависть к человеку, поступающему таким образом, думают делать то же, как скоро приобретут возможность...

Некоторые, обесчестив чужих жен, и притом не тайно, а открыто, своих собственных передали другим. Кто запретил своей жене выставляться напоказ в паланкине и быть носимою на виду зрителей, будучи открытой со всех сторон, того считают грубым, бесчеловечным и злонравным, а среди дам тот слывет худой партией. Кто не заявил себя никакой любовницей и не состоит в связи с чужой женой, того женщины зовут пошлым, человеком с низкими наклонностями и любовником служанок. Вследствие этого самым приличным родом супружеского сожития считается прелюбодеяние, и никто не вступал в брачное сожитие, не уведя жены у другого, после взаимного согласия на развод. Друг перед другом стараются расточать награбленное и вновь собирать расточенное с великой алчностью, не имеют ничего священного, издеваются над чужой бедностью, а своей боятся больше всякого другого зла; нарушают обидами мирное течение жизни и угнетают слабейших насилием и страхом. Неудивительно, что грабят провинции и с торгов продают продажное правосудие: ведь и варвары считают законным продавать купленное.

Глава 10

Но мы стремимся далее, так как содержание речи побуждает идти вперед. Посему скажем в заключение, что вина не должна падать на наш век. И предки наши жаловались, и мы жалуемся, да и потомки наши будут жаловаться на то, что нравы развращены, что царит зло, что люди становятся все хуже и беззаконнее. Но все эти пороки остаются теми же и будут оставаться, подвергаясь только незначительному изменению, подобно тому как море далеко разливается во время прилива, а при отливе снова возвращается в берега. Порою станут более предаваться прелюбодеяниям, чем другим порокам, и разорвет узы целомудрие, порою будут процветать безумные пиры и кулинарное искусство — позорнейшая пагуба для (отцовских) богатств. Порою будет распространен чрезмерный уход за телом и попечение о внешности, прикрывающее собою духовное безобразие. Будет

время, когда худо управляемая свобода перейдет в нахальство и дерзость. По временам станет распространяться жестокость в частных и общественных отношениях и неистовые междоусобные войны, во время которых подвергнется профанации все великое и святое. Будет время, когда войдет в честь пьянство и будет считаться достоинством пить вино в самом большом количестве. Пороки не ждут в одном месте: подвижные и разнообразные, они пребывают в смятении, подстрекают и прогоняют друг друга. Впрочем, мы всегда должны заявлять о себе одно и то же: мы злы, злыми были и, с неохотой добавлю, злыми будем. Будут убийцы, тираны, воры, злободейцы, грабители, святотатцы и предатели; ниже их всех неблагоприятный, если не признать того, что все пороки, о которых шла речь, происходят от неблагоприятной души, без которой едва ли возросло бы какое-нибудь крупное преступление. Остерегайся допускать себя до неблагоприятности как до самого тяжкого проступка и забывай ее как самый легкий, если она будет допущена (в отношении к тебе).

Вся обида ¹² ведь заключается в том, что ты потерял благодеяние ¹³. Но для тебя осталось от него самое лучшее: (именно) ты сделал подаяние. И насколько следует заботиться о том, чтобы оказывать благодеяния по преимуществу тем лицам, на благодарность со стороны которых можно надеяться, настолько же надлежит делать и оказывать некоторые (благодеяния) ¹⁴ даже тем людям, на которых будет плохая надежда, и не только в том случае, когда мы станем лишь предполагать, что они окажутся неблагоприятными, но и тогда, когда будем знать, что они таковыми были. Так, например, если я буду иметь возможность возвратить кому-нибудь сыновей, спасенных от великой опасности безо всякого риска со стороны, то не стану колебаться (над этим). Человека достойного я буду защищать даже с потерей собственной крови и стану подвергать себя опасности, а если буду иметь возможность спасти от разбойников человека недостойного, подняв крик, то не поленюсь издать спасительного для этого человека голоса.

Глава II

Следует сказать, какие благодеяния надо оказывать и каким образом. Прежде всего станем оказывать необходимые, затем — полезные, потом — приятные и, по преимуществу, такие, которые могут долго сохраняться ¹⁵. Начинать же надо с необходимых. Ибо различным образом достигает души то, что поддерживает жизнь, и то, что украшает ее или упорядочивает. Иной с пренебрежением может отнестись к тому, без чего он легко обойдется и о чем может сказать: «Возьми назад: не желаю этого; я доволен своим». Иногда бывает желание не только возвратить назад, но и бросить то, что получишь.

Из (благодеяний) необходимых иные занимают первое место, это именно те, без которых мы не можем жить; иные — второе,

это те, без которых мы не должны (жить); иные же — третьи, это те, без которых мы жить не желаем. К первому разряду относятся благодеяния следующего рода: спасти от рук врагов, от гнева тирана, от проскрипции ¹⁶ и от иных различных и разнообразных опасностей, угрожающих человеческой жизни. Чем больше и грознее будет та опасность, которую мы предотвратим (своими благодеяниями), тем более заслужим благодарности. Ибо является представление о том, от каких зол было оказано избавление, и предшествовавший страх придает цены благодеянию. Тем не менее, — с целью придать, при помощи страха, более веса своему благодеянию, — мы не должны, однако, спасать с меньшей энергией, чем на то имеем возможность. Ближайшие к благодеяниям этого рода суть те блага, без которых мы хотя и можем жить, но жить таким образом, что лучше было бы умереть. Таковы, например, свобода, целомудрие, здравый рассудок. За сим будет следовать то, что нам дорого в силу связи, крови, употребления и продолжительной привычки, как-то: дети, супруги, пенаты ¹⁷ и прочее, к чему душа наша привязалась до такой степени, что расстаться с ними для нее кажется тяжелее, чем с жизнью. Далее следуют благодеяния полезные, содержание которых разнообразно и обширно. Сюда будет относиться денежная (помощь), не очень обильная, но соразмеренная надлежащим образом, почести и содействие лицам, стремящимся к высшим должностям, ибо нет ничего полезнее, как быть полезным для самого себя ¹⁸. Прочие дары уже происходят от излишества и служат целям роскоши. В отношении к ним следует наблюдать, чтобы они были благовременны, невульгарны и притом таковы, чтобы служили предметом обладания немногих, или немногих в известное время, или если даже они недороги сами по себе, то чтобы были дороги по времени или по месту. Следует иметь в виду тот подарок, который всего более доставил бы удовольствия, который чаще был бы на глазах своего владельца, дабы сей последний столь же часто пребывал с нами (мысленно), сколько пребывает с ним. Всего более следует остерегаться, чтобы не послать в дар совершенно ненужного, как, например, женщине или старику — охотничье оружие, крестьянину — книг или человеку, преданному ученым занятиям и литературе, (рыболовных) сетей. И наоборот, следует смотреть, чтобы, желая послать приятный подарок, не предложить каждому что-либо такое, что будет обличать его недостаток, как, например, пьянице — вино, здоровому — лекарство. Ибо то, чем изобличается порок принимающего, начинает уже быть поруганием, а не даром.

Глава 12

Если выбор дара в нашей власти, то станем выбирать по преимуществу то, что может сохраняться, дабы благодеяние наше было по возможности менее преходящим. Ибо немногие чувствуют благодарность настолько, чтобы помнить о получен-

ном ими в том случае, когда сего не видят. Людям же неблагоприятным воспоминание (о благодеянии) приходит на ум вместе с самим благодеянием, тогда, когда это последнее находится пред глазами и не позволяет забыть о себе, но приводит на память и запечатлевает в ней своего виновника. И тем более нам следует выбирать такое, что может долго сохраняться, по той причине, что мы сами никогда не должны напоминать: пусть само дело пробуждает исчезающее воспоминание. Я буду охотнее дарить серебро, обращенное в вещь, чем в монету, охотнее буду дарить статуи, чем одежду и такое, что уничтожается после кратковременного употребления. У немногих сохраняется благодарность, когда нет (налицо) предмета (благодеяния); больше таких людей, у которых подаренные предметы сохраняются в памяти не долее того, чем в употреблении. Посему если это возможно, то я не желаю, чтобы мой дар пропал. Пусть он остается, пусть пребывает возле моего друга и живет вместе с ним. Нет такого глупца, которого следовало бы убеждать, чтобы он не посылал кому-нибудь радиаторов или охоты ¹⁹, после того как зрелище было уже дано, чтобы летних одежд он не посылал зимой, а зимних — летом. Пусть при благотворении руководятся здравым смыслом и принимают в соображение время, место и лица, так как иные предметы моментами бывают то приятны, то неприятны. Насколько будет приятнее получить, если мы дадим то, чего кто-либо не имеет, чем то, что у него находится в изобилии; то, чего он долго ищет и не находит, чем то, что он может увидеть везде. Пусть дары будут не столько ценны, сколько редки, изысканны и притом таковы, что нашли бы себе место даже у богача. Так, например, и простые яблоки, которые немного дней спустя могут подвергаться презрению, доставляют удовольствие, если появились раньше. Не будет также оставлено без внимания (со стороны принимающих благодеяния) и то, чего не дал им никто другой (кроме нас) или чего мы не дали никому другому.

Глава 13

Однажды коринфяне ²⁰ чрез послов поздравляли Александра Македонского — когда покоритель Востока возмнил себя выше людей — и в качестве подарка предложили ему свой город. После того как Александр осмеял этого рода подарок, один из послов сказал ему: «Мы никому другому никогда не дарили своего города, кроме тебя и Геркулеса». Тот (Александр) с охотой принял тогда предложенную ему почесть, угостив и другими способами обласкав послов, и размышлял не о тех, кто принес ему в дар город, но — о том, кому они прежде его подарили. И человек, увлекшийся славой, сущности и меры которой сам не понимал, — человек, следовавший по стопам Геркулеса и Вакха и не останавливавшийся даже там, где этих следов не было, перенес свой взор от принесших ему дар к тому, кто удостоился

подобной же почести, как будто благодаря тому, что был сравнен с Геркулесом, он уже достиг неба, которое обнимал своими весьма пустыми мыслями. В самом деле, какое сходство с оным, т. е. Гераклом, имел сумасбродный юноша, у которого вместо добродетели (*virtus*) было счастливое безрассудство. Геракл ²¹ ничего не победил для себя: он прошел вселенную для ее избавления, а не в угоду собственной страсти. Над чем одерживал победы враг злых, защитник добрых и умиротворитель суши и моря? А сей (Александр) был разбойником с детства, истребителем народов, губителем как врагов, так и друзей, считавшим за высшее благо наводить ужас на всех людей, забывая, что страх внушают не только самые отважные животные, но и самые неподвижные, благодаря своему вредоносному яду.

Глава 14

Вернемся теперь снова к своему предмету. Благодеяние, оказываемое всем без разбора, никому не бывает приятно. Никто не считает себя принимающим угощение от содержателя постоянного двора ²² или корчмы ²³ и — гостем лица, предлагающего угощение в том случае, где может быть сказано: «Что он мне этим оказал? Не то же ли самое, что и тому лицу, едва ли для него хорошо известному, и даже тому комедианту ²⁴ и презреннейшему человеку? Разве он признал меня достойным своего угощения?» Нисколько! Он (только) удовлетворил своей страсти ²⁵. Если ты желаешь сделать что-либо приятным, то сделай это редким, ибо кто согласится отнести к себе то, что всем доступно (*vulgaria*)? Пусть никто не понимает этого в том смысле, будто я препятствую благотворительности и налагаю на нее теснейшие бразды; пусть она расширяется, насколько ей угодно, но пусть идет (прямо), а не блуждает. Можно благотворить таким образом, что каждый, хотя бы и получил вместе со многими, тем не менее не станет считать себя в числе толпы. Пусть каждый получит (на свою долю) какое-нибудь заявление любезности, благодаря которому приобрел бы надежду на то, что он приближен более других. Пусть он говорит: «Я получил то же, что и вон такой-то, но получил благодаря доброжеланию (дающего); получил то же, что и тот, но — за более краткое время, тогда как последний долго этого заслуживал. Положим, есть люди, которые получили то же самое, но им дано не с такими словами и не с такой любезностью дающего. Такой-то получил, но после просьбы, а я — в то время, когда просил. Такой-то получил, но он легко может возвратить; его преклонные лета и одиночество, соединенные с невоздержным образом жизни, подавали большие надежды ²⁶, мне дано больше, — хотя и дано то же самое, — больше потому, что дано без надежды на обратное получение». Подобно тому как женщина легкого поведения делит себя между многими таким образом, что каждый имеет от нее какой-нибудь знак душевного расположения, так и желающий

сделать свои благодеяния приятными пусть подумает о том, каким образом многим сделать одолжение, но — так, однако, чтобы каждый имел нечто такое, что возвышало бы его пред прочими.

Глава 15

Я со своей стороны не ставлю препятствия благодеяниям: чем они будут многочисленнее и больше, тем более будут приносить хвалы. Тем не менее, однако, при этом следует руководиться соображением, ибо никому не может быть по сердцу то, что дано случайно и необдуманно. Посему кто думает, что мы, давая такие советы, суживаем пределы благотворительности и открываем ей менее широкие границы, тот пусть не принимает наших советов в превратном смысле. Ибо какую добродетель мы чтим более, в пользу какой добродетели более приводим доводов? И кому столь приличествует подобное увещание, как не нам ²⁷, объявляющим священным (объединение) содружество (societatem) человеческого рода? Итак, что же? Так как нет ни одной благородной способности души, хотя бы даже она получала свое начало от доброго желания, если разум не придает ей достоинства добродетели ²⁸, то я запрещаю расточать благотворения. Тогда бывает приятно получить благодеяние, и даже — с распростертыми руками, когда оно, при руководстве разума, направляется к людям достойным, а не туда, куда захочет случай и безрассудное влечение приведет его. Таким благодеянием бывает желательнее хвалиться и приписывать его себе как виновнику. Называешь ли ты благодеяниями те из них, виновника которых тебе стыдно признать? Но насколько приятнее, насколько глубже западают в душу, притом так, чтобы никогда не оставлять ее, те благодеяния, которые более доставляют удовольствия при размышлении о том, от кого, чем о том, что ты получил. Крисп Пассиен ²⁹ говаривал обыкновенно, что от одних он лучше бы желал (получить) суждение, чем благодеяние, а от других — лучше благотворение; чем суждение, и приводил следующие примеры: «от божественного Августа ³⁰, — говорил он, — я лучше желаю получить суждение, а от Клавдия ³¹ — благодеяние». Я же со своей стороны полагаю, что не следует искать благодеяния того, чье суждение не имеет цены. Итак, что же? Разве не следовало от Клавдия брать того, что он предлагал? Следовало, но так, как будто берешь от Фортуны, которая, как ты знаешь, тотчас же может сделаться в отношении к тебе неблагодарной. Посему зачем нам разделять то, что перемешано между собой? У него недостает наилучшей части — именно, что дано без размышления, то уже не благодеяние. В ином случае иногда и большие деньги, если только они даны необдуманно и не по благожеланию, будут не большим благодеянием, чем случайно найденный клад. Много есть такого, что надлежит принимать, но не быть обязанным.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1

Рассмотрим, достойнейший из мужей Либералий, остающееся доселе нерассмотренным от предшествовавшего отдела ¹, а именно: каким образом надлежит оказывать благодеяние. Мне кажется, я в состоянии указать путь наиболее удобный. Будем оказывать благодеяние так, как желали бы сами принимать его: прежде всего — охотно, скоро и без всякого колебания. Когда же, давая какой-нибудь дар, долго удерживают его в своих руках и, по видимому, с трудом с ним расстаются, а дают его так, как будто отнимают у самих себя,— благодеяние бывает неприятно. Поэтому даже в том случае, если бы пришлось почему-либо замедлить, всевозможными способами будем избегать такого вида, по которому могли бы подумать, будто мы колеблемся. Колебаться — почти то же, что отказывать, и давший с нерешительностью не заслуживает никакой благодарности. Ибо как скоро в благодеянии всего приятнее желание дающего, то заявивший самой медлительностью свое нежелание дать — собственнo и не дал, а только оказал слабое сопротивление противоположному влечению ². А таких, которых делает щедрыми слабость характера ³, немало.

Всего приятнее такие благодеяния, которые оказаны с готовностью, охотой, предупредительностью и без всякого замедления,— исключая только вызванного стыдливостью принимающего. Самое лучшее — предупреждать желание каждого, но почти так же хорошо и следовать за ним, хотя все-таки лучше предупредить просьбу, и вот почему: у человека честного смыкаются уста и краска разливается по лицу, когда ему приходится просить; поэтому избавляющий его от этой пытки тем самым умножает свой дар. Недаром получает благодеяние тот, кто получил его после просьбы, ибо, по мнению достойнейших мужей, наших предков ⁴, нет предмета дороже того, который куплен ценой просьб. Люди реже воссылали бы прошения, если бы их надобно было воссылать публично ⁵, посему даже богам, которым мы поклоняемся с величайшими почестями, и тем мы предпочитаем возносить молитвы в молчании и внутри самих себя.

Глава 2

Тяжелое, гнетущее это слово «прошу», с поникшим лицом надобно бывает его выговаривать. От него должно избавлять своего друга, а также всякого, кого ты чрез благодеяние намереваешься сделать другом ⁶. Надобно спешить: поздно оказал благодеяние тот, кто оказал его просящему. Посему следует предупреждать желание каждого и, угадав его, избавлять от весьма тягостной необходимости просить: ведь только то благодеяние произведет приятное и продолжительное впечатление на душу,

которое предупреждает (желание и просьбу). Если же нам не представляется случая предупредить (желание другого), то по крайней мере постараемся не допустить просителя до многословия, чтобы не показаться упрощенными, но как только мы уведомлены (о нужде другого), немедленно же дадим обещание и самой поспешностью докажем, что мы готовы исполнить желание даже прежде, чем нас к тому побудят. Подобно тому как для больных бывает спасительна благовременность пищи и вовремя поданная вода заменяет место лекарства, так и благодеяние, как бы незначительно и обычно ни было, но если оно сделано с готовностью, если не пропущено ни одного ближайшего часа, много выигрывает в достоинстве и превосходит заслугу благодеяния ценного, но неспешно оказанного и долгое время подвергавшегося обсуждению. Кто оказал благодеяние с такой готовностью, тот, без сомнения, оказал его по охоте. Поэтому он оказывает благодеяние с радостью и таким образом принимает на себя вид, вполне соответствующий его душевному настроению.

Глава 3

Бывали случаи, когда молчание или неразговорчивость, походившая на суровость и огорчение, вредили и великим благодеяниям некоторых лиц,— так как они, давая обещание, имели такой вид, как будто отказывали. Насколько лучше к добрым делам присоединять добрые слова и сопровождать оказываемое благодеяние любезной и благосклонной беседой с просителем? А чтобы он даже пожалел, что так поздно обратился с просьбой, можно прибавить любезный выговор: «Я, мол, сержусь на тебя за то, что ты, имея кое в чем нужду, ни разу не пожелал меня уведомить об этом,— за то, что ты так усиленно просил, за то, что ты обратился к кому-то помимо меня. Но я радуюсь тому, что тебе пришла охота испытать мою душу; на будущее время все, в чем бы у тебя ни была нужда, требуй от меня по праву. А теперь на первый раз твоя неделикатность прощается». Поступая так, ты заставишь просителя ценить твое расположение больше, чем все то, что он пришел у тебя просить. В самом деле, величайшая добродетель и радушие благотворителя обнаруживаются в том случае, когда ушедший от него будет говорить про себя: «Я сделал сегодня великое приобретение. Более же всего мне нравится то, что я встретил такого благотворителя; для меня это лучше, чем если бы этот дар достался мне и в больших размерах, но при других обстоятельствах. Я никогда не воздам достойной благодарности за такое его расположение».

Глава 4

Однако большинство составляют такие люди, которые вызывают ненависть к своим благодеяниям, так как они сопровождают их грубыми словами и надменным видом; они употребляют

такую речь и обнаруживают такую гордость, что, обратившись к ним с просьбой, после раскаяешься. Затем после того, как благодеяние обещано, следуют другие препятствия. А ничего нет прискорбнее, как просить даже то, что ты уже выпросил. Благодеяния следует оказывать немедленно: от иных же труднее бывает их получить, чем выпросить. Одного надобно бывает упрашивать, чтобы он (им) напоминал, другого, чтобы довершил⁷. Таким образом, один и тот же дар проходит чрез руки многих; благодаря чему — всего менее благодарности остается на долю того, кто обещал; потому что у виновника благодеяния, к которому всецело должна бы относиться благодарность, ее похищает всякий, кого надобно бывает просить после него. Поэтому, если хочешь, чтобы твои дары были оценены с благодарностью, заботься о том, чтобы они целыми и невредимыми дошли до тех, кому они обещаны,— безо всякого, как говорят, ущерба. Пусть никто не перехватывает их, никто не задерживает: потому что всякий, кто при посредстве твоих подарков приобретает себе благодарность, тем самым уменьшает благодарность, предназначенную тебе.

Глава 5

Ничего нет прискорбнее, как долгое время оставаться в неизвестности. Некоторые с большим равнодушием переносят окончательное пресечение надежды, чем отсрочку ее исполнения. Многим также свойствен порок раздавать обещания, руководясь низким честолюбием, дабы не убавлялась толпа просителей. Такого рода людьми бывают могущественные царедворцы, которые находят удовольствие в продолжительном созерцании собственного величия; они полагают, что будут обладать меньшим могуществом, если не станут пред каждым в отдельности долго и много показывать того, что они в состоянии сделать. Они ничего не делают немедленно и зараз. Их гнев стремителен, благодеяние же вяло. Ввиду этого считай вполне справедливым изречение известного комика:

«Что же? ужели не понимаешь, что ты настолько отнимаешь у себя благодарности, насколько увеличиваешь промедление?» Отсюда и следующие слова, вызываемые искренней скорбью: «Если что хочешь делать — делай, а если нет, то уж лучше откажи мне»⁸. Когда душа, доведенная до тоски, уже во время ожидания начинает ненавидеть благодеяние, то может ли она быть за него благодарной? Подобно тому как самая свирепая жестокость — та, которая длит мучение, и скорое умерщвление есть некоторого рода милосердие⁹, ибо высшая степень мучения приносит и конец его, а предшествовавшее время является важнейшей частью грядущего наказания, так и благодарность за благодеяние бывает тем больше, чем менее оно задерживалось. Для людей же, доведенных до возбужденного состояния, бывает тягостным ожидание даже хорошего. И так как весьма многие

благодеевния служат как бы лекарством в известных случаях, то опаздывающий с помощью и таким образом или допускающий более долгое время мучиться тому, кого он мог бы выручить немедленно, или доставляющий радость слишком поздно тем самым налагает руки на собственное благодеяние. Всякое доброе расположение поспешно выражается в действии, и действовать скоро свойственно тому, кто поступает по доброму желанию. Кто же оказывал помощь медленно, откладывая со дня на день, тот поступал не от души. Таким образом, он и потерял время и не доказал своей дружбы. Позднее желание является у того, кто не имеет охоты.

Глава 6

Во всяком деле, Либералий, весьма немаловажная вещь самый способ говорить и действовать. Много выиграно быстротой, и многое потеряно медлительностью. Так — во всех металлических копьях сила железа одинакова: но чрезвычайно важное различие (в силе удара) зависит от того, бросается ли копьё сильной или слабой рукой. Один и тот же меч и едва задевает, и пронзает насквозь: все дело в том, сколь сильно бывает напряжение руки, им управляющей. Дается одно и то же: но различие в том, каким образом дается. Как приятно, как дорого бывает, если оказавший благодеяние не допустил принести ему благодарности, если он, давая, уже забыл о том, что дал! Ведь было бы безумием оскорблять того, кому оказываешь какую-нибудь весьма важную услугу, и присоединять к благодеяниям обиду. Посему не следует затруднять благодеяний и примешивать к ним какое-нибудь огорчение. Даже если будет что-нибудь такое, о чем бы ты хотел напомнить, для этого следует выбрать другое время.

Глава 7

Фабий Верукоз ¹⁰ благодеяние, с грубостью оказанное суровым человеком, сравнивал с черствым, как камень, хлебом, который принять человеку голодающему бывает необходимо, но есть тяжело! Когда претор Непот Марий упросил Тиберия кесаря помочь в уплате долга, последний приказал ему сообщить себе имена кредиторов; это значило не дарить, но созывать кредиторов. Когда имена были объявлены, он написал, что по его приказанию Непот освобождается от долгов,— дав при этом Непоту оскорбительный выговор, он сделал так, что Непот хотя не имел больше долгов, но не получил и благодеяния: он освободил его от кредиторов, но ничем не обязал по отношению к себе. Тиберий, конечно, преследовал какую-нибудь цель: мне думается, он хотел, чтобы никто более не обращался к нему с подобными просьбами. Быть может, это и могло служить действительным средством подавить стыдом бесчестные желания людей: но тем не менее благодетель должен следовать совершенно другому

пути. Надобно всячески усладить то, что даешь, дабы приятнее было получить; поступать же вышеприведенным образом — значит делать не благодеяние, а обличение.

Глава 8

При переходе от этой части рассуждения к другой выскажу свою мысль: не совсем прилично и государю дарить для того только, чтобы обесчестить. Однако и таким образом Тиберий не мог избавиться от беспокойства, которого избегал. Ибо спустя несколько времени, когда нашлись люди, обратившиеся с подобной же просьбой, он им всем приказал представить в Сенат отчет об их долгах и только после этого отпустил (им) известные суммы. Это не благодеяние, а суд. Это не помощь, а царская милостыня. То не благодеяние, о чем нельзя вспомнить без краски стыда. Я был отправлен к судье: чтобы выпросить помощь, я вел судебный процесс.

Глава 9

Все мудрецы учат, что некоторые благодеяния следует делать открыто, а другие тайно. Открыто те, принятие которых доставляет славу, как, например, военные награды, почетные должности и все то, что благодаря известности становится более привлекательным. Напротив, то, что не возвышает, не ведет к почестям, но служит пособием в немощи, нужде, бесславии, следует давать тайно, так, чтобы известно было только тем, кому помогают.

Глава 10

Иногда надобно бывает обманывать даже тех, кому оказывается помощь, так чтобы они принимали, не зная, от кого. Рассказывают, что Аркесилай¹¹, решив тайным образом помочь бедному, но скрывавшему свою бедность другу, находившемуся в болезни и не признававшемуся даже в том, что у него недоставало средств на необходимые потребности, — без его ведома положил ему под подушку кошелек, дабы человек, обнаруживший бесполезную стыдливость, лучше нашел, чем получил, то, в чем имел нужду. «Что же отсюда следует? он не будет знать, от кого получил?» Пусть его сначала не знает, — если этот мой дар есть только часть доброго дела, впоследствии я буду давать и делать много других благодеяний, по которым он угадает и виновника первого. Да, наконец, пускай он и не знает, что получил (от меня): я буду знать, что дал. Ты скажешь: этого мало. Мало, если думаешь быть ростовщиком, но если станешь давать с тем, чтобы (твой дар) принес как можно более пользы принимающему его, то будешь довольствоваться своим собственным сознанием. Иногда доставляет удовольствие не самое

благодеение, но то, чтобы казаться сделавшим благодеение. «Я хочу,— говоришь ты,— чтобы он знал». Но в таком случае ты ищешь (себе) должника. «Все-таки хочу, чтобы он знал». А что, если для него полезнее, приличнее и приятнее — не знать? Не переменишь ли ты, в таком случае, своего решения? «Хочу, чтобы он знал!» Итак, ты не оставишь человека в неведении? Не отрицаю того, что, насколько позволяют обстоятельства, можно радоваться при виде удовольствия получившего. Но если он имеет нужду в помощи и вместе с тем стыдится этого, если наш дар наносит ему обиду, когда не отдается в тайне, то я не обнародую своего благодеения. А почему? Я не пожелаю открыть своего благодеения по той причине, что (это) одно из первых и наиболее важных правил: никогда не попрекать, даже никогда не напоминать. Ибо закон благодеения, соединяющего два лица, состоит в следующем: один должен тотчас забыть об оказанном, другой никогда не забывать о полученном (благодеении).

Глава 11

Частое напоминание об услугах терзает и угнетает душу. В подобных случаях так и хочется воскликнуть то, что воскликнул один человек, спасенный кем-то из друзей кесаря от проскрипции триумвиров¹², когда не был в состоянии выносить надменного обращения своего избавителя. «Выдай меня кесарю. Долго ли ты будешь говорить: «Я спас тебя, я отнял тебя у смерти»? Если я сам по себе вспоминаю об этом избавлении, то оно кажется мне жизнью, если же ты вызываешь у меня это воспоминание,— смертью! Я ничем не обязан тебе, если ты спас меня с той целью, чтобы иметь человека, на которого можно было бы указывать. Долго ли тебе выставлять меня напоказ, долго ли ты не дашь мне забыть о своей участи? Ведь раз меня уже вели в триумфальном шествии!» Не следует говорить о том, что мы дали: кто напоминает, тот требует назад. Не следует твердить об одном и том же, не следует вызывать воспоминания, разве только в том случае, когда, давая новый дар, ты этим самым напомнишь о прежнем. Мы не должны рассказывать даже посторонним. Кто оказал благодеение, пусть молчит, а кто получил, тот пусть говорит (о нем). Ибо (в противном случае) будут говорить то же, что было сказано одному лицу, всюду хвалившемуся своим благодеением: «Ты не станешь отрицать того, что получил свое обратно». И на вопрос: «Когда?» — в ответ было сказано: «Да часто и во многих местах: то есть столько раз и всюду, где бы ты ни рассказывал о своем благодеении». Зачем говорить? Зачем восхищаться чужую обязанность? Ведь есть человек, который с большей честью мог бы это сделать,— притом, когда он будет рассказывать, и то будут хвалить, о чем ты сам не рассказываешь. Ты считаешь меня неблагодарным, если полагаешь, что в том случае, когда сам ты будешь молчать, никто

и не узнает (о твоём поступке)». Похвалбы своими благодеяниями должно избегать до такой степени, что даже и тогда, когда кто-нибудь посторонний будет рассказывать о твоём благодеянии в твоём присутствии, то тебе следует так отвечать: «Он, правда, весьма достоин больших даров, но я, сознаюсь, до сих пор более желал сделать ему добро, чем в действительности сделал». И эти слова должны быть сказаны бескорыстно. Они не должны быть тем искусственным приемом, когда отклоняют от себя что-нибудь такое, что скорее желают приписать себе. Затем при всем этом должно оказывать всевозможную любовь. Земледелец потеряет то, что он посеял,— если, бросив семя в землю, он в то же время бросил и труды свои. Только при большом уходе посев доводится до жатвы, и ничто не приносит плода, к чему от начала до конца не прилагается одинакового ухода: то же условие имеет силу и в благодеяниях. Может ли быть что-нибудь больше того, что родители доставляют детям? Однако и их дары оказываются бесполезными, если ограничиваются только детством, если не будут поддерживаться долговременной заботливостью родителей. Этим же условием связаны и остальные благодеяния: если не будешь прилагать к ним ухода, то потеряешь их. Недостаточно оказать их, надо за ними ухаживать. Если хочешь, чтобы к тебе с благодарностью относились те, кому ты делаешь одолжение, то надобно не только оказывать благодеяния, но и любить. Главным же образом, как я сказал, будем щадить слух. Напоминание вызывает огорчение, а попрек — ненависть. Ничего так не надобно избегать при благодеяниях, как надменного обращения. К чему этот надменный вид, к чему эти напыщенные речи? Тебя возвышает самое дело. Надобно устранять пустое хвастовство: пусть говорят дела, а мы станем молчать. Благодеяние, оказанное с надменностью,— не только неприятно, но и ненавистно.

Глава 12

Кесарь Калигула подарил жизнь Помпею Пенну¹³, если можно так сказать про того, кто только не отнимает; и затем, после освобождения, когда тот благодарил его, протянул для поцелуя левую ногу. Те, которые оправдывают этот поступок и утверждают, что он был сделан не по высокомерию, говорят, что Гай имел желание показать позлащенный, или, вернее, золотой, башмак, изукрашенный жемчугом. Итак, продолжают они, что же, в самом деле, унижительного, если бывший консул, не находя для поцелуя более чистого места на всем теле, поцеловал золото и жемчуг? Человек, рожденный на то, чтобы обычаи свободного государства заменить персидским деспотизмом, не придавал значения тому, что престарелый сенатор, несмотря на свои заслуги, на виду сенаторов умолял его, повергшись таким образом, как повергались побежденные неприятели пред своими врагами: он ниже колен нашел нечто такое, чем мог попить достоинство

свободного человека. Не значит ли это попирать государство — и притом (как заметит иной, ибо и это может относиться к делу) попирать левой ногой? Еще было бы небольшим проявлением постыдной и наглой надменности со стороны императора — в легкой обуви ¹⁴ слушать уголовный процесс бывшего консула, если бы он не поднес своей подошвы к лицу сенатора.

Глава 13

Какое бессмысленнейшее зло — гордость большим богатством! Как приятно ничего от тебя (гордец) не получать! Как ты умеешь обращать всякое благодеяние в обиду. Тебе доставляет удовольствие всякое излишество! Все обращается к твоему позору! Чем выше ты превозносишься, тем ты ничтожнее и только показываешь, что тебе не дано разуметь те блага, которыми ты столько гордишься. Все, что ты даешь, ты сам же разрушаешь. Поэтому хотелось бы спросить: что внушает тебе такую гордость? что искажает твое лицо и внешний вид до такой степени, что ты, можно подумать, скорее предпочитаешь носить маску, чем иметь свой естественный вид? Благодеяние приятно в том случае, когда оно оказывается с любезным и, по крайней мере, спокойным и кротким видом; если же его оказал человек высший меня, то в том случае, когда он не возносился предо мною, но был по возможности благосклонным, снизошел до равенства и устранил от своего благодеяния всякую торжественность, если он выбрал удобное время, стараясь о том, чтобы помощь явилась скорее в удобный, чем в затруднительный момент. Словом, убедить надменных людей, чтобы они не уничтожали своих благодеяний своею гордостью, — это значит показать им, что их благодеяния не оказываются на самом деле большими потому только, что даны с большим шумом, — и что даже сами они не могут от этого выиграть, и что надменная важность есть важность пустая и притом подвергает ненависти то, что надбно любить.

Глава 14

Некоторые предметы могут принести вред тем, которые их выпрашивают. Не дать, но отказать в них — вот что будет благодеянием в таких случаях. Поэтому будем обращать внимание скорее на пользу, которую подарок может принести просителю, чем на желание этого последнего. Ибо часто мы желаем вредного и при этом даже не можем понять, насколько вредного, так как возбуждение препятствует здравому суждению. Но как скоро страсть утихла, как скоро успокоился пылкий порыв души, благодаря которому она избегала всяких советов, мы проклинаем пагубных виновников зловредных даров. Подобно тому как больным мы не даем холодной воды, находящимся в печали и раздраженным против самих себя — железа и влюбленным

не даем ничего такого, что разгоряченная страсть стремится употребить во вред себе,— так точно будем упорно отказывать людям, настойчиво и униженно, а иногда даже жалобно просящим,— во всем том, что может принести им вред. Надобно обращать внимание не только на начало, но и на исход своих благодеяний и давать то, что доставляет удовольствие не только в самый момент получения, но и после него. Много таких, которые могут сказать: «Знаю, что это ему не в пользу, но что же делать? Он просит, а я не в состоянии противиться его мольбам. Пусть смотрит и жалуется на себя, а не на меня». Это ложь: напротив, он будет жаловаться на тебя, и притом заслуженно; а когда придет в здравый ум, когда прекратится припадок, воспламенивший его душу, не возненавидит ли он того, кто оказал ему помощь к его же вреду и опасности?

Уступать мольбам тех, кто просит себе на погибель,— пагубная доброта. Спасение людей даже против их желания и воли будет настолько же благороднейшим подвигом, насколько заслуживающим отвращение потворством и позором давать просящим то, что для них вредно. Станем делать такие благодеяния, которые при употреблении будут возбуждать все более и более удовольствия и никогда не обратятся ко вреду. Я не дам денег, если знаю, что они предназначаются для уплаты развратной женщине, чтобы не оказаться сообщником позорного действия или намерения. Если буду в состоянии, то отговорю; в противном же случае не стану, по крайней мере, оказывать помощи пороку. Если гнев заведет его, куда не должно, или воспламененное честолюбие отклонит от безопасного пути,— я не позволю просить у меня помощи на какое-нибудь злое дело,— не допущу того, чтобы он когда-нибудь сказал (про меня): «Своей любовью он погубил меня». Часто не бывает никакого различия между дарами друзей и кознями врагов. Последние желают нам всякого зла; к тому же самому побуждает и настраивает и первых их несвоевременное снисхождение. А что может быть ужаснее хотя и весьма часто встречающегося явления, именно: совершенного отсутствия различия между ненавистью и благодеянием.

Глава 15

Никогда не станем давать того, что может обратиться к нашему бесчестию. Так как главное свойство дружбы состоит в том, чтобы уравнивать с собою друга, то следует заботиться вместе о нем и о себе. Я дам нуждающемуся, но так, чтобы не нуждаться самому; я прибегну на помощь к человеку, подвергающемуся опасности, но так, чтобы самому не погибнуть,— исключая того случая, когда мне придет желание принести себя в жертву за великого человека или великое дело. Я не сделаю такого благодеяния, искать которого было бы для меня позором; не преувеличу малого, но и не потерплю того, чтобы великое было принято за малое. В самом деле, если лишается правда на благодарность тот,

кто высчитывает поданное им, то, с другой стороны, кто объявляет, сколько дает, тот этим самым только придает более цены своему дару, а не попрекает им. Каждому должно обращать внимание на свои способности и силы ¹⁵, дабы не делать больше или меньше того, сколько для него возможно. Следует принимать в соображение лицо, которому даем, ибо одно (благодетельное) бывает ничтожно в сравнении с тем, что должно исходить от людей высокопоставленных, а другое — слишком велико для того, кто принимает. Посему сопоставляй личность того и другого и соображай с ними то, что станешь давать: не будет ли оно обременительно или слишком ничтожно для дающего и, с другой стороны, не отнесется ли с презрением или даже не откажется ли от принятия тот, кто думает принять.

Глава 16

Александр Великий, человек сумасбродный ¹⁶ и не замышлявший ничего такого, что не казалось бы грандиозным, предложил кому-то в подарок город. Когда тот, кому было сделано это предложение, — соразмерив с ним самого себя, — испугался зависти к такому дару и говорил, что ему неприлично такое богатство, Александр отвечал: «Я ищу не того, что прилично тебе принять, но того, что мне прилично дать». Речь эта, по-видимому, великодушная и достойная царя, на самом деле — в высшей степени безрассудна, потому что ничего само по себе не бывает для кого-либо неприличным. Важно то, что именно дается, кому, когда, по какому поводу, где и прочее; без чего (это) действие не будет иметь разумного основания. Надменнейшее животное! Если тому было неприлично это получить, то и тебе неприлично — давать! Следует принимать в соображение степени лиц и достоинств, и коль скоро всюду свойством добродетели бывает умеренность, то одинаковая погрешность допускается как в том случае, когда эта мера преступается, так и в том, когда ее не выполняют. Положим, для тебя такое поведение возможно и судьба настолько превознесла тебя, что дары твои — города ¹⁷, но насколько великодушнее было их не брать, чем расточать? Есть, впрочем, некто, кому еще менее прилично принимать в лоно свое города.

Глава 17

Один циник попросил у Антигона ¹⁸ талант, Антигон отвечал, что талант больше того, сколько следует просить цинику. Получив отказ, последний попросил динарий. Антигон ответил, что это меньше того, сколько прилично дать царю. Подобная уловка в высшей степени неблагоприятна. Антигон нашел средство не давать ни того, ни другого: по поводу динария он принял в соображение царское достоинство, по поводу таланта — звание циника, — тогда как мог дать и динарий, как цинику, и талант, как

царь. Если бы даже и было что-либо более того, сколько можно принять цинику, то ничего нет до такой степени ничтожного, что бы позорно было дать для человеколюбивого царя. Если ты спрашиваешь моего мнения, то я соглашаюсь (в данном случае) с Антигоном: нетерпимая вещь, когда просят денег, презирая их ¹⁹. Ты заявил ненависть к деньгам, ты открыто высказал это; ты надел эту личину — так и носи ее. Весьма дурно — искать денег, похваляясь бедностью. Таким образом, каждому следует обращать столько же внимания на свою собственную личность, сколько и на личность того, кому хочешь помочь. Я желаю воспользоваться сравнением, которое заимствовано нашим Хрисиппом от игры в мяч ²⁰. Мяч падает, без сомнения, благодаря промаху того, кто его бросает, или того, кто ловит. Он тогда сохраняет свое верное направление, когда вращается в руках таких игроков, из которых и тот и другой ловко его бросает и подхватывает, — необходимо, чтобы хороший игрок иначе бросал мяч к противнику, когда тот стоит вблизи, чем в том случае, когда последний находится далеко. Точно такое же условие наблюдается и в благодеяниях. Если оно не сообразуется с тем и другим лицом, т. е. и с дающим, и с принимающим, то в таком случае исходит от одного и достигает другого не так, как должно. Когда приходится иметь дело с человеком испытанным и наученным опытом, то мы станем бросать мяч смелее, потому что, куда бы он ни направился, его отобьет искусная и ловкая рука. Если же приходится иметь дело с новичком и человеком неловким, то бросаем мяч не так смело и сильно: такому противнику мы станем возвращать его медленнее, осторожно направляя (мяч) в самую его руку. То же самое нужно делать и относительно благодеяний. Некоторым надобно давать наставления, учить их и удовлетворяться тем, когда с их стороны заметно старание, смелость и охота. Во многих мы поселяем неблагодарность и поддерживаем ее существование, как будто наши благодеяния бывают велики только в том случае, когда за них нельзя отблагодарить. Подобным образом коварные игроки имеют обыкновение проводить своего соперника, конечно, в ущерб самой игре, которая может продолжаться только при взаимном согласии. Есть много людей с таким дурным характером, что лучше желают потерять сделанное ими (благодеяние), чем показаться получающими обратно; это гордецы и люди, желающие, чтобы им оставались должны. Насколько лучше, насколько человечнее поступать таким образом, чтобы и на долю того лица, которое нам обязано, оставалось участие (в благодеянии); (насколько лучше и человечнее) способствовать тому, чтобы оно получило возможность воздать нам благодарность; (насколько лучше и человечнее) все принимать благосклонно и к приносящему благодарность относиться таким образом, как будто он возвращает долг, и быть любезным, чтобы даже то лицо, которое нами одолжено, почувствовало желание уплатить свой долг. Оказывать дурной прием свойственно ростовщику, когда он

сурово требует (свою ссуду) или медлит получкой, (нарочно) затрудняя ее и подыскивая предлог к отсрочке; благодеяние же, насколько следует принимать, когда его возвращают, настолько же не следует вымогать силой. Всех лучше тот, кто, легко дав, никогда не вымогал и радовался, когда ему возвращали; кто благодушно забывая, что дал, получал обратно с таким расположением, как будто ему самому (давали дар) делали благодеяние.

Глава 18

Иные не только дают, но и принимают благодеяние с гордостью,— чего не следует допускать. Нам, таким образом, следует перейти к другой части (нашего сочинения) с целью рассуждать о том, как люди должны вести себя при получении благодеяний²¹. Какова бы ни была обязанность в отношении одного лица к другому, она одинаково много требует от обоих. Рассмотрев, каковым надлежит быть отцу, ты узнаешь, что не меньше остается труда рассмотреть, каковым надлежит быть сыну. Одна часть дома относится к мужу, но не меньшая и к жене. Эти (обязанности) предъявляют (одинаковые) требования к обеим сторонам и требуют (выполнения) одинакового (для них) правила, что, по словам Гекатона, нелегко. Ибо все благородное и даже то, что приближается к благородному, относится к разряду с трудом достижимого, так как надлежит, чтобы оно не только выполнялось, но выполнялось согласно с разумом, под руководством которого нам следует проходить всю жизнь; по его совету должно быть совершаемо и великое и малое и оказывать благодеяния поэтому должно таким образом, как он внушит нам. Разум же, прежде всего, внушает нам, что не следует принимать благодеяний ото всех. От кого же принимать? Говоря коротко, от тех, кому мы сами желали бы их оказать. Ибо еще с большей разборчивостью надобно выбирать человека, которому можно было бы одолжиться, чем того, кому — дать, потому что, не говоря уже о многих других неудобствах (а их много), великое мученье — быть обязанным, кому не желаешь. Напротив, весьма приятно получить благодеяние от того, кого можно любить даже после обиды (с его стороны), благодаря чему дружба, приятная и в других случаях, по праву становится и заслуженной. Человеку же скромному и честному в высшей степени бывает тяжело, когда приходится любить лицо, для него неприятное. Считаю необходимым напомнить, что я (в данном случае) говорю не о мудрецах, которым бывает приятно все то, чего требует долг, которые владеют своею душой, которые сами себе предписывают закон, какой хотят, и какой предпишут, тот и выполняют; я говорю о людях несовершеннолетних, которые желают поступать благородно, но которым страсти их с трудом повинуются. Итак, надобно выбирать,— от кого можно (принять) благодеяние. И притом — в благодеяниях —

кредитора следует выбирать с большей тщательностью, чем в деньгах. Ибо в последнем случае надобно возвратить лишь столько, сколько принято, а как скоро я возвратил,— то уже рассчитался и свободен (от долга). Для уплаты в первом случае требуется более. Даже воздав благодарность, мы тем не менее остаемся обязаны своему благодетелю, потому что, по возвращении долга, нам следует начинать (уплату) снова. И дружба требует — не иметь дела с человеком недостойным. В том именно и заключается священнейшее право благодетельный, из которого проистекает дружба. «Не всегда, говорят, можно сказать: не хочу; иногда надобно бывает принимать благодетельное против воли. Положим (благодетельное) оказывает тиран — жестокий и гневный, который может счесть за оскорбление — презрительное отношение к своему дару. Можно ли не принимать? На одну доску поставь как разбойника и пирата, так и царя, имеющего душу разбойника и пирата. Что же надобно делать? Ведь такой человек почти недостойн того, чтобы ему быть обязанным!» Когда я говорю, что надобно выбирать человека, которому можно быть обязанным, то при этом исключаю насилие и страх: как скоро присоединяются эти последние,— возможность выбора уничтожается. Если ты обладаешь свободой, если выбор находится в твоей власти, то сам решишь, чего ты желаешь и чего — нет. Когда же необходимость уничтожает свободу, то знай, что ты не принимаешь (по доброй воле), но повинешься. Никто не принимает на себя никаких обязательств, как скоро принимает то, от чего ему нельзя было отказаться. Если хочешь знать, желаю ли я (принять твое благодетельное), то сделай так, чтобы мне можно было не желать. «Однако, скажут, он дал тебе жизнь!»²² Неважно, что дается, если дается не по взаимному желанию (дающего и принимающего). Если ты спас меня, то это еще не значит, что по этому самому ты мой спаситель. Яд иногда служит лекарством, но посему еще не причисляется к веществам здоровым. Иное хотя и приносит пользу, но не налагает обязательства.

Глава 19

Некто, пришедши убить тирана, (вместо того) раскрыл мечом нарыв на его теле. Но тиран не возблагодарил этого человека за то, что тот, желая нанести вред, исцелил болезнь, от лечения которой со страхом отступились руки врачей. Ты видишь, что нет большей важности в самом предмете благодетельного, потому что принесший пользу с намерением принести вред никому не представляется оказавшим благодетельное. Благодетельное здесь надобно приписать случаю, а обиду — человеку.

Мы видели в амфитеатре льва, который, узнав в одном из гладиаторов (так называемых бестиариев) своего бывшего хозяина, защитил его от нападения зверей²³. Что же — надобно ли считать благодетельным эту помощь зверя? Без сомнения, нет,

потому что он не имел «воли» — сделать благодеяние и сделал это не с тем расположением, в каком бывает душа человека, оказывающего благодеяние. На место льва — поставь тирана. И тот и другой даруют жизнь, но ни тот, ни другой не делают благодеяния, ибо то не благодеяние, когда принимают (его по необходимости), то не благодеяние, когда бываешь обязанным тому, кому не хочешь. Сперва надобно мне предоставить свободу, а потом оказать и благодеяние.

Глава 20

Обыкновенно спорят относительно Марка Брута ²⁴: следовало ли принимать ему жизнь от Августа Юлия (Цезаря), после того как он замыслил умертвить последнего? Какими побуждениями Брут руководствовался при этом убийстве, это мы рассмотрим в другом месте. Мне же представляется, что этот муж, великий во (всех) других отношениях, в данном случае впал в сильнейшее заблуждение и поступил несогласно с учением стоиков или вследствие того, что испугался имени царя, — тогда как под управлением справедливого царя государство пользуется наилучшим состоянием; или вследствие того, что надеялся на возможность существования свободы при таком положении вещей, когда столь дорогой ценой вознаграждалось как управление, так и прислуживание; или вследствие того, что считал возможным возвращение государства к прежнему состоянию, после того как уже были утрачены древние нравы, (считал возможным) сохранение равенства гражданских прав и устойчивости законов, после того как уже видел столько тысяч людей, сражавшихся не из-за вопроса о том, быть ли рабами или нет, а из-за вопроса лишь о том, кому быть рабами? Какое же забвение природы вещей и своего государства овладело им, если он поверил, что после гибели одного не найдется другого, который пожелал бы того же самого, тогда как нашелся Тарквиний после гибели стольких царей от меча и перунов? ²⁵ Но он должен был получить жизнь (от Цезаря), не будучи, однако, обязан считать отцом того, кто насильем достиг права делать благодеяния. Ибо тот еще не спас, кто только не умертвил, и не благодеяние даровал он, а только освобождение (от смерти).

Глава 21

С большим правом может быть подвергнут некоторому обсуждению вопрос о том, что следует делать узнику в том случае, когда ему обещает плату за выкуп человек, развращенный телом и неприличный на язык. Допущу ли, чтобы меня спас человек непристойный? И потом, спасенный им, чем я отблагодарю его? Стану ли жить с человеком развратным? Могу ли отказаться от сожителства со своим избавителем? Выскажу свое мнение. От какого угодно человека, даже человека и с таким нравом, я приму

деньги, которыми и выкуплю свою жизнь, но приму это как заем, а не как благодеяние. Я возвращу ему деньги и, если представится случай спасти его от опасности, спасу, но не снизойду до дружбы (с ним), которая соединяет только людей подобных; я стану считать его не избавителем, а работодателем и буду знать, что ему следует возратить то, что я от него получил. Может найтись человек достойный того, чтобы от него принять благодеяние, но благодеяние это может принести ему вред. Я не приму от него, не приму потому, что он готов помочь мне с ущербом или даже с опасностью для самого себя. Он намерен защищать мой процесс, но благодаря такому покровительству можно приобрести себе врага в лице *тирана* ²⁶. Я оказался бы (в отношении к нему) недругом, если бы, при выражении с его стороны желания подвергнуться из-за меня опасности, не стал бы стараться сам, без его помощи, выйти из своей опасности, что для меня было бы делом более легким. Гекатон приводит следующий нелепый и недобуданный пример. Он указывает на Аркесилая, который, по его словам, не принял денег, предложенных ему сыном одного домохозяина (*filius familias*), не принял, дабы тот не оскорбил этим своего скупого отца. Что же Аркесилай сделал достойного похвалы? Что не принял краденого? Что предпочел лучше вовсе не принимать, чем возратить обратно? Какая, в самом деле, скромность отказаться от принятия чужой собственности? Если же нужно привести в пример человека с великой душой, то воспользуемся примером Юлия Грецина ²⁷, мужа достойного, которого кесарь Калигула умертвил за одно то, что тот был человеком более достойным, чем кто-либо мог быть таковым в интересах тирана. Приняв деньги, собранные его друзьями для издержки на зрелища, он не принял значительной суммы, присланной ему от Фабия Персия. Когда люди, обращающие внимание не на предлагающих, а на предлагаемое, укоряли его за то, что он отказался от этого подарка, Юлий ответил: «Приму ли я благодеяние от человека, от которого не могу принять заздранного тоста». И когда консуляр Ребий, пользовавшийся столь же дурной славой, прислал ему еще большую сумму и убеждал принять ее, он ответил: «Прошу извинить меня, ибо я не принял и от Персия». Видя такую разборчивость, недоумеваешь, о приеме даров или о выборе сенаторов здесь идет дело!

Глава 22

Когда мы решили принять благодеяние, то будем стараться быть веселыми, явно обнаруживая радость, и это должно быть очевидным для дающего, дабы он получал плод своих благодеяний в тот самый момент, когда давал. Ибо законна причина радости видеть своего друга радостным, но еще более законна — сделать его таким. Станем высказывать, не скрывая своих чувств, что благодеяние принято нами с благодарностью, и будем свидетельствовать об этом не только тогда, когда слушает сам

благотворитель, но и повсюду. Кто принял благодеяние с благодарностью, тот этим самым уплатил уже первое вознаграждение за него.

Глава 23

Бывают люди, которые не желают принимать иначе как только тайно; они избегают всякого свидетеля и поверенного (в благодеянии); в таких лицах можно предполагать дурные намерения. Подобно тому как оказывающий благодеяние должен приводить его в известность, насколько это будет доставлять удовольствие тому, кому оно оказывается, так равно и принимающий (благодеяние) должен предать его всеобщей гласности. Не принимай того, в чем стыдно сознать себя должником. Иные приносят благодарность украдкой, в углу или на ухо. Это не скромность, а своего рода неблагодарность. Кто приносит благодарность, удаляя свидетелей, тот человек неблагодарный. Иные не желают ни заключать долговых контрактов, ни допускать участия маклеров, ни приглашать свидетелей для приложения печати, ни давать расписки — подобным же образом поступают и люди, заботящиеся о том, чтобы оказанное им благодеяние оставалось, насколько возможно, в неизвестности. Они боятся открыто приносить (благодарность) с целью прослыть более обязанными своей энергией, чем посторонней помощи. Они чересчур умеренны в исполнении своего долга в отношении к тем, кому обязаны жизнью или честью. Опасаясь прослыть клиентами (своих благодетелей), эти лица приобретают себе более неприятную репутацию людей неблагодарных.

Глава 24

Иные наихудшим образом отзываются о самых важных услугах (оказанных им). Некоторых безопаснее бывает оскорбить, чем оказать им услугу: в своей ненависти они ищут доказательств того, что ничем не обязаны другим. Но ни о чем не следует так заботиться, как о том, чтобы твердо помнить оказанные нам услуги и время от времени возобновлять в себе это воспоминание, потому что кто не помнит (об этом), тот не может воздать благодарности, а кто помнит, тот уже тем самым приносит ее. Не следует принимать благодеяний пренебрежительно, но не следует принимать их и подобострастно или униженно. Ибо кто бывает небрежен во время самого принятия дара, тогда как всякое новое благодеяние должно бы доставлять удовольствие, то что же он будет делать после того, как изгладится первое впечатление от этого благодеяния? Иной принимает (благодеяние) с презрительным видом, как бы говоря этим: «Хотя я в этом и не нуждаюсь, но так как ты сильно того желаешь, то предоставлю себя в твое распоряжение». Иной принимает горделиво, так что у дающего остается сомнение, сознает ли он его благодеяние. А иной едва

раскрывает рот и, таким образом, обнаруживает более неблагодарности, чем в том случае, если бы вовсе промолчал. Надобно говорить с усердием тем большим, чем важнее предмет (благоденствия), и прибавлять при этом следующие слова: «Тебе обязано более людей, чем ты думаешь». Каждый ведь чувствует удовольствие, когда благодеяние его приобретает более широкую известность. «Ты не знаешь, что сделал для меня, но тебе надлежит знать, насколько это важнее того, чем ты сам предполагаешь». Кто таким образом возвышает цену своего долга, тот в это же самое время становится приятен (для своего благодетеля). «Я никогда не буду в состоянии воздать тебе благодарность, но, по крайней мере, не перестану всюду заявлять, что (ничем) не могу вознаградить тебя».

Глава 25

Фурний ничем иным так не угодил Цезарю Августу и ничем иным не приобрел столь легкого доступа к испрошению его милостей, как при помощи тех слов, которые сказал, умоляя о помиловании своего отца, примкнувшего к партии Антония. «Ты, Цезарь,— сказал он,— обижаешь меня только тем, что заставляешь жить и умереть неблагодарным». Что иное столь свойственно благодарной душе, как не то, что она никак не может успокоиться, если не имеет даже надежды когда-нибудь вознаградить за оказанное ей благодеяние? При помощи таких и подобного рода речей постараемся достигнуть того, чтобы наше расположение не оставалось скрытым, но обнаружилось вовне и появлялось на свет. Можно обойтись и без слов: сознание проявится в выражении лица, коль скоро мы проникнуты надлежащим чувством. Кто желает отблагодарить, тот помышляет о возвращении (благоденствия) уже в то самое время, когда (его) принимает. «Он,— говорит Хрисипп,— подобно предназначенному для состязания в беге и заключенному ²⁸ (предварительно) в особое помещение (carcer), должен выжидать своего времени, чтобы, по данному сигналу, устремиться вперед. И для него необходима большая поспешность, сильное напряжение, чтобы догнать человека, который его опередил».

Глава 26

Теперь следует рассмотреть, что главным образом делает людей неблагодарными: преувеличенное ли мнение о себе и врожденный всем людям недостаток восхищаться собой и всем своим или же алчность и зависть. Начнем с первого. Никто не бывает беспристрастным судьей в отношении к самому себе; отсюда происходит то, что он мнит себя всего заслужившим и все принимает как должное, считая себя при этом недостаточно оцененным по своему достоинству. «Мне оказано это (благодеяние),— говорит он,— но как поздно и после какой борьбы?

Насколько большего мог бы я достигнуть, если бы предпочел ухаживать за таким-то или таким-то или заботиться о самом себе. Не этого ожидал я. Меня смешали с толпой: стало быть, сочли достойным малого, лучше было бы обойти вовсе».

Глава 27

Авгур Лентул²⁹, слывший примером колоссальнейшего богатства — до тех пор, пока вольноотпущенники не сделали его бедняком (он видел 4000 своих собственных сестерций: я говорю в собственном смысле, ибо не более как только «видел»), — был человеком столь же скудоумным, сколько малодушным. Будучи в высшей степени скуп, Лентул, однако, скорее тратил деньги, чем слова: такова была у него скудость речи. Хотя всем своим богатством этот человек был обязан Августу, которому (от себя) принес одну бедность, обремененную тяжестью знатного имени, тем не менее, занимая уже по своему богатству и расположению, каким пользовался, первенствующее положение в государстве, он время от времени обыкновенно жаловался на Августа, говоря, что его отвлекли от занятий и не дали того, сколько он потерял, оставив красноречие. А между тем божественный Август между прочими благами доставил ему и то, что избавил его от насмешек и напрасного труда. Алчность никому не позволяет быть благодарным, так как для нескромных надежд никогда не бывает достаточно того, что предлагается. Мы тем большего желаем, чем более нам досталось, и алчность человека, находящегося среди огромной массы богатств, становится еще более ненасытной, подобно тому как сила пламени бесконечно увеличивается, когда сильнее бывает пожар, от которого оно поднимается. Равным образом и честолюбие никому не позволяет успокоиться на той степени почестей, которая некогда была дерзкой мечтой. Никто не довольствуется назначением в трибуны, но жалуется, что его до сих пор еще не возводят в звание претора. Но и это достоинство не удовлетворяет, если не дают консульства. Да и консульство не может успокоить, коль скоро в эту должность избирали только один раз. Страсть (человека) стремится все далее, не сознавая своего блага, потому что обращает внимание не на то, откуда получила начало, но на то, где цель ее стремления. Сильнее и могущественнее всех этих пороков зависть, которая беспокоит нас при каждом сравнении (себя с другими).

Глава 28

«Мне сделано благодеяние, но вон такому-то сделано более, а такому-то скорее». Зависть, далее, не оправдывает никого: в ущерб другим она действует исключительно в свою пользу. Насколько проще, насколько благоразумнее возвышать достоинство полученного благодеяния и знать, что никого так не ценят другие, как мы. «Я должен был получить более, но для него

нелегко было более дать: ему надобно было разделить свои щедроты между многими. Это лишь начало; будем питать к нему добрые чувства и своей признательностью вызовем его на новые благодеяния. Он сделал мало, но будет делать чаще. Он предпочел мне этого человека, но зато и меня предпочел многим. Тот не равен мне ни по достоинствам, ни по заслугам, но на его стороне было счастье. Благодаря жалобам я не сделаюсь достойным больших даров, но окажусь недостойным и того, что дано. Этим презреннейшим людям дано более, но что за важность! Ведь Фортуна так редко руководится разумным соображением!» Мы ежедневно жалуемся на то, что злые люди счастливы. Часто град, миновав нивы какого-нибудь весьма дурного человека, побивает посевы достойнейших людей. Каждому свой жребий как во всем прочем, так и в дружбе! Нет столь полного благодеяния, которого не могла бы унижить злоба и нет столь ничтожного, которое не возвысилось бы в своем достоинстве благодаря истолкованию его в лучшую сторону. Никогда не будет недостатка в причинах для жалоб, если будем рассматривать благодеяния с их слабой стороны.

Глава 29³⁰

Посмотри, как несправедливо относятся к божественным дарам даже некоторые мудрецы по профессии³¹. Они жалуются на то, что величиной тела мы не равняемся слонам, быстротой — оленям, легкостью — птицам, стремительностью — быкам; что крепостью кожи мы уступаем зверям, красотой — ланям, густотой (волос) — медведям, нежностью — бобрам; что собаки превосходят нас чуткостью обоняния, орлы — остротой зрения, вороны — продолжительностью жизни, многие животные — счастливой способностью к плаванию. И между тем как природа не терпит соединения в одном существе некоторых из перечисленных нами свойств, например подвижности тела и силы, они считают несправедливостью то обстоятельство, что человек не одарен столь различными и несовместимыми благами. Они упрекают богов в пренебрежении к нам за то, что человеку не дано физической крепости и непобедимой силы, не дано предвидения будущего. Эти люди едва удерживаются от увлечения постыдным желанием ненавидеть природу за то, что мы ниже богов, что мы не стоим наравне с ними. Насколько будет лучше, если мы обратимся к созерцанию столь многочисленных и великих благодеяний и возблагодарим богов за то, что они соблаговолили поместить нас в этом прекрасном жилище на втором месте после себя и превознести выше всего земного. Уподобит ли нам кто-либо тех животных, власть над которыми находится в наших руках? Все, в чем нам отказано, не могло быть и дано. Посему кто бы ни был ты, несправедливый ценитель человеческого жребия, подумай о том, сколько благ даровал нам Отец наш, скольких превосходящих нас силой животных мы поработили, превос-

ходящих быстротой догнали; подумай о том, что нет ни одного существа (mortale), которое было бы вне нашей власти. Мы получили так много сил, так много дарований и, наконец, душу, для которой все становится доступным в то самое время, когда она обращает на то свое внимание,— душу более быструю, чем звезды, пути которых она предусматривает за много веков. В наше распоряжение, далее, предоставлено так много плодов, так много богатств и такое множество других вещей. Обойди все: не нашедши ни одного существа, каковым бы предпочел быть во всей его целости, ты пожелаешь обладать отдельными свойствами, заимствованными от всех существ. Оценив надлежащим образом щедрость природы, необходимо сознаешь, что ты для нее составляешь предмет особого расположения. Таким образом, бессмертные боги ценили и ценят нас выше всего. Поставив нас на первом месте после себя, они оказали этим величайшую почесть, какая только могла быть нам оказана. Мы получили много и большего не в состоянии были получить.

Глава 30

Я счел необходимым, Либералий, высказать это, с одной стороны, потому, что нужно было что-нибудь сказать о великих благодеяниях, говоря о малых; с другой стороны, потому, что дерзость этого гнусного порока, проистекая отсюда, простирается и на все остальное. В самом деле, кому ответит благодарностью, какой дар сочтет достаточно великим или достойным воздаяния тот, кто презирает высочайшие блага? Тот, кто не признает, что получил от богов ту жизнь, которую он ежедневно от них принимает, кому будет признателен за свое спасение и жизнь? Посему всякий, кто учит благодарности, действует в пользу людей и богов; этим последним, хотя они и ни в чем не нуждаются и стоят выше всяких желаний, мы, тем не менее, можем воздавать благодарность. Никому нельзя извинять свою неблагодарность своим ничтожеством и бедностью, говоря: «Что я буду делать и как? Когда могу воздать благодарность владыкам и повелителям всего?» Тебе легко можно это сделать, если ты жаден без расходов, если ленив без труда. Ты можешь рассчитывать с кем угодно в то же самое время, когда принимаешь благодеяние, если желаешь, ибо кто с охотой принял благодеяние, то уже возвратил его.

Глава 31

Изо всех парадоксов стоической школы наименее удивительным и невероятным мне представляется следующий: кто охотно принял благодеяние, тот уже возвратил его. Так как мы все относим к душе (обо всем судим по настроению души), то в данном случае каждый достигает того, чего желает. Как благочестие, верность, справедливость и, наконец, всякая добродетель

бывают совершенны сами по себе, хотя бы они и не выставлялись напоказ, так точно и благодарным можно быть даже при одном желании со своей стороны. Всякий раз, как кто-либо достигает предположенной цели, он пожинает плоды своего труда. Какую цель имеет человек, оказывая благодеяние? Без сомнения, принести пользу тому, кому оказывает, и доставить себе удовольствие. Если он выполнил то, чего хотел, если его расположение тронуло меня и возбудило в том и другом из нас радостное чувство, то он достиг своей цели. Не могло же ведь у него быть желания что-нибудь получить от меня в свою очередь: иначе это было бы не благодеянием, а торговой сделкой. Кто достиг предположенной им пристани, тот совершил благополучное плавание; удар, сделанный верной рукой, достиг своего назначения, если попал в цель. Кто дает благодеяние, тот желает, чтобы оно было принято с благодарностью. Он получает желаемое, если благодеяние принято с признательностью. Но, быть может, он надеялся на некоторую прибыль? В таком случае это было уже не благодеяние, отличительная черта которого ничего не помышлять об уплате. Если полученное мною (благодеяние) принято с таким расположением, с каким оно оказывалось, то я уже вознаградил за него. В противном случае это благороднейшее дело (благодарность) поставлялось бы в зависимость от самого унижительного условия: чтобы воздать благодарность, приходилось бы обращаться к Фортуне. На самом же деле должно быть не так. Если я не могу отплатить тем, что не зависит от моей воли, то достаточно ответить на расположение расположением. Итак, что же? Ужели не стану делать и воздавать всего, что будет в моих силах, не стану выбирать для того удобного времени и обстоятельств? Не пожелаю с избытком наполнить лоно того, от кого я что-либо получил? Без сомнения (стану и пожелаю). Но в худом положении оказалась бы благотворительность, если бы нельзя было воздавать благодарности и с пустыми руками.

Глава 32

Говорят: «Кто принял благодеяние, хотя бы и с глубочайшей признательностью, тот еще не выполнил всего, остается еще часть долга, которую следует уплатить. Подобным образом в игре имеет некоторое значение умение ловко и искусно поймать мяч; однако хорошим игроком называют лишь того, кто, поймав мяч, умеет так же ловко и искусно бросить его далее». Сравнение сюда не идет. Почему? Потому что в данном случае достоинство заключается в подвижности и ловкости тела, а не в душе. Посему-то о ком судят на основании одного внешнего вида, тому следует (постараться) раскрыть себя со всех сторон. И тем не менее я не назову плохим игроком того, кто поймал мяч как следует, но замедлил бросить его далее, если только не сам игрок был причиной этого замедления. «Но хотя,— возразят нам далее,— искусство играющего и не потерпит никакого ущерба в том

случае, когда он одну задачу игры выполнит, а другую, которую не выполнит, тем не менее будет в состоянии выполнить, самая игра, состоящая из поочередного бросания и подхватывания (мяча), остается не совсем выполненной». Я не хочу долее заниматься разбором этого возражения. Допустим, что недостаток был в игре, а не в игроке. Подобным образом и в предмете нашего спора (благодеении) есть некоторый недостаток, относящийся к подаренной вещи, которой должна соответствовать другая равная ей вещь, а не к душе, которая встречается (в таком случае) с душой, себе подобной; что касается здесь до внутренней жизни благотворителя, то он достиг, чего желал.

Глава 33

Мне оказали благодеение; я принял его именно так, как желал того сам благодетель. Последний, таким образом, достиг того, к чему стремился и что, притом, составляло единственный предмет его желания: следовательно, я отблагодарил его. После сего ему остается еще сделать из меня какое-нибудь употребление, извлечь из признательного ему человека какую-нибудь выгоду. Это не оставшая часть еще не выполненного с моей стороны долга, но прибавление к исполненному. Фидий сделал статую. Иное дело — награда за искусство, иное — за ремесло. Назначение художника сделать то, что он хотел; назначение ремесленника сделать так, чтобы вышла польза. Фидий выполнил свое дело, хотя и не продал. Для него вознаграждение за труд может быть тройное: одно в собственном сознании, которое он получает, выполнив свой труд; другое в виде доброй славы и третье в виде пользы, которую может принести ему покровительство, продажа или какая-нибудь другая выгода. Так точно и первая награда за благодеение дается в собственном сознании. Эту награду получает тот, кто вручил свой дар, кому желал. Второй вид награды — добрая слава, третий — что-либо из тех предметов, которые обратно могут быть предложены в подарок. Посему, когда благодеение принято с признательностью, благодетель уже получил благодарность, но вознаграждения еще не получал. Таким образом, я остаюсь должен ему то, что не относится к благодеению; за самое же благодеение я вознаградил его благодарным приемом.

Глава 34

«Итак,— снова будут нам возражать,— ужели воздал благодарность тот, кто ничего не сделал?» Он, отвечаем, сделал главное: на душевное расположение ответил расположением же и притом, что свойственно дружбе, сохранил равенство ³². Затем обрати внимание на различие между вознаграждением за благодеение и уплатой за долг: не ожидай, чтобы я сделал тебе материальное вознаграждение, здесь дело касается душ. Речь моя

не станет казаться тебе суровой, хотя она главным образом и направлена против твоего мнения, как скоро ты станешь на мою точку зрения и подумаешь о том, что предметов больше, чем слов. Существует великое множество предметов, не имеющих своего названия. Мы обозначаем их не собственными названиями, а иностранными и заимствованными от других предметов. Так, словом «*pes*» мы называем и свою ногу, и ножку кровати, и мачту паруса, и стопу стиха. Название «*canis*» прилагается и к охотничьей собаке, и к морской, и к созвездию. Не имея возможности обозначать каждый отдельный предмет особым названием, мы всякий раз, как представляется нужда, употребляем заимствованные выражения. Храбрость есть добродетель, презирающая действительные опасности или уменье их устранять, встречать и вызывать. Тем не менее мы называем храбрым человеком и гладиатора, и презренного раба, которого на презрение к смерти вызывает безрассудство. Бережливость (*parsimonia*) есть уменье избегать излишних расходов или искусство умеренно пользоваться родовым богатством; однако мы называем весьма бережливым (*parcissimum*) и человека малодушного и во всем себя стесняющего, между тем как существует бесконечно великое различие между умеренностью и скупостью. Эти два свойства по существу своему различны, но бедность языка заставляет нас и того и другого называть бережливым; подобно тому как мы называем храбрым как того, кто на разумном основании презирает опасности, так и того, кто безрассудно стремится навстречу опасностям. Так и благодеянием, как мы говорили, называется и благодетельное действие, и то самое, что подается чрез это действие, как-то: деньги, дома, нарядная одежда³³. И для того и для другого — одно название; сущность же их и значение далеко не одни и те же.

Глава 35

Итак, будь внимателен и ты поймешь, что я ничего не сказал противного твоему мнению. За то благодеяние, которое состоит в действии, мы уже воздали благодарность, как скоро приняли его с признательностью. Другое же благодеяние, которое заключается в предмете, мы еще не возвратили, но только имеем намерение возратить. За оказанное нам расположение мы расплатились расположением, а за дарованную вещь обязаны вещью. Итак, хотя мы и говорим, что с охотой принять благодеяние значит воздать благодарность, тем не менее мы советуем дарить в свою очередь что-либо подобное полученной нами вещи. Некоторые из высказанных нами мнений, по-видимому, не согласны с общепринятыми обычаями, но они опять будут согласовываться с этими обычаями, если рассматривать их с другой точки зрения. Мы утверждаем, что для мудреца нет обиды; и однако ж, кто ударит его кулаком, будет обвиняться в нанесении обиды. Мы утверждаем, что глупый не может иметь никакой

собственности, и, однако, похитившего у глупца какую-нибудь вещь мы будем обвинять в краже. Мы говорим, что все беснуются; однако не лечим всех чемерицей; и даже тем самым, которых называем безумными, мы даем право голоса в собраниях и право судебной юрисдикции. Так, мы говорим: кто принял благодеяние благосклонно, тот расплатился за него; тем не менее мы считаем его в долгу, считаем обязанным снова благодарить даже после того, как он уже отблагодарил. Это поощрение к (принятию) благодеяния, а не отсоветование. Не будем страшиться и падать духом, как бы подавляемые невыносимой тяжестью. Мне даны богатства, честь моя защищена, позор снят, мне дана жизнь и что дороже жизни — свобода: каким образом я могу изъять свою благодарность? Когда настанет тот день, в который я открою свою душу пред благодетелем? Это тот самый день, в который он открывает свою (душу). Прими благодеяние с распростертыми объятиями: радуйся не тому, что получаешь, а тому, что возвращаешь, оставаясь, в то же время, должником. Не подвергай себя столь великой опасности, как возможность, благодаря случаю, сделаться неблагодарным. Я не стану указывать тебе на предстоящие трудности, дабы ты не упал духом и дабы перспектива трудов и продолжительной зависимости не ослабила твоей энергии, не стану отсылать тебя к будущему: пусть дело идет о настоящем. Никогда не будешь благодарным, если не почувствуешь благодарности в то же самое время, когда примешь благодеяние. Итак, что же следует делать? В настоящем случае нет нужды братья за оружие, но в будущем, может быть, придется: нет нужды измерять моря, но в будущем, может быть, придется даже при неблагоприятных ветрах. Ты хочешь отплатить за благодеяние? Прими его с признательностью и ты воздал благодарностью; однако не считай себя совершенно уплатившим долг, но только с большим спокойствием совести сознавай его за собою.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава I

Не воздавать за благодеяния благодарности, Эбуций Либералий, и (на самом деле) постыдно, и у всех слывет таковым. Поэтому на неблагодарных жалуются даже неблагодарные, между тем как этот порок (неблагодарность), который всем (так) не нравится, в то же время всем присущ; и до того все идет превратно, что некоторых людей мы считаем своими врагами не только после благодеяний, но и вследствие их. Не стану отрицать того, что у иных это бывает вследствие извращенности природы, у большинства же вследствие того, что протекшее время отняло (у них) память. Ибо то самое, что было живо у них, пока оставалось новым, с течением времени теряет силу. Знаю, что

относительно этих людей у нас с тобою был спор, так как ты называл их не неблагодарными, а забывчивыми, как будто неблагодарного извиняет то обстоятельство (т. е. забывчивость), которое делает его таким, или как будто он уже не оказывается неблагодарным в силу того, что это обстоятельство с кем-либо приключается, тогда как оно и может приключаться только с неблагодарными. Есть много разрядов людей из неблагодарных, как и воров и убийц; их (неблагодарных) вина в общем одинакова, впрочем в частностях ¹ бывает великое разнообразие. Неблагодарен тот, кто не признает себя получившим благодеяния, которые он на самом деле получил; неблагодарен и тот, кто скрывает; неблагодарен тот, кто не возвращает; всех же более неблагодарен тот, кто забывает. Ибо первые хотя и не уплачивают долга, однако сознают его за собой, и у них остается некоторый след от оказанных им услуг, только услуги эти скрыты в дурной совести; когда-нибудь вследствие какой-либо причины, (эти люди) могут обратиться к воздаянию благодарности, если их, например, побудит (к этому) стыд или внезапно появившееся стремление к благородному делу, каковое обыкновенно по временам возникает даже в сердце злых людей, или если побудит их к тому благоприятный случай. Тот же, у кого изгладилось из памяти все благодеяние, никогда не может стать благодарным. И кого ты назовешь худшим: того ли, кто не чувствует благодеяния, или того, кто даже не помнит о нем? Больные глаза — это те, которые боятся света, а слепые — которые не видят ². И не любить своих родителей есть нечестие, а не признавать их — безумие. Кто бывает так неблагодарен, как тот человек, который до совершенного забвения отклонил и отринул от себя то, чему надлежало занимать в душе (его) первое место и всегда приходить на ум? Очевидно, что нечасто помышляя о возвращении (благодеяния) тот, кем овладело забвение.

Глава 2

Наконец, чтобы воздать благодарность, для этого нужно обладать и добродетелью ³, и временем, и возможностью, и содействием богини счастья. Кто же помнит (благодеяния), тот бывает благодарен, без (материальных) расходов, а кто не доставляет даже того, что не требует ни труда, ни богатств, ни счастья, тот не имеет никакого оправдания ⁴, за которым бы он мог укрыться. Ибо никогда не желал быть благодарным тот, кто так далеко отринул от себя благодеяние, что положил его вне (поля) своего зрения. Подобно тому как вещи, которые находятся в употреблении и каждодневно испытывают прикосновение рук, никогда не подвергаются опасности залежаться, а те, которые не выставляются на вид, но как излишние лежат без употребления, собирают (на себе) нечистоту (situs) ⁵ по причине самой давности,— так точно все, чем занимается и что возобновляет мысль, никогда не исчезает из памяти, ничего не теряющей, кроме того, на чем она не часто останавливала свое внимание.

Глава 3

Кроме этой причины есть и другие, которые скрывают от нас иногда весьма важные заслуги. Первая из этих причин и сильнейшая есть та, что, занятые всегда новыми страстями, мы смотрим не на то, что имеем, а на то, к чему стремимся, и обращаем напряженное внимание не на то, что у нас есть, а на то, что нам желательно⁶. Что есть (у себя) дома, то — дешево. Отсюда следует, что, как скоро страстное желание нового сделало легковесным полученное ранее, виновник сего последнего уже перестает иметь цену. Иного мы любили, смотрели на него с благоговением и открыто признавали в нем виновника устройства нашего (настоящего) состояния, пока нам нравилось то, чего мы достигли; но потом нашей душою овладевает восхищение пред (чем-нибудь) иным, и вот является стремление к этому иному, как это бывает обычно у людей: при большом — желать еще большего; скоро затем (совершенно) исчезает (из нашей памяти) то, что прежде у нас называлось благодеянием. И не на то мы взираем, что дало нам преимущество пред другими, а единственно на то, в чем проявляется благополучие людей, превзошедших нас. Но никто не может (в одно и то же время) и завидовать и благодарить, потому что завидовать свойственно человеку, жалующемуся и печальному, а благодарить — радующемуся. Потому, далее (мы не помним иногда весьма важных заслуг), что никто из нас не знает никакого другого времени, кроме того, которое так быстро проходит (т. е. настоящего и будущего); редкие обращаются душою к прошедшему. Так бывает, что и наставники, и благодеяния их нами забываются⁷, потому что мы совсем покинули детство, так бывает, что нами забывается и все, сделанное для нас в юности, потому что и сама юность никогда не приходит (нам) на память. Никто не считает того, что с ним было за прошедшее, но как бы за утраченное: до такой степени бывает нетверда память людей, стремящихся к будущему.

Глава 4

В этом месте следует воздать должное Эпикуру, который постоянно жалуется на то, что мы неблагодарны в отношении к прошедшему, что мы блага, какие бы ни получили, не приводим (себе на память) и не поставляем в числе удовольствий, между тем как нет более прочного удовольствия, как то, которое уже не может быть отнято⁸. Настоящие блага еще не все в безопасности: их может уничтожить какой-нибудь случай, — будущее же сомнительно и неизвестно, а что прошло, то отложено в безопасное место. Итак, каким образом может быть благодарным за благодеяние

кто-либо такой, у кого вся жизнь пронеслась в созерцании (лишь настоящего и будущего? Благодарным делает память, а всякий, кто слишком много уделяет надежде, очень мало дает памяти.

Глава 5

Подобно тому, мой Либералий, как некоторые предметы, раз будучи восприняты, удерживаются (в памяти), а другие, чтоб их знать, недостаточно раз изучить, потому что знание о них пропадает, как скоро не продолжает поддерживаться,— я говорю о геометрии, астрономии и других науках, утонченность которых делает их усвоение скоропреходящим,— так и важность некоторых благодеяний не позволяет им исчезать из памяти, а некоторые не менее важные (благодеяния), но весьма значительные по числу и различные по времени ускользают (от нашего воспоминания), потому что, как я сказал, мы не исследуем их тотчас же (вслед за получением) и не признаемся охотно в том, чем мы каждому обязаны. Прислушайся к речам просителей! Нет никого, кто бы не говорил, что память (об оказанном ему благодеянии) будет жить в его душе вечно; нет никого, кто бы не признавал себя преданным и всепокорным, кто бы не искал более сильного слова для выражения своей благодарности,— если бы только было такое слово,— чтобы ее возвысить. Спустя немного времени те же самые люди стыдятся своих прежних слов как унижительных и мало достойных свободного человека; потом доходят до того, до чего, по моему мнению, может доходить только самый дурной и самый неблагодарный человек,— до забвения. Ибо кто предался забвению, тот до такой степени неблагодарен, что (в сравнении с ним) можно назвать благодарным того, кому приходит на мысль (оказанное ему) благодеяние.

Глава 6

Спрашивается, следует ли оставлять без наказания этот порок, до такой степени ненавистный, и следует ли прилагать и в государственном быту тот закон, который практикуется в школах ⁹, в силу которого с неблагодарного назначается взыскание, которое для всех представляется справедливым? Почему же не так, если даже города спрашивают с городов ¹⁰ то, что для них дали, и если сделанное для предков спрашивается с потомков? Наши предки, люди, бесспорно, великие, взыскивали только с неприятелей: они великодушно оказывали благодеяния и великодушно теряли их. Исключая персидского народа, ни в каком другом не допускалось делать взыскания с неблагодарного ¹¹. И это важный аргумент в пользу того, что не следовало допускать такого взыскания, потому что со всем тем, что направлено против злодеяний, мы вообще согласны. За человекоубийство, составление ядов, отцеубийство и религиозные святотатства в различных местах назначается различное наказание, но всюду

существует какое бы то ни было наказание. А этот чаще всего встречающийся порок нигде не подвергается наказанию, хотя всюду и порицается. Мы не прощаем его, но так как трудно бывает оценить неизвестный предмет, то мы и наказываем (его) только ненавистью, оставляя в числе того, что отсылаем на суд богов.

Глава 7

Я нахожу много оснований, в силу которых эта вина (неблагодарность) не должна подвергаться преследованию закона. И прежде всего (этого не должно быть) потому, что лучшая часть благодеяния пропадает, если допускать (за него) судебные взыскания, как будто за определенную ¹² сумму денег или наем и отдачу внаем. В благодеянии же то и есть самое характерное, что мы даем, даже будучи готовы потерять, — что все предоставляем на волю принимающих (благодеяния). Если я жалуясь ¹³, если обращаюсь к судье, то благодеяние перестает быть таковым, но становится кредитом. Потом хотя весьма благородное дело воздавать благодарность, но оно перестает быть благородным, как скоро становится необходимым. Ведь никто не станет тогда относиться к человеку благодарному с похвалой больше той, с какой относится к тому, кто возвращает залог или отдает долг, не доводя дела до суда. Таким образом, мы портим два предмета, лучше которых ничего нет в жизни человеческой: благодарного человека и благодеяние. Ибо что великого в том, когда человек не дарит благодеяния, но ссужает его? Или когда возвращает не потому, что жаждет этого, а потому, что это необходимо? Нет славы быть благодарным, если небезопасно быть неблагодарным. Прибавь сюда теперь и то, что для применения одного этого закона (о неблагодарных) едва ли будет достаточно всех судебных мест. Найдется ли кто-нибудь, кто не станет вести судебного дела по этому предмету? Найдется ли кто-нибудь, с кем не станут вести (такого) судебного дела? Все возвышают цену своего; все преувеличивают даже самое незначительное, что сделали для других. Кроме того, (только то) делается предметом судебного разбирательства, что может быть осуждено (на основании разума и законов) ¹⁴ и не позволит судье бесконечного произвола. Поэтому лучшее, по-видимому, условие судебного процесса, когда обращаются к судье как к посреднику, потому что первого (т. е. судью) связывает формула ¹⁵ и полагает известные границы, которых он не должен переступать, а свободная, никакими узами не связанная совесть последнего (т. е. посредника) может и отнять что-нибудь, и прибавить, и управлять своим собственным мнением не как предписывает закон и право, но как побуждает человеколюбие и сострадательность. Дело против неблагодарного не может связать судью ¹⁶, но поставит его в самую свободную сферу деятельности. Ибо что такое благодеяние? — это не для всякого ясно; затем, как велика его

ценность? — в решении этого вопроса важно то, насколько благосклонно отнесется к нему (благодеению) судья. Что такое неблагодарный? — этого не объясняет ни один закон. Часто и тот, кто возвратил полученное, бывает неблагодарен и кто не возвратил — благодарен. Относительно некоторых дел даже неопытный судья может постановить решение: (это именно бывает в том случае) когда должно решить, имел ли место такой-то случай или нет, тогда спор решается на основании представленных документов ¹⁷. Когда же между спорящими сторонами дело решается на основании юридических соображений ¹⁸, тогда следует принимать во внимание различные предположения разума. А когда спор идет о том, относительно чего может постановить решение только одна мудрость, тогда нельзя взять в судьи для такого дела кого-нибудь из массы выборных, имена которых попадают на белую доску только благодаря их имущественному цензу и состоянию, которое дает право на принадлежность к сословию всадников ¹⁹.

Глава 8

Итак, не предмет этот (неблагодарность) сам по себе оказался малоудобным для того, чтобы быть предложенным на рассмотрение судьи, но никого не нашлось, кто бы мог быть достаточно способным судьей для такого дела. Ты не станешь удивляться этому, если рассудишь, какие трудности встретит всякий, кому пришлось бы выступить против подсудимого подобного рода ²⁰. Представь себе, что кто-нибудь подарил значительную сумму денег; но он богат; он не может потерпеть от этого убытка. Подарил и другой; но этот, быть может, уступил все свое наследственное имение. Сумма — одна и та же; благодеение же не одно и то же. Прибавь теперь и то. Этот человек уплатил деньги за должника, приговоренного (к описи имущества), но вынес эти деньги из своего дома, а тот дал такую же сумму, но сам взял заем или выпросил, и обзаться ему стоило большого труда. Сочтешь ли ты достойными одного и того же места и того, для кого было легко быть щедрым в благодеении, и того, который сам взял в долг, чтобы дать? Иное бывает важно благодаря времени, а не сумме. Благодеением бывает подаренная земельная собственность, плодородность которой может облегчить добывание пропитания; благодеением бывает и один хлеб, данный во время голода. Благодеением будет — подарить области, чрез которые протекают многочисленные и судоходные реки; благодеением будет и — указать источник тем, кто томим жаждой и едва переводит дыхание от сухости в горле. Кто сравнит все это одно с другим? Кто взвесит? Трудно составить мнение, имеющее целью постигнуть не вещь, а самую сущность вещи. Пусть это будет одно и то же, но, будучи дано иным образом, будет стоить не одно и то же. Один оказал мне благодеение, но не охотно, дал с сетованием, посмотрел на меня необыкновенно гордо; дал так

поздно, что сделал бы для меня более, если бы вскоре отказал. Каким образом судья может войти в оценку всего этого, как скоро и речь, и колебание, и выражение лица может уничтожить чувство благодарности за услугу.

Глава 9

Почему некоторые благодеяния называются так, ибо составляют предмет чрезмерного желания, а другие, хотя и более важные, но менее блестящие, не носят этого обычного названия? Ты называешь благодеянием дать право гражданства среди могущественного народа, ввести в число сорока (рядов) ²¹ и защитить обвиненного в уголовном преступлении? А если посоветовать что-либо полезное, удержать от преступления, отнять меч у человека, готового умертвить себя, ободрить при помощи надлежащих (энергичных) средств скорбящего и возвратить благоразумную любовь к жизни человеку, желающему следовать за теми, кого он любил? А сидеть при больном и, когда его жизнь и спасение зависит от каждой минуты, выбирать удобное время для принятия (им) пищи, уврачевать вином открытые раны и привести к умирающему врача? Кто все это оценит? Кто прикажет измерять одни благодеяния другими, им не подобными? Человек этот подарил тебе дом, а я предупредил тебя от падения на тебя твоего собственного дома. Он подарил тебе родовое поместье, а я подал доску человеку, потерпевшему кораблекрушение. Он сражался за тебя и получил раны, а я молчанием даровал тебе жизнь. Когда благодеяния иначе даются и иначе возвращаются, сравнивать их трудно.

Глава 10

Кроме того, не назначается дня для возвращения благодеяния, как для (возвращения) данных взаймы денег. Поэтому кто еще не возвратил, тот может возвратить. И скажи, по истечении какого времени должен быть уличен неблагодарный? Важнейшие благодеяния не подлежат наблюдению: часто они скрываются в молчаливой совести лишь двоих людей. Станем ли мы приводить это для доказательства того, что не должно делать благодеяний без свидетеля? Потом, какое мы определим наказание за неблагодарность: одно ли всем, тогда как благодеяния различны, или — неодинаковое, и притом большее или меньшее, смотря по благодеянию каждого? Пусть оценка будет производиться на деньги, а если некоторые благодеяния равняются жизни и даже больше жизни? Когда дело касается таких благодеяний, то какое мы назначим наказание? Меньше благодеяния — несправедливо; равное и притом уголовное? Но что может быть бесчеловечнее, как скоро исход благодеяния будет кровавым?

Говорят: «Родителям даны некоторые преимущества²². Подобно тому как их положение считается исключением из общего порядка, так следует думать то же самое и относительно иных благодеяний». Мы сделали священным положение родителей потому, что полезно воспитывать детей: надлежало побудить к этому труду тех, которые имели намерение подвергнуться неизвестной участи (т. е. родителей). Им нельзя было сказать того, что говорится оказывающим благодеяния: «Выбирай, кому даешь; сам жалуйся на себя, если ошибся; помогай достойному». В деле воспитания детей ничего не предоставляется на выбор воспитателей: все дело обета. Итак, чтобы с более спокойным духом (родители) приступали к своему жребию, им надобно было дать некоторую власть. Потом, родители поставлены в другие условия: они оказывают и желают оказывать благодеяния тем, кому уже оказали, и нечего опасаться, чтобы они лгали, говоря, что оказали (благодеяния). В других случаях надобно бывает исследовать не только то, приняли ли благодеяния обратно, но и то, сделали ли их. Заслуги же родителей явны; так как полезно, чтобы над юношеством было управление, то мы и приставляем к ним (разумеется, в лице родителей) домашних начальников²³, дабы они сдерживали их под своим надзором. Далее, у всех родителей было одно благодеяние, поэтому оценить его можно было сразу; прочие же благодеяния бывают различны, не сходны, отстоят друг от друга на бесконечное расстояние: поэтому их нельзя было подвести под одно правило, так что было бы справедливее все их оставить, чем все сравнять.

Иное дорого стоит для дающих, а иное важно бывает для получающих, но ничего не стоит для дающих. Иное дается друзьям, а иное незнакомым. Хотя дается одно и то же, но важнее, если дается такому человеку, с которым ты начинаешь знакомство своим благодеянием. Один подал помощь, другой украшение²⁴, третий утешение. Ты найдешь человека, который полагает, что нет ничего приятнее, ничего важнее, как иметь такое лицо, в котором он мог бы найти успокоение своему горю. Потом, ты встретишь такого человека, который более желает, чтобы заботились об его достоинстве, чем о безопасности, и такого, который считает себя более обязанным тому, благодаря которому он стал находиться в большей безопасности, чем тому, благодаря которому он стал пользоваться большим почетом. Затем, все эти благодеяния будут иметь более или менее значение, смотря по тому, каков будет судья, или по тому, к тем или другим (из них) он будет склонен душой. Кроме того, кредитора я выбираю себе сам, благодеяние же получаю от того, от кого не желал бы получить, а иногда получаю, даже сам не зная о том.

Что же ты станешь делать? Назовешь ли ты неблагодарным того, кому навязано благодеяние без ведома с его стороны и кто не принял бы его, если бы знал об этом; не назовешь ли неблагодарным того, кто не возвратил полученного каким бы то ни было образом? Вот кто-нибудь сделал для меня благодеяние, но он же после того причинил мне обиду. Обязан ли я ради одного дара терпеть все обиды, или выйдет точно то же, как будто я отблагодарил его, потому что он сам уничтожил свое благодеяние последующей обидой? И затем, каким образом ты оценишь то, что полученное благодеяние больше нанесенного оскорбления? Мне было бы недостаточно целого дня, если бы я попытался проследить все трудности.

Глава 13

Говорят: «Не взыскивая оказанных нами благодеяний и не наказывая лиц, получивших их и не сознающих в этом, мы делаем людей менее расположенными оказывать благодеяния». Но то же самое ты встретишь и в противоположном случае: люди станут менее расположены принимать благодеяния, как скоро приметят опасность быть привлеченными к судебному процессу и видеть свою невинность в опаснейшем положении. Затем, чрез это и мы сами станем менее расположены делать благодеяния, потому что никто не дает охотно тем, кто этого не хочет, но всякий, кого влечет к благотворительности (природная) доброта и самая привлекательность дела, еще охотнее станет давать тем, кто ни в чем не жалеет одолажаться иначе, как только по своей воле, так как умалется слава выполнения того долга, в отношении к которому приняты тщательные меры предосторожности²⁵.

Глава 14

«Далее,— говорят,— благодеяния будут менее значительны, но более верны, а что же худого сдерживать безрассудность в благодеяниях?» Ведь к тому же самому пришли те, которые не установили никакого закона для этого дела (т. е. для благотворительности), именно, чтобы мы осмотрительнее давали свои дары, осмотрительнее выбирали тех, кому предлагаем свои услуги. Более и более внимательно рассматривай, кому дать: не будет никакого судебного процесса, никакого иска²⁶. Ошибаешься, если полагаешь, что на помощь к тебе придет судья. Никакой закон не станет обеспечивать тебя: смотри единственно на честность получающего. Благодаря такому образу действия благодеяния удерживают свое достоинство и величие. Ты осквернишь их, если сделаешь из них предмет судебных тяжб. В высшей степени справедливо изречение, которое возвещает право всех народов: «Возврати, что ты должен». Но в благодеянии слово «возврати» всего позорнее. Что он возвратит тебе? Жизнь, которой обязан? достоинство? безопасность? здоровье? Все наиболее важное.

не может быть возвращено. «Или вместо этого,— скажут,— возврати что-нибудь такое, что было бы одинаковой ценности». Это и есть то, о чем я говорил: если мы станем назначать награду за благодеяние, то пропадет достоинство этого столь важного дела. Не надобно подстрекать душу к жадности, к тяжбам, к раздорам: она и сама по себе стремится к этому. Насколько возможно, будем препятствовать и устранять от взыскательного человека поводы к тяжбе.

Глава 15

О, если бы мы могли убедить, чтобы данные взаем деньги получали только с желающих возвратить! О, если бы никакое условие ²⁷ не связывало покупателя с продавцом! Если бы условия и договоры не охранялись приложением печати! Лучше, когда бы их охраняла честность и дух, чтущий справедливость! Но необходимое люди предпочли наилучшему и более желают вынуждать доверие, чем (с уважением) взирать на него. Призываются с той и другой стороны свидетели. Один (кредитор) раздает в долг через посредство маклеров ²⁸ при подписи многих лиц: другой не удовлетворяется словесным договором, если не обязал ответчика, взяв с него расписку. О постыдное для человеческого рода проявление лжи и общественной испорченности! Нашим печатям доверяют более, чем душам! К чему приглашены эти почтенные лица ²⁹? Для чего прилагаются печати? Конечно, для того, чтобы люди не отрекались от получения того, что получили. Считаешь ли ты этих мужей (т. е. свидетелей) неподкупными и защитниками истины? Но ведь им самим сию же минуту доверят денег не иным образом (как только при таких же условиях). Итак, не было ли бы благороднее потерять доверие к некоторым людям, чем бояться вероломства со стороны всех? Одного недостает корыстолюбию: чтобы и благодеяний не делать без поручителя. Духу благородному и возвышенному свойственно помогать и быть полезным. Кто делает благодеяния, тот подражает богам, а кто требует их обратно,— ростовщикам. Зачем же, стараясь предохранить первых (т. е. благотворителей) судебным порядком (от неблагодарных), мы поставляем их (таким образом) в среду самых презренных людей (т. е. ростовщиков)?

Глава 16

«Многие,— говорят,— будут неблагодарными, если не допускать никакого действия против неблагодарных». Нет, скорее меньше (их будет), потому что с большим разбором станут делать благодеяния. Да потом нет никакой пользы, если для всех станет известным, как велико число неблагодарных, потому что многочисленность виновных в каком-либо пороке будет снимать позор с этого порока ³⁰ и порок перестает быть позором, как скоро является всеобщим. Разве какая-нибудь женщина станет

краснеть от развода, после того как некоторые знатные и благородные женщины считают свои годы не по числу консулов ³¹, а по числу мужей и разводятся, чтобы выйти замуж, а выходят замуж, чтобы развестись? Этого порока боялись, пока он редко встречался. А так как теперь не бывает ни одного судебного заседания без того, чтобы на нем не разбиралось дело о разводе, то и научились делать то самое, о чем часто слышали. Разве теперь еще сколько-нибудь стыдятся прелюбодеяния, когда дело дошло уже до того, что ни одна женщина не имеет мужа для чего-либо иного, как только для возбуждения любовника? Целомудрие теперь служит доказательством безобразия. Найдешь ли ты до такой степени жалкую и худородную женщину, что довольствовалась бы одной парой любовников; такую, что не разделила бы часы каждому (из них) поодиночке? (У нее) для всех не хватает и дня, если у одного она не побывала в носилках на прогулке, а у другого не осталась ночевать ³². Глупа и наивна та, которая не знает, что одно прелюбодеяние называется браком. Поелику уже исчез позор этих пороков, после того как они получили более широкое распространение, то неблагодарные сделаются более многочисленными и более алчными, если узнают о своей многочисленности (букв.: если бы они начали делать себе счет).

Глава 17

Так что же? Неблагодарный останется безнаказан? Что же, безнаказан останется и нечестивый, и злодей, и корыстолюбец, и властолюбец? и жестокий? Но разве ты считаешь безнаказанным то, что ненавидимо; или ты считаешь какое-либо наказание тяжелее всеобщей ненависти? Наказанием для неблагодарного служит уже то, что он ни от кого не смеет получить благодеяния, что он никому не смеет оказать его, что на нем останавливаются взоры всех или, по крайней мере, ему кажется, что останавливаются, что он утратил понимание прекраснейшего и приятнейшего дела. Не называешь ли ты несчастным того, кто лишился остроты зрения, чьи уши заложило от болезни? Ужели же не назовешь жалким того, кто потерял смысл в благодеяниях? Такой человек боится богов, свидетелей всякой неблагодарности; его сжигает и угнетает сознание похищенного благодеяния; наконец, достаточно велико и то самое наказание, что он не сознает плода самого прекрасного, как я сказал, дела. Но для кого бывает приятно получить, тот и пользуется полученным с равным и постоянным наслаждением; он радуется, взирая на душу того, от кого получил, а не на полученный предмет. Благодарному человеку благодеяние всегда доставляет наслаждение, неблагодарному же — только однажды (т. е. при получении). Жизнь того и другого может быть сравнена таким образом: один печален и беспокоен, каким обыкновенно бывает человек, не сознающий того, что для него сделано, и лживый; у него

нет должного почтения ни к родителям, ни к воспитателю ³³, ни к наставникам ³⁴. Другой бывает радостен и весел всегда, когда находит случай воздать благодарность; он черпает великую радость от этого чувства и не старается об уменьшении своего долга, но о том, как бы воздать с большею полнотою и щедростью не только родителям и друзьям, но и лицам более низкого положения. Ибо если он получит благодеяние и от слуги своего, то обращает внимание не на то, от кого, а что (именно) получил.

Глава 18

Несмотря на то, некоторые, как, например, Гекатон ³⁵, спрашивают: может ли раб сделать благодеяние для господина? Ибо находятся люди, которые делают такое различие: одно есть благодеяние, другое — долг, третье — служба. Благодеяние есть то, что дает чужой, а чужой — это тот, кто мог беспрепятственно от этого уклониться. Долг свойствен жене, сыну и тем лицам, которых побуждает и заставляет помогать необходимость. Служба есть дело раба, который, благодаря условиям своей жизни, поставлен в такое положение, что из всего, что он делает для своего господина, ничего не может поставить тому в счет ³⁶. Впрочем, кто не допускает того, чтобы раб когда-либо делал для своего господина благодеяние, тот не понимает общечеловеческого права ³⁷, ибо важно то, каков душою человек, оказывающий благодеяние, а не то, каково он положения. Ни от кого не заграждена добродетель ³⁸, она для всех открыта, всех допускает, всех приглашает к себе: людей благородных, вольноотпущенников, рабов, царей и изгнанников; она не разбирает ни дома, ни имущественного ценза, а довольствуется человеком так, как он есть. Ибо что (в противном случае) было бы обеспечено от случайности, что великого мог бы ожидать от себя дух, если бы судьба могла изменять даже испытанную ³⁹ добродетель? Если раб не (может) делать благодеяния для господина, то никто не может делать благодеяния для своего царя и воин для своего полководца. Ибо что за различие в том, какой кто подлежит власти, как скоро он (только) подлежит высшей власти? Ведь если рабу препятствуют достигнуть имени человека, оказавшего услугу, неволя и страх крайней степени наказания, то ведь то же самое будет препятствовать (достигнуть этого) и тому, кто имеет царя, и тому, кто имеет полководца, потому что под различными именами существует над ними одинаковая власть. Но делают благодеяние и для царей своих, делают для полководцев, следовательно, могут делать и для господ. И раб может быть справедливым, может быть храбрым, может быть великодушным, следовательно, может делать и благодеяние, так как и это последнее свойственно добродетели. Рабы в такой мере могут оказывать благодеяние господам, что даже их самих (т. е. самую их жизнь) часто делают предметом своих благодеяний ⁴⁰.

Несомненно, что раб кому угодно может оказать благодеяние: почему же он не может оказать его и своему господину? «Потому,— говорят,— (он не может сделать этого), что не может быть кредитором своего господина, если даст ему денег. И в других случаях он каждодневно обязывает своего господина: следует за ним в путешествии, прислуживает в болезни и посвящает великие труды на служение ему. Однако все, что, будучи оказано кем-либо другим, носило бы имя благодеяния, есть служба, как скоро оказывается рабом. Так как благодеяние есть (лишь) то, что кто-либо дает, когда можно было бы и не давать, а раб не имеет возможности отказаться ⁴¹, то он (поэтому) и не оказывает благодеяния, а (только) повинуетя и не гордится, сделав то, чего не мог не сделать». Но даже, признав и такое положение, я одержу верх и доведу раба до того, что он окажется свободен в отношении ко многому. Между прочим, скажи мне, если я укажу тебе какого-нибудь раба, который сражается за спасение своего господина, не заботясь о себе, и, весь израненный, проливает остатки крови из важнейших частей своего тела, причем все-таки старается продлить свою жизнь для того, чтобы его господин имел время убежать: будешь ли ты именно потому, что это раб, отрицать, что он сделал благодеяние? Если я укажу тебе когонибудь, кто, не соблазнившись никакими обещаниями тирана, дабы выдал тайны своего господина, не устранившись никакими его угроз, не побежденный никакими его жестокостями, отвратил, насколько мог, подозрение допросчика и за верность пожертвовал жизнью; станешь ли ты отрицать, что он сделал благодеяние для своего господина, отрицать потому (только), что он раб? Смотри, как бы пример добродетели в рабах не был тем выше, чем реже он встречается, и тем более заслуживающим благодарности, что в то время, когда власть почти ненавидима и всякая необходимость тяжела, в одном этом человеке любовь к господину превозмогла обычную ненависть к рабству. Итак, благодеяние не перестает быть благодеянием благодаря тому, что оно совершено рабом; напротив, оно становится еще более важным благодаря тому, что даже рабство не в состоянии было отвратить от него.

Заблуждается, кто полагает, что порабощение простирается на всего человека: лучшая часть его изъята. Тела принадлежат господам и присуждены им по закону, дух же независим. Он до такой степени свободен и подвижен, что даже та темница ⁴², в которую он заключен, не может воспрепятствовать ему руководиться своим влечением, совершать великие дела и следовать в бесконечное пространство за небесными телами ⁴³. Тело, таким образом, есть то, что судьба предала во власть господина. Он его

покупает и продает, а та, внутренняя часть (человеческого существа) не может быть предметом обладания. Все, что исходит от нее, свободно: ведь и мы не всё можем приказывать рабам и эти последние не во всем обязаны нам повиноваться. Так, они не станут исполнять приказаний, направленных против государства, не станут принимать участия ни в каком преступлении.

Глава 21

Есть нечто такое, чего законы не предписывают и не запрещают,— это и составляет материал для благодеяний раба. Когда делают лишь то, что обычно требуется от рабов, то выполняют долг; когда же более, чем для раба необходимо, то оказывают благодеяние. Что переходит в дружественное расположение, то перестает называться службой. Есть нечто такое, что господин обязан предоставлять рабу, как-то: деньги на пищу⁴⁴ и на одежду; никто не называл этого благодеянием. Но как скоро господин с расположением отнесся к рабу, дал ему воспитание более достойное свободного человека, преподал искусства⁴⁵, которым обучаются благородные люди,— это благодеяние. То же самое, в свою очередь, бывает и со стороны раба. Все, превосходящее меру обязанностей сего последнего, все, что делается им не по приказанию, а по доброй воле, все это — благодеяние, если только может называться таким же именем, кем бы ни оказывалось.

Глава 22

Раб, как то любит (утверждать) Хрисипп⁴⁶, есть постоянный наемник. Подобно тому как этот последний оказывает благодеяние, когда делает более того, сколько подрядился, так и среди домашних (слуг) открывается благодеяние, когда раб из расположения к своему господину преступил предел, назначенный ему судьбою, дерзнул предпринять нечто более возвышенное, такое, что могло бы служить украшением даже для человека, рожденного и при более благоприятных условиях, когда он превзошел ожидания своего господина. Справедливым ли кажется тебе не воздавать благодарности людям, на которых мы гневаемся, если они сделали менее должного, как скоро с их стороны оказано более должного и обычного? Ты хочешь знать, в каком случае не бывает благодеяния? В том, когда можно спросить: «А что же, разве он мог не пожелать (оказать этого благодеяния)?» «Но как скоро сделано то, чего можно было не желать, то (уже самое) желание заслуживает похвалы». Благодеяние и обида взаимно противоположны. Если можно получить от господина обиду, то можно оказать ему и благодеяние. Учрежден даже особый чиновник⁴⁷ для разбирательства обид, нанесенных рабам господами, для обуздания жестокости и страстей, а также скупости

сти в доставлении необходимых для жизни средств. Что же? Господин ли принимает благодеяние от раба? Нет, человек от человека. Далее, сделав, что было в его власти, раб оказал благодеяние господину, твоя воля не принимать благодеяния от раба. Но кого судьба не заставляет (порою) нуждаться даже в самых ничтожных людях? Я приведу много разнообразных и даже некоторых один другому противоположных примеров благодеяний. Один даровал своему господину жизнь, другой — смерть; иной спас от возможности погибнуть, а если этого мало, то от самой гибели. Один способствовал смерти господина, другой — избавил от нее.

Глава 23

Во время осады Грумента ⁴⁸, как передает в восемнадцатой книге летописей Клавдий Квадригарий ⁴⁹, когда дело уже дошло до полнейшего отчаяния, на сторону неприятеля перебежало двое рабов, которые и получили за этот поступок надлежащее вознаграждение. Затем, по взятии города, когда неприятели малопомалу рассеялись всюду, эти рабы по известным для них путям забежали вперед в тот дом, где они ранее служили, и вывели перед собою свою госпожу. Когда их спрашивали: «Кто это такая?» — они отвечали, что это их госпожа и притом весьма жестокая, которую они ведут с целью самим предать ее казни. Выведя потом свою госпожу за стены, рабы с величайшей заботливостью скрывали ее до тех пор, пока не утихла ярость врагов. Когда же вскоре после того удовлетворенные солдаты снова возвратились к обычным римским нравам, рабы также возвратились к своим согражданам и предоставили госпожу самой себе. Та немедленно дала им обоим свободу и не оскорбилась тем, что получила жизнь от людей, над жизнью и смертью которых сама имела власть. Она даже тем более могла радоваться этому, потому что, будучи спасена как-нибудь иначе, получила бы только проявление простого и обычного снисхождения со стороны врагов; спасенная же таким образом, сделалась предметом рассказов и примером для обоих родов. Во время столь великого замешательства, какое произошло во взятом городе, когда каждый заботился только о себе, все покинули ее, кроме перебежчиков-рабов. Эти же последние, чтобы показать, с каким намерением был сделан их первый побег, возвратились от победителей к пленнице, приняв на себя личину убийц. Что всего важнее было в этом благодеянии, так это решение принять вид убийц своей госпожи, дабы спасти ее от смерти. Нет, поверь мне, не рабской души дело купить благородный подвиг ценою молвы о злодействе. К римскому полководцу привели претора (племени) марсов К. Веттия ⁵⁰. Раб сего последнего выхватил меч у того самого воина, который вел его, и прежде всего умертвил своего господина. «А теперь,— сказал он после этого,— мне время позаботиться и о себе; господина я уже освободил». С этими словами

он пронзил себя одним ударом. Представь мне кого-нибудь, кто более славным образом избавил бы своего господина.

Глава 24

Цезарь осаждал Корфиниум ⁵¹; в осажденном городе заключен был Домиций. Последний приказал врачу, который был в то же время его рабом, подать себе яду. Встретив с его стороны отказ: «Что ты медлишь, как будто все это зависит от твоей власти? Я прошу смерти с оружием». Тот обещал (исполнить желаемое) и дал выпить безвредное лекарство. Когда Домиций впал от этого в усыпление, раб подошел к его сыну со словами: «Прикажи стеречь меня, пока по исходу дела не убедишься, яду ли дал я твоему отцу». Домиций остался в живых и был пощажён Цезарем; первым, однако, спас его раб.

Глава 25

Во время гражданской войны ⁵² один раб укрыл своего господина, подвергшегося проскрипции. Надев на себя его перстни и одежду, раб этот вышел навстречу палачам, говоря, что ничего не имеет против исполнения ими того, что им приказано, и затем простер свою выю. Каким надо быть мужем для того, чтобы иметь желание умереть за господина в то время, когда редким проявлением верности было нежелание своему господину смерти; чтобы остаться мягкосердечным среди всеобщей жестокости и верным среди всеобщей неверности; желать в награду за верность смерти в то время, когда назначались большие награды за измену?

Глава 26

Не обойду молчанием примеров и нашего века. В царствование Тиберия была распространённой и почти всеобщей неистовая страсть к доносам ⁵³, опустошавшая Римское государство хуже всякой междоусобной войны. Подхватывались речи пьяных и откровенность шутников. Ничего не было безопасного: доставлял удовольствие всякий случай проявить жестокость и не ждали результата обвинения подсудимых, так как он всегда бывал один. Раз бывший претор Павел обедал в одном обществе, имея перстень с камнем, на котором было рельефное изображение Тиверия. Я допустил бы весьма большое неприличие, если бы стал подыскивать слова для описания того, как он взял горшок с нечистотами. Это обстоятельство немедленно было замечено одним из известных сыщиков того времени (Мароном). Но раб человека, для которого подготавливались козни, вырвал перстень у своего господина, находившегося в состоянии опьянения; когда же Марон пригласил гостей в свидетели того, что изображение императора было брошено в нечистоты, и приступил уже к состав-

лению бумаги для подписи (акта), раб показал, что перстень находится в его руке. Кто говорит об этом рабе, тот вспомнит и того гостя (Марона).

Глава 27

В царствование божественного Августа людям еще не причиняли опасности и беспокойства их слова. Некто Руф, по званию сенатор, раз выразил за обедом желание, чтобы Цезарь не возвращался живым из того путешествия, в которое собирался; при этом он прибавил, что того же самого желают все быки и телята. Были люди, которые с вниманием выслушали это. Как только рассвело, раб, стоявший за обедом при ногах его, рассказал ему о том, что он в опьянении говорил за столом, убеждая предупредить Цезаря и самому донести на себя. Воспользовавшись этим советом, Руф при одном выходе Цезаря подошел к нему и, поклявшись, что накануне плохо владел своим рассудком, выразил желание, чтобы это пало на него и его сыновей⁵⁴, причем упрашивал Цезаря простить ему и возратить его благоволение. Когда Цезарь обещал исполнить это, Руф стал просить и выпросил от его щедрот немалую сумму денег, говоря: «Никто не поверит, что ты возвратил мне благоволение, если чего-нибудь не подаришь мне». «Ради своей пользы,— сказал Цезарь,— я постараюсь никогда на тебя не гневаться»⁵⁵. Благородно поступил Цезарь, оказав прощение и к милосердию присоединив щедрость. Всякий, кто услышит об этом примере, непременно воздаст хвалу Цезарю, но уже после того, как похвалит раба: не ждешь ли ты, чтобы я рассказал, как был отпущен на волю тот человек, который совершил этот подвиг? Он был освобожден, однако — не даром: деньги за выкуп его уже уплатил Цезарь.

Глава 28

Ужели после стольких примеров остается еще сомнительным, что и господин иногда может принимать благодеяние от раба? Почему же скорее лицо умалывает подвиг, чем подвиг облагораживает лицо? Одно и то же начало и происхождение у всех: никто не бывает благороднее другого, кроме того, кто обладает более правильными и более способными к усвоению прекрасных искусств духовными дарованиями. Люди, выставяющие в атриумах изображения предков и помещающие в передней части дома длинный ряд имен, принадлежащих членам своей фамилии, соединенных между собою многочисленными гирляндами венков⁵⁶, бывают более известными, чем благородными. У всех один родоначальник — мир⁵⁷: к нему сводится, по блестящим или невзрачным ступеням, первоначальное происхождение каждого человека. Да не обольщают тебя те, которые, перечисляя своих предков, вставляют богов всюду, где недостает знатного имени⁵⁸. Не презирай никого, хотя бы возле него и были только

имена простых и мало благодетельствованных Фортунной людей: будут ли то вольноотпущенники, рабы или иноземного происхождения люди. Бодро воспряньте духом и вознеситесь над всем, что считается презренным: впоследствии вас ожидает великая слава! Зачем гордость делает нас до такой степени надменными, что мы почитаем недостойным принимать благодеяния от рабов и смотрим на их жребий, забыв о заслугах? Ты называешь того или другого человека рабом, ты — служитель своих страстей и глотки, раб блудницы, нет, раб, принадлежащий сообща всем блудницам! Это ты называешь его рабом? Куда это, наконец, влекут тебя слуги, одетые в пенулу⁵⁹ воинов и убранные, во всяком случае, не в обычные наряды? Куда, спрашиваю, они несут тебя? — к дверям какого-то привратника, в сады какого-то раба, не имеющего даже определенной обязанности. И ты, для которого составляет благодеяние приветствие чужого раба, отрицаешь, чтобы твой собственный раб мог оказать тебе благодеяние? Что за противоречие в душе твоей! Одновременно ты и презираешь и почитаешь рабов. Ты являешься повелителем в пределах своего дома и бессильным, униженным вне его; тебя настолько же презирают, насколько ты сам презираешь других. Ибо никто не унижает своего духа более того, кто несправедливо его возносит; никто не склонен к поправанию других более того, кто, принимая обиды, сам научился наносить их.

Глава 29

Сказанное нами выше было необходимо для того, чтобы сокрушить гордость тех людей, которые (все) измеряют ценою богатства, и защитить право рабов делать благодеяния, дабы это право обеспечено было и за сыновьями. Ибо возникает вопрос: могут ли когда-нибудь дети оказывать своим родителям благодеяния более тех, которые сами от них получили? Соглашаются с тем, что много сыновей вышло более великими и сильными, чем их отцы, равно и с тем, что они вышли лучше (своих отцов). Если же это так, то возможно, что, обладая большими средствами и более добрым желанием, они могут сделать и большее благодеяние. Говорят: «Все, что бы ни дал отцу сын, во всяком случае, будет менее важным, потому что последний бывает обязан отцу самой возможностью давать. Итак, никогда не может быть превзойден в благодеянии тот (отец), чье благодеяние есть и то самое, что его превосходят» (дети его)⁶⁰. Прежде всего иные предметы хотя и получают свое начало от других, тем не менее сами бывают более своих начал, и ничего нет такого, что не может быть более своего начала вследствие невозможности сделаться таковым (т. е. большим), не получив предварительно начала. Всякий предмет превосходит свое начало на большую степень. Семена — первопричина всех вещей; тем не менее они суть малейшие частицы того, что из них происходит. Посмотри на Рейн, на Евфрат⁶¹ и на все знаменитые реки: что такое они

представляют из себя, если станешь о них судить по истоку? Все то, благодаря чему они внушают страх и пользуются известностью, приобрели они на своем дальнейшем пути. Уничтожь корни — не возрастет лесов и не оденутся ими высокие горы. Посмотри на деревья, весьма высокие, если ты обращаешь внимание на высоту, и распростертые на весьма широкое пространство, если обратить внимание на густоту и протяжение ветвей: как мало по сравнению с ними то (пространство), которое обнимает своими тонкими волокнами корень? Храмы и стены города опираются на свои фундаменты, однако положенное в основание всего сооружения остается скрытым. То же самое бывает и в других случаях: постоянно следствие по важности превосходит свою причину. Я не мог бы чего-либо достигнуть, если бы тому не предшествовало благодеяние родителей: тем не менее все, достигнутое мною, еще не становится благодаря этому обстоятельству менее важным, чем то, без чего я не мог бы этого достигнуть (т. е. менее важным, чем благодеяние родителей). Если бы не вскормила меня в детстве кормилица, я не мог бы совершать ничего такого, что совершаю теперь при помощи своего ума и рук, и не мог бы приобрести того славного имени, какое приобрел благодаря своим военным и гражданским заслугам: станешь ли, однако, ради этого предпочитать дело кормилицы ⁶² величайшим подвигам? А ведь какое различие между тем и другим (т. е. между благодеянием родителя и кормилицы), коль скоро одинаково нельзя достигать дальнейшего без благодеяния со стороны родителя, как — и без питания, полученного от кормилицы?

Глава 30

Если же всем, что имею, я обязан своему началу, то заметь, что начало мое — не отец и даже не дед. Ибо всегда будет оставаться нечто такое, откуда исходит начало ближайшего начала. Но никто не станет утверждать, что я более обязан неизвестным и вне пределов памяти находящимся предкам, чем отцу; а ведь я (был бы) более обязан этим предкам (чем своему отцу), если бы отец мой был обязан им тем самым, что произвел меня. «Все,— говорят,— что я сделал для отца, хотя это и велико, тем не менее стоит ниже по достоинству родительского дара, ибо я не существовал бы, если бы отец не родил меня». Подобным образом и в том случае, когда кто-нибудь излечит отца моего, больного и близкого к смерти, я не буду в состоянии сделать для такого человека ничего, что не уступало бы его благодеянию: ведь отец не родил бы меня, если бы не был излечен? Но посмотри, не будет ли более справедливым обращать внимание на следующее: принадлежит ли мне, моим силам и моей воле то, что я был в состоянии сделать и что сделал? Посмотри — что такое само по себе событие моего рождения? Ты увидишь, что это есть нечто маловажное и неопределенное, общая причина как

добра, так и зла, несомненно, первая ступень ко всему, но еще не важнейшая всего благодаря тому, что первая. Я спас отца, возвел его на высшую ступень почести, сделал начальником в своем городе и не только прославил его, благодаря совершенным мною подвигам, но и доставил ему самому обильные и легкие, сколько безопасные, столько же и славные, средства для совершения подвигов. Я приобрел почести, богатства, все, что привлекает к себе человеческий дух, и, превзошедши всех, унизился пред ним. Скажешь: «То самое, что ты был в состоянии это сделать, есть дар твоего отца». Ответу тебе: «Конечно, так, если бы для совершения этого достаточно было только родиться. Но как скоро самая жизнь есть лишь малейшая доля того, что требуется для хорошей жизни, и как скоро ты даровал мне (лишь) то, что мне обще со зверями и некоторыми весьма малыми и даже весьма отвратительными животными, то не приписывай себе того, что не происходит от твоих благодеяний, хотя и не обходится без них». Представь, что я возвратил жизнь за жизнь. И в этом случае я также превзошел твое благодеяние, потому что я дал жизнь сознающему это и сознавая сам, что даю; потому что я дал жизнь тебе не ради своего чувственного наслаждения или, во всяком случае, не чрез это наслаждение; потому что сохранить душу настолько важнее, чем получить ее, насколько легче умереть, не испытав страха смерти.

Глава 31

Я даровал жизнь тому человеку, который может ею немедленно воспользоваться, ты же — такому, который не в состоянии знать, живет ли он; я даровал жизнь боящемуся смерти, ты даровал мне жизнь, дабы я мог умереть⁶³; я даровал тебе жизнь полную, совершенную, ты произвел меня на свет не имеющим разума, бременем для других. Ты хочешь знать, как невелика услуга даровать жизнь таким образом? Допустим, ты выбросил (ребенка): очевидно, родить его было дурной услугой⁶⁴. Отсюда по справедливости я заключаю, что соитие отца и матери представляет ничтожное благодеяние, если к нему не присоединяются другие, последующие за этим первоначальным даром благодеяния и не придают ему смысла вследствие других попечений. Не есть благо — только жить, но — жить хорошо. Положим, я живу хорошо, но ведь мог жить и худо: таким образом, тебе принадлежит лишь только то, что я живу. Если ты считаешь за мной в долгу сообщенную мне чрез тебя жизнь, обнаженную и скудную разумом, и гордишься этим как великим благодеянием, то подумай, что ты считаешь за мной (в долгу) такое благо, каким пользуются мошки и черви. Далее, не говоря уже ни о чем ином, кроме того, что я обучился прекрасным искусствам, дабы совершать правильный путь жизни, ты в самом благодеянии своем получил уже более, чем дал. Ибо ты представил меня себе необразованным и неопытным, а я представил тебе в своем лице такого сына, рождение которого дало тебе радость.

Отец вскормил меня. Если я делаю для него то же самое, то возвращаю ему (долг) с избытком, ибо он имеет удовольствие не только получать себе пропитание, но получать его — от сына; ему более доставляет наслаждения расположение моей души, чем самое вещество. Пропитание же, которое доставлялось мне им, шло только на мое тело. А кто достиг того, что сделался известным среди народов своим красноречием, справедливостью или воинскими подвигами, покрыл великой славой и своего отца и рассеял блестящим светом мраком своего происхождения, тот разве не оказал своим родителям бесценного благодеяния? Кто бы узнал Аристона и Грилла, если бы у них не было сыновей: Платона и Ксенофонта? Софрониску не дает умирать Сократ. Долго (было бы) перечислять остальных людей, которые продолжают жить (в памяти потомства) не по иной какой причине, как только потому, что их сохранила для потомства высокая доблесть детей. Кто кому оказал большее благодеяние: Агриппе ли отец его, оставшийся в неизвестности даже и после Агриппы, или отцу своему — Агриппа, который был награжден венком за морскую победу⁶⁵, — достигнув таким образом самой редкой военной награды, — и воздвиг в городе столько величайших сооружений, таковых, что они превосходили прежнее великолепие и в последующее время никаким великолепием не были превзойдены? Октавий ли оказал своему сыну более важное благодеяние или сын его (божественный Август) отцу своему (Октавию), хотя сего последнего и сокрыла тень приемного отца? ⁶⁶ Какое наслаждение получил бы Октавий, если бы увидел своего сына, по прекращении гражданских войн, — охранителем безмятежного мира! Он не сознавал бы своего счастья и всякий раз, как взирал на себя, не вполне бы верил, что в его доме мог родиться такой муж. Зачем мне теперь следить за прочими, которые уже давно были бы преданы забвению, если бы их не извлекала из мрака и до сих пор не поддерживала во свете слава сыновей? Впрочем, не станем обсуждать вопроса о том, *«какой»* сын возвратил своему отцу более благодеяния, чем получил от него, но о том, *«мог»* ли кто-либо возвратить (своему отцу) более (чем получил)? Хотя приведенных мною примеров еще недостаточно и эти (о которых я сообщал выше) благодеяния сыновей не превосходят благодеяний их отцов, тем не менее чего не достигну ни в одном веке, того достигает природа. Если поодиночке эти благодеяния не могут превзойти важности родительских заслуг, то многие, взятые вместе, превзойдут их.

Сципион спас отца во время сражения и, нося еще юношескую тогу, устремил коня на врагов⁶⁷. Мало того, что он презрел столько опасностей, которые весьма сильно удручали величай-

ших вождей, презрел столько представлявшихся ему трудностей; мало того, что, будучи еще неопытным юношей, он, желая ринуться в первую схватку, устремился через тела ветеранов,— что он превзошел свои лета? — прибавь к этому, что тот же, положим, самый человек ⁶⁸ защищает от обвинений своего отца и спасает его от умысла сильных врагов, что он доставляет ему в другой и третий раз консульство и другие почести, которые должны составлять предмет желаний даже для людей, уже бывших консулами (консуляров); что он передает своему отцу, находившемуся в бедности, богатства, захваченные по праву войны, и, что всего славнее для военных людей,— даже обогащает его неприятельской добычей. Если этого мало, то прибавь сюда, что он сосредоточивает в одних руках власть над провинциями и чрезвычайные полномочия; прибавь сюда, что, будучи защитником и созидателем Римского государства, которое, по разрушении важнейших городов, стремилось распространиться без соперников на восток и запад, он придает славному мужу еще более славы — называться отцом Сципиона. Можно ли сомневаться, чтобы возвышенная любовь и доблесть,— не знаю, чего более доставившая самому городу помощи или славы,— не могли превзойти обычного благодеяния, состоявшего в рождении?

Глава 34

Затем, если этого мало, то представь себе, что кто-нибудь избавил своего отца от мучений, представь себе, что он перенес на себя эти мучения. Сколько угодно можно расширять благодеяния сына, тогда как родительский дар прост и легок; он сопровождается чувственным удовольствием для дающего, и притом (дар этот) такого рода, что родитель мог его, по необходимости, сообщать многим даже таким, которым и сам не знает, что дал; в этом благодеянии он имеет соучастника, в даровании его он видит исполнение отеческого закона ⁶⁹, достижение награды ⁷⁰, назначенных предками; словом, все хорошо видит, не видит только того, кому дает.

А когда, приобретя мудрость, кто-либо передает ее отцу, будем ли мы и в таком случае рассуждать, больше ли он дал, чем получил; будем ли мы рассуждать об этом, когда сын дарует отцу блаженную жизнь, сам получив от него только жизнь? «Но,— говорят,— дар отца есть все то, что ты делаешь и что можешь ему дать». В таком случае и все то, чего я достиг в своих свободных предприятнях, есть дар моего наставника? Однако мы превосходим тех самых людей, которые нам это преподавали, и во всяком случае превосходим тех, кто обучал нас первым элементам. И хотя без них (преподавателей) никто не может ничего достигнуть, тем не менее (отсюда еще не следует), чтобы все, чего бы кто ни достиг, было ниже их. Большая разница между первым и последним (чего только можно достигнуть);

и первое не бывает сходно с последним благодаря только тому, что без первого не может быть последнего.

Глава 35

Теперь уже время нам показать что-нибудь, так сказать, и из своей собственной монеты ⁷¹. Кто оказал такое благодеяние, по сравнению с которым другое бывает лучше, тот может быть превзойден. Отец даровал сыну жизнь, а бывает и нечто лучшее жизни, следовательно, отец может быть превзойден, ибо он сделал благодеяние, в сравнении с которым нечто оказывается лучшим. Далее, кто даровал другому жизнь, тот, как скоро несколько раз был спасен от смертной опасности, получает благодеяние уже больше того, которое оказал. Отец даровал жизнь, следовательно, он может, как скоро более одного раза будет спасен своим сыном от смертной опасности, получить благодеяние больше того, которое оказал. Кто получил благодеяние, тот получил тем более, чем более в нем нуждался; в жизни более нуждался живущий, чем тот, кто не был еще рожден, который даже вовсе не мог в ней нуждаться; следовательно, отец, получив жизнь от сына, принимает большее благодеяние, чем сын, родившись от отца.

«Благодеяния отца не могут быть превзойдены благодеяниями сына. Почему? Потому что последний получил от отца жизнь; а если бы не получил ее, то не мог бы делать никаких благодеяний». Это обще отцу со всеми, кто даровал кому-нибудь жизнь. Ибо нельзя воздать благодарности, не получив предварительно жизни; следовательно, нельзя с избытком отблагодарить и врача, так как и врач обыкновенно дает жизнь; нельзя, таким образом, отблагодарить и корабельщика, если он спас от кораблекрушения? Но ведь можно превзойти благодеяния и тех и других людей, даровавших нам каким-либо образом жизнь; следовательно, можно превзойти и благодеяния отцов. Как скоро кто-нибудь оказал мне благодеяние, имеющее нужду в содействии благодеяний со стороны многих лиц, а я оказал ему благодеяние, не нуждающееся ни в чьей помощи, я дал более, чем получил. Отец дал сыну жизнь, которая могла бы погибнуть, если бы не присоединилось много такого, что охраняло ее; а сын, если дал жизнь отцу, то дал ее такой, которая не нуждается для своего сохранения ни в чьей помощи; следовательно, отец, получив жизнь от сына, получил от него благодеяние больше того, которое сам ему оказал.

Глава 36

Сказанное мною не уничтожает почтения к родителям и делает детей в отношении к ним не худшими, а лучшими; ибо добродетель по природе своей славолюбива и стремится превзойти тех, кто впереди. Почтение к родителям будет проявляться

с большей силой, если станут возвращать благодеяния с надеждой превзойти. Это будет служить предметом желания и радости для самих родителей, ибо много бывает такого, в чем наше собственное добро ⁷² превосходит нас. Откуда исходит столь желательное состязание? откуда такое счастье для родителей? счастье заявить, что они не равны в благодеяниях со своими сыновьями? Если мы не станем рассуждать таким образом об этом предмете, то подадим детям предлог к извинению и сделаем более нерадивыми к воздаянию благодарности тех, кого надлежит возбуждать словами: «Поступайте таким образом, достойнейшие юноши! Между детьми и родителями предназначено почетное состязание в том, дадут ли более или получат. (Родители) еще не победили благодаря тому, что предварили. Воодушевитесь только надлежащим образом и не обманывайте надежды тех, которые желают вашей победы! Не будет недостатка и в вождях для столь прекрасного состязания, которые станут побуждать вас к подражанию и повелевать идти по их следам к победе, которая часто бывает обязана уже своим происхождением родителям».

Глава 37

Превзошел отца Эней, сам бывший для него в детстве легким и спокойным бременем, превзошел, когда нес его, отягченного старостью, чрез полчища врагов и развалины рушившегося вокруг него города, причем благочестивый старец, объяввший священные предметы и домашних богов, был для путника немалым бременем; нес чрез огонь и (чего не в состоянии сделать любовь?) пронес и сделал его одним из достойных почитания основателей римского государства. Превзошли (своих родителей) и сицилийские юноши ⁷³: когда Этна, приведенная в движение величайшей силой, изрыгала пламя на города, поля и большую часть острова, они вынесли своих отцов. Сложилось убеждение, что они прошли сквозь огонь по тропинке, которая открылась в расступавшемся по обеим сторонам пламени, по этой тропинке и пробежали доблестные юноши, дерзновенно отважившиеся на великое предприятие. Превзошел Антигон ⁷⁴, который, победив неприятеля в большом сражении, принес отцу военную награду и передал ему власть над Кипром: вот это царская власть — не желать царствовать, хотя и можешь! Превзошел своего родителя, правда, властолюбивого, Манлий ⁷⁵, который, быв ранее удален за юношеское легкомыслие и неразумие, явился однажды к народному трибуну, назначившему его отцу день для явки пред судом. Он испросил аудиенцию, которую трибун дал ему в надежде, что тот окажется предателем ненавистного отца, и был уверен, что сделал услугу юноше, изгнание которого вменил, между прочим, Манлию в тягчайшее преступление. Юноша, добившись тайного свидания, обнажил скрытый на груди меч и сказал: «Если не поклянешься оставить дело моего отца, то я проко-

лю тебя этим мечом. В твоей воле выбрать способ, как избавить моего отца от обвинения». Трибун дал клятву и не обманул, причем объяснил собранию причину прекращения процесса. Никому другому не было позволено (когда-либо) так безнаказанно призвать трибуна к порядку.

Глава 38

Другие примеры иного рода суть (примеры) тех, которые спасли своих родителей от опасностей, из ничтожества возвели на высоту, из черни и безвестной толпы сделали немолчным достоянием веков. Никакая сила слова, никакая дар таланта не в состоянии выразить того, каким достохвальным и незабвенным для людей подвигом будет (приобрести) возможность сказать: «Я повиновался и уступал своим родителям, явил себя послушным и покорным их власти, была ли она справедлива или несправедлива и сурова; в одном не уступал я, именно, чтобы они не превзошли меня в благодеяниях». Состязайтесь, каклинау вас, и после поражения снова восстановляйте строй. Блаженны победители, блаженны и побежденные! Что может быть прекраснее юноши, который имеет возможность сказать себе (ибо нельзя этого говорить другому): «Я превзошел отца своего в благодеяниях»? Что может быть счастливее того старца, который всем и всюду станет хвалиться, что он побежден своим сыном в благодеяниях? ибо что может быть приятнее, как уступить самому себе?

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I

Изо всего, о чем мы рассуждали, Эбуций Либералий, ничего, по-видимому, не может быть до такой степени важного или такого, о чем, по выражению Саллюстия ¹, надлежало бы рассуждать с большим старанием, как тот (вопрос), который (теперь у нас) на очереди, именно: должны ли благотворительность и признательность сами по себе составлять предмет стремлений? — Находятся люди ², которые в благородных подвигах почитают только выгоду и которым не нравится бескорыстная добродетель, между тем как эта последняя не заключает в себе ничего великого, как скоро становится чем-то продажным. В самом деле, что может быть постыднее, как не высчитывать, за какую цену человеку можно быть добродетельным, тогда как добродетель никого не поощряет выгодой и не отвращает убытком? И до такой степени она никого не соблазняет надеждой и обещаниями, что требует, напротив, для себя затрат и часто с большей охотой дает (чем получает) ³. За ней надлежит идти, поправ расчеты, куда бы она ни позвала, куда бы ни послала,

без всякой заботы о материальных выгодах. Иногда должно идти за ней, нисколько не щадя даже своей собственной крови, и никогда не следует свергать с себя ее власти.

Говорят: «Чего я достигну, если смело и охотно стану это делать?» (Достигнешь того), что сделаешь это: больше тебе ничего и не обещается. Если же при этом случайно встретится какая-нибудь выгода, то смотри на нее как на нечто привходящее. Награда за высокие подвиги заключается в них самих.

Если (все) высокое само по себе должно составлять предмет стремлений ⁴, а благодеяние есть нечто высокое, то и его положение не может быть иным, так как природа его та же самая. А что ко всему высокому должно стремиться ради него самого,— это часто и пространно доказывалось.

Глава 2

Теперь мы вступаем в битву с толпой эпикурейцев — этих любителей чувственных удовольствий и прохлады, философствующих среди своих пиршеств. Для них добродетель — служительница удовольствий. Им (удовольствиям) она повинуетя, им служит и смотрит на них, как на высших себя. «Нет,— говорят они,— удовольствия без добродетели» ⁵.

Но почему же (удовольствие) прежде добродетели (поставляется в этом определении)? Ты полагаешь, что спор касается только порядка мест? Напротив, здесь дело идет о вещи в ее целом, о самой ее сущности. Нет добродетели, если она может стоять на втором месте. Ей принадлежит первая роль; она должна предводительствовать, повелевать, занимать почетнейшее место, а ты повелеваешь ей дожидаться условного сигнала ⁶.

«Что тебе за дело,— говорит эпикуреец,— ведь и я не допускаю, чтобы жизнь была счастливой без добродетели. Я порицаю и осуждаю то самое удовольствие, которому я следую и которому предался, как скоро (от него) удалена добродетель. Одно только составляет предмет спора, именно: есть ли добродетель источник высшего блага, или она сама — высшее благо?»

А хотя бы одно это было предметом нашего спора, то думаешь ли ты, что и здесь дело идет только о перемене места? Нет, это поистине извращение (дела) и очевидное ослепление; это значит первому предпочитать последнее. Я негодную не на то, что добродетель поставляется после удовольствия, но на то, что она совершенно сравнивается с удовольствием. Она его презирает, она его враг и, убегая от него как можно далее, является более расположенной к труду и скорби, к испытаниям, достойным мужа, а не к этому, свойственному женщине, благу.

Глава 3

Эти рассуждения необходимо было внести, любезный Либералий, по той причине, что благотворительность, о которой теперь

у нас идет дело, есть свойство добродетели, и весьма постыдно оказывать ее ради чего-нибудь иного, а не для того только, чтобы оказать. Ведь если бы мы дарили с надеждой на обратное получение, то стали бы давать каждому более других богатому, а не достойнейшему, между тем как теперь бедняка мы предпочитаем наглому богачу. Благотворительность не обращает внимания на богатство. Затем, если бы исключительно одна выгода побуждала нас оказывать помощь, то всего менее должны были бы раздавать свои дары те, которые всего легче могут (делать это), именно: богачи, люди властные и цари, не имеющие нужды в чужой помощи. Да и боги не снабжали бы нас таким множеством даров, которые они непрерывно изливают на нас днем и ночью ⁷, ибо им на все достаёт своей собственной природы, которая делает их довольными, безопасными и недоступными насилию.

Итак, ни для кого не станут делать добра, если делать его единственно ради себя и своих собственных выгод. Это не благодеяние, а ростовщичество, когда высматривают кругом не то, где бы найдостойным образом поместить (свой дар), а где бы получить как можно более выгод, откуда бы всего легче взять. Именно потому, что боги слишком далеки от этого, они и благодетельны. Ведь если бы единственным поводом к благотворительности была польза дающего, а для Бога не должно быть никакой надежды на получение от нас выгоды, то Он и не имел бы никакого повода благотворить нам.

Глава 4

Я знаю, что на это отвечают: «Бог, по этой причине, и не делает благодеяний ⁸, но, беспечный и равнодушный к нашей участи, Он, отвратившись от мира, занят другим делом или,— что Эпикуру представляется величайшим счастьем,— ничем не занят и благодеяния не более касаются Его, чем обиды» ⁹.

Рассуждающий таким образом не внимает голосам тех, которые молятся и дают публичные и частные обеты, отовсюду воздевая к небу свои руки ¹⁰. Ничего этого, конечно, не было бы, и все смертные не согласились бы на безумие — призывать глухие божества и недеятельных богов, если бы не знали их благодеяний, оказанных то по собственному их (богов) произволению, то дарованных людям по их молитвам,— благодеяний великих, благовременных и вмешательством своим отвращающих грозу великих бедствий. Найдется ли человек настолько несчастный, настолько покинутый, настолько обиженный судьбою и рожденный на страдания, который никогда не испытал бы этой щедрости богов ¹¹. Посмотри даже на тех, кто оплакивает свой жребий и предается жалобам,— ты найдешь, что и они не совсем лишены небесных благ; (найдешь), что нет никого (из них), на кого не излилось бы чего-либо из этого благого источника. А разве мало того, что нам поровну раздается при нашем

рождении? Не говоря о последующих (за рождением) благах, мера распределения которых неодинакова, разве мало дала нам природа, даровав саму себя? ¹²

Глава 5

Бог не делает благодеяний? откуда же (все) то, чем ты владеешь, что даешь, в чем отказываешь, что хранишь, что похищаешь? откуда (все) эти неисчислимые предметы, которые ласкают твои взоры, слух, душу? откуда это изобилие, производящее даже излишество? Предусмотрены ведь не одни наши необходимые потребности; любовь к нам простирается до баловства. Сколько деревьев, приносящих разнообразие плоды, сколько целебных трав, какое разнообразие (родов) пищи, распределенных на целый год, притом так, что неожиданно появляется продукт питания даже из невозделанной почвы! Сколько всякого рода животных, из которых одни рождаются на сухой и твердой почве, другие — во влаге ¹³, иные рассеяны в поднебесных пространствах ¹⁴, так что каждая область природы доставляет нам некоторую дань! А эти реки, опоясывающие поля красивыми извилинами, — реки, которые, протекая обширным и судорожным руслом, могут представлять удобный путь для торговых предприятий, — реки, из которых иные в определенные дни доставляют удивительное плодородие, неожиданно орошая могучим летним потоком сухие и расположенные под палящим небом местности? ¹⁵ а жилы целебных источников? а родники горячей воды на самих морских берегах? ¹⁶

...А ты, Лар великий, и ты,
Морю волнами и шумом подобный, Бенак ¹⁷.

Глава 6

Если бы кто-нибудь дал тебе несколько десятин земли, ты сказал бы, что получил благодеяние; а неизмеримые, широко раскинувшиеся пространства земли не считаешь благодеянием? Если кто-нибудь даст тебе денег и наполнит твой сундук, ты назовешь сие благодеянием, потому что это кажется тебе важным; а (Бог) поместил в земле столько металлов, источил из нее столько рек, по которым сбегает золотоносные пески ¹⁸, — повсюду скрыл громадные массы серебра, меди и железа, дав тебе возможность находить их и расположив на поверхности земли признаки скрытых богатств ¹⁹: это ли ты не считаешь благодеянием? Если тебе дадут дом, в котором блестит немного мрамора ²⁰, и великолепный кров, усеянный золотом и (украшенный) различными оттенками цветов ²¹, — назовешь ли ты это посредственным подарком? А Бог соорудил для тебя громадное жилище, которое несколько не боится пожара и разрушения ²², в котором ты видишь не легкие инкрустации, более тонкие, чем то острие, которым они вырезаются, а цельные глыбы драгоценнейшего

камня, целые (массы) разнообразного и различного материала, маленьким обломкам которого ты изумляешься,— кров, блещущий иначе ночью и иначе днем: этого ты вовсе не считаешь (каким-нибудь) даром? и, высоко ценя то, чем владеешь,— ты считаешь себя никому не обязанным? А это свойственно человеку неблагодарному.

Откуда тот воздух, которым ты дышишь? откуда тот свет, которым ты пользуешься для распределения и упорядочения действий своей жизни? откуда та кровь, движением которой поддерживается жизненная теплота? откуда все то, что до пресыщения раздражает твоё небо благодаря своему изысканному вкусу? откуда эти возбуждения воли уже утомленной? откуда этот покой, в котором ты развращаешься и становишься вялым? Если ты благодарен, то не скажешь ли:

Бог дал нам этот покой,
И так как Он всегда будет для меня Богом,
То Его алтарь часто будет орошать (своею кровью) нежный агнец из наших
овчарен.

Бог, как ты видишь, позволил блуждать моим быкам
И мне самому (позволил) играть на грубом тростнике, что пожелаю ²³.

Да, это Бог, который пустил не одно лишь малое количество быков, а громадные стада по всей земле, который доставляет корм всюду блуждающим стадам, который летние пастбища заменяет зимними, который не только научил нас играть на тростниковой свирели и слагать простые и безыскусные стихи, доставляющие тем не менее некоторое наслаждение, но создал такое множество искусств, такое разнообразие голосов, столько звуков, из которых можно образовать пение в нашем или иноземном духе. Ведь ты не скажешь, что нам обязано своим происхождением все то, что мы открываем и что на самом деле не более обязано нам, как и то, что мы растем и что на каждое определенное время телу соответствуют свои (особые) отправления. Сначала — выпадение детских зубов; затем, по мере возрастания и постепенного укрепления, наступает возмужалость; наконец появляются известный последний зуб, полагающий предел развитию юности ²⁴. В нас вложены семена всякого возраста и всякого знания ²⁵, а Бог есть тот наставник, который выводит таланты из неизвестности.

Глава 7

«(Все) это,— говорит (эпикурец),— дает мне природа». Но разве не понимаешь, что, говоря так, ты изменяешь только название божества; ибо что такое природа, как не Бог и не божественный разум, присущий миру в его целом и частях ²⁶. Ты можешь, сколько тебе угодно, давать иные имена этому виновнику существующих ради нас вещей. Справедливо будешь называть Его всеблагим и великим Юпитером и Громовержцем и Установителем (Stator). Не потому Он Установитель (Stator)

и Учредитель (Stabilitor), что восстановил ряды бежавших римлян, после того как принесен был (ими) обет,— как об этом передали историки,— а потому, что все стоит благодаря Его благодати ²⁷.

Не ошибешься, если назовешь Его и Судьбой (Fatum), потому что судьба есть не что иное, как ряд связанных между собой причин, а Он — первопричина всего, от которой зависят все остальные (причины).

Можешь удобно прилагать к Нему какие угодно имена, лишь бы они выражали некоторую силу и действие небесной природы. У Него может быть столько же названий, сколько проявлений Его благодати ²⁸.

Глава 8

Его же разумели наши и (под именем) отца Либера, и Геркулеса, и Меркурия ²⁹; отца Либера, потому что Он отец всего, потому что им впервые открыта сила семян, которая может производить нас чрез чувственное удовольствие ³⁰; Геркулеса, потому что сила Его необорима и когда она, по совершении дел (своих), придет в изнеможение, то превратится в огонь ³¹; Меркурия, потому что у Него разум, и число, и порядок, и мудрость ³². Куда ни обратишься — всюду увидишь Его предстоящим тебе. Ничто не лишено Его присутствия: Он наполняет собой свое творение ³³.

Таким образом, ничего ты не достигаешь, неблагодарнейший из смертных, считая себя обязанным не Богу, а природе, потому что не существует природы без Бога и Бога без природы, но и тот и другая — одно и то же и не различаются по своим действиям.

Если бы, получив что-нибудь от Сенеки, ты сказал, что должен Аннею или Луцию, то ты переменял бы не кредитора, а название его; потому что назвал ли бы ты его по имени, или по фамилии, или по прозвищу, он остался бы одним и тем же ³⁴. Так и в настоящем случае, называешь ли ты (Бога) природой, Судьбой, Фортуной — все это суть наименования одного и того же Бога, разнообразно проявляющего свое могущество. И справедливость, честность, благоразумие, мужество, умеренность — все это добрые (свойства) одной и той же души: если ты любишь какое-нибудь из них, то любишь (самую) душу.

Глава 9

Но чтобы не уклониться в рассуждения, не относящиеся к делу, (я повторяю, что) все эти многочисленные и великие благодеяния дарованы нам Богом без надежды на обратное получение, потому что Он не имеет нужды в том, что дает, а мы не в состоянии ничего Ему дать. Таким образом, благотворительность желательна сама по себе: при ней наблюдается только польза лица, принимающего (благотворение). Станем стремиться

к этой пользе, отложив в сторону попечение о собственных выгодах.

«Но,— возражают,— вы говорите, что должно тщательно выбирать людей, которым следует оказывать благодеяние, потому что и земледельцы не вверяют своих семян пескам. А если это так, то, оказывая благодеяние, мы преследуем собственную пользу, подобно тому как и при пахоте и посеве, так как и посев не составляет сам по себе последней цели. Притом вы ищете, кому бы оказать благодеяние, а этого не следовало бы делать, если бы благодеяние было желательно само по себе. Где бы и как бы мы ни дали, благодеяние всегда останется благодеянием».

Мы следуем добродетели не ради чего-либо другого, а ради нее самой. Однако, хотя ничего другого и не следует искать, мы обдумываем, что надобно делать, когда и как, ибо все зависит от этого. Таким образом, когда я выбираю, кому бы сделать благодеяние, то поступаю так именно затем, чтобы сделать благодеяние; ибо когда дают человеку недостойному, то это не может быть ни добродетелью, ни благодеянием.

Глава 10

Возвращение данного ³⁵ желательно само по себе; однако я не всегда буду возвращать, не во всяком месте и не во всякое время. Иногда бывает совершенно безразлично, стану ли я отказываться (от возвращения) или явно возвращать ³⁶. Я буду иметь в виду благо того, кому хочу возвратить, и откажу ему (в возвращении) данного (предмета), который принес бы ему вред.

То же самое сделаю и при благодеянии: я стану наблюдать, когда дать, кому дать, как и для чего. Ибо ничего не должно делать без разумного основания и ничто не бывает благодеянием, кроме того, что дается рассудительно; потому что разум должен быть спутником всего высокого. Как часто от людей, упрекающих себя за неосмотрительную благотворительность, мы слышим такие слова: «Я бы лучше желал потерять, нежели дать ему». Неосмотрительное даяние есть самый постыдный вид потери, и гораздо тяжелее неудачно сделать благодеяние, чем не получить его обратно. Ибо чужая вина, что мы не получаем, а что не выбираем, кому давать, наша. При выборе же ни на что (другое) не стану я обращать меньшее внимание, как на то, что ценишь ты (именно), от кого можно было получить обратно; потому что я выбираю того, кто способен чувствовать благодарность, а не того, кто мог бы возвратить. Часто же и кто не может возвратить бывает благодарным и кто возвратил — неблагодарным. К духу склоняется мое уважение. Посему богатого, но недостойного я миную; бедному человеку, но честному подам. Ибо и в крайней нужде он будет благодарным и, когда у него ничего не станет, останется душа. Не выгоду стремлюсь я извлечь из благодеяния, не удовольствие, не славу. Довольный (если удастся) угодить одному, я стану

давать для того, чтобы исполнить должное. И исполнение должного не бывает без выбора. Ты спрашиваешь, каков же будет этот выбор?

Глава 11

Я буду выбирать человека прямого, простого, памятливого, благодарного, от чужого воздерживающегося, к своему не привязанного алчно и доброжелательного. Когда выберу именно его, то, хотя счастье и не даст ему ничего такого, чем бы он мог вознаградить в благодарность, дело совершится в силу решения. Если же меня делает щедрым выгода и низкий расчет; если я помогаю только тому, кто и мне мог бы помочь, то я не сделаю благодеяния для человека, отправляющегося в различные и отдаленные страны,— не сделаю для того, кто намерен постоянно отсутствовать,— не сделаю для пораженного такой сильной болезнью, что ему не остается никакой надежды на выздоровление, и (ни для кого) не сделаю в случае собственной болезни, ибо не имею времени для обратного получения.

А что благотворение есть желательная сама по себе, это можешь узнать из того, что мы помогаем пришельцам, только что занесенным к нашим воротам и тотчас же собирающимся уходить; неизвестному человеку, потерпевшему кораблекрушение, мы дарим и снаряжаем корабль, чтобы на нем он был отвезен обратно. Он растается, едва ли достаточно узнав виновника своего спасения и не надеясь никогда более возвратиться на наши глаза; вместо себя он делает богов нашими должниками ³⁷ и их просит вознаградить своего спасителя за него. Между тем нам приятно чистое сознание благодеяния.

А когда мы стоим уже при конце (жизни), когда мы делаем завещание, то разве не раздаем благодеяний, которые нам не принесут никакой пользы? Сколько времени проходит, пока втайне решается, сколько и кому дать! А между тем что за важность, кому именно дать, когда ни от кого мы не думаем получить обратно? И конечно, никогда мы не даем с большим старанием, никогда не взвешиваем более наших суждений, как в то время, когда, по удалении материальных расчетов, нашим взорам предстает одно высокое: мы бываем худыми судьями наших обязанностей все время, пока их нарушает надежда и страх, и особенно расслабляющий порок — чувственное удовольствие. Когда же смерть заключила все и послала для произнесения приговора судью неподкупного ³⁸, мы ищем достойных людей, чтобы им передать свое (имение); и мы ничего более не исполняем с такой священной заботливостью, как то, что для нас уже безынтересно.

Глава 12

И в это время, поистине, великое удовольствие наступает (для умирающего) при мысли: «Этого я сделаю более богатым, а к достоинству этого прибавлю несколько блеска, увеличив (его)

средства». Если же мы делаем благодеяние только в надежде на обратное получение, то надлежало бы умирать без завещания.

«Вы называете, — говорят, — благодеяние неоплатным кредитом ³⁹, а кредит не есть вещь желательная сама по себе». Говоря *кредит*, мы употребляем образную и переносную речь. Так (мы говорим, что) закон есть правило справедливого и несправедливого; а правило не есть вещь желательная сама по себе. Мы снисходим до этих слов ради уяснения дела. Когда я говорю *кредит*, то, разумеется, как бы *кредит*. Желаете убедиться? Я прибавлю «неоплатный», тогда как никакой кредит не может или не должен оставаться неоплаченным.

И требование — не делать благодеяния ради пользы — простирается до такой степени, что часто, как я говорил, его должно бывает делать с убытком и опасностью. Так я прихожу на помощь к окруженному разбойниками, чтобы ему позволили пройти безопасно; беру под свое покровительство подсудимого, потерявшего благосклонность народа, и на себя обращаю происки людей сильных; я сниму с него траурные одежды (подсудимого) ⁴⁰, быть может, с опасностью самому надеть их пред теми самыми обвинителями, тогда как мог бы отойти в сторону и беспечно взирать на чужие ссоры; я поручаюсь за осужденного и срываю объявление (о продаже), вывешенное над именем друга, с намерением на себя принять долг пред его кредиторами: чтобы иметь возможность спасти подвергшегося проскрипции, я сам подвергаюсь такой же опасности.

Намереваясь купить Тускулан или Тибуртин ⁴¹, чтобы (найти там) здоровый воздух и уединение (на время) лета, никто не станет раздумывать, в какой год его купить; а когда купит, то надобно будет заботиться о поддержании. То же самое основание и благодеяний, ибо, когда будешь спрашивать: «Что оно принесет мне?» — отвечу: «Сознание хорошего поступка». «Чем награждает благодеяние?» А скажи мне, чем награждает справедливость, невинность, великодушие, целомудрие, воздержание? Если ты ищешь что-нибудь, кроме них, значит, (не ищешь) их самих.

Глава 13

Для чего мир ⁴² совершает свои перемены? Для чего солнце растягивает и сокращает день? Все это — благодеяния, все это предназначено на пользу нам.

Подобно тому как назначение мира — производить порядок вещей, назначение солнца переменять места своего восхода и захода и давать нам эти спасительные дары безвозмездно, так назначение человека, между прочим, и оказывать благодеяния. Итак, зачем давать? Чтобы не быть без подаяния, чтобы не терять случая к благодеянию.

Для вас, эпикурейцев, составляет удовольствие приучать свое изнеженное тело к ленивому бездействию и стремиться к беспечности, весьма похожей на усыпление, укрываться под густой

тенью и утонченными рассуждениями, которые вы называете отдыхом, услаждать бесчувственную от дряхлости душу и пресыщать яствами и питиями бледные от неподвижности тела. Для нас же, стойков, составляет удовольствие делать благодеяния, исполненные трудов, когда они облегчают труды других,— или опасностей, когда других избавляют от опасностей,— или тягостные для наших средств, когда они облегчают затруднительное и стесненное положение других. Что для меня за важность, получу ли я благодеяния обратно? Если и не получу, их должно оказывать. Благодеяние имеет в виду пользу того, кому оказывается, а не нашу; иначе мы оказываем его самим себе. Поэтому многое, что доставляет величайшую пользу другим, от награды теряет заслугу. Торговец приносит пользу городам, врач — больным, работороговец — рабам, которыми торгует ⁴³; но все они, служа выгоде других ради собственной, нисколько не обязывают тех, кому приносят пользу.

Глава 14

Не благодеяние то, что пускается на прибыль. Это дам, а это получу: (здесь) торговля. Я не назову целомудренной ту (женщину), которая оттолкнула любовника для того только, чтобы воспламенить его, которая устрашилась закона или мужа, как говорит Овидий,

— Не отдавшаяся только потому, что не позволено, (в сущности) отдалась ⁴⁴.

Не без основания относится к числу порочных та, которая свое целомудрие сохранила ради страха, а не для себя самой. Подобным же образом, кто дал благодеяние, чтобы получить его обратно, тот (в сущности) и не дал. Следует ли, что мы оказываем благодеяние животным, которых вскармливаем для употребления или для пищи? делаем ли мы благодеяние для деревьев, за которыми ухаживаем, чтобы они не пострадали от засухи и затверделости запущенной и невспаханной почвы? Никто не идет возделывать поле из чувства справедливости и доброты и (не идет из-за этого) ни на какое другое дело, плод которого вне его ⁴⁵.

Но к благотворительности приводит человека не корыстное и низкое намерение, а человеколюбие и щедрость, желание давать даже после того, как он дал,— умножать новыми и неослабными дарами прежние, руководясь одним только соображением, (именно) каким благом послужит (все это) тому, кому дается; а иначе — низко, непохвально и бесславно — быть полезным только потому, что это полезно (себе). Что великого — себя любить, себя беречь, для себя приобретать: от всего этого отклоняет нас истинная любовь к благотворительности. Она влечет (нас) к лишению (средств), налагая (на нас, как на свою собственную) руку ⁴⁶, и оставляет в стороне выгоды, находя великую радость в самом деле благотворительности.

Можно ли сомневаться в том, что обида противна благодеянию? Подобно тому как наносить обиды — дело, которого самого по себе должно избегать и устранять, так и делать благодеяние — само по себе желательно. Там — позор пересиливает (привлекательность) всех наград (побуждающих к преступлению); а к этому (делу) призывает действительное само по себе представление высокого. Я не ошибусь, если скажу, что нет никого, кто бы не любил своих благодеяний⁴⁷, нет никого, у кого бы душа не была устроена таким образом, чтобы он с большей охотой видел человека, которому уже сделал много добра, которому снова делать благодеяния — не служило бы поводом именно то, что он уже сделал однажды. Ничего этого не случилось бы, если бы нам не доставляли наслаждения самые благодеяния. Как часто ты слышишь говорящего: «Для меня невыносимо оставить (без попечения) того, кому я дал жизнь, кого я избавил от опасности. Он просит меня вести (за него) его судебный процесс против людей, благосклонных (ко мне). Мне этого не хочется; но что же делать? я уже не раз ему помогал!» Не видишь ли, что этому делу присуща какая-то собственная сила, которая заставляет нас делать благодеяния, во-первых, потому, что так должно, затем потому, чтобы мы уже раз сделали? Кому давать вначале не было разумного основания, тому мы еще даем потому, что (раз) уже дали.

Мы так далеки от того, чтобы руководиться в благодеяниях корыстными побуждениями, что продолжаем заботиться и благоприятствовать даже бесполезным (для нас) людям из одной любви к благодеянию; благосклонно относиться к своему благодеянию даже в том случае, когда оно сделано неудачно, настолько же естественно, как и к избалованным детям.

Те же самые (эпикурейцы) признаются, что сами они отплачивают за благодеяния не потому, что это дело благородное, а потому, что полезное. Что это — заблуждение, можно доказать с меньшим трудом, так как мы докажем это при помощи тех же самых доказательств, какие собрали (в пользу того), что делать благодеяния — дело само по себе желательное.

(Нами) твердо установлено то (положение), из которого исходят и прочие наши доказательства, именно: что о добродетели заботятся не по другой какой причине, как по той, что она — добродетель. Посему кто осмелится заводить спор о том, благородно ли быть благодарным? кто не станет проклинать человека неблагодарного, бесполезного для самого себя?⁴⁸ А когда тебе рассказывают о том, кто остается неблагодарным по отношению к величайшим благодеяниям своего друга, то как ты смотришь на это? Совершил ли он, по твоему мнению, нечто позорное

или опустил такую полезную вещь, которая должна бы принести ему выгоду? Думаю, что ты считаешь его человеком негодным, который нуждается в наказании, а не в опекуне. Этого не случилось бы, если бы признательность сама по себе не была делом желательным, делом высоким.

Иные добродетели, быть может, менее выдаются своими достоинствами и нуждаются в истолковании того, высоки ли они; эта же добродетель очевидна; она так прекрасна, что блеск ее не может быть сомнительным и ничтожным. Что заслуживает таких похвал, что так равномерно воспринято душами всех людей, как признательность за истинные услуги?

Глава 17

Скажи мне, что побуждает нас к той (добродетели)? Выгода? Кто ее не презирает, тот неблагодарен. Тщеславие? Но что за слава — заплатить должное? Страх? Никакого (страха) не бывает для неблагодарного, так как, единственно для этого порока, мы не позаботились закона как бы потому, то природа уже достаточно позаботилась об этом. Подобно тому как никакой закон не приказывает любить родителей, прощать детям, ибо излишне побуждать (нас идти туда), куда мы идем (сами); подобно тому как нет нужды побуждать к тому, чтобы любить самого себя, каковой любовью каждый руководится с самого рождения, так (никого нет нужды убеждать) в том, чтобы он стремился ко (всему) высокому ради самого высокого. Оно нравится самой своей природой,— и добродетель до того привлекательна, что даже у злых есть врожденная склонность одобрять (лучшее) ⁴⁹.

Есть ли кто-нибудь, кто бы не желал казаться благодетельным? кто бы среди преступлений и обид не старался приписывать себе честности? кто бы даже самых дерзких своих действий не прикрывал некоторым видом справедливости и не желал казаться сделавшим благодеяние даже тем, кому нанес оскорбление? Таким образом, (такие люди) допускают, чтобы им приносили благодарности те, кого они обидели, и представляются добрыми и щедрыми потому, что не могут быть (такowymi на деле) ⁵⁰. Они бы не делали этого, если бы любовь ко (всему) высокому и к тому, что само по себе достойно быть предметом желаний, не принуждала их искать репутации, противной их нравам, и скрывать порок, плода которого они страстно желают, между тем как сам он возбуждает в них ненависть и стыд; и никто не удалился настолько от естественного закона, никто не удалил от себя настолько все человеческое, чтобы сделаться злым ради удовольствия души. Ибо скажи кому угодно из тех, которые живут хищением, не пожелают ли они лучше добрым путем достигнуть того, что они приобретают разбоем и грабежом? Тот, ремесло которого нападать на прохожих и убивать (их), скорее пожелает найти (приобретаемое своим ремеслом), чем похищать. Не найдешь никого, кто бы не пожелал лучше пользоваться плодом

беззакония помимо (самого) беззакония. Величайшая услуга нам природы состоит в том, что добродетель проливает свой свет в души всех, даже те, которые не следуют ей, видят ее.

Глава 18

Дабы ты знал, что стремление души к благодарности должно быть желательным само по себе, (доказательством для тебя может служить то, что) неблагодарности самой по себе должно избегать; ибо ничто так не разъединяет и не расторгает союза рода человеческого, как этот порок. В самом деле, от чего много зависит наша безопасность, как не от того, что мы пользуемся взаимными услугами? Единственно благодаря этому обмену благодеяний⁵¹. Наша жизнь (становится) более благоустроенной и более огражденной от внезапных нападений. Разъедини нас, — чем тогда мы будем? Добычей и жертвой животных, кровью, ничего не стоящей и весьма легко проливаемой. Тогда как у прочих животных есть достаточно сил для своей защиты и все те, которые рождены для блужданий и жизни обособленной, вооружены, человека окружает слабость: ни сила когтей, ни сила зубов не делает его страшным для других; безоружного и бессильного, его ограждает общество. (Природа) дала две силы, которые человека слабого сделали весьма крепким, — разум и общество; благодаря им тот, кто, взятый в отдельности, не может даже ни с кем поравняться, обладает миром. Общество дало ему власть над всеми животными, его, рожденного на земле, общество ввело во владение иной природой и дало ему власть господствовать над всей природой. Оно сдерживает приступы болезней, приготовляет опору старости, дает утешение в скорбях; оно делает нас мужественными, потому что позволяет призывать (себя на помощь)⁵² против судьбы. Уничтожь общество, и ты разрушишь единство человеческого рода — единство, которым поддерживается жизнь; а оно уничтожится, если ты будешь утверждать, что человек должен избегать неблагодарности не ради ее самой, а ради того, что ему надобно опасаться чего-то другого. Ибо (в самом деле) как много таких, которым безопасно можно быть неблагодарными? Наконец, я называю неблагодарным всякого, кто благодарен из-за страха.

Глава 19

Никто, обладая здравым умом, не боится богов⁵³, так как неразумно страшиться спасительного, и никто не любит тех, кого боится.

Ты, Эпикур⁵⁴, наконец делаешь Бога безоружным: ты совлек с него все оружие и всю власть и, дабы ни для кого он не был предметом страха, изверг его за пределы мира. Таким образом, Его, огражденного какой-то громадной и непроницаемой стеной, отделенного от соприкосновения и созерцания смертных,

ты не имеешь причин бояться: нет у него никаких средств ни для благотворения, ни для вреда. Помещенный в срединном промежутке между этим и другим небом ⁵⁵, далекий от человека, от животного, от (всякой) вещи, Он избегает развалин миров, падающих над Ним и вокруг Его, не слыша ни (наших) обетов и не заботясь о нас. А ты хочешь казаться почтительным и к Нему, как к родителю, питая в душе, как я полагаю, чувства благодарности. Если же ты не желаешь казаться благодарным, потому что не имеешь от Него никакого благодеяния, и тебя, по твоему мнению, образовали своим случайным и бесцельным сочетанием атомы и те твои маленькие частицы ⁵⁶, то зачем ты Его почитаешь? «За Его,— говоришь,— величие? за Его высокую и исключительную природу?» Пусть так, соглашусь с тобой. Конечно, ты это делаешь, не побуждаемый никакой надеждой, никакой наградой; если же, следовательно, что-то такое, что желательно само по себе, самое достоинство чего привлекает тебя ⁵⁷. Это и есть добродетель. А что может быть добродетельнее, как не быть благодарным? Предмет этой добродетели открывается в такой широте, как сама жизнь.

Глава 20

«Но,— говорит Эпикур,— этому благу присуща даже некоторая польза», ибо, в самом деле,— какой добродетели она не присуща? Однако только о такой вещи говорится, что к ней стремятся ради ее самой, которая хотя и имеет некоторые внешние по отношению к себе выгоды, тем не менее нравится и после их отделения и удаления. Полезно быть благодарным; однако я буду благодарным и в том случае, когда мне это повредит. Что преследует благодарный? чтобы эта добродетель снискала ему новых друзей, новые благодеяния? А если кто может вызвать против себя оскорбления, если кто понимает, что он не только ничего себе чрез нее не может приобрести, но даже многое должен будет потратить из того, что было им ранее приобретено и отложено про запас,— что тогда? охотно ли он пойдет на убытки?

Неблагодарен тот, кто в признательности предвидит новое благодеяние ⁵⁸, кто, возвращая (полученное им), надеется (чрез это получить еще). Я называю неблагодарным того, кто сидит при постели больного потому (только), что этот последний намерен сделать завещание, у кого много (тогда бывает) свободного времени подумать о наследстве или о завещанном имуществе. Пусть такой человек делает все, что обязан сделать добрый и помнящий о своем долге друг, но если в его душе таится надежда, если он алчет наживы и (только) забрасывает уду ⁵⁹, то этот человек следует за смертью и витает около трупа подобно тем птицам, которые питаются терзанием тел и поблизости высматривают ослабленных болезнью и близких к падению животных.

Благородный дух восхищается самым достоинством своей цели. Желает знать, что это так, что его не подкупает выгода? Бывают два рода благодарных: благодарным называется тот, кто возвращает что-нибудь взамен того, что сам получил. Этот, быть может, имеет возможность показать себя: у него есть чем гордиться, что выставить напоказ. Благодарным называется и тот, кто с добрым расположением души принял благотворение и с добрым расположением сознает свой долг. Такой человек (со своим чувством благодарности) заключен внутри своей совести⁶⁰. Какая выгода может произойти для него от скрытого чувства? Но и этот, хотя не в состоянии ничего сделать более, тем не менее является благодарным: он питает любовь, сознает за собой долг, стремится воздать благодарностью. И нет у него недостатка ни в чем, чего бы ты ни пожелал (от него, как благодарного человека) еще сверх этого. Художником ведь бывает даже и тот, у кого недостает инструментов для занятия искусством; не менее бывает опытен в пении и тот, голоса которого не позволяет слышать шум криков.

Я желаю воздать благодарность, после этого еще мне остается нечто сделать, но остается не воздать благодарность, а уплатить долг⁶¹. Часто ведь и воздавший благодарность бывает неблагодарным, и не воздавший ее — благодарным, потому что оценка достоинства как всяких других добродетелей, так и этой (т. е. благодарности) всецело относится к душе. Если эта последняя исполняет свою обязанность, то во всем, чего не достало, виновато уже (счастье).

Подобно тому как бывает красноречивым даже тот, кто молчит, и храбрым даже тот, кто (сидит) сложа руки⁶², или даже — у кого руки связаны; как кормчим бывает и находящийся на суше, — ибо совершенное знание не заключает в себе никакого недостатка и в том случае, когда что-нибудь препятствует им пользоваться, — так является благодарным и тот, кто только желает (этого), (хотя) и не имеет никакого другого свидетеля этого желания, кроме самого себя. Скажу даже более. Иногда бывает благодарным и тот, кто представляется неблагодарным, кого общественное мнение — этот дурной истолкователь — выводит в противоположном свете. Чему иному следует этот человек, как не (голосу) самой совести, которая доставляет радость, даже будучи подавлена, которая протестует против общества и молвы, все полагает в себе самой и которая, усмотрев на другой стороне громадную массу людей, мыслящих противоположным образом, не пересчитывает голосов, но одерживает верх одним своим приговором?⁶³

Если же такой человек видит, что честность подвергается гонениям со стороны вероломства, то он не сходит со своей высоты, а стоит превыше того мучения (которому его подвергают): «Я обладаю», говорит он, тем, чего желал, к чему

стремился; я не раскаиваюсь и не стану раскаиваться; никакой невзгодой судьба не доведет меня до того, чтобы слышать (от меня такие слова): «Чего желал я себе? Какую пользу мне приносит теперь мое благое желание?» Да, оно приносит пользу и на дыбе ⁶⁴, и на огне. Если огонь этот приближается к каждому члену и мало-помалу обнимает все живое тело, то пусть само сердце, исполненное благих чувств, истекает: ему (тем не менее) будет доставлять наслаждение тот огонь, благодаря которому предстанет в полном свете его непорочная честность.

Глава 22

Приведем теперь снова аргумент, хотя он уже и был высказан нами ранее, именно: почему мы желаем быть благодарными, когда умираем? Почему мы (старательно) взвешиваем (оказанные нам) каждой услуги? Зачем делаем мы это, пробегая в памяти всю свою жизнь, дабы не оказаться забытыми чьего-либо одолжения. Ведь (у нас) ничего не остается (более), на что могла бы простираться наша надежда? Однако и находясь на этом пороге (жизни) ⁶⁵, мы желаем удалиться от дел человеческих насколько возможно более благодарными. Очевидно, в самом этом подвиге заключается большая награда за него и (очевидно, что) добродетель обладает великой властью — привлекать умы людей. Прелесть ее объемлет души и восхищает их, очарованных созерцанием ее света и блеска ⁶⁶. Но много проистекает отсюда и выгод. Для лучших людей и жизнь безопаснее ⁶⁷, (на их стороне) любовь и благосклонное суждение добрых, да и более беспечными бывают лета той жизни, которая сопровождается невинностью и признательностью души. Ибо несправедливой была бы природа (вещей), если бы она сотворила только это жалкое непостоянное и суетное благо. Но помышляй о том, будет ли у тебя желание идти к добродетели, которая часто достигается безопасно и легко, идти даже по камням и скалам и пути, занятому дикими зверями и змеями ⁶⁸.

Глава 23

То, чему присуща какая-нибудь внешняя польза, еще не становится, благодаря этому, недостойным само по себе служить целью наших стремлений. Ибо все почти наиболее прекрасное сопровождается в то же время и многими извне приходящими благами: но оно влечет их (за собой), а само — предшествует им. Можно ли сомневаться, что круговращение солнца и луны ⁶⁹ своими сменами дает благоустройство этому жилищу человеческого рода? что теплотой первого (светила) питаются тела, размягчается почва, сдерживается чрезмерная влажность, сокрушается суровость все связующей зимы, а действенной и всепроникающей теплотой другого регулируется созревание плодов, что его течению соответствует плодоношение людей? что круговым дви-

жением своим первое (т. е. солнце) (определяет) год, а второе (т. е. луна), вращаясь в сравнительно меньшем пространстве, — месяц?

Тем не менее и по устранении (всех) этих (благ) — разве солнце само по себе не представляло бы зрелища, пригодного для взоров и достойного благоговения, если бы мимо нас совершало свой путь? Разве луна не была бы достойна созерцания даже и в том случае, если бы совершала свой путь лишь как праздное светило? А чьею внимания не привлекает к себе сам мир ⁷⁰, разливший по ночному небу такое множество огней, возжегший такое бесчисленное количество звезд? Но кто же помышляет о пользе для себя от этих светил в тот момент, когда им удивляется? Посмотри на эти звезды, катящиеся безмолвным сонмом: каким образом они скрывают свою быстроту под видом состоящих и неподвижных тел?

Сколько движения совершается в ту ночь, которую ты наблюдаешь только для определения числа и различия дней? какое множество предметов развертывается под (покровом) этого молчания, какой ряд судеб производит известный путь (зодиака)? Те светила, на которые ты смотришь не иначе как на рассеянные для красоты, каждое в отдельности делают свое дело. Нельзя ведь представлять (себе), что только семь светил совершают свое течение, а прочие стоят неподвижно: для нас заметно движение немногих, бесчисленное же множество этих божеств ⁷¹ идут своим путем и снова возвращаются, будучи более удалены от нашего зрения. Да и из числа тех светил, которые доступны нашим взорам, многие идут неспостижимым для нас ходом ⁷² и тайне совершают свое движение. Что же? Разве ты не станешь восхищаться созерцанием их величия, хотя бы даже они и не управляли тобой, не охраняли, не согревали, не порождали жизни и не орошали своим дыханием?

Глава 24

Как эти светила хотя прежде всего и заключают в себе пользу, составляют предмет необходимости и дают жизнь, но тем не менее всецело умом нашим овладевает их величие, так и всякая добродетель, и преимущественно добродетель благодарности, хотя и много доставляет пользы, тем не менее не желает быть предметом любви только ради этого. Она заключает в себе нечто более широкое, и недостаточно понимает ее тот, кто считает ее в числе полезных. Он бывает благодарным (только) потому, что это приносит пользу? Следовательно, и благодарным бывает (лишь постольку), постольку это приносит пользу. (Но) добродетель не принимает скупого: в возлюбленные к ней надобно идти с лоном отверзтым. Неблагодарный размышляет таким образом: «Я желал бы отблагодарить, но боюсь издержек, боюсь опасности, остерегаюсь обиды: стану делать лучше то, что приносит пользу». Не может одно и то же побуждение

делать и благодарным и неблагодарным. Подобно тому как различны дела, так различны между собой и намерения их: тот неблагодарен, хотя бы так поступать и не надлежало, неблагодарен потому, что это для него полезно, а этот благодарен, хотя бы для него и не было полезно, благодарен потому, что этого требует долг.

Глава 25

Мы ⁷³ поставили себе целью жить сообразно с природой вещей и следовать примеру богов. А какую цель преследуют боги во всех своих делах, кроме самого содержания этих дел? Разве только ты, быть может, полагаешь, что они получают плод своих трудов от дыма приносимых в жертву внутренностей и благоухания фимиама? Посмотри, какие труды они ежедневно предпринимают, сколько раздают даров, каким множеством плодов исполняют землю, какими благоприятными ветрами, несущимися во все страны, они волнуют моря, каким множеством внезапно выпадающих дождей умягчают почву, восстанавливают пересыхающие жилы источников и обновляют их содержанием, наливаемым сокровенными путями.

Все это они делают безвозмездно, безо всякой для себя выгоды. Это же самое должен наблюдать и наш разум, если не уклоняется от своего идеала, дабы не идти к добродетели в качестве наемника. Да устыдится какое-либо благотворение быть продажным: мы имеем бескорыстных богов!

Глава 26

«Если,— говорит (эпикурец),— ты подражаешь богам, то оказывай благодеяния и неблагодарным, ибо и над преступными восходит солнце, и пиратам открыты моря».

Здесь ставят вопрос: захочет ли добрый человек благотворить неблагодарному, зная, что он неблагодарен?

Дозволь мне несколько перебить эту речь, дабы нам не быть захваченными (врасплох) коварным вопросом. Согласно положению стоиков, прими два разряда неблагодарных: один неблагодарен потому, что безрассуден ⁷⁴, а безрассудный — дурной человек, но дурной человек не свободен ни от какого порока, следовательно, он и неблагодарен. Так, мы всех называем дурными, невоздержными, алчными, расточительными, лукавыми не потому, что все эти пороки в каждом человеке в отдельности велики и явны, но потому, что они могут быть таковыми и существуют, хотя и скрыты.

Другого рода неблагодарный, называемый так толпой, есть тот, кто от природы бывает склонен и расположен к этому пороку. Неблагодарному первого рода, который не чужд этой вины настолько же, насколько он не чужд никакой, добрый человек будет оказывать благодеяние, ибо если станет отталки-

вать таких людей, то у него не будет возможности никому делать добра ⁷⁵.

Неблагодарному же (второго рода), который скрывает сделанное ему добро и склонен к этому (пороку) душой, он не станет делать благодеяния точно так же, как не станет доверять денег расточителю или поручать на сохранение вещь тому, кто уже многим отказал (в возвращении ему вверенного).

Глава 27

Боязливым называется иной потому, что он безрассуден, и это (название) преследует всех дурных людей, которым присущи все неразлучные и общие пороки. Но в собственном смысле называется боязливым (только) тот, кто от природы бывает склонен пугаться даже пустых звуков.

Глупец обладает всеми пороками, но не ко всем он склонен от природы. Один бывает склонен к корыстолюбию, другой к роскоши, иной к дерзости.

Таким образом, заблуждаются те, которые спрашивают стоиков: «Так что же Ахилл (по-вашему) трус? Аристид, которому справедливость дала имя, несправедлив? Фабий, поправивший дело медлительностью, безрассуден? Деций боится смерти? Муций — предатель? Камилл — изменник?» ⁷⁶

Мы не говорим того, что все пороки присущи всем в такой же мере, в какой каждый из них в отдельности выдается в некоторых людях. Но дурной и безрассудный человек (утверждаем мы) не чужд никакого порока. И смелого мы не считаем свободным от страха и даже расточителя не освобождаем от обвинения в корыстолюбии. Подобно тому как каждый человек обладает всеми чувствами и, однако, не все люди, в силу этого, обладают остротой зрения, подобно Линкею ⁷⁷, так и безрассудный не содержит в себе всех пороков в той же степени остроты и силы, в какой некоторые обладают иными (из этих пороков).

Все пороки присущи всем, но не все они одинаково проявляются в каждом человеке в отдельности. Одною природою побуждает к корыстолюбию, иной предается сладострастию, а иной вину или если еще не предался совершенно, то устроен таким образом, что по своему характеру стремится к этому.

Итак, возвращаюсь к своему предмету речи. Неблагодарен всякий дурной человек, ибо он заключает в себе все семена порока. Однако в собственном смысле называется неблагодарным лишь тот, кто стремится к этому пороку: такому человеку я не стану оказывать благодеяния.

Подобно тому как (по нашему мнению) плохо заботится о своей дочери тот, кто выдал ее замуж за человека, пользующегося дурной славой и с которым уже часто разводилась (его жена), подобно тому как будут считать плохим отцом семейства того, кто поручил заботу о своем родовом имении человеку, осужденному за (плохое) ведение (денежных) дел, подобно тому

как (по нашему мнению) в высшей степени нелепое завещание составил тот, кто грабителя сирот оставил опекуном своему сыну, так и всякого, кто выбирает неблагодарных людей для того, чтобы доставлять им дары, которые будут пропадать (без пользы), станут называть очень неудачно оказывающим благодеяния.

Глава 28

«Да ведь и боги,— говорит (эпикурец),— многое даруют неблагодарным».

(Так), но все эти дары они приутожили для людей добрых,— дурные же принимают участие (в пользовании ими) потому, что не могут быть выделены. Ибо лучше ведь помогать и злым ради добрых, чем лишать помощи добрых ради злых. Таким образом, боги изыскали все то, что ты (нам) приводишь: день, солнце, течение зимы и лета, средние умеренные времена года: весну и осень, дожди, пользование источниками и постоянные течения ветров ⁷⁸ для всех людей вообще; они не могли исключить из пользования этими дарами отдельных лиц.

Царь дает почести достойным, но публичные дары ⁷⁹ и недостойным. Общественный (зерновой) хлеб ⁸⁰ получают и вор, и клятвопреступник, и прелюбодей, и без различия нравов, имя каждого, кто бы он ни был, бывает вырезано (на доске) ⁸¹. И все другое, что дается человеку как гражданину, а не как лицу добродетельному, одинаково несут к себе и добрые, и злые.

Так и Бог иные блага свои даровал всему роду человеческого для общего употребления: от пользования ими не исключается никто. Ибо не могло ведь и быть того, чтобы ветер был приятен людям добрым и противен злым. Общедоступным благом было: открыть торговые морские сношения и распространить владычество человеческого рода. Нельзя было определить закона выпадения дождей таким образом, чтобы они не орошали полей, принадлежащих злым и бесчестным людям.

Некоторые (блага) полагаются среди (всех для общего пользования). Так города созидаются как для добрых, так и для злых. Памятники ума издание общедоступными, так что они могут доходить и до людей недостойных. Медицина оказывает помощь и преступникам. Никто не уничтожил составления полезных лекарств для того, чтобы ими не врачевались люди недостойные.

Требуя цензуры и оценки (достоинства) лиц в раздаче тех благ, которые даруются каждому человеку в отдельности как того достойному, а не тех, которые безразлично допускают к себе всю толпу. Ибо много значит: не исключаяешь ты кого-либо или выбираешь. Правосудие оказывается и вору; спокойствием пользуются и убийцы; своего требуют обратно даже и те, кто похитил чужое. Убийц и людей, которые дома пускают в дело меч, стена защищает от врага: покровительством законов пользу-

ются и те, которые весьма часто относительно их погрешали. Иные (блага) не могли (бы) доставаться никому (из прочих), если бы не раздавались всем вообще.

Таким образом, нечего рассуждать о том, к чему мы бываем приглашены наряду со всеми,— но того, что мне должно представлять (в дар) кому-нибудь по своему собственному усмотрению, я не стану дарить лицу, заведомо для меня неблагодарному.

Глава 29

«Значит,— говорит (эпикурец),— когда неблагодарный попросит совета, ты не станешь давать ему, не позволишь ему почерпнуть воды и не укажешь пути, когда он станет блуждать? Или хотя и сделаешь это, но ничего не будешь дарить ему?» Я укажу различие — в данном случае, по крайней мере, постараюсь его указать. Благодеяние есть полезное дело, но не всякое полезное дело — благодеяние, потому что иное бывает так ничтожно, что не может носить такого имени. Для того чтобы составить благодеяние, должны соединиться два обстоятельства. Во-первых, величина предмета, так как иные (предметы) бывают ниже (той) меры (которая дает право на приобретение) этого имени. Кто называл благодеянием подавание небольшого хлеба, ничтожной монеты или дозволение зажечь огонь? Правда, иногда и такие услуги приносят больше пользы, чем самые важные, тем не менее их ничтожность отнимает у них цену даже и в тех случаях, когда по требованию времени они делаются необходимыми.

Затем, что всего важнее, (к этому качеству) должно присоединиться следующее условие, именно: надобно делать добро ради того лица, которому я желаю доставить благодеяние, считать его достойным этого и охотно делать даяние, извлекая наслаждение из своего дара.

Ничего этого нет в тех действиях, о которых мы говорили. Ибо мы оказываем их людям не как достойным этого, но оказываем, пренебрежительно относясь к этим дарам, как ничтожным: в этом случае мы даем даяния не человеку, а человечеству ⁸².

Глава 30

Не стану отрицать того, что иногда буду раздавать некоторые дары и недостойным, дабы почтить других: так, при соискании почестей знатное происхождение заставляет предпочитать иных недостойных людей людям новым, хотя и трудолюбивым ⁸³. Без разумного основания почитается священной память великих заслуг; появлению большого количества доблестных людей способствует то обстоятельство, когда благодарность за заслуги не пропадает вместе с ними.

Что сделало Цицерона-сына ⁸⁴ консулом, как не отец? Какое обстоятельство недавно возвело Цинну ⁸⁵ из лагеря неприятелей

на консульство? Что возвысило Секста Помпея ⁸⁶ и других Помпеев, как не величие одного мужа? Величие, которое некогда было таково, что даже при его падении достаточно высоко вознесло всех его (потомков). А благодаря чему в недавнее время сделали жрецом не одной коллегии Фабия Персидского ⁸⁷, одно лобзание которого может препятствовать молитвам добрых людей (доходить по их назначению) ⁸⁸, как не благодаря Фабию Веррукозу, Аллоброгику и тем тремстам Фабиев, которые противопоставили нападению врагов одно свое семейство — за (целое) государство?

Наш долг в отношении к добродетели ⁸⁹ чтить ее не только в настоящем, но и тогда, когда она удалась от нашего зрения. Подобно тому как они (доблестные мужи) совершили эти (подвиги) с тем, чтобы принести пользу не одному (только) поколению, но оставить свои благодеяния и после себя, так и мы не должны ограничивать своей благодарности одной (их) жизнью.

Этот человек произвел на свет великих людей, — он достоин благодеяний, каков бы ни был, (потому что) даровал нам людей достойных. А этот — произошел от знаменитых предков: каков бы он ни был — пусть укрывается под их сенью! Подобно тому как темные места освещаются солнечными лучами, так и ничтожные люди пусть озаряются сиянием своих предков.

Глава 31

Теперь я хочу, мой Либералий, избавить от нареканий богов, так как иногда мы имеем обыкновение говорить: «Что было (угодно) Провидению, когда оно возвело на царство Аридея?» ⁹⁰ Ты полагаешь — царство было дано ему? Нет, оно даровано его отцу и брату.

Почему оно сделало владыкой вселенной Гая Цезаря ⁹¹, человека, страстно алкавшего человеческой крови, которую он повелевал проливать на своих глазах, как бы желая ею упиться. Что же значит, ты думаешь, что это (царство) даровано ему? Нет, оно даровано его отцу Германику, даровано его деду и прадеду и прежде них (жившим) другим славным мужам, хотя они и проводили свою жизнь в качестве частных лиц и были равны со всеми прочими людьми.

А когда Провидение сделало Мамерка Скавра ⁹² консулом, то разве не знал ты, что он берет открытыми устами менструации своих служанок: да он и сам разве скрывал это? Разве он хотел казаться невинным?

Передам тебе рассказанное им о самом себе, о чем, как я помню, разносили всюду и с торжеством заявляли даже в его собственном присутствии. Однажды он выразил Азинию Поллиону ⁹³, когда тот лежал, в непристойных словах свое желание сделать с ним то, что сам предпочитал испытывать ⁹⁴. И когда увидал, что чело Поллиона нахмурилось, то заметил: «Что я сказал дурного, пусть обратится на меня и на мою голову!» Он сам передал эти слова свои.

И ты допустил столь явно низкого человека до (преднесения пред ним ликторских) связок и до трибунала? Конечно (ты сделал это потому, что), имея в мысли древнего Скавра, главу сената, с негодованием сносишь, когда лежит (в забвении) его отрасль.

Глава 32

Правдоподобно, что к одним боги относятся с большим благоволением ради их родителей и дедов, к другим ради будущего поколения их внуков и правнуков и длинного ряда следующих потомков. Ибо они знают, каков будет ряд поколений созданного ими (человека), и для них всегда открыто познание всех тех вещей, которые имеют пройти чрез их руки; для нас же это знание закрыто. Что мы считаем неожиданным, то для них является предусмотренным и знакомым. «Да будут,— говорит Провидение,— эти люди царями, потому что их предки не были (такowymi); потому что эти последние предпочли верховной власти справедливость и воздержание, потому что не государство они посвятили на служение себе, а самих себя на служение государству. А эти люди пусть царствуют, потому что прадед их был доблестным мужем, дух которого возвышался над судьбой, который во время гражданской распри предпочел лучше сам быть побежденным, чем победить, ибо это полезно было для государства. Ему такое долгое время нельзя было сделать воздаяния. В уважение к нему пусть этот человек господствует над народом не потому, что он умеет или может это делать, а потому что другой заслужил этого вместо него. Этот безобразен телом, отвратителен на вид и обратит в посмешище свои (царские) украшения: вот люди станут обвинять меня, станут называть слепым и безрассудным, упрекать в незнании, куда положить то, что должно принадлежать лучшим и превосходнейшим людям. Но я знаю: другому я дарую это, другому уплачиваю (сделанный мной) некогда долг. Откуда людям знать того человека, который избегает славы, идет на опасность с таким лицом, с каким другие возвращаются из опасности, который никогда не отличает своего блага от общественного. Где он, говоришь ты, или кто он такой и откуда? Вы не знаете, а у меня ведутся счета расходов и доходов. Я знаю, что кому следует. Одним я возвращаю долг спустя долгое время, другим заранее и смотря по тому, как представится удобный случай и возможность для моего государства».

Глава 33

Итак, иногда я буду давать нечто и человеку неблагодарному, но не ради него самого. «А если,— говорит (эпикурец),— ты не знаешь, благодарен он или неблагодарен, то будешь дожидаться, пока узнаешь, или не станешь упускать времени оказать

благодеение? Ждать долго, ибо, как говорит Платон, трудно знать человеческие мысли; не ждать безрассудно».

На это мы ⁹⁵ ему ответим, что никогда не надеемся на до-
стовернейшее восприятие вещей, так как познание истины от-
носится к числу трудностей, но идем тем путем, которым ведет
нас подобие истины. Этим путем идет всякое дело. Так мы сеем,
так плаваем по морю, так женимся, так воспитываем детей.
Поелику исход всего этого неизвестен, то мы приступаем к тому,
относительно чего, по нашему убеждению, следует питать хоро-
шие надежды. Ибо кто обещает сеятелю всход, мореплавателю
— пристань, мужу — целомудренную жену, отцу — почти-
тельных детей? Мы следуем путем, по которому ведет нас разум,
а не истина ⁹⁶. Выждидай, дабы не делать ничего, кроме того, что
обещает хороший исход, и ничего не предпринимать, не открыв
истины, и, по прекращении всякого движения, жизнь остановится.
Так как вероятное, а не истинное побуждает меня к тому или
другому делу, то я и стану оказывать благодеение такому челове-
ку, относительно которого будет вероятным, что он окажется
благодарен.

Глава 34

«Много,— говорит эпикуреец,— будет случаться такого, бла-
годаря чему и худой сойдет за хорошего, и хороший не понравит-
ся вместо худого, ибо обманчивы бывают те внешние признаки
вещей, которым мы доверяем». Кто это отрицает? Но я не
нахожу ничего иного, чем бы стал руководиться в своем сужде-
нии. Мне надобно следовать истине по этим следам; более вер-
ных у меня нет. Буду стараться как можно тщательнее их обсу-
ждать и не стану скоро с ними соглашаться. Ведь таким же
образом и в битве может случиться, что моя рука, обманутая
каким-либо образом, направит копьё в свое же войско, а врага
пощажу, как своего, но это редко будет случаться и не по моей
вине: мое намерение поражать врага и защищать согражданина.
Если я буду знать, что (лицо, которому желаю сделать благодее-
ние) неблагоприятно, то не окажу благодеения.

«Но (положим) этот человек прокрался, обманул». Здесь нет
никакой вины (благодетеля), потому что он дал как бы благо-
дарному. «А если,— говорит (эпикуреец),— ты обещаешь сделать
благодеение и после того узнаешь, что это лицо неблагоприятно, то
сделаешь или нет? если делаешь это, то сознательно погрешаешь,
потому что даешь, кому не должен давать; если отказываешь,
и в этом случае погрешаешь, потому что не даешь тому, кому
обещал. В этом месте оказывается несостоятельным ваше постоя-
нство ⁹⁷ и гордое обещание, что мудрец никогда не станет
раскаиваться в своем поступке, никогда не станет исправлять
того, что сделал, и переменять своего намерения». Мудрец не
изменяет своего намерения, когда остается все, что было в тот
момент, когда он предпринимал его. Вследствие этого никогда не
находит на него раскаяние, потому что ничего не могло быть в то

время сделано лучше того, что было сделано: «Я ничего не устроил лучше того, что устроено». Впрочем, мудрец ко всему будет приступать с ограничением (такого рода): «Если ничего не случится, что может помешать (предприятию)». Поэтому мы утверждаем, что у него все идет благополучно и ничего не совершается вопреки его ожиданию, потому что он заранее предполагает в душе возможность чего-нибудь такого, что может помешать достижению цели. Только людям безрассудным свойственно обещать себе счастье: мудрец представляет ту и другую сторону его. Он знает, сколько представляется возможности ошибок, как непрочно (все) человеческое и как много может явиться препятствий его предприятиям. Он с готовностью следует неверной и обманчивой участи и с определенными намерениями следует к неопределенным результатам. А та условность, без которой он не предпринимает никакого намерения и ни к чему не приступает, и здесь предохраняет его.

Глава 35

Я обещал оказать благодеяние, если не приключится чего-либо такого, почему мне нельзя будет его оказать. В самом деле, что, если отечество мне прикажет отдать ему то, что я обещал этому человеку? Если будет издан закон, чтобы никто не делал того, что я обещал сделать для своего друга? Я обещал выдать за тебя дочь, а ты после оказался человеком пришлым: мне нельзя допустить брака с чужестранцем⁹⁸. Меня защищает то самое обстоятельство, которое препятствует (делать это). Только тогда я обману доверие, только тогда выслушаю обвинение в непостоянстве, когда не выполню своего обещания, несмотря на то что все будет оставаться в том же положении, в каком было в то время, когда обещал. В противном случае все, что изменяется, предоставляет свободу предпринимать новое решение и освобождает от данного слова.

Я обещал защиту на суде, но впоследствии оказалось, что этим процессом предьявляется судебный иск к моему отцу.

Я обещал отправиться вместе за границу, но приходит известие, что путь опасен вследствие грабежей. Я имел намерение прийти для личного присутствия по делу⁹⁹, но (меня) удерживает болезнь сына, разрешение от бремени жены.

Чтобы ты сохранил доверие обещающего, все должно оставаться в том же положении, в каком было в то время, когда я обещал. А что может быть важнее той перемены, когда я открыл в тебе дурного и неблагодарного человека? Что я давал как достойному, в том откажу недостойному, и притом еще, обманутый, буду иметь повод гневаться.

Глава 36

Однако я стану обращать внимание и на то, какова ценность того, о чем идет дело: размер обещанного предмета подает мне

совет. Если этот предмет ничтожен, то дам его — не потому, что ты достоин, но потому, что я обещал. И (притом) дам не как дар, но буду этим искупать свои слова и (так сказать) дергать себя за ухо ¹⁰⁰. Убытком я накажу безрассудство обещающего. «Вот,— (скажу),— чтобы тебе было больно, чтобы ты был осторожнее в своих словах, я и отдам то, что обыкновенно зовется «пошлиной за язык» ¹⁰¹.

Если же (обещанный предмет) будет большего достоинства, то я не допущу того, чтобы, по выражению Мецената, «быть наказану на сто тысяч сестерций», ибо я стану сравнивать между собой то и другое: есть некоторая важность в том, чтобы оставаться постоянным в своем обещании, но, в свою очередь, большая важность и в том, чтобы не делать благодеяния недостойному. Однако надобно обращать внимание на то, какой ценности это благодеяние: если оно незначительно, то станем смотреть сквозь пальцы, если же оно может послужить мне к великому ущербу или позору, то я предпочитаю лучше раз извиниться в своем отказе, чем всегда извиняться в своем подаянии.

Вся важность, говорю, в том, какого рода обещаний касаются мои слова. Я не только стану удерживать то, что необдуманно пообещал, но буду требовать назад и то, что несправедливо дал. Безрассуден тот, кто остается верен своему заблуждению.

Глава 37

У Филиппа, царя Македонского, был один воин, храбрый в деле. Испытав во многих походах пользу от его услуг, царь немедленно одаривал его за храбрость чем-нибудь из военной добычи и частыми наградами возбуждал пыл в этом человеке, обладавшем продажной душой. Раз этот последний, потерпев кораблекрушение, был выброшен во владения одного македонянина. Тот прибежал, как только было получено известие об этом, возвратил его к жизни, перенес в свою виллу, уступил свое ложе, укрепил его, расслабленного и полуживого, тридцать дней лечил на свои средства, восстановил его здоровье и снабдил деньгами на дорогу. Тот ушел со словами: «Я отблагодарю тебя; только бы мне увидеть своего государя».

По возвращении он рассказал Филиппу о своем кораблекрушении, но умолчал об оказанной ему помощи и в то же время упросил его подарить себе имение одного человека. А этот человек и был именно тот самый гостеприимный хозяин, который принял и вылечил его. Но цари много даров, в особенности во время войны, раздают с закрытыми глазами. Недостаточно одного справедливого человека (для противодействия) стольким вооруженным страстям.

«Никто не может в одно и то же время быть и хорошим человеком, и хорошим полководцем. Каким образом насытятся столько тысяч ненасытных людей? Что они будут иметь, если каждый будет владеть только своим?» — так говорил сам себе

Филипп, когда давал приказание ввести этого человека во владение тем именем, которого он просил. Но изгнанный из своего владения не снес обиды безмолвно, как сносит крестьянин, довольный тем, что и сам не был отдан в подарок; он написал Филиппу краткое и благородное письмо. Получив это письмо, тот до такой степени воспламенился гневом, что немедленно дал приказание Павсанию возвратить имение его прежнему владельцу, а бесчестному воину, неблагодарному гостю, алчному человеку, спасенному от кораблекрушения, приказал начертать на челе письма, свидетельствующие о том, что он человек неблагодарный ¹⁰². Правда, кто выгнал своего гостеприимного хозяина в виде обнаженного и потерпевшего кораблекрушение человека, выгнал на тот берег, где ранее лежал сам, тот был достоин не только того, чтобы на нем были написаны, но даже вырезаны эти слова. Но мы станем смотреть, какую степень наказания надобно было сохранить: главным образом, надобно было отнять то, чем он овладел при помощи величайшего преступления. На кого, в самом деле, подействовало бы наказание человека, совершившего такое преступление, вследствие коего никто не стал бы оказывать сострадания несчастным? ¹⁰³

Глава 38

Станет ли дарить тебе Филипп ¹⁰⁴ ради того только, что обещал, хотя и не должен (этого делать), хотя знает, что причинит обиду и даже преступление, что одним этим поступком запрет морские берега потерпевшим кораблекрушение? Уклоняться от заблуждения, когда оно осознанно и осуждено,— не легкомыслие; надобно благородно сознаваться: «Я думал иначе; меня обманули». Только надменной глупости свойственно такого рода упорство: «Что я раз сказал — пусть будет твердо и решено, каково бы оно ни было». Нет стыда с переменой положения дела переменять и намерение. Ведь если бы Филипп овладел этого человека владельцем тех берегов, которыми тот овладел благодаря кораблекрушению, то разве тем самым не воспрепятствовал бы всем несчастным пользоваться водой и огнем? ¹⁰⁵

«Лучше бы,— говорит (Филипп),— тебе в пределах моего царства носить на своем бесстыдном лице эти письма начертанными на самих очах. Свидетельствуй этим, какая священная вещь — трапеза гостеприимства. Предлагай на лице своем для прочтения декрет, предохраняющий от того, чтобы принятие несчастных под кров не становилось уголовным преступлением. Это постановление, таким образом, будет иметь более твердости, чем если бы я вырезал его на камне».

Глава 39

«Но почему же,— возражает эпикуреец,— когда ваш Зенон обещал кому-то взаймы пятьсот динариев и узнал, что тот мало

этого достоин, то остался твердым в своем намерении ссудить его, потому что обещал, хотя друзья и убеждали не давать?»

Прежде всего, кредит находится в одних условиях, а благодеяние в других. За деньги, хотя бы они и неудачно были поверены, полагается судебное взыскание; я могу в известный день вызвать должника в суд, и если (его имущество) пойдет с аукциона, то я получу свою часть; благодеяние же пропадает все целиком и немедленно. Кроме того, это свойственно дурному человеку, а то — дурному отцу семейства. Да и Зенон, далее, не остался бы при своем намерении судить в долг, если бы сумма была больше. А пятьсот динариев — такая вещь, о которой обыкновенно говорят: «Пусть истратит в болезни». Из-за такой суммы не стоило изменять своего обещания. Я пойду на обед, потому что это обещал, хотя и будет холодно; однако не пойду, если будет снег. Я встану для присутствия при обручении, потому что обещал, хотя не переварил (пищи), но не встану, если у меня будет лихорадка. Я пойду для заключения контракта, как скоро это обещал, но не пойду, если велишь мне заключать контракт относительно чего-нибудь неверного, если свяжешь обязательством с казной.

Без слов, говорю, подразумевается такое условие: «Если буду в состоянии, если буду должен (так поступить), если это будет находиться в таком (именно) положении. Сделай так, чтобы то положение (в каком я нахожусь), когда (у меня) требуют, было таким же, каким оно было во время моего обещания, и неисполнение его (с моей стороны) будет легкомыслием». Если же произошло что-нибудь новое, то чему удивляешься, как скоро, вместе с переменой состояния обещающего, переменилось и (его) намерение? Предоставь мне все находящимся в таком же положении (в каком оно находилось прежде), и я остаюсь тем же. Мы даем обещание явиться в суд, однако (иногда) оставляем его без исполнения; тем не менее не всех нерадивых подвергают судебному взысканию: превозмогающая сила извиняет (отсутствие).

Глава 40

Тот же самый ответ прими в соображение и при разрешении вопроса о том, всяким ли способом надлежит воздавать благодарность и всякие ли средства пригодны для обратного возвращения благодеяния? Я должен явить благодарность в душе своей, но (материального) проявления благодарности иногда не дозволяет мое несчастье, иногда счастье того, кому я обязан. В самом деле, что я воздам царю, что воздам богачу, будучи бедняком, и особенно в том случае, когда иные считают возвращение своих благодеяний обидой и одни благодеяния немедленно обременяют другими?

Что более могу я со своей стороны сделать в отношении к таким лицам, как не ограничиться только благожеланием?

Да и не обязан я, в самом деле, отвергать новое благодеяние благодаря тому только, что не возвратил прежнего. Стану принимать милости с такой же охотой, с какой их будут оказывать, и представлю своему другу в лице моем материал, восприимчивый к проявлению его благотворительности. Кто не желает принимать новых благодеяний, тот, очевидно, чувствует оскорбление от полученных.

Я не приношу (материального проявления) своей благодарности, но что за важность? Если мне не представляется удобного случая или возможности, то замедление происходит уже не по моей вине. Он оказал мне (услугу), очевидно; тогда, когда имел удобный случай и возможность.

Не считаю нужным поступать и таким образом, чтобы спешить воздаянием благодарности против желания тех, кому она воздается, и упорствовать, несмотря на их отказ: возвращать вопреки желанию то, что ты с охотой принял, не значит воздавать благодарности.

Иные, как только им послан какой-нибудь ничтожный подарок, немедленно возвращают взамен его что-нибудь другое, не сообразуясь со временем, и свидетельствуют, что они ничем не обязаны. Но немедленное доставление взамен подарка чего-нибудь другого и уплата за дар даром есть в своем роде отклонение.

Иногда я не стану возвращать благодеяния и в том случае, когда могу (это сделать). Когда же именно? Это в том случае, когда мне будет угрожать опасность более потерять самому, чем принести пользы благодетелю; когда этот последний, по моему предположению, не почувствует никакой прибыли от получения того, при возвращении чего я могу понести большой убыток. Кто спешит всевозможным способом возвратить, у того настроение, свойственное не благодарному человеку, а должнику, и, говоря кратко, кто чрезмерно старается уплатить долг, тот с неохотой сознает себя должником, а кто с неохотой сознает это, тот неблагодарен.

КНИГА ПЯТАЯ

Глава 1

В предшествовавших книгах я, казалось, выполнил свою задачу, обсудив, как следует оказывать и как принимать благодеяния, ибо таковы пределы этой обязанности¹. Если я останавливаюсь над чем-нибудь сверх этого, то (уже) — не служу предмету (речи), но благоволю к нему; (между тем как) за ним надобно следовать (только) туда, куда он ведет, а не куда приглашает, ибо (в противном случае) немедленно будет появляться (нечто) такое, что станет привлекать душу благодаря некоторой приятности (такое, что скорее будет) нелишним, чем необходимым. Но так

как ты этого желаешь, то, окончив все заключившее в себе предмет речи, станем продолжать рассуждение и относительно того, что,— если хочешь знать правду,— стоит в связи, но не находится в тесном соотношении (с этим предметом). Кто занимается тщательным рассмотрением этого, тот хотя и не делает достойного дела, но тем не менее не теряет даром и труда. Тебя же, Эбуций Либералий, человека превосходного по природе и расположенного к благотворениям, не удовлетворяет никакая похвала им. Никого не видал я, кто был бы таким благосклонным ценителем даже самых легких обязанностей. Доброта твоя простирается уже до таких пределов, что благодеяние, которое кому-нибудь оказывается, ты считаешь оказываемым самому себе. Ты готов уплатить за неблагодарных ², чтобы никто не раскаивался в (сделанном им) благотворении. Сам ты до такой степени далек от всякого хвастовства, имеешь такое сильное желание — немедленно облегчать тех, кого одолжаешь, что хочешь, дабы все, приносимое кому-нибудь тобой, казалось предлагаемым не в дар, а в уплату. И тем обильнее, благодаря этому, возвращается к тебе данное таким образом, ибо благодеяния почти следом идут за тем, кто их не требует обратно. И подобно тому как слава более следует за теми, кто ее избегает ³, так и плод благодеяний охотнее произрастает для тех, кто позволяет (облагодетельствованным) оставаться неблагодарными. С твоей стороны не бывает задержки в том, чтобы получившие благодеяния снова просили их: ты не станешь отказываться делать другие (благодеяния) и к скрытым и утаенным прилагать еще более многочисленные и важные. Задача достойного и великодушного мужа — до тех пор сносить неблагодарного, пока не сделаешь его благодарным. И этот расчет не обманет тебя. Пороки покоряются добродетели, если не поспешишь скоро относиться к ним с ненавистью.

Глава 2

Тебе единственно нравится такое якобы великолепное изречение: «Позорно быть побежденным благодеяниями». Недаром есть обыкновение исследовать, справедливо ли оно (или нет) ⁴. (Дело) это обстоит совсем иначе, чем ты предполагаешь. Ибо никогда не стыдно быть побежденным в состязании относительно (благородных предметов), только бы не бросать оружия и, будучи побежденным, снова желать победы. Не все с добрым намерением соединяют одинаковые силы, одинаковые способности, одинаковое счастье, от которого зависит по крайней мере последствие — даже самых лучших намерений ⁵. Достоин похвалы самое расположение воли, стремящейся к правде, хотя другой и опережает ее более быстрым шагом. Здесь лучшего не украшает пальма, как в состязаниях, данных для зрелища, хотя и в этих последних часто случай превозносит человека худшего. Если там, где дело идет относительно такой обязанности, кото-

рую каждый из двух со своей стороны желает в совершенстве выполнить, один бывает в состоянии (сделать) более и имеет под рукой материал, соответствующий его душевному расположению, если счастье дало ему возможность (осуществить) все то, что он намеревался (сделать), а другой — имеет одинаковое расположение, хотя возвратил и менее полученного или совсем не возвратил, но желает вернуть и всей душой стремится к тому, то этого последнего столько же можно считать побежденным, сколько того, кто умирает в оружии, кого враг легче мог умертвить, чем принудить к отступлению. Что ты считаешь позорным, того не может случиться с добродетельным человеком (не может случиться именно того), — чтобы он был побежден, так как он никогда не подчинится, никогда не отступит ⁶, до последнего дня жизни будет стоять наготове и на этом стоянии умрет, свидетельствуя, что он много получил, но столь же (многое) желал (воздать в благодарность).

Глава 3

Лакедемоняне запрещают своим (согражданам) решать дело борьбою и кулачным боем ⁷, где слабейшего изобличает признание (его) побежденным. Скорород первым касается меловой черты ⁸: он превзошел (своего соперника) быстротой, но не духом. Борец, трижды поверженный ⁹, потерял пальму, но не передал ее. Так как лакедемоняне придавали большое значение тому, чтобы их сограждане были непобедимыми, то они и удалили их от тех состязаний, где победителем делает не судья, не результат этих состязаний сам по себе, но заявление уступающего лица, решающегося протянуть руку ¹⁰. Что они оберегают в своих согражданах, то добродетель и благое настроение воли сохраняет за всеми, именно (чтобы) никогда не подвергаться поражению, ибо дух остается непобедимым даже среди превозмогающих его (обстоятельств). Поэтому никто не называет трехсот фавиев побежденными, но — убитыми. И Регул был взят в плен пунийцами, но не побежден; таким же бывает и всякий другой, кто, будучи удручен силою и гнетом жестокой судьбы, тем не менее не падает духом. То же самое и в благотворительности: иной получал и более многочисленные, и более важные и частые (дары), но тем не менее — не побежден. Быть может, благодеяния и были превзойдены благодеяниями, если сравнишь между собой данное и полученное, но если сравнишь дающего и принимающего, душевные состояния которых должны подвергаться сравнительной оценке и сами по себе, то никому из них не будет принадлежать пальма. Обыкновенно ведь бывает так, что даже в том случае, когда один — изрыт ранами, а другой — ранен, и легче, то говорят, что они оба выходят равными, хотя один из них и представляется ниже другого.

Глава 4

Итак, никто не может быть побежден благодеяниями, если умеет быть должником, если питает желание (воздать), если душой достигает того, чего не может достигнуть посредством вещей. Пока такой человек пребывает в этом настроении, пока он сохраняет такое желание, он проявляет во (внешних) знаках благодарность (своей) души: какая важность в том, с чьей стороны числится больше даров? Ты можешь много давать, а я могу только принимать; на твоей стороне стоит счастье, а на моей благожелание; тем не менее я настолько же равен тебе, насколько люди обнаженные и легче вооруженные бывают равны многим, находящимся в прекрасном вооружении (armatissimus). Таким образом, никто не бывает побежден благодеяниями, ибо каждый бывает настолько благодарен, насколько этого желал. Если ведь стыдно быть превзойденным в благодеяниях, то не следует принимать благодеяния от людей, стоящих на высшей ступени могущества, которым нельзя воздать благодарности. Не следует принимать, говорю я, от начальствующих, от царей — людей, которых судьба поставила в такое положение, находясь в котором они могут много давать, но очень небольшое и несоответственное данному получать обратно. Я сказал относительно царей и начальствующих лиц, которым тем не менее можно бывает оказывать услуги и превосходное могущество которых составляется из содействия и услуг менее сильных людей ¹¹. Бывают некоторые люди, чуждые всякой страсти, которых едва ли касаются какие-нибудь человеческие желания, которым сама судьба ничего не может даровать ¹². Я необходимо должен быть побежден благодеянием Сократа; необходимо (должен быть побежден) Диогеном, который нагим прошел среди лакедемонских сокровищ, поправ царские богатства. Разве не казался он тогда и себе и прочим, кого мрак не обуял настолько, чтобы лишить способности видеть истину, — стоящим выше того, пред которым все преклонилось? Гораздо сильнее, гораздо богаче был он тогда обладавшего всем Александра, потому что больше было такого, чего он не желал принять, чем того, что тот был в состоянии дать ¹³.

Глава 5

Не стыдно быть побежденным такими людьми. Ведь не менее бываю я храбрым в том случае, если заставляешь меня сражаться с таким врагом, который недоступен ранам, — и огонь не становится менее способным жечь оттого, что попадает в материал, не доступный пламени; железо не утрачивает способности рассекать (оттого), (что) надо бывает разрезать не принимающий удара крепкий камень, обладающий от природы свойством не поддаваться твердым телам. То же самое отвечу тебе и относительно благодарного человека. Не стыдно быть побежденным благодея-

ниями тому, кто бывает обязан таким людям, у которых величие счастья или возвышенная добродетель запирает доступ к благодеяниям, которые хотят воздать им в свою очередь. Нас почти превосходят родители, ибо мы имеем их (живыми) только в течение того времени, когда считаем их (для себя) тягостными и когда еще не понимаем их благодеяний. А когда возраст в нас накопил уже некоторое благоразумие и начало (для нас) становится ясным, что нам надобно любить их за то самое, за что мы их не любили, а именно: за (убеждения), строгость и старательное оберегание безрасудной юности, то они от нас похищаются (смертью). Немногие достигли до получения настоящего плода от своих детей: остальные чувствовали в детях (только) тяжесть. Тем не менее нет стыда быть побеждаемым в благотворениях (своим) родителем; да и какой может быть стыд (в данном случае), когда никакого нет стыда в этом отношении быть побежденным? Относительно иных (людей) мы бываем и равными, и нет: мы бываем равными по душевному расположению, которого единственно они от нас требуют и которое мы единственно обещаем,— и неравными по счастью; кому оно препятствует воздать благодарность, тому еще не следует из-за этого краснеть как побежденному: нет стыда не идти вместе,— только бы идти следом. Часто необходимо бывает обращаться с просьбою о других благодеяниях, прежде чем возвратишь прежние; мы не отказываемся от просьбы — и нет ничего позорного в (этой) просьбе вследствие того, что станем брать в долг, не возвратив прежних, ибо не от нас будет зависеть медленность в принесении возможно большей благодарности, но произойдет некоторое препятствие извне. При всем том духовно мы не будем побеждены и не потерпим позорного поражения от тех предметов, которые не находятся в нашей власти.

Глава 6

Царь Александр Македонский имел обыкновение хвалиться, что он никем не был побежден в благодеяниях. Этот высокомерный человек не обращал внимания на македонян, греков, карийцев, персов и народы, покоренные без (помощи) войска ¹⁴; он не думал о том, что они доставили ему царство, простиравшееся от угла Фракии до берега неизвестного моря! Тем же самым мог хвалиться и Сократ, и Диоген, которым тот (Александр), во всяком случае, был побежден. В самом деле, разве не был он побежден в тот день, когда, возносясь выше меры человеческой гордости, увидел одного человека, которому ничего не мог дать и у которого ничего не мог отнять ¹⁵,— царь Архелай ¹⁶ просил Сократа прийти к себе. Сократ, как передают, сказал, что не желает идти к тому, от которого стал бы принимать благодеяние, не имея возможности воздать ему равных.

Но, во-первых, в его собственной власти было не принимать; затем (в случае прихода) он сам первым начал бы оказывать

благодаяния, так как пришел бы по просьбе и даровал (таким образом) то, чего тот (Архелай), во всяком случае, не мог воздать Сократу. Далее, Архелай намерен был дать золота и серебра и в ответ (имел) получить презрение к золоту и серебру. Итак, ужели Сократ не мог воздать благодарности Архелаю?

И что бы такое мог он (Сократ) получить равного тому, что давал сам, если бы показал (в лице своем) человека, опытного в (познании о) жизни и смерти, обладающего (ведением) целей той и другой; если бы дал возможность царю, (слепо) блуждавшему среди света ¹⁷, познать природу вещей, относительно которой тот до такой степени был несведущим, что в тот день, когда было затмение солнца, он запер дворец и остриг своего сына, что было в обычае делать во время скорби и несчастья? ¹⁸

Какое благодеяние оказал бы он (Сократ), если бы извлек испуганного человека из его темноты и убедил сохранять бодрость духа, говоря: «Это не ущерб солнца, но сближение двух светил, когда луна, совершая свое течение ниже (солнца), поместила свой диск под самым солнцем и закрыла это последнее положением (своего тела). Она закрывает то малую часть его, если задела слегка, то закрывает большее пространство, если противопоставила бóльшую часть свою, то совершенно не дает возможности его видеть, если стала прямо посредине между небом и землей!»

«Но эти светила разойдутся в разные стороны благодаря своей быстроте, на земле снова будет день, и такой порядок пойдет на вечные времена, в которых есть определенные, известные дни, когда солнце, вследствие прохождения луны, лишается возможности посылать все свои лучи (сполна)».

«Подожди немного: вот оно выплывет, вот оно покинет это как бы облако, вот, освободившись от препятствий, оно свободно станет посылать свет свой!»

Ужели Сократ не мог бы воздать Архелаю соответственной благодарности даже и в том случае, если бы научил его царствовать?

Неважное же благодеяние, значит, получил бы (Архелай) от Сократа, если бы имел возможность что-нибудь даровать Сократу!

Итак, зачем же Сократ сказал это?

Как человек остроумный, речь которого обыкновенно была образной, смеявшийся над всеми, особенно над людьми сильными, он предпочел отказать лучше с насмешкой, чем с обидой и презрением. Он сказал, что не желает принимать благодеяния от того, кому не может воздать равного: быть может, он боялся оказаться вынужденным принять то, чего не желал, боялся принять что-нибудь недостойное Сократа.

Кто-нибудь скажет: «Он бы отказал, если не хотел».

Но (в таком случае) он раздражил бы против себя высокомерного государя, который желал, чтобы все, принадлежащее ему, ценилось высоко. Все равно — не желаешь ты дать чего-нибудь

царю или принять от него: и на тот, и на другой отказ он смотрит одинаково. Для гордого человека — обиднее подвергаться унижению, чем не вносить страха.

Ты хочешь знать, чего действительно не хотелось Сократу?

На вольное рабство не хотелось идти тому, чьей свободы не могло сносить свободное государство! ¹⁹

Глава 7

Я полагаю, что мы достаточно рассуждали относительно той стороны предмета, (где решается вопрос:) позорно ли быть побеждаемым благодеяниями? Кто занимается исследованием этого вопроса, тот знает, что люди не имеют обыкновения делать самим себе добра, так как (в противном случае) было бы очевидно доказано, что нет стыда быть побеждаемым самим собой. Тем не менее у некоторых стоиков ²⁰ идет спор и о том, может ли кто-нибудь самому себе оказывать благодеяние? Следует ли самому себе делать воздаяние за него?

Чтобы этот вопрос казался заслуживающим надлежащего обсуждения, они поставили дело таким образом: мы имеем обыкновение, указывают они, говорить: «я приношу благодарность самому себе»; «я ни на кого не могу жаловаться, как только на самого себя»; «я негодую на себя» и «я предам себя наказанию»; «я ненавижу себя» и много, сверх этого, подобного же рода выражений, в которых каждый говорит о себе как о другом лице. «Но если,— говорят они,— я могу себе вредить, то почему не могу оказывать себе и благодеяния?»

«Кроме того, почему, если я оказал что-нибудь другому,— это называется благодеянием, а если самому себе,— нет; почему, если я получил от другого, то бываю должен, а если дал самому себе, то — нет? Почему я бываю в отношении к себе неблагодарным, что не менее постыдно, чем быть в отношении к себе скупым, суровым, жестоким и небрежно относящимся? Торгующий чужим телом пользуется такой же дурной славой, как и торгующий своим собственным. Ведь лстец и потакающий чужим словам, панегирист, готовый лгать, подвергаются порицанию; не менее подвергается порицанию и самоугодник, и себялюбец, и человек, так сказать, лстящий самому себе. Пороки ненавистны не только тогда, когда в них заключается грех в отношении к другим (*foris*), но и тогда, когда они направляются на самого себя. На кого станешь более дивиться, как не на того, кто повелевает самим собой, кто самого себя держит в подчинении. Легче управлять варварскими народами, не терпящими чужой власти, чем обуздывать и предавать во власть себе свою душу» ²¹.

Платон, говорят, благодарит Сократа за то, что научился от него: почему же Сократу не благодарить себя за то, что он сам научил себя? Марк Катон говорит: «Чего у тебя не хватает, занимай у самого себя». Почему же я не могу дарить себе, если

могу давать себе в долг? Есть бесчисленное множество случаев, когда обычная речь разделяет нас (на два лица). Мы имеем обыкновение говорить: «Позволь, я поговорю с собой» — и: «Я подержаю себя (для памяти) за ухо»²².

Если это верно, то подобно тому как надобно бывает на себя гневаться, так надобно бывает и воздавать себе благодарность; как можно бывает порицать себя, так и хвалить, как быть себе в ущерб, так и в пользу.

Обида и благодеяние — противоположны. Если мы о ком-нибудь говорим: «Он причинил себе обиду», то будем иметь возможность и говорить: «Он оказал себе благодеяние».

Глава 8

Естественно ли человеку быть в долгу у самого себя? Естественно прежде всего то, чтобы кто-нибудь был должником, затем чтобы (этот должник) совершал уплату; но должника не бывает без кредитора, точно так же как мужа без жены или отца без сына. Кто-нибудь один должен давать, чтобы другой принимал: переложить из левой руки в правую — не значит ни давать, ни принимать.

Подобно тому как никто не носит себя, хотя бы двигал и переносил свое тело; подобно тому как ни о ком не говорят, что он помог себе²³, хотя бы и произнес за себя речь; и никто не воздвигает самому себе статуи²⁴, как своему патрону; подобно тому как больной, выздоровевший, благодаря своему собственному попечению, не требует от себя награды, так и во всяком деле: человек не бывает обязан делать самому себе воздаяния даже и в том случае, когда принес какую-нибудь пользу, не обязан потому, что не будет иметь лица, которому бы мог сделать это воздаяние.

Положим, я соглашусь, что кто-нибудь оказывает самому себе благодеяние, но ведь когда оказывает, он в то же время и принимает его обратно; соглашусь, что кто-нибудь принимает от самого себя благодеяние, но ведь в то же время, когда принимает, он и воздает его. В этом случае заем²⁵ совершается, что называется, дома и название (действующего лица) из одного немедленно переходит в другое, как в игре²⁶, потому что дает не какое-нибудь другое лицо, отличное от того, которое принимает, а одно и то же. Выражение «быть должным» нигде не может иметь места, как только в отношениях между двумя лицами: каким же образом оно может прилагаться к одному лицу, которое, обязывая самого себя, в то же время освобождает себя от обязательства?

Как в круге и шаре нет ни низа, ни верха, ни конца, ни начала, потому что порядок расположения изменяется вследствие движения, и следовавшее после становится на первое место, а приходившее к концу — снова получает начало, и все, как бы ни шло, возвращается к одному и тому же, так, сам посудит, бывает

и в человеке: хотя бы ты стал изменять его в многообразные лица, он тем не менее остается одним.

Он порезал себя: нет лица, против кого бы стал вести процесс за нанесение обиды. Он связал и заключил себя: его не задерживают за причинение насилия. Он оказал себе благодеяние, но одновременно и возвратил его дающему.

Относительно природы говорят, что она ничего не теряет, так как все, что у нее берется, к ней же и возвращается и ничего в ней не может погибнуть, потому что не имеет места, куда упасть, но возвращается туда же, откуда вышло²⁷.

«Что сходного,— говорят,— имеет этот пример с предложенным нами вопросом?»

Скажу. Представь себе, что ты не благодарен (разумеется в отношении к самому себе): благодеяние не пропадет: оно у того, кто оказал его. Представь, что ты не желаешь принять его обратно: оно у тебя находится, прежде чем тебе его возвращают. Ты ничего не можешь потерять, так как отнимаемое у тебя тебе же и достается. В тебе совершается круговое движение: получая, ты даешь; давая — получаешь.

Глава 9

«Надлежит,— говорят,— оказывать себе благодеяния, следовательно, надлежит и делать за них воздаяние».

Ложно первое положение, от которого зависит последующее, потому что никто не оказывает самому себе благодеяния, но повинует своей природе, создавшей его склонным любить себя, вследствие чего он и заботится всего более избегать вредного и стремится к полезному²⁸. Таким образом, не щедр тот, кто дарит самому себе, не кроток тот, кто себе прощает, не милосерд, кого трогают его собственные беды: что оказывать другим считается щедростью, кротостью, милосердием, то оказывать самому себе есть потребность природы. Благодеяние — дело добровольное, а самопомощь — необходимое. Чем более кто сделал благодеяний, тем более благодетельным тот признается: но кого хвалили когда-нибудь за то, что он помог самому себе, за то, что избавил самого себя от разбойников? Никто не оказывает самому себе благодеяний, точно так же как и гостеприимства; никто не дает себе даров, точно так же как и не верит в долг.

Если каждый человек оказывает самому себе благодеяния, то оказывает их постоянно, неукоснительно — ему нельзя и перечислить своих благодеяний. Когда же, следовательно, он может делать воздаяние, если чрез то самое, что воздает, он уже оказывает благодеяние? Каким же образом он будет в состоянии различать: оказывает ли самому себе благодеяние или возвращает его, как скоро дело делается внутри одного и того же человека?

Я избавил себя от опасности, т. е. оказал себе благодеяние; избавляю себя от опасности в другой раз: спрашивается, оказываю ли я этим благодеяние или воздаю его?

Затем, допустим, я соглашусь с первым положением, именно, что мы оказываем себе благодеяния, но что выводят из этого, с тем не соглашусь, так как мы хотя и даем самим себе, но тем не менее в долгу не бываем. Почему? Потому что одновременно принимаем благодеяние обратно. Ведь сначала надобно бывает принять благодеяние, затем — сознавать долг, потом — возвращать его; но (в настоящем случае) для долга нет никакого места, так как мы безо всякого промедления получаем его.

Всякий дает — только другому лицу, бывает должен — также другому лицу, возвращает назад — другому; того, что столько раз требует взаимоотношения двух лиц, не может совершаться внутри одного человека.

Глава 10

Благодеяние заключается в том, чтобы доставить что-нибудь на пользу. Но слово «доставить»²⁹ имеет в виду других. Не безумным ли покажется тот, кто станет говорить, что продал что-нибудь самому себе, коль скоро продажа заключается в отчуждении и перенесении своей собственной вещи и своего права на нее к другому лицу? Но ведь как продавать, так и давать что-нибудь значит удалять от себя и передавать во владение другому лицу то, чем обладал сам; если это так, то никто не оказывал самому себе благодеяния, потому что никто не делает деяний самому себе, в противном случае соединяются в одно две противоположности, так что давать и принимать становится одним и тем же.

Далее, существует большая разница между даянием и принятием. Разве это не так, коль скоро слова эти выражают противоположные понятия?

Напротив, если кто-нибудь оказывает самому себе благодеяние, то нет (значит) никакого различия между даянием и принятием.

Немного ранее я говорил, что иные понятия употребляются для обозначения наших отношений к другим и образованы таким образом, что все значение их указывает на удаление от нас. Я брат, но брат другого, потому что никто не бывает своим собственным братом. Я равен, но равен другому, потому что кто же бывает равен самому себе? Что подвергается сравнению, то не может быть мыслимо без другого; что присоединяется, то равным образом не бывает без другого. Таким образом и то, что дается, не бывает без другого, — следовательно, не бывает без другого и благодеяния.

То же видно и из самого слова, в котором содержится это понятие — «благотворить» (*benefecisse*). Никто не благотворит себе, точно так же как не покровительствует себе, не держит своей стороны.

Можно исследовать это более продолжительное время и на большем количестве примеров. Разве не может быть этого, коль

скоро благодетяние надобно полагать в числе того, что требует (участия) второго лица? Иное хотя и бывает благородно, прекрасно, в высшей степени добродетельно, но тем не менее может иметь место только в отношении к другому лицу. Так, восхваляется и почитается как одно из величайших благ рода человеческого верность, но говорят ли про кого-нибудь, что он оказал доверие самому себе?

Глава 11

Перехожу теперь к последней части. Кто совершает воздаяние, тот должен нечто израсходовать подобно тому, как уплачивающий деньги; но кто совершает это воздаяние самому себе, тот ничего не расходует, точно так же как ничего не приобретает тот, кто получил благодетяние от самого себя. Благодетяние и вознаграждение за него должны переходить с одного места на другое, но внутри одного человека такого обмена быть не может. Итак, кто делает воздаяние, тот приносит в свою очередь пользу тому, от кого что-нибудь получил; но кому приносит пользу тот, кто самому себе делает это воздаяние? Самому себе! Да и кто не представляет себе того, что вознаграждение за благодетяние должно находиться в одном месте, а самое благодетяние — в другом. Кто делает самому себе воздаяние, тот самому себе и приносит пользу. Но какой же неблагодарный когда-нибудь не желал сделать этого? Лучше сказать: какой благодарный делал это?

«Если,— говорят,— мы должны благодарить самих себя, то должны делать себе и воздаяние». Говорим же мы: «Я благодарен себе за то, что не захотел жениться на той женщине и не заключил союз с тем человеком».

Но когда мы говорим это, то хвалим самих себя и, чтобы одобрить свой поступок, злоупотребляем словами благодарящих.

Благодетяние есть то, что может не возвращаться обратно и в том случае, когда дано: но кто оказывает благодетяние самому себе, тот не может не принимать назад того, что дано, следовательно, здесь нет благодетяния.

Благодетяние в одно время получается, а в другое — воздается. В нем и заслуживает одобрения и уважения именно то, что кто-нибудь для оказания помощи другому предал забвению свою собственную пользу, дал другому, зная, что этим отнимет у самого себя. Этого не делает тот, кто оказывает благодетяние самому себе. Оказывать благодетяние есть дело общения: оно кого-нибудь привлекает, обязывает. Давать самому себе не есть дело общения: оно никого не привлекает, никого не обязывает, никого не приводит к надежде, так чтобы он сказал: «Этому человеку надобно оказывать почтение,— он оказал благодетяние тому, окажет и мне».

Благодееяние заключается в том, что кто-нибудь дает не ради самого себя, но — ради того, кому дает. Кто оказывает благодеяние самому себе, тот оказывает ради самого себя, следовательно, здесь нет благодеяния.

Глава 12

Тебе кажется, что в настоящем случае я не оправдал того, что говорил вначале. Ты говоришь, что я не делаю серьезного дела и даже добровольно теряю весь труд? ³⁰ Подожди, ты назовешь это (разумеется, вышеприведенное рассуждение) даже более разумным, как скоро я приведу тебя к таким хитростям, выйдя из которых ничего более не достигнешь, кроме того, что избежишь трудностей, в которые можно было не впадать. В самом деле, что хорошего — старательно распутывать те узлы, которые сам делаешь для того только, чтобы их распутывать? Но подобно тому, как иногда для потехи и шутки завязывают узлы таким образом, что для неопытного бывает трудно развязать их, но завязавший безо всякого труда и развязывает, так как знает связи и препятствия; и тем не менее это имеет некоторую приятность, потому что испытывает остроумие и внимательность души ³¹: так и то, что представляется хитрым и загадочным, — удаляет беспечность и леность ума от таких людей, для которых надобно бывает то уравнивать поле, в котором они блуждают, то подкладывать что-нибудь неизвестное и неровное, дабы они пробирались ползком и осторожно ступали чрез это.

Говорят, что никто не бывает неблагодарным. Это выводится следующим образом.

«Благодееяние есть то, что доставляет пользу ³², но никто не может доставлять пользы дурному человеку, как это утверждаете вы, стоики; следовательно, дурной человек не получает благодеяния: таким образом, он не бывает и неблагодарным. Далее, благодеяние есть дело добродетельное или похвальное. У дурного человека нет места никакому добродетельному или похвальному делу, следовательно, нет места и благодеянию, которого если нельзя бывает получить, то нельзя и возратить: и поэтому он не бывает неблагодарным.

Далее, добродетельный человек, как вы говорите, во всем поступает правильно, но если он во всем поступает правильно, то не может быть неблагодарным».

«Таким образом, человек добродетельный возвращает благодеяние, а дурной — не принимает его; если же это так, то ни один добродетельный, ни дурной человек не бывает неблагодарным, и, таким образом, в существе дела, никто не бывает неблагодарным» ³³.

Но это рассуждение пустое. У нас есть одно благо — добродетель; оно не может приходить к дурному человеку, потому что он перестает быть дурным, коль скоро в него вселяется добродетель. Пока же он остается дурным, никто не может ему оказывать

благодаяния, потому что добро и зло различны одно от другого и не могут приходить к единству. Никто ему не доставляет пользы, потому что все доставляемое ему он портит дурным употреблением. Подобно тому как поврежденный болезнью желудок, в котором скопляется желчь, подвергает изменению всякую пищу, какую бы он ни принял, и всякое питание обращает в причину болезни, так и ослепленный дух делает для себя бременем, пагубой и причиной несчастья все, что бы ты ему ни дал. Таким образом, людям, находящимся на самой высшей степени благополучия и богатства, больше всего бывает присуща страсть к приобретению, и они находят себя тем менее достаточными, чем более выпадает на их долю материала, которым они могут пользоваться с избытком. Следовательно, дурным людям не может доставаться ничего такого, что могло бы им приносить пользу, более того, даже ничего такого, что не приносило бы им вреда. Ибо все, что бы им ни досталось, они уподобляют своей природе, и то, что бывает в высшей степени прекрасным и полезным, как скоро доставляется лучшему человеку, для них оказывается вредоносным. Они не могут и оказывать благодеяний по той причине, что никто не может давать того, чего сам не имеет: такой человек бывает лишен желания благотворить.

Глава 13

Но хотя это так, однако и дурной человек может принимать нечто такое, что бывает похоже на благодеяние; не возвратив этого, он будет неблагодарным. Бывают блага духовные, блага телесные и блага фортуны. Духовные блага недоступны для глупого и дурного человека; ему доступны блага последнего рода, которые он может принимать и должен возвращать обратно, и если их не возвращает, то бывает неблагодарен. И это не по нашему только учению. Подобным образом и перипатетики, которые полагают пространные и широкие пределы человеческого счастья, говорят, что маловажные благодеяния могут доставаться и дурным людям; кто не возвращает их, тот неблагодарен.

Таким образом, нам нежелательно считать благодеянием то, что не может сделать душу лучшей; однако мы не отрицаем, что это последнее — выгодно и должно служить предметом наших стремлений. Это и дурной человек может дать добродетельному и принять от него, как, например: деньги, одежду, почести и жизнь. Кто не возвратит этого, тот получит прозвание неблагодарного.

«Но каким образом ты называешь человека неблагодарным за невозвращение того, чего не считаешь благодеянием (в собственном смысле)?»

Иное хотя и не бывает в действительности (тем, чем его называют), но по причине сходства обозначается тем же названием. Так мы называем «*pyxis*»³⁴ и серебряный и золотой сосуд; так

называем необразованным (illiteratus) не совершенно невежественного человека, но не доведенного до изучения высших наук. Так, кто видит плохо одетого и оборванного человека, тот говорит, что видел нагого. (Подобным образом) и все вышеупомянутое не есть благодеяние, тем не менее имеет вид благодеяния.

(Нам возражают:) подобно тому как это есть только «как бы» благодеяние, так и этот человек только «как бы» неблагодарен, но не (в действительности) неблагодарен.

Неправда, так как и дающий и принимающий называют это благодеянием. Таким образом, и тот, кто обманул подобием истинного благодеяния, бывает неблагодарным, так же как отравителем бывает тот, кто подмешал снотворного средства, будучи уверен, что это — яд.

Глава 14

Клеанф ведет дело энергичнее. «Пусть,— говорит он,— полученное не будет благодеянием, тем не менее сам получивший остается неблагодарным потому, что не желал возвратить, хотя получил. Так разбойник бывает таковым еще прежде, чем осквернит руки, потому что он уже вооружился на убийство и имеет желание грабить и убивать. В поступке порок только находит свое применение и проявление, а не начало. Само то, что получено, не было благодеянием, но называлось этим именем. Святотатцы несут наказания, хотя никто не может коснуться руками самих богов».

«Каким образом,— возражают (нам),— может быть кто-нибудь неблагодарным в отношении к дурному человеку, когда этому последнему нельзя оказать благодеяния (в собственном смысле)?»

Он может быть неблагодарным потому, что получил от того нечто из почитаемого невеждами за блага; если дурные люди обладают этими последними в изобилии, то и сам (получивший) должен будет воздавать благодарность подобным же материалом, и каковы бы они (эти так называемые блага) ни были, но как скоро он получил их за (действительные) блага, то за таковые же блага должен и возвращать. Имеющим долг одинаково называется как тот, кто должен золотыми монетами, так и тот, кто должен кожей, на которой отгиснут государственный штемпель,— какая была в ходу у лакедемонян, заменяя монету.

Чем задолжал, тем и уплачивай долг.

Глава 15

Что такое благодеяния, должно ли величие славного имени быть низводимо и на ту грязную и низменную материю (о которой было говорено выше)³⁵ — это вопрос, который нас³⁶ не касается: истина отыскивается другими. Вы обращаете душу к подобию истины и как скоро употребляете слово «добреде-

тель», каково бы ни было то, что хвалится именем добродетели, то (это последнее) и чтите!

«Но как никого, по вашему (стойков) мнению, не бывает неблагодарным,— возражают (нам),— так, с другой стороны, все оказываются неблагодарными. Ибо, как вы говорите, все неразумные люди — дурны, а кто имеет один порок, тот имеет их все; но все люди — неразумны и дурны, следовательно, все неблагодарны»³⁷.

А что же, разве не так? Разве нет отовсюду упрека человеческому роду, разве нет всеобщей жалобы на то, что благодеяния пропадают даром и что весьма немногих таких людей, которые не оплачивали бы самым дурным образом тем, кто делает им добро? Не думай, что это ропот, принадлежащий только нам, стойкам, считающим в высшей степени дурным и развращенным все то, что не подошло под норму добродетели. Вот раздастся восклицание какого-то неизвестного мне человека и не принадлежащего к семейству философов: из середины толпы исходит голос, осуждающий племена и народы:

«Ни гость не бывает безопасен от хозяина,

Ни тесть — от зятя; редко также бывает согласие между братьями;

Муж грозит гибелью жене, а та — мужу».

Еще более страшным представляется следующее: благодеяния обращены в преступления и не оказывается пощады даже крови тех, за которых надо проливать кровь. Мечом и ядами мы вознаграждаем за благодеяния: налагать руку на самую отчизну и угнетать ее своею властью³⁸ есть признак могущества и достоинства. Считает себя стоящим на ничтожном и приниженном месте всякий, кто не стал во главе государства. Взятые у этого последнего войска обращаются против него же самого, и девизом полководцев служит следующее: «Сражайтесь против супруг, сражайтесь против детей; нападайте с оружием на алтари, жертвенники и пенаты. Вы, которые прежде не должны были, без приказа сената³⁹, входить в город даже для триумфа и которым, при возвращении вами победоносного войска, вне стен города давалась аудиенция сената, теперь с поднятыми знаменами⁴⁰ входите в город, орошенные родною кровью! Пусть среди воинских доспехов замолкнет свобода и тот народ, который был победителем и умиротворителем наций,— после далекого удаления войн и подавления всякого страха,— осажденный внутри стен, трепещет своих собственных орлов!»⁴¹

Глава 16

Неблагодарен Кориолан, поздно и уже после раскаяния в своем преступлении ставший богобоязненным. Он положил оружие, но положил его — среди разорения отечества (*in medio patriicidio*)⁴². Неблагодарен Катилина: ему казалось мало овладеть отечеством без того, чтобы не разорить его, не наслать на

него аллоброгских когорт ⁴³, без того, чтобы неприятель, привлеченный из-за Альп, не насытил своей старинной и врожденной ненависти и чтобы римские вожди не расплатились на галльских могилах за долго бывшие за ними в долгу поминки ⁴⁴. Неблагодарен Г. Марий, возведенный на консульство из рядовых солдат; если б он не уподобил римских убийств избиениям кимвров и не только не дал сигнала ⁴⁵, но и сам не послужил сигналом для (начала) изгнания и умерщвления граждан ⁴⁶, то считал бы участь свою мало переменившейся и обращенной в ее прежнее состояние.

Неблагодарен Луций Сулла, у врачевавший отечество средствами более тяжкими, чем были самые опасности. Прошедши от Пренестинской крепости до Коллинских ворот по человеческой крови, он произвел в городе другие сражения, другие убийства. Собрав в тесном пространстве два легиона, он умертвил их после победы, что представляется жестокостью после честного слова, что представляется беззаконием, и выдумал проскрипции ⁴⁷. Великие боги! Кто умерщвлял римских граждан, тот получал безопасность, деньги, — только что не гражданский вещ! ⁴⁸

Неблагодарен Гней Помпей: в благодарность республике за три консульства, за три триумфа, за столько почетных должностей, в которые он вступал, по большей части, ранее надлежащего времени, он воздал тем, что ввел во владение его и других лиц, как бы желая отклонить от своей власти ненависть тем, что многим становилось дозволенным то, чего нельзя было позволять никому. Стремясь к чрезвычайным полномочиям, по своему выбору раздавая провинции и разделив государство с третьим лицом таким образом, что две части оставались все-таки во владении его собственного семейства ⁴⁹, он довел римский народ до такого положения, что тот мог сохранить свое существование только ценою рабства ⁵⁰.

Неблагодарен и сам враг и победитель Помпея, введший войну из Галлии и Германии в Рим ⁵¹. И этот друг черни, этот любимец простонародья расположил лагерь во Фламиниевом цирке ⁵² — ближе, чем был лагерь Порсенны! ⁵³ Правда, он умерил право и жестокость победы, исполнил то, о чем обыкновенно говорил: не убивал никого, кроме вооруженных. Но что же? Другие с большею кровожадностью действовали оружием, однако насытившись, наконец бросали его, а этот скоро влагал меч в ножны, но никогда не полагал его ⁵⁴.

Неблагодарен был и Антоний в отношении к своему повелителю, которого он объявил убитым законом, убийц его разослал по провинциям (в качестве управителей) и сделал начальниками, а отечество, истерзанное проскрипциями, набегами и войнами, после стольких бедствий предоставил в распоряжение царей — даже и не римских ⁵⁵, дабы оно, возвратив ахейцам, родосцам и многим славным городам неприкосновенными их право и свободу с вольностью, само платило дань евнухам ⁵⁶.

Недостанет и дня для перечисления лиц, в своей неблагодарности доходивших до совершенного разорения отечества! Равным образом будет неизмеримым подвигом, если я начну обзирать, как неблагодарно бывало само государство в отношении к наилучшим и преданнейшим себе людям и как оно столь же часто погрешало в отношении к другим, сколько другие погрешали в отношении к нему самому. Оно послало в изгнание Камилла, выслало Сципиона; изгнан был, после Катилины, Цицерон: разорены его пенаты, разграблено имение,— словом, сделано все то, что сделал бы Катилина в случае своей победы. Рутилий ⁵⁷, в награду за свою невинность, должен был скрываться в Азии. Катону римский народ (однажды) отказал в претуре и совершенно отказал в консульстве ⁵⁸. Все мы вообще неблагодарны. Пусть каждый спросит себя: не жалуюсь ли все на чью-нибудь неблагодарность? Но не может быть того, чтобы все жаловались, если не надо жаловаться на всех. Следовательно, все неблагодарны. Но только ли? Все и жадны, и злы, и трусливы, и прежде всего (трусливы) те, которые представляются смелыми. Прибавь сюда, что все честолюбивы и нечестивы. Но не надо гневаться. Прости им: они все безумствуют! Я не желаю обманывать тебя, говоря: посмотри, как неблагодарно юношество! Кто настолько невинен, что не желает отцу своему последнего дня, настолько скромен, что не ожидает его, настолько богобоязнен, что не думает о нем? Много ли таких людей, которые до такой степени опасались бы смерти своей достойнейшей супруги, что даже и не думали бы о ней? У каждого подсудимого, спрашиваю я, которому оказана была защита, воспоминание о таком важном благодеянии сохранилось долее самых ближайших мгновений? Всем известно следующее (явление), кто умирает без жалобы, кто в последний день жизни решается сказать: «Я жил и совершил тот путь, который даровала мне судьба»; кто уходит из этой жизни, не жалуясь, не сетуя? Но не быть довольным прошедшим есть также свойство неблагодарного. Дней всегда покажется мало, если станешь их считать. Подумай о том, что высшее благо заключается не во времени: сколько бы этого последнего ни было — будь доволен! Ничего не прибавляется к счастью, если для тебя откладывается день смерти, так как от промедления жизнь становится не счастливее, а только — продолжительнее ⁵⁹.

Насколько будет лучше, воздавая благодарность за полученное удовольствие, не считать чужих годов, а высоко ценить и признавать за благо свои собственные? «Бог признал меня достойным этого: этого и достаточно!» Он мог бы даровать больше? «Но ведь и то (что даровано) есть благодеяние». Будем благодарны богам, благодарны людям, благодарны тем, которые что-нибудь сделали для нас самих, благодарны и тем, которые что-нибудь сделали и для наших ближних!

«Ведь ты,— возражают нам,— до бесконечности обязываешь меня, когда говоришь: «и нашим близким». Положи же какой-нибудь предел! Кто оказывает благодеяние сыну, тот оказывает, как ты говоришь, и отцу его. Но, во-первых, спрашиваю, где начало и конец? Затем я желаю, чтобы мне непременно было разъяснено следующее: если благодеяние (оказываемое сыну) оказывается и отцу, то уже ли оно оказывается и брату, и дяде (по отцу), и деду, и жене, и тестю? Скажи мне, где надо остановиться и как долго продолжать перечень лиц? Если я возделаю твое поле, то окажу благодеяние тебе, а если потушу пожар твоего дома или предотвращу его падение, то этим не окажу тебе благодеяния? Если спасу твоего раба, то окажу тебе услугу, а если спасу твоего сына, то за тобой не будет моего благодеяния?»

Неподходящие ты предлагаешь примеры, потому что, кто воздвигает мое поле, тот оказывает благодеяние не полю, а мне; и кто подпирает дом, чтобы он не падал, тот делает это для меня, так как сам по себе дом не обладает чувством. Такой благодетель имеет своим должником меня, потому что более никого не имеет. И кто воздвигает мое поле, тот желает этим оказать услугу не ему, а мне. То же самое скажу и относительно раба: он — вещь, находящаяся в моей власти; его спасают для меня, поэтому я за него и бываю в долгу. Но сын сам имеет возможность принять благодеяние⁶⁰, поэтому он и принимает его, а я радуюсь (сделанному для него) благодеянию, оно (близко) касается меня, но не делает меня обязанным. Однако я бы желал, чтобы ты, не считающий себя обязанным за благодеяние, оказанное твоим близким, ответил мне: имеет ли отношение к отцу доброе состояние здоровья, счастье и богатство сына? Станет ли он (отец) счастливым, если сын у него будет здоров, и несчастным, если потеряет его? Итак, что же: разве не получает благодеяния тот, кто становится, таким образом, благодаря мне и более счастливым, и освобождается от опасности величайшего несчастья?

«Нет,— возражают нам,— так как иные предметы доставляются другим, но доходят и до нас; требовать же обратно каждый предмет можно только с того, кому он дается, так, например, деньги требуют (только) с тех, кому они поверены в долг, хотя бы они, каким-либо образом, дошли и до меня. Нет благодеяния, польза которого не касалась бы лиц, близких к тому, кому оно оказывается, а иногда и находящихся в более далеком (по времени) отношении. Не спрашивают, куда переносится благодеяние тем лицом, которому оно оказывается, но где оно помещается на первый раз. Тебе надо требовать удовлетворения от самого ответчика и главного виновника!»

Что же отсюда? Послушай, разве не говоришь: «даровал мне сына» и «если б он погиб, я не стал бы жить»?

Разве ты не обязан (отплатить) благодеянием за жизнь того, чью жизнь предпочитаешь своей? Далее, когда спасли твоего сына, ты падаешь на колена и возносишь молитвы богам, как будто сам спасенный. От тебя исходят такие слова: «Нет никакого различия между тем, спас ли ты принадлежащее мне или самого меня; ты двоих спас — и меня даже более». Почему ты это говоришь, как скоро не получаешь благодеяния? Потому что и в том случае, если сын мой возьмет в долг денег, я заплачу кредитору, однако сам от этого не буду должником, и, если сын мой будет захвачен в прелюбодеянии, я покраснею от стыда, но от этого сам не стану прелюбодеем. Я говорю, что обязан (отплатить тебе благодеянием) за сына не потому, что действительно обязан, но потому, что желаю в лице своем представить тебе добровольного должника. Правда вследствие того, что он сохранен целым, я получил величайшее удовольствие, величайшую пользу и притом избежал тягчайшей скорби сиротства. Но в настоящем случае вопрос заключается не в том, принес ли ты мне пользу, но в том, оказал ли благодеяние? Ведь пользу приносят: и животное, и камень, и трава, тем не менее они не оказывают благодеяния, которое никогда никем не оказывается, кроме желающего. Ты же хочешь оказать его не отцу, а сыну; а отца иногда даже и не знаешь. Поэтому, когда говоришь: «Итак, разве я не оказал благодеяния отцу спасением его сына?» — то сопоставь с этим следующее: «Итак, я оказал благодеяние отцу, о котором не знал, о котором и не думал». Что же, значит, может со временем случиться, когда, ненавидя отца, спасешь сына, то ты оказываешься сделавшим благодеяние человеку, к которому относился в высшей степени враждебно в то время, когда делал это благодеяние?

Но, отложив в сторону разговорные препирательства, отвечу прямо, как юрисконсульт ⁶¹: «Надо обращать внимание на душевное состояние благодетеля: он оказал благодеяние тому, кому желал оказать. Если он сделал это в честь отца, то благодеяние получил отец, но отец не обязывается (отвечать) за благодеяние, оказанное его сыну. Отец не бывает в долгу, хотя и получает наслаждение от этого благодеяния. Но тем не менее, если ему представится случай, он будет иметь желание и сам что-нибудь сделать в благодарность, но не как поставленный в необходимость уплатить долг, а как имеющий повод начать (имеется в виду обмен благодеяний). Благодеяние не должно быть требуемо от отца обратно: если он чем-нибудь вознаграждает за него, то может быть назван справедливым (justus), но не благодарным (gratus), ибо иначе не может быть и конца следующему (умозаключению): «Если я оказываю благодеяние отцу, то оказываю его и матери, и деду, и дяде (по матери), и детям, и родственникам, и рабам, и отечеству». Где же, таким образом, благодеяние остановится? Ведь здесь является тот неразрешимый сорит ⁶²,

которому трудно положить предел, так как он понемногу идет все далее и далее и не перестает распространяться.

Глава 20

Предлагают обыкновенно такой вопрос: «Два брата находятся между собою во вражде: если я спасаю одного из них, то оказываю ли этим благодеяние тому, кому тяжело будет переносить, что ненавистный брат его не погиб?»

Несомненно, что благодеянием будет оказываться помощь даже и тому человеку, который не желает этого; равно как оказавший помощь против своего желания не сделал благодеяния.

«Ты называешь,— говорят,— благодеянием то, чем тот оскорбляется и мучится?»

Многие благодеяния имеют печальный и скорбный вид, как, например, резать, жечь и заключать в узы с врачебной целью. Надо обращать внимание не на то, не огорчается ли кто-нибудь оказанным ему благодеянием, а на то, следует ли радоваться этому человеку или нет? Не бывает еще негодным тот денарий, который бросил варвар и человек, не имеющий понятия о государственной монете. Благодетельствуемый и ненавидит, и в то же время принимает благодеяние, если только оно приносит пользу, если тот, кто делал его, делал для того, чтобы помочь. Неважно, как скоро и кто примет доброе дело с недобрым расположением духа. А теперь обрати это (т. е. вышеприведенное рассуждение) в противоположное: человек ненавидит своего брата, имеет которого для него полезно. Я убил его (т. е. брата). Этот поступок не будет благодеянием, хотя бы тот (т. е. другой брат) и называл его (этим именем). Я нахожу следующее: известная вещь приносит пользу, поэтому она — благодеяние; приносит вред — и поэтому не заключает в себе благодеяния. А вот я подарю нечто такое, что не приносит ни пользы, ни вреда и тем не менее будет благодеяние.

Я нашел чьего-нибудь отца мертвым в пустыне и похоронил его; я не принес пользы ни самому покойнику, ибо что ему за дело до того, каким способом он превратится в прах⁶³; ни сыну, ибо какая ему будет от этого выгода? Скажу, что приобрел этот последний: благодаря мне он исполнил важную и необходимую обязанность. Я сделал для его отца то, что он (сын) сам желал бы и даже обязан был бы сделать. Однако этот поступок мой будет благодеянием только в том случае, если я оказал его не ради одного только сострадания и человеколюбия, имея в виду лишь только похоронить труп, безразлично, чей бы он ни был, но если я узнал тело, если я тогда же решил сделать это для сына. Если же я покрыл землю неизвестного мертвеца, в этом случае мне никто ничем не обязан за отправление этого долга. Исполняя (в данном случае) долг общего человеколюбия, я не имею никого, кто был бы у меня в долгу за отправление мною этой обязанности.

Иной скажет: «Зачем с таким старанием ты решаешь вопрос о том, кому оказал благодеяние, как будто имеешь намерение со временем потребовать его обратно?»

Есть такие люди, которые полагают, что никогда не следует требовать воздаяния за благодеяние, и приводят следующие основания для этого: «Человек недостойный не воздаст и тому, кто у него требует воздаяния, а достойный сделает воздаяние и сам по себе. Кроме того, если ты оказал благодеяние человеку доброду, то смотри, чтобы напоминанием не причинить ему обиды, как будто (намекая на то, что) по своей воле он и не был намерен возвращать. Если же ты оказал благодеяние дурному, то и неси за это кару. Не унижай благодеяния (чуждым для него) именем, делая его кредитом. Кроме того, чего закон не приказал требовать обратно, то запретил».

Все это верно. Пока ничего не теснит меня, пока судьба ничего от меня не требует, я скорее буду искать случая оказать благодеяние, чем требовать воздаяния за него. Но если дело идет о спасении детей, если подвергается опасности жена, если спасение и свобода отечества посылают меня даже туда, куда идти мне бы и не хотелось, то я поборю свой стыд и буду свидетельствовать, что мною сделано все, дабы не нуждаться в помощи неблагодарного человека; необходимость вновь получить благодеяние, в самое последнее время, победить стыд — требовать воздаяния. Затем, когда я оказываю благодеяние доброду человеку, то оказываю его таким образом, как бы не имею намерения никогда просить воздаяния, если это не окажется необходимым.

Глава 21

«Но закон,— возражает (противник),— не требуя ответного воздаяния благодеяний, тем самым запретил это делать».

Не бывает ни закона, ни судебного следствия на многое, доступ к чему дает обычай жизни людей, сильнейший всякого закона. Ни один закон не повелевает хранить в молчании тайны друзей. Ни один закон не повелевает быть добросовестным даже и в отношении к врагу. Какой закон обязывает нас исполнять то, что мы кому-нибудь обещали? Но тем не менее я стану высказывать свое неудовольствие тому, кто не сохранил сказанного в тайне, и буду сердиться за данное и не сдержанное слово.

«Но ведь ты,— говорят,— из благодеяния делаешь кредит!»

Всего менее, ибо я не требую (воздаяния), но прошу и даже не прошу, а только напоминаю, так как даже самая крайняя необходимость не доведет меня до того, чтобы прийти к человеку, с которым мне долгое время надо бороться. Кто настолько неблагодарен, что для него недостаточно одного напоминания, мимо того я пройду и не сочту достойным побуждения к благодарности.

Подобно тому как ростовщик не подает ко взысканию на некоторых должников, которых знает за обанкротившихся

и у которых не осталось никакого стыда, который бы они могли потерять, так и я буду явно и постоянно проходить мимо некоторых неблагодарных и стану просить награды за благодеяние лишь у того, у кого буду не отнимать, а брать обратно (мною) данное.

Глава 22

Много бывает таких людей, которые не умеют ни отпереться от того, что получили, ни вознаградить за это: они и не настолько добры, насколько благодарны, и не настолько дурны, насколько неблагодарны, они медленны и ленивы; это — должники ленивые, но не дурные. Им я стану не выговаривать, но напоминать и возвращать заблуждающихся к их обязанности. И они мне немедленно ответят следующее: «Извини, клянусь Гераклом, я не знал, что ты нуждаешься в этом, иначе я охотно принес бы тебе. Пожалуйста, не считай меня неблагодарным: я помню, что ты для меня сделал!»

Зачем мне колебаться — сделать этих людей лучшими и в отношении к ним самим, и в отношении ко мне? Стану предотвращать от греха всякого, кого только буду иметь возможность; тем более буду предотвращать своего друга, чтобы он не погрешал, и в особенности не погрешал против меня. Не допуская его быть неблагодарным, я тем самым оказываю ему другое благодеяние. И не с грубостью стану я требовать у него вознаграждения за оказанное ему (добро), но, насколько возможно, самым кротким образом, чтобы дать ему возможность сделать воздаяние; я обновлю его память и стану просить его благодеяния; он сам поймет, что я прошу награды.

Иногда я буду употреблять и более жесткие выражения, это в том случае, если буду надеяться на возможность его исправления; окончательно же «отпетого» (*deploratum*) человека я не стану раздражать и по той причине, чтобы не сделать его из неблагодарного врагом. Если же мы не станем прибегать даже и к словесному наказанию ⁶⁴ неблагодарных, то этим сделаем их еще более ленивыми к воздаянию благодеяний. Ужели же некоторых даже и таких людей, которые могут быть доступны излечению и могут сделаться добрыми, как скоро их что-нибудь уязвит, мы допустим погибнуть, лишая их словесного убеждения, при помощи которого иногда и отец исправлял сына, и жена возвращала к себе заблудшего супруга, и друг снова пробуждал к себе охлаждающее доверие друга?

Глава 23

Иных, для того чтобы они пробудились от своей дремоты, надо не бить, но возбуждать; точно так же у иных желание честно расплатиться за добро не пропадает, а только ослабевает; его (это желание) и станем возбуждать. «Не превращай дара своего

в обиду, ибо ведь обидою будет, если ты для того не станешь просить воздаяния, чтобы я оказался неблагодарным. А если я не знаю, чего ты желаешь, если, будучи связан занятиями и призван к другим делам, я не нашел удобного случая? Укажи мне, что я могу сделать и чего ты желаешь! Зачем ты отчаиваешься, не испытав? Зачем спешишь потерять и благодеяние и друга? Откуда ты знаешь, не желаю я или нахожусь в неведении? недостает ли мне душевного расположения или возможности? Испытай сам!»

Итак, я стану напоминать без огорчения, не публично, без порицания, так, чтобы ему думалось, будто он сам пришел в память, а не другие вернули его.

Глава 24

У божественного Юлия вел процесс один из ветеранов, употребивший некоторое насилие против своих соседей, и был тесним этим процессом ⁶⁵.

«Помнишь ли, император,— сказал он однажды,— как в Испании, возле реки Сукрона, ты вывихнул ногу?» И когда Цезарь сказал, что помнит, то продолжал: «А помнишь ли, как в то время, когда ты желал присесть под одним деревом, которое распространяло самую ничтожную тень, тогда как солнце страшно палило и кругом была в высшей степени суровая местность, где одно только это дерево и возвышалось среди острых скал,— один из соратников подостлал тебе свой плащ?» Когда же Цезарь сказал: «Разве я не помню этого? И притом, изнуренный жаждою, не имея возможности на ногах дойти до ближайшего источника, я уже хотел ползти на руках, если бы (один) соратник, храбрый и мужественный человек, не принес мне воды в своем шлеме»,— он (упомянутый ветеран) продолжал далее: «Можешь ли, император, узнать того человека или тот шлем?»

Цезарь отвечал, что он не может узнать шлема, но человека узнать прекрасно может, и прибавил, рассердившись, как я думаю, на то, что тот отвлек его, среди судебного заседания, к старому рассказу: «Во всяком случае, это был не ты!»

«Справедливо, Цезарь,— отвечает тот,— что ты не узнаешь меня, ибо, когда это случилось, я был еще целым. После того при Мунде, мне в бою был выколот глаз и в голове вставлены (раздробленные) кости. И шлем тот, если увидишь, то не узнаешь его, так как он разрублен надвое испанским мечом» ⁶⁶. Цезарь запретил вводить его в хлопоты и подарил своему воину те участки земли, где пролежала соседняя дорога, причина раздора и тяжб ⁶⁷.

Глава 25

Так что же? Разве не следовало просить награды за благодеяние от полководца, память которого была затемнена от множества дел, которому его высокое положение, поставив его

распорядителем войска, не давало возможности помнить о каждом простом солдате?

Это не значит — просить назад благодеяния, но взять его обратно положенным в добром месте и приготовленным к возвращению, но для взятия которого тем не менее надобно было протянуть руку.

Итак, я стану просить награды за благодеяние, потому что буду вынужден сделать это или в силу необходимости, или ради (блага) того, у кого буду просить (этой награды).

Цезарь Тиберий ⁶⁸ одному человеку, заговорившему было: «Ты помнишь..?», отвечал в самом начале разговора, прежде чем тот представил другие доказательства прежней дружбы: «Не помню, чем я был!»

Разве не надо было у такого человека просить награды за благодеяние? Для него желательно было забвение: он уклонялся от знакомства со всеми друзьями и сверстниками и желал видеть одно только свое настоящее положение, о нем одном только думать и разговаривать; прежнего друга он считал соглядатаем!

С большею осторожностью надо выбирать время для просьбы о награде за благодеяние, чем для просьбы о благодеянии. Надо соблюдать осторожность в словах, дабы и человек благодарный не мог обидеться, и неблагодарный не мог пренебречь. Молчать и выждать надо было бы только в том случае, если бы мы жили среди людей мудрых; впрочем, и мудрым лучше было бы также показывать, чего требует положение наших дел. И к богам, знания которых не избегла ни одна вещь, мы тем не менее обращаемся с просьбами, и наши молитвы не упрасивают их, но напоминают. И тот жрец, о котором рассказывает Гомер ⁶⁹, совершает священные службы богам и возносит религиозное поклонение алтарям. Желание и способность быть убежденным — добродетель второстепенного достоинства. Послушных коней ты заставишь повиноваться, слегка поводя удилами туда и сюда: у некоторых надо бывает (предварительно) смягчать душу, которая служит наилучшим правителем для себя самой. Всего ближе (к нам) стоят такие люди, которые, после напоминания, снова возвращаются на путь. У них не надо отнимать вождя. Острота зрения присуща бывает и закрытым глазам, но она остается без употребления, и (только) наступление дневного света призывает ее к своим отправлениям. Инструменты остаются в бездействии, если художник не употребит их на свое дело. Иногда доброе желание и бывает в душах, но остается в бездействии — частью благодаря удовольствиям и нерадению, частью — благодаря незнанию обязанностей. Мы должны сделать это (присущее душе доброе) желание плодотворным и, под влиянием гнева, не оставлять людей в пороке, но, подобно наставникам учеников, терпеливо сносить ошибки слабой памяти, и подобно тому как эта последняя часто, после напоминания одного или двух слов, бывает доводима до связанного воспроизведения всей речи, так, при помощи напоминания, надо призывать ее и к воздаянию награды (за добром).

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава 1

Иные вопросы, достойнейший из мужей Либералий, исследуются только для упражнения разума и всегда остаются вне жизни ¹. А некоторые и в то время, пока исследуются, доставляют удовольствие и по своему разрешении приносят пользу. Я представляю тебе множество подобных вопросов всех родов,— а ты должен по своему усмотрению приказать или продолжать их подробное исследование, или представить только краткое обозрение ². Но и в этом последнем случае, если даже ты прикажешь скорее отступить (от них), нечто тем не менее будет сделано, так как полезно знать и то, подробное изучение чего бывает излишне.

Итак, я буду зависеть от выражения твоего лица и сообразно с тем, как оно мне посоветует, над одним стану останавливаться долее, а другое устранять и выбрасывать.

Глава 2

Предлагали вопрос: можно ли отнимать благодеяние ³? Некоторые отрицают возможность этого, потому что благодеяние не вещь, а действие, подобно тому, как одно есть дар, а другое — самый процесс дарения, одно — мореплаватель, а другое — мореплавание. И хотя больной не бывает без болезни, тем не менее больной и болезнь — не одно и то же; так и самое благодеяние представляет собою одно, а то, что благодаря благодеянию доходит до кого-нибудь из нас,— другое. Первое (самое благотворительное действие) — бестелесно; оно не уничтожается, а его материя переносится туда и сюда и меняет своего господина.

Итак, когда ты отнимаешь (предмет благодеяния), то сама природа вещей не может возвратиться назад того, что дала. Она прерывает, но не уничтожает своих благодеяний. Кто умирает, тот все-таки жил; кто потерял глаза, тот тем не менее видел. С полученным нами может быть сделано только то, что его (в настоящий момент) у нас не будет, но чтобы его не существовало вовсе,— этого сделать нельзя: часть благодеяния, и притом самая верная, заключается в прошедшем. Иногда мы встречаем препятствие к более продолжительному пользованию благодеянием, но самое благодеяние от этого еще не исторгается. Хотя бы природа призвала для достижения этого все свои силы, ей тем не менее нельзя вернуться назад. Можно отнимать дом, деньги, собственность и все то, к чему прилагается имя благодеяния,— само же по себе это последнее стойко и неподвижно. Никакая сила не сделает того, чтобы один не давал, а другой не принимал.

Прекрасно, на мой взгляд, у поэта Рабирия восклицает Антоний ⁴, когда видит, что его счастье переходит к другому ⁵ и что ему ничего не осталось, кроме права умереть, да и то лишь в том случае, если он скоро этим правом воспользуется. «Мое имение (восклицает он) составляет все то, что я раздарил!» О, сколько бы он мог иметь, если бы пожелал! Это богатство верно, оно пребудет в одном месте при всевозможном изменении человеческого жребия; чем его будет более, тем оно менее станет привлекать к себе зависти. Что ты бережешь его, как будто свою собственность? Ты ведь только управитель. Все, что заставляет вас, надменных и превознесенных над человечеством, забывать о своей бренности, что вы храните вооруженные за железными запорами, что из чужой крови похищенное вы защищаете своею, ради чего выводите флоты для окровавливания морей, ради чего разрушаете города, не зная, сколько стрел приготавливает судьба для противников, ради чего, после стольких нарушений уз родства, дружбы и товарищества между двумя враждующими, потрясена была вселенная,— все это не ваше! Оно находится у вас в виде залога (*depositum*) и внезапно устремится к другому господину: всем этим будет владеть враг или преемник ваш, враждебно к вам настроенный! ⁶ Ты спрашиваешь, как это сделать своею собственностью? Отдавая в дар!

Итак, заботься о своем имении и приговляй себе верное и неотъемлемое обладание им, стараясь сделать его не только более ценным, но и более безопасным. То, на что ты смотришь с уважением, обладая чем ты считаешь себя богатым и сильным,— слывет под низким именем. Оно называется: дом, слуга, деньги, а когда ты это подарил, то оно уже будет благодеянием.

Глава 4

«Ты утверждаешь,— говорят (нам),— что иногда мы не бываем в долгу за благодеяние у того человека, от которого это последнее получили, следовательно, оно у нас отнято».

Много бывает такого, благодаря чему мы перестаем быть в долгу за благодеяние: перестаем не потому, чтобы это последнее было у нас отнято, но потому, что оно осквернено.

Кто-нибудь защитил меня перед судом, но он в то же время (при помощи насилия) нанес моей жене постыдное оскорбление. Он не отнял благодеяния, но, противопоставив ему равносильное оскорбление, тем самым освободил меня от долга; и если он причинил более оскорбления, чем ранее принес пользы, то не только прекращается благодарность (за благодеяние), но как скоро оскорбление перевешивает в сравнении с благодеянием, то представляется и свободное право мстить и жаловаться; таким образом, благодеяние не уничтожается, а превозмогается (обиdou).

Что же, разве иные родители не бывают настолько жестоки и преступны, что законным и справедливым представляется от них отвращаться и отказываться? Ужели же отсюда следует, что они отняли то, что дали? Вовсе нет,— но беззаконие последующих времен уничтожило заслугу всего прежнего исполнения долга ⁷. Уничтожается не благодеяние, но благодарность за благодеяние, и является в результате не то, что я не имею благодеяния, но то, что перестаю быть за него в долгу. Так, например, кто-нибудь поверил мне в долг денег, но он же зажег мой дом; долг уплачен моим убытком: я не возвратил ему долга, но тем не менее не состою у него и в долгу. Точно таким же образом и этот: отнесшись ко мне с некоторою благосклонностью, с некоторою щедростью, но после того с многою гордостью, обидою, жестокостью, он поставил меня в такое положение, что я в отношении к нему становлюсь совершенно свободен, как будто ничего и не получал. Он осквернил свои благодеяния. Не имеет прав на своего колона ⁸, хотя бы и продолжал оставаться в силе контракт ⁹, тот, что потоптал его жатву, подрезал его виноградники: не имеет прав не потому, что уже получил условленное, но потому, что достиг того, чтобы не получать. Так, кредитор часто оказывается повинным перед своим должником, как скоро при другом обстоятельстве он отнял у него более того, сколько взыскивает по долговому процессу. Ведь между кредитором и должником сидит судья, который может сказать: «Ты поверил в долг денег, но что же из этого? Ты зато увел скот, убил его раба, владеешь тем участком земли, которого не покупал; после произведения сравнительной оценки уходи должником ты, который пришел кредитором!»

Между благодеяниями и обидами также ведется счет. Часто, говорю я, благодеяние остается в силе и за него не бывают в долгу: это в том случае, если того, кто оказывает его, стало преследовать раскаяние, если он назвал себя несчастным за то, что дал, если, давая, он вздыхал, хмурил лицо, думал, что потерял, а не подарил, если он дал ради своей собственной пользы или, по крайней мере, не ради моей, если он не переставал издеваться, хвалиться, всюду хвастаться и делал дар свой горьким. Благодеяние остается в силе, хотя за него и не бывают в долгу, подобно тому как некоторые капиталы, относительно которых право суда не предоставляется кредитору, считаются находящимися в долгу, но не вытребываются по суду.

Глава 5

Нам говорят: «Ты оказал благодеяние, но после того причинил обиду: и благодеянию подобает благодарность, и обиде — мщение».

Отвечаю: и я не должен воздавать благодарности, и тот не должен, в удовлетворение мне, понести наказание: один из нас освобождается другим. Говоря: «Я воздал ему обратно

благодаяние», мы выражаем не ту мысль, что воздали обратно именно то самое, что ранее получили, но ту, что вместо этого воздали нечто другое, ибо воздавать (reddere) — значит давать вещь за вещь. Разве это не так? Ведь при всякой уплате обратно возвращается не то же самое, что было взято, но лишь столько же. Ведь говорят, что мы возвратили деньги, хотя вместо серебряных монет и заплатили золотыми, хотя в дело пошли не нуммы (наличные деньги), а уплата была совершена при помощи перевода или словесного заявления (verbis) ¹⁰.

Мне кажется, ты говоришь: «Напрасно теряешь труд: ведь разве важно мне знать, продолжает ли оставаться в силе то, за что не бывают в долгу? Говорить остроумные пустяки свойственно юристам, которые утверждают, что не может быть приобретаемо давностью пользования в собственность наследство, но только то, что заключается в наследстве: как будто наследство есть нечто отличное от того, что заключается в наследстве!» ¹¹

Ты лучше разъясни мне различие в том, что может относиться к делу, именно: когда один и тот же человек оказал мне благодеяние и он же после того причинил мне обиду, то должен ли я и возратить ему благодеяние и тем не менее отомстить ему за себя и, таким образом, как бы вести дело отдельно с двумя лицами, или я должен одно зачислить за другое и не иметь против него никакого дела, так что благодеяние уничтожалось обидой, а обида благодеянием? Ибо я вижу, что так именно делается на этом форуме, что же касается того права, которое действует в вашей школе, об этом должны знать вы сами. Судебные процессы различаются между собою и относительно одного и того же: о чем ведем дело мы, ведут дело и против нас. Судебная формула ¹² не смешивается: если кто-нибудь оставил у меня на хранение деньги и он же после того совершил у меня покражу, то и я буду вести с ним дело о покраже и он со мною — о депозите.

Глава 6

Приведенные тобою для примера случаи, мой Либералий, определяются известными законами, которым необходимо следовать: один закон с другим не смешивается. Тот и другой из них идет своей дорогой: относительно депозита (т. е. отданного на хранение имущества) полагается свое судебное следствие, точно так же, поистине, как и относительно воровства — свое. Благодеяние (напротив) не подчинено никакому закону: для него судебный посредник — это я.

Мне можно как сравнивать между собою то, сколько оказал мне каждый пользы или вреда, так и заявлять о том, мне ли более должны или я должен.

В тех (имеется в виду в вышеприведенных случаях судебных процессов) ничего не подлежит нашей власти: там надо идти путем, которым нас ведут.

В благодеянии все заключается в моей власти, и я, таким образом, являюсь судьей в этих делах: я не разделяю и не развожу их, но и обиды и благодеяния отсылаю для обсуждения к одному и тому же судье¹³.

Ты же, напротив, приказываешь мне в одно и то же время любить и ненавидеть, жаловаться и благодарить, чего природа не принимает. А я лучше, сравнив между собою сделанные мне благодеяния и обиды, посмотрю, не останутся ли еще у меня в долгу.

Подобно тому как тот, кто на нашем письме сверху пишет другие строки, этим не уничтожает, а только закрывает прежние буквы, так и приходящая после обида не позволяет проявляться благодеянию.

Глава 7

На лице твоём, руководству которого я предоставил себя, собираются складки, и нахмуривается чело, как будто я зашел далее того, чем надлежало. Ты представляешься мне говорящим:

«Куда ты, столь мне близкий, уходишь?
Сюда держи путь — к берегу!»¹⁴

Не могу более продолжать (вышеприведенных рассуждений).

Итак, если этот вопрос, по твоему мнению, удовлетворительно рассмотрен, то мы перейдем к вопросу о том, «бывают ли что-нибудь должны тому, кто помог нам против своего желания?» (*invitus*).

Я мог бы высказать этот вопрос и подробнее, если бы предложению не надлежало быть более кратким, дабы лишь немедленно следующее за ним разъяснение показывало, что предметом исследования служит вопрос как о том, бываем ли мы в долгу у того, кто помог нам, этого не желая, так и о том, бываем ли мы в долгу и у того, кто помог, сам этого не зная¹⁵. А если кто сделал какое-нибудь добро по принуждению, то ведь до такой степени ясно, что этим он нас несколько не обязывает, что и не надо на доказательство этого тратить каких-нибудь слов.

Легко будет решить и этот (вышеприведенный) вопрос, и всякий подобный ему, какой только можно предложить, как скоро мы всякий раз станем прилагать (к разрешению его) свое соображение относительно того, что ничто не бывает благодеянием, кроме совершаемого для нас вследствие некоторого обдуманного намерения, и притом намерения дружелюбного и благосклонного.

Таким образом, мы не воздаем благодарности рекам, хотя они и носят на себе большие суда и обильным и постоянным потоком бегут для того, чтобы перевозить богатства, или обильные рыбой и прекрасные разливаются среди пышных полей.

Никто не считает себя обязанным благодеянием и Нилу, точно так же как и ненавистью, когда он без меры разливается

и медленно входит в берега. Не оказывает благодеяния и ветер, хотя он и веет тихо и благоприятно, не оказывает его и полезная и здоровая пища, ибо кто намерен сделать мне благодеяние, тот не только должен приносить пользу, но и желать этого.

Поэтому ничем не бывают обязаны ни безгласным животным, а ведь как много людей избавила от опасности быстрота коня, ни деревьям, а ведь как многих, страдающих от жара, прикрыла густота ветвей! Но какое же различие в том, принес ли мне помощь тот, кто не сознает этого, или тот, кто не мог сознать, как скоро и тому, и другому недоставало желания?

Какое различие в том, приказываешь ли ты мне быть обязанным за благодеяние кораблю, или повозке, или копью, или тому человеку, который, подобно этим предметам, не имел никакого намерения совершить благодеяние, но оказал помощь случайно?

Глава 8

Иной и принимает благодеяние, сам этого не сознавая, но никто не получает благодеяния от несознающего. Подобно тому как многих вылечивают случайные обстоятельства и тем не менее еще не бывают вследствие этого спасительными средствами,— так для иного и падение в реку, в большой мороз, служило причиною выздоровления¹⁶; подобно тому как у иных, благодаря ударам бичей, прогонялась четверодневная лихорадка и внезапный испуг, обращая дух к другой заботе, скрывал от сознания со страхом ожидавшиеся часы¹⁷, и тем не менее ничто из этого не бывает по существу своему спасительным, хоть и приносило спасение, так и некоторые люди приносят нам пользу, не желая этого, даже более — именно потому, что не желают. И мы тем не менее не бываем обязаны им благодеянием за то, что судьба обратила в лучшее их пагубные намерения.

Не думаешь ли ты, что я чем-нибудь бываю обязан тому, чья рука, отыскивая меня, поразила моего врага и кто если бы не ошибся, по причинил бы мне вред?

Часто противник, произнося ложную клятву, тем самым лишал доверия даже достоверных свидетелей и делал подсудимого заслуживающим сожаления, как оклеветанного враждебной стороной. Некоторых спасало то самое влиятельное положение (противника), которое их угнетало, и судьи не желали в угоду этому последнему осудить того, которого они были намерены осудить по судебному процессу¹⁸.

Тем не менее они не оказывали благодеяния подсудимому, хотя и помогали ему, потому что спрашивают о том, куда было направлено копьё, а не о том, куда оно попало, и благодеяние отличает от обиды не результат, а душевное настроение. Противореча, оскорбляя судью гордостью и предоставляя обвинять меня одному свидетелю¹⁹, противник мой тем самым поправил мое дело. Но я и не спрашиваю о том, не ради ли меня он допустил эту ошибку: намерение его было мне враждебно.

Глава 9

Чтобы воздать благодарность, я должен иметь желание делать то же самое, что должен был (желать делать) и тот (благодетель), дабы оказать благодеяние. Что может быть несправедливее человека, который ненавидит того, кем был в тесноте придавлен, забрызган или толкнут туда, куда не хотел? Но как скоро обида заключается в действии, то что иное может избавить от обвинения, как не отсутствие знания о своем действии? Одно и то же обстоятельство производит то, что один не оказывает благодеяния, а другой не причиняет обиды: и другом, и недругом делает направление воли. Сколь многих людей болезнь избавила от военной службы? Иных противник вызовом к суду не допустил попасть под разрушение дома. Иные были застигнуты кораблекрушением для того, чтобы не попасть в руки пиратов. Тем не менее мы не бываем обязаны благодеянием ни этим обстоятельством, так как здесь дело делается без сознания долга,— ни противнику, тяжба с которым, беспокоя и задерживая, тем самым спасла нас. Ничего не бывает благодеянием, кроме того, что исходит от доброго настроения воли, того, что сознается человеком, его оказывающим.

Иной помог мне, сам не сознавая этого,— я ничем не обязан ему; иной помог, желая мне навредить,— буду подражать ему!

Глава 10

Обратимся к первому благодетелю: ты желаешь, чтобы я что-нибудь сделал для его вознаграждения? Но он сам ничего не сделал для того, чтобы оказать мне благодеяние. Перейдем к другому: ты хочешь, чтобы я вознаградил его, добровольно возвращая то, что получил против его желания? Что же говорить о третьем, который совершил благодеяние вместо обиды!

Чтобы я был обязан тебе благодеянием, мало одного желания с твоей стороны; чтобы я не был обязан,— тебе достаточно не желать. Ибо одно желание не делает благодеяния, но как не бывает благодеяния в том случае, если и самому доброму и полному желанию недостает материальных средств (для его осуществления), так не бывает благодеяния и тогда, когда материальной помощи не предшествовало доброго желания, потому что не помощь только твоя нужна мне для того, чтобы за это быть обязанным тебе, но помощь, оказанная преднамеренно.

Глава 11

Клеанф употребляет пример такого рода: «Я послал двух мальчиков разыскать и вызвать Платона из академии. Один обыскал весь портик, равно как обежал и другие места, где, по его предположению, можно было встретить Платона, и вернулся домой насколько усталым, настолько же и безуспешным;

другой — присел возле ближайшего фокусника и в то время, когда, скитаясь и блуждая, присоединился к толпе домашних слуг и играл, встретил проходящего мимо Платона, которого не искал. Первого мальчика,— говорит он,— который насколько мог — выполнил то, что было ему приказано, мы похвалим, а другого, счастливого бездельника, накажем»²⁰.

Настроение воли — вот что налагает на нас обязательство и вот под каким условием оно делает меня должником: для благодетеля мало иметь только желание, как скоро оно не оказало помощи, и мало оказать помощь, как скоро он этого не желал.

Представь, что кто-нибудь хотел дать и ничего не дал. Я пользуюсь его душевным расположением, но не пользуюсь благодеянием, которое слагается из вещественного содержания и душевного расположения. Как ничего я не бываю должен тому, кто хотя и желал мне дать в долг денег, но не дал, точно так же я буду другом, но не должником тому, кто хотя и желал оказать мне благодеяние, но не мог. И я, со своей стороны, желаю что-нибудь для него сделать,— так как и он желал для меня этого,— но если я, воспользовавшись благосклонностью фортуны, что-нибудь для него и сделаю, то этим окажу ему благодеяние, а не дам вознаграждения, и он будет должен отплатить мне за это. Отсюда начнется обмен благодеяний: счет пойдет с меня.

Глава 12

Я уже понимаю, что ты хочешь спросить, тебе нет нужды высказывать этого: лицо твое говорит!

«Бывают ли,— спрашиваешь ты,— что-нибудь должны тому, кто помог нам ради самого себя?» Ведь я часто слышу от тебя жалобу на то, что иные люди делают ради самих себя, а считают это в долгу за другими.

Стану отвечать тебе, мой Либералий, но сначала разделю этот вопрос и справедливое отделию от несправедливого. Ведь большое различие заключается в том, оказывает ли кто-нибудь нам благодеяние исключительно «ради самого себя» или только, между прочим, «и ради самого себя». Кто имеет в виду только самого себя и помогает нам потому, что иначе не может помочь себе, тот стоит для меня наравне с тем, кто заботится о зимнем и летнем корме для своего скота, наравне с тем, кто откармливает своих пленников для того, чтобы они выгоднее продавались, и с тем, кто кормит и чистит жирных быков, наравне с содержанием гладиаторов, который с величайшим старанием заботится относительно обучения и наряда своей артели. «Много отличается от благодеяния,— говорит Клеанф,— торговое предприятие».

Глава 13

Но, с другой стороны, я не настолько несправедлив, чтобы ничем не считать себя обязанным тому, кто, будучи полезным

для меня, был в то же время таким же и для самого себя. Ибо я не требую того, чтобы он заботился обо мне, не обращая никакого внимания на себя; нет, я желаю даже, чтобы оказанное мне благодеяние принесло еще более пользы самому благодетелю, лишь только бы тот, кто оказывал его, оказывал, имея в виду двоих (т. е. себя и меня), и полагал различие между мною и собою. Пусть он сам пользуется большею частью этого благодеяния, но если он допустил меня до соучастия в нем, если он помышлял о двоих, то я оказываюсь не только несправедливым, но и неблагодарным, как скоро не радуюсь тому, что оказанная мне им помощь принесла пользу и ему самому. Только величайшей злобе свойственно ничего не называть благодеянием, кроме того, что принесло благодетелю какой-нибудь ущерб.

Тому благодетелю, который оказывает благодеяние ради своей собственной пользы, отвечу: «Зачем, воспользовавшись мною для своих целей, утверждаешь, что скорее ты оказал мне помощь, чем я тебе?»

«Представь,— говорят,— что мне иначе нельзя быть чиновником, как под тем условием, если я из большого количества пленников выкуплю десять пленных граждан. Разве ты ничем не будешь мне обязан, как скоро я освобожу тебя от рабства и оков? Но я сделаю это ради самого себя!»²¹

На это отвечу: в настоящем случае ты одно делаешь ради самого себя, а другое — ради меня: ради самого себя делаешь то, что выкупаешь, ибо тебе, для твоей пользы, достаточно выкупить кого угодно. Поэтому я обязан тебе не за то, что ты меня выкупаешь, но за то, что выбираешь меня, так как и выкупая другого ты имел возможность достигнуть того же самого, что — выкупая меня. Ты разделяешь со мною выгоду предприятия и принимаешь меня к соучастию в благодеянии, имеющем принести пользу нам обоим. Ты предпочитаешь меня другим: все это делаешь ты ради меня. Итак, если бы выкуп десяти пленных мог сделать тебя претором, а нас, пленников, было бы только десять человек, то никто из нас не был бы тебе ничем обязан, потому что нет у тебя ничего, что бы ты мог за кем-нибудь считать в долгу отдельно от своей собственной выгоды. Я без зависти отношусь к благодеянию и не желаю, чтобы его оказывали только одному мне, но желаю, чтобы его оказывали «и мне».

Глава 14

«А что,— говорят,— ты ничем не был бы мне обязан, если бы я приказал бросить ваши имена на жребий и твое имя выпало бы в числе подлежащих выкупу?»

Итак, я был бы обязан, но немного, а в чем заключается это (немного) — скажу.

Здесь ты нечто делаешь ради меня, потому что даешь мне случай выкупиться. Тем, что выпало мое имя, я обязан судьбе,

а тем, что оно получило возможность выпасть,— тебе. Ты дал мне доступ к своему благодению, большею частью которого я обязан судьбе, но и тем самым, что получил возможность быть обязанным судьбе, я обязан тебе.

Я совсем опущу тех, благодение которых представляет собою торговое предприятие. Кто оказывает это благодение, тот думает не о том, «кому», но о том, «за сколько» может его оказать; благодение это всецело обращено к самому себе.

Кто-либо продал мне хлеб: мне нельзя жить, если я не куплю его, но я не бываю обязан жизнью за то, что купил. И я думаю не о том, как необходим был этот (продукт), без которого мне нельзя жить, но о том, что я не имел бы его, если бы не купил, что нисколько не заслуживает благодарности то, чего у меня не было бы, если бы я этого не купил, при доставлении чего продавец думал не о том, сколько он принесет пользы, но о том, сколько доставит себе барыша. Что я купил, за то не бываю в долгу!

Глава 15

«Таким образом,— замечают нам,— ты утверждаешь, что, кроме небольшой платы, ничего не бываешь обязан платить ни врачу, ни наставнику, потому что уже нечто уплатил им; но ведь ко всем этим лицам у нас существует великая любовь и уважение».

На это отвечают, что иные вещи стоят дороже того, за что покупаются. От врача ты получаешь неоценимую вещь: жизнь и хорошее здоровье, от преподавателя прекрасных искусств — свободные науки и образование души; таким образом, этим людям платят не за стоимость вещи, а за труд, за то, что они усердно служат, за то, что, отозванные от собственных дел, занимаются с нами; они получают награду не за свою заслугу, но за свое занятие.

Можно, однако, с большею достоверностью сказать и кое-что другое (по этому поводу), что я и немедленно изложу, изъяснив, предварительно, каким способом можно разоблачить ложь следующего рассуждения.

«Иное,— говорят,— бывает дороже того, чем продано, и по сей причине хотя оно и было куплено, но ты остаешься мне за это кое-что должным сверх уплаченного».

Прежде всего, какая важность в том, сколько это (само по себе) стоит, как скоро условие относительно цены заключается между покупателем и продавцом? Затем, я купил это не за свою, но за твою цену.

«Оно стоит дороже,— говоришь ты,— чем продано». Но ведь оно и не могло быть продано дороже! Ведь цена каждого предмета бывает сообразна со временем. Хотя ты и сильно хвалишь эти вещи, но они стоят столько, поскольку не могут продаваться дороже. Кроме того, кто хорошо купил, тот ничего не бывает должен продавцу!

Далее, хотя бы эти вещи и стоили дороже, тем не менее здесь нет никакого дара с твоей стороны, потому что вещь ценится сообразно не со своим употреблением и действием, а с обычаем и существующею ценою.

Какую цену ты назначаешь тому, кто, перевозя тебя через море, пролагает верную дорогу среди течений, когда земля уже скрылась из виду, и предусматривает предстоящие бури; кто при всеобщей беспечности вдруг приказывает связывать паруса и стоять наготове к нападению и внезапному натиску волн? Однако и этому человеку наградою за такое дело бывает обычная плата за провоз!

Во сколько ты ценишь гостеприимство в пустынной местности, кров во время дождя, баню или огонь во время холода? Тем не менее я знаю, за какую цену можно получить доступ к этому. Что для нас делает тот, кто поддерживает падающее жилище и с невероятным искусством подпирает дом, где мы квартируем²², имеющий трещины с самого низа? Тем не менее устройство подпор оплачивается невысокою и определенной ценою. Стена (города) делает нас безопасными от врагов и внезапных нападений разбойников, однако известно, что работник, который возводит эти башни, предназначенные защищать общественную безопасность, получает известную поденную плату.

Глава 16

Не будет и конца, если я еще далее стану разыскивать примеры для пояснения того, что великое иногда ценится малою ценою.

Итак, что же за причина, почему я остаюсь еще нечто должным врачу и наставнику и не могу разделаться с ними одною платою?

Это потому, что из врача и наставника они переходят в друзей и обязывают нас не искусством, которое продают, но любезным и дружелюбным расположением. Поэтому, как скоро врач делает не более того, как только берет руку и считает меня в числе своих пациентов, давая, без всякого сочувствия ко мне, наставления о том, что надо делать и чего избегать, то я ничего не бываю ему более должен, потому что он смотрит на меня не как на друга, а как на повелителя²³.

Не имею повода почитать и наставника, как скоро он держал меня наряду с толпою учеников, не считал меня достойным исключительного и особого попечения, как скоро он никогда не обращал ко мне своего душевного расположения; и когда он изливал свои познания среди толпы, то я не был научаем им, но воспринимал их сам.

Итак, почему же мы бываем многим обязаны этим лицам? Не потому, что проданное ими стоит дороже того, чем мы купили, но потому, что они сделали нечто для нас самих: он (врач) истратил более старания, чем это необходимо для врача, боялся за меня, а не за славу своего искусства, не довольствовался одним

указанием лекарств, но и (сам) подавал их, разделял волнение окружающих, поспешал ко времени критических моментов ²⁴, никакая услуга не была ему в тягость или позор, он не безучастно выслушивал мои жалобы; среди массы приглашающих я для него был предметом усерднейших попечений. Он настолько бывал свободен для других, насколько это позволяло мое здоровье; ему я обязан не как врачу, а как другу.

Другой (наставник), в свою очередь обучая меня, понес труды и скуку. Он научил меня и преподавал мне нечто сверх того, что сообщается наставниками для всеобщего сведения; своими убеждениями он пробудил во мне хорошие способности и отчасти образовал во мне своими похвалами бодрое настроение духа, а отчасти своими увещаниями разогнал лень.

Таким образом, приложив, так сказать, руку ²⁵, он извлек скрытый и недейтельный талант; не со скупостью он расточал свои познания с целью долее быть нужным, но желал, если бы возможно было, перелить все свои познания. Я окажусь неблагодарным, если не стану любить его наравне с самыми дорогими друзьями!

Глава 17

И представителям самых низких занятий ²⁶ мы кое-что прибавляем сверх установленной платы, как скоро их труд показался нам несколько болсе заслуживающим внимания. Мы бросаем прибавку и кормчому, и самому дешевому рабочему, и поденщику. В отношении же к высшим искусствам, которые сохраняют или украшают жизнь, представляется неблагодарным всякий, кто не считает себя должным ничего сверх данного.

Прибавь сюда и то обстоятельство, что сообщение этих знаний сближает между собою души людей. Как скоро это (сближение) достигнуто, то как врачу, так и наставнику за труд уплачивается вознаграждение, а за душевное расположение — остаются в долгу.

Глава 18

Когда Платон переправился на судне через реку и перевозчик ничего не потребовал с него, то, считая это сделанным в честь свою, он сказал, что у того (т. е. перевозчика) остался долг за Платоном.

Немного спустя после этого, когда перевозчик с таким же усердием стал перевозить даром и того и другого, он (Платон) уже сказал, что за Платоном не осталось никакого долга ²⁷. Ведь для того, чтобы я был тебе чем-нибудь обязан, тебе следует не только что-нибудь сделать для меня, но и сделать так, чтобы это было именно «для меня». Никого нельзя требовать к уплате за то, что бросаешь в толпу ²⁸.

«Что же, значит, тебе ничего за это не будут должны?»

Как от одного лица — ничего; за что бываю в долгу вместе со всеми, за то вместе со всеми и стану платить!

«Ты отрицаешь, говорят, чтобы оказал какое-нибудь благодеяние тот, кто бесплатно перевез меня на судне через реку По?»

Отрицаю! Он делает нечто доброе, но не оказывает благодеяния, потому что делает это ради самого себя, или, во всяком случае, не ради меня. Да и он сам, в конце концов, не думает, что оказывает мне благодеяние, но делает это или ради государства, или ради соседей, или ради своего честолюбия, и за это ожидает получить какую-нибудь иную выгоду, чем та, какую может он получить от каждого в отдельности.

«Итак, значит,— возражает собеседник,— если государь подарил всем галлам право гражданства, а испанцам — свободу от податей, то каждый из них в отдельности ничем ему не будет за это обязан?»²⁹

Ужели не будет обязан? Конечно, будет, но не как за особое благодеяние, а как за часть общего!

«Никакой мысли обо мне,— замечает собеседник,— он не имел в то время, когда оказывал всеобщую помощь. Он не желал дарить права гражданства собственно мне и не обратил ко мне душевного расположения; так зачем же я буду обязан тому, кто и не представлял меня себе, когда намеревался сделать то, что сделал?»

Прежде всего, когда он думал делать добро всем галлам, то думал делать добро и мне, потому что и я был — галл; он думал и обо мне, (хотя представлял меня) не в моих собственных признаках, но в признаках общих (всей нации).

Далее и я со своей стороны буду обязан ему не за особый, собственно мне предназначенный дар, но за дар, предназначенный для всех вообще. Будучи одним из народа, я стану платить не за себя, но принесу уплату за отечество.

Подобно тому как в том случае, если кто-нибудь поверит в долг денег моей отчизне, я не назову себя его должником и, будучи кандидатом или ответчиком на суде, не объявлю этого долга³⁰, но тем не менее отдам свою долю для уплаты последнего, так я не считаю себя в долгу и за тот дар, который предназначается для всех, потому что хотя он и дал его мне, но не ради меня и хотя — мне, но не зная, мне ли давал его. Тем не менее я буду знать, что мне надо нечто уплатить, потому что дар этот, после долгого кругообращения, доходит и до меня. Ради меня надлежит быть совершенным тому, что должно меня обязывать!

Глава 20

«Таким образом,— говорит противник,— ты ничем не бываешь обязан ни солнцу, ни луне, потому что не ради тебя они совершают свое движение?»

Но как скоро они совершают движение ради сохранения целого, то совершают его и ради меня, потому что и я — часть

целого. Прибавь сюда теперь и то, что условия их и нашего положения — несходны, потому что кто приносит мне пользу с целью чрез меня быть полезным себе, тот не оказывает благодеяния, ибо делает меня орудием своей пользы. Солнце же и луна хотя и приносят пользу нам ради самих себя, тем не менее они приносят ее не ради того, чтобы чрез нас быть полезными себе, ибо что мы можем принести им?

Глава 21

«Я стану знать,— говорит он,— что солнце и луна желают приносить нам пользу лишь в том случае, если они будут иметь возможность не желать этого, но им нельзя не совершать движения: пусть они остановятся и прекратят свое дело!»³¹

Гляди, сколькими способами разоблачается несостоятельность этого рассуждения!

Кто не может не иметь желания, тот, вследствие этого, еще не обладает меньшею степенью желания,— напротив, самая невозможность изменения служит даже доказательством твердости воли. Добрый человек не может не делать того, что он делает, потому что если не станет этого делать, то не будет добрым; следовательно, добрый человек (по-твоему) не оказывает благодеяния, потому что делает то, что должен, а что должен, того не может не делать?

Кроме того, большое различие в том, скажешь ли ты: «Он не может не делать этого, потому что вынуждается к этому», или скажешь: «Он не может не желать (делать это)»: потому что если он вынуждается делать, то я обязан бываю благодеянием не ему самому, но принуждающему его; если же ему необходимо желать этого по той причине, что он не имеет лучшего предмета желания, то он сам вынуждает себя. Таким образом, за что я не бываю ему обязан как вынужденному, за то бываю обязан как принуждающему.

«Пусть перестанут,— говорит,— желать!»

В настоящем случае пусть представится тебе следующее (возражение):

Кто будет настолько безрассуден, что не станет признавать желанием то, чему нет опасности прекратиться и обратиться в противное, тогда как, напротив, никто не должен представляться имеющим столь сильное желание, как то лицо, желание которого до такой степени непоколебимо, что является вечным? Или, как скоро обладает желанием и тот, кто сейчас же может не иметь этого желания, то уже не будет казаться имеющим желание лицо, природе которого несвойственно превращение этого желания?

Глава 22

«А ну,— говорит,— если могут — пусть остановятся!»

Слова твои значат ведь вот что: «Пусть оставят места свои все эти светила, разлученные громадными пространствами и рас-

положенные для охраны вселенной, пусть при внезапном смешении вещей звезды столкнутся со звездами и по уничтожении гармонии между вещами эти божества подвергнутся разрушению и на самой середине пути прекратится действие сильнейшего движения, рассчитанное на столько веков; пусть сгорят внезапным пламенем³² тела, которые теперь движутся взад и вперед, надлежащею тяжестью уравнивая мир; пусть они разрешатся от такого разнообразия и все обратится в одно! Пусть всем овладеет огонь, которого обнимет затем ленивая ночь и зияющая пучина пожрет столь великое множество богов!»

Но они даже и против твоего желания приносят тебе пользу и ради тебя совершают свой путь, хотя есть у них и другая, более важная и первая причина!

Глава 23

Прибавь теперь и то, что не внешняя необходимость понуждает богов, но законом для них служит их собственная вечная воля. Таким образом, они не могут представляться намеренными что-нибудь делать вопреки своему желанию, ибо они сами восхотели продолжать совершение всего того, чего теперь не могут прекратить; и боги никогда не раскаиваются в своем первом решении.

Без сомнения, им нельзя теперь остановиться и обратиться к противоположному, но не по другой какой причине, как только по той, что их собственная сила³³ удерживает их в исполнении намерения; и не вследствие слабости они продолжают свое бытие, но вследствие того, что им не угодно уклоняться от наилучшего и решено идти именно таким образом.

Но при первоначальном создании³⁴, когда (боги) все устроили, они видели и наши (нужды), у них было помышление и о человеке. Таким образом, они не могут казаться совершающими течение и делающими свое дело только ради себя, потому что часть этого дела составляем и мы. Следовательно, мы состоим в долгу за благодеяние и у солнца, и у луны, и у прочих небесных светил, так как хотя у них есть и более важные цели, для достижения которых они восходят, тем не менее, направляясь к важнейшему, они помогают и нам.

Прибавь сюда, что они помогают нам преднамеренно. Поэтому мы и бываем обязаны им, получая благодеяние не от тех, которые не сознают этого, но от тех, которые знали, что мы будем получать то, что получаем; и хотя цель у них есть более высокая и плод их деятельности — более важный, чем сохранение смертных, тем не менее от начала вещей была предпослана мысль и о нашей пользе и миру было дано такое устройство, что попечение о нас является имевшимся³⁵ в виду не из последних. Мы должны воздавать почтение родителям нашим, хотя многие сходились и не для того, чтобы родить. Боги же не могут представляться не знающими того, что были намерены делать,

как скоро для всего они немедленно предусмотрели пропитание и помощь; и не с небрежением произвели они тех, для которых создали столь многое! Ведь природа помышляла о нас прежде, чем сотворить, и мы не настолько малоценное создание, чтобы ускользнуть от ее попечения.

Посмотри, сколько она вручила нам, до какой степени действие человеческой власти не заключается в (одних) людях!

Посмотри, сколько предоставляется возможности блуждать телам (нашим), которых она (природа) не ограничила пределом земель, но направила в каждую из частей своих ³⁶.

Посмотри, каким дерзованием обладает дух человеческий; как один он познает богов или ищет их и умом, обращенным к горнему, сопутствует божествам ³⁷; ты будешь знать, что человек не случайное и необдуманное творение! ³⁸

Среди величайших дел своих природа не имеет ничего, чем бы могла более хвалиться или, по крайней мере, пред кем бы могла хвалиться!

Каково же безумие — спорить с богами относительно их даров?

Каким образом будет этот человек благодарен в отношении к тем, кому нельзя отплатить без издержек ³⁹, как скоро он полагает, что ничего не получил от тех, от которых получает весьма многое и которое всегда станут давать и никогда не будут получать обратно? ⁴⁰

Каково же извращение не считать себя состоящим в долгу у кого-либо по той причине, что он бывает благосклонен даже и к тому, кто не признает его благодеяний,— и самую продолжительность и непрерывность даров называть доказательством необходимости даiania?

«Не хочу. Пусть имеет для себя! Кто его просит?»

Присоедини сюда и все другие возгласы бесстыдного ума; однако благодаря этому еще не заслуживает меньшей благодарности с твоей стороны тот, чья щедрость достигает тебя даже и в то время, когда ты отрицаешь ее, и из чьих благодеяний самое великое есть то, которое он будет давать даже тому, кто жалуется!

Глава 24

Разве ты не видишь, как родители заставляют терпеливо принимать полезное своих детей, находящихся в нежном младенческом возрасте? Несмотря на их плач и противодействие, они согревают их тела и, чтобы неразумная свобода не искривила членов тела, связывают эти последние, дабы они вышли прямыми. И вскоре, затем, начинают влагать в них (детей) познание свободных искусств ⁴¹, к нежелающим применяя страх.

Наконец, и смелую юность, если она мало повинуется, посредством принуждения приучают к щедрости, стыдливости и добрым нравам. Даже и к тем юношам, которые имеют право

распоряжаться собою ⁴², применяется насилие и порабощение, если из страха или нетерпения они отвергают целебные средства.

Таким образом, величайшие из благодеяний суть те, которые мы получаем от родителей тогда, когда сами не знаем или не желаем этого.

Глава 25

На людей неблагодарных и отвергающих благодеяния не потому, что не желают их, но с целью не быть в долгу похожи бывают, с другой стороны, люди, имеющие обыкновение вымаливать для тех, кому они обязаны, какой-нибудь невзгоды, какого-нибудь несчастья, в котором бы могли проявить свою память о полученном ими благодеянии.

Спрашивается ⁴³, справедливо ли и с добрым ли намерением они это делают, становясь очень похожими душой на тех, пылающих безрассудною любовью ⁴⁴ людей, которые желают своей возлюбленной изгнания, чтобы сопроводить ее, покинутую и бегущую; желают бедности, чтобы в нужде больше дарить ей; болезни, чтобы сидеть при ней; и, любя ее, желают всего того, чего пожелал бы недруг. Таким образом, почти один и тот же бывает исход и ненависти, и безрассудной любви.

Нечто подобное делают и те, которые желают своим друзьям невзгод, приносящих им вред, и приходят к благодеянию при помощи несправедливости, тогда как лучше даже (совсем) отступить, чем искать места выполнению долга посредством преступления.

Что, если бы кормчий стал просить у богов страшнейших бурь и волнений для того, чтобы в опасности его искусство стало более достойным благодарности? Что, если бы полководец стал молить богов о том, чтобы громадная сила неприятеля, рассыпавшись вокруг стана, внезапным натиском наполнила рвы и потрясла вал ⁴⁵ при трепете войска и поставила враждебные знамена при самых вратах, дабы тем с большею славою явиться на помощь, когда дело (казалось) уже пропало и проиграно?

Гнусным путем ведут свои благодеяния все, призывающие богов против тех людей, которым сами бывают намерены помочь, и желающие, чтобы эти люди прежде пали, чем восстали.

Бесчеловечно такое свойство извращенно благодарной души — желать зла тому, от помощи которому не можешь честно отказаться!

Глава 26

«Не вредит ему моя молитва,— возражают нам,— потому что я в одно и то же время желаю ему и опасности, и средства против нее».

Ты высказываешь (только то), что допускаешь некоторую погрешность, но меньшую, чем допустил бы в том случае, если бы желал опасности без средства против нее.

Преступно топить для того, чтобы извлечь, повергать — чтобы поднять, заключать в темницу — чтобы выпустить. Прекращение обиды еще не есть благодеяние, и никогда не бывает заслугою избавление от того, что причинил тот же самый, кто избавил. Твоему лечению я предпочитаю, чтобы ты меня не ранил!

Ты можешь заслужить (от меня) благодарность, как скоро лечишь меня, потому что я ранен, но не как скоро ранишь меня, чтобы лечить. Легкая царапина никогда не доставляла удовольствия, исключая тот случай, когда ее сравнивали с ранюю; мы радуемся, что это так сошлось, но лучше бы желали, чтобы этого не было.

Как скоро желание твое было бы бесчеловечно и в том случае, если бы ты желал этого лицу, от которого не имеешь никакого благодеяния, то насколько будет бесчеловечнее желать этого тому, кому ты обязан благодеянием?

Глава 27

«Вместе с тем,— говорят,— я молюсь и о том, чтобы иметь возможность оказать ему помощь».

Но ведь, прежде всего, если я захвачу тебя на первой половине твоей молитвы, то ты уже оказываешься неблагодарным. Я еще не слышу о твоём желании помогать, но знаю, что ты желаешь ему страдания. Ты вымаливаешь ему беспокойства, страха и какого-нибудь другого, еще большего бедствия. Ты желаешь, чтобы он нуждался в помощи: это желание направлено против него; желаешь, чтобы он нуждался именно в твоей помощи: это направлено в твою пользу. Не поспешить ему на помощь ты желаешь, а уплатить долг. Кто так торопится, тот, очевидно, хочет сам освободиться ⁴⁶, а не вознаградить другого.

Таким образом, и то единственное, что могло казаться в твоём прощении благородным, само по себе является бесстыдным и неблагодарным: это именно нежелание быть в долгу. Ведь не того ты хочешь, чтобы иметь возможность вознаградить, а того, чтобы твой благодетель был поставлен в необходимость со слезами выпрашивать этой награды. Ты делаешь себя стоящим выше его и, что безбожно, заставляешь припадать к твоим стопам человека, оказавшего тебе добрую услугу. Насколько лучше с благородным намерением оставаться в долгу, чем дурным способом вознаграждать? Если б ты отрёкся от того, что получил, то погрешил бы менее, так как тот (благодетель) ничего бы не потерял, кроме того, что дал, а теперь ты желаешь от него подчинения себе ценою расстройств в его делах и желаешь вымолить такой перемены в его положении, при которой он оказался бы ничтожнее своих благодеяний ⁴⁷.

Стану ли я считать тебя благодарным? Выскажи свои пожелания вслух пред тем, кому хочешь помогать!

Ты называешь молитвою то, что может быть разделено между человеком благодарным и врагом ⁴⁸, что произнес бы, как и сам ты не сомневаешься, и противник, и враг, если бы умолчаны были последние слова этой молитвы ⁴⁹. Ведь и неприятели имели желание взять некоторые города с целью сохранить их и победить некоторых врагов — с целью простить им; тем не менее такие пожелания еще не перестают, благодаря этому, быть пожеланиями враждебными, пожеланиями, в которых наиболее мягкое приходит уже после жестокого!

Затем, каковы должны быть, по твоему мнению, те мольбы, успеха которых никто не желает тебе менее того, за кого они совершаются? Весьма дурно ты поступаешь с тем, кому от богов желаешь вреда, а от себя — помощи; несправедливо поступаешь и с самими богами, потому что на их долю предоставляешь самую жестокую сторону предприятия, а на свою — самую благодетельную: боги будут вредить для того, чтобы ты помогал.

Если бы ты стал подсылать обвинителя, которого затем удалил, если бы запугал кого-нибудь тяжбою, которую затем разрешил, то никто не стал бы сомневаться в твоей преступности, но какая разница в том, достиг ли ты этого благодаря обману или благодаря молитве?

Не говори: «Какую я причиняю ему обиду?» Твоя молитва или неуместна, или незаконна; нет, она скорее незаконна, хотя бы и безуспешна. Все, чего ты не достигаешь, есть милость Божия, а все, чего желаешь, — незаконно. Довольно, в этом случае мы также должны гневаться на тебя, как и в том, если б ты (действительно) причинил (обиду)!

Глава 28

«Если бы молитвы,— говорят нам,— возымели силу, то они возымели бы силу и в том отношении, чтобы ты был невердим».

Но, прежде всего, ты желаешь мне верной опасности при неверной помощи. Затем, положим, что то и другое верно, однако предшествует ведь то (пожелание), которое приносит вред! Кроме того, ты сам содержание своей молитвы знаешь, а меня буря застает среди сомнения относительно пристани и помощи. А какое, подумаешь, мне мучение — потерпеть нужду, хотя и получу помощь, испытать трепет, хотя и буду спасен, вести процесс, хотя меня и освободят?

Никакое прекращение страха не бывает настолько приятным, чтобы постоянная и ненарушимая безопасность не казалась еще более приятною!

Моли о том, чтобы иметь возможность воздать мне за благодеяния, когда это будет нужно, а не того, чтобы представлялась эта нужда. А то ведь, если бы исполнение твоего желания находилось в твоей власти, ты сам причинил бы мне эту нужду!

Насколько благороднее такая молитва: «Молю, да пребывает он в таком положении, чтобы всегда иметь возможность оказывать благодеяния и никогда в них не нуждаться. Пусть всюду за ним следует тот материал ⁵⁰, которым он так добродетельно пользуется, щедро раздавая его и оказывая помощь,— так чтобы у него никогда не было недостатка в дарах для раздачи и раскаяния в данных!»

Пусть натуру его, которая и сама по себе расположена к человеколюбию, состраданию и милости, одушевляет и привлекает многочисленность благодарных, пусть представляются ему случаи приобретать этих последних и не будет необходимости их испытывать. Да не окажется он глух ни к чьей просьбе, а сам да не будет иметь нужды к кому-нибудь обращаться с нею. Да сохранит судьба столь постоянное к нему благоволение, что никто не будет иметь возможности в чем-либо ином выражать ему свою благодарность, кроме своей признательности!» Насколько справедливее такие пожелания, которые не подвергают тебя никакой случайности, но делают благодарным немедленно? В самом деле, что мешает тебе отплачивать благодарностью и счастливым? Как много есть такого, при помощи чего мы имеем возможность возвращать всякий долг даже баловням фортуны: верный совет, усердное обхождение, любезная и приятная, без лести, беседа, слух, готовый слушать, если пожелаешь совещаться, и безопасный, если захочет поверить (тайну), приятное сожитие. Никого счастье не возносило так высоко, чтобы, благодаря отсутствию в чем-либо недостатка, он тем более не ощущал бы недостатка в друге.

Глава 30

Необходимость гнева богов для того, чтобы иметь возможность быть благодарным, представляет собою печальное условие, которое надо удалять и далеко устранять от всякой молитвы.

Не усматриваешь ли ты своей погрешности уже из того обстоятельства, что лучшим оказывается положение того человека, в отношении к которому ты решаешься остаться неблагодарным?

Представь в душе своей темницу, оковы, нечистоту, рабство, войну, бедность: вот о чем ты просишь в своей молитве, и кто заключает с тобою дружбу, тот подвергается всему этому!

Не лучше ли тому лицу, которому ты всего более обязан, пожелать еще большего могущества? В самом деле, что препятствует тебе, как я сказал, воздавать даже людям, одаренным величайшим счастьем, наградой, для которой тебе представляется обильный и разнообразный материал? Разве не знаешь, что долг уплачивается и богачам?

Я не буду обязывать тебя против твоей воли и укажу все, чего лишает соединенное с богатством счастье, каким недостатком страдают люди, занимающие высокое положение, и чего недостает обладателям всего. Недостает им, разумеется, того, кто говорил бы правду и освободил от потакания и ласкательства фальшивых людей человека, коснеющего среди лжецов и, благодаря привычке слушать лесть вместо правды, доведенного до неведения истины.

Разве не видишь, как подавленная свобода и низведенная до рабского повиновения преданность (друзей) доводит этих людей до опасного положения, так как никто не убеждает и не разубеждает их согласно своему задушевному убеждению ⁵¹, но (вокруг них) происходит состязание в лести и единственная обязанность всех друзей, единственное стремление их заключается в соревновании о том, кто всех льстивее солжет.

Такие люди не знали своих сил и, считая себя действительно так великими, как об этом слышали, навлекали совершенно ненужные и все приводящие в расстройство войны, нарушали полезное и необходимое согласие, следовали влечению своего гнева, которого никто не удерживал. Они проливали кровь многих людей, имея в самом непродолжительном времени после того пролить свою собственную; нерасследованное карали за несомненное, уступку считая так же позорной, как поражение, и питали уверенность в постоянстве того, что, будучи доведено до наибольшей высоты, приходит (обыкновенно) в сильнейшее колебание. Они ниспровергли вслед за собою и своими (приверженцами) великие государства, не понимая того, что на этой, блистающей суетными и скоропреходящими благами, сцене — они, кроме несчастья, ничего не должны были ожидать себе с тех пор, как перестали иметь возможность слышать правду.

Глава 31

Когда Ксеркс ⁵² объявлял войну грекам, то всякий старался возбуждать его надменную и забывшую о непрочности человеческих надежд душу. Один говорил, что они (греки) не вынесут известия о войне и при первом появлении слуха обернут тыл; другой (утверждал), будто нет никакого сомнения в том, что такой массой Греция не только может быть побеждена, но и уничтожена, что более надо опасаться того, как бы не найти городов пустыми и покинутыми и как бы после бегства врагов победителям не остались одни безлюдные пустыни, где не будет места для упражнения таких громадных сил.

Иной говорил, что для (царя) едва ли будет достаточно места в природе, что моря будут тесны для флотов, лагеря — для войска, поля — для размещения конницы и едва ли небо будет достаточно открыто для пущенных рукою каждого воина стрел.

Когда, таким образом, отовсюду с похвальбою говорилось много такого, что возбуждало дух человека, безумствовавшего

от чрезмерно высокого мнения о себе, один Демарат лакедемонянин сказал, что та самая многочисленность массы, которая так нравилась царю, беспорядочна и тяжела, что вождю надо ее опасаться, потому что она обладает не силой, а тяжестью, что чрезмерною массою никогда нельзя управлять, а все, что не может быть управляемо, не может и долго держаться.

При первой же горе⁵³, говорил он, лаконцы, вышедши навстречу, дадут тебе испытать себя. Триста человек выдержат напор стольких тысяч народов, останутся неподвижно на своем месте, будут охранять вверенные им теснины и заградят их своими телами. Вся Азия не сдвинет их с места; ничтожнейшее количество устоит против таких грозных военных сил и вторжения всего почти человеческого рода. После того как сама природа пропустит тебя, изменив свои законы⁵⁴, ты будешь задержан на горной тропинке и как скоро подумаешь, сколько стоили термопильские теснины, оценишь предстоящие потери. Узнав, что можешь быть задержан, узнаешь, что можешь быть и обращен в бегство. Правда, во многих местах тебе и уступят, будучи как бы увлечены потоком, первый сильный напор которого пронесется, внушая великий ужас, но затем они появятся оттуда и отсюда и будут теснить тебя твоими же собственными силами⁵⁵. Правду говорят, что твои военные снаряжения больше, чем могут выставить те области, на которые ты решил напасть. Но и это обстоятельство против нас: Греция победит тебя тем самым, что не выставит (такого количества). Тебе нельзя пользоваться всеми своими силами. Кроме того, ты не будешь иметь возможности предпринять того, что является единственным спасением в таких обстоятельствах: не будешь иметь возможности ни подготовиться к первому натиску (врагов), ни устроить расстроенного, ни поддержать и укрепить того, что падает. Ты будешь побежден гораздо раньше того, чем почувствуешь себя побежденным. Вообще не думай того, будто войско твое не может быть удержано по той причине, что его количество неизвестно даже вождю. Ничего не бывает до такой степени великим, чтобы не иметь возможности погибнуть; причина гибели для такой массы обуславливается самой величиною ее, хотя бы другие причины и бездействовали⁵⁶.

Случилось то, что предсказал Демарат. Триста человек заставили остановиться того, кто гнал божеское и человеческое⁵⁷ и подвергал изменению все, что попадалось ему навстречу; рассеянный мало-помалу во всей Греции Ксеркс понял, насколько толпа отлична от войска.

Тогда Ксеркс, более несчастный от стыда, чем от потери, воздал Демарату благодарность за то, что только он один сказал ему правду,— и позволил ему просить, чего хочет. Тот просил позволения въехать на колеснице в Сарды, величайший город Азии, с прямою повязкою (тиарою) на голове⁵⁸, что было позволено одним только царям. И он был достоин этой награды

прежде, чем просил ее; но как жалок тот народ, в котором никого не нашлось сказать царю правду, кроме того, кто говорил ее ради собственной пользы.

Глава 32

Покойный Август отправил в ссылку дочь, бесстыдство которой превзошло всякое порицание⁵⁹, и таким образом обнаружил пред всеми позор императорского дома, обнаружил, как целыми толпами допусkaliсь любовники, как во время ночных похажений блуждали по всему городу, как во время ежедневных сборищ при Марсиевой статуе⁶⁰ его дочери, после того, как она, превратившись из прелюбодейцы в публичную женщину, с неизвестными любовниками нарушала законы всякого приличия, нравилось избирать местом для своих позорных действий тот самый форум и кафедру, с которой отец ее объявлял законы о прелюбодеяниях.

Плохо владея своим гневом, он (Август) обнаружил эти похождения, которые государю столько же надо карать, сколько и умалчивать о них, потому что позор некоторых деяний переходит и на того, кто их карает.

После, когда по прошествии некоторого времени стыд заступил место гнева, сожалея, что не покрыл молчанием того, о чем не знал до тех пор, пока не стало об этом стыдно говорить, Август часто восклицал: «Ничего этого не приключилось бы со мною, если бы живы были Агриппа или Меценат⁶¹!»

Так трудно было человеку, имевшему (в своем распоряжении) столько тысяч людей, снова приобрести себе двоих. Были истреблены легионы — и немедленно на вербованы вновь; разрушен был флот — и в течение немногих дней стал плавать новый; среди общественных построек свирепствовало пламя — и возникли новые, лучше истребленных: только место Агриппы и Мецената оставалось праздным во все время остальной жизни (Августа).

Что же, мнится ли мне, что не было подобных людей, которых бы императору можно было набрать (снова), или то был недостаток, заключающийся в нем самом, так как он лучше желал жаловаться, чем снова поискать их?

Не надо думать, будто Агриппа и Меценат имели обыкновенные говорить ему правду: если бы они были живы, то находились бы в числе льстецов. В характере царей есть привычка < хвалить потерянное в обиду присутствующих и приписывать добродетель правдивости тем, от кого уже нет опасности слышать правду.

Глава 33

Но, дабы возвратиться к своему предмету речи, скажу: видишь, как легко делать воздаяние счастливым и людям, находящимся на вершине человеческого могущества. Говори им не то, что они желают слышать только в настоящий момент, но то, что

со временем они пожелают слышать всегда⁶²: пусть до их слуха, исполненного лести, по временам имеет доступ голос истины: давай (им) полезные советы! Ты спрашиваешь, что можешь сделать для счастливец? Сделай так, чтобы он не доверял своему счастью, знал, что это последнее надо удерживать при помощи многих и верных рук. Разве мало сделаешь для него, если однажды навсегда изгонишь из него безрассудную уверенность в неизменности его могущества и внушишь, что дарованное случаем возвышаете переходяще и уходит скорее, чем приходит, что назад возвращаются не теми малыми степенями, какими достигают высоты могущества, но что часто не бывает никакого расстояния между самую высокою и самую низкою долею. Ты не знаешь, какова цена дружбы, если не понимаешь, что многое даешь тому, кому дашь друга, предмет редкий не только в семьях, но и в поколениях, предмет, которого там всего более и недостает, где бывают уверены в его изобилии. Что же, разве именами друзей, думаешь ты, бывают наполнены те книги, которые едва обнимает память или рука номенклаторов⁶³? Те не друзья, что великим толкаются в дверь и которых распределяют на первые и вторые приемы.

Набирать толпу друзей — древний обычай, бывший в употреблении у царей и подражателей царям. Гордости свойственно высоко ценить доступ и прикосновение к своему порогу и дарить в виде почести (дозволение) садиться ближе к своей двери и прежде других вступать в дом, где, в свою очередь, есть много и таких дверей, которые гостей, принятых внутрь, выпускают и наружу.

Глава 34

У нас Гай Грах и вскоре затем Ливий Друз первые установили распределять толпу своих приверженцев (на разряды) и одних принимать наедине, других — вместе с большинством, а иных — всех вместе. Таким образом, у них были друзья первого и второго разрядов, но никогда не было истинных. Ты называешь другом того, чье приветствие определяется известным сроком? Может ли быть открыто для тебя доверие того, кто не входит, а врывается сквозь едва приотворенную дверь? Можно ли дойти до развязно-свободного обращения тому, чье обычное, пошлое и в отношении ко всем безразлично употребляемое приветствие: «Здравствуй!» произносится не иначе как только в свой определенный черед?

Итак, к кому бы ни пришел ты из тех, торжественное приветствие коих потрясает воздух, ты должен знать, хотя бы и увидал занятые громадными сборищами улицы и пути, стесненные туда и сюда бродящими толпами, что ты, однако, приходишь в место, наполненное людьми, но лишенное друзей.

В сердце, а не в приемной отыскивают друга: туда надо принимать его, там удерживать и хранить его в своих чувствах!

Научи этому (баловня судьбы) и ты воздал ему! Плохо думаешь о себе, если полагаешь, что бываешь полезен только удрученному (несчастьем), а в счастье — не нужен. Подобно тому как ты умеешь разумно вести себя и в сомнительных обстоятельствах, и в несчастье, и в радости, умеешь благо разумно относиться к неизвестному, мужественно к несчастью и умеренно к радости, так точно можешь сделать себя на все полезным и для друга. Если даже ты не станешь ни способствовать его несчастью, ни желать его, тебе тем не менее против воли представится много такого, что даст случай для проявления верности. Подобно тому как желающий кому-либо богатства с целью самому получить в нем долю на самом деле заботится о себе, хотя, по-видимому, и высказывает пожелание в пользу другого, так поступает и тот, кто желает своему другу какою-нибудь затруднения с целью устранить это последнее своей помощью и преданностью. Самого себя он предпочитает другу, что свойственно человеку неблагодарному, и считает друга своего достойным такого несчастья с целью самому явиться благодарным, желая, таким образом, как бы облегчить себя и освободить от тяжелого бремени. Большая разница: спешишь ли ты расплатиться ради того, чтобы воздать за благодеяние, или ради того, чтобы не быть в долгу. Кто желает вознаградить своего благодетеля, тот будет приспособляться к обстоятельствам этого последнего и желать наступления благоприятного времени. А кто ничего иного не желает, как только самому освободиться, тот будет стараться достигнуть этого каким бы то ни было способом, а это признак самого дурного настроения воли.

Глава 35

Такая излишняя поспешность, говорю, составляет свойство неблагодарности. Выразить это яснее я не могу ничем иным, как только повторением сказанного мною. Не вознаградить ты хочешь за полученное (тобою) благодеяние, а убежать от него. Ты как будто говоришь: «Когда я буду свободен от этого благодеяния? Мне надо каким бы то ни было способом стараться не быть обязанным этому человеку!»

Если бы даже ты желал уплатить благодетелю из своих собственных средств, то и в таком случае представлялся бы во многих отношениях непохожим на человека благодарного; а то, чего ты желаешь теперь, еще беззаконнее. Ведь ты предаешь его проклятию и жестоким заклиниванием поражаешь священную для тебя главу! Никто, полагаю, не усомнился бы в жестокости твоей души, если бы ты открыто стал вымалывать ему плена, бедности, голода и страха,— а разве ты желаешь чего-нибудь лучшего? Ступай же и почитай свойством благодарности то, чего не сделал бы даже неблагодарный, который не доходит до ненависти, а только до непризнания сделанного ему добра!

Кто бы стал называть добродетельным Энея, если бы он желал своему отечеству пленения, дабы изъять его из этого плена? Кто бы стал называть добродетельными сицилийских юношей, если бы они желали, чтобы изверглась Этна, горя и сверх обыкновенной меры пламеня необъятною силою огня, дабы доставить им удобный случай проявить свою доблесть, вырвав из среды пламени родителей? ⁶⁴

Ничем бы Рим не был обязан Сципиону, если бы он поддерживал Пуническую войну с целью закончить ее; ничем бы не был он обязан и Дециям за то, что те своей смертью спасли отечество ⁶⁵, если бы они предварительно высказали желание, чтобы крайнее критическое положение обстоятельств дало им случай произнести своей мужественный обет!

Самое тяжелое бесславие для врача — искусственно подготавливать себе работу. Многие не смогли прогнать тех болезней, которые сами предварительно усилили и возбудили, чтобы тем с большею славою их излечить; а если и одолели их, то с великим мучением для несчастных пациентов.

Говорят, что, когда Каллистрат (автор этого рассказа, конечно, Гекатон) отправлялся в ссылку, в которую вместе с ним мятежное и необузданно свободолюбивое государство изгоняло многих, и когда кто-то выразил желание, чтобы афинянам представилась необходимость возвратить изгнанников, он с негодованием отказался от такого возвращения ⁶⁶.

А наш Рутилий ⁶⁷ поступил еще великодушнее. Когда кто-то утешал его и говорил, что наступает междоусобная война ⁶⁸ и скоро настанет время, когда все изгнанники возвратятся, он отвечал: «Какое я тебе сделал зло, что ты желаешь мне худшего возвращения, чем был выход. Я лучше желаю, чтобы отечество стыдилось моего изгнания, чем огорчалось моим возвратом. То не изгнание, которого всех меньше стыдится сам осужденный». Насколько исполнили обязанность добрых граждан те, которые во время всеобщего бедствия не пожелали возвращения себе своих пенатов, потому что лучшим представлялось двоим пострадать от незаслуженного бедствия, чем всем от всеобщего, настолько напротив, оказывается не сохраняющим чувства благородности тот, кто желает своим благодетелям подвергнуться гнету неблагоприятных обстоятельств с целью самому устранить эти последние: если даже он имеет и добрые мысли, его молитва тем не менее дурна. Не будет ни благодеянием, ни славным подвигом потушить тот пожар, который сам же произвел!

В некоторых государствах нечестивое пожелание считалось за преступление. Демад ⁶⁹, конечно в Афинах, осудил продавца необходимых погребальных принадлежностей, доказав, что тот пожелал себе большого прироста, чего не могло случиться без большой смертности людей. Тем не менее имеют обыкновение спрашивать, заслуженно ли этот продавец был осужден? Быть может, он не желал продавать своего товара многим, а желал только продавать его по дорогой цене так, чтобы ему недорого обходилось то, что он хотел продавать. Как скоро торговля состоит из купли и продажи, на каком основании ты направляешь его желание на одну сторону ее, тогда как выгода получается и от той, и от другой стороны?

Далее (руководясь рассуждением Демада), можно осуждать всех, занимающихся этим предприятием, так как все желают того же самого, т. е. питают про себя это желание. Придется осудить большую часть людей, ибо кому не бывает выгоды от чужого убытка? Если воин желает славы, то желает войны; земледельца радует дороговизна хлебных продуктов; цену красноречия вышает количество тяжбных дел; тяжелый год бывает для медиков доходным; торговцев предметами роскоши обогащает развратная молодежь; если ни буря, ни огонь не станут разрушать домов, то будет бездействовать ремесленный труд. Подверглось осуждению желание одного человека, между тем как желания всех на него похожи!

Разве, по твоему мнению, Аррунций и Атерий ⁷⁰ и прочие, занимавшиеся искусством выманивания в свою пользу духовных завещаний, не имеют тех же самых желаний, что и устроители похоронных процессий, и торговцы погребальными принадлежностями? ⁷¹ Эти последние, однако, не знают тех людей, смерти которых желают, а первые желают смерти всякому, кто находится с ними в приятельских отношениях и на кого, по причине дружбы, ими возлагается всего более надежды. Первым своею жизнью никто не причиняет убытка, а вторых — разоряет всякий, кто медлит умереть ⁷². Таким образом, эти последние (искатели наследств) желают получить не только то, чего заслужили своей позорной службой, но и освободиться от тяжелой дани.

Итак, несомненно, что то пожелание, которое подверглось осуждению в одном лице, в гораздо большей степени свойственно тем, которым наносит своею жизнью убыток всякий, от смерти которого они надеются получить пользу. Однако, хотя желания всех подобных людей и бывают известны, они тем не менее остаются безнаказанными.

Пусть каждый затем подумает про себя, войдет в тайник своего сердца и посмотрит, как много в нем находится желаний, в которых стыдно признаться самому себе, и как мало таких, которые можно было бы произнести вслух пред свидетелем!

Но не все, что надо порицать, надо и осуждать, как, например, и это обсуждаемое нами пожелание друга, который злоупотребляет своим добрым намерением и впадает в тот порок, которого избегает, ибо, спеша обнаружить душевную признательность, оказывается неблагодарным.

«Да будет, говорит он, для меня возможно следующее: пусть благодетель нуждается в моей благодарности, пусть без меня он не может сохранять ни здоровья, ни чести, ни безопасности, пусть он сделается настолько несчастен, что всякое воздаяние послужит ему вместо благодеяния!» Вслух богов произносятся им такие речи: «Да будет он (благодетель) окружен домашними кознями, которые лишь один я мог бы подавить. Пусть восстанет на него могучий и страшный недруг, враждебная и сильная толпа, пусть угнетают его заимодавец и обвинитель!»

Смотри, как ты справедлив: ведь ты не пожелал бы ничего такого (этому человеку), если бы он не оказал тебе благодеяния! Не говоря уже о другом, более тяжком проступке, который ты допускаешь, воздавая величайшим злом за величайшее добро, ты погрешаешь; несомненно, и в том отношении, что не выжидаешь для каждой вещи своего времени, ибо одинаково погрешают как тот, кто не поспекает, так и тот, кто опережает. Подобно тому как не всегда надо бывает принимать награду за благодеяние, так и не всегда надо бывает воздавать ее. Ты был бы неблагодарен и в том случае, если бы воздавал мне награду против моего желания; насколько же более бываешь неблагодарен, когда вынуждаешь меня желать этой награды?

Выждидай! Зачем тебе не хочется, чтобы мой дар оставался у тебя? Зачем ты с трудом переносишь одолжение? Зачем спешишь расплатиться, как с несносным ростовщиком? Зачем выискиваешь для меня трудности? Зачем насылаешь на меня богов? Если ты уж так вознаграждаешь, то как же стал бы вымогать?

Итак, прежде всего, Либералий, станем учиться беспечально вести долг за благодеяния и выискивать, а не производить (искусственно) удобные случаи для его возвращения. Припомним, что это самое стремление — в первое же время освободиться от обязательства — составляет свойство неблагодарного! Ибо никто не возвращает из доброго расположения того, за что бывает в долгу против своей воли, и чего не желает иметь у себя, то считает бременем, а не даром. Насколько лучше и справедливее — быть наготове с дружескими услугами, предлагать, а не навязывать их и не считать себя находящимся как бы в денежном

долгу! Ведь благодеяние представляет общие узы и связывает между собою двоих людей!

Говори: «Я не замедлю тебе возвратить твое, желаю только, чтобы ты с радостью это принял! Если же кому-нибудь из нас станет угрожать нужда и какой-нибудь рок устроит так, что или ты окажешься в необходимости принять воздаяние за свое добро, или я окажусь в необходимости просить (благодеяния), то уж пусть лучше дает тот, кто имеет такое обыкновение. Я, со своей стороны, готов принимать!»

«Нет никакой медлительности в Турне!»...⁷³

Как только настанет время, я проявлю такое настроение души, а пока да будут свидетели мне боги!

Глава 42

Я обыкновенно замечаю в тебе, любезный Либералий, и как бы осязаю такое настроение, когда ты опасаясь и волнуешься из-за того, как бы не оказаться медлительным в исполнении какой-нибудь обязанности. Опасение неприлично благородному духу; ему, напротив, прилична величайшая уверенность в себе и отсутствие всякой боязни, проистекающее из сознания истинной любви.

Слова «возьми назад мой долг» служат уже как бы оскорблением. Первое право благотворения да будет заключаться в том, чтобы время получить за свой дар награду выбирал сам благодетель!

«Но я опасаясь, как бы люди не заговорили обо мне иначе!»...

Дурно поступает тот, кто воздает благодарность ради молвы, а не ради совести. У тебя есть два судьи этого поступка: тот, кого ты можешь обмануть, и ты сам, которого обмануть не можешь.

«Но что же делать, если не представится никакого случая (вознаградить)?»

Всегда оставаться в долгу!

Ты останешься в долгу, но останешься в долгу охотно и с великим наслаждением станешь хранить вверенное тебе. Кто досадует на то, что еще не воздал за благодеяние, тот раскаивается в его получении. Почему человек, явившийся для тебя достойным принятия от него дара, кажется тебе недостойным того, чтобы находиться у него в долгу?

Глава 43

В большом заблуждении находятся те, которые думают, что помогать, дарить и наполнять лоно и жилище многих людей служит проявлением душевного величия, тогда как эти (действия) производит иногда не величие души, а величие богатства! Не знают того, насколько иногда бывает важнее и труднее брать, чем раздавать. Ничего не отнимая у достоинства последнего действия,— так как и то и другое по своему достоинству равны ⁷⁴,

замечу, что нести долг за благодеяние требует не меньшего величия духа, чем оказывать его (благодеяние). Первое даже бывает настолько труднее последнего, насколько с большим старанием надо бывает охранять полученное благодеяние, чем его оказывать.

Итак, не надо беспокоиться о том, чтобы как можно скорее воздать за благотворение, и не следует неблагоприятно спешить, ибо одинаково заблуждаются как тот, кто медлит своевременным воздаянием награды, так и тот, кто несвоевременно спешит. Добро его помещено у меня, и я не боюсь ни за него, ни за себя. Относительно него принята хорошая предосторожность; ему нельзя потерять этого благодеяния иначе как только вместе со мною; нет, он не потеряет его, даже и вместе со мною!

Кто чересчур много думает о возврате благодеяния, тот представляет себе другого чересчур много думающим о его обратном получении.

Пусть такой человек явит себя готовым и на то, и на другое: если благодетель желает получить свое добро обратно, станем возвращать и воздавать с радостью: если же он желает, чтобы оно хранилось у нас, то зачем выбрасывать его сокровище, зачем отказывать в его хранении? Он достоин того, чтобы позволить ему делать и то, и другое, чего он желает. На общественное же мнение и пользу станем смотреть так, как будто им надлежало не вести нас, а за нами следовать!⁷⁵

КНИГА СЕДЬМАЯ

Глава I

Желаю тебе, мой Либералий, быть благосклонным. «Земля под руками. Не стану тебя здесь задерживать ни длинными стихами, ни образной речью, ни долгим вступлением»¹.

Настоящая книга содержит в себе оставшееся недосказанным, и я, исчерпав материал, ишу теперь не того, о чем говорить, но того, о чем еще не сказал.

Во всяком случае, прими с благосклонностью все, что здесь остается сказать, хотя бы это для тебя и показалось лишним. Если бы я желал снискать себе расположение (читателей), то мне следовало бы распространять свое сочинение постепенно и к заключению приберечь ту часть его, которая могла бы понравиться даже пресыщенному читателю.

Но все, что было самого необходимого, я собрал вначале, теперь же припоминаю опущенное.

Если спросишь меня, то, говоря по правде, я считаю не совсем идущим к делу, после изложения нравственных правил, рассуждать о прочих предметах, измышленных не для врачевания души, а для упражнения ума.

Превосходно имел обыкновение рассуждать по этому поводу циник Деметрий, человек, по моему мнению, великий, хотя можно сравнить его и с людьми величайшими.

«Больше пользы,— говорит он,— если ты усвоишь хотя и немного правил мудрости, но так, что они будут у тебя всегда готовы к исполнению, чем если изучишь многое, но не станешь прилагать к делу».

«Подобно тому как замечательным борцом,— продолжает он далее,— считается не тот, кто изучил все правила и приемы, употребление которых при борьбе с противником бывает редко, но тот, кто хорошо и тщательно изучил на практике один или два приема и внимательно выжидает случая применить их к делу (так как нет нужды ему знать много, как скоро он знает достаточно для победы); так и в этом занятии (философии) многое доставляет удовольствие, но немногое приносит победу.

Тебе можно не знать, какая причина производит прилив и отлив океана, почему каждый седьмой год жизни дает возрасту особый отпечаток, почему для смотрящих издали портик не сохраняет своей широты, но (по мере удаления) самые крайние части его сходятся все ближе и ближе и наконец промежуток между колоннами совершенно исчезает. Можно не знать, какая причина разделяет зачатие близнецов и соединяет их рождение; не знать, почему рожденным в одно время предстает различная судьба и бывает величайшая разница в обстоятельствах жизни у тех людей, между появлением которых на свет существует самый малый промежуток.

Не будет тебе большого вреда, если пройти молчанием то, чего знать нельзя, да и бесполезно.

Истина неприкровенная пребывает горé. Но нельзя нам пожаловаться и на неблагоприятность судьбы, так как не представляет трудности познание ни одного предмета, кроме тех, единственный плод познания которых заключается лишь в нем самом (познании). Все же, что может нас делать лучшими и счастливыми, природа сделала доступным и близким для нас. Если дух человеческий презрел все случайное, если он стал превыше страха и ненасытным стремлением не объемлет бесконечных богатств, но научился искать сокровищ в себе самом; если он отринул страх пред богами и людьми и знает, что со стороны человека надо опасаться немногого, а со стороны богов — ничего; если он презирает все, что, украшая жизнь, причиняет ей в то же время страдание, и достиг ясного сознания того, что смерть не причиняет никакого зла, но, напротив, служит прекращением многих бедствий; если он посвятил душу свою на служение добродетели и почитает гладкими все пути, по которым она призывает следовать; если, будучи существом общительным и рожденным для сообщества, он рассматривает мир как единое жилище для всех, открывает совесть свою богам и всегда живет так, как будто находится на виду у всех, себя опасаясь более, чем других, то подобный дух среди невзгод будет стоять твердо

и непоколебимо: он приобрел знание полезное и необходимое; все же остальное — услаждение досуга. Духу, уже достигшему безопасности, можно заняться и тем, что сообщает ему украшение, а не крепость».

Глава 2

Наставлений этих наш Дементрий повелевает держаться обеими руками человеку, стремящемуся к нравственному совершенству, (повелевает) никогда их не оставлять, но усваивать и делать как бы частью собственного существа и посредством ежедневного размышления достигать того, чтобы по желанию приходило на ум все полезное и всюду было готово к исполнению все желаемое, чтобы немедленно являлось (в сознание) различие между добром и злом, дабы знать, что всякое зло постыдно и всякое добро благородно. Таким правилом надлежит руководиться этому человеку во всех житейских делах, все делать и совершать согласно этому закону и считать несчастнейшими людьми тех, которые преданы чреву и страстям и дух которых коснеет в бездействии, какими бы богатствами они ни блистали. Пусть он сам себе скажет: «Чувственное наслаждение бrenно, кратковременно, заслуживает презрения; чем с большею жадностью оно почерпалось, тем скорее переходит в противоположное чувство; в нем необходимо бывает тотчас же или раскаиваться, или его стыдиться, в нем ничего нет возвышенного или такого, что приличествовало бы природе человека как существа, наиболее близкого к богам. Это (наслаждение) предмет низменный, служащий к удовлетворению потребностей постыдных или ничтожных органов тела, позорный по своим последствиям».

Но вот наслаждение, достойное человека и мужа,— не переполнять тела, не пресыщаться и не возбуждать в себе чувственных страстей,— из-за которых самая безопасная — стремление к покою,— но быть свободным от беспокойств,— как тех, которые возбуждаются взаимными распрями людей, так и тех нестерпимых треволнений, которые ниспосылаются свыше, если верить преданию о богах и судить о них по нашим порокам.

Таким именно наслаждением, постоянным, безбоязненным, никогда не могущим испытать пресыщения, наслаждается тот человек, которого мы описываем, человек вполне опытный, так сказать, в законах божеских и человеческих. Он наслаждается настоящим и не зависит от будущего, тогда как ничего не имеет прочного тот, кто стремится к неизменному. Таким образом, этот человек, свободный от великих забот, удручающих ум, ни на что не надеется, ничего не желает и не стремится к неизвестному, будучи доволен своим.

Но не думай, будто он довольствуется малым: нет, ему принадлежит все, но не так, как Александру. Этому последнему, хотя он и стоял уже на берегу Красного моря, недоставало более того, сколько было ему доступно. Он не довольствовался даже и тем,

чем он владел и что покорил в то время, когда посланный им в качестве исследователя Онесикрит странствовал по океану и искал войн в неизвестных морях. Не достаточно ли ясно обнаружилось, как беден был человек, распространивший власть своего оружия за пределы вселенной и со слепой алчностью ринувшийся в неисследованную и беспредельную бездну? Какая важность в том, сколько царств он отнял и раздарил, сколько стран угнетал податями? Он чувствовал недостаток во всем том, чего еще желал!

Глава 3

Это недовольство было недостатком не одного только Александра, которого счастливая храбрость вела по стопам Вакха и Геркулеса, но и всех, кого судьба избаловала избытком счастья. Перечисли Кира, Камбиса и все родословие персидских царей; кого ты найдешь из них такого, кто удовлетворился бы, насытившись властью? Кто из них не окончил жизни в различных помыслах о дальнейшем приобретении? И это неудивительно: все, что соприкасается с чувственною страстию, почерпается из глубокой бездны и там же скрывается; безразлично поэтому, сколько бы ты не собрал в то пространство, которого нельзя наполнить.

Одному только мудрому принадлежит все, и нет ему нужды с трудом оберегать свое достояние. У него нет ни послов, которых надо посылать за моря, ни лагерей, которые надо устраивать на неприятельских берегах, ни войск, которые нужно располагать в удобных укреплениях; нет надобности ни в легионах, ни в отрядах конницы. Подобно тому как бессмертные боги в покое правят своим царством и с безмятежных высот наблюдают за своими делами, так и этот последний (мудрец) бесшумно выполняет свои обязанности, как бы обширны они ни были, и свысока взирает на человеческий род, будучи сильнее и превосходнее всех.

Можешь смеяться (над моими словами), но я утверждаю, что только великому духу свойственно обозревать духовным оком восток и запад и проникать, при помощи его, даже в отдаленные и пустынные страны и, при виде великого множества живых существ и различных предметов, щедро рассеянных природою, изрекать божественное слово: «Все это — мое». Таким образом, он ничего не желает, потому что вне вселенной ничего не существует.

Глава 4

«Вот этого-то (вывода),— говоришь ты,— я и желаю: я ловлю тебя на слове и хочу посмотреть, как-то освободишься ты из тех сетей, в которые попал по своей собственной охоте».

«Скажи мне,— спрашиваешь ты меня,— каким образом можно приносить дары мудрецу, как скоро ему принадлежит все? Точно так же нельзя оказывать ему и благодеяния: все, что ему

дается, дается из его же собственных средств, а вы говорите, что можно делать благодеяния и мудрецу».

«Знай,— говоришь ты далее,— что тот же вопрос предлагаю я и относительно друзей: ведь вы (стоики) говорите, что у них все общее; следовательно, никто ничего не может дарить другу, так как дарит ему принадлежащее обоим друзьям вместе». (Отвечаю): ничто не препятствует какому-либо предмету находиться во владении и мудреца, и того человека, которому этот предмет принадлежит, которому он дан и за которым (юридически) признан.

По гражданскому праву, все принадлежит государю, и тем не менее все это приписано (по закону) различным отдельным владельцам и каждая вещь имеет своего обладателя. Таким образом, мы имеем возможность дарить государю и дом, и рабов, и деньги, и никто не говорит, что мы дарим ему из его же собственного достояния, ибо государям принадлежит власть над всем, а частным лицам — право собственности. Мы говорим о владениях афинян или кампанцев, а эти владения, в свою очередь, распределяются частными границами между соседними владельцами. И всякое поле находится, во-первых, во владениях того или другого государства, а затем каждая часть его приписывается своему владельцу. Поэтому мы имеем возможность дарить государству свои поля, хотя они и считаются принадлежащими ему, так как государству они принадлежат в одном отношении, а нам — в другом.

Ведь нет сомнения в том, что раб принадлежит господину вместе со всем своим личным сбережением; тем не менее он может предлагать дар своему господину, ибо нельзя отрицать принадлежность рабу его собственности только потому, что он может быть лишен ее в случае нежелания своего господина. И данный добровольно подарок нельзя не считать даром только потому, что его можно отнять против воли (его обладателя).

Каким образом можно примирить все это?

Теперь, когда мы оба согласны с тем, что все принадлежит мудрецу, следует обсудить вопрос относительно того, каким образом предмет благотворительности может приносить пользу человеку, которому, как мы уже решили, принадлежит все.

Отцу принадлежит все, находящееся в руках детей; но кто не знает, что и сын иногда может делать благодеяние отцу? Все принадлежит богам; однако мы и богам приносим дары и предлагаем приношения. Принадлежащее мне еще не перестает быть моим, как скоро начинает принадлежать и тебе, ибо одно и то же может быть и твоим, и моим.

Против этого говорят: «Человек, которому принадлежат протитутки, называется содержанием непотребного дома; но все принадлежит мудрецу, следовательно, и непотребные женщины; следовательно, эти женщины принадлежат мудрецу; таким образом, и мудрец есть содержание непотребного дома».

Подобным же образом запрещают мудрецу и что-либо покупать, говоря: «Никто не покупает своего, а мудрецу принадлежит все, следовательно, мудрец ничего не должен покупать».

Точно так же запрещают ему и брать в долг, потому что никто не платит процентов за свои собственные деньги.

Существует бесчисленное множество вопросов, посредством которых (противники) поднимают нас на смех, тогда как очень хорошо понимают то, что мы хотим сказать.

Глава 5

Я утверждаю, что все принадлежит мудрецу, но таким образом, что каждый человек при этом имеет право собственности над своими вещами; подобно тому как при управлении хорошего государя этому последнему принадлежит власть над всеми, а каждому отдельному лицу — обладание своею собственностью.

Но для обсуждения этого вопроса время придет после, а пока, в настоящем случае, достаточно и признания того, что я имею возможность дарить мудрецу вещи, которые в одном отношении можно назвать принадлежащими ему, а в другом — моими. И неудивительно, что можно нечто подарить и тому, кому принадлежит все.

Я снял у тебя внаймы дом; в нем есть нечто твое и нечто мое: предмет — твой, а право пользования твоим предметом — мое. Подобным образом ты не будешь касаться плодов, если не позволишь этого твой арендатор, хотя бы они и родились на твоих владениях. И если даже улучшится годовая плата за аренду или наступит голод, — увы, тщетно будет взирать на великое обилие принадлежащих другому плодов, которые и уродились, и находятся на твоей земле, и должны были бы поступить в твои житницы. Не войдешь и в квартиру мою, хотя ты и хозяин дома, и не отнимешь своего раба, нанятого мною; и, наняв у тебя повозку, я сделаю благодеяние, если позволю тебе в нее сесть.

Таким образом, ты видишь, что иногда бывает возможно принимать благодеяние, получая в дар свое же собственное достояние.

Глава 6

Во всем предшествовавшем рассуждении два лица представляются обладателями одной и той же вещи. Каким образом? А так, что один является владельцем вещи, а другой — пользующимся ею. Мы говорим, что книги принадлежат Цицерону, но те же книги называют своими книгопродавец Дор. И то и другое — справедливо. Один приписывает их себе как автор, другой — как покупатель. И тем не менее справедливо утверждают, что они принадлежат и тому и другому, но различным образом. Так, Тий Ливий может получать или покупать у Дора свои книги. Я могу дарить мудрецу то, что, взятое в отдельности, принадлежит мне, хотя мудрому и принадлежит все. Тогда как мудрец

в мыслях своих владеет всем, по образу царя,— обладание отдельными вещами распределено между всеми людьми; благодаря этому он может и принимать дары, и брать в долг, и покупать, и продавать.

Государь владеет всем, но его сокровищница заключает в себе только богатства, принадлежащие ему лично; все находится в его власти, но в наследственном владении — только его собственное. Без всякого умаления его власти расследуется по суду, что принадлежит и что не принадлежит ему; ибо ему принадлежит некоторым образом и то, что отчуждается у него (судебным порядком).

Таким образом, и мудрец всем владеет в душе, но по юридическому праву — он обладатель только своей собственности.

Глава 7

Бион ², на основании различных аргументов, то всех обвиняет в святотатстве, то никого. Когда он выражает желание всех низвергнуть со скалы за святотатство, то говорит: «Всякий, кто берет и уничтожает принадлежащее богам или употребляет в свою пользу,— святотатец. Но все принадлежит богам. Следовательно, кто что-нибудь берет себе, тот берет принадлежащее богам, которые владеют всем. Итак, кто что-нибудь берет, тот святотатец». Затем, когда он предлагает разрушать храмы и безнаказанно опустошать Капитолий, то утверждает, что «святотатцев не существует, потому что все, взятое с того места, которое принадлежит богам, переносится на (другое) место, принадлежащее богам же».

Ему отвечают на это, что хотя все принадлежит богам, но не все посвящено им. Святотатство же усматривается в проступках, касающихся того, что религия посвящает божеству. Таким образом, и весь мир есть храм бессмертных богов, единственно достойный их величия и славы, но тем не менее — от святого отличается неосвященное, и на том небольшом пространстве, которому дано название святилище, не все дозволено делать из того, что можно делать под открытым небом и в виду звезд.

Правда, святотатец не может нанести обиды божеству, которого его божественное достоинство ставит выше оскорбления, но он подвергается наказанию потому, что нанес это (оскорбление) как бы самому божеству; и наше, и его собственное сознание присуждает его к наказанию. Подобно тому как представляется святотатцем тот, кто уносит что-либо священное, хотя,— куда бы он ни унес украденное,— все находится в пределах мира, таким же образом может быть покража и у мудреца. Ибо у него уносится не то, что принадлежит к его всеобщим (мировым) владениям, но то, обладателем чего он считается по закону, что служит его частной собственностью. Он будет признавать своим лишь первое (из упомянутых владений), а последним не станет пользоваться даже и в том случае, если будет иметь возмож-

ность; он произносит те же слова, которые произнес римский полководец, когда за доблесть и хорошее управление государством ему предложено было столько земли, сколько он мог обойти с плугом в день. «Не нужен,— сказал он,— вам такой согражданин, которому требуется больше, чем одному гражданину». На сколько более мужества требуется, по твоему мнению, для того, чтобы отвергнуть такой дар, чем для того, чтобы заслужить его? Ибо многие положили пределы стремлениям других, но никто не положил границ самому себе.

Глава 8

Посему, когда мы имеем в виду дух мудреца, имеющего власть над всем и проникающего повсюду, то говорим, что все принадлежит ему; когда же имеем в виду обычное право, если этого потребуют обстоятельства, то мудрый может быть причислен к разряду пролетариев. Будет большая разница, когда станем оценивать его богатство душевным величием и когда — имущественным цензом. Да он и возмущается обладать всем тем богатством, о котором ты говоришь. Не стану приводить тебе Сократа, Хрисиппа, Зенона и прочих мужей, хотя и великих, пользующихся преувеличенною славою уже потому, что похвале древних не препятствует зависть. Немного ранее я приводил в пример Деметрия, которого природа произвела в наши времена, как мне кажется, для доказательства того, что ни мы не в состоянии его развратить, ни он не может нас исправить. Это муж совершенной мудрости, хотя он сам это и отрицает, и твердого постоянства в своих намерениях. Красноречие же его, соответствующее достойнейшим деяниям, не искусственное и не заботится о словах, но совершает свое дело с величием духа по внутреннему влечению.

Не сомневаюсь, что природа даровала ему и такую жизнь и такое красноречие для того, чтобы наш век не был лишен ни примера, ни обличения. Полагаю, что если бы кто-нибудь из богов пожелал передать Деметрию в обладание наши богатства под тем неперменным условием, чтобы он не мог дарить их другим, то он стал бы, я думаю, отказываться от них и сказал:

Глава 9

«Я не стану связывать себя этим неотвязным бременем и не повергну свободного человека в глубокую бездну. Зачем ты переносишь на меня бедствия всех народов? Ведь я принимаю эти (богатства) без надежды раздать их, так как вижу много такого, чего мне не следует дарить (другим). Я желаю обнять своими очами все то, что привлекает взоры народов и царей. Я желаю видеть цену крови и жизни вашей. Прежде всего представь мне достояния роскоши; если хочешь, то располагай их по порядку или, что будет лучше, собери их в одну массу.

Вот черепаховая кость, обделанная с тонким искусством, и чешуи самых отвратительных пресмыкающихся, купленные за огромные суммы. Вот столы и деревянные изделия, имеющие стоимость сенаторского ценза, которые ценятся тем дороже, чем более узлов на больном дереве. Вот хрустальные сосуды, цену которых возвышает их хрупкость, ибо у невежественных людей наслаждение вещами возрастает благодаря тем недостаткам (этих вещей), которых следует избегать.

Вот фарфоровые чаши; недостаточно великолепную, конечно, была бы роскошь, если бы не вкушали из объемистых сосудов, украшенных драгоценными камнями, того, что после извергают.

Вот жемчужины, подвешенные не по одной к каждому уху, так как уши уже приучены к ношению тяжестей, но по несколько; они связываются между собою и к двум прикрепляются еще другие. Женское безрассудство недостаточно превосходило бы мужское, если бы они (женщины) не расточали на одни уши по два и по три состояния.

Вот сирийские одежды, если только можно назвать их одеждami, — в которых нет ничего такого, чем можно было бы защитить тело или стыдливость. Эти одежды за огромные деньги вывозятся на продажу малоизвестными народами, дабы наши матроны всенародно являлись в том виде, в каком являются в своих опочивальнях».

Глава 10

Чего достигаешь ты своим корыстолюбием? Как часто догоровизна вещей превышает твои богатства? Все те предметы, о которых я говорил, находятся в великой цене и почете, но теперь я желаю исследовать твои богатства, испытать образцы тех или других материй, которыми ослепляется наша страсть. Ведь, говоря по правде, все то, что могло бы быть для нас полезным, земля положила снаружи, а вышеупомянутые сокровища скрыла и погребла и налегла всею своею тяжестью на эти предметы, как на вредные и могущие принести людям зло. Вот и железо извлечено из тех же мрачных недр, из которых извлечено золото и серебро, чтобы не было недостатка ни в орудиях для убийства, ни в деньгах для платы за него.

Но тем не менее все перечисленные богатства имеют еще некоторую материальность, а существует и нечто такое, в чем разум может видеть не что иное, как обман зрения. Вот ценные бумаги и заемные письма и купчие крепости: все это призраки корыстолюбия, которыми оно обманывает души людей, находящихся удовольствия в пустых представлениях. Что такое все это? Что такое проценты и долговые книги, как не названия человеческих страстей, изысканные вне пределов видимой природы?

Можно жаловаться на природу за то, что она не скрыла золота и серебра еще глубже, за то, что она не положила на них еще большей тяжести.

Что такое представляют собою таблицы для вычисления срока платежей и кровожадные проценты? Все это добровольные бедствия, зависящие от нашего (общественного) устройства, в которых нет ничего доступного зрению и осязанию,— все это — пустые призраки корыстолюбия.

О, как несчастен тот, кого радует большая книга записи его владений и пустые пространства земли, предназначенной для обработки пленными рабами, и бесчисленные стада скота, пасущиеся в различных провинциях и царствах, и прислуга, превосходящая своєю численностью могущественные нации, и частные здания, превосходящие своими размерами большие города!

Как скоро этот богач надлежащим образом рассмотрит все то, на что он распределил и расточил свои богатства, и возгордится,— он окажется бедняком, если сравнить все, чем владеет, с тем, что желает приобрести. «Отпусти меня (говорит мудрец) и предоставь моим собственным богатствам. Я познал царство мудрости, царство великое и безопасное. Я всем владею, но так, чтобы все находилось во владении у всех».

Глава 11

Когда цезарь подарил мудрецу (презирававшему богатство) две сотни монет, он со смехом отверг это, не считая приличным для себя получить эту сумму, а также, чтобы хвалиться тем, что не принял ее. О боги и богини, с каким малодушием тот (цезарь) желал почтить или развратить его!

Но надо предоставить свидетельство об этом самому великому мужу. Я слышал от него великие слова, когда он удивлялся безумию цезаря Кая, который считал возможным за такую ничтожную сумму изменить его (убеждения). «Если бы,— говорил он,— цезарь решил испытать меня, то ему надлежало бы искушать меня всем своим царством».

Глава 12

Итак, можно нечто дарить и мудрому, хотя ему и принадлежит все. Равным образом ничто не препятствует делать некоторые приношения и другу, хотя мы и говорим, что все принадлежит друзьям сообща. Ведь у меня с другом все общее не в том смысле, как бывает общее с союзником, причем одна часть принадлежит мне, а другая — ему, но в том смысле, как у отца с матерью бывают общие дети. Хотя их и бывает у них двое, но каждому из них принадлежит не одно дитя, а оба.

Но, прежде всего, я утверждаю уже то, что всякий, кто приглашает меня в сообщество, знает, что ничего не имеет со мною общего. Почему? Потому что это общение бывает только между мудрыми, которые находятся между собою в дружбе. Прочие бывают между собою не более друзьями, чем простые союзники.

Затем, общение может быть разнообразное. Всаднические места в театре принадлежат всем наездникам. Тем не менее среди них есть мое собственное место, которое занимаю я. Если я его кому-нибудь уступаю, то хотя уступаю и общую вещь, но тем не менее представляю сделавшим некоторое одолжение.

Некоторые вещи находятся во владении у разных лиц под известным условием; например, я имею место в театре не для того, чтобы продавать его, или отдавать внаем, или жить в нем, но для того только, чтобы смотреть зрелища. Кроме того, я не ошибаюсь, говоря, что имею всадническое место в театре. Но если я вошел в театр в то время, когда все всаднические места полны, то хотя по праву и обладаю здесь местом, так как мне следует сидеть здесь, но в то же время я и не имею его, так как оно занято теми, с кем у меня право пользования местами общее.

Представь, что то же самое бывает и между друзьями: все, что принадлежит другу, есть общее нам обоим, но все, чем он владеет, есть его собственность и пользоваться этим я не могу против его желания.

«Ты смеешься надо мною,— говоришь ты,— ведь как скоро все, принадлежащее другу, мое, то пусть мне позволено будет и продавать все это».

Но этого делать нельзя, как нельзя продавать и всаднических мест, хотя они и принадлежат тебе сообща с прочими всадниками.

Таким образом, невозможность продавать, уничтожать, изменять в лучшее или худшее не может служить доказательством того, что тебе не принадлежит какая-нибудь вещь, ибо принадлежащим тебе бывает и то, что считается твоим лишь под каким-нибудь известным условием ³.

О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

Брату Галлиону

I

Все люди хотят жить счастливо, брат мой Галлион, но они смутно представляют себе, в чем заключается счастливая жизнь. А достигнуть последней в высшей степени трудно. Если человек собьется с пути, он уходит от счастья тем дальше, чем больше он увлекается погоней за ним: когда путь ведет в противоположную сторону, поспешность и служит причиной еще большего удаления от конечного пункта. Поэтому мы должны прежде всего наметить себе цель своих стремлений, затем тщательно выбрать средства к скорейшему достижению ее, а потом уже в пути, если только он будет правилен, мы будем соображать, как велика наша ежедневная успешность и насколько мы приблизились к тому идеалу, к которому нас влечет естественный порыв. Пока мы суетливо бродим без проводника, прислушиваясь к шумихе вздорных криков, манящих нас к разным соблазнам, жизнь пропадает даром среди заблуждений, а она коротка даже в том случае, если мы день и ночь будем заботиться о своем духовном развитии. Итак, мы должны решить, к чему и как нам стремиться; нам нужен также опытный проводник, знакомый с тою областью, в которую мы намерены вступить, потому что в данном случае дело обстоит не так, как в остальных путешествиях, где нас предохраняет от ошибок возможность воспользоваться какой-нибудь тропинкой или обратиться за разъяснениями к жителям. Здесь же самый торный, самый многолюдный путь оказывается наиболее обманчивым. Главнейшая наша задача должна заключаться в том, чтобы мы не следовали, подобно скоту, за вожаками стада, чтобы мы шли не туда, куда идут другие, а туда, куда повелевает долг. Величайшие беды причиняет нам то, что мы сообразуемся с молвой и, признавая самыми правильными те воззрения, которые встречают большое сочувствие и находят много последователей, живем не так, как этого требует разум, а так, как живут другие. Вот откуда эта непрерывно нарастающая гора жертв заблуждений! Когда во время крупного поражения происходит всеобщая давка, никто не падает так, чтобы не увлечь за собою другого, находящиеся же впереди причиняют гибель следующим за ними: точно такие же явления можно наблюдать на каждом шагу и в жизни. Никто не заблуждается только

во вред себе, но всякий бывает причиною и виновником чужого заблуждения. Зря примыкать к идущим впереди опасно, а между тем, когда возникает вопрос о смысле жизни, люди никогда не рассуждают, а всегда верят другим, так как всякий более склонен верить, чем рассуждать. Поэтому распространяющееся преемственным путем недоразумение сбивает нас с толку и повергает в бездну бедствий, где мы погибаем жертвой чужих примеров. Мы спасемся, если только отрешимся от стадного чувства: народ относится теперь враждебно к разуму, упорствуя в своем пагубном заблуждении. Аналогичные случаи встречаются и на избирательных собраниях: когда непостоянная толпа отворачивается от своих прежних любимцев, те же самые лица, которые провели их в преторы, удивляются, что они могли подать свои голоса за таких недостойных кандидатов. Одно и то же мы то одобряем, то осуждаем. Так бывает со всяким приговором, опирающимся на большинство мнений.

II

Когда заходит речь о счастливой жизни, ты не можешь удовлетворить меня обычным при голосовании сенаторов ответом: «По-видимому, на этой стороне большинство». — Потому-то она и неправда! Развитие человечества не находится еще в столь блестящем состоянии, чтобы истина была доступна большинству. Одобрение толпы — доказательство полной несостоятельности. Предметом нашего исследования должен быть вопрос о том, какой образ действий наиболее достоин человека, а не о том, какой чаще всего встречается; о том, что делает нас способными к обладанию вечным счастьем, а не о том, что одобряется чернью, этой наихудшей истолковательницей истины. К черни же я отношу не только простонародье, но и венценосцев. Я не смотрю на цвет одежд, в которые облакаются люди. При оценке человека я не верю глазам: у меня есть лучшее, более верное мерило для того, чтобы отличить истину от лжи. О духовном достоинстве должен судить дух. Если когда-нибудь на досуге он успокоится и углубится в себя, он после тщательного самоиспытания искренне откроет себе всю правду в следующих словах: «Лучше было бы мне не делать всего того, что я делал до сих пор. Когда я вспоминаю все свои речи, я завидую немому. Все мои прежние желания представляются мне проклятием врагов. Все, чего я боялся, было, о добрые боги, гораздо лучше того, чего я так страстно домогался. Я враждовал со многими и мирился с ненавидимыми мне раньше людьми (если только вообще между дурными возможен мир); с самим же собою я еще не успел подружиться. Я прилагал всяческие старания к тому, чтобы выделиться из толпы и прославиться каким-нибудь талантом. Этим я только выставил себя под вражеские удары и указал недоброжелательству уязвимое место. Ты видишь тех, которые

прославляют твое красноречие, ухаживают за твоим богатством, лестью добиваются твоего расположения, превозносят твое могущество? Ведь все они или уже теперь твои враги, или (что имеет одинаковое значение) могут сделаться таковыми впоследствии. У тебя столько же завистников, сколько и поклонников».

III

Так уж лучше мне поискать какого-нибудь существенного блага, осязательного, а не показного! То, что бросается в глаза, перед чем останавливается толпа, что один показывает с восторгом другому,— все это скрывает за блестящей внешностью внутреннее ничтожество. Постараемся найти не призрачное благо, а действительное, постоянное и тем более привлекательное, чем глубже оно таится в душе. Добудем это сокровище. Оно лежит недалеко от нас. Его легко найти. Нужно только знать, куда протянуть руку. Теперь же, точно впотьмах, мы минуем его, попирая как раз то счастье, в котором ощущаем потребность. Но, чтобы не водить тебя окольными путями, я обойду молчанием мнения других, так как было бы слишком долго и перечислять и опровергать их. Выслушай мое. Употребляя это выражение, считаю нужным заметить, что я не примыкаю исключительно к одному из главнейших представителей стоической школы, сохраняя и за собою право иметь собственное суждение. Я буду следовать одному, у другого сделаю частичное заимствование. Может быть, представляя свое заключение после всех остальных авторов, я не буду отвергать ни одного положения своих предшественников, а скажу только: «Вот это дополнение принадлежит мне». Впрочем, я принимаю общее правило всех стоиков: «Живи сообразно с природой вещей». Не уклоняться от нее, руководствоваться ее законом, брать с нее пример,— в этом и заключается мудрость. Следовательно, жизнь — счастлива, если она согласуется со своей природой. Такая жизнь возможна лишь в том случае, если, во-первых, человек постоянно обладает здоровым умом; затем, если дух его мужествен и энергичен, благороден, вынослив и подготовлен ко всяким обстоятельствам; если он, не впадая в тревожную мнительность, заботится об удовлетворении физических потребностей; если он вообще интересуется материальными сторонами жизни, не соблазняясь ни одной из них; наконец, если он умеет пользоваться дарами судьбы, не делаясь их рабом. Мне незачем присовокуплять, так как ты и сам понимаешь, что результатом такого расположения духа бывает постоянное спокойствие и свобода ввиду устранения всяких поводов к раздражению и к страху. Вместо удовольствий, вместо ничтожных, мимолетных и не только мерзких, но и вредных наслаждений наступает сильная, неомрачимая и постоянная радость, мир и гармония духа, величие, соединенное с кротостью. Ведь всякая жестокость происходит от немощи.

Можно и иначе определить интересующее нас благо, т. е. передать ту же самую мысль другими словами. Одно и то же войско может то шире развернуться, то сомкнуться теснее; оно может или образовать полукруг, подавшись назад в центре и выдвинувши вперед фланги, или выровнять фронт в линию; однако при всяком построении у него остается одинаковая боевая сила и готовность сражаться под тем же самым знаменем; точно так же и определение высшего блага можно то расширить, формулируя его обстоятельно, то сократить, выражая его сжато. Во всяком случае получится тождество, скажу ли я: «Высшее благо заключается в способности презирать превратности судьбы и удовлетворяться добродетелью» или: «Высшее благо составляет непобедимая сила духа, умудренная опытом, спокойная в действии, соединенная с большой гуманностью и заботливостью по отношению к окружающим». Допустимо и такое определение: «Счастливым мы называем того, кто только благое и злокачественное настроение духа почитает за благо и за зло, кто свято исполняет нравственный долг и довольствуется добродетелью, кого случайные обстоятельства не могут сделать ни самонадеянным, ни малодушным, кто наибольшее значение придает тому благу, которое он может сам себе создать, для кого настоящим удовольствием будет... презрение к удовольствиям». Если бы ты захотел сделать отступление, то можно было бы каждый раз облекать в новую форму ту же самую мысль без всякого ущерба для ее значения. Действительно, что мешает нам сказать, что счастливую жизнь составляют свобода духа, бодрость, непоколебимая стойкость, неустрашимость, бесстрашие и сознание, что единственное благо — нравственное достоинство и единственное зло — порочность? Все остальное при всем своем многообразии маловажно: все это не оказывает ни отрицательного ни положительного влияния на счастливую жизнь, появляясь и исчезая без всякой пользы и вреда для высшего блага. Человек, стоящий на столь твердой почве, непременно должен все время ощущать, желает ли он этого или нет, веселое настроение и приятное чувство полного, исходящего из глубины души удовлетворения, так как он доволен своим внутренним достоянием и не желает его приумножать. А разве такое душевное состояние не вознаграждает его щедро за ничтожные, пошлые и преходящие вожделения бренной плоти? Ведь в тот день, когда он окажется рабом удовольствия, он почувствует и всю тяжесть страдания.

А ты видишь, в каком позорном и пагубном рабстве будет находиться тот, на кого попеременно будут оказывать свое влияние удовольствия и страдания, деспотические силы, действующие крайне произвольно и необузданно. Поэтому нужно себя поста-

вить в независимое от них положение, а его создает не что иное, как равнодушие к судьбе. Тогда осуществится вышеуказанное неоценимое благо — спокойствие и возвышенность духа, чувствующего свою безопасность; с исчезновением всяких страхов наступает вытекающая из познания истины великая и безмятежная радость, приветливость и просветление духа. Все это будет для него усладой не потому, что это блага, а потому, что это плоды находящегося в нем самом добра. Раз уже я расщедрился на определения, то счастливым можно назвать того, кто, благодаря разуму, не ощущает ни страстного желанья, ни страха. Впрочем, камни и животные также свободны от страха и печали, однако никто не назовет их на этом основании счастливыми, так как у них нет сознания счастья. В таком же положении находятся те люди, которых природное тупоумие и отсутствие самосознания понизило до уровня грубых скотов. Между такими людьми и животными нет никакой разницы, так как последние совершенно лишены разума, а первые, обладая помраченным рассудком, изошряются к собственному вреду в гнусностях. Человек, не имеющий понятия об истине, никоим образом не может быть назван счастливым. Следовательно, жизнь — счастлива, если она неизменно основывается на правильном, разумном суждении. Тогда дух человека отличается ясностью; он свободен от всяких дурных влияний, избавившись не только от терзаний, но и от мелких укулов: он готов всегда удерживать занятое им положение и отстаивать его, несмотря на ожесточенные удары судьбы. Что же касается удовольствий, то, хотя бы они окружали нас со всех сторон, вкрадывались всеми путями, ласкали душу своими прелестями и расточали перед нами все новые соблазны, чтобы привести в возбужденное состояние все наше существо или только отдельные органы,— никто из смертных, будь у него еще хоть капля человеческого достоинства, не пожелает день и ночь метаться в судорогах страсти и, позабывши о душе, жить исключительно интересами своей плоти.

VI

«Но ведь и дух,— говорит эпикуреец,— будет переживать свои удовольствия».— И превосходно! Пусть он переживает их и, как судья, разбирается в вопросах роскоши и удовольствий, насыщаясь всеми теми утехами, которые обыкновенно приводят в восторг чувства... Затем пусть он воскрешает в воображении прошедшее, пусть он при воспоминании о мерзких наслаждениях восхищается прежними и с нетерпением ожидает грядущих, строя на них свои дальнейшие планы и мысленно предвосхищая будущее, пока тело млеет в упоительной действительности. Вот потому то я и считаю его еще более жалким, так как отдавать предпочтение злу перед добром — безумие. Без здравого ума никто не бывает счастлив, а нельзя признать здравомыслящим того, кто стремится не к высшему добру, а к вредоносному злу.

Итак, счастлив тот, кто способен правильно рассуждать; счастлив тот, кто доволен настоящим, каково бы оно ни было, и не ропщет на свою участь; счастлив тот, кого разум учит мириться со всяким положением, какое только может выпасть на его долю. Да и те, которые считают удовольствие высшим благом, видят, какое позорное место они отвели последнему. Поэтому они говорят, что удовольствие неотделимо от добродетели, и присовокупляют, что нравственная жизнь совпадает с приятной, а приятная — с нравственной. Не понимаю, как вообще можно соединять в одно целое столь противоположные элементы. Почему, скажите, пожалуйста, нельзя отделить удовольствия от добродетели? — Очевидно, потому, что добродетель, основное начало всех благ, служит также источником того, что вы так любите и к чему так стремитесь. Но если бы удовольствие и добродетель были неразрывно связаны, то мы не видели бы, что одни деяния приятны, но безнравственны, а другие, наоборот, безупречны в нравственном отношении, но зато трудны и осуществимы лишь путем страданий.

VII

К этому следует присовокупить, что удовольствия встречаются даже в самой позорной жизни, между тем как добродетель вообще не допускает порочной жизни, и что некоторые несчастны вследствие отсутствия удовольствий, а, напротив, из-за избытка их. Ничего подобного не было бы, если бы удовольствия составляло неотъемлемую часть добродетели. В действительности же последняя часто не сопровождается удовольствием, да она никогда и не нуждается в нем. Что же вы сопоставляете не только несходные, но даже противоположные элементы? Добродетель — это нечто величественное, возвышенное, царственное, непобедимое, неутомимое, удовольствие же — нечто низкое, рабское, немощное, преходящее, караулящее и гнездящееся в непотребных местах и трактирах. Добродетель встретишь в храме, на форуме, в курии; она на передовом посту защищает городские стены; она покрыта пылью; у нее загорелое лицо и мозолистые руки. Напротив, удовольствие чаще скрывается и ищет мрака; оно шныряет около разного рода бань и мест, боящихся эдила¹; оно изнежено и слабосильно; от него пахнет вином и благовонной мазью, оно бледно или нарумянено, на нем отвратительные следы косметических средств. Высшее благо вечно, неистощимо, оно не вызывает ни пресыщения, ни раскаяния, так как правильный образ мыслей не допускает заблуждения; он не ставит человека в необходимость негодовать на принятые решения и отменять их, так как всегда руководствуется основательными соображениями; удовольствие же погасает в момент наибольшего восторга. Да и роль его ограничена: оно быстро исполняет ее; затем наступает отвращение, и после первого увлечения следует апатия. Вообще никогда не бывает устойчивым явление, отличающееся стихий-

ностью движения. Таким образом, и не может быть ничего прочного в том, что проходит мигом и в самом процессе своего осуществления обречено на гибель. Достигши кульминационного пункта, оно прекращается, неминуемо клонясь уже с самого начала к своему концу.

VIII

Мало того. Удовольствие достается как хорошим людям, так и дурным, и порочные находят такое же наслаждение в своем непристойном поведении, как добродетельные — в образцовом. Вот почему древние принимают за правило, что следует стремиться не к приятнейшей жизни, а к праведной, имея в виду, что удовольствие — не руководящее начало разумной и доброй воли, а только случайно сопутствующее ей явление. Нужно сообразоваться с указаниями природы: разумный человек наблюдает ее и спрашивает у нее совета. Жить счастливо и жить согласно с природой — одно и то же. Что это значит, я сейчас поясню. Мы должны считаться с естественными потребностями организма и заботиться о необходимых для их удовлетворения средствах добросовестно, но без опасения за будущее, памятуя, что они даны нам на время и скоротечны; мы не должны быть их рабами и допускать, чтобы чуждое нашему существу властвовало над нами; телесные утехи и вообще факторы, имеющие в жизни несущественное значение, должны находиться у нас в таком положении, какое в лагере занимают вспомогательные и легковооруженные отряды. Они должны играть служебную, а не господствующую роль. Только при этом условии они могут быть полезны для нашего духа. Внешние преимущества не должны развращать и подчинять себе человека: последний должен преклоняться лишь перед своим духовным достоинством. Пусть он окажется искусным строителем собственной жизни, полагаясь на себя и будучи готов одинаково встретить как улыбку судьбы, так и ее удар. Пусть его уверенность опирается на знание, а знание пусть отличается постоянством: однажды принятые им решения должны оставаться в силе, не допуская никаких поправок. Мне незачем присовокуплять, так как это само собою разумеется, что такой человек будет спокоен и уравновешен и во всем его поведении будет сказываться ласковость и благородство. Его чувствам будет присущ истинный разум, который от них и будет получать свои элементы, так как у него нет другого исходного пункта, другой точки опоры для полета к истине и для последующего самоуглубления. Ведь и всеобъемлющая мировая стихия², управляющей вселенной Бог, стремится, правда, к воплощению во внешних телах, однако возвращается потом со всех сторон к своему всеединому началу. Пусть то же самое делает и наш дух. Следуя за своими чувствами и придя при помощи их в соприкосновение с внешними телами, он должен овладеть как ими, так и собою и, так сказать, присвоить себе высшее благо.

Таким образом составится единая, стройная, могучая сила, появится тот верный разум, который устраняет противоречия и сомнения в представлениях, понятиях и своем собственном убеждении. Установившись правильно, урегулировав свои отношения к составным частям и, так сказать, достигши гармонии, он обретает высшее благо. Тогда уже нельзя сбиться с прямого пути, нет более скользких мест, устранены все камни преткновения, нет более шатания! Обладая таким разумом, человек будет делать все по собственному побуждению; он будет огражден от всяких неожиданностей; все его действия будут удачны, так как он будет исполнять их легко, умело и без замедления. Ведь вялость и нерешительность обнаруживают борьбу и непостоянство. Поэтому смело можно сказать, что высшее благо заключается в духовной уравновешенности. Добродетели непременно будут сосредоточены там, где будут царить согласие и единство: разлад вносят пороки.

IX

«Но и ты,— возражает мне противник,— считаешь добродетель только ввиду того, что ожидаешь от нее какого-нибудь удовольствия».— Во-первых, если добродетель и может доставить какое-либо удовольствие, то из этого еще не следует, что к ней стремятся ради удовольствия, так как последнее является не единственным результатом добродетели, а одним из многих. Да и не во имя удовольствия подвизается добродетель, нет! Она ставит себе иную задачу, но тем не менее сказывается плодотворной и в этом отношении. Как на вспаханном для посева поле вырастают кое-где цветки, хотя не для этих растений, как бы они ни были приятны для глаз, затрачено столько труда,— у сеятеля была другая цель, а это только случайно приходящее явление; точно так же и удовольствие — не награда за добродетель и не побудительная причина к ней. Добродетель привлекательна не потому, что доставляет наслаждение, а, наоборот, она доставляет наслаждение благодаря своей привлекательности. Высшее благо заключается в самом сознании и в совершенстве духа. Когда последний закончит свое развитие и сосредоточится в своих пределах, ему, ввиду полного осуществления высшего блага, нечего больше желать. Ведь понятие о целом не допускает возможности какой-нибудь не входящей в его состав части, равно как нельзя допустить, чтобы что-либо находилось дальше конца. Поэтому ты рассуждаешь нелогично, спрашивая, что заставляет меня стремиться к добродетели. Твой вопрос равносильно желанию определить то, что выше высочайшего пункта. Ты спрашиваешь, что я желаю найти в добродетели? — Ее самое! Ведь нет ничего лучше ее, она сама служит себе наградой. Или, может быть, ты не удовлетворишься, когда я скажу тебе: высшее благо — это непреклонная твердость духа, предусмотрительность, тонкость, здравие, независимость, гармония, красота? Ты все еще

требуешь указания высшего принципа, под который можно было бы все это подвести? Только при чем же тут удовольствие? Ведь я ставлю вопрос о благе человека, а не чрева, которое просторнее у скота и диких зверей.

X

«Ты притворяешься,— говорит эпикуреец,— будто не понимаешь смысла моих слов. Я утверждаю, что нельзя жить приятно, не живя вместе с тем нравственно, а этому условию не могут удовлетворять бессловесные животные и те люди, для которых мерилом блага служит пища. Я еще раз заявляю ясно и открыто, что та жизнь, которую я называю приятной, невозможна без содействия добродетели».— Но кто же не знает, отвечу я, что величайшие глупцы утопают в ваших хваленых удовольствиях, что и беспутные люди ведут весьма приятную жизнь и что даже дух доставляет множество разнородных безнравственных удовольствий? Здесь играют роль прежде всего надменность и чрезмерное самомнение, тщеславная страсть к возвышению над остальными людьми, черствый и слепой эгоизм, затем слабовольная изнеженность, вспыхивающая по пустячным поводам ребяческая веселость и, наконец, злоречивость, нахально-задорная заносчивость, праздность, нерадивость, вялость и духовная спячка. Все эти недостатки устраняет добродетель, заставляя нас вострепнуться. Она допускает удовольствия только после предварительной их оценки и в случае одобрения не придает им большого значения, считая их только допустимыми; она находит удовольствие не в наслаждении удовольствиями, а в возможности оказать по отношению к ним воздержность, а ведь, с вашей точки зрения, воздержность, умаляя удовольствие, является нарушением высшего блага. Ты увлекаешься удовольствием, я отношусь к нему сдержанно; ты им наслаждаешься, я только пользуюсь; в твоих глазах оно высшее благо, для меня оно — даже не благо; ты ради удовольствия делаешь все, я — ровно ничего. Говоря, что я ничего не делаю ради удовольствия, я имею в виду мудреца, того единственного человека, которому, по моему мнению, доступно удовольствие.

XI

Мудрецом же я называю раба какой-нибудь страсти, а сластолюбца — и подавно. Действительно, каким образом человек, захваченный страстью к удовольствиям, устоит против тяжелого испытания, опасности, нищеты, против столь многих грозных бедствий, обуревающих человеческую жизнь? Разве у него хватит сил перенести вид страдания и смерти? Разве его не приведут в смятение громовые удары и такое множество лютых врагов, когда он побежден столь захудалым противником? Он будет делать все, что ему внушит страсть к удовольствиям. А ты разве

не видишь, как много соблазнительных мыслей она способна внушить? «Она не станет давать ему позорных советов,— говоришь ты,— так как она сопряжена с добродетелью».— А ты, с другой стороны, не видишь, каково то высшее благо, которое нуждается в пестуне, чтобы быть вообще благом? Каким же образом добродетель, находясь в зависимости от удовольствия, будет управлять им, когда испытывать зависимость свойственно подчиненному, а управлять — господствующему. Ты ставишь на задний план господствующую силу. Да и превосходное назначение имеет у вас добродетель, которой вменяется в обязанность наперед отведывать чашу удовольствий! Ниже мы увидим, останется ли еще добродетель у тех, кто так оскорбительно с ней обращается; потерявши свое достоинство, она лишается права и на свое название. Теперь же, возвращаясь к предмету рассуждения, я укажу многих поглощенных удовольствиями людей, которых судьба осыпала всеми своими дарами и которых ты все-таки должен признать дурными. Взгляни на Номентана и Апиция³, с каким рвением они отыскивают земные и морские блага (так они называют свое продовольствие) и за столом производят смотр животным всех стран. Посмотри на них также, как они в ожидании трапезы покоятся на усыпанных розами ложах, услаждая свой слух мелодиями, глаза — зрелищами, а небо — тонкими вкусовыми ощущениями. Мягкие и нежные нагретые одеяла приятно ласкают все их тело, а чтобы и ноздри тем временем не оставались в бездействии, разными благовониями наполняется даже место, где в честь роскоши справляется тризна. Ты не станешь отрицать, что они утопают в удовольствиях, однако их ожидает страдание, так как то, чему они радуются, не есть благо.

XII

«Их ожидает страдание,— замечает мой противник,— потому что многие случайные обстоятельства могут смутить их дух и противоречивые мысли будут тревожить их ум».— С этим я согласен, но тем не менее эти самые глупцы, несмотря на непостоянство и на грядущие угрызения совести, переживают большие удовольствия, так что следует признать, что они свободны от всякого тягостного чувства до тех пор, пока лишены здравого ума: как это бывает с большинством, они сумасбродствуют весело, выражая свое безумие хохотом. Удовольствия же мудрецов, наоборот, спокойны, скромны, почти слабы, сдержанны и едва заметны, так как появлению их не предшествует искусственное возбуждение страсти, и, хотя они наступают сами собой, однако они не в почете у этих людей, воспринимающих их без всякого увлечения. Мудрецы скрашивают ими жизнь, допуская их как эпизодическое явление, вроде забавной сцены и шутки в серьезной драме. Поэтому пусть любители наслаждений перестанут соединять несовместимое, навязывая добродетели удовольствие, а то подобное недоразумение оказывается лестным

лишь для дрянных людишек. Так, этот распущенный сластолюбец, вечно рыгающий и пьяный, зная, что он живет в свое удовольствие, воображает, что жизнь его добродетельна, так как слышит, что удовольствие неотделимо от добродетели; затем он выдает свои пороки за мудрость и бравирует своим бесстыдством. Таким образом, эти господа роскошествуют не по вине Эпикура. Пристрастившись к порокам, они скрывают свое распутство под личиной философии и сбегаются туда, где слышат похвальные речи в честь удовольствия. Они не принимают в расчет, как трезво и умеренно (таково мое искреннее мнение) прославленное удовольствие Эпикура, но уже при одном названии его они слетаются, ища для своих похотей какого-нибудь благовидного предлога и авторитета. При этом они теряют стыд перед грехом, единственное благо, остававшееся у них в порочной жизни. Они восхваляют то, что раньше заставляло их краснеть, и хвастают своей порочностью. А раз позорное безделье удостоилось почетного названия, невозможно и нравственное возрождение молодежи.

XIII

Вот почему пагубно это прославление удовольствия: благородные принципы таковой проповеди остаются незамеченными, а соблазнительная часть бросается в глаза. Лично я, впрочем, того мнения (выскажу его, хотя оно и не встретит сочувствия у моих собратьев-стоиков), что учение Эпикура в нравственном отношении безупречно и, если в него вникнуть поглубже, даже сурово, так как пресловутое удовольствие сводится здесь к сущему пустяку. Эпикур подчиняет его тому закону, который мы считаем обязательным для добродетели: он требует, чтобы оно сообразовалось с природой. Распутство же не удовлетворяется тем, чем довольствуется природа. Но горе в том, что человек, называющий счастьем беспечную праздность и чередующееся с развратом обжорство, старается в оправдание своего дурного поведения сослаться на веский авторитет. Примыкая к школе Эпикура, благодаря ее заманчивому девизу, он стремится не к таким удовольствиям, о которых ему говорят, а к таким, с жадной жаждой которых он пришел. И вот, составивши себе мнение, что его пороки соответствуют учению Эпикура, он не предается им робко и тайком, а распутствует уже смело и открыто. Я не решаюсь утверждать по примеру большинства стоиков, что школа Эпикура — рассадник мерзостей, а только говорю: «Она на плохом счету, но ее опорочили незаслуженно». Нельзя, конечно, судить об этом без ознакомления с ее внутренней стороной. А между тем, самый фасад ее дает повод к сплетням и ничего путного не предвещает. Получается такое впечатление, как будто доблестный муж надел женское платье.— Ты не потерял чувства стыда (сказал бы я ему) и свято блюдешь мужскую честь; твое тело не оскверняется порочным наслаждением, однако нехорошо,

что у тебя в руке тимпан ⁴. Нужно выбрать пристойное знамя. Самый девиз должен побуждать к беспощадной борьбе с теми пороками, которые тотчас после своего появления изнеживают человека. Всякий поборник добродетели внушает мысль о благородстве своего характера, сластолюбец же считается бессильным, слабовольным выродком, способным на всякие гадости, если кто-нибудь не научит его строго различать удовольствия, ограничивающиеся естественной потребностью, от тех безмерных излишеств в наслаждениях, которые увлекают человека в бездну и страсть к которым становится тем ненасытнее, чем больше ее удовлетворяют. Так пусть же предшествует добродетель: тогда все наши шаги будут безопасны. Неумеренное удовольствие вредно; в добродетели же нельзя опасаться неумеренности, так как в ней самой заключается чувство меры. А то, что страдает от собственной величины, не есть благо.

XIV

Ты от природы — разумное существо: что же лучше разума может руководить тобой? ⁵ Но если тебе уж так нравится соединение добродетели с удовольствием, если тебе угодно идти к счастью в сопровождении этой четы, то, повторяю, пусть предшествует добродетель, а удовольствие сопутствует ей, увиваясь, как тень, около тела. Отдавать же добродетель, эту величайшую в мире святыню, в прислужницы удовольствию — признак полного духовного убожества. Добродетель должна находиться во главе и нести знамя. Испытывая при этом не меньше удовольствий, мы будем повелевать и руководить ими: добровольно мы кое-что сделаем для них, когда они уже очень будут напрашиваться, по принуждению же не пойдем ни на какие уступки. Наоборот, люди, ⁴предоставившие удовольствиям господствующую роль, терпят двоякого рода урон: они теряют добродетель, и, сверх того, не они располагают удовольствиями, а последние захватывают их; они или страдают вследствие отсутствия удовольствий, или задыхаются от их избытка. Они жалки, если лишаются удовольствий, но они еще более достойны жалости, если утопают в них. Так бывает с плователями, застигнутыми бурей на Сиртском море ⁶: они то сидят на мели, то носятся по разбушевавшимся волнам. Происходит же это вследствие чрезмерной неводержности и слепой любви к предмету страсти: для человека, преследующего дурные цели вместо хороших, удача опасна. С трудом и опасностью мы охотимся на диких зверей, но даже тогда, когда они пойманы, обладание ими сопряжено с риском, так как они часто растерзывают своих хозяев. Точно так же в большую беду попадают люди, испытывающие большие удовольствия: они становятся жертвой доставшихся им наслаждений. Чем многочисленнее и ярче последние, тем слабее, тем больше порабощен тот, кого чернь считает счастливецом. Я хотел бы еще остановиться на приведенном выше сравнении. Охотник,

отыскивающий логовища зверей и ставящий себе главной задачей «птиц силками ловить» и «оцеплять со стаей собак обширные дебри»⁷, бросает более важные дела и отказывается от исполнения многих обязанностей, чтобы иметь возможность выследить дичь: так и человек, увлекающийся удовольствиями, относится с пренебрежением ко всему остальному и прежде всего не дорожит свободой, жертвуя ею в угоду чреву. Не он покупает себе удовольствия, а удовольствия закабаляют его.

XV

«Однако что же мешает,— говорит эпикуреец,— полному слиянию добродетели и удовольствия и осуществлению такого высшего блага, в котором нравственное отождествляется с приятным?» — Помехой этому служит то, что только нравственное может быть частью нравственного, и высшее благо потеряет свою чистоту, если в нем окажется примесь худшего качества. Даже порождаемая добродетелью радость, будучи благом, все-таки не составляет части абсолютного блага. То же самое приходится сказать о веселом настроении и спокойствии, хотя бы они вызывались вполне благовидными причинами. Все это, конечно, блага, но такие, которые сказываются последствиями высшего блага, а не его составными частями. Кто объединяет удовольствие и добродетель в союз,— и притом даже не равноправный,— тот вследствие непорочности одного блага парализует всю присущую другому благу силу и подавляет свободу, которая остается непреклонной лишь в том случае, если она составляет самое драгоценное сокровище. У него возникает потребность (а это и есть величайшее рабство) в милости судьбы. И вот начинается тревожная, подозрительная, суетливая, опасаящаяся всяких случайностей жизнь, беспомощно бьющаяся в потоке явлений. Ты не обеспечишь добродетели прочного, незыблемого базиса, а основываешь ее на шаткой почве. Действительно, что может быть так неустойчиво, как ожидание случайных обстоятельств и непостоянство организма и всех влияющих на него факторов? Разве человек может повиноваться Богу, спокойно относиться ко всем событиям, не роптать на судьбу и благодушно истолковывать превратности своей жизни, если он чувствителен к малейшему влиянию удовольствия и страдания? Но он не может быть также дельным защитником и спасителем своей родины и заступником друзей, если он падок на удовольствия. Так пусть же высшее благо поднимется на такую высоту, откуда никакая сила не могла бы его низвергнуть, куда не проникнет скорбь, надежда, страх и вообще все, что умаляет права высшего блага. Подняться туда может только добродетель; с ее помощью трудности подъема преодолимы. Обладающий добродетелью человек будет твердо стоять на своем высоком посту и переносить все, что бы ни случилось, не только терпеливо, но и охотно, зная, что все случайные невзгоды в порядке вещей. Как доблестный воин

переносит раны, исчисляет рубцы и, пронзенный стрелами, умирая, любит того полководца, за которого он жизнь положил, так и поборник добродетели будет помнить древнюю заповедь: «Повинуйся Богу». Если же кто-нибудь жалуется, плачет и стонет, то его принуждают силой к повиновению и, как бы он ни сопротивлялся, его влекут, чтобы он исполнил свой долг. А разве не безумие позволять себя влечь, а не следовать добровольно? Разве не такое же безрассудство и непонимание собственной участи обнаруживает тот, кто скорбит по случаю какого-нибудь несчастья, или удивляется, или возмущается испытаниями, выпадающими на долю как хорошим, так и дурным людям; я разумею болезни, смертные случаи, немощи и прочие превратности человеческой жизни. Мы должны с достоинством встречать все, что нам суждено претерпевать в силу всеобщей закономерности бытия: мы как бы обязались клятвой мириться с человеческой участью и не смущаться неизбежными для нас явлениями. Мы родились в монархическом государстве: в повиновении Богу и состоит наша свобода.

XVI

Итак, истинное счастье заключается в добродетели. Какие же руководящие указания она даст тебе? — Прежде всего ты не должен считать благом или злом того, что не будет результатом добродетели или порока; затем ты должен оставаться непоколебимым и при встрече с тем злом, которым сопровождается добродетель; наконец, по мере сил, ты должен уподобляться Богу. Что же она сулит тебе за такой образ действий? — Громадные и достойные божества преимущества. Ты избавишься от всякого принуждения, ни в ком не будешь нуждаться; будешь свободен, безопасен, огражден от потерь; ни одно предприятие твое не окажется напрасным, у тебя не будет препятствий. Все будет совершаться согласно твоему предположению: возможность неблагоприятных, неожиданных, нежелательных для тебя обстоятельств будет совершенно исключена. — Значит, добродетель оказывается достаточной для счастливой жизни? — А почему бы ей при ее совершенстве и божественных качествах и не быть достаточной? Она заключает в себе для этого даже слишком много данных. Действительно, какой недостаток может ощущать человек, поборовший в себе всякие желания? К чему внешние блага тому, кто сосредоточил в себе все свое достояние? Но, как бы велика ни была успешность стремящегося к добродетели человека, последний все-таки нуждается в некоторой снисходительности судьбы, пока он подвизается на земном поприще, пока он не освободится от своих уз, от всяких смертных оков. Какая же разница между таким человеком и остальными людьми? — А та, что одни легко привязаны, другие крепче прикованы, а третьи скованы так, что не могут пошевелинуться. Человека,

поднявшегося на значительную высоту по пути к духовному совершенству, цепи не стесняют: он, правда, еще не свободен, но пользуется уже правами свободного.

XVII

Но, может быть, кто-нибудь из хулителей философии, по своему обыкновению, скажет мне: «Почему же у тебя больше мужества на словах, чем на деле? Почему ты понижаешь тон перед высшими, считаешь деньги необходимой для себя принадлежностью, принимаешь к сердцу материальные потери, проливаешь слезы при известии о смерти жены или друга, дорожишь своим добрым именем и огорчаешься злостными пересудами? Почему твое имение оборудовано старательнее, чем это вызывается естественной потребностью? Почему твой обед не соответствует провозглашаемому тобою правилам? Почему у тебя слишком изящная утварь? Почему у тебя подается вино, которому больше лет, чем тебе самому? К чему эта распланировка дома? ⁸ Почему ты приказываешь сажать деревья, которые ничего не могут дать, кроме тени? Почему твоя жена носит серьги, представляющие состояние богатой семьи? Почему на твоих проворных слугах дорогие одежды? Почему прислуживать у тебя — особое искусство? Почему серебро не ставят у тебя просто, как угодно, а размещают казисто? Почему имеется у тебя специалист по части разрезывания живности?» Если хочешь, прибавь к этому следующее: «Почему у тебя есть заморские владения? Почему их так много, что ты даже не знаешь об их существовании? К своему собственному позору, ты или так равнодушен к этикету, что знаешь весьма немногих рабов своих, или так тщеславишься роскошью, что у тебя их слишком много для того, чтобы можно было запомнить их имена». Впоследствии я подкреплю высказанные по моему адресу обвинения и сделаю себе больше упреков, чем ты предполагаешь, теперь же отвечу тебе так: «Я не мудрец и — я даже готов своим признанием дать новую пищу твоему недоброжелательству — никогда им не буду. Поэтому я и не ставлю себе целью достигнуть полного совершенства, а хочу только быть лучше дурных людей. Я удовлетворяюсь тем, что ежедневно освобождаюсь от какого-нибудь порока и укоряю себя за свои ошибки. Я не достиг здравого смысла и даже не достигну его; я приготовлю скорее облегчительные средства, чем настоящие лекарства против своей подагры, довольствуюсь тем, что приступы ее бывают реже и оказываются менее мучительными. Но, несмотря на слабость моих ног, в сравнении с вами я все-таки скорыход ⁹.

XVIII

Я говорю это не в свое оправдание, так как я погряз в бездне всяких пороков, а в защиту человека, достигшего некоторого

успеха. «Ты говоришь одно,— замечает мой противник,— а в жизни делаешь другое».

— Да ведь в этом лукавые люди, заклятые враги праведников, упрекали Платона, упрекали Эпикура, упрекали Зенона.

Все они рассуждали не о своей личной жизни, а о том, как вообще следует жить. О добродетели, а не о себе веду я речь, и, вставая против пороков, я имею в виду прежде всего свои собственные. При первой же возможности я буду жить так, как повелевает долг. Ваше изрядно-таки пропитанное желчью недоброжелательство не заглушит во мне влечения к нравственному совершенству; ваша ядовитая слюна, которой вы обрызгиваете остальных и отравляете себя, не помешает мне беззаветно прославлять жизнь, не ту, какую я веду, а ту, какую, по моему убеждению, должно вести, не помешает мне почитать добродетель и стремиться к ней, хотя я далек от нее и подвигаюсь вперед медленно. Неужели же мне, в самом деле, ожидать уважения к чему-либо со стороны зложелательных лиц, не пощадивших даже Рутилия и Катона ¹⁰.

Да и можно ли принимать к сердцу то ¹¹, что тебя сочтут слишком большим богачом те, в чьих глазах циник Деметрий ¹² был недостаточно беден? Этот непреклонный человек боролся со всеми естественными потребностями и был тем беднее остальных циников, что отрекся не только от всякой собственности, но и от самих желаний, а они толкуют, что он был недостаточно нищ, потому что он, изволите ли видеть, был проповедником не добродетели, а нищеты.

XIX

Эпикурец Диодор ¹³, лишивший себя несколько дней тому назад жизни, поступил, по их словам, не в духе учения Эпикура, перерезавши себе горло. Одни хотят видеть в его поступке безумие, другие — результат необдуманности. А между тем этот счастливец, умирая в полном сознании своей правоты, дал в свою пользу показание. Он отозвался с похвалой о спокойной жизни, проведенной как бы в гавани и на якоре, произнеся слова, которые вам неприятно было бы слышать, как призыв к подражанию. Вот они: «Жизнь моя кончена: путь, судьбою мне данный, прошел я» ¹⁴.

Вы разглагольствуете о жизни одного и о смерти другого, и при имени великих какой-нибудь выдающейся заслугой мужей вы лаете, как маленькие собачонки при встрече с незнакомыми людьми. Вы заинтересованы в том, чтобы никто не слыл благородным человеком, так как чужая добродетель служит вам укором за ваши погрешности. Вы невольно сопоставляете нравственную чистоту мудрецов со своей грязной жизнью, не понимая, с каким ущербом для себя вы это делаете. Ведь если ревнители добродетели скупы, похотливы и честолюбивы, то что же в таком случае вы, которым ненавистно даже название добродетели? Вы

заявляете, что никто не поступает так, как говорит, и не руководствуется в жизни своими речами. Что же тут удивительного, когда они проповедуют духовную мощь, величие и торжество над всеми невзгодами человеческой жизни, когда они стараются освободиться от тех крестов, к которым каждый из нас собственноручно себя пригвождает? Но подвергаемый казни преступник висит, по крайней мере, на одном кресте, тогда как люди, добровольно казнящие себя, распинаются на стольких крестах, сколько страстей терзает их душу, а так как они к тому же злоречивы, то и изощряют свое остроумие в поношении других. Я считал бы возможным оставить их в покое, если бы некоторые из них со своих крестов не оплевывали зрителей ¹⁵.

XX

Если философы и не поступают всегда так, как говорят, то все-таки они приносят большую пользу тем, что они рассуждают, что они намечают нравственные идеалы. А если бы они и действовали согласно своим речам, то никто не был бы счастливее их. Но и так нельзя относиться с пренебрежением к благородным словам и к людям, воодушевленным благородными помыслами. Занятие полезными научными вопросами похвально, даже если бы оно не сопровождалось существенным результатом. Что удивительного в том, что, задумавши подняться на такую высоту, они не достигают вершины? Если ты истинный муж ¹⁶, то ты должен уважать людей, решающихся на великие дела, даже в случае их падения. Благородно поступает тот, кто, считаясь не с собственными силами, а с силами человеческой природы, ставит себе высокие цели, старается их достигнуть и мечтает о столь великих идеалах, что воплощение их в жизнь оказывается трудным даже для людей, обладающих недюжинными дарованиями. Вот какие цели он может поставить себе: «При виде смерти и при известии о ней я буду сохранять одинаково спокойное выражение лица ¹⁷; я буду переносить тяжелые испытания, каковы бы они ни были, подкрепляя телесные силы духовными; я буду презирать богатство независимо от того, будет ли оно у меня или нет; я не стану печальнее, если оно будет принадлежать другому, и более гордым, если оно будет окружать меня своим блеском; я буду равнодушен к судьбе, будет ли она жаловать меня или карать; на все земли я буду смотреть как на свои, а на свои — как на всеобщее достояние; я буду жить в убеждении, что я родился для других, и буду за это благодарен природе, так как она не могла позаботиться лучше о моих интересах: меня одного она подарила всем, а всех — мне одному. Все свое имущество я не буду скарредно беречь и расточительно тратить, признавая наиболее прочной для себя собственностью то, что я удачно подарю другому. Оказывая благодеяния, я буду принимать в расчет не число и вес, а только достоинство получателя. Никогда в моих глазах не будет слишком большим то пособие, которое получит

достойный. Я ничего не буду делать для славы, а всегда буду поступать по совести. Мое поведение, хотя бы я оставался наедине, будет таково, что на него мог бы смотреть народ. Целью еды и питья будет служить мне удовлетворение естественных потребностей, а не наполнение и опораживание желудка. Я буду любезен в обращении с друзьями, кроток и уступчив в отношении врагов, оказывая милость раньше, чем услышу мольбу, и предупреждая честные просьбы. Я буду помнить, что моя родина — весь мир, что во главе его стоят боги и что эти строгие судьи моих деяний и слов находятся надо мной и около меня. А когда природа потребует, чтобы я возвратил ей свою жизнь, или я сделал это по требованию своего разума, я уйду, засвидетельствовав, что я дорожил чистой совестью и стремился к добру, что ничья свобода, и прежде всего моя собственная, по моей вине не была ограничена»¹⁸.

XXI

Кто наметит себе такие цели и будет не только желать, но и стараться достигнуть их, тому путеводителями будут боги, и, хотя он не достигнет полного успеха, все-таки он в предприятие великом крушенье потерпит¹⁹. А вы, ненавидящие добродетель и ее почитателя, поступаете самым шаблонным образом. Ведь и больные глаза страшатся солнца, и ночные животные чувствуют отвращение к сиянию дня: ослепленные первыми лучами света, они, боясь его, устремляются отовсюду в свои потайные норы и скрываются в каких-нибудь щелях. Начинайте же травлю, изощряйте свой проклятый язык, понося благородных людей; орите, кусайтесь, хотя вы гораздо скорее поломаете себе зубы, чем последние успеют уязвить их. «Почему этот любитель философии,— спрашиваете вы,— живет таким богачом? Почему он отзывается с презрением о богатстве и, несмотря на это, владеет им? Почему он проповедует презрение к жизни и тем не менее остается в живых? Почему он советует презирать здоровье, а сам усерднейшим образом бережет его, предпочитая быть вполне здоровым? Да и изгнание он считает пустым звуком, говоря: «Что за беда переехать из одной страны в другую?», и тем не менее по мере возможности желает состариться на родине. Он заявляет, что нет никакой значительной разницы между долголетним и кратковременным существованием, однако в случае отсутствия препятствий старается продлить свою жизнь и в преклонном возрасте преспокойно сохраняет бодрость сил». — На это я отвечаю: «Говоря, что все эти преимущества следует презирать, он высказывается отрицательно не о самом обладании ими, а только о беспокойном обладании: он принципиально не отрекается от них, а только равнодушно относится к их потере, если последняя наступает. Да и, в самом деле, где безопаснее будет судьбе поместить богатство, как не там, откуда он может потребовать его обратно, не вызывая этим ропота со стороны лица,

возвращающего его? Когда Марк Катон ²⁰ восхвалял Курия с Корунканием ²¹ и тот век, когда ничтожное количество серебра давало повод к замечанию цензоров, у него самого было 40 миллионов сестерциев ²², меньше, несомненно, чем у Красса ²³, однако больше, чем было у Катона Цензория ²⁴.

Если сравнить обоих Катонов, то Катон Младший в большей степени превосходил богатством своего прадеда, чем сам он уступал Крассу. Если бы ему достались еще большие средства, то он не отказался бы от них, так как мудрец не считает себя недостойным случайных милостей судьбы. Он не любит богатства, но предпочитает его бедности; он не открывает перед ним своего сердца, но впускает его в свой дом; он не отрекается от имеющегося у него богатства, но удерживает его, желая предоставить большие средства в распоряжение добродетели.

XXII

А разве можно сомневаться, что в богатстве мудрец находит больше средств к духовному развитию, чем в бедности, где вся добродетель заключается в сохранении непреклонности и бодрости, тогда как богатство открывает обширное поприще для воздержания, щедрости, аккуратности, распорядительности, великолепия. Мудрец не станет смотреть на себя с презрением, хотя бы он был крошечного роста; однако ему было бы приятнее быть высоким и стройным; точно так же, несмотря на тщедушие и потерю одного глаза, он будет чувствовать себя здоровым; тем не менее он предпочел бы быть силачом. При этом он не будет забывать, что сосредоточенная в нем духовная сила значит больше, чем физические качества. Со слабым здоровьем он будет мириться, желательным же будет признавать цветущее. Хотя некоторые преимущества в сущности незначительны и потеря их не может отразиться губительно на высшем благе, однако они отчасти содействуют той постоянной веселости, которая порождается добродетелью. Богатство так настраивает и развеселяет мудреца, как моряка радует попутный ветер, как приятны хорошая погода и во время зимней стужи солнцепек. Далее, кто из мудрецов, я разумею стойков, считающих добродетель единственным благом, станет отрицать, что даже так называемые безразличные предметы заключают в себе некоторую ценность и что одни из них заслуживают предпочтения перед другими.

Одним из них придается некоторое значение, другим — большое. Во избежание ошибок прими к сведению, что богатство принадлежит к предпочтительным предметам. Ты скажешь: «За чем же ты издеваешься надо мной, когда богатство играет у тебя такую же роль, как и у меня?» — Хочешь знать, отвечу я, какая разница в наших отношениях к нему? Если у меня пропадет богатство, моя потеря ограничится только им; если же ты лишишься его, то ты не сможешь прийти в себя, чувствуя, что

в твоём существе образовалась пустота; в моих глазах богатство имеет некоторое значение, в твоих — величественное; я — господин богатства, ты же — его раб.

XXIII

Перестань же требовать от философов безденежья, так как никто не обрекал мудрости на бедность. Философ может иметь большие материальные средства, но они ни у кого не отняты и не обгарены чужой кровью; он приобрел их, никого не обижая и не прибегая к грязной наживе; расходование их так же честно, как и поступление, и никто, кроме завистников, не станет по ним вздыхать. Как бы ты их ни увеличивал, они останутся безупречными: в них, правда, много таких драгоценностей, на которые всякий зарится, но никто не мог бы найти в их составе моей собственности. Не отказываясь от щедрот судьбы, мудрец не будет гордиться честно приобретенным именем и не будет его стыдиться. Впрочем, у него будет повод к гордости, если он, открывши свой дом и допустивши к своему добру сограждан, сможет сказать: «Пусть каждый возьмет то, в чем он признает свою собственность!» Каким великим человеком, каким богачом в лучшем смысле этого слова он будет, если после этого у него останется столь же большое имущество! Я хочу сказать: если он без риска и спокойно разрешит народу произвести у себя обыск, если никто не найдет у него предмета, на который можно было бы изъять притязание, он вправе смело и открыто признавать себя богачом. Мудрец не пустит к себе в дом ни одного денария ²⁵ нечистого происхождения, но он не отвергнет богатства, являющегося даром судьбы и плодом добродетели, и не закроет перед ним своей двери. Да и на каком основании он мог бы отказать ему в удобном помещении? Пусть оно пожелает погостить у него! Он не будет хвастать им, но и не будет скрывать его: первое свидетельствовало бы о скудоумии, а второе — о робости и мелочности человека, воображающего, что он хранит в кармане невесту какое добро. Мудрец, как я сказал, не вышвырнет богатства из своего дома. В противном случае ему пришлось бы сказать, что богатство бесполезно или что он не умеет им пользоваться. Как даже в случае возможности совершать путь пешком он все-таки предпочтет ехать в экипаже, так, несмотря на примирение с бедностью, он охотно согласится быть богатым, если это окажется для него достижимым. Он будет владеть богатством, считая его маловажным и мимолетным достоянием и не позволяя, чтобы оно причиняло вред кому-нибудь другому или ему самому. Он будет дарить... Чай, наострили уже уши? Держите карман пошире! Он будет дарить хорошим людям или тем, которых сможет сделать таковыми. Он будет дарить с величайшей осмотрительностью, выбирая наиболее достойных, так как он помнит о необходимости отдавать себе отчет как в расходах, так и в доходах. Он будет дарить по вполне уважительным

соображениям, потому что неудачный дар принадлежит к числу постыдных потерь. Его карман будет доступен, но не дыряв: из него много выйдет, но ничего не выпадет.

XXIV

Ошибается тот, кто предполагает, что дарить легко. Это крайне трудная задача, если только человек благотворит планомерно, а не сорит деньгами без разбора и по прихоти. Одного я задобриваю, другому возвращаю долг; одного я выручаю, другому даю из сострадания. Этому я оказываю помощь, так как он заслуживает того, чтобы его спасти от разорения и бедности. Некоторым я не дам, хотя бы они терпели нужду, потому что последняя не прекратится, несмотря на мое вспомоществование; одним я предложу пособие, а другим даже навяжу его. Я не могу быть в этом отношении небрежным: ведь никогда я не выдаю больше ссуд, чем в то время, когда я дарю.— «Как? ты,— говорит мой противник,— даришь с тем, чтобы получить обратно?» — Совсем нет! но с тем, чтобы не потерять. Мы должны дарить таким людям, которые были бы в состоянии возвратить полученное, хотя этого и не следует от них требовать. Пусть благоденствие уподобляется глубоко зарытому кладу, который можно достать в случае крайней необходимости. А какое обширное поприще представляет для благотворительности самый дом богатого человека! Кто, в самом деле, станет распространять свою щедрость только на римских граждан? Природа повелевает мне принести пользу людям, а рабы ли они или свободные, благородного ли происхождения или вольноотпущенники, дарована ли им свобода с соблюдением надлежащих формальностей или упрощенным способом, в присутствии друзей,— совершенно безразлично. Случай благотворительности представляется везде, где только есть человек. Мудрец может раздавать деньги даже в стенах своего дома, проявляя щедрость, которая называется *liberalitas* не потому, что на нее имеют право свободные люди, а потому, что она исходит из свободного сердца. Мудрец никогда не навязывает своих щедрот порочным и недостойным людям, но, с другой стороны, милосердие его, никогда не истощаясь, бьет полным ключом всякий раз, как найдется достойный его человек.

Так вот потрудитесь не извращать смысла тех честных, мужественных и воодушевленных речей, которые произносят любители мудрости, и прежде всего поймите, что стремление к мудрости — это одно, а обладание ею — другое. Стремящийся к мудрости скажет тебе: «Я отлично рассуждаю, но до сих пор утопаю в бездне пороков. Не суди меня по провозглашенным мною правилам, когда я с особым рвением занимаюсь своим личным усовершенствованием, имея в виду возвышенный идеал. Если же я достигну намеченной цели, требуй, чтобы мои поступки соответствовали моим речам». Мудрец же, достигший

высшего человеческого блага, иначе будет рассуждать с тобой. Он скажет: «Прежде всего ты не должен позволять себе криковать тех, которые лучше тебя: мне уже посчастливилось быть на плохом счету у дурных людей, а это доказательство моей правоты. Но все-таки я готов дать тебе отчет, в котором никому из смертных не отказываю. Выслушай же, как я смотрю на вещи и какую цену я им придаю. Я не считаю богатства благом; будь оно таковым, оно облагораживало бы людей. В действительности же так как то, что находится у дурных, не может именоваться благом, то я и не даю богатству этого названия; впрочем, я признаю, что обладание им допустимо и что оно полезно, представляя в жизни большие преимущества.

XXV

Что же это значит? Так как мы согласны в том, что обладание богатством допустимо, то выслушайте, почему я не причисляю его к благам и чем отличается мое отношение к нему от вашего.

Посели меня в богатейшем доме, где золото и серебро в обыкновенном употреблении, — все же я не стану зазнаваться из-за обстановки, принадлежащей, правда, мне, но чуждой моему внутреннему существу. Отведи меня на Свайный мост ²⁶ и поставь среди нищих — все-таки я не буду презирать себя из-за пребывания в обществе людей, протягивающих руку за милостыней, так как не иметь куска хлеба — сущий пустяк для того, кто не лишен возможности умереть. Но тем не менее я предпочитаю великолепный дом упомянутому мосту.

Помести меня на чудных коврах ²⁷, среди роскошной обстановки — все же я отнюдь не буду счастливее в своих глазах оттого, что у меня будет мягкий плащ и что мои гости будут возлежать на пурпуровых тканях. Лиши меня этого великолепия — я несколько не стану несчастнее, если моя усталая голова будет покоиться на пучке сена, если буду лежать на старой, плохо заштопанной подушке, вроде тех, что в цирке, из которой вываливается набивка. Но тем не менее я предпочитаю выказывать свою духовную мощь, нося тогу с пурпуровой каймой и плащ ²⁸, а не с обнаженными или полуприкрытыми плечами ²⁹.

Пусть ежедневно все исполняется по моему желанию, пусть за прежними благодарственными празднествами следуют все новые — все же это не вызовет во мне чувства самодовольства. Замени эти благоприятные обстоятельства противоположными. Пусть со всех сторон бушуют мою душу потери, печаль и различные невзгоды, пусть вообще ни один день не проходит у меня без какого-нибудь огорчения — все-таки я не стану из-за этого считать себя несчастным среди величайших бед, не стану проклинать ни одного дня, так как мною приняты меры к тому, чтобы ни один день не был для меня горестным. Но тем не менее я предпочитаю сдерживать порывы радости, чем подавлять в себе чувство горести.

Вот что скажет тебе великий Сократ: «Сделай меня победителем всех народов. Пусть роскошная колесница Вакха везет меня, как триумфатора, с востока до самых Фив. Пусть персидские цари ждут от меня решения своей участи — все же я тогда буду больше всего думать о том, что я человек, когда отовсюду меня будут приветствовать, как Бога ³⁰. Допусти внезапную перемену этого достигшего головокружительной высоты счастья. Пусть меня поставят на чужие носилки для украшения торжественного шествия гордого и грубого победителя — сопровождающую колесницу, я так же мало буду чувствовать себя униженным, как тогда, когда я стоял на своей собственной». Но тем не менее я предпочитаю одержать победу, чем попасться в плен.

Я буду смотреть с презрением на все царство судьбы, но, если мне будет предоставлено право выбора, я возьму себе то, что помягче ³¹. Все, что достанется мне, окажется хорошим; но я предпочитаю более легкое, более приятное и менее мучительное на практике. Нельзя, конечно, представить себе добродетели без труда, но одни добродетели нуждаются в поощрении, а другие — в обуздывании. Как спускающемуся с возвышенности приходится сдерживать себя, а поднимающемуся — подталкивать, так и добродетели бывают частью нисходящими, частью восходящими. Разве подлежит сомнению, что терпение, мужество, стойкость и вообще всякая добродетель, преодолевающая трудности и покоряющая судьбу, требует от человека подъема, усилия, борьбы? С другой стороны, разве не столь же очевидно, что щедрость, умеренность и кротость имеют перед собой, так сказать, покаты́й путь? Здесь нужно сдерживать увлечение души, чтобы она не поскользнулась, а в первом случае мы приободряем и подстрекаем. Итак, в бедности мы будем проявлять самые пылкие добродетели, которым препятствия придают еще больше силы, а для богатства прибережем расчетливые, отличающиеся осторожностью и уравновешенностью.

XXVI

Ввиду означенного деления добродетелей, я более склонен располагать теми из них, применение которых спокойнее, чем теми, коих осуществление стоит крови и пота. «Следовательно, я,— замечает мудрец,— живу так, как говорю, но вы неправильно меня понимаете. До вашего слуха доходит только звук моих слов, в смысл же их не вникаете». — «Какая же разница,— возражает противник,— между мною, глупцом, и тобою, мудрецом, если каждый из нас желает быть богатым?» — Весьма существенная. У мудреца богатство играет служебную роль, а у глупца — господствующую; мудрец несколько не поддается влиянию богатства, для вас же богатство составляет все. Вы привыкаете и привязываетесь к нему, как будто кто-нибудь обещал вам вечное владение им, мудрец же тогда больше всего думает о бедности, когда его окружает богатство. Ведь и полководец никогда так

слепо не полагается на мир, чтобы не готовиться к войне, считая ее объявленной даже в мирное время. Вас пленяет красивый дом, как будто они вне всякой опасности и слишком велики для того, чтобы у судьбы хватило сил истребить их. Вы безмятежно забавляетесь богатством, не предвидя угрожающей ему опасности,— так не раз подвергающиеся блокаде варвары, будучи незнакомы с военными орудиями, беспечно смотрят на осадные работы, не понимая цели возводимых вдали сооружений. То же самое происходит с вами: вы живете праздно среди своих сокровищ, не думая о тех многочисленных отовсюду угрожающих несчастных случаях, жертвой которых каждую минуту может сделаться эта богатая добыча. Если же отнять богатство у мудреца, то у него останется вся его собственность, так как он живет, довольствуясь настоящим и не заботясь о будущем. Сократ или другой мудрец, имеющий такое же право восставать против условностей человеческой жизни и отличающийся такой же силой духа, скажет: «Я ни в чем так глубоко не убежден, как в том, что я не должен приравнивать своего поведения к вашим взглядам. Осыпайте меня со всех сторон своими обычными упреками — я буду считать их не поношением, а жалким ребяческим лепетом». Вот что скажет достигший мудрости человек, которому нравственная безупречность дает право хулить других не из ненависти к ним, а в видах исцеления. К этому он присовокупит: «Я тревожусь вашим мнением, имея в виду не себя, а вас, потому что проявлять ненависть к добродетели ³² и порицать ее — значит отказаться от надежды на исправление. Вы меня ничуть не обижаете, как и богов не оскорбляют люди, разрушающие их жертвенники, но злой умысел и злая воля усматриваются даже там, где они не могут причинить вреда. Я отношусь к вашим бредням так, как всеблагий и всемогущий Юпитер — к нелепым вымыслам поэтов, из которых один наделяет его крыльями, другой — рогами; этот изображает его прелюбодеем и ночным гулякой, тот — грозой богов, иной — притеснителем людей, а если послушать других поэтов, то он и похититель благородных отроков ³³, своих же родственников, и отцеубийца, и завоеватель чужого, и притом отцовского, царства. Этими измышлениями достигнуто лишь то, что люди потеряли бы стыд перед грехом, если бы они поверили, что боги столь порочны. Но хотя ваши наветы меня совсем не оскорбляют, однако в ваших же интересах я позволяю себе дать вам совет: относитесь с уважением к добродетели. Верьте тем, которые уже давно стремятся к ней и утверждают, что предметом их стремлений служит великая возрастающая с каждым днем сила. Почитайте ее самое наравне с божествами, а последователей ее наравне с жрецами и при всяком упоминании ее священного имени в философских рассуждениях храните благоговейное молчание». Выражением «*favete linguis*» ³⁴ не испрашивается, как думает большинство, одобрение слушателей, а предписывается молчание, чтобы священнодействие могло совершиться надлежащим образом, не будучи нарушаемо ни одним зловещим словом.

Но еще гораздо более необходимо требовать молчания от вас, чтобы вы с глубоким вниманием выслушивали всякое изречение этого оракула ³⁵. Когда какой-нибудь обманщик, потрясая систром ³⁶, по долгу службы рассказывает вам небылицы; когда какой-нибудь мастер делает себе порезы на мышцах, слегка ранит до крови свои руки и плечи; когда зазывает какой-нибудь юродивый, ползая на коленях по улице; когда старец в полотняной одежде, держа перед собой лавровую ветвь и светоч среди белого дня, восклицает, что какой-нибудь Бог разгневался,— вы сбегаетесь, слушаете и, заражая друг друга иступлением, утверждаете, что такой человек вдохновлен свыше. Так вот к вам обращается Сократ из той темницы, которую он очистил своим пребыванием и окружил таким почетом, каким не пользуется курия ³⁷. Он взывает к вам: «Что это за безумие? Что это за враждебная богам и людям страсть поносить добродетели и оскорблять святых кошунственными речами? Если можете, восхваляйте хороших людей; в противном случае уходите прочь! А если уж вам хочется так гнусно буйствовать, журите друг друга. Когда же вы безумно восстаете против неба, вы, я не говорю — совершаете святотатство, нет! вы только напрасно себя утруждаете. Некогда я дал Аристофану ³⁸ повод к насмешкам: тогда весь сонм комических поэтов стал осыпать меня своими ядовитыми остротами. Но вот моя добродетель прославилась, как раз благодаря тем нападкам, которым она подверглась, так как ей полезно быть на виду и подвергаться испытаниям, и никто не имеет лучшего представления о ее величии, чем тот, кто в борьбе с нею почувствовал ее силу. Так твердость камня лучше всего известна тем, которые его разбивают. Я выдерживаю ваши удары, как скала, одиноко возвышающаяся над поверхностью изобилующего мелями моря, о которую беспрестанно разбиваются налетающие со всех сторон волны, не будучи в состоянии ни сдвинуть ее с места, ни разрушить, несмотря на частый прибой в течение столь многих веков. Подступайте же, нападайте. Благодаря своей выносливости, я одержу над вами верх. Кто нападает на неприступную твердыню, тот только во вред себе употребляет свои силы. Поэтому постарайтесь найти себе какую-нибудь мягкую и податливую мишень, в которую могли бы вонзаться ваши стрелы. Охота вам доискиваться чужих пороков и судить других? «Почему этот философ,— спрашиваете вы,— живет на большую ногу, почему он задает такие роскошные пиры?» — Будучи покрыты множеством чирьев, вы замечаете чужие прыщики. Это производит такое впечатление, как если бы страдающий отвратительной коростой стал смеяться над родинкой или бородавкой на прекрасном теле. Упрекайте Платона в том, что он требовал денег, Аристотеля — что он их принимал, Демокрита — что он пренебрегал ими, Эпикура — что он их тратил, а меня лично

укоряйте за нравственную неустойчивость Алквиада и Федра ³⁹. О, как счастливы были бы вы в действительности, если бы только вам удалось подражать нашим порокам! Оглянитесь же лучше на свои собственные недостатки, которые терзают вас отовсюду, частью приставши к вам с внешней стороны, частью отзываясь жгучей болью в самом сердце. Жизнь человеческая не так устроена, чтобы вы, несмотря на плохую осведомленность о своем положении, имели достаточно времени изощрять свой язык в поношении лучших людей.

XXVIII

Но вы этого не понимаете, да и выражение лица у вас не соответствует вашему положению. Так бывает часто с людьми, у которых дом в трауре, а они сидят в цирке или театре, не зная о своем несчастье. Но, глядя вдаль с высоты, я вижу, какая гроза или надвигается на вас и разразится немного позже, или настолько приблизилась, что готова уничтожить вас и ваше достоинство. Да и теперь, хотя вы смутно представляете себе это, разве не кружит вас бешено какой-то вихрь, вселяя в вас отвращение и стремление к одним и тем же предметам и то поднимая вас высоко вверх, то низвергая в бездну?.. (*Конец потерян.*)

О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ

III

...Я же, с чем согласны и все историки, всецело принимаю природу вещей; мудрость заключается в том, чтобы не уклоняться от нее и приравниваться к ее законам и примерам. Следовательно, счастливой является жизнь, согласная с природой; ее можно достигнуть не иначе, как если имеется, прежде всего, здоровый, и притом постоянно здоровый, дух, затем, если этот дух крепок и силен, далее, прекрасен и терпелив, приспособлен ко всем обстоятельствам, если он заботится, однако, не причиняя беспокойства, о своем теле и о всем, что к телу относится, если он внимателен к другим вещам, которые устраивают жизнь, но без какого-либо восхищения ими, если он пользуется дарами судьбы, не будучи их рабом. Ты поймешь, даже если я и не прибавлю ничего, что отсюда следует постоянное спокойствие и свобода, так как мы отбросили от себя то, что или раздражает нас, или устрашает. Ибо вместо сладострастия и этих ничтожных, переходящих и в своих мерзостях вредных наслаждений приходит радость великая, несмущенная, всегда ровная, затем — мир и согласие и, наконец, величие и кротость, ибо всякая жестокость происходит от бессилия.

IV

Благо, с нашей точки зрения, может быть определено еще иначе, то есть оно может быть понято в том же смысле, не будучи изложено теми же словами. Подобно тому как войско иногда простирается вширь, иногда тесно сжимается, или, изогнувшись в центре, загибает фланги, или вытягивается прямым фронтом и, однако, каков бы ни был строй, всегда имеет одну и ту же силу и волю, чтобы стоять на своем, — подобно этому определение высшего блага может быть иногда обширным и пространным, а иногда сокращенным и сосредоточенным в себе. Итак, все равно, если я скажу: высшее благо заключается в душе, презирающей случайные блага и довольной добродетелью, или: благо есть непобедимая сила души, опытная в делах, спокойная в действии, с большим человеколюбием и заботливостью к ближним. Мне хочется определить его еще так: счастлив человек, для которого добро и зло существуют лишь как добрая и злая душа,

кто упражняется в честности, кто довольствуется добродетелью, кого случайность не превознесет и не обессилит, кто не знает другого счастья, кроме того, какое он сам себе может создать, для кого истинным наслаждением будет презрение к чувственному наслаждению. Можно, если ты хочешь пространных описаний, это же передать еще в иной и иной форме, сохранив и не повредив существа; ибо кто нам мешает сказать, что блаженную жизнь создает дух свободный, высокий, неустрашимый, непоколебимый, дух без всякого страха и без страстного желания, для которого единственное благо — честь, единственное зло — бесчестье. Все прочее — куча презренных вещей, не отнимающих ничего от блаженной жизни и ничего к ней не прибавляющих, приходящих и уходящих без пользы и вреда для высшего блага. Человек, установивший жизнь на таком основании, необходимо, хочет он или нет, унаследует постоянную веселость, а также высшую и свыше приходящую радость, так как он радуется только тому, что свойственно ему самому, и не стремится ни к чему, что вне его. Отчего же с успехом не противопоставить на весах все это мелким, легкомысленным и непостоянным движениям тела? В тот день, когда человек будет господствовать над чувственным наслаждением, он будет господствовать и над печалью.

VIII

...Природа должна быть нашим руководителем; разум следует ей и советует нам это. Следовательно, жить счастливо — одно и то же, что жить согласно с природой. Что это значит, я тебе сейчас изложу: старательно и без робости сохранять телесные блага и то, что свойственно нашей природе, но как нечто преходящее и данное нам на день; не раболепствовать перед чужим благом и не позволять ему господствовать над ними; рассматривать то, что нравится телу и приходит извне, как в армии рассматриваются союзники (*auxilia*) и легкие войска (*armaturae leves*).

Пусть все эти вещи служат, а не властвуют, только в этом случае они полезны духу. Пусть не развращают и не преодолевают человека внешне предметы, пусть восхищается он только собой, отважный в душе, готовый к счастью и несчастью, строитель собственной жизни. Пусть уверенность его не будет лишена знания и знание не будет лишено твердости; пусть держится он того, что ему однажды понравилось, и пусть в решениях его не будет никаких поправок. Понятно, если я даже ничего не прибавлю, что такой человек будет тихим и спокойным и в своих делах ласковым и великим. Истинный разум будет у него прививкой чувств (*sensibus insita*); от чувств берет разум свое начало, ибо он не имеет ничего другого, на что бы опереться и откуда бы проникнуть к истинному и в себя возвратиться. Действительно, также и всеобъемлющий мир, этот бог — управитель вселенной,

простирается к внешним предметам и, однако, отовсюду вполне в себя возвращается. Пусть и наш дух поступает так же, когда соответственно свойственным ему чувствам и посредством их он распространится на внешние предметы, пусть будет он господствовать и над ними, и над собой, пусть покорит он, так сказать, высшее благо. Отсюда произойдет в нем единство силы и власти в гармонии с самим собой, отсюда родится истинный разум, уверенный и непоколебимый в своих мнениях и представлениях, так же, как и в своих убеждениях. Такой разум, когда он надлежащим образом расположен, согласован во всех частях и, так сказать, гармоничен, достигает высшего блага.

САТИРА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ

Хочется мне поведать о том, что свершилось на небесах за три дня до октябрьских ид¹, в новый год, в начале благодатнейшего века. Ни обиды, ни лести никакой я не допущу. Это — правда. Спросите меня, откуда я все это знаю, так прежде всего, коль я не захочу,— не отвечу. Кто может меня заставить?

Я знаю, что получил свободу с того самого дня, как преставился тот, на ком оправдалась поговорка: «Родись либо царем, либо дураком». А захочется мне ответить — скажу, что придет в голову. Когда это видано, чтобы приводили к присяге историка? А уж если надо будет на кого сослаться, так спросите у того, кто видел, как уходила на небеса Друзилла; он-то вам и расскажет, что видел, как отправлялся в путь Клавдий, «шагами нетвердыми идя». Хочет не хочет, а уж придется ему видеть, что свершается на небесах: он ведь смотритель Аппиевой дороги, а по ней, сам знаешь, отправлялись к богам и Божественный Август, и Тиберий Цезарь. Спроси ты его с глазу на глаз — он тебе все расскажет; при всех — ни словом не обмолвится. Ведь с тех пор как присягнул он в сенате, что своими глазами видел, как возносилась на небо Друзилла, и такому его благоговещанию никто не поверил, он торжественно зарекся ни о чем не доносить, пускай хоть на самой середине рынка убьют при нем человека. Так вот, что я от него слышал, то слово в слово и передаю, пусть он будет здоров и счастлив.

Феб уже путь сократил от восхода тогда до заката
Солнца, и темного сна длиннее часы выростали;
Победоносно свое умножала Кинфия царство,
И обрывала зима безобразная сладкие яства
Осени пышной уже, и у Вакха, впадавшего в дряхлость,
Редкие гроздя срывал запоздалый тогда виноградарь.

Проще, пожалуй, сказать: был октябрь месяц и три дня оставалось до октябрьских ид. Который был час, этого точно тебе не скажу: легче примирить друг с другом философов, чем часы; впрочем, случилось это так часу в шестом, в седьмом. «Экая деревенщина! — говоришь ты.— Все поэты не то что восходы и закаты описывают, а и самого полудня не оставляют в покое, а ты пренебрегаешь таким добрым часом!»

Уж половину пути отмерил Феб колесницей;
К ночи склоняясь, рукой сотрясал он усталую вожжи,
И по наклонной стезе низводил он закатное солнце.

Клавдий был уже при последнем издыхании, а скончаться никак не мог. Тогда Меркурий, который всегда наслаждался его талантом, отвел в сторонку одну из парок и говорит ей: «До каких же это пор, зловредная ты женщина, будет у тебя корчиться этот несчастный? Неужто не будет конца его мукам? Вот уже шестьдесят четвертый год, что он задыхается. Что за зуб у тебя на него и на государство? Дай ты в кои-то веки не соврать звездочетам: с тех пор как он стал править, они что ни год, что ни месяц его хоронят. Впрочем, удивительного нет, коль они ошибаются, и никто не знает, когда наступит его час: всегда его считали безродным. Делай свое дело:

Смерти предай; во дворце пусть лучший царит опустелом».

«А я-то,— говорит Клото,— хотела ему малость надбавить веку, чтобы успел он и остальным, которые все наперечет, пожаловать гражданство. (А он ведь решил увидеть в тогах ² всех — и греков, и галлов, и испанцев, и британцев.) Но если уж угодно будет хоть несколько иноземцев оставить на племя и ты приказываешь, так будь по-твоему». Тут открывает она ящичек и достает три веретенца: одно — Авгурина, другое — Бабы и третье — Клавдия. «Вот этим троим,— говорит она,— я прикажу в этом году умереть одному за другим и не отпущу его без свиты: невместно тому, кто привык видеть столько тысяч людей и за собой, и перед собой, и около себя, остаться вдруг одному. Покамест довольно с него и этих приятелей».

«Молвила это она и, смотав свою гнусную пряжу,
Жизни дурацкой царя наконец оборвала течение.
А уж Лахеса, собрав волоса, украсивши кудри
И пизрийским чело и локоны лавром венчая,
Светлую прясть начала из руна белоснежного нитку.
И под счастливой рукой потянулась из этой кудели
С новой окраскою нить. Изумляются сестры работе:
Обыкновенная шерсть дорогим отливает металлом
И золотые века нисходят по нитке прекрасной.
Нет их усердью конца: сучат благодатную пряжу,
Пригоршни полня себе и работе радуясь, сестры.
Спорится дело само, и без всяких при этом усилий
Мягкая сходит у них с веретен крутящихся нитка;
Годы Тифона уже побеждают и Нестора годы.
Пением тешит их Феб и, грядущему радуясь живо,
То прикоснется к струнам, то работе сестер помогает.
Пенью внимают они и тягость труда забывают.
И, увлекаясь игрой на кифаре и братнею песней,
Больше, чем надо, они напряли руками: людскую
Долю похвальный их труд миновал. «Не скупитесь, парки,—
Феб говорит им,— пусть срок побеждает, положенный
смертным,

Тот, кто подобен лицом, кто подобен мне красотою,
Не уступающий мне поэт и певец. Благодатный
Век он измученным даст и законов молчанье нарушит.
Как Светоносец, когда разгоняет бегущие звезды,

Или как Геспер, восход вечерних звезд предвывая,
Иль как в румяной Заре, рассеявшей тени ночные
И зарождающей день, появляется яркое Солнце,
Мир озаряя и в путь из ворот выводя колесницу, —
Так должен Цезарь взойти, таким увидит Нерона
Скоро весь Рим. Его лик озаряет все отсветом ярким,
И заливают волна кудрей его светлую выпю».

Это Аполлон. А Лакхеса, которая и сама увлеклась этим исключительным красавцем, напряла полные пригоршни и дарует от себя многие лета Нерону. Клавдию же все приказывают убираться

Из дома подобру и поздорову вон ?.

И тут испустил он дух и перестал притворяться живым. А умер он, слушая комедиантов. Поэтому, видишь ли, я и побаиваюсь их. Вот последние слова его, какие слышали люди и которые он произнес, издав громкий звук той частью, какой ему легче было говорить: «Ай, я, кажется, себя обгадил!» — Так ли это было, не ручаюсь, но что он все обгадил, это верно. Рассказывать о том, что случилось после этого на земле, не стоит. Все это вы прекрасно знаете, и нечего бояться, что позабудется событие, вызвавшее общую радость: своего счастья не забыть никому. Слушайте, что свершилось на небесах. За верность отвечает мой осведомитель. Доклаживают Юпитеру, что явился какой-то большого роста и совсем седой; грозитесь он, видно: все головой трясет, правую ногу волочит. Спросили у него, откуда он родом, — пробурчал он что-то невнятное и несуразное; языка его не поймешь: это не по-гречески, не по-римски, да и не по-каковски. Тогда Юпитер приказывает пойти Геркулесу, который весь свет исходил и, надо думать, знает все народы, и выведать, что же это за человек. Взглянул на него Геркулес и прямо смутился, хоть и не пугался он никаких чудовищ. Как увидел он это невиданное обличье, ни на что не похожую поступь и услышал голос, какого нет ни у одного земного существа, а какой под стать одним морским чудищам, подумал он, что предстоит ему тринадцатый подвиг. Вгляделся попристальнее — видит, как будто и человек. И вот подошел он и говорит, как легче всего сказать греку:

Ты из людей-то каких? Кто родители? Сам ты откуда?

Обрадовался Клавдий, что нашлись здесь филологи, что есть надежда на местечко для его «Историй»⁴. И вот и сам, стихом из Гомера поясняя, что он Цезарь, говорит:

От Илиона принес меня ветер ко граду киконов.

А следующий-то стих был бы правдивее, тоже гомеровский:

Город я этот разрушил, и жителей всех истребил я.

И обманул бы он совсем нехитрого Геркулеса, не будь тут Лихорадки, которая, покинув свой храм, одна только и пришла

с ним; всех других богов он оставил в Риме. «Все его рассказы,— сказала она,— сущий вздор. Уверяю тебя (сколько лет мы с ним прожили вместе!), родился он в Лугдуне и перед тобою земляк Марка. Говорю я тебе: родился он у шестнадцатого милевого камня от Виенны и он чистейший галл. И, как и подобало галлу, он взял Рим ⁵. Ручаюсь тебе, что родился он в Лугдуне, где столько лет царил Лицин. И ты-то, исходивший больше земель, чем любой записной погонщик, ты должен знать, что от Ксанфа до Родана расстояние порядочное». Вспыхнул тут Клавдий и забормотал вне себя от злости. Что он говорил, никто не понимал, а он-то приказывал схватить Лихорадку и тем самым движением расслабленной руки, только на это и способной, каким снимал людские головы, приказал уже перерезать ей шею. Подумаешь, всё это отпущенники: никому и дела-то до него не было. «Послушай-ка,— говорит ему тогда Геркулес,— брось ты дурака валять. Ты ведь пришел туда, где мыши железо грызут. Сейчас же говори правду, а не то я ерунду твою выбью». А чтобы нагнать побольше страху, стал он в трагическую позу и начал:

Скорей поведай мне, откуда родом ты,
Не то дубиной сей тебя низвергну я;
Царей свирепых ею часто я сражал.
О чем бормочешь ты косноязычно здесь?
Кто породил и где трясучку-голову?
Скажи. Когда ходил я в царство дальнее
Царя тройного ⁶, с моря Гесперийского
Я гнал к Инаха граду стадо славное,
Я видел гору над двумя потоками,
Что видит Феб, вставая, пред собой всегда,—
Откуда Родан мощный устремляется
И Арар, что не знает, течь куда ему,
И, омывая берег, тихо плещется.
Земля не эта ли твоя кормилица?

Произнес он это довольно отважно и смело. Однако же было ему не очень по себе, и побаивался он *тумака от дурака*. А Клавдий, как увидел такого силача, позабыв свою дурь, понял, что если в Риме не было ему ровни, то здесь ему спуску не будет: петушись, петух, на своем навозе ⁷. И тут, насколько можно было понять, сказал он, видимо, вот что: «А я-то, Геркулес, храбрейший из богов, надеялся, что ты будешь предстательствовать за меня перед другими и что, если кто потребовал бы от меня поручителя, я могу назвать тебя, прекрасно меня знающего. Припомни: ведь это я у тебя, перед твоим храмом, судил целыми днями в июле и в августе. Тебе известно, как я там мучился, день и ночь слушая стряпчих; если бы ты им попался, каким ни кажись ты храбрецом, а предпочел бы чистить Авгиевы помойки: я гораздо больше твоего выгреб оттуда навозу. Но раз я хочу...» *

* Пропуск в тексте. Очевидно, в дальнейшем убежденный Клавдием Геркулес вступает за него, а боги обсуждают доводы Геркулеса.— *Пер.*

«...Неудивительно, что ты вломился в курию: для тебя нет никаких заповор. Скажи нам только, каким богом хочешь ты его сделать? *Эпикурейский бог* из него не выйдет; ведь такой бог *ни сам ни об чем не беспокоится, ни другим не причиняет беспокойства*. Стоический? Да как же ему быть «круглым», по словам Варрона, «без головы, без крайней плоти»? Но уж вижу, есть у него кое-что от стоического бога: нет у него ни сердца, ни головы. А попроси он, клянусь Геркулесом, этой милости у Сатурна, праздник которого он, сатурнальский владыка, справлял вместо месяца целый год, ничего бы он не получил; а уж от Юпитера, которого он при всяком удобном случае обвинял в кровосмешении, — и подавно. Ведь зятя своего Силана он казнил как раз за то, что тот свою сестру, самую соблазнительную из всех красавиц, которую все называли Венерой, предпочел назвать Юноной».

«Как же так, скажи на милость, собственную сестру?» — «Да пойми ты, глупец: в Афинах это дозволено наполовину⁸, а в Александрии и полностью». — «Так, значит, в Риме мыши муку лажут». — «И он-то будет у нас распорядиться? Не знает, что делать у себя в спальне, а уж «по небу всюду шарит он»? Богом хочет сделаться: мало ему храма в Британии, мало того, что ему поклоняются варвары и молятся, как богу, *о получении его дурацкой милости?*»

Но тут Юпитер, наконец, сообразил, что в присутствии посторонних лиц сенаторам не полагается ни выносить, ни обсуждать никаких решений. «Я, — сказал он, — господа сенаторы, дозволил вам задавать вопросы, а вы занимаетесь совершенною ерундой. Извольте соблюдать сенатский регламент, а то что подумает о нас этот, кто бы он ни был?»

Итак, Клавдия уводят и обращаются первым делом к отцу Янусу. Его только что назначили послеобеденным консулом на июльские календы. Человек он самый что ни на есть хитрый и всегда смотрит *«вперед и назад прозорливо»*. Как живший на форуме, говорил он много и ловко, но так, что секретарь не успевал записывать, а потому я, чтобы не исказить его слов, и не передаю всей его речи. Много говорил он о величии богов и о том, что не подобает столь великую честь оказывать кому попало. «В старину, говорит, стать богом было не шутка, а теперь, по вашей милости, это плевое дело. Поэтому, чтоб не подумали, будто я говорю из личной неприязни, а не по существу дела, я предлагаю отныне не допускать в боги никого из тех, кто *«воскормлен плодами земными»*, или из тех, кого питает *«кормилица земля»*. Те же, кто, вопреки этому постановлению сената, будет сделан, назван или изображен богом, да будут преданы лаврам и на первом же народном празднестве да будут выпороты вместе с гладиаторами-новобранцами».

Следующим опрашивается Диэспитер, сын Вики Поты, тоже назначенный консулом, мелкий маклер: жил он продажей бумажонок на право гражданства. К нему легонько подкрался Геркулес и тронул его за ухо. И мнение свое он высказал так:

«Поскольку Божественный Клавдий приходится кровным родственником Божественному Августу, а равно и бабке своей, Божественной Августе, каковую сам повелел произвести в богини; поскольку он превосходит всех смертных мудростью и поскольку для блага государства следует, чтобы был кто-либо могущий вместе с Ромулом «обжираться пареной репой», я предлагаю сделать Божественного Клавдия отныне богом, подобно всем, сделанным таковыми по точному смыслу закона, а событие это дополнительно внести в Овидиевы Превращения». Мнения разделились, но, видимо, решение склонялось в пользу Клавдия, ибо Геркулес, видя, что надо ковать железо, пока горячо, начал перебегать от одного к другому и всех подговаривать: «Не подводи, пожалуйста, меня, при случае я тебе отплачу чем угодно: рука руку моет».

Тут в свой черед поднимается Божественный Август и чрезвычайно красноречиво высказывает свое мнение. «Я,— говорит он,— господа сенаторы, призываю вас в свидетели, что с того самого дня, как я сделался богом, я ни слова не сказал: всегда занят я своим делом. Но не могу я больше молчать и подавлять скорбь, которую укоры совести делают все нестерпимее. Ради чего же умиротворил я сушу и море? Ради чего подавил усобицы? Ради чего упрочил Город ⁹ законами, украсил зданиями? Не для того ли... нет, я теряюсь, господа сенаторы: нет слов для моего негодования. Мне остается только сказать словами красноречивейшего Мессалы Корвина ¹⁰: «Власть для меня позор». Ему, господа сенаторы, кто, по-вашему, и муки не способен обидеть, ему так же ничего не стоило убивать людей, как собаке ногу поднять. Но к чему мне поминать стольких и столь достойных людей? Тут не до общественных бедствий, когда видишь, что гибнет собственная семья. Не буду я говорить о них, а скажу только — пусть сестра моя и не знает этого, но я-то знаю, *своя рубашка к телу ближе*. Вот этот самый, кого вы тут видите и кто столько лет укрывался под моим именем, он отблагодарил меня тем, что убил двух Юлий, моих правнучек,— одну мечом, другую голодом,— да еще и правнука моего, Луция Силана. Хотя, по правде говоря, может показаться, что и ты, Юпитер, замешан в таком же нехорошем деле. Скажи мне, Божественный Клавдий, на каком основании ты каждого и каждую из казненных тобою приговаривал к смерти, ни дела не разобрав, ни оправдания не выслушав? Где это видано? На небесах так не делается. Вот Юпитер, сколько лет он царствует, а только одному Вулкану сломал голень, когда он его

Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага

да, разгневавшись на супругу, заставил ее повисеть, но ведь не убил же ее? А ты убил Мессалину, которой я такой же двоюродный дед, как и тебе самому. «Не знаю» — говоришь? Да разразят тебя боги: ведь это же еще гнуснее не знать, что ты убил,— чем убивать. Он все брал пример с покойного Калигулы: тот тестя

убил, а этот и зятя. Калигула запретил сыну Красса называться Великим, а этот имя-то ему вернул, а голову снял. В одной только семье он убил Красса, Магна, Скрибонию, Тристионий, Ассариона — все людей знатных, а Красс-то еще такой был дурак, что даже в цари бы годился. И его-то хотите вы сделать богом? Этакое выроodka? Да скажи он хоть три слова подряд без запинки, и я готов быть его рабом. Кто же станет поклоняться такому богу? Кто в него верит? Коль вы будете делать таких богов, так и в вас самих совсем перестанут верить. Короче говоря, господа сенаторы, если мое поведение среди вас безупречно, если я никому не перечил, вступитесь вы за меня. Что же до меня, то вот мое мнение», — и стал читать по табличке: «Принимая во внимание, что Божественный Клавдий убил своего тестя, Аппия Силана, двоих своих зятьев — Магна Помпея и Луция Силана, свекра своей дочери Красса Фруги, человека сходного с ним, как два яйца, свекровь своей дочери Скрибонию, супругу свою Мессалину и других, коим нет числа, я полагаю подвергнуть его стражайшему розысканию, не давая ему никакой возможности неявки на судоговорение, и незамедлительно изгнать его, удалив с небес в месячный, а с Олимпа в трехдневный срок».

Решение было вынесено простым расхождением в стороны, без дальнейших обсуждений. Сейчас же Киллений хватает его за шею и тащит с неба в преисподнюю,

В край, откуда никто не возвратится.

Спускаясь по Священной дороге, спрашивает Меркурий, что это за стечение народа, неужели это похороны Клавдия? И действительно, шла великолепная процессия; устроили ее, не щадя средств: сразу было видно, что выносят бога. Гремела и ревела такая тьма труб, рогов и всевозможных медных инструментов, что даже Клавдию было бы слышно. Все веселы, довольны: народ римский разгуливал будто свободный. Плакали один Агафон да несколько стряпчих, но зато уж от всей души. Из темных закоулков повылезали юристы, бледные, изможденные, едва дыша, точно сейчас только ожили. Один из них, увидя, как перешептываются и плачутся на судьбу стряпчие, подходит и говорит: «Предупреждал я вас, что не всё-то вам будут Сатурналии». А Клавдий, увидя свои похороны, догадался-таки, что умер: огромный хор пел анапестическую погребальную песнь:

Рыдайте сильней,	Скорыходов он мог,
Стенайте, друзья,	Мятежных парфян
Пусть форум кругом	В бою поражать,
Ваш вопль огласит:	И персов стрелой
Скончался, увы,	Летучею гнать,
Великий мудрец!	И твердой рукой
И храбрее его	Тетиву натянуть:
Никогда и нигде	Он ранил слегка,
Не рождалось на свет.	И бросались стремглав
На бегу побеждать	Врассыпную враги,
Быстролетном легко	И пестрели мидян

Убегавших хребты.
Он британцев настиг
На далеких берегах
Запредельных морей,
Голубые щиты
У бригантов он взял
И на шею надел
Всем римскую цепь;
Даже сам Океан
Заставил дрожать,
Показуя права
Рима мощных секир.
Оплачьте того,
Кому равного быть
На суде не могло
В разбирательстве дел:
Слушал сторону он
Всегда лишь одну,
А порой — ни одной.

Какой же судья
Способен весь год
Непрерывно судить?
Да уступит тебе,
Оставив свой трон,
Кто выносит толпе
Немой приговор,
Кому подчинен
Был стоградный Крит.
О, бей себя в грудь
Печальной рукой,
Продажный род
Судейских крючков!
Вы, новые все,
Горюйте, певцы.
Вы, все, кто, рожком
Игральным гремя,
Обеспечил себе
Постоянный доход!

Понравились Клавдию такие похвалы, и захотелось ему подольше полюбоваться. Но Талфибий богов хватает его, закутывает ему голову, чтобы как-нибудь его не узнали, тащит через Марсово поле и между Тибром и Крытою улицей спускается в преисподнюю. Сюда по кратчайшей дороге уже убежал для принятия патрона вольноотпущенник Нарцисс; встречает он его чистый, прямо из бани, и говорит: «Что это? Боги к людям?» — «Живей, — кричал Меркурий, — доложи о нашем приходе». Быстрее слова помчался Нарцисс: все под горку, спускаться легко. И вот, несмотря на свою подагру, в одик миг явился он к двери Дита, где лежал Цербер, или, по словам Горация, «стоглавый зверь». Струсил он маленько (привычной уткой-то была у него беленькая собачка), увидя собаку черную, лохматую, словом, не такую, чтобы захотелось встретиться с ней в потемках, и вскричал громким голосом: «Клавдий идет!» Все выходят, хлопают в ладоши и поют: «*Найден, найден, радость наша!*» Тут и Гай Силий, назначенный в консулы, и Юнк, бывший претор, и Секст Травл, и Марк Гельвий, и Трог, и Котта, и Веттий Валент, и Фабий — римские всадники, которых казнили по приказу Нарцисса. Главным в этом хоре был пантомим Мнестер, которого Клавдий, благолепия ради, укоротил на голову. Быстро разнеслась весть о приходе Клавдия. Сбегаются к Мессалине. Впереди всех вольноотпущенники: Полибий, Мирон, Гарпократ, Амфей, Феронакт — всех их Клавдий отправил сюда загода, чтоб нигде не оставаться без свиты. За ними два префекта: Юст Катоний и Руфрий Поллион. За ними его друзья, бывшие консулы: Сатурнин Лусий, Педон Помпей, Луп и Целер Асиний. Сзади всех дочь его брата, дочь его сестры, зятя, тестя, тещи — словом, вся родня. Сомкнутым строем встречают они Клавдия. Увидел их Клавдий и воскликнул: «*Все полно друзей!* Как это вы сюда попали?» А ему Педон Помпей: «Ты

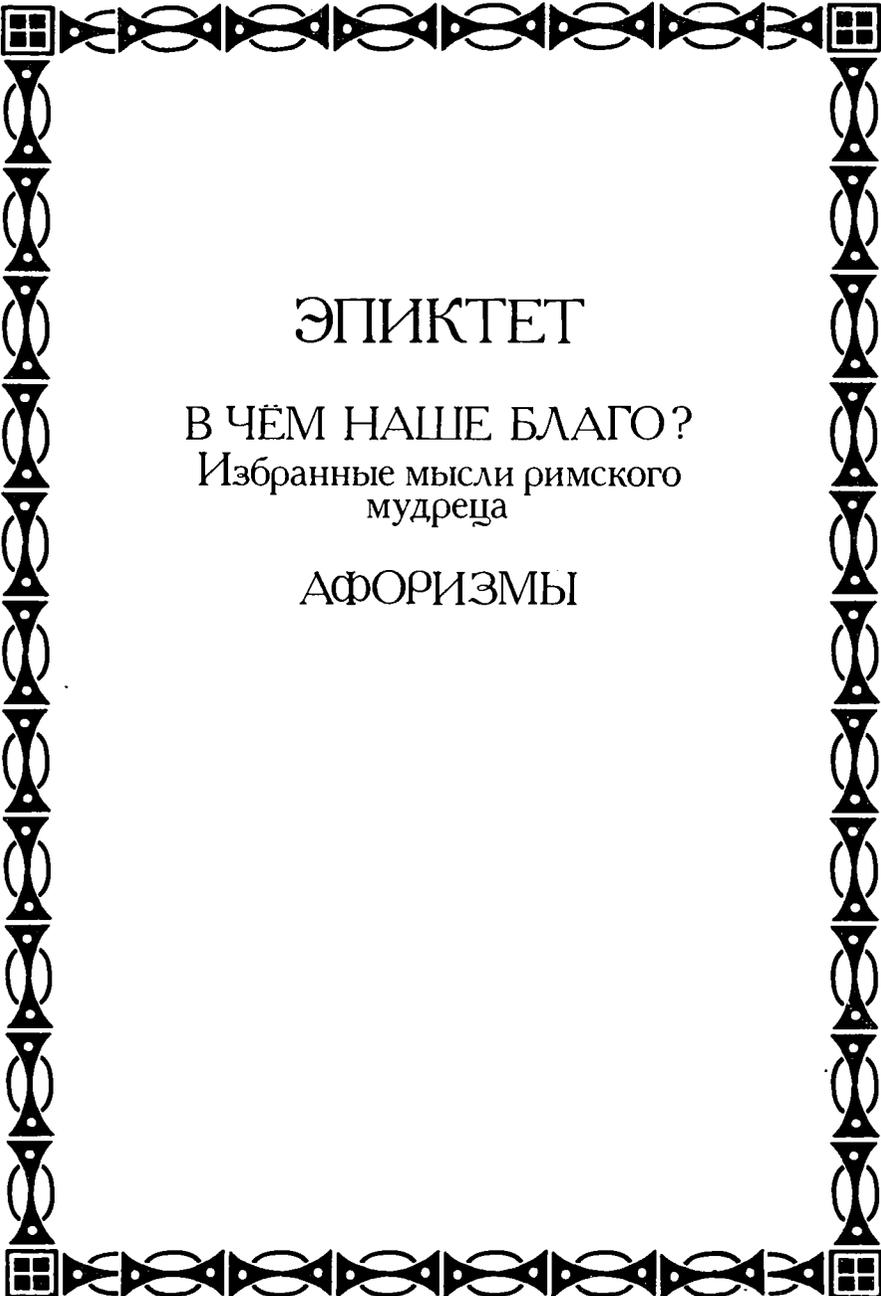
что же это, изверг, спрашиваешь, как попали? Да кто же нас сюда отправил, как не ты, убийца всех друзей? Идем-ка в суд, я тебе покажу, где здесь заседают!»

Ведет он его к судилищу Эака, разбирающему дела об убийствах по закону Корнелия. Педон вчиняет иск, требует суда над Клавдием и подает письменную жалобу: «Сенаторов убито тридцать пять, римских всадников — двести двадцать один, прочих лиц — *сколько песку, сколько праху*». Защитника Клавдий не находит. Наконец является Публий Петроний, старый его собутыльник, знаток Клавдиева языка, и требует права защиты. Отказывают. Обвиняет Педон Помпей при громких криках. Захотел было отвечать Клавдиев покровитель, но Эак, человек правосуднейший, запрещает и, выслушав только одну сторону, выносит обвинительный приговор со словами: «*По делам вору и мука*». Наступило гробовое молчанье. Все остолбенели, пораженные таким невиданным судовоговорением: толковали, что это дело неслыханное. Для Клавдия это было не ново, а только показалось уж очень несправедливым. О роде наказания спорили долго, никак не находя подходящей кары. Нашлись говорившие, что Сизиф довольно уж потрудился над своей ношей, что Тантал погибнет от жажды, если ему не помочь, что пора бы остановить колесо несчастного Иксиона. Но решили никого из старых преступников не освобождать от наказания, чтоб и Клавдий впредь на это не надеялся. Решено было установить новую кару, измыслив ему труд тщетный, в виде какой-нибудь бесцельной забавы. Тогда Эак приказывает играть ему в зернь дырявым рожком. И вот начал он без конца подбирать высыпавшиеся кости и все без толку.

Всякий раз, что метнуть из рожка он звенящего хочет,
Тотчас же обе в дыру на донышке выскочат кости.
Он подберет их и вновь костяшки пыгается бросить,
Как настоящий игрок, но опять и опять они обе
Выскользнут вон у него: из-под пальцев они убегают,
И непрерывно обман коварная зернь повторяет,
Точно Сизифа скала: лишь только коснется вершины,
Тотчас на шею ему она катится бременем тщетным.

Вдруг, откуда ни возьмись, Калигула, и начинает требовать Клавдия себе в рабы; приводят свидетелей, выдавших, что он Клавдия и плетью и батогами бил, и пощечины ему давал. Присуждают его Калигуле; Калигула дарит его Эаку, а этот отдает его своему отпущеннику Менандру в писцы... *

* Конец сатиры не сохранился.—Пер.

ЭПИКТЕТ

В ЧЁМ НАШЕ БЛАГО?
Избранные мысли римского
мудреца

АФОРИЗМЫ

В ЧЕМ НАШЕ БЛАГО?

Избранные мысли римского мудреца

КНИЖКА ПЕРВАЯ

I

К ДРУГУ, ВЕРНУВШЕМУСЯ К РАЗВРАТНОЙ ЖИЗНИ

Ты говоришь, что ты перестал стараться о своем улучшении, что ты зажил опять по-прежнему и не видишь, чтобы тебе стало хуже от этого? Неправда, тебе стало гораздо хуже, и ты потерял очень много. Прежде желания твои были чистые, понятия честные и поступки добрые. Ты читал мудрые книги и радовался на таких людей, как Сократ и Диоген. Теперь же ты радуешься на своих приятелей, которые сводят тебя с распутными женщинами; ты читаешь развратные книжки, и разговоры и дела твои постыдны. Ты потерял самое главное: ты перестал любить добро и правду. Неужели ты думаешь, что потери бывают только вещественные? Нет, есть потери худшие — потери духовные. Теряются и чистые помыслы, и хорошие желания, и доброе поведение; и людям, потерявшим все это, всегда бывает скверно. Ты не видишь этого теперь, потому что ты заблудился; но было время, когда ты боялся одного только — как бы не перестать правильно мыслить, говорить и поступать. Ты сам себя обокрал.

Опомнись, несчастный друг мой, и спаси себя от самого себя. Ведь ты помог бы мне, если бы со мной случилось какое-нибудь несчастье? Почему же ты не поможешь самому себе? Ведь для этого тебе не нужно никого ни вязать, ни бить, ни убивать, — тебе надо только одуматься, поговорить с самим собою. Себя ты будешь слушать охотнее, чем других; прислушайся же к голосу своей совести и своего разума. Разбери хорошенько самого себя: всмотрись в свою жизнь и без всякой потачки смело осуди в ней то, что кажется скверным. Не говори, что в тебе сил нет, не поступай, как малодушные пловцы, которые не борются против течения реки и позволяют унести себя в море. Помни, что управлять рассудком очень легко: стоит только пожелать жить лучше — и рассудок исправится. Если же ты будешь продолжать жить так, как теперь зажил, то вовсе потеряешь рассудок и станешь хуже животного.

Какая тебе будет выгода от добродетельной жизни? — спрашиваешь ты. Да разве не большая выгода: порядок вместо беспорядка, честность вместо бесчестия, воздержание вместо распутства, почитание своей души вместо презрения ее!

Опомнись же и спаси свою душу!

II ОБРАЩЕНИЕ К МАЛОДУШНОМУ ДРУГУ

Напрасно, друг мой, ты падаешь духом и сомневаешься в Боге.

Когда мы видим какое-нибудь творение людское, то мы понимаем, что работу эту делал человек. Точно так же и весь мир, очевидно, имеет своего Создателя. Начало всех начал, причину всех причин, Отца мира вещественного и духовного мы называем Богом.

Человек, который понимает то, что делается вокруг него в Божьем мире, если только он способен к благодарности, будет постоянно благодарить Бога за все благодеяния видимого мира, которыми люди окружены. Только неразумный человек не понимает блага всего того, что находится вокруг него, и не благодарит Бога, столь благо и премудро устроившего мир.

И в самом деле, куда мы ни посмотрим, все, что видим вокруг себя и в нас самих, все заставляет нас преклониться пред всемогущим Богом. Как премудро, например, устроено человеческое тело мужчины и женщины, от взаимного влечения которых происходит потомство! Воистину никогда не перестанешь удивляться на устройство жизни всех тварей — и людей, и животных, и растений. Но человеку, кроме той жизни, которая дана растениям и животным, дано еще другое, чего нет ни у растений, ни у животных.

Люди и животные устроены разное, потому что у них и назначение разное. Домашние животные служат человеку: одни помогают ему обрабатывать землю, другие доставляют ему молоко, остальные служат ему каждый как может и как назначено Богом. Но животные исполняют свое назначение, справляют свои нужды и при этом вовсе не понимают того, что делается на свете. Человеку же дана способность вникать в окружающее, понимать, что для чего делается, и видеть Бога в Его творениях.

Человек, как и животные, должен заботиться и о нуждах своего тела, но главное всего он должен делать и все то, что назначено одному только человеку и что отличает его от животного. И потому человеку постыдно довольствоваться одною своею животною жизнью и забывать о человеческой разумной и духовной жизни. Человек должен поступать так, как указывают ему совесть и разум его. Старайся же, друг, чтобы ты не умер прежде, чем исполнишь свое назначение.

Мне, как человеку, дано знать, кто я такой, для чего я родился и на что нужен мне разум мой. Оказывается, что я получил самые лучшие духовные способности: разумение, мужество, смирение. А с ними — какое мне дело до того, что может со мною случиться? Кто сможет рассердить или смутить меня? Ничего не может быть в тягость мне, и я ни о чем внешнем не стану ни сожалеть, ни сокрушаться. Напротив того, что бы со мною ни случилось, я приложу к делу то, что дано душе моей.

Пойми это и ты, всмотрись хорошенько в свои силы и способности и скажи в душе своей: «Пошли мне, Господи, все, что Ты хочешь! Ты дал мне такие пособия, с которыми я могу справиться со всякими случайностями».

А ты вместо этого постоянно боишься, как бы не случилось с тобою того или другого, жалуешься и плачешь, когда с тобою случается то, чего тебе не хочется, и укоряешь судьбу. Судьба же так устроила тебя, что ты можешь уразуметь смысл жизни и если захочешь терпеть и любить, то никто не в силах помешать тебе в этом. И что же оказывается? Ты получил такие высокие и могущественные душевные способности, и, несмотря на это, ты не прикладываешь их в жизни своей. Ты теряешь время, плачешь, стонешь и либо вовсе не думаешь о Боге, либо упрекаешь Его.

Знай же, что у тебя есть все нужное для того, чтобы жить разумно и добродетельно и быть выше животных.

III

КАК БОРОТЬСЯ ПРОТИВ ПОРОЧНЫХ ЖЕЛАНИЙ?

Каждый знает, что всякая привычка от упражнения усиливается и укрепляется. Например, чтобы сделаться хорошим ходяком, надо часто и много ходить; чтобы сделаться хорошим бегуном, надо много бегать; чтобы выучиться хорошо читать, надо много читать и т. д. Наоборот, если перестанешь делать то, к чему привык, то и сама привычка понемногу пропадет. Если ты, например, пролежишь десять дней, не вставая, и потом станешь ходить, то увидишь, как слабы стали твои ноги.

Значит, если ты хочешь привыкнуть к какому-нибудь делу, то тебе нужно часто и много делать это дело; и наоборот, если ты желаешь отвыкнуть от чего-нибудь, то не делай этого.

То же самое бывает и со способностями нашей души: когда ты сердиться, то знай, что ты делаешь не одно это зло, но что вместе с тем ты усиливаешь в себе привычку к гневу,— ты подкладываешь дрова в огонь. Когда ты поддался плотскому соблазну, то не думай, что ты провинился только в этом, и больше ничего: нет, ты в то же время усилил еще и привычку к похотливым поступкам. Всякий разумный человек скажет тебе, что наши душевные недуги, наши злые помыслы и желания так именно и усиливаются.

Если больной лихорадкой не совсем вылечился, то он легче вновь заболевает, чем человек, никогда не страдавший ею. То же бывает и с болезнями души: после них остаются раны, которые надо вылечить совсем. Иначе, если ударить опять по тому же месту, рана вновь откроется и еще пуще разболится.

А потому если ты не хочешь приучать себя к гневу, то всячески сдерживай свой гнев и не давай привычке нарастать. Побороть гнев всего легче в самом его начале — вот тогда-то и останови себя. Считай те дни, в которые ты не сердился, и ты увидишь воочию, как улучшение твое подвигается. Через неско-

лько времени ты скажешь себе: вот, прежде я сердился каждый день, а теперь сержусь только через день; если буду так же воздерживаться и впредь, то буду сердиться только через каждые три дня, потом через каждые пять дней и т. д. Если бы ты, наконец, мог прожить 30 дней сряду, ни разу не сердясь, то благодари Бога.

Точно так же и всякая привычка может сначала ослабевать, а потом и вполне пропасть. Если ты сможешь сказать себе: вот уже целый день, как я не падал духом; вот уже два дня; затем, вот уже два месяца, три месяца я зорко смотрел за собою, когда попадались случаи для огорчения; если ты сможешь это сказать, то, значит, у тебя все идет, как следует.

Если я сегодня видел такую красавицу, какой еще ни разу не видал, и при этом не дал ходу своим похотливым помыслам, то я могу сказать себе: у тебя, Эпиктет, все обстоит благополучно.

Но каким путем приобретается такая сила в борьбе со своими помыслами?

Желай быть праведным перед своею собственною совестью — перед Богом. Если будешь стремиться к этому, то преодолеешь свои порочные помыслы.

В борьбе с соблазнительными мыслями бывает полезно искать общество людей более добродетельных, чем ты сам, или вспоминать и читать поучения мудрых людей, живших прежде тебя.

Когда у тебя в уме начинает заводиться какая-нибудь соблазнительная мысль, то вступай с ней в борьбу. Скажи ей:

— Подожди немного, мысль! Дай мне разоборать, кто ты такая и к чему ты клонишь меня. Дай мне обдумать тебя.

Потом не давай ей хода дальше, а представь себе пояснее все то, что выйдет, если ты поддашься этой соблазнительной мысли. Если ты поддашься ей, то она завлечет тебя за собою, куда только ей захочется. Призови себе на подмогу какую-нибудь другую мысль, честную и добрую, и замени ею свой нечистый помысел.

Если ты приучишь себя к такой борьбе, то сам увидишь, каким силачом ты сделаешься.

Истинный борец — тот, кто борется со своими порочными помыслами. Борись, братец, и не давай себя завлекать в болото. Борьба эта святая и приближает тебя к Богу. От успешности ее зависит твоя свобода, — зависит спокойствие и счастье твоей жизни. Вспоминай Бога, зови Его на помощь, как во время бури на море зовут Его мореплаватели. Буря, которую в нашей душе поднимают порочные помыслы, гораздо страшнее и губительнее всякой морской бури.

Помни всегда два времени: одно — настоящее время, в которое, уступив порочным помыслам, ты будешь наслаждаться похотью, и другое время, в которое, насытившись ею, ты будешь каяться и укорять себя. Прими также в соображение то удовольствие, которое будешь испытывать, если воздержишься. Помни

и то, что трудно будет воздержаться, если однажды преступил меру.

Но если ты будешь уступать своим порочным помыслам и уверять себя, что ты победишь завтра, а завтра скажешь то же самое, то ты этим доведешь себя до такой слабости и болезненности, что на будущее время перестанешь даже замечать свои ошибки; а если и заметишь, то у тебя всегда найдется готовое оправдание для всех твоих порочных поступков.

Тогда окажется правда в том, что говорил один мудрец:

«Нерешительный человек всю свою жизнь плачется на свои несчастья».

IV

НЕЛЬЗЯ ОДНОВРЕМЕННО ЖИТЬ И ДОБРОДЕТЕЛЬНО И РАСПУТНО

Если ты захотел бросить прежнюю твою распутную жизнь, чтобы освободиться от своих пороков и жить добродетельно, то не водись с прежними своими товарищами, которые продолжают жить развратно: они будут только мешать тебе в твоём добром желании. Если же они будут сердиться на тебя за то, что ты их покинул, то помни, что никакого воздержание не дается даром и что потому и тебе придется кое-чем поплатиться, если хочешь достигнуть своей цели.

Ты не можешь оставаться прежним человеком и вместе с тем поступать по-новому. Реши, чего ты больше хочешь,— того ли, чтобы люди тебя любили и хвалили за то, что ты безобразничаешь вместе с ними, или того, чтобы жить по-новому, несмотря на всякие упреки, нарекания и насмешки, которые посыпятся на тебя за это?

Если хочешь начать новую жизнь, то не откладывай дела, не оглядывайся назад и не старайся сохранить доброе расположение прежних твоих развратных товарищей. Если станешь влиять в разные стороны, угождать и нашим, и вашим, то и вперед недалеко уйдешь, и прежним друзьям не угодишь. Нельзя делать двух дел зараз: насколько успеешь в одном деле, настолько потеряешь в другом.

Если ты перестал пьянствовать, играть в карты и распутничать, то, конечно, тебя перестанут любить те люди, которые занимаются такими делами. Выбирай же одно из двух: либо стать человеком разумным и добродетельным, либо слышать, как люди говорят о тебе: «Ах, какой приятный и славный малый».

Если ты решил, что для тебя лучше стать свободным от своих пороков, то и занимайся только этим освобождением себя, работай только для этого, отвернись от прошлого и не дотрагивайся до него. Если же это тебе не нравится, а нравится одобрение людей, то передайся весь на другую сторону: пьянствуй, блуди и всячески развратничай, будь тряпкой в чужих руках, делай все,

что людям нравится,— и ты получишь их одобрение — то, чего искал. Да не забывай при этом корчить из себя шута: этим ты особенно угодишь своим друзьям.

Невозможно в одно и то же время быть господином и рабом. Если хочешь быть рабом, то и угождай людям всякими подлостями; если же хочешь стать господином, то надобно освободить себя от пороков.

V

ДОБРОДЕТЕЛЬ НЕ УБИТОЧНА

Не говори, что ты в убытке, когда ты променял осла на коня, овцу на быка, деньги на доброе дело, пустые споры на разумное молчание, разгильдяйство на порядочность. В этих случаях ты получил больше, чем потерял.

Если ты этого не понимаешь, то не понимаешь и своего счастья и спокойствия. Кормчему легче погубить корабль, чем уберечь его в опасном месте. Чуть он повернул корабль не в ту сторону, чуть задумался о постороннем — и пропал корабль. Так и в твоей жизни: гляди в оба! Тебе приходится уберечь то, что важнее всего на свете. Наблюдай же с неотступным вниманием за своею умеренностью, честностью, мужеством, спокойствием, довольством,— одним словом, за своею свободою. Если потеряешь ее, то взамен не получишь ничего столь же ценного.

Рассуждай сам с собою так: «Пусть другому достанется богатство, а мне — мудрость; другому — власть, а мне — умеренность. Не стану я хвалить то, что постыдно. Я хочу добровольно повиноваться Ему. А Бог не хочет, чтобы я прельщался ни плотью своею, ни богатством, ни могуществом, ни славой. Если бы Бог желал, чтобы люди этим были довольны, то Он устроил бы так, чтобы все это доставляло довольство и блаженство. Но от всего этого люди не блаженствуют, а страдают. Значит, Бог не в этом назначил нам благо. А потому я и не стану слушиваться Его велений.

Беречь я буду свою добродетель; всем же остальным, что дано мне, я буду дорожить настолько, насколько требует разум».

VI

ОТЧЕГО ЛЮДИ ТРЕВОЖАТСЯ И БЕСПОКОЯТСЯ?

Когда я вижу человека, который мучит себя какими-нибудь опасениями и беспокойствами, я спрашиваю себя:

— Что нужно этому несчастному человеку? Наверно, он хочет чего-нибудь такого, что не находится в его власти и чем он не может сам распорядиться; потому что когда то, чего я хочу, находится в моей власти, то я не могу беспокоиться об этом, а прямо делаю то, чего желаю.

Посмотрите, например, на человека, поющего или играющего на гуслях: пока он поет или играет сам для себя, без всяких

слушателей, он не беспокоится и не волнуется никакими опасениями или сомнениями. Но посмотрите на него тогда, когда он играет перед большой толпой народа: как он мучит себя, как он бледнеет и краснеет, как сильно бьется у него сердце! А почему? Потому что он хочет не только хорошо сыграть или спеть, но чтобы и люди похвалили его; а это, очевидно, зависит не от него, но от слушателей его. И вот он беспокоится о том, чем не может распорядиться сам, и мучит себя совершенно понапрасну. Он беспокоится не о том, что он плохо споет или сыграет,— нет, он хорошо знает свое дело; он беспокоится не о деле своем, но о похвале людской, то есть о том, что не в его власти.

Он мучит себя потому, что дорожит тем, что вовсе не дорого; он не знает еще дешевизны и гнилости похвал людских. Он знает хорошо свои гусли и умеет петь на разные голоса, но он не знает и никогда не думал о том, как ничтожна людская похвала и как мало она заслуживает внимания.

Такого человека я называю чужеземцем среди людей.

«Почему же так?» — спросите вы.

— А потому, что чужеземец не знает порядков того народа, среди которого он поселился, и без руководителя может наделать себе бед, когда будет добиваться того, что не дозволяется в этой стране. Так и этот человек: он чужеземец среди людей, потому что не знает законов, данных людям Богом,— не знает, что во власти человека и что не в его власти. Ему хочется получить то, что не дано ему, и избежать того, от чего нельзя отказаться. Если бы он хотел только того, что ему предоставлено, то он ничем бы не смущался и не тревожился.

В самом деле, если бы он знал, в чем истинное зло, то он не боялся бы ни того, что не есть зло, ни того, что есть настоящее зло, так как он знал бы, что настоящее зло не приходит извне, но находится внутри человека и что, следовательно, человек всегда может от него освободиться.

Когда человек желает того, что ему не дано, и отвращается от того, чего он избежать не может, то у него желания не в порядке: он болен расстройством желаний точно так же, как люди бывают больны расстройством желудка или печени.

Таким расстройством желаний болен всякий человек, который тревожится о будущем или мучит себя разными беспокойствами и страхами о том, что от него не зависит.

VII КТО ЖИВЕТ РАЗУМНО, ТОТ СВОБОДЕН ОТ МИРСКИХ ВОЛНЕНИЙ И ЗНАЕТ, В ЧЕМ БЛАГО

Люди затрудняются, беспокоятся и волнуются только тогда, когда они заняты внешними делами, от них не зависящими. В этих случаях они тревожно спрашивают себя: что я стану

делать? Что-то будет? Что из этого выйдет? Как бы не случилось того или другого? Так бывает с теми, кто постоянно заботится о том, что им не принадлежит.

Наоборот, человек, занятый тем, что от него самого зависит, и полагающий свою жизнь в работе самосовершенствования, не станет так тревожить себя. Если бы он и стал беспокоиться о том, удастся ли ему держаться истины и избегать лжи, то я сказал бы ему:

— Успокойся: то, что тревожит тебя, находится в твоих собственных руках. Гляди только зорко за своими мыслями и поступками и старайся всячески исправлять себя.

Если бы такой человек стал сомневаться, достигнет ли он лучшей доли и не попадет ли он в такую же суету, от которой он хочет уйти,— я прежде всего обнял бы его и поцеловал бы за то, что он отбросил от себя все, что других соблазняет и пугает, а заботится только о том, чтобы самому быть лучше; а потом бы сказал ему:

— Если ты хочешь всегда получать желаемое и никогда не подвергаться тому, чего избегаешь, то никогда не желай того, что не твое, и не избегай того, что не в твоей власти.

Куда тогда денутся все эти беспокойные вопросы о том, как бы не случилось того или другого? То, что случится, не в твоей воле, а жить по добру или по злу — в твоей воле. Никто не помешает тебе, что бы ни случилось с тобою, поступать всегда и во всем сообразно с правдой и добром. Так и не говори: что-то будет? Все, что ни случится, ты обратишь себе в поучение и пользу.

— А если я умру в борьбе с несчастиями?

— Ну что же? В таком случае ты умрешь смертью честного человека, совершая то, что ты должен совершать. Нужно же тебе все равно умереть, и смерть должна же застать тебя за каким-нибудь делом. Я был бы доволен, если бы смерть застала меня за делом, достойным человека, за делом, добрым и полезным всем людям; или чтобы она застала меня в то время, когда я стараюсь исправлять себя. Тогда я мог бы поднять руки к Богу и сказать Ему:

— Господи! Ты знаешь Сам, насколько я воспользовался тем, что Ты дал мне для понимания Твоих законов. Упрекал ли я Тебя? Возмущался ли против того, что со мной случилось? Уклонялся ли от исполнения своего долга? Благодарю Тебя за то, что я родился,— за все дары Твои! Я пользовался ими довольно: возьми их назад и распорядись ими, как Тебе угодно,— ведь они Твои!

Может ли быть лучшая смерть? Чтобы дожить до такой смерти, тебе нужно многого лишиться, хотя, правда, этим самым ты многое приобретешь. Если же ты захочешь удержать то, что не твое, то ты непременно потеряешь и то, что твое.

Кто хочет иметь успех в мирских делах, тот не спит по целым ночам напролет, постоянно хлопочет и суетится, подделывается к сильным людям и вообще поступает как подлый человек. И в конце концов чего он всем этим добился? Он добился того, что его окружают некоторыми почестями, что его боятся и что он, сделавшись начальником, распоряжается какими-нибудь пустяками.

Неужели же ты не захочешь сколько-нибудь потрудиться для того, чтобы освободить себя от всех таких забот и спать спокойно, ничего не боясь и ничем не мучась? Знай же, что такое спокойствие души не достается даром. Нельзя заботиться зараз — о душе своей, и о мирских благах. Если хочешь мирских благ — откажись от души; если хочешь уберечь свою душу — отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того ни другого.

Когда ты чем-нибудь мирским встревожен или расстроен, то вспомни, что тебе придется умереть; и тогда то, что тебе раньше казалось важным несчастьем и волновало тебя, станет в твоих глазах ничтожною неприятностью, о которой не стоит и беспокоиться.

VIII ДЛЯ РАЗУМНОГО ЧЕЛОВЕКА НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАТРУДНЕНИЙ ВО ВНЕШНИХ ДЕЛАХ

Разница между человеком разумным и неразумным состоит в том, что неразумный человек постоянно волнуется и жалеет о том, что от него не зависит, например о своем ребенке, отце, брате, о своих делах, о своем имуществе. Разумному же человеку если и случается беспокоиться и печалиться, то только о том, что зависит прямо от него, то есть о том, что касается до его собственных мыслей, желаний и поступков.

Человек уже много улучшил себя, если понял, что он должен обвинять только самого себя, когда не может справиться со всем тем, что с ним случается, то есть если понял, что все дело его — в том, как он сам поймет свои затруднения. Если он поймет их так, как следует, то они перестанут быть для него затруднениями.

Когда ребенок заглядится на что-нибудь, споткнется о камень, упадет и ушибет себя, то няня начинает иногда в угоду ребенку бить самый камень, и ребенок успокаивается. В богатых семьях бывает так, что когда слуги опаздывают подать детям обед, то старшие начинают бранить слуг за это, вместо того чтобы приучать детей к терпению.

Как часто и мы, взрослые, поступаем с собою так, как эти безрассудные няни и воспитатели. Если с нами случается какая-нибудь неприятность или мы попадаем в какое-нибудь затруднение, то как склонны мы бываем обвинять в этом других людей

или судьбу свою вместо того, чтобы сообразить, что если внешнее, от нас не зависящее становится для нас неприятностью или затруднением, то, значит, в нас самих что-нибудь не в порядке.

IX РАЗУМНЫЙ ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕМ МОЖЕТ НАЙТИ СЕБЕ ПОЛЬЗУ

Разумный человек может во всем отыскать себе пользу. Нет такого случая, из которого он не мог бы извлечь для себя помощи в деле усовершенствования себя.

— Какую же пользу приносит мне тот, кто ругает меня?

— Ту пользу, что если я захочу, то могу, кротко перенося его брань, приучаться к терпению и спокойствию.

— У меня злой отец; какая мне от него польза?

— Он зол для самого себя; для тебя же он добр, потому что он опять-таки учит тебя терпению и кротости.

— Ну хорошо. А какую пользу приносит мне болезнь?

— Если я заболею, то у меня хороший случай показать на деле, что значит болезнь тела для жизни духа. Я буду покорен, терпелив, спокоен, я наряжусь в болезнь, и она будет для меня украшением.

— А смерть, неужели и она полезна?

— Я могу, умирая, стать духом своим выше смерти, показать и себе и людям, что смерть не имеет надо мною никакой власти. Я могу, если придется, умереть за правду и этим содействовать тому, чтобы она укрепилась в людях.

Одним словом, человек разумный обладает как бы волшебной палочкой, которою он может обратить в золото все то, до чего ею дотронется.

X РОПТАТЬ НЕРАЗУМНО

Когда ты заметишь, что ты начинаешь в душе своей упрекать Бога, то разбери внимательно то, чем ты недоволен, и ты увидишь, что оно так и должно было быть и не могло быть иначе.

— Да неужели, например, справедливо, чтобы вот этот бесчестный человек имел больше денег, чем я?

— Вполне справедливо, потому что он и хлопотал из-за денег больше, чем ты. Он подделывался к людям, обманывал их, обирал несчастных, по целым ночам напролет неустанно трудился для того, чтобы нажиться. Чему же ты удивляешься? А ты посмотри, больше ли у него разума и совести, чем у тебя? И ты увидишь, что у тебя больше всего того, из-за чего ты хлопотал и старался. То, что ты бережно хранил,— свою честь и совесть,— он продавал и получил за это ту награду, которую искал. Но ведь человека, который бесчестно приобрел богатство, мы не можем назвать счастливым,— мы, которые знаем, в чем

истинное счастье. Мы знаем, что Бог справедлив и отдает то, что лучше, тому, кто лучше. Чистая совесть — не гораздо ли лучше богатства?

Всегда помни неизменный закон природы: кто к чему способнее, тот и имеет больше успеха как раз в том самом, в чем он способнее другого. Помни это, и тогда ты ни на что не будешь роптать.

— Ну а как же не роптать, когда моя жена скверно со мной поступает?

— И тут роптать нечего. Если кто спросит тебя об этом, ты и скажи только, что жена твоя скверно с тобою поступает, и больше ничего.

— И отец мой ничего мне не дает.

— И в этом ничего нет особенного, как только то, что отец твой ничего тебе не дает.

Говоря о таких вещах, никогда не говори, что в них есть зло, потому что это была бы ложь. Разумный человек никогда ни на что не станет роптать, потому что он хорошо понимает, что настоящее горе наше происходит не от того, что случается с нами, а от того, что мы неразумно думаем о случившемся. Отстраняем же эти неразумные мысли, и прекратится то, что мы считали несчастьем.

КНИЖКА ВТОРАЯ

I

НЕ ПОЛАГАЙ СВОЕГО СЧАСТЬЯ В ТОМ, ЧТО НЕ В ТВОЕЙ ВЛАСТИ

Если люди делают зло — они делают зло сами себе; тебе же они не могут сделать зла. Ты же рожден не для того, чтобы творить зло и грешить вместе с людьми, но для того, чтобы помогать им в добрых делах и в этом находить свое счастье.

Знай и помни, что если человек несчастен, то он сам в этом виноват, потому что Бог создал всех людей для их счастья, а не для того, чтобы они были несчастны.

Из всего того, что Бог предоставляет нам в этой жизни, Он одну часть отдал в наше полное распоряжение: она составляет как бы нашу собственность; другая же часть находится вне нашей власти, так сказать, не принадлежит нам: все, что другие могут связать, насиловать, отнять у нас, не принадлежит нам; а все то, чему никто и ничто не может помешать или повредить, составляет нашу собственность. И Бог по Своей благодати дал нам в нашу собственность как раз то, что и есть настоящее благо. Значит, Бог не враг нам; Он поступил с нами как добрый отец: Он не дал нам только того, что не может дать нам блага.

— Так-то так; а вот мне пришлось расстаться с другом, и мы оба горевали об этом.

— Зачем же друг твой считал своим то, что вовсе не его? Бог не дал тебя ему в вечную собственность. Когда он был с тобою, почему забывал он, что ты можешь умереть или уехать? Он наказан за свою глупость. А ты — зачем ты так легкомысленно думал, что ты должен всегда жить там, где тебе приятно живется, на том же месте, с теми же людьми, за теми же занятиями? И тебе Бог не обещал этого. Вот ты теперь и плачешь. Ты, оказывается, несчастнее уток и гусей, потому что они ежегодно улетают за моря и нисколько не жалеют о прежнем своем жилище.

— Да ведь они лишены ума!

— Так неужели ты думаешь, что неразумные птицы должны быть счастливее человека, у которого есть разум? Разве для того Бог наделил нас разумом, чтобы мы были несчастны и проводили свою жизнь в слезах?

Вникни в человеческую жизнь и ты поймешь, что людям назначено то жить вместе, то разлучаться. Когда они вместе, они должны быть счастливы друг через друга, а когда им приходится разлучаться, то они не должны печалиться об этом. Напротив того, мы должны радоваться тому, что отличаемся от растений, которые корнями своими прикреплены к одному месту.

Нельзя быть счастливым, когда желаешь того, что невозможно; и наоборот, можно быть счастливым только в том случае, если желаешь возможного, потому что в таком случае всегда будешь иметь то, чего желаешь. Все дело в том, чтобы желать только того, что в нашей власти, того, что возможно.

Кто желает невозможного, тот раб и глупец, восстающий против своего хозяина — Бога. Хозяин наш желает, чтобы мы были счастливы; но для этого мы должны помнить, что все родившееся должно умереть и что люди должны разлучаться.

Не проходит людям даром ничего из того, что они делают против закона Бога. Всякий человек, который бунтует против закона Бога, будет рабом и несчастным: он будет горевать и завидовать, он будет слаб и изнежен.

— Как же жить? — спрашиваешь ты.

Прежде всего и самое главное — не пристращайся ни к чему больше того, сколько ты привыкаешь к чужой вещи, о которой знаешь, что она может быть отнята у тебя. Когда обнимаешь своего ребенка, брата, друга, то говори себе, что ты обнимаешь нечто такое, что должно умереть, что дано тебе только на время. Виноград спеет только осенью, и смешно желать, чтобы он рос и созревал и зимою, и весною, и летом. Желать, чтобы никто с тобою не расставался и не умирал, — это все равно что желать винограда зимою. Обнимай ребенка или друга, и сам думай: ты завтра уедешь или умрешь и мы не увидимся больше.

— Но ведь тяжело даже выговорить это!

— Но что же делать? Если разлука или смерть кажется тебе такую страшную, то ты должен во время жатв горевать о том, что умирают колосья, а осенью плакать о том, что засохшие листья падают с деревьев. Разлука людей больше ничего, как небольшая перемена, а смерть — также перемена, только немного большая. В мире нет уничтожения, а только превращение одной жизни в другую. И для нас наступает это превращение тогда, когда Богу угодно. Ведь и родились мы не тогда, когда хотели, а когда Бог велел.

И потому мудрый человек заботится только о том, чтобы исполнять волю Божию и размышлять в глубине своей души так:

— Если ты желеашь, Господи, чтобы я еще жил, то я буду жить так, как ты велишь, буду распоряжаться тою свободою, которую Ты дал мне во всем, что принадлежит мне. Но если я Тебе больше не нужен, то пусть будет по-Твоему! Я до сих пор жил на земле единственно для того, чтобы служить Тебе; если же Ты пошлешь мне смерть, то я уйду от мира, повинуюсь Тебе, как служитель, понимающий приказания и запрещения своего хозяина. А пока я остаюсь на земле, я хочу быть тем, чем Ты хочешь, чтобы я стал.

Постоянно вникай в то, что с тобою случается. Если ты увидишь, что случилось с тобою то, что от тебя не зависело, то помни, что тебе до этого нет никакого дела. Если же ты все еще иногда мучаешься и горюешь о том, что от тебя не зависит, то посмотри на случившееся как на урок, заданный тебе Самим Богом: пользуйся этим случаем, чтобы бороться с собою, и при помощи разума твоего укроти свое малодушное страдание.

Когда ты живешь в каком-нибудь месте, никогда не думай о том, как бы тебе жить в другом месте, где тебе прежде было приятнее или где тебе в будущем будет приятнее; но думай только о том, как бы тебе прожить разумно и по-человечески там, где ты находишься.

Тогда все твои удовольствия заменятся одним удовольствием — сознанием того, что ты живешь разумно и служишь Богу не словами только, но и делами. Бог поведет тебя сегодня в одно место, завтра пошлет в другое. Он покажет тебя людям, бедного, безвластного, больного, для того чтобы ты мог примером жизни своей обнаруживать людям ту истину, что искать блага следует не вне себя, а в самом себе. Не думай, что Бог ненавидит тебя, если посылает тебе бедность, болезни, презрение людей: хозяин не может ненавидеть слугу, который хорошо исполняет его волю. И не забывает тебя Бог: Он не забывает и самой малой твари. Он упражняет тебя и на тебе дает примеры другим людям. Неужели же ты не отдашь себя всего Его заповедям, а будешь беспокоиться о месте своего жительства и горевать о разлуке с друзьями?

Горестна не перемена места жительства или неизбежная разлука с друзьями, горестно то, что человек печалится о том, чего он избежать не может.

II ГДЕ НАДО ИСКАТЬ БЛАГО?

Нет такого крепкого и здорового тела, которое никогда не болело бы; нет таких богатств, которые не пропадали бы; нет такой высокой власти, под которую не подкапывались бы. Все это тленно и скоропреходяще, и человек, положивший жизнь свою во всем этом, всегда будет беспокоиться, бояться, огорчаться и страдать. Он никогда не достигнет того, чего желает, и впадет в то самое, чего хочет избегнуть.

Одна только душа человеческая безопаснее всякой неприступной крепости. Почему же мы всячески стараемся ослабить эту нашу единственную твердыню? Почему занимаемся такими вещами, которые не могут доставить нам душевной радости, а не заботимся о том, что одно только и может дать покой нашей душе? Мы все забываем, что если совесть наша чиста, то никто не может нам повредить и что только от нашего неразумия и желания обладать внешними пустяками происходят всякие ссоры и вражды.

Многие говорят, что человеку должно искать свое благо и избегать для себя зла и что поэтому он должен считать своим врагом и противником всякого, кто отнимает у него его благо и причиняет ему зло, хотя бы то был родной отец его, брат или сын.

Но так ли это? Искать свое благо и избегать зла в самом деле следует. Но неужели благо и зло для меня может заключаться в том, что зависит от других людей? Многие, правда, жалуются на то, что кто-нибудь другой лишает их блага и подвергает злу. Но если бы они были правы, то это значило бы, что человек сам по себе не может достичь своего блага. Благо, следовательно, недостижимо. Как же может называться благом то, чего нельзя достигнуть?

Нет, друзья! Единственное наше благо и зло — в нас самих, в нашей собственной душе. Для каждого из нас благо в том, чтобы жить разумно, а зло в том, чтобы не жить разумно. Если мы будем это твердо помнить, то ни с кем никогда не станем ссориться и враждовать, потому что глупо ссориться из-за того, что не касается до нашего блага, и — с людьми заблуждающимися и, стало быть, несчастными.

Сократ понимал это. Злоба жены и неблагодарность сына не заставляли его плакаться на судьбу: жена выливала ему на голову помой и топтала ногами его пирог, а он говорил: «Это меня не касается. То, что мое — мою душу, — никто на свете не может отнять у меня. В этом бессильна и толпа людей против одного человека, и самый сильный против самого слабого. Этот дар дан Богом каждому человеку».

Так жили мудрые люди. А мы вот умеем только хорошо писать, читать да рассуждать об этом, а на самом деле

не поступаем так. Про один древний народ говорили, что они — львы у себя дома, а в чужой стороне — лисицы. Про нас же можно сказать, что мы — львы на словах, а на деле — лисицы.

III ЧТО СЛЕДУЕТ И ЧЕГО НЕ СЛЕДУЕТ БОЯТЬСЯ?

Человек не должен ничего бояться, он должен быть бесстрашным и вместе с тем он должен жить с опаской. Сначала кажется, что человек, живущий с опаской, не может быть бесстрашным; но так только кажется. На самом же деле это возможно, потому что бесстрашным надо быть в одних случаях, опасаться же должно в других.

Все зло кроется в наших неразумных понятиях и в наших преступных желаниях. И потому надо зорко и опасно глядеть за тем, как образуются в нас наши понятия и желания. В этом важном деле никогда нельзя быть слишком строгим и осторожным.

Все же остальное есть дело неважное для нас, оно — внешнее дело, а не наше внутреннее. К тому же оно и не дано нам во власть. Поэтому и бояться его нечего.

Мы ясно поймем, что все внешнее не имеет для нас значения только тогда, когда будем осторожно следить за нашими понятиями и желаниями. И таким образом, боязнь истинного зла даст нам бесстрашие перед разными выдуманнами злами.

А между тем мы сплошь да рядом попадаем в западню, как несмышленные звери, за которыми люди охотятся. Охотники вспугивают, например, оленя; олень хочет уйти от опасности и бежит в другую сторону, как раз туда, где расставлены сети, — и попадает. То же бывает и с нами.

Чего мы малодушно боимся? Того, что не в нашей власти. Когда бываем мы всего спокойнее и бесстрашнее? Когда дело зависит от нас самих. И выходит, что мы самоуверенно равнодушны к нашей собственной опрометчивости, к нашим ошибкам и страстям и все внимание и старание наше обращаем на то, чтобы достичь успеха в том, что от нас вовсе не зависит. И таким образом, то природное бесстрашие, с которым нам следовало бы относиться ко всему внешнему, мы обращаем на самих себя и становимся самодовольными и самоуверенными. И наоборот, ту природную осмотрительность, которая нам дана для осторожного обращения с нашими внутренними понятиями и желаниями, мы направляем на внешние обстоятельства, от нас вовсе не зависящие, и становимся боязливыми и малодушными.

Если бы мы были постоянно настороже по отношению к нашим понятиям и желаниям — мы избегли бы много зла; но когда мы всячески стараемся избежать того, что в чужой власти, тогда мы, как олени, попадаем в тенета — смущения, боязни и малодушия.

Страданий и смерти избегнуть нельзя, они — наш удел. И вот мы как раз их-то и боимся. Зло не в смерти и не в страданиях, а в малодушии пред ними.

Правду говорит Сократ, что мы, как дети, устроим себе какое-нибудь чучело, размалюем его пострашнее и сами же пугаемся его. Как дети боятся пугала, ими же самими устроенного, так и мы устроили себе пугало из страданий и смерти и боимся его.

В самом деле, подумаем: что такое смерть? Подойдем поближе к этому страшилищу, рассмотрим его со вниманием, и мы увидим, что это только размалеванное пугало. Ведь необходимо же душе моей когда-нибудь разъединиться с моим телом, как и не были они соединены до моего рождения? Ведь придется же мне умереть — не сегодня, так завтра? К чему же огорчаться, когда наступает смерть?

— Зачем так устроено? — спрашиваешь ты.

— А затем, что так нужно для мировой жизни. Эта жизнь основана на том, что прошлое сменилось настоящим и что настоящее в свою очередь сменится будущим.

А что такое страдание? Это то же детское пугало. Разбери хорошенько, в чем оно состоит. Тело наше так устроено, что оно испытывает то неприятные ощущения, то приятные. Неприятные называются страданиями. Но и неприятные и приятные ощущения окончатся с твоею смертью. Чего же бояться страданий, столь непродолжительных?

Вот к каким мыслям мы приходим, когда со вниманием разбираем наши понятия и желания. И эти мысли делают нас бесстрашными ко всему тому, что не есть главное в нашей жизни, — ко всему внешнему.

В таких мыслях и заключается высшая наука и жизнь.

IV

РАЗУМНЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕ СТАНЕТ ОГОРЧАТЬСЯ ЛЮДСКОЙ МОЛВОЙ И НЕ БУДЕТ ЗАВИДОВАТЬ ЛЮДЯМ

— Меня огорчает то, что люди думают обо мне неправильно.

— Ведь не ты же в этом виноват, а они. Почему же это огорчает тебя?

— Да хочется им показать, что они ошибаются. Они жалеют меня, когда я поступаю хорошо; а когда я на самом деле виноват, то они меня одобряют. Они, например, сожалеют обо мне, что я не домогаюсь богатства и власти.

— Показать всем людям, в чем они ошибаются, и убедить их в том, что разумно, — это не в твоей власти. Тебе дана власть убеждать только самого себя. Убедился ли ты сам в том, в чем хочешь убеждать других? Знаешь ли ты-то сам, в чем добро, в чем зло? Живешь ли ты сам как следует? Ты знаешь, что

можешь жить, как следует; только тогда, когда будешь свободным, когда откажешься от всего того, что не в твоей власти. А разве в твоей власти сделать так, чтобы люди не ошибались? Ты заботаешься об этом, огорчаешься этим, значит, ты сам еще не твердо знаешь, в чем добро, в чем зло! Так не лучше ли тебе оставить в покое других людей и учить только самого себя? Сам ты знаешь себя больше всех и убедить себя можешь лучше, чем других. Другие сами увидят, полезно ли им ошибаться.

Если ты живешь хорошо, а люди об этом жалеют, что же тебе остается делать? Не станешь же ты жить скверно для того, чтобы люди перестали тебя жалеть?

Ты знаешь, как надо праведно жить, и все-таки жизнь твоя ничуть не лучше от этого. Отчего это?

Это оттого, что ты живешь не по твоим разумным мыслям, но оставляешь их втуне. Лопата, которую следует копать, непременно ржавеет, если она лежит без всякого употребления. И все твои разумные мысли ни к чему не поведут, если ты не будешь поступать по ним.

Тебе непременно следует освободиться от всякого страха и огорчения. А то ты боишься людской молвы, ты огорчаешься тем, что люди напрасно жалеют или осуждают тебя вместо того, чтобы хвалить и уважать. И что же выходит из твоего огорчения? Если ты горюешь об этом, то выходит, что ты и вправду достоин сожаления.

Антисфен учил, что человек должен быть хорошим и вместе с тем всегда готовым слышать про себя, что он дурен.

У меня голова не болит, а все думают, что она у меня болит. Что мне за дело до этого? Я совсем здоров, а меня жалеют, полагая, что я болен. Я только этому внутренне смеюсь.

И ты поступи так же.

— Но ведь на долю других достается богатств и почестей больше, чем мне!

— Ну что же? Ведь и справедливо, чтобы люди имели больше того, чего они добиваются. Они трудились, чтобы стать богатыми и достигнуть власти; а ты трудишься, чтобы правильно думать и хорошо жить. Они получили то, чего искали, а ты получишь то, чего ты добиваешься.

Они начальники, а ты нет; они богаты, а ты нет. Да ведь ты и не домогался того, чтобы быть начальником или богатым? Не бывает же так, что тот, кто не заботится о чем-нибудь, достигал бы больше того, кто заботится об этом. Ведь потерянную вещь находит тот, кто ищет, а не тот, кто вовсе о ней не заботится.

— Это, положим, так, но, по-моему, гораздо справедливее, чтобы тот, кто думает и живет праведно, был впереди всех.

— Да он и так впереди в своем деле: в правильном мышлении, в праведной жизни. А те люди впереди тебя в своем деле: в богатстве и в почестях. Неужели ты полагаешь, что если ты

хорошо думаешь и поступаешь, то поэтому можешь требовать, чтобы и стрелял ты лучше стрелков, и ковал железо лучше кузнеца, хотя бы ты этими делами и вовсе не занимался? Конечно, если ты будешь желать иметь и то, чего ты не добивался, то тебе непременно придется много плакать и страдать.

Нельзя делать двух вещей зараз.

Тот вставал до зари и только о том и думал, как бы подольститься к дворцовой челяди, одарить кого следует, как бы понравиться другу Цезаря, как бы повредить одному человеку, чтобы выслужиться у другого. Когда он и молится, он думает только об этом. Он горюет, когда пропустил случай задобрить сильного человека; он боится, не поступил ли он нечаянно, как честный человек, и тогда он сожалеет о том, что не соврал, а поступил честно.

А если ты вправду хочешь верно мыслить и хорошо жить, то ты, напротив, будешь искать свои ошибки и думать только о том, как бы исправить себя. Ты будешь помнить, что ничего, от нас не зависящее, не должно ни печалить ни радовать нас: ни тело наше, ни богатство, ни слава. Ты будешь помнить, что у тебя есть совесть и разум, которые только и могут привести тебя к душевному спокойствию и счастью.

Нет, не подобает тебе обращать внимание на людскую молву о тебе и не приходится тебе завидовать людям. Они ведь не сердятся и не удивляются, когда ты их жалеешь: они уверены в том, что их доля лучше твоей. А ты, значит, не уверен в том, что твоя доля лучше их. Ты не доволен ею и желаешь того, что принадлежит им; они же довольны своей долей и не завидуют твоей.

Если ты в самом деле хочешь жить по совести и разуму, если ты вправду веришь, что в этом твое благо и что другие заблуждаются, то ты не будешь беспокоиться о том, что говорят про тебя другие люди.

V

О ПЕРЕНЕСЕНИИ ОБИД

Разумный человек не только сам никогда ни с кем не ссорится, но если может, то делает так, чтобы и другие не ссорились. В этом Сократ был хорошим примером для нас. Сколько ссор он помирил, сколько было у него терпения с женою и сыном! Он хорошо знал, что никто не может быть господином над душой другого человека, что не в нашей власти принудить человека поступить разумно. Мы должны при случае и по мере сил стараться склонять людей жить разумно; но успех наших слов зависит не от нас, от нас только зависит самим правильно поступать, и это главное; а праведные дела наши уже сами будут учить людей добру.

У разумного человека не может быть ни одного случая для ссоры. Он всегда заранее готов получить еще большие неприятности, чем те, которые люди ему делают.

— Прохожий меня обругал,— говоришь ты.

— Скажи ему спасибо за то, что он не побил тебя.

— Да он побил меня!

— Скажи спасибо, что не ранил.

— Он и ранил меня!

— Благодарю за то, что не убил.

Мы сами виноваты в том, что люди злы. Если бы мы были добрее, то и злых людей было бы меньше.

— Сосед мой бросал камнями в мои окна.

— Ну что же? Ведь не ты, а он в этом виноват.

— Да у меня в доме все поломано!

— Разве ты горшок? Ведь тебя разбить нельзя: в тебе совесть и разум. Поступи же разумно и по совести с твоим соседом. Если бы ты хотел поступить по-зверски, то бросился бы на него и стал бы кусать его в отместку. Но ты хочешь быть человеком — поступи же с твоим обидчиком человечно и кротко, а не мстительно и жестоко.

Лошадь спасается от врага своим быстрым бегом, и она несчастна не тогда, когда не может петь петухом, а тогда, когда потеряла то, что ей дано,— свой быстрый бег. Собака имеет чутье; когда она лишается того, что ей дано,— своего чутья, то она несчастна, а не тогда, когда она не может летать. Точно так же и человек становится несчастным не тогда, когда он не может осилить медведя или льва или злых людей, а тогда, когда он теряет то, что ему дано,— доброту и рассудительность. Вот такой человек воистину несчастный и достоин сожаления. Не то жалко, что человек родился и умер, что он лишился своих денег, дома, имения: все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность — свое человеческое достоинство. Если на монете печать настоящая, то, значит, монета годная; а если печать поддельная, то брось монету: она фальшивая. И с человеком то же самое. Если в нем есть человеческое достоинство, если он обходится с людьми кротко, терпеливо и ласково, то всякий охотно возьмет его в соседи, в товарищи, в друзья. Но человека, который только животное, человека, который гневается, мстит и всем недоволен, люди остерегаются и избегают.

Если человек имеет злые намерения, то он в эту минуту не человек и его надо жалеть. По наружному виду судить ни о чем нельзя. По наружному виду раскрашенное восковое яблоко похоже на настоящее; но оно не имеет ни вкуса, ни запаха, ни внутреннего состава настоящего яблока. Точно так же недостаточно иметь наружный облик человеческий для того, чтобы быть человеком, а надо иметь и разум, и волю человеческую. Вот этот, например, не слушается разума, не сознается в своих ошибках даже тогда, когда ему ясно показали их; ну, чем же он в эту

минуту отличается от осла? Ничем. А этот не может сдерживать своей страсти; ну чем он в эту минуту отличается от барана? Иной ищет, на кого накинуться, чтобы обидеть его,— это уже не осел и не баран, а прямо дикий зверь.

— Но неужели я должен позволить, чтобы меня презирали?

— Да кто тебя презирает? Люди справедливые не могут презирать тебя за твою кротость и доброту; а до других людей тебе дела нет — не обращай внимания на их суждения. Не станет же искусный столяр огорчаться тем, что человек, ничего не понимающий в столярном деле, не одобряет его хорошую работу.

— Но если я не стану обращать внимания на людей, то они еще больше разозлятся на меня и повредят мне!

— Как это ты говоришь: «повредят мне»? Разве может повредить кто-нибудь твоей душе? Так чем же ты смущаешься? Я смеюсь про себя над теми, которые думают, что они могут повредить мне: они не знают ни кто я, ни того, в чем я полагаю добро и зло; они не знают, что они не могут даже прикоснуться до того, что есть воистину мое и чем одним я живу.

VI

О ТОМ, ЧТО МЫ МОЖЕМ И ЧЕГО НЕ МОЖЕМ ДЕЛАТЬ

Когда мы обучаемся грамоте, то мы учимся, как читать и писать. Но грамота не научит нас, нужно ли писать нашему другу письмо или не нужно. Точно так же и музыка учит нас петь или играть на балалайке, но она не научит нас, когда можно петь и своевременно ли играть на балалайке.

— Какая же наша способность указывает нам, что следует делать и чего не следует?

— Способность эта называется разумом. Один только разум указывает нам, что следует делать и чего не следует. Разумом человек судит обо всем. Человек понимает разумом, какое дело стоит, следует ли им заняться, когда следует и как следует.

Наделив нас разумом, Бог дал нам в распоряжение то, что нам нужнее всего и с чем мы можем справиться. Он не дал нам в распоряжение того, с чем мы справиться не в состоянии. И благодарение Богу, что Он так сделал!

В самом деле, мы живем на земле связанные с нашим немощным, слабым телом и окруженные такими же несовершенными людьми, как и мы сами. Разве при этом мы сумели бы справиться со всем тем, чего Бог нам не предоставил?

Создав меня таким, каков я есть, Бог как бы сказал мне так:

«Эпиктет! Я мог бы даровать гораздо больше твоему ничтожному телу и твоей маленькой судьбе. Но не упрекай Меня в том, что Я этого не сделал. Не забывай, что тело твое — не твое. Оно — не что иное, как горсточка земли, искусно выделанная.

Я не хотел даровать тебе полной свободы делать все, что тебе вздумается, но Я вселил в тебя божественную частицу Себя Самого. Я даровал тебе способность стремиться к добру и избегать зла; Я вселил в тебя свободное разумение. Если ты будешь прикладывать свой разум ко всему тому, что случается с тобою, то ничто в мире не будет служить тебе препятствием или стеснением на том пути, который Я тебе назначил; ты никогда не будешь плакаться ни на свою судьбу, ни на людей; не станешь осуждать их или подделываться к ним. Не считай, что этого мало для тебя. Неужели мало для тебя того, что ты можешь прожить всю свою жизнь разумно, спокойно и радостно? Так довольствуйся же этим!»

А между тем вместо того чтобы разумом освещать и направлять свою жизнь, мы наваливаем на себя множество посторонних забот. Один заботится о здоровье своего тела и дрожит при одной только мысли заболеть; другой мучает себя заботами о своем богатстве; третий волнуется об участи своих детей, о делах своего брата, об усердии своего раба. Мы добровольно взваливаем на себя все эти ненужные нам заботы, и они ложатся тяжелым камнем на нашу шею.

Ведь это совершенно все равно, как если бы человек захотел на парусном корабле переплыть через море. Он усаживается на берегу моря и ожидает попутного ветра. Проходит день за днем, а ветер дует все не тот, который ему нужен.

— Господи!..— восклицает он в отчаянии.— Когда же наконец подует попутный для меня ветер?

— Когда ему заблагорассудится, милый друг, потому что Бог не тебя назначил распорядителем погоды.

— Что же мне делать в таком случае?

— Подчиниться тому, что не от тебя зависит, и улучшать в себе то, что зависит только от тебя. Разумно только об этом заботиться, а все остальное принимай так, как оно происходит. Ведь все остальное происходит не так, как ты хочешь, а как то Богу угодно.

— О чем же я должен думать, чтобы жить так, как ты говоришь?

— Не о чем ином, как только о том, что зависит от тебя и что от тебя не зависит, что ты можешь исполнить и чего не можешь. Например, тебе необходимо умереть, но необходимо ли тебе об этом плакать? Тебя насильно тащат в тюрьму; ты не можешь этого избежать, но ты можешь не сокрушаться об этом. Тебя ссылают в изгнание; никто не может тебе помешать уехать в спокойном духе и с легким сердцем.

— Расскажи мне о всех тайнах твоего друга,— скажет мне мой враг.

— Нет, я тебе не скажу этого,— отвечу я,— так как в моей власти сохранить тайну моего друга.

— Но я тебя закую в кандалы и отправлю на каторгу, если ты не откроешь мне его тайны!

— Что это ты говоришь? Не меня ты закуешь в кандалы; ты закуешь мои ноги, мои руки, а меня, мою душу, мою волю, мой разум ты не можешь заковать, потому что никто, кроме меня, не в силах распорядиться ими.

— Я тебе голову отсеку!

— Да разве я когда-нибудь говорил тебе, что мою голову труднее отсечь, чем голову всякого другого человека?

Вот в каких мыслях тебе следует ежедневно упражняться!

Кто разобрал и понял, что именно он может сделать и чего не может, тому не помешают никогда никакие препятствия и случайности, потому что он будет желать только того, что достижимо, и избегать того, чего достигнуть не может.

— Вы меня приговорили к смерти! — скажет такой человек.— Если вы хотите отрубить мне голову сейчас же, так пойдемте, я готов. Если же вы казните меня часа через два-три, так я пока пообедаю, потому что я проголодался; а потом, в свое время, я и умру.

— И ты спокойно пойдешь на казнь? — спросят его.

— Совершенно спокойно! — ответит он.— Как подобает человеку, отдающему то, что ему не принадлежит.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

I

ДОЛЖНО НЕУСТАННО НАБЛЮДАТЬ ЗА СОБОЮ

Если ты перестанешь наблюдать за собою хотя бы на одну только минуту, то помни, что этой минуты ты никогда не воротишь. Сначала мы легко привыкаем не следить за собою, а потом все откладываем исправление этой своей ошибки, и этим самым мы со дня на день отдаляем от себя возможность жить добродетельно и счастливо. Если мы думаем, что полезно откладывать исправление себя, то, значит, лучше всего и вовсе от этого отказаться. Если же исправление себя полезно, то незачем и откладывать его ни на один день.

— Но сегодня мне хочется поиграть и попеть.

— Ну что же! Это несколько не мешает тебе в то же время и наблюдать за собою. Ничто не может испортиться от внимания или сделаться лучше от невнимания. Без внимания ни плотник не исполнит успешно своей работы, ни кормчий не справится с кораблем. Если ты раз сделаешь что-нибудь без внимания, то потом тебе труднее станет управлять собою и ты легко поддашься всяким соблазнам.

— На что же должен я, наблюдая за собою, обращать особенное внимание?

— Прежде всего ты должен постоянно помнить главные Божеские истины. Держи их всегда в уме своем, и утром, вставая,

и вечером, ложась спать, и днем, садясь за еду и общаясь с людьми. Помни, что никто не может быть господином над разумом и волею твоими и что в разуме и воле человека находится добро и зло для него. Значит, нет человека, который мог бы мне сделать добро или зло,— это могу сделать только я сам, и потому мне нечего бояться ни притеснителя, ни болезни, ни бедности, ни каких-либо помех.

— Ты не нравишься,— говорят мне,— вот этому высокопоставленному человеку?

— А мне что за дело до этого? — отвечаю я.— Разум и воля мои не в его распоряжении.

— Но ведь он может наделать тебе много зла!

— Он может причинить зло только тем, кто считает его сильнее себя, и только для них он страшен. У меня же есть свой хозяин, которому одному я повинуюсь. Бог — хозяин мой, и мне нет дела до других хозяев, потому что Сам Бог приставил ко мне в начальники меня самого и сделал так, что я могу разуть Его волю и хочу следовать Его законам.

Руководствуясь данными мне Богом разумом и совестью, я должен постоянно наблюдать за собою и стараться поступать, как следует во всех случаях своей жизни. Я должен знать, когда подобает мне работать, когда можно отдохнуть, когда радоваться мне или печалиться. Я должен чувствовать, что кстати и что некстати; что своевременно, что нет; когда и над чем позволительно пошутить и посмеяться и в каких случаях это было бы неуместно. Для того чтобы исполнить все это, необходимо постоянно зорко наблюдать за собою и никогда ничего не делать зря, спустя рукава.

— Да разве можно быть непогрешимым человеком?

— Конечно, нельзя. Но можно стараться быть непогрешимым. Это вполне доступно человеку. И велика бывает его радость, когда, благодаря неослабному наблюдению над собою, он избегает какого-нибудь дурного дела или уберегается от ошибки, в которую чуть было не впал.

Итак, безумно говорить, что я буду завтра внимателен к себе. Это все равно что сказать: сегодня я хочу быть негодным мерзавцем. Если наблюдать за собою полезно завтра, то оно столько же и еще более нужно и полезно сегодня. И потому наблюдай за собою как можно внимательнее сегодня для того, чтобы завтра не оплошать.

II

НЕ СУДИ ДРУГИХ И НЕ БУДЬ САМОУВЕРЕН

По тем мыслям, которые человек высказывает, нельзя судить о том, как он поступил бы с нами на деле. Также и наоборот: по делам человека очень трудно судить о том, ради чего он так поступает, какие у него в голове мысли, а в душе побуждения?

Если я вижу, что человек без устали хлопочет, читает, пишет, или работает с утра до ночи, или даже просиживает за своею работою целые ночи напролет, то я еще не скажу, что человек этот любит трудиться или трудится ради пользы людей, если я не знаю, зачем он все это делает. Ведь никто не скажет про человека, который по целым ночам кутит с распутными женщинами, что он полезен или что он любит трудиться. И не только скверные, но как будто и прекрасные дела часто делаются ради скверных целей, например из-за денег или ради славы; и нельзя сказать про человека, поступающего так, что он трудолюбив и полезен, как бы неумоимо он ни работал и какие бы громкие дела ни совершал. Я скажу про человека, что он любит труд и полезен людям только тогда, когда узнаю, что он трудится для души своей — для Бога и людей.

Но чужая душа — потемки, как же я узнаю внутренние побуждения человека, известные только ему самому?

И выходит, что человек не может судить человека, то есть осуждать или оправдывать его, ни хвалить, ни порицать.

Разве можно сказать, что человек плотник или музыкант, если видишь у него в руках топор или гусли? Точно так же нельзя назвать человека мудрым, если он говорит мудрые речи.

Мудрым можно назвать человека только тогда, когда он не только разумно рассуждает, но и на деле старается поступать согласно тому, что он говорит. Мы хорошо умеем распознать ремесленника, но часто путаемся в том, кто мудрый человек, так как склонны судить об этом по его речам или по наружному виду.

Не называй мудрым такого человека, который говорит, что он мудр, точно так же как ты не назовешь кузнецом всякого, кто купит себе наковальню.

Если желаешь стать праведником, то сначала убедись в том, что ты скверен.

Истинно мудрый человек всегда скромн и никогда не старается прослыть мудрецом. Часто люди, поняв кое-что из слов мудрого человека, воображают и себя мудрецами. Они делают с мудростью то же самое, что делает сластолюбец с вкусным кушанием: поняв какую-нибудь истину, они сейчас же хотят получить удовольствие и похвалу и для этого начинают с жаром рассуждать и спорить со всякими встречными, даже с теми, которые не хотят и слушать их. Но ты, если хочешь быть участником в истинной мудрости, будь мудрецом про себя.

Так и рожь вырастает. Зерно запахано под землю на время. Там оно укореняется для того, чтобы потом хорошо взойти и дать богатый плод. Если стебелек выйдет из земли раньше времени, то колос не вызреет и не даст плода.

Дай же и ты корням мудрости укрепиться в тебе. В свое время вырастут и плоды ее; мудрый человек не может их не дать, и по плодам его узнается и мудрость его.

III КАК ПОСТУПАЕТ «НАСТОЯЩИЙ» ЧЕЛОВЕК?

У всякого человека есть разум; и если человек живет согласно с разумом, то он будет избегать только того, что противно разуму. Если рассмотреть повнимательнее жизнь человека, то мы ясно увидим, что ни от чего он так не страдает, как от того, что неразумно, и что всего более ему привлекательно то, что согласно с разумом.

Но не все люди бывают согласны между собою, что считать разумным и что — неразумным: один называет разумным то, что другой считает неразумным. Это бывает и со всеми людскими суждениями: один так думает, другой — иначе. Неодинаково, например, люди думают и о добре, и о зле. И потому для людей важно всякое учение, которое им помогает верно судить о том, что поистине добро, что зло, что согласно с разумом, что противно ему.

Но помимо учения, для того чтобы решить, разумен ли или не разумен какой-нибудь поступок, полезно бывает сообразить, подобает ли этот поступок настоящему человеку? Один человек бывает готов, не краснея, совершить самый низкий поступок для того, чтобы подольститься к тому, от кого он желает получить какую-нибудь милость; а другой ни за что этого не сделает. Который же поступает по-настоящему — так, как подобает настоящему человеку?

Кто-то мне раз сказал:

— Помоги мне твоим советом. Я нахожусь в зависимости от одного богатого и властного человека. Если я не стану ему подольщаться, он меня высечет и не станет кормить. Как мне поступить в этом случае?

— Всякому человеку,— ответил я,— лучше не быть битым и получить пищу, чем быть битым и не получить пищи.

— Но ведь он требует от меня того, что унижительно для меня.

— А это уже твое дело. Если ты хочешь себя продавать, то ты один можешь решить, во сколько ты себя ценишь. Разные люди продают себя разное. Я тебе отвечаю так потому, что если ты действительно не хочешь себя продавать, то не станешь спрашивать моего совета, а сам по себе не сделаешь ничего такого, что недостойно настоящего человека.

— Но что же подобает делать настоящему человеку?

— А на это, брат, ответить можешь только ты сам. Спрошу и я у тебя: как узнает бык, что он один так силен, что может защитить свое стадо от хищного зверя? И почему он бросается навстречу врагу, а не убегает прочь? Ведь ясно, что он хорошо знает свою силу и понимает, что должно делать настоящему быку. Точно так же и с нами. Кто из нас захочет жить разумно и по совести, тот сам поймет и почувствует, что подобает настоящему человеку, и сумеет, конечно, не сразу, а постепенно, стать

таким человеком. Вот об этом-то и нужно стараться и хлопотать, а не тратить попусту своих сил на то, что неразумно и не нужно.

IV

О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ ИСТИННАЯ СВОБОДА

Только про того человека можно сказать, что он свободен, который живет так, как он хочет. Разумный человек всегда живет так, как он хочет, и никто на свете не может ему в этом помешать, потому что он только того и желает, что возможно получить. И потому разумный человек свободен.

Никто не желает быть виноватым, никто не хочет жить в заблуждениях, несправедливо, никто не выбирает себе нарочно такой жизни, от которой он будет печалиться и мучиться, никто не скажет, что ему хочется жить скверно и развратно. Значит, все люди, живущие несправедливой жизнью, живут так не по своему желанию, а против воли. Они не хотят ни печали ни страха; а между тем постоянно страдают и боятся. Они делают то, чего не хотят. Стало быть, они не свободны.

Скажи это какому-нибудь вельможе или сенатору, он согласится с тобою и ничего тебе не сделает, если ты ему при этом скажешь:

— Конечно, ты человек мудрый и до тебя эти слова не касаются.

Но если ты скажешь ему всю правду, скажешь ему, что и он не свободен, что и он такой же развращенный раб, как и прочие рабы, то он, конечно, побьет тебя.

— Как! — скажет он, — я — раб? У меня отец и мать были не крепостные, да и меня никто не покупал! Я ведь сенатор и близкий Цезарю человек; я сам имею целую толпу рабов!

— Во-первых, милый мой сенатор, очень может быть, что и отец и мать твои были такими же рабами, как и ты; может быть, и предки твои все до единого были такими же рабами. Но если бы даже все они были святыми людьми, то ведь ты-то сам через это не сделаешься святым? Что из того, что они были добры, жалостливы, ничего не боялись, были господами над своими похотями, если ты сам и зол, и безжалостен, и трус, и не умеешь совладать с собою?

— Ну даже если бы я и был таким, почему же ты говоришь, что я — раб?

— А как ты думаешь: разве не раб тот, кто действует не по своей воле, а по принуждению?

— Такой человек, конечно, раб. Но меня никто ни к чему не может принудить, кроме Цезаря, нашего владыки!

— Вот сейчас уже ты сказал, что у тебя есть владыка; стало быть, он тебя может принудить.

— Да ведь Цезарь наш общий хозяин, не только мой!

— Оставим Цезаря в покое. Один ли он у тебя хозяин? Не рабствуешь ли ты еще и другим хозяевам? Отвечай мне вот на что: имел ли ты когда-нибудь любовницу — все равно свободную или рабыню?

— Если и имел, то это вовсе не касается того, о чем мы говорим.

— А вот посмотрим. Скажи-ка мне, разве твоя любовница не заставляла тебя делать то, чего тебе не хотелось? Вспомни-ка, не тратил ли ты на нее больше, чем хотел? Не ссорился ли из-за нее со своими родными и знакомыми? Не угождал ли ей всячески, а может быть, и лыстил ей, и целовал у ней ноги? Ты счел бы себя последним рабом, если бы тебя могли заставить поцеловать ноги хотя бы даже у Цезаря. А такое прислужничество своей любовнице — разве не рабство? Что же после этого назовешь ты рабством? Ты, я вижу, краснеешь; тебе, верно, совестно вспоминать об этом. Ну, поговорим о другом.

Каждый человек знает, когда можно назвать животное свободным. Есть люди, которые держат у себя прирученных львов. Они держат их взаперти, кормят и водят их повсюду за собою. Никто не скажет, что такой лев свободен; напротив, всякий скажет, что, чем слаще его жизнь, тем больше он раб. Ни один человек не захочет быть на месте такого льва; да и всякое пойманное животное чего-чего не перетерпит, чтобы только вырваться на свободу. Некоторые животные даже морят себя голодом, чтобы избавиться от неволи. Нужно много труда и хлопот, чтобы удержать их в рабстве, взаперти; и если они не убегают, то все-таки погибают. А как только найдут они малейшую лазейку, сейчас и убегут или улетят. Вот как любят животные свою свободу, как нужно им, чтобы они не были ничем связаны, ни стеснены. Если бы ты мог спросить у них: «Разве вам здесь плохо?» — они ответили бы тебе: «Опомнись, что ты говоришь? Мы созданы так, чтобы жить свободно на вольном воздухе, летать куда хотим, петь когда хотим. Все это отняли у нас, а ты еще удивляешься, отчего нам здесь плохо!»

И с людьми бывает то же. Вот почему я назову свободным только такого человека, который поступает по своей совести, не боясь никаких напастей и мук, ни даже самой смерти.

Мудрец Диоген говорил: «Только тот истинно свободен, кто всегда готов умереть». Он писал персидскому царю: «Ты не можешь сделать истинно свободных людей рабами, как не можешь поработить рыбу. Если ты и возьмешь их в плен, они не будут рабствовать тебе. А если они умрут в плену у тебя, то какая тебе прибыль от того, что ты забрал их в плен?»

Вот это — речи человека свободного: такой человек знает, в чем состоит истинная свобода.

Посмотри на то, как хочет жить раб. Прежде всего он хочет, чтобы его отпустили на волю. Он думает, что без этого он не может быть ни свободным ни счастливым. Он говорит так:

— Если бы меня отпустили на волю, я сейчас же был бы вполне счастлив: я не был бы принужден угождать и прислуживаться моему хозяину, я мог бы говорить с кем угодно как с равным себе, я мог бы идти куда хочу, не спрашиваясь ни у кого.

А как только отпустят его на волю, он сейчас же разыскивает, к кому бы подольститься, чтобы пообедать, потому что хозяин его больше не кормит. Для этого он готов идти на всякие мерзости. А лишь только он нашел себе квартиру и продовольствие, так он попал опять в рабство более тяжкое, чем прежде.

Если такой человек начнет богатеть, то он сейчас заводит себе любовницу, какую-нибудь распутную женщину. И вот он начинает страдать и плакать. Когда ему приходится особенно трудно, он вспоминает о прежнем своем рабстве и говорит:

— А ведь мне не дурно было у моего хозяина! Не я о себе заботился, а меня одевали, обували, кормили; и, когда я болен бывал, заботились обо мне. Да и служба была нетрудная. А теперь сколько бед! Был у меня один хозяин, а теперь сколько их стало у меня! Скольким людям должен я угождать, чтобы разбогатеть!

Но раб не образумится. Он хочет разбогатеть, и для этого он терпит всякие невзгоды. А когда получит то, чего хотел, то опять оказывается, что он оплел себя разными неприятными заботами.

Все-таки он не берется за разум. Он думает: «Вот если бы я стал великим полководцем, все мои несчастья кончились бы: меня стали бы носить на руках!»

И он отправляется в поход. Он терпит всякие лишения, страдает, как каторжный и все-таки просится в поход во второй и третий раз.

Наконец он достиг высшего, чего хотел, и его сделали сенатором. А на самом деле чем он сделался? Он все тот же раб, но раб, ходящий на заседания сената. Цепи его стали красивые, цепи блестящие, а все-таки это — цепи, лишаящие его свободы.

Если он хочет избавиться от всех своих бед и несчастий, пусть он опомнится. Пусть он узнает, в чем истинное благо жизни. Пусть он на каждом шагу своей жизни поступает согласно законам правды и добра, начертанным в его душе, и он обретет истинную свободу.

Люди только потому и несчастны, что не живут согласно с этими законами правды и добра.

Часто люди не понимают этого и думают, что они несчастны по другим причинам.

— Я несчастен,— говорит один,— потому что я болен.

— Неправда, ты несчастен потому, что не переносишь терпеливо своей болезни.

— Я несчастен, потому что я беден,— говорит другой.

— А я — оттого, что у меня злые родители.

— А я — оттого, что Цезарь не благоволит ко мне.

Так говорят люди. Но все это неправда,— они несчастны только потому, что живут не так, как велит им разум.

— Кто же свободен? — спросишь ты.

— Ищи и найдешь. Если же ты хочешь воспользоваться тем, что раньше тебя нашли люди, искавшие истину, то послушай, что они говорят.

Они говорят, что для человека самое большое благо есть его свобода.

Если свобода есть благо, то человек свободный не может быть несчастным. Значит, если ты видишь, что человек несчастен, страдает, ноет,— знай, что это человек не свободный: он непременно кем-нибудь или чем-нибудь поработен.

Если свобода есть благо, то свободный человек не может быть и подлецом. И потому, если ты увидишь, что человек унижается перед другими, льстит им,— знай, что человек этот также не свободен. Он раб, который добивается или обеда, или выгодной должности, или еще чего-нибудь. Кто добивается малых благ, тот немножко раболепствует; кто добивается великих благ, тот много раболепствует.

Свободный человек распоряжается только тем, чем можно распоряжаться беспрепятственно. А распоряжаться вполне беспрепятственно можно только самим собою. И потому если ты увидишь, что человек хочет распоряжаться не самим собою, а другими, то знай, что он не свободен: он сделался рабом своего желания властвовать над людьми.

Как бы ни был человек знатен и силен, но если он признает кого-нибудь своим господином, то он раб, хотя бы он и сам держал при себе целую толпу рабов.

Если хочешь узнать, свободен ли человек или нет, то взглядишь в него хорошенько и прежде всего узнай, чего он хочет. И если он хочет чего-нибудь такого, чего он получить не может,— он тоже раб.

Если мы позволим себе желать того, что не вполне в нашей власти, то нашим хозяином будет всякий, кто может дать нам или отнять у нас желаемое нами. И их, таких хозяев, будет у нас очень много, потому что мы захотим много таких вещей, которые зависят от других людей. Через это люди эти сделаются нашими господами. Мы любим богатство, почести, доходные места, и потому те люди, которые могут доставить нам все это, делаются нашими господами. Мы боимся тюрьмы, ссылки, смерти, и потому те люди, которые могут причинить нам все это, также делаются нашими господами.

Чтобы правильно и хорошо сделать какое-нибудь дело, нужно уметь сделать его. Это понимает всякий. Так же точно для того, чтобы правильно и хорошо жить, нужно уметь и хотеть жить свободно. А для того чтобы выучиться свободно жить, нужно прежде всего хорошенько подумать об этом и разобраться в том, что такое свободная жизнь. Давайте-ка попробуем сделать это.

Прежде всего будем помнить, что нельзя быть свободным тому человеку, который хочет чего-нибудь, что зависит не от него самого, а от других.

Взгляни повнимательнее в твою жизнь и разбери, все ли в ней вполне зависит от тебя одного, или же только кое-что находится в твоей власти, а остальное зависит не от тебя?

Когда, например, ты хочешь, чтобы тело твое было здорово и невредимо или чтобы оно было красиво, то ведь исполнение этих желаний не зависит же от тебя. Точно так же ты не волен в жизни или смерти твоего тела. Значит, тело твое подвластно не тебе, а чему-то другому, что сильнее его.

Разбери еще, от тебя ли зависит приобрести хороший, плодородный участок земли, если у тебя не на что купить его? Ведь нет же. Ты также, не имея на это средств, не в состоянии получить, когда вздумается, новую одежду, дома, рабов, лошадей. Не от тебя зависит, чтобы твои дети, жена, братья, друзья были живы и здоровы или чтобы они были согласны с тобою.

Все это не в твоей власти. Но неужели нет у тебя ничего такого, в чем ты самостоятельный и полновластный хозяин, ничего такого, чего никто у тебя отнять не может?

Вникни в самую суть твоей жизни и скажи мне, может ли, например, кто-нибудь на свете заставить тебя верить в то, что ты считаешь ложью?

— Нет, никто этого не может сделать.

— Стало быть, в деле верования никто не может подвергнуться извне ни помехам ни принуждениям. Скажи мне еще, может ли кто-нибудь принудить тебя захотеть сделать то, чего ты решил не делать?

— Конечно может, если он станет стращать меня тюрьмою или смертью.

— Ну а если бы ты не боялся ни тюрьмы, ни самой смерти?

— Тогда другое дело.

— А не в твоей ли власти презирать тюрьму и смерть?

— В моей.

— Ну вот, стало быть, в нашей власти находятся еще наши желания и нежелания.

— Пожалуй, это так. А вот, например, я хочу идти гулять, а другой останавливает меня и не пускает.

— Да ведь он что останавливает? Не останавливает же он твоего желания гулять?

— Все равно — он останавливает мое тело.

— Нет, это не все равно. Желания твои в твоей власти, и никто, кроме тебя, не может их изменить. Тело же твое

подвластно не только людям, но и всяким случайностям: какой-нибудь камень, например, может упасть тебе на голову и убить твоё тело.

— Это, положим, верно; но все ж таки мне помешали гулять.

— Я тебе и не говорил, что в твоей власти гулять без всякой помехи. Я сказал тебе, что в твоей власти самое желание гулять или не гулять. Только воля твоя свободна. Как только тебе понадобится помощь твоего тела, то это уже вовсе не в твоей власти. Я давно тебе это сказал. Итак, ты согласен, что никто не может принудить тебя пожелать того, чего ты не желаешь?

— Согласен.

— Могут ли тебя заставить сделать то, чего не хочешь?

— Нет, но могут помешать тому, что я хочу сделать.

— Если ты будешь желать только того, что в твоей власти, то как же могут помешать тебе в этом? А я тебе не говорил, что у тебя не будет помех в том, что от тебя не зависит.

— Неужели же я не должен желать даже, например, здоровья?

— Желать во что бы то ни стало здоровья так же неразумно, как вообще желать всего того, что не от нас зависит. Что от меня не зависит, этого я не могу по своей воле ни приобрести, ни удержать; а потому оно и не принадлежит мне. Я должен побороть в себе всякую зависимость от того, что мне не принадлежит. Иначе я сам на себя надеваю оковы. Я подставлю свою голову под тяжелое ярмо, если привяжусь душою к тому, что не от меня зависит, а от судьбы и что должно неминуемо погибнуть.

— Ну а вот эта рука, разве она не моя?

— Это часть твоего тела. А все тело твоё — пыль и прах, и находится оно во власти всякого, кто сильнее его. Смотри на тело своё, как на вьючного осленка, обязанного служить тебе, сколько ему назначено. Захотят сильнейшие отобрать от тебя твоего осленка, придут воины и наложат руки на него — отдай его без сопротивления и без жалоб. Станешь противиться — только побыют тебя и все ж таки отнимут осленка. Если так нужно смотреть на наше тело, то пойми же, как ничтожно все то, что приобретается ради тела. Тело наше — вьючный осленок, а все, что нужно телу, не что иное, как корм, ясли и сбруя этого осленка. Тело — пустое дело для разумного человека. А то, что приобретается ради тела, и подавно пустяки. Освободись же из-под власти этих пустяков поскорее и с легким сердцем.

Когда ты выучишься и привыкнешь отличать то, что твоё, от того, что не твоё; то, чего можно достигнуть, от того, чего нельзя достигнуть; когда поймешь, что для тебя важно только твоё, а остальное — пустяки; когда будешь желать только того, что от тебя зависит, — тогда ничего не будет страшным для тебя. Никто не будет властен над тем, что твоё собственное, а в нём только

и заключается добро и зло. Никто не сможет отнять у тебя твое, никто тебе ни в чем не помешает. Как невозможно препятствовать делу Божьему, так точно невозможно будет остановить тебя в твоих добрых побуждениях.

Значит, есть возможность жить без всяких огорчений и волнений. Люди огорчатся только тогда, когда случается то, чего они боялись. Ты же ничего не бойся, никому не завидуй, живи спокойно, желай только того, что в твоей воле, что честно и что у тебя под рукой. А то, что тебе выпадает на долю по воле других, принимай как дар добрых людей и пользуйся им настолько, насколько необходимо для поддержания жизни, но не привязывайся к этому так сильно, как животные.

Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получать от других людей, то люди не могут быть страшны для тебя, как пчеле не страшна другая пчела, как лошади не страшна другая лошадь. Но если твое счастье находится во власти других людей, то ты непременно будешь бояться людей.

С этого и надо начать: надо отрешиться от всего того, что нам не принадлежит, отрешиться настолько, чтобы оно не было нашим хозяином, отрешиться от привязанности к своему телу и ко всему, что нужно для него; отрешиться от любви к богатству, к славе, должностям, почестям. Надо сказать себе, что все это не есть наша собственность.

Тогда не понадобится нам уничтожать людское насилие насильем. Вот — тюрьма, какой вред мне от того, что она стоит? Зачем мне нападать на людей, производящих насилие, и убивать их? Их тюрьмы, цепи, оружие не поработят моего духа. Тело мое могут взять; но дух мой свободен, и ему никто не в чем не может помешать, и потому живу я так, как я хочу.

А как я дошел до этого? Я подчинил свою волю воле Бога. И я этого хочу. Хочет Он, чтобы я делал это, а не то? И я этого хочу. Хочет Он, чтобы со мною что-нибудь случилось? И я этого хочу. Не хочет Он, и я не хочу.

Когда на большой дороге грабят разбойники, то путешественник не выезжает один; он выжидает, не поедет ли кто-нибудь со стражей, присоединяется к нему и едет в безопасности.

Так же поступает в своей жизни и разумный человек. Он говорит себе: в жизни много всяких бед. Где найти защиту, как уберечься от всего этого? Какого дорожного товарища поджидать, чтобы проехать в безопасности? За кем ехать следом, за тем ли или за другим? За богачом ли, за влиятельным ли человеком? Не будет мне защиты ни от кого из них, потому что и их грабят, и убивают, и они плачут, и у них есть бедствия. Да и может случиться, что тот самый, по следам которого я пойду, сам нападет на меня и ограбит.

Куда же тогда убежишь ты от него? Разве в пустыню? Да и там ты легко можешь сделаться жертвой зверя или лиходжки.

— Неужели же мне нельзя найти себе верного и сильного дорожного товарища, который никогда не нападет на меня, а всегда будет мне защитой? За кем же мне идти следом?

И разумный человек ответит, что безопаснее всего идти за Богом.

— А что значит идти следом за Богом?

— Это значит: желать того, что Он хочет, и не желать того, чего Он не хочет.

— А как достигнуть этого?

— Вникая в промысел Божий и изучая его законы, начертанные в твоей душе.

Что дал мне Бог такого, что в моем полном распоряжении и над чем я полный хозяин? И что, наоборот, сохранил Он в своем распоряжении?

Он дал мне разум и волю, которые зависят только от меня одного. Для них нет ни помехи, ни принуждений. Ну а тело мое? Оно не подвластно мне. Оно есть часть окружающей меня плотской жизни и, вместе с остальным плотским, подчинено общим мировым законам. Так зачем же бороться с Богом из-за этих законов? Зачем желать того, что не повинуется моему желанию, а повинуется одному Богу? Зачем стараться удержать за собою навсегда то, что мне достается временно. Тем, что мне дано, я должен быть доволен в том виде и в том размере, в каких оно мне дано.

— А когда Бог отнимает от меня то, что я получил?

— Ну что же? К чему противиться этому? Безумно было бы с моей стороны бороться с тем, кто сильнее меня. И, кроме того, своим недовольством и противлением я нарушаю свой долг. Когда я родился, у меня ничего не было, — я все получил от отца своего, а он — от других людей, а они — от Бога. Бог же создал и солнце, и землю, и плоды на ней и поместил на этой земле людей для совместной, мирной и любовной жизни.

Опомнись! Ты получил от Бога все, и ты обвиняешь Его, когда Он что-нибудь у тебя отнимает! Да кто ты такой? Зачем живешь ты на земле? Не Бог ли привел тебя сюда? Не Он ли наделил тебя и разумом, и телом? Не Он ли окружил тебя всеми благами, которыми ты пользуешься?

А в каком виде создал тебя Бог? Ты создан существом смертным, ты должен жить в теле столько времени, сколько тебе назначено. Ты, живя, видишь и чувствуешь, как Бог управляет миром. Ты как будто пришел на празднество, устроенное Богом. Неужели же ты, наевшись и наглядевшись, сколько тебе было дозволено, на праздник и на всех гостей, — неужели ты, когда хозяин станет уводить тебя, будешь ругать его за то, что он дозволил тебе побывать на празднике? Напротив, ты будешь ему только благодарен.

— А я бы хотел еще побыть на празднике!

— В этом и беда твоя! Идет, положим, какое-нибудь непере-
стающее празднество; люди смотрят и слушают. Празднество им
нравится, и они не хотят уходить, не хотят уступить своего места
другим гостям, а все не умещаются. Если ты человек благодар-
ный, то ты должен в свое время безропотно удалиться: ведь
и другим гостям хочется побывать на твоём месте. Чего тебе еще
нужно? Почему тебе так сильно хочется, чтобы на земле было
тесно?

— Мне все-таки жалко, что моя жена и дети помрут!

— Разве они твои, а не Того, Кто их создал? Неужели
ты не хочешь уступить твоему Хозяину того, что принадлежит
не тебе, а Ему?

— А зачем Он дал мне жизнь на таких условиях?

— Какой ты неблагодарный! Перестань жаловаться и об-
винять Бога и судьбу. Вспомни, сколько ты получил средств для
защиты себя от несчастий; ты получил и доброе сердце, и светлый
разум, и силу быть свободным.

— Зачем же Бог окружил меня еще столькими заманчивыми
вещами?

— Затем, чтобы ты ими пользовался.

— Да ведь надолго ли?

— На сколько угодно Тому, Кто дал их тебе.

— Но они мне необходимы.

— Не считай их необходимыми. Не пристращайся к ним,
и они перестанут быть необходимыми для тебя.

Вот так-то ты должен смотреть на все плотское. Начни
с самых пустячных вещей, например с твоей глиняной посуды;
потом перейди к твоей одежде, собаке, лошади, к твоему полю;
потом к самому себе, к телу своему. Освобождай себя от
чрезмерной привязанности ко всему тому, что не принадлежит
тебе, для того чтобы не пришлось тебе страдать, когда у тебя
этого не будет.

Упражняйся в этом ежедневно; но не думай, что ты от этого
стал мудрецом; это была бы похвальба. А ты говори только, что
занят собственным освобождением, ибо в этом самом и лежит
путь к истинной свободе.

— Ну а вот этот человек может заковать меня в цепи, может
содрать с меня кожу!

— Ему же хуже,— он получит за это наказание, потому что
нельзя сделать ни одной несправедливости безнаказанно.

— Ну что ты говоришь? Когда, например, хозяин заковывает
и бьет своего раба, ему не полагается никакого наказания.

— Это только так тебе кажется. А на самом деле наказание
в том и заключается, что он, человек, другого такого же
человека, как и он, брата своего, заковал в цепи. Ты сейчас
сам признаешь это. Всякому дереву плохо, если его заставят
расти не так, как ему назначено. То же самое и со всяким

животным. А как назначено жить человеку? Кто скажет, что человеку назначено кусаться, брыкаться, бросаться на других, сажать людей в тюрьмы и рубить им головы? Ведь не дикий же зверь человек! Всякий скажет, напротив, что человеку подобает желать людям всего лучшего, делать им добро, помогать им. Значит, человек, делающий неправду и зло, не исполняет того, что ему назначено, и потому самому ему плохо. Когда Сократа осудили на смерть, зло было не для Сократа, а для его судей и убийц.

— Это что-то непонятно!

— Да ведь когда петухи дерутся, то считают победителем того петуха, который взял верх над другими, хотя бы он сам был весь изранен. А из двух людей — кто победитель; тот ли, который мучит и убивает другого, или тот, кто терпеливо и не сердясь переносит свои мучения и смерть? Кто из них взял верх? Почему ты правильно судишь о петухе-победителе, а о человеке-победителе не умеешь рассудить? Разве человек добрый и честный не выше человека злого и бесчестного? Настоящее зло для человека бывает тогда, когда он делается волком, змеей, трутнем. Такое положение для человека самое постыдное и жалкое.

Напомним же себе еще раз, в чем мы с тобой согласны.

Человек свободным будет тот, для которого нет никаких препятствий, который всегда найдет под рукой все, что ему нужно. Рабом будет тот человек, которому можно помешать в его делах, которого можно принудить сделать что-нибудь противное его воле.

Нельзя мешать только такому человеку, который не желает ничего, ему не принадлежащего, не находящегося в его власти. Не надо пристращаться ни к чему такому, что не в нашей власти, иначе мы подвергнем себя большим страданиям.

Когда ты сможешь сказать по правде и от всего сердца: Господи, Боже мой! веди меня туда, куда Ты хочешь,— тогда только ты избавишься от рабства и сделаешься истинно свободным.

Меня часто спрашивают:

— А сам-то ты, Эпиктет, считаешь ли себя свободным?

— Видит Бог, что я хочу быть свободным и всеми силами стараюсь быть таким. Но, конечно, я не достиг еще полной свободы. Я слишком еще дорожу своей плотью. Мне слишком еще хочется, чтобы тело мое было невредимо, несмотря на то что оно уже давно повреждено *. Но если вам нужны примеры людей, на самом деле свободных, то знайте, что такие люди бывают, и значит, свобода возможна для человека.

* Здесь Эпиктет, бывший рабом, намекает на свою искалеченную хозяином ногу. *Пер.*

Вспомните, например, Диогена. Он был свободен не потому, что родился от свободных родителей (они были несвободны), а потому, что освободил себя от привязанности ко всему, что ведет человека к рабству. Не за что было прицепиться к нему, чтобы сделать его рабом. От всего он мог отказаться, потому что был как бы привязан ко всему лишь самую тонкую нитью. Он говорил: «Я свободен, потому что мне ничего не надо. Тело свое я считаю не своим. Для меня закон Бога — все, а остальное для меня ничего не значит».

И Сократ также был свободным человеком. Он не боялся смерти и слушался внутреннего голоса своей совести даже и тогда, когда его за это преследовали и грозили ему смертью. Когда друзья предлагали ему убежать из тюрьмы, то он не захотел обманом спасти свою жизнь и сумел, когда нужно было, своею собственною смертью доказать людям все то хорошее, чему он при жизни их учил.

Вспоминай почаще таких людей. Их слова и пример их жизни помогут тебе самому достигать свободы. Но помни, что если ты на самом деле хочешь сделаться истинно свободным, то ты должен всегда быть готовым отдать Богу то, что ты от Него получил. Ты должен быть готов не только к смерти, но и к самым мучительным страданиям и пыткам. Как часто бывало, что целые города и народы отдавали свою жизнь не за истинную, а за ложную, мирскую свободу; сколько людей убивали себя, желая освободить себя от тягостной им жизни. Если даже ложное благо достигается такими жертвами, то что же удивительного в том, что истинная свобода достигается не без хлопот и телесных страданий. А если ты не хочешь заплатить такую цену за твою свободу, то ты на всю жизнь останешься рабом между рабами, хотя бы у тебя и были всевозможные мирские почести.

Все то, чем люди так восхищаются, все, ради приобретения чего они так волнуются и хлопочут, все это не приносит им ни малейшего счастья. Покуда люди хлопочут, они думают, что благо их в том, чего они домогаются. Но лишь только они получают желаемое, они опять начинают волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у них еще нет. И это очень понятно, потому что не удовлетворением своих праздных желаний достигается свобода; но, наоборот, избавлением себя от таких желаний.

Если хочешь увериться в том, что это правда, то приложи к освобождению себя от своих пустых желаний хоть наполовину столько же труда, сколько ты до сих пор тратил на их исполнение, и ты сам скоро увидишь, что таким способом получишь гораздо больше покоя и счастья.

Покинь общество людей богатых и влиятельных; перестань угождать людям знатым и сильным и воображать, что от них ты можешь получить что-либо нужное тебе. Ищи, наоборот,

у людей праведных и разумных то, что можешь ты от них получить, и, уверяю тебя, не с пустыми руками уйдешь ты от них, если только придешь к ним с чистым сердцем и добрыми мыслями.

Если ты не веришь мне на слово, то хоть на время попробуй сблизиться с такими людьми, постарайся сделать хоть несколько шагов на пути к истинной свободе. А тогда уже сам решай, куда тебя больше тянет — к благу и свободе или к злу и рабству. В таком опыте ведь нет ничего постыдного. Испытай же себя!..

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ

I

ДЛЯ ЧЕГО НАДО ЧИТАТЬ КНИГИ?

Мешает нам жить спокойно не только наше пристрастие к богатству и власти, но и всякое другое пристрастие, например пристрастие к досугу, к путешествиям, к чтению книг,— одним словом, ко всему, что вне нас, что не нужно нам, из-за чего мы попадаем под чужую власть.

Неразумные люди думают иногда, что они несчастны, если им приходится много писать или читать или, наоборот, если им бывает некогда писать или читать.

— Если ты недоволен твоим писанием или чтением, то зачем тебе оно?

— Нет, я доволен; и потому самому мне досадно, что мешают моему удовольствию.

— Какое же это довольство, если ему могут помешать? Для довольства нужно, прежде всего, чтобы ему ничто не могло мешать.

Мне надо стараться служить другим, а не себе; мне надо быть всегда готовым оказать людям ту помощь, которую они от меня просят, если я могу по совести оказать ее. Когда я буду постоянно работать для других, то не стану жалеть о том, что не успел прочесть или написать какой-нибудь книги, точно так же, как, будучи голоден, я не жалею, что ем, а не читаю или пишу. Только тот, кто хочет похвастать перед людьми своими знаниями или умом, станет читать или писать книги в то время, как ближний просит его делом помочь ему.

Чтение книжки не есть дело, а приготовление к делу. Когда представляется случай делом помочь человеку, то следует, не задумываясь, отложить чтение даже самой хорошей и полезной книги. Ведь такие книги только для того и пишутся, чтобы готовить читателя к добрым и полезным делам. Значит, когда мне приходится показать на деле то, к чему я готовился, то я не могу уже отговариваться тем, что мне будто бы нужно все еще готовить себя к делу чтением или писанием книжки.

Мы никогда не стали бы досадовать на то, что нам мешают читать, если бы всегда читали книги для того, чтобы выучиться лучше жить. Для этого только и стоит читать книги. Мы должны читать книжку, например, о нашей воле только для того, чтобы выучиться управлять ею; книжку о наших желаниях — для того чтобы достигать желаемого и желать только того, что следует; книжку о наших обязанностях — для того чтобы никогда не отступать от них. Если бы мы читали книги для этого только, то не сердились бы на то, что наше чтение прерывается, но, наоборот, радовались бы, что приходится на деле поступить так, как учат хорошие книги.

Ты так зачитываешься полезными книжками, что жалеешь, когда люди отрывают тебя от этого занятия. Ты смеешься над человеком суетным, который веселится праздными забавами, и думаешь, что читать полезную книгу никогда не суетно. Посмейся лучше над собою, потому что читать полезную книгу так, только для одного себя, как ты ее читаешь, также празднично и суетно: страдания и недовольство у обоих вас будут одинаковы. И ты ведь не сможешь сказать: «Да будет так, как угодно Богу», а будешь говорить:

— О, какой я несчастный! Мне хотелось заняться чтением прекрасной и полезнейшей книги; и вот, вместо того, изволь исполнять просьбы этого докучливого человека!

— А разве,— отвечаю я тебе,— твоя обязанность в том и состоит, чтобы читать книги в то время, когда от тебя просят помощи? Тебе надо знать и помнить одно: что хочет Бог, что бы ты сделал теперь, и чего Он не хочет. Недавно Он устроил так, чтобы ты был в одиночестве, чтобы ты беседовал сам с собою, читал, писал, подготовлялся к добрым делам. А сегодня Он послал к тебе людей, которые просят тебя помочь им делом. Этим самым Бог как бы говорит:

— Выходи из своего одиночества и покажи на деле то, чему ты выучился, потому что пришло время и тебе, и людям увидеть пользу того, о чем ты читал и думал.

Не ударь же лицом в грязь; не сетуй на людей за то, что они прервали твое занятие: ведь если б не было людей, то кому бы ты служил и к чему было бы читать книжки о том, как лучше служить людям?

II

НЕ ТОРОПИСЬ ПОУЧАТЬ ЛЮДЕЙ

Есть люди, которые едва только послушают мудрых поучений, как уже сами начинают поучать других. Они делают то же самое, что и больной желудок, который тотчас извергает принятую пищу. Не подражай таким людям. Сначала хорошенько перевари в себе то, что ты услышал, а не извергай прежде времени, иначе выйдет настоящая блевотина, которая не может служить никому пищей.

Перевари учение и на делах покажи нам свою мудрость, как показывает нам свое искусство тот, кто научился какому-нибудь ремеслу. Ведь такой человек не станет говорить: «Послушайте, как я думаю о своем ремесле»; он просто возьмется за свое дело, сделает его и тем покажет нам, что он на самом деле знает свое ремесло.

И ты поступай так же: живи, как следует разумному человеку; ешь, пей и одевайся благоразумно; женись, нарожай детей, работай, исполняй все свои обязанности правильно и разумно; терпеливо переноси обиды, не сердись на ближнего, виноватого перед тобою, будь он тебе брат, отец, сын, сосед, товарищ, знакомый или незнакомый человек. Покажи нам, как ты на деле исполняешь все это, и тогда мы признаем, что ты и вправду чему-нибудь да выучился у мудрецов.

Учить мудрости не такое дело, за которое можно было бы браться с легким сердцем или очертя голову. Для этого нужно быть многоопытным, нужна праведная жизнь, а главное, нужно, чтобы Сам Бог послал тебя на это дело. Обличать людей, обнаруживать их заблуждения и наставлять их на истинный путь — дело очень, очень трудное, и браться за такое дело можно только тогда, когда сам живешь праведнее других людей и, кроме того, сознаешь в себе несомненное призвание учить людей.

Прежде чем учить людей, обдумай поостроже свою собственную жизнь, познай самого себя и не принимайся за дело учительства без явного для тебя указания Божьего. Если ты внутренне, несомненно, сознаешь, что не для собственной потехи хочешь ты учить людей, но что Сам Бог призывает тебя к учительству, то пойдешь по этому пути. Но впредь знай, что так как ты будешь указывать людям на добро и правду, то, вероятно, будешь избит: кто живет праведнее других и этому учит людей, того большею частью преследуют и гонят люди. Однако при этом помни, что ты должен жалеть тех, кто тебя бьет, потому что, как учитель истины, ты — отец и брат всех людей.

III

О ТОМ, КАК ОТНОСИТЬСЯ К ЗАБЛУЖДАЮЩИМСЯ

Если ты так счастлив, что всегда говоришь только то, что есть на самом деле, отвергаешь то, что ложно, сомневаешься только в том, что сомнительно, желаешь только добра и пользы, то ты не будешь негодовать на злых и безрассудных людей.

— Да ведь они воры и мошенники! — говоришь ты.

— А что такое вор и мошенник? Ведь это человек порочный и заблудший. А такого человека жалеть надо. Если ты можешь, то убеди его в том, что для него самого нехорошо так жить, как он живет, и он перестанет делать зло. А если он еще не понимает этого, то неудивительно, что он скверно живет.

Пожалей же этих несчастных и старайся, чтобы их заблуждения не обозляли тебя. Вспомни, как часто ты сам заблуждался и согрешал.

Пойми хорошенько и постоянно помни, что человек всегда поступает так, как ему кажется лучше для себя. Если это на самом деле лучше для него, то он прав; если же он ошибается, то ему же хуже, потому что за всяким заблуждением непременно следует и страдание.

Если ты будешь постоянно помнить это, то ты ни на кого не станешь ни сердиться, ни возмущаться, никого не будешь ни попрекать, ни бранить и ни с кем не будешь враждовать.

Когда ты видишь, что человек заблуждается,— не гневайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не может хотеть, чтобы рассудок его затемнялся. Значит, кто заблуждается, тот искренно принимает ложь за истину.

Но бывает и так, что люди не заблуждаются, а нарочно не принимают истины даже и тогда, когда она раскрыта перед ними до полной очевидности. Они не принимают ее не потому, что не могут понять ее, а потому, что она обличает их злые дела, отнимает у них оправдание своих пороков, и, значит, потому они не принимают истины. Эти люди также заслуживают не гнева, а сострадания, ибо их совесть, так сказать, больна. И я всегда удивляюсь, как эти люди боятся болезней и смерти, всячески стараются избежать их, а нисколько не беспокоятся о болезнях совести и духовной смерти своей. А духовная смерть неминуемо наступает для всякого человека, когда он не дорожит своею совестью.

IV

О ТОМ, КАК УБЕЖДАТЬ ДРУГИХ

Если ты истинно веришь в справедливость твоего понимания жизни и желаешь добра людям, то при случае ты будешь высказывать другим свои мнения так, чтобы по возможности уверить твоих собеседников в справедливости твоего понимания жизни. И в этих случаях, чем более собеседник твой заблуждается, тем важнее и желательнее, чтобы он понял и оценил то, что ты хочешь ему доказать.

А между тем как часто мы поступаем как раз наоборот. Мы хорошо умеем беседовать с человеком, согласным или почти согласным с нами; когда же мы видим, что собеседник наш не верит в ту истину, которую мы признаем, или даже не понимает ее, то мы, правда, стараемся объяснить ему эту истину и уверить его в ее справедливости; но если он продолжает не соглашаться с нами и, как нам кажется, упрямится или извращает наши слова в другую сторону, то как легко мы теряем наше спокойствие

и раздражаемся! Мы или начинаем сердиться и говорить нашему собеседнику неприятности, или прекращаем разговор, думая, что с таким непонятливым или упрямым человеком не стоит и рассуждать.

Если бы ты шел по знакомой тебе дороге и встретил бы на пути человека заблудившегося, ты, наверное, указал бы ему дорогу? Покажи же и человеку, живущему в заблуждении, где находится истина, но покажи так, чтобы он увидел ее; и тогда посмотри, как охотно и радостно он пойдет к ней! Если же ты не сумел показать ему истину, то сетуй не на него, а скорее на себя за то, что ты так бессилен.

Когда ты хочешь показать твоему собеседнику, в разговоре, какую-нибудь истину, то самое главное при этом — не раздражаться и не сказать ни одного недоброго или обидного слова.

V

О ПОГОНЕ ЗА МИРСКИМИ БЛАГАМИ

Когда ты видишь, что человек достиг важной должности или приобрел большое богатство, то помни, что взамен того ты обладаешь умением обойтись без всего этого и что доля твоя гораздо счастливее, чем его доля.

Пусть люди владеют богатством, властью, красивыми женщинами, но в твоей душе есть сила не желать ни богатства, ни власти, ни красивых женщин, и этим ты могущественнее, чем те жалкие люди. И сколько бы дали они за это умение презирать богатство, почести и женские ласки!

Бывает жажда здоровая и жажда болезненная. У здорового человека жажда утоляется, лишь только он напьется. У больного же — жажда от питья прекращается на малое время, а потом опять желудок его страдает, его тошнит, он весь в жару, и снова мучает его неутолимая жажда.

Так бывает и с теми, которые гонятся за богатством, почестями и похотливыми удовольствиями: они грабят слабых, мучают невинных, занимаются постыдным сладострастием. Но этим они никогда не удовлетворяются: им нужно все больше богатства и власти, они ищут все новых наслаждений и вместе с тем боятся потерять то, что имеют. Зависть, злоба, ревность овладевают ими, и они умирают, не достигнув того, чего домогались.

Не завидовать нужно таким людям, а жалеть их и бояться стать такими же.

Разбросайте на улице орехи и пряники — сейчас же прибегут дети, станут подбирать их, подерутся между собою. Взрослые же не станут драться из-за этого. А пустые скорлупки и дети не станут подбирать.

Для меня — деньги, должности, почести, слава — те же скорлупки и детские сласти. Пусть дети подбирают их, пусть бьют их и гоняют из-за этого,— для меня это все — скорлупки. Если случайно ко мне в руки попадет какой-нибудь орех, почему же и не съесть его. Но нагибаться для того, чтобы его поднять, бороться из-за него, свалить кого-нибудь с ног или самому свалиться — не стоит из-за таких пустяков.

VI О МЕРЕ ДОБРА И ЗЛА

Одному человеку кажется хорошим одно, а другому — другое, как раз противоположное. Но ведь оба противоположных мнения не могут быть справедливы.

— Я,— скажешь ты,— считаю справедливым свое мнение и несправедливым чужое мнение.

— А почему же ты узнал, что твое мнение справедливо, а чужое несправедливо? Для этого ведь недостаточно того, что ты сам себя считаешь правым. Когда нам нужно, например, измерить какое-нибудь расстояние, то мы не полагаемся на слова того или другого человека, но измеряем расстояние верною мерою — аршином, саженью.

Если для таких простых дел есть своя верная мера, то неужели же для более важных дел жизни такой меры нет? Если бы нашлась такая мера для избежания ошибок, то мы, конечно, не стали бы делать ни одного шага без того, чтобы не справиться с нею. Такая мера раскрыла бы глаза всем тем, кто заблуждается, принимая за верное то, что им только «кажется».

Мера эта существует. Для того чтобы приобрести ее, надо прежде всего понять хорошенько, в чем наше истинное добро, в чем истинное зло и в чем их главные свойства.

Когда мы это выясним себе и ясно поймем, тогда у нас уже будет в руках та мера, которую мы ищем.

Мне хочется, например, узнать: добро или зло какое-нибудь плотское наслаждение? Одни люди говорят, что оно добро, другие скажут, что оно зло. Я прикладываю свою меру. Мера моя говорит мне, что истинное добро безопасно, внушает уважение и доставляет постоянное благо. Таково ли это плотское наслаждение? Нет,— оно и не безопасно для здоровья, и никому не может внушить уважения, и не доставляет постоянного блага. Следовательно, наслаждение это не есть добро.

Ты можешь проверить значение этого наслаждения еще и другою мерою: мы все знаем, что истинное добро всегда доставляет удовольствие душе нашей. Обсуди теперь, таково ли это плотское наслаждение?

Когда ты будешь отвечать на этот вопрос, то будь осторожен; потому что если ты скажешь, что плотское наслаждение может дать удовлетворение нашей душе, то ты этим только покажешь, что ты не умеешь пользоваться мерою добра и зла.

Настоящая мудрость есть не что иное, как умение выяснять и устанавливать истинную меру добра и зла; и задача всякого разумного человека состоит в том, чтобы прикладывать эту меру ко всем делам жизни.

Истинное добро заключается в правильных понятиях и в добрых желаниях. Истинное зло — в неправильных понятиях и в порочных желаниях.

Как только тебе покажется, что смерть есть зло, так сейчас же вспомни, что зло есть то, чего мы должны избегать. А как смерть избежать нельзя, то она и не может быть злом.

Никогда не нужно забывать той истины, что нет ничего ни хорошего ни дурного в том, что не зависит от нашей воли. Следует всегда помнить, что мы не можем управлять событиями, а должны прилаживаться к ним.

— Моему брату не следовало так поступать со мною! Разве его поведение не дурно для меня?

— Оно дурно, но только не для тебя, а для него самого. Как бы брат мой ни поступал со мною, я буду обращаться с ним так, как следует, потому что меня касается только мое поведение, а не его поведение. В своем поведении я хозяин, а в чужом — не имею никакой власти.

Всякое отступление от воли Божьей неизбежно сопровождается наказанием. Так, например, если человек будет считать, что для него может быть добро в том, что от него не зависит, то он непременно будет завистлив, ревнив, лъстив и постоянно беспокоен. Если человек будет считать, что в том, что от него не зависит, может быть для него зло, то он непременно будет грустить, плакать и отчаиваться. Вообще наказание неизменно следует за всяким неразумным поступком. И между тем как мало людей решаются бросить неразумную жизнь!

VII

КАКАЯ ПОТЕРЯ САМАЯ ВАЖНАЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА?

Когда ты бранишь человека и враждуешь с ним, то ты похож на кузнеца, который разучился своему ремеслу. Тогда ты забываешь, что люди — твои братья, и ты делаешься их врагом, вместо того чтобы быть их другом. Этим ты сам себе вредишь, потому что, когда ты перестал быть добрым и общительным существом, каким тебя Бог создал, и вместо того стал диким зверем, который подкрадывается, раздирает и губит свою жертву, — тогда ты потерял самую дорогую свою собственность. Ты чувствуешь потерю кошелька с деньгами; почему же ты не чувствуешь своего убытка, когда ты потерял свою честность, доброту и умеренность?

В чем состоит потеря того человека, который соблазняет жену ближнего своего?

В том, что он потерял свое воздержание, свою власть над собою, свою честность. Он убил в себе товарища и благожелателя людей.

Точно так же человек терпит большой убыток и тогда, когда он гневается на людей или боится чего-нибудь.

Душа наша похожа на сосуд с водой, а мысли, которые нам приходят, похожи на свет, падающий на эту воду. Когда вода в сосуде колыхается, то кажется, будто колыхается и свет, падающий на эту воду, хотя это и не так на самом деле. Так же точно, когда душа наша волнуется, то кажется, будто и сами наши мысли расшатываются и путаются. Но в самом деле волнуется только душа: успокоится она — и мысли наши сейчас же опять придут в порядок.

Нам нужно беречь то, что наше; не желать того, что не наше; пользоваться тем, что нам дают, не плакать о том, чего нам не дают; охотно и без противления отдавать то, что у нас отнимают, и благодарить Бога за то, что мы пользовались им некоторое время.

VIII

О ТОМ, ЧТО ДОРОГО В ЧЕЛОВЕКЕ

Ты говоришь, что нет надобности заботиться о том, чтобы правильно мыслить и соображать,— и просишь меня доказать тебе пользу правильного мышления. Но как же ты узнаешь, справедливы ли мои доказательства, как не при помощи именно правильного мышления и соображения? Следовательно, прося меня доказать тебе пользу правильного мышления, ты этим самым доказываешь мне, что имеешь намерение приложить к делу свое правильное мышление. А если так, то ты не нуждаешься в том, чтобы тебе еще доказывали его пользу.

Человек имеет преимущество над животным не телом, а своими душевными способностями. В них заключается высшее добро для человека; кто пренебрегает ими, тот впадает в настоящее зло. Кто хочет спастись от зла, тот должен оберегать, как бы от врагов, свою честность, свое воздержание, свое разумение. Кто отдает врагу эту крепость свою, тот попадает в плен и погибнет.

Прожить свой век настоящим человеком совсем не так легко и просто, как это кажется с первого взгляда. Мы знаем, что человек отличается от диких зверей и домашнего скота разумом своим. Значит, если мы хотим быть настоящими людьми, то не должны походить ни на зверей, ни на скотину.

— А когда бывает человек похож на скотину?

— Тогда, когда он живет в брюхо свое: безрассудно, небрежно, похотливо.

— А когда похож он на дикого зверя?

— Тогда, когда он живет насильничеством: когда он поступает с упрямством, гневом, злобой.

Приведи в порядок свою внутреннюю духовную жизнь; не давай ходу печали, страху, зависти, корысти, алчности, недружелюбию, изнеженности и необузданности. Всему этому можно не давать ходу только тогда, когда будешь помнить Бога, стремиться к Нему и исполнять во всем Его заповеди. Если ты не хочешь этого, то тебе придется со стоном и плачем тащиться за теми, кто сильнее тебя. Ты станешь искать счастья вне себя и никогда его не найдешь, потому что, вместо того чтобы искать его там, где оно находится, ты будешь искать его там, где его нет.

Человек создан не для одинокой жизни, но для совместной — для того чтобы любить себе подобных и находить счастье в общении с ближним. Но вместе с тем человек не должен скучать и тогда, когда ему приходится жить одному. Он должен уметь обходиться без развлечений и пользоваться одиночеством для того, чтобы беседовать с самим собою, размышлять о Боге и о том, какое назначение человека в этом мире. Находясь в одиночестве, мы должны разобрать наше собственное поведение, прошлое и настоящее, сообразить, что именно еще мешает нам жить праведно и как избавиться от этих помех; и затем — приступить к борьбе с теми слабостями и пороками, которые мы в себе подметим.

Дело разумного человека — в том, чтобы приложить свои мысли к делу сообразно с законами природы. У всякого человека два дела: одно — держаться истины, отстранять заблуждение и не рассуждать о том, что неизвестно; другое — любовно лнуть ко всему тому, что есть добро, отстранять от себя зло и не обращать внимания на то, что ни добро ни зло.

Человек, который не знал бы, что глаза могут видеть, и который никогда не раскрывал бы их, был бы очень жалок. Но еще более жалок тот человек, который не понимает, что ему дан разум для того, чтобы спокойно переносить всякие неприятности. С помощью разума мы можем справиться со всеми неприятностями. Непереносимых неприятностей разумный человек не встретит в жизни: для него их нет. А между тем как часто вместо того, чтобы смотреть прямо в глаза какой-нибудь неприятности, мы малодушно стараемся увернуться от нее. Не лучше ли радоваться тому, что Бог дал нам власть не огорчаться тем, что с нами случается помимо нашей воли, и благодарить Его за то, что Он подчинил нашу душу только тому, что от нас самих зависит. Он ведь не подчинил нашей души ни родителям нашим,

ни братьям, ни богатству, ни телу нашему, ни смерти. Он, по благости Своей, подчинил ее одному тому, что от нас зависит,— разумению нашему.

Свободным человеком бывает только тот, с которым случается все так, как он того хочет. Но значит ли это, что с ним непременно случится все то, что ему вздумается? Нисколько. Ведь грамота, например, научает нас писать буквами и словами все, что мы захотим; но для написания хоть своего имени я не могу писать такие буквы, какие мне вздумаются: этак я никогда не напишу своего имени. А я должен пожелать писать именно такие буквы, какие нужны, и в том порядке, который нужен. И во всем так. Мы бы никогда ничему не научились, если бы делали так, как только нам вздумается. Значит, для того чтобы быть свободным человеком, не следует желать зря всего того, что только придет в голову. Напротив того, свободный человек должен выучиться хотеть и соглашаться со всем тем, что с ним случается, потому что то, что с человеком случается, случается не зря, а по воле Того, Кто управляет всем миром.

IX

ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА К БОГУ

С Богом надо поступать так же, как мы поступаем с нашими глазами. Мы не просим их видеть то, что нам хочется видеть; напротив, мы очень довольны, что глаза наши показывают нам предметы такими, каковы они на самом деле. Почему же мы с Богом поступаем не так? Почему умоляем Его сжалиться над нами и дать нам то, чего нам хочется, а не то, что мы получаем от Него?

Разве есть что-нибудь лучше того, что Богом установлено?

Если б только мы постоянно помнили, что Бог в нас — свидетель всего того, что мы делаем и думаем, то мы перестали бы грешить, и Бог неотлучно пребывал бы в нас. Давайте же вспоминать Бога, думать и беседовать о Нем как можно чаще.

Если ты будешь постоянно помнить, каким великим мастером ты сотворен, то ты не захочешь оскорблять Его своим порочным житьем. Помни и то, что он не только сотворил тебя, но и велел тебе самому сохранять себя. Неужели сможешь решиться повредить и изгадить то, что Он доверил тебе? Если бы Бог поручил тебе призреть сироту, ты ведь позаботился бы предохранить его от вреда? Так же точно Бог поручил тебе призреть самого себя и как бы сказал тебе: «Убереги ты этого человека в том чистом образе, в котором Я произвел его на свет. Он родился честным, верным, бесстрашным и с чистой душой. Сохрани же его в целости!..»

АФОРИЗМЫ

Жизнь полна случайностей, похожа на разлившуюся от дождей реку — бурна, полна тины, непреходима, бешена, шумна и скоропреходяща.

Сердце, следующее законам нравственности,— неиссякаемый родник с чистою, прозрачною, вкусною, здоровою, для всего годною, прекрасною, полезною, не содержащею в себе ничего вредного водою.

Если хочешь быть добрым, прежде всего считай себя злым.

Лучше стараться о том, чтобы реже приходилось сознаваться в своих ошибках и чаще быть умным, нежели сознаваться в своих ошибках лишь изредка и чаще ошибаться.

Владей своими страстями — или они овладеют тобою.

Не так стыдись людского мнения о себе, как бойся истины.

Если хочешь, чтобы говорили хорошо про тебя, не говори худо о других. Когда ты приучишь себя отзываться хорошо о посторонних, старайся вести себя безукоризненно,— тогда о тебе составят лестное для тебя мнение.

Свобода — благо, неволя — зло. Но выбор любой из них зависит от нас. То, где свободной воле нет места, не подходит ни под одно из названных понятий. Но дух господствует над плотью и над всем, что принадлежит телу и не имеет свободной воли. Человек со свободной волей не может быть назван рабом.

Судьба — мрачная тюрьма для тела и зло для души. Кто свободен телом и несвободен душою, тот раб, и, в свою очередь, кто связан телесно, но свободен духовно — свободен.

От уз телесных природа освобождает смертью, как от бедности — богатством, но от уз духовных одною добродетелью — знанием, учением и трудом.

Если хочешь жить спокойно и весело, старайся вести знакомство только с хорошими людьми. Хорошими же будут они для тебя тогда, когда ты займешься перевоспитанием тех из них, кто станет охотно слушать тебя, и разойдешься с чуждающимся тебя, — вместе с теми, кто отойдет от тебя, отойдут и пороки, и рабство, как с теми, кто останется, останутся нравственные достоинства и свобода.

Стыдно тому, кто делает сладкий напиток из дара пчел — меда и в то же время своею порочною жизнью делает горьким дар Божий — разум.

Нет никого, кто, любя деньги, удовольствия и славу, любил бы и людей: их любит лишь тот, кто любит добродетель.

Ты не хотел бы ехать на большом, красивом, украшенном позолотой корабле — и утонуть на нем. Так не желай же жить в большом, роскошном доме, где бы ты был подавлен горем.

Если нас пригласят к обеду, мы едим то, чем нас потчуют. Когда кто-либо попросит у хозяина подать ему рыбного или пирожное — его назовут невежей. В жизни между тем мы требуем от богов, чего они не могут нам дать, требуем притом, получивши от них очень многое.

Смешны люди, гордящиеся тем, что не в нашей власти. Один говорит: «Я лучше тебя: у меня много земли, а ты мрешь с голоду». — «Я бывший консул», — говорит другой. «Я прокуратор», — слышишь от третьего. «У меня курчавые волосы», — говорит четвертый. Лошадь между тем не скажет лошади: «Я лучше тебя, потому что у меня много корму, вдоволь овса; узда у меня с золотой насечкой, попона — цветная», а только: «Я лучше тебя, потому что быстрее». Вообще, всякое животное лучше или хуже исключительно по своим достоинствам или недостаткам. Неужели же только люди не ценят нравственных качеств? — Неужели мы должны обращать внимание лишь на волосы, платье и происхождение?..

Больные недовольны врачом, когда он ничего не прописывает им, и думают, что он считает их положение безнадежным. Отчего же мы не поступаем так по отношению к философу — не думаем, что он отчаялся в нашем исправлении, если не дает нам никаких советов?

Кто крепок телом, может терпеть и жару и холод. Так тот, кто здоров душевно, в состоянии перенести и гнев, и горе, и радость, и остальные чувства.

Спроси себя, чего ты хочешь — богатства или счастья? Если богатства — знай, что оно ни благо, ни в твоих руках; если

счастья — будь уверен, что оно и благо, и находится в твоей власти: первым судьба ссужает нас только на время, тогда как быть счастливым зависит от нас самих.

Если ты увидишь ехидну, ядовитую змею или скорпиона в ящике с украшениями из слоновой кости или золота, ты все равно не полюбишь и не захочешь иметь их, хотя они и посажены в дорогое помещение, напротив, станешь глядеть на них со страхом и отвращением, как на ядовитых животных. Так, когда ты встретишь людей богатых, щедро наделенных всем судьбою, но порочных, не изумляйся их блестящей внешности, а презирай их за их пороки.

Богатство нельзя назвать добром, роскошь — прямое зло, как бережливость — хорошее качество. Бережливость ведет к умеренности и к приобретению истинных благ, богатство — к роскоши и невоздержности. Трудно поэтому богачу быть умеренным, как человеку воздержному — разбогатеть.

Если твоя мать забеременела или родила тебя на корабле, ты не стал бы стараться ради этого сделаться его кормчим. Так и на земле тебе не следует желать себе богатства. В первом случае у тебя нет ничего общего с кораблем, в последнем — с богатством. Общее у тебя в обоих случаях с разумом. Если же разум дала тебе природа, если у тебя есть родство с ним, — считай его своим, заботься о нем.

Когда бы ты родился в Персии, ты не захотел бы жить в Греции, нет, ты желал бы жить счастливо в своем отечестве. Зачем же, родившись в бедности, ты стараешься разбогатеть и не хочешь жить счастливо, оставаясь тем, кем был раньше?..

Лучше спать, хотя бы согнувшись, на короткой кровати и быть здоровым, нежели лежать на длинной кровати и быть больным. Так лучше нуждаться и быть веселым, чем жить в роскоши и не знать, что такое чувство радости.

Не бедность наводит нас на грустные думы, но наши желания, и не богатство рассеивает в нас чувство страха, а рассудок. Раз у тебя есть рассудок, ты не станешь ни желать себе богатства, ни роптать на свою бедность.

Лошадь не хвалится, не гордится своею конюшной, сбруей или попоной, птица — пищей или гнездом; оба гордятся быстрою — ног, как первая, или крыльев, как вторая. В свою очередь, и тебе следует гордиться не своим столом, не платьем, — словом, внешними благами, но своим добрым сердцем и благотворительностью.

Между понятиями «жизнь счастливая» и «жизнь роскошная» есть разница. Первая основана на воздержании, самосовершенстве, порядке, пристойности и простоте, последняя — на неумеренности, роскоши и отсутствии всякого порядка и пристойности, вследствие чего первая заслуживает справедливой похвалы, тогда как вторая — порицания. Итак, если ты хочешь жить счастливо, не ищи похвал за роскошную жизнь.

Знай меру во всякой пище и питье и удовлетворяй лишь первому позыву к пище. Позыв же к пище выражается в том удовольствии, с каким ты ешь. Тогда ты не будешь принимать пищи насильно, станешь обходиться без тонких блюд и пить с удовольствием любой напиток.

Званые обеды у тебя не должны быть роскошны и при этом скучны, но веселы и просты, чтобы, с одной стороны, от угождения телу не страдала душа, а с другой — чтобы, потворствуя чувственным наслаждениям, не оставлять без внимания тела и тем впоследствии не повредить ему: вследствие роскошной жизни являются болезни.

Заботься не о пище телесной, но о пище духовной. Первая выходит вон в виде испражнения — о ней тут же перестают говорить, — тогда как последняя никогда не портится, даже по разлучении души с телом.

Находясь на обеде, помни: ты угощаешь двух гостей — тело и душу. То, что ты даешь телу, ты вскоре потеряешь, но что дашь душе — останется твоим навсегда.

Потчуй гостей изысканными блюдами, не показывая в то же время своего гнева: роскошные кушанья, войдя в желудок, вскоре выходят оттуда, тогда как гнев, запав в душу, остается в ней очень долго. Старайся же под влиянием гнева не оскорбить своих гостей, несмотря на свой пышный прием, и лучше принимай их просто, но доставь им удовольствие своим ласковым обхождением.

За обедом обращай внимание, чтобы прислуги было меньше гостей, — глупо было бы, если бы за немногими гостями ухаживало много прислуги.

Было бы очень хорошо, когда бы ты принимал участие в исполнении своих приказаний, так же как ел вместе с теми рабами, на которых возложено то или другое дело. Если тебе трудно исполнить это за недосугом, не забудь, по крайней мере, того, что ты празден — за тебя работают другие, ты ешь — они голодны, ты пьешь — они жаждут, ты говоришь — они должны молчать, ты весел — они грустны... Тогда ни ты сам, находясь

в состоянии раздражения, не сочтешь себя оскорбленным, ни обидишь другого, кто рассердит тебя.

Ссориться и спорить вообще невежливо, но в особенности неприлично — в разговорах за выпивкой. Ведь пьяному все равно не убедить трезвого, как трезвому не уговорить пьяного, а там, где все убеждения напрасны, незачем пускать в ход все свое красноречие.

У кузнечиков есть голос, у улиток его нет. Последние любят сытость, первые — тепло; последних заставляет вылезти из скорлупы роса, первые просыпаются от жгучих лучей солнца, вместе с его восходом и начинают свои песни. Так если и ты хочешь быть человеком приятно и дельно говорящим, не показывай своей души на обедах, когда ее окропила винная «роса», или загрязнишь ее. Когда же, в тихой беседе, ее согреет своими лучами разум, тогда пусть раздастся ее голос, как голос пророка,— пусть она заговорит голосом правды.

На того, с кем ты разговариваешь, смотри с трех точек зрения: считай его или выше тебя по умственному развитию, или ниже, или равным тебе. Если он умнее тебя — слушай и слушайся его, глупее — сам дай ему совет; если он равен тебе по уму — согласишься с ним. Помня это, ты никогда не привыкнешь спорить.

Лучше согласиться с истиной и отказаться от ложного мнения, чем, согласившись с ложным мнением, быть побежденным правдой.

Отыскивая истину, не старайся победить во что бы то ни стало; раз правда в твоих руках, победа обеспечена тебе.

Правда побеждает сама собою, мнение — через других.

Лучше жить с одним человеком высокой души и быть спокойным и независимым, нежели вести жалкую жизнь в обществе многих.

Чего не желаешь себе, не желай и другим; тебе не нравится быть рабом — не обращай других в рабство. Раз ты не можешь обойтись без услуг рабов, ты, прежде всего, сам раб,— как не уживаются друг с другом добродетель и порок, так и свобода и рабство.

Как здоровый не захочет, чтобы ему прислуживали больные или видеть больными своих домашних, так благородный человек не позволит себе прибегнуть к услугам рабов или жить под одной кровлей с несвободными людьми ¹.

Если хочешь быть свободным, добудь сам себе свободу. Свободным же ты будешь тогда, когда отретишься от своих страстей. Ведь и Аристиду, Эпаминонду и Ликургу были даны громкие имена «справедливого» — первому из них, «освободителя» — второму и «бога» — третьему,— не за то, что они были богаты и имели рабов, но за то, что, живя в бедности, они даровали Греции свободу.

Если ты хочешь жить в крепко построенном доме, бери пример со спартамца Ликурга. Как он не окружал своего города стенами, считая его защитой хорошую жизнь его граждан, и сумел навсегда сохранить ему свободу, так и ты не обноси своего дома большими стенами, не ставь на них высоких башен, нет, пусть живущие в нем будут сильны своею любовью, честностью и братским союзом,— и зло не проникнет в него, хотя бы на него сделал нападение весь сонм греха.

Не украшай своего дома картинами или живописью — пусть украшением ему служит царящая в нем умеренность. Первое чуждо душе и лишь на время ласкает взоры, тогда как последняя сжилась с ней, нетленна, вечное украшение дому.

Вместо стад быков старайся собирать у себя в доме толпы друзей.

Волк имеет сходство с собакой, как лысец, любовник жены и хлебник ² похожи друг на друга. Берегись поэтому вместо стерегущих стада собак впустить в дом по ошибке хищных волков.

Человек, лишенный вкуса, старается украсить свой дом работой из слепящего глаза гипса на удивление другим, но человек с тонким вкусом и в то же время одаренный любовью к людям украшает свою душу лаской и общительностью.

Если, вместо того, чтобы удивляться великому, ты станешь удивляться малому, ты заслужишь презрение, но, если презришь малое,— будешь пользоваться глубоким уважением.

Нет ничего отвратительнее скупости, любви к удовольствиям и хвастливости, зато нет ничего благороднее великодушия, кротости, мягкосердия и желания делать добро.

«Философов ³, доказывающих, что сластолюбие противно человеческой природе, и, напротив, доказывающих, что людской природе сродни чувства справедливости, умеренности и благородства, не любят. В самом деле, почему же тогда душа радуется хотя бы незначительным удовольствиям, наслаждается покоем — употребляя выражение Эпикура — и в то же время

не чувствует радости от своих благ, которые так велики?» — «Природа дала мне стыд, и я часто краснею, когда чувствую, что говорю неприличное. Это душевное движение не позволяет мне верить, что наслаждение — благо и должно быть целью нашей жизни».

Римлянки не расстаются с Платоновым сочинением «Государство», так как в нем он проповедует общность жен, но читают одни слова философа, не понимая их смысла. Он вовсе не говорит, что мужчина должен жениться и жить один только со своею женой, а затем жены должны быть общими, нет, он предлагает уничтожить этот вид брака и ввести новую форму брачной жизни ⁴. Вообще люди рады найти оправдание своим проступкам, тогда как философия учит не протягивать, не подумавши, даже палец.

Чем реже удовольствия, тем они приятнее.

Самое приятное может сделаться самым неприятным, стоит только преступить меру.

Агриппин ⁵ справедливо заслуживает похвалы за то, что, несмотря на свои огромные заслуги, никогда не хвалил себя, мало того, даже краснел, когда его начинали хвалить другие. Он имел обыкновение хвалить всякую случившуюся с ним неприятность. Например, если он заболел лихорадкой, он хвалил лихорадку, бранили его — хвалил брань, осуждали на ссылку — благословлял изгнание. Однажды, когда он хотел завтракать, ему принесли от имени Нерона приказ отправляться в ссылку. «Значит,— сказал он,— завтракать нам придется в Ариции...»

Диоген с пренебрежением относился ко всякому труду, который приносит пользу не духовной стороне, не душе, а телу.

Как верные весы нельзя проверить ни по верным же весам, ни судить о степени их верности по неверным весам, так и справедливого судью не могут судить справедливые люди, а суду несправедливых он не подлежит.

Прямое не нуждается в выправлении; так справедливое не нуждается в исправлении.

Не берись судить других, прежде чем не сочтешь себя в душе достойным занять судейское место.

Если ты хочешь быть беспристрастным судьей, смотри не на обвинителя или обвиняемого, а на самое дело.

Ты будешь безукоризненным судьей, если на жизни самого тебя не будет пятен.

Лучше переносить незаслуженные оскорбления от обвиненного за свой справедливый приговор, нежели чувствовать справедливые укоры совести за свое пристрастное решение.

Нельзя судить по золоту о камне, с помощью которого узнают золото; то же можно сказать и про судью.

Стыдно судье быть судимому другими.

Как нет ничего прямее прямого, так нет ничего справедливее справедливого.

Кто из нас не удивляется поступку спартанца Ликурга! Когда один из молодых граждан выколол ему глаз, народ выдал виновного, чтобы Лиург мог наказать его по своему усмотрению; но он отказался от этого. Он занялся его воспитанием, сделал из него честного человека и явился с ним в театр. «Вы выдали мне его как моего обидчика и злодея,— сказал он изумленным спартамцам,— а я возвращаю его вам честным и добрым человеком...»

Питтак, оскорбленный одним человеком, мог наказать его, но отпустил со словами: «Прощение — лучше мщения». Первое свойственно людям добрым, последнее — злым.

Главная цель природы — укреплять, делать прочным в нас стремление к прекрасному и полезному.

Только вполне пошляк и глупец может думать, будто другие станут презирать его, если он не будет всячески вредить своим заклятым врагам. Правда, мы относимся с презрением к человеку, который не в состоянии принести другим вреда, но несравненно справедливее заслуживает этого тот, кто не может принести посторонним пользы.

Если ты хочешь приступить к кому-либо с гневом и угрозами, не забудь напомнить себе, что ты кроток и не поступишь жестоко: тебе не придется ни раскаиваться, ни бояться ответственности.

Не следует забывать, что трудно человеку усвоить какое-либо нравственное правило и ввести его в свою жизнь, если о нем ему не твердят, не напоминают ежедневно.

Никий был так трудолюбив, что часто спрашивал своих рабов, мылся ли он или завтракал ли.

Архимеда, в то время как он склонялся над табличками для письма, рабы насильно уводили прочь, чтобы натереть ему тело

маслом, но он продолжал чертить математические фигуры на своем умощенном теле.

Когда собственника корабля, Лампида, спросили, каково было ему нажать богатство, он ответил: «Большое богатство — легко, но маленькие деньги — с большим трудом».

Когда Питтак спросил молчавшего за столом Солона, отчего он не говорит — оттого ли, что не находит предмета для разговора, или по глупости, он получил ответ: «Ни один дурак не может молчать за столом».

Старайся всегда заранее главным образом о том, чтобы тебе ничего не потерять. Молчать безопаснее, чем говорить. В особенности не говори глупостей.

Маяки в гаванях дают яркий огонь даже тогда, когда в них подбросят немного хворосту, и приносят громадную пользу скитающим по морю кораблям; так добрый человек в трудное для государства время, довольствуясь лично малым, может принести согражданам большую пользу.

Раз ты хочешь управлять кораблем, ты должен быть вполне знакомым с обязанностями кормчего. Точно так же, если ты желаешь быть главою государства, тебе необходимо быть знакомым с искусством управления, иначе, в первом случае, ты можешь пустить ко дну корабль, во втором — довести государство до окончательного падения.

Намерен ты украсить приношениями родной свой город — принеси, прежде всего, в дар ему самого себя — свою кротость, любовь к справедливости и доброе сердце, драгоценнейшие из даров.

Если ты выстроишь своему родному городу не высокие здания, а сделаешь выше его граждан — ты будешь его величайшим благодетелем: пусть лучше в низких домах живут высокие сердца, нежели в высоких зданиях гнездятся низкие, мелкие души.

Не украшай стен своего дома эвбейским или спартанским мрамором ⁶ — укрась сердца сограждан и их правителей плодами греческого просвещения: не камни или дерево служат основанием государству, а ум его граждан.

Хочешь ты завести у себя львов — тебе следует, конечно, заботиться не о красоте их клеток, но о здоровье животных; так, если ты вздумаешь стать во главе сограждан, заботься не столько о великолепии их домов, сколько о том, чтобы живущие в них имели мужественную душу.

Как добрый конюх задает корму не одним только смиренным лошадям, не морит голодом беспокойных из них, напротив, кормит одинаково и тех и других, только одних бьет сильнее, чтобы они сравнялись с хорошими, так умный правитель старается делать добро не одним хорошим гражданам, не губит вконец дурных, но печется одинаково о благе тех и других, только делает наставления и строже относится к тем из них, кто поступает противно разуму и законам.

Гусь не пугает других своим криком, овца — бляньем; так и тебе не следует бояться криков глухой толпы.

Как должен ты быть глух к глупым требованиям со стороны толпы чего-либо из твоей собственности, так следует тебе отвечать отказом на требование от тебя толпою чего-либо противного чести.

Что надо платить государству, плати заблаговременно, и с тебя никогда не спросят чего не следует.

Чтобы взойти солнцу, нет нужды ни в молитвах, ни в заклинаниях, нет, оно вдруг начинает посылать свои лучи на радость всем; так не жди и ты ни рукоплесканий, ни шуму, ни похвал, чтобы делать добро, — твори благодеяния добровольно — и будешь любим, как солнце.

Не на одном якоре стоит корабль, не на одной только надежде покоится жизнь.

Не ходи туда, куда нельзя пройти, не надейся на то, на что нельзя надеяться.

Когда у Фалеса спросили: «Что вполне общее всем?» — он отвечал: «Надежда», — она остается даже у тех, у кого нет ничего другого.

Врачую душу, а не тело: лучше смерть, чем позорная жизнь.

Пиррон говорил, что между жизнью и смертью нет разницы. Когда его спросили, почему же тогда он не умирает, он ответил: «Потому что жизнь и смерть — одно и то же».

Удивительна наша природа и жизнелюбива, как говорит Ксенофонт ⁷. Нет ничего противнее, гаже нашего тела, и все же мы любим его и хвалим; если бы нам нужно было бы походить только пять дней на наших ближних, мы не согласились бы на это. Представь себе, как приятно вставать рано поутру и чистить другому зубы или, когда он справит свои естественные надобности, мыть ему седалище. Надо только удивляться, как это мы

любим то, что ежедневно требует столько ухода, сопряженного с неприятностями. Сперва я должен набить свой «мешок», потом снова его опорожнить. Может ли быть что противнее? — и все же я должен повиноваться Богу, и я останусь верен ему и буду мыть, кормить и одевать свое жалкое тело. Когда я был моложе, мне приходилось исполнять еще больше приказаний, но я исполнял их. Почему же ропщете вы, когда природа берет обратно то тело, которое она же дала нам?.. Мы его любим, говорите вы. Но разве эту самую любовь, как я сказал выше, внушила вам не та же природа? Теперь она говорит сама: «Отдай свое тело»; оно не должно больше тяготить тебя...

Молодой, умирая, ропщет на богов за то, что умирает в цвете лет; старик — за то, что томится, когда ему пора на покой. И все же, когда смерть встанет с ним лицом к лицу, его охватывает жажда жизни, он посылает за врачом и просит его употребить все силы, все искусство, чтобы поставить его на ноги. Удивительные создания эти люди — не хотят ни жить, ни умирать!

Жизнь короткую, но честную всегда предпочитаю жизни долгой, но позорной.

Когда мы были детьми, родители поручили нас воспитателю, который зорко следил, чтобы с нами не случилось худа. Мы выросли — и Бог поручил охранять нас врожденной нам совести. Не будем относиться с презрением к этому стражу, иначе и Бог разгневается на нас, и наша собственная совесть будет видеть в нас своих врагов.

Богатством надо пользоваться, как и некоторыми вещами, не везде одинаково. Лучше желать всем приобрести добродетель, а не богатство, которое глупцам даже вредно: с богатством увеличиваются пороки, и, чем кто глупее, тем безобразнее ведет себя, благо имеет возможность удовлетворять своим желаниям.

Чего не следует делать, того не делай даже в мыслях.

Есть люди, счастливо прожившие век в бедности, что очень редко бывает с богатыми и знатными. Честная бедность имеет в себе то преимущество, что ни один порядочный человек не променяет своей бедности на нажитое кривым путем богатство, если только сын Неокла, Фемистокл, в свое время первый богач в Афинах, но бедный нравственными качествами, стоял ниже Аристиды и Сократа. Но и его богатство исчезло, и сам он забыт: вместе со смертью безнравственного человека умирает всякое воспоминание о нем. Тогда как честного имени не ожидает забвение.

В зяте можно найти сына; но у кого дурной зять, тот потерял и свою дочь.

Прежде чем взяться за что-нибудь или сказать, внимательно подумай сам с собою: того, что ты скажешь или сделаешь, не воротишь.

Честному человеку жить везде безопасно.

Вороны выклевают глаза трупы, глаза, ни на что уже не годные, лъстецы — оскорбляют живых, выклеывая глаза их души.

Не делай различия между рассердившейся обезьяной и грозящим тебе лъстецом.

Слушайся тех, кто хочет дать тебе полезный совет, только не тех, кто не может ни минуты обойтись без лести. Первые видят ясно, что полезно, вторые обращают свое внимание исключительно на то, чтобы понравиться стоящим выше себя по положению, и как тень следует за телом, так они соглашаются со всем, что ни скажут другие.

Советнику следует обращать внимание главным образом на то, есть ли стыд и понятие чести у тех, кому он дает советы: кто потерял стыд, того бесполезно исправлять.

Совет лучше порицания: первый — мягок, полон дружеского участия, второе — жестоко и оскорбительно; один исправляет виновного, другое только осыпает его упреками.

Делись своим добром со странником и неимущим: если ты не поможешь неимущему, не помогут и тебе в нужде.

Когда морского разбойника буря выбросила с кораблем на берег, один человек одел его, привел к себе в дом и дал ему все, в чем он нуждался. «В его лице я оказал благодеяние не человеку, а человечеству», — отвечал он на упрек, сделанный ему за то, что он сделал добро злодею.

Нужно позволять себе не все удовольствия, но только те, в которых нет ничего дурного.

Умный борется со страстью, глупец становится ее рабом.

Страсть, словно приманка всего заслуживающего имени порока, прельщает сластолюбивую душу и легко увлекает ее на край гибели.

Старайся сам смирять свои страсти, но не позволяй себе отдаваться страстям.

Раб тот, кто не умеет владеть собою.

Виноград пускает от себя три ветви: ветвь наслаждения, ветвь пьянства и ветвь наглости.

Когда пьешь вино, не говори много, покажи свое воспитание, иначе в тебе заговорит твоя желчь.

Пьян тот, кто выпил больше трех стаканов; если же он и трезв, он все-таки перешел меру.

Каждый день думай лучше о Боге, нежели о пище.

Чаще думай о Боге, чем дыши.

Если ты всегда будешь помнить, что все, что ты ни делаешь тайно или явно, видит Бог,— твои молитвы будут услышаны и ты не погресишь: Бог будет твоим помощником.

Приятно смотреть с берега на море: так приятно и спасшемуся вспомнить о пережитых им опасностях ⁸.

Закон имеет целью заботиться о жизни людей, но он достигает ее тогда только, когда они желают себе добра: на одних кротких людях показывает он свою силу.

Больного спасает врач, обиженного принимает под свою защиту закон.

Лучшие законы — самые справедливые.

Похвально уступать закону, власти и уму.

Что противозаконно — ничто.

Нет ничего легче найти друга в счастье и ничего труднее — в горе ⁹.

Глупцов вылечивает от горя время, умных — их ум.

Умен тот, кто не печалится о том, чего нет, а доволен настоящим.

Когда Эпиктета спросили, чем можно мстить своему врагу, он отвечал: «Стараться сделать ему как можно больше добра».

Ни один умный человек не должен отказываться от власти; только испорченный нравственно способен отказаться от обязанности помочь нуждающимся, так же как низко уступать свое место дурным людям: глупо желать лучше быть дурно управляемым, нежели управлять хорошо самому.

Первый долг вождя — никого не презирать, не гордиться, но всеми повелевать одинаково.

Если философ упадет под бременем, то он быстро и ловко встанет на ноги, как борец в палестре ¹⁰.

Закон природы был, есть и будет один: явления в ней не могут происходить иначе, чем происходят теперь. Переменам, переходам из одного состояния в другое подвергаются не только люди и все остальные живые существа на земле, но и боги. В переменах, переходах из одного состояния в другое принимают участие даже четыре стихии: земля превращается в воду, вода — в воздух, последний в свою очередь делается эфиром. Превращение совершается в одном порядке: нижнее становится верхним * . Кто старается вникнуть в это и прийти к убеждению, что необходимо подчиняться законам природы, тот проживет свой век в мире и тишине.

Кто не доволен настоящим своим положением, не доволен тем, что дала ему судьба, тот не знает жизни, но кто мужественно выносит это, здраво смотрит на вещи — поистине умный человек.

Все служит миру и повинуется ему — и суша, и море, и солнце, и остальные звезды, и растения, и животные. Ему же служит и наше тело; от него зависят наши болезни и здоровье, наша молодость, старость и все случающиеся с нами перемены. Нужно поэтому, чтобы и то, что в нашей власти, — наш разум, не вел с ним одинокой борьбы: душа мира выше, совершеннее нашей. Управляя вместе с остальным и нами, она заботится о нас лучше нас самих. К тому же безумная борьба с нею не будет успешна и не принесет нам ничего, кроме слез и страданий.

Довольство собою, как короткая и веселая дорога, имеет в себе много приятного и ничего тяжелого.

Укрепляй в себе чувство довольства своей судьбою: с этим оружием ты непобедим.

Ничто так не дорого, как правда. Выбор друзей не свободен от увлечений, благодаря чему омрачается, темнеет светлое имя правды.

* Теория Гераклита.

Правда бессмертна и вечна. Она не дает постепенно блекнущей красоты, не отнимает права говорить свободно, опираясь на нашу правоту, напротив, дает нам то, что справедливо и законно, отделяя его от несправедливого и обличая последнее.

Речь смелая, но бессвязная — что тупой меч.

Природа дала людям один язык и два уха, чтобы мы больше слушали других, нежели говорили сами.

В природе нет ничего на самом деле приятного или неприятного — все дело привычки.

Избирай себе лучшую жизнь — привычка сделает тебе ее приятною.

Старайся оставить после себя детей лучше образованных, нежели богатых: надежды образованных завиднее богатых невежд.

Дочь не принадлежит отцу.

Лучше завещать детям незапятнанное имя, нежели богатство.

Строгость отца — прекрасное лекарство: в нем больше сладкого, нежели горького.

В горе нужно призывать на помощь рассудок, как хорошего врача.

Воспитание, как и золото, дорого ценят везде.

Кто погружен в занятия философией, занимается познанием бытия Бога.

Из всех творений самое прекрасное — получивший прекрасное воспитание человек.

Избегай дружбы дурных людей и вражды хороших.

В несчастьи познается друг и изобличается враг.

Присутствующим друзьям делай добро, отсутствующих — поминай добрым словом.

Кто никого не любит, пусть знает, что и он не пользуется ничьею любовью.

Врачом своим и другом выбирай не тех, с кем приятно проводить время, а тех, кто может принести тебе больше пользы.

Если хочешь жить, не зная печали, считай будущее прошедшим.

Будь чужд страстей ¹¹, но не тем, что будешь бесчувствен, как глупое животное, или беспечен, как глупцы, нет, ищи утешения в горе, как человек, следующий правилам добродетели,— в своем разуме.

На чью душу всего менее действует горе, кто борется с ним, не жалея сил,— самый мужественный как из государственных людей, так и из частных граждан.

Глупец, испытавший, что значит счастье, делается, словно от вина, еще глупее.

Зависть — враг счастливых.

Помни, что такое человек, и будешь равнодушен ко всему происходящему.

Для благополучного плавания нужен хороший кормчий и попутный ветер; чтобы быть счастливым — ум и уменье.

Счастье, как осенние плоды, следует срывать вовремя.

Глуп тот, кто не доволен тем, что происходит по законам природы.

По воле Бога некоторые вещи — в нашей власти, другие — нет. Нам Он дал лучшее, прекраснейшее, благодаря чему Он сам блажен,— чувственное познание. Если им пользоваться разумно, оно принесет нам свободу, счастье, радость, твердость духа; оно же соединяет в себе понятие о справедливости, законе и умеренности, вообще о всякой добродетели. Надо всем остальным Бог не дал нам власти. Мы должны поэтому слушаться Бога и, зная, что кому принадлежит, всеми силами стремиться к тому, что в нашей власти, то же, что не зависит от нас, предоставлять на волю Провидения и, если от нас отнимут наших детей, лишат родины или жизни,— переносить все с веселым сердцем.

Когда один молодой хвастун говорил в театре, что он умен, потому что беседовал со многими философами, Эпиктет заметил ему: «Вот и у меня много знакомых богачей, а все же я не богач!»

Он же говорил: «Не следует человеку с философскими взглядами на вещи говорить среди невежд, как трезвому — в кружке пьяных».

Когда Эпиктета спросили: «Какой человек богат?» — он отвечал: «Довольный собой».

Когда Ксантиппа упрекнула своего мужа Сократа за то, что он бедно принимает своих друзей, он сказал: «Если они любят нас, они не обратят на это внимания; если не расположены к нам, нам не следует заботиться о них».

Царь Македонский Архелай приглашал Сократа к своему двору, чтобы дать ему возможность жить богато; но тот велел передать ему, что в Афинах на обол¹² можно купить четыре хэника муки, что же касается воды, то ее там вдоволь. «Если моих средств,— говорил Сократ,— мало для меня, но я лично — по ним, следовательно, и они — по мне. Разве ты не замечаешь, что роль Эдипа-царя актер Пол играл ничуть не более громким или приятным голосом, чем роль Эдипа-изгнанника и нищего на холме Колона? А разве философ должен быть хуже Пола и играть верно не каждую роль, назначенную ему Богом?¹³ Не следует ли ему брать пример с Одиссея, который и в рубище держал себя нисколько не ниже, чем в пышной царской порфире?»

Не все ли равно для меня, из атомов или гомеомеров, из огня ли или из земли состоит материя вселенной?¹⁴ Не довольно ли знать сущность добра и зла, меру любви и ненависти, влечения и отвращения и, пользуясь этим как мерилом, устроить свою жизнь?.. Значит, не следует углубляться в решение вопросов выше нашего ума? — Некоторые из них едва и поддаются решению их человеческим умом; но если бы даже кто-нибудь и постиг их вполне, что выиграл бы он из того, что разгадал их? — Нельзя ли поэтому сказать, что те, кто смотрит на это как на необходимую пищу философскому уму, занимаются пустяками? С другой стороны, заслуживает ли внимания и совет дельфийского оракула: познай самого себя? — Заслуживает. В чем его смысл? — Если бы плясуну в хоре посоветовали углубиться в себя, разве он обратил бы внимание на этот совет?

Что такое человек? — Душонка с телом — ходячим трупом.

Эпиктет советовал находить способ соглашаться со всем и вместе с тем умерять свои страсти, делать из них выбор, стараться, чтобы они не принесли обществу вреда, нигде не ронять, благодаря им, своего достоинства, всегда сдерживать свои желания и не чувствовать любви ни к чему, что не в нашей власти. Здесь вопрос не о пустяках, а о том, быть ли нам умными или нет.

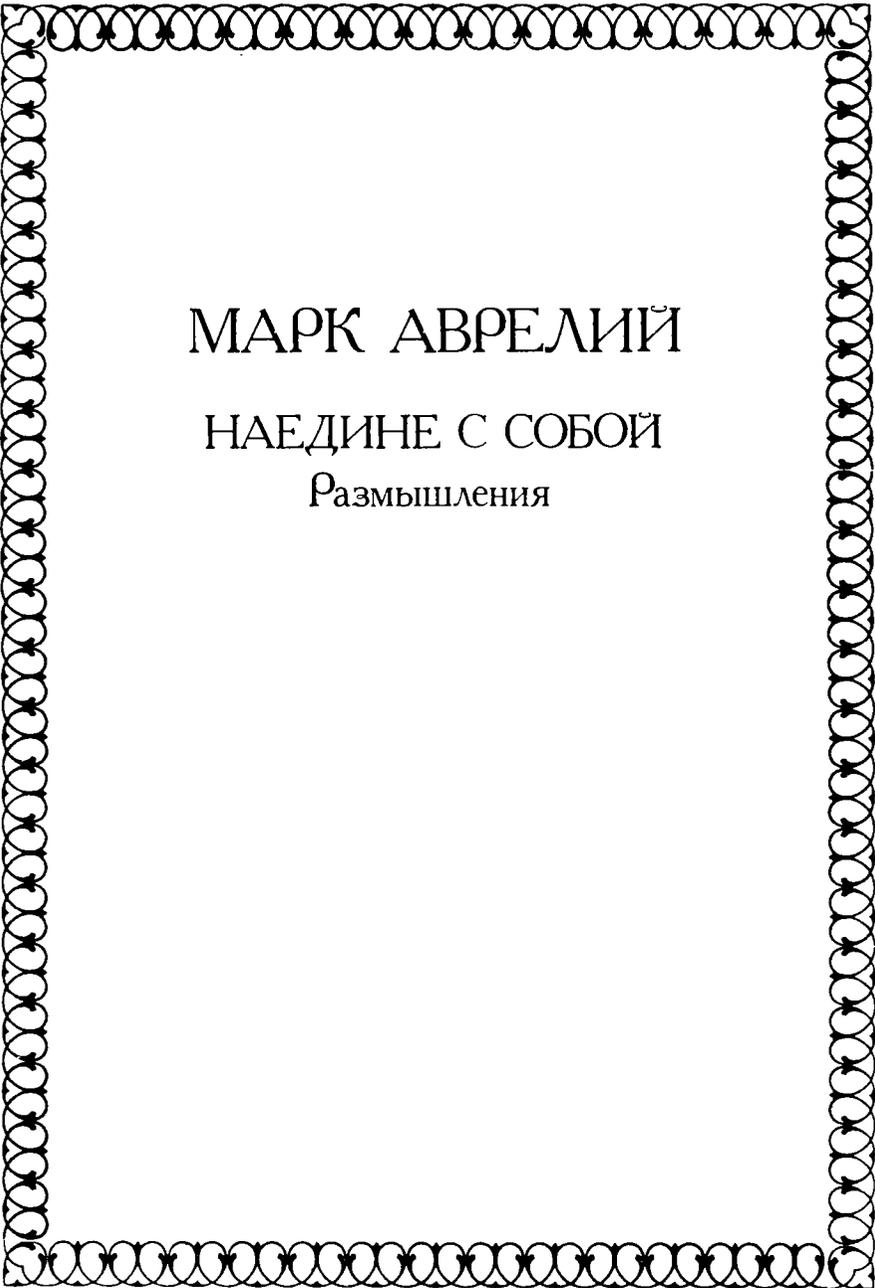
Философ Эпиктет говаривал, как я слышал от Фаворина¹⁵, что большинство «философствующих» — философы на словах,

а не на деле. Еще резче выражается он у Арриана в сочинении последнего — «Рассуждениях» о философе Эпиктете. Однажды он увидел человека наглого, грубого, развратного, дерзкого, острого на язык, заботившегося обо всем, кроме своего нравственного совершенствования. Когда он узнал, что этот же человек занимается философией, изучает физику, берет уроки диалектики, вообще любит и интересуется многими подобного рода науками, он призвал в свидетели богов и людей и стал громко укорять его: «Глупец, куда кладешь ты это? Посмотри сначала, чиста ли твоя посуда: если ты кладешь философию в глупые мечтания, она пропадет и, когда сгниет, превратится в едкую мочу или во что-нибудь еще худшее...» Сказано действительно резко, но вполне справедливо. Гениальный философ хотел сказать этим, что, если науку и философию влить в негодяя, испорченного нравственно человека, как бы в грязную немытую посуду,— они испортятся, станут гнить и превратятся в мочу или в то, что еще хуже мочи. Тот же Эпиктет, как мне передавал также Фаворин, говорил, что нет ничего гнуснее и хуже двух пороков — нетерпеливости и невоздержности, когда мы не переносим, не остаемся равнодушны к обидам, которые нам следовало терпеть, или не воздерживаемся от вещей и страстей, от которых должно воздерживаться. Кто запечатлел в своем сердце два эти слова и будет помнить их, чтобы управлять и владеть собою,— тот редко впадает в ошибку и проживет вполне счастливо. Эти два слова: терпение и воздержание.

...Стоик... вынул из своего узелка пятую книгу «Рассуждений» философа Эпиктета ¹⁶, приведенных в порядок Аррианом и содержащих в себе учение, сходное с учением Зенона и Хрисиппа. В этом сочинении, написанном, конечно, на греческом, мы читаем: умственные представления — «фантазмы» философов, которые душа воспринимает тотчас же при первом взгляде на вещи, зависят не от нашей воли, не произвольны,— они как бы насильно вырываются в человеческий ум. Но согласие разума с восприятием, вследствие чего мы познаем, получаем понятие об умственных представлениях,— в нашей воле, как вследствие свободной деятельности человеческого ума. Поэтому, когда раздается какой-нибудь страшный звук или с неба, или от падения чего-либо, или приходит неожиданное внезапное известие о какой-либо опасности, наконец, что-нибудь в подобном роде,— оно непременно заставляет дрожать, пугаться, бояться немного и душу философа, не потому, что она видит в этом явлении что-либо ужасное, но под влиянием быстрых, безотчетных душевных движений, опережающих суждение ума и рассудка. Но затем философ не воспринимает душою этих пугающих умственных представлений, напротив, не соглашается с ними, отрицает их, не видит в них ничего страшного для себя. Поэтому, говорят, разница между глупцом и умным — в том, что кажущееся глупцу под влиянием первого впечатления страшным и неприятным

продолжает казаться тем же. Составив себе понятие о нем как о действительно страшном, он соглашается с этим и своим разумом, тогда как умный, изменившись ненадолго, на короткое время в наружности, в лице, не подчиняет разум восприятию, не меняет своего убеждения, по-прежнему держится того же мнения, которое всегда имел об этого рода явлениях, т. е. считает их несколько не страшными и пугающими только своею обманчивою внешностью и пустым страхом. Это мнение, заимствованное из изучения стоиков, нашло себе последователя в философе Эпиктете, как мы видели из той книги, о которой упоминали выше.

Когда речь идет о пользе животных и спрашивают наше мнение, можно поступать и не всегда согласно с чувством разума.

МАРК АВРЕЛИЙ

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Размышления

КНИГА ПЕРВАЯ

Деду Веру я обязан ¹ сердечностью и незлобивостью (1).

Славе родителя и оставленной им по себе памяти — скромностью и мужественностью (2).

Матери — благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. А также и простым образом жизни, далеким от всякого роскошества (3).

Прадеду — тем, что не посещал публичных школ ², пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это не следует щадить средств (4).

Воспитателю ³ — тем, что не интересовался исходом борьбы между Зелеными и Голубыми ⁴ или между гладиаторами фракийского и гальского вооружения, что выносив в трудах, довольствуюсь малым, не поручаю своего дела другому, не берусь за множество дел и невосприимчив к клевете (5).

Диогнету ⁵ — нелюбовью заниматься пустяками и неверием в рассказы чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании бесов и тому подобных вещах, тем, что не разводил перепелов ⁶ и не увлекался ничем подобным, и тем, что меня не выводит из себя свободное слово, что я отдался философии и слушал вначале Евтихия, затем Андрона и Мециана ⁷, уже ребенком писал диалоги и почувствовал влечение к простому ложу, звериной шкуре и прочим принадлежностям греческого образа жизни ⁸ (6).

Рустикю — тем, что пришел к мысли о необходимости исправлять и образовывать характер, не проникся духом софистики, не занимался сочинительством теорий, не держал увещательных речей, не разыгрывал напоказ ни страстотерпца, ни общего благодетеля, не увлекался ни риторикой, ни поэтикой, ни красноречием, не разгуливал дома в столе ⁹ и не делал ничего подобного. Благодаря ему я пишу письма без всяких затей, вроде того, которое он сам написал моей матери из Синuessы ¹⁰, всегда готов примириться с оскорбителями и обидчиками, лишь только они

сделают первый шаг, вникаю во все, что приходится читать, не довольствуясь поверхностным образом, не соглашаюсь тотчас же с людьми, сыплющими словами, и благодаря ему же я познакомился с воспоминаниями об Эпиктете ¹¹, которыми он ссудил меня из своей библиотеки (7).

Аполлонию ¹² — свободой и решимостью и тем, что неуклонно не взираю ни на что, кроме как на разум, и всегда остаюсь себе верным, при жестокой боли, при потере ребенка, в опасной болезни. Благодаря ему я на живом примере ясно увидел, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может ужиться со снисходительностью, благодаря ему я не выхожу из себя, когда приходится растолковывать что-либо; видел человека, который уменье и сноровку в передаче познаний почитал наименьшим из своих достоинств, и понял, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не оставаясь в вечном долгу из-за них, но и не оставляя их равнодушно без внимания (8).

Сексту ¹³ — благожелательностью, образцом дома, руководимого отцом семейства, решением жить согласно природе ¹⁴, безыскусственной серьезностью, заботливым отношением к друзьям, запасом терпения в отношении к людям невежественным и опрометчиво судящим и уменьем со всеми ладить: общение с ним было приятнее всякой лести, и в то же время он пользовался у этих людей величайшим уважением. Он учил меня с пониманием и методически отыскивать и располагать необходимые для жизни основоположения, не высказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, но сочетать любвеобилие с полнейшей свободой от страстей, пользоваться доброй славой, не вызывая шума, и обладать большими познаниями, не выставляя их напоказ (9).

Александрю Грамматику ¹⁵ — воздержанием от упреков и обидных замечаний по адресу людей, обмолвившихся каким-либо варварским, ошибочным или неблагозвучным выражением: в подобных случаях я, следуя ему, стараюсь употребить правильное выражение в форме ли ответа, подтверждения, совместного исследования самого предмета, а не оборота речи или же посредством какого-либо другого уместного приема напоминания (10).

Фронтому ¹⁶ — пониманием того, каковы злорадство, коварство и лицемерие, присущие тирании, и того, насколько вообще черствы душой люди, слывущие у нас аристократами (11).

Александрю Платонику ¹⁷ — тем, что не часто и не без необходимости ссылаюсь на недосуг как в разговоре с кем-нибудь, так и в письмах и не пренебрегаю, таким образом, постоянно, под предлогом неотложных дел, обязанностями по отношению к ближним (12).

Катулу — тем, что не оставляю без внимания жалобы друзей, даже если они неосновательны, но стремлюсь по возможности все уладить по-прежнему, что от чистого сердца воздаю хвалу учителям, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Атенодот, а также истинной любовью к детям (13).

Брату моему Северу¹⁸ — любовью к домашним, к истине и справедливости, знакомством, через его посредство, с Тразеем, Гельвидием, Катоном, Дионом и Брутом, представлением о государстве с равным для всех законом, управляемом согласно равенству и равноправию всех, и царстве, превыше всего чтущем свободу подданных. Ему же я обязан и тем, что неизменно чту философию, делаю добро, постоянен в проявлении щедрости, исполнен благих надежд и верю в любовь со стороны друзей. Осуждая кого-нибудь, он не скрывал этого, а его друзьям не приходилось догадываться, чего он хочет или не хочет, но это всем было ясно (14).

Максиму — самообладанием, настойчивостью, бодростью в болезнях и других невзгодах, уравновешенностью, мягкостью и достоинством характера, рвением в исполнении стоящих на очереди дел; что бы он ни говорил, все верили, все верили в его искренность, что бы ни делал — в отсутствие злого умысла. Ему же я обязан тем, что ничему не удивляюсь и ничем не поражаюсь, ни в чем не проявляю ни спешки, ни медлительности, ни растерянности, ни уныния, ни злорадства, ни гнева, ни мнительности, и тем, что предан добру, готов отпустить обиду, чуждаюсь лжи, предпочитаю верность своему долгу последующему исправлению, соблюдаю благопристойность и в шутках: никто не считал себя презираемым им, но никто не решался и счесть себя выше его (15).

Отцу своему¹⁹ — кротостью и непоколебимой твердостью в решениях, принятых по зрелом обсуждении, отсутствием интереса к мнимым почестям, любовью к труду и старательностью, внимательным отношением ко всем, имевшим внести какое-либо общепольное предложение, неуклонным воздаванием каждому по его достоинству, знанием, где нужны меры строгости, а где кротости, искоренением любви к мальчикам, преданностью общим интересам. Он разрешил своим друзьям даже вовсе не присутствовать на его обедах и не принуждал их сопровождать его в путешествиях. Если кто отлучался по делам, то, возвращаясь обратно, находил его расположенным к себе по-прежнему. Во время совещаний он настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он старался сохранить своих друзей, не меняя их по капризу, но и не обнаруживая к ним чрезмерного пристрастия. Уверенность в своих силах и бодрость были его постоянными спутниками. Он предвидел отдаленные

события и предусматривал самые ничтожные обстоятельства, не кичась этим. Угодливость и вообще всякая лесть были ему противны. Он всегда был на страже государственных нужд и бережно тратил общественные средства, не боясь упреков за это. Ему были равно чужды как суеверие по отношению к богам, так и заискивание и угождение по отношению к людям или потакание черни,— наоборот, трезвость, положительность, благопристойность, постоянство были его отличительными свойствами. Что касается вещей, которые красят жизнь и которыми судьба одарила его в изобилии, то он пользовался ими без тщеславия, но и без скупости, так что, пользуясь беспритязательно тем, что имелось налицо, он не нуждался в том, чего не было. Никто не мог про него сказать, что он софист, болтун или педант, но всякий должен был признать в нем человека зрелого, совершенного, недоступного лести, способного устроить и свои дела, и чужие. Кроме того, он умел ценить истинных философов, к остальным же относился без пренебрежения, хотя и не давался им в обман. Отличаясь приветливостью, он не прочь был и пошутить, но никогда не переходил границ. Он заботился должным образом и о своем теле, не как человек, цепляющийся за жизнь, не стремясь к внешней красоте, но и не оставляя его в небрежении; своим вниманием к нему он имел в виду достичь того, чтобы возможно менее нуждаться во врачебном искусстве или же во внутренних и наружных лекарствах. Но особенно замечательна та готовность, с которой он признавал превосходство людей, приобретших особую авторитетность в какой-нибудь области, например в красноречии, познании законов, нравов или еще чего-нибудь; он даже прилагал все усилия, чтобы каждый из них получил известность в меру своих дарований. Во всем блюдая заветы отцов, он в то же время даже не старался казаться следующим им. Кроме того, ему были чужды непостоянство и непоседливость, и он подолгу оставался в одних и тех же местах и при одних и тех же занятиях. После жестоких припадков головной боли он как ни в чем не бывало со свежими силами принимался за обычные дела. Секретов у него было очень мало, да и те относились только к общественным делам. В устройстве зрелищ, возведении зданий, в своих щедротах и тому подобном он проявил благоразумие и умеренность. Во всяком поступке его занимало только должное, а не добрая слава, сопутствующая такому поступку. Он не пользовался банями в неуточное время, не увлекался постройкой зданий, был непритязателен в вопросе о еде, о ткани и цвете одежд, о красоте рабов. Обыкновенно в Лориуме он носил столу, изготовленную в соседней деревне, в Ланувиуме по большей части ходил одетым в хитон, в Тускулане же носил плащ, считая нужным извиняться в этом,— и таков он был во всем ²⁰. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму»; наоборот, он все обсуждал во всех подробностях, как бы на досуге, спокойно, держась известного

порядка, терпеливо, сообразуясь с самим делом. К нему вполне можно было бы применить то, что повествуется о Сократе: он мог именно и воздерживаться, мог и пользоваться всем тем, относительно чего большинство людей бессильно в воздержании и неумеренно в пользовании²¹. Но проявлять в одном случае терпение, в другом — воздержание, в третьем — трезвость суждения достойно человека, обладающего душою совершенной и непреклонной. Именно таким показал он себя во время болезни Максима (16).

Богам — тем, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья, почти все окружающие, и тем, что мне не пришлось обидеть никого из них, хотя у меня такой характер, при котором я при случае и мог сделать что-нибудь подобное; но по милости богов не было такого стечения обстоятельств, которое должно было бы меня обличить. Им же я обязан и тем, что недолго воспитывался у наложницы деда и что сохранил в чистоте свою юность, не возмужал раньше времени, а даже запоздал в этом отношении. Богов я должен благодарить и за то, что моим руководителем был государь и отец, который хотел искоренить во мне всякое тщеславие и внедрить мысль, что и живя при дворе можно обходиться без телохранителей, без пышных одежд, без факелов, статуй и тому подобной помпы, но вести жизнь весьма близкую к жизни частного человека, не относясь поэтому уже с пренебрежением и легкомыслием к обязанностям правителя, касающимся общественных дел. Их же я должен благодарить, далее, за то, что у меня был брат²², который своим характером мог подвинуть меня на заботу о самом себе и который в то же время доставлял мне радость своим уважением и любовью ко мне; за то, что мои дети не были обижены ни в умственном, ни в физическом отношении, и за то, что я не сделал больших успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в других занятиях, которым, быть может, я бы посвятил себя, если бы знал за собой бóльшую успешность. Богам я обязан и тем, что безотлагательно взыскал своих воспитателей теми почестями, которых они, по-видимому, добивались, а не ласкал их только надеждою, что сделаю это впоследствии, так как сейчас они еще молоды, и тем, что познакомился с Аполлоном, Рустиком, Максимом. Я часто думал о жизни, согласной с природой, и ясно представлял себе, какова она. Боги, со своей стороны, сделали все своими дарами, помощью и внушением, чтобы я мог беспрепятственно жить согласно природе, и если я не жил так, то по своей вине и потому, что не следовал их указаниям и чуть что не прямым наставлениям,— за это я также должен быть признателен богам, равно как и за то, что при такой жизни мое тело не отказалось мне служить до сих пор, и за то, что избег сближения с Бенедиктой и Феодотом²³, да и впоследствии быстро исцелялся от любовных увлечений; за то, далее, что, часто сердясь на

Рустика, не сделал ничего такого, в чем бы пришлось потом раскаиваться, и за то, что моя мать, которой суждено было умереть молодой, последние годы провела со мною. Благодарение богам и за то, что не было такого случая, чтобы я хотел помочь бедному или же вообще нуждающемуся, но должен был отказать от этого за неимением средств, и за то, что сам никогда не был в такой нужде, чтобы быть вынужденным брать у других, и за то, что у меня такая преданная, любвеобильная, откровенная жена²⁴, и за то, что никогда не имел недостатка в хороших воспитателях для моих детей. Им же я обязан и полученным мною во сне указанием средств как против кровохаркания и головокружения (что случалось и в Казте), так и против других недугов²⁵, и тем, что, почувствовав влечение к философии, я не попал в руки какого-нибудь софиста, не увлекся ни историей, ни анализом силлогизмов, не отдался изучению небесных явлений. Ибо для всего этого нужна помощь богов и милость судьбы (17).

Страна Квадов у Грануи²⁶.

КНИГА ВТОРАЯ

Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Всеми этими свойствами они обязаны незнанию добра и зла. Я же, после того как познал и природу добра — оно прекрасно,— и природу зла — оно постыдно,— и природу самого заблуждающегося — он родной мне не по крови и общему происхождению, а по духу и божескому определению,— я не могу ни потерпеть вреда от кого-либо из них — ведь никто не может вовлечь меня во что-либо постыдное,— ни гневаться на родного, ни ненавидеть его. Ибо мы созданы для совместной деятельности, как и ноги, руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу — противно природе; но досадовать на людей и чуждаться их — и значит им противодействовать» (1).

Чем бы я ни был, я все же только немощное тело, слабое проявление жизненной силы¹ и руководящее начало. Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит. Относись же к твоему телу с таким же пренебрежением, как если бы ты был при смерти; оно лишь кровь да кости, брэнное плетение из нервов, жил и артерий. Рассмотрю также существо жизненной силы: оно — дуновение, притом не остающееся всегда себе равным, а ежесекундно то выдыхаемое, то вновь вдыхаемое. Итак, остается лишь третье — руководящее начало, и о нем-то ты должен подумать. Ты стар² — не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы помыкали им противообщественные стремления, чтобы оно роптало на свой настоящий удел и приходило в ужас перед будущим (2).

Создаваемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы или не без связи и соединения с тем, чем руководит промысел. Все происходит из этого источника; с ним сопряжены и неизбежное, и то, что идет на пользу всему миру, коего ты составляешь часть. Для всякой же части природы будет благом то, что производит природа Целого и что способствует ее поддержанию. Но изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение; пусть же они будут твоими основоположениями. Утешь свою жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть, а умереть, храня благорасположение и искренно, от всего сердца, благодаря богов (3).

Вспомни, с коих пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз ты, получив у богов отсрочку, не воспользовался ею. Но ведь следует же тебе в конце концов сознать, к какому миру ты принадлежишь как часть и истечением какого мироправителя ты являешься; ты должен сознать, что положен предел времени твоей жизни и, если ты не воспользуешься этим временем для своего просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более уже не вернется (4).

Всегда ревностно заботиться о том, чтобы дело, которым ты в данный момент занят, исполнять так, как достойно римлянина и мужа, с полной и искренней серьезностью, с любовью к людям, со свободой и справедливостью; и о том также, чтобы отстранить от себя все другие представления. Последнее удастся тебе, если ты каждое дело будешь исполнять как последнее в своей жизни, свободный от всякого безрассудства, от обусловленного страстями пренебрежения к велениям разума, от лицемерия, себялюбия и недовольства своей судьбой. Ты видишь, как многочисленны требования, исполнив которые всякий сможет жить блаженной и божественной жизнью. Да и сами боги от того, кто исполняет эти требования, ничего больше не требуют (5).

Ну что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя же жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей (6).

Пусть не рассеивает тебя приходящее к тебе извне! Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления (7).

Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным от того, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души (8).

Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение второй к первой и какой частью какого Целого она является, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, часть которой ты составляешь (9).

Феофраст, расценивая различные проступки (поскольку такая расценка возможна с обычной точки зрения)³, замечает как истинный философ, что проступки, содеянные по влечению, более тяжки, чем проступки, содеянные под влиянием гнева. Ведь гневаящийся, отвращаясь от разума, испытывает, по-видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение, прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаждения, проявляет, по-видимому, в своих проступках большую распушенность и изнеженность. Правильно поэтому и достойно философии, Феофраст решил, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен скорее тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вожделением к какому-нибудь действию (10).

Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Если же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл мне жить в мире, где нет богов или нет промысла? Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает худшим человека, может ли сделать худшей жизнь человеческую? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию, предупредить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зол между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными. Смерть же и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность — все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло (11).

Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляется тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, низменно, бренно и мертво! Вот на что следует направить способность мышления. Что представляет собою те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себе и отвлечься от всего, что вымыслено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы. Бояться же действия природы — ребячество ⁴; смерть же не только действие природы, но и действие, полезное ей.

Как и какою частью своего существа соприкасается человек с богом и что делается с этой частью по ее отделении? (12).

Нет ничего более жалкого, нежели человек, измеряющий все вдоль и поперек, пытающийся, как говорит поэт, проникнуть в «глубины подземные» ⁵ и разгадать тайну душ окружающих его людей и, однако, не сознающий, что для него вполне достаточно общения с одним только внутренним гением ⁶ и честного служения ему. Последнее же заключается в том, чтобы оберечь его от страстей, безрассудства и недовольства делами богов и людей. Дела богов почтены своим совершенством, дела людей любезны нам в силу родства с ними. Но иногда последние возбуждают некоторого рода жалость: когда именно в них проявляется неведение добра и зла — уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и черное (13).

Если бы даже ты рассчитывал прожить три тысячи лет и еще тридцать тысяч, все же ты должен помнить, что никто не лишается другой жизни, кроме той, которую он изживает, и никто не изживает другой жизни, кроме той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери — и сводятся они всего-навсего к мгновенью. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?

Итак, следует помнить о двух истинах. Во-первых, все из века равно самому себе, пребывая в круговороте, и потому вполне безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, или двести, или же бесконечное время. Во-вторых, наиболее долговечный и умерший, только что начав жить, теряют в конце концов одно и то же. Настоящее — вот все, чего можно лишиться, ибо только им и обладаешь, а никто не лишается того, чем не обладает (14).

Все зависит от убеждения. Это ясно из изречений циника Монима ⁷. Но и польза его слов будет ясна для того, кто сумеет уловить заключающееся в них ядро истины (15).

Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от нее) как бы болезненным наростом на нем. Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого, объемлющей в своей части все другие существа. Далее, когда она чуждается какого-либо человека или устремляется против него с намерением причинить ему вред, как это бывает с разгневанными. В-третьих, она покрывает себя позором, когда не в силах устоять против наслаждения или страдания. В-четвертых, когда она лицемерит и фальшиво и неискренно делает что-нибудь или говорит. В-пятых, когда она не сообразует своего действия и стремления с целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью же разумных существ является повиновение разуму и закону древнейшего Града и устройства (16).

Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бренно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе — сновиденью и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Философствовать же — значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий, чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на все происходящее и данное ему в удел он смотрел как на проистекающее оттуда, откуда изошел и он сам, а самое главное — чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов, из которых слагается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основания бояться кому-либо их общего изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным (17).

Карнунт ⁸.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Надлежит учесть не только то, что жизнь убывает с каждым днем и остается все меньшая ее доля, но также и то, что если бы даже была обеспечена кому-нибудь более долгая жизнь, все же останется неизвестным, будет ли по-прежнему достаточна сила его мысли для понимания наличных обстоятельств и для постижения, осваивающего с делами божескими и человеческими. Ведь если человек начнет тупеть, то это, конечно, не отразится еще на дыхании, пищеварении, воображении, стремлении

и тому подобных отправлениях, но власть над самим собой, точное понимание своих обязанностей, способность разобраться в происходящем и отдать себе отчет в том, не пора ли расстаться с этой жизнью, все, что необходимо предполагает изощренность разума, будет потеряно безвозвратно. Итак, нужно торопиться не только потому, что с каждым днем мы все ближе и ближе подходим к смерти, но и потому, что еще при жизни отказывается служить способность уразумения и наблюдения вещей (1).

Следует обратить внимание и на то, что даже и привходящее к произведениям природы обладает какой-то привлекательностью и заманчивостью. Так, на печеном хлебе местами имеются трещинки, и хотя эти расщелины некоторым образом чужды цели пекарского искусства, однако они как-то уместны и особенно возбуждают аппетит к еде. Точно так же и плоды смоковницы лопаются, достигнув наибольшей зрелости, а в переспелых маслинах самая близость гниения сообщает какую-то особую прелесть плоду. Низко склоненные колосья, хмурое чело льва, пена, бьющая из пасти вепря, и многое другое, далеко не миловидное, если рассматривать его само по себе, сопутствуя тому, что произведено природой, способствует общему впечатлению и влечет к себе; так что тому, кто обладает восприимчивостью и более глубоким проникновением в происходящее в Целом, едва ли что-нибудь и из сопутствующего произведениям природы не покажется некоторым образом уместным. На пасти живых зверей он будет взирать с не меньшим удовольствием, чем на изображенные, в подражание природе, художниками и ваятелями; а разумными очами своими он сможет узреть как особый расцвет и красоту старца и старухи, так и привлекательность ребенка. И много есть такого, что ведомо не всякому, но открывается лишь тому, кто действительно сблизился с природой и ее делами (2).

Гиппократ, исцелив множество болезней, сам заболел и умер. Халдеи предсказали многим смерть, а затем их самих настигла судьба. Александр, Помпей, Гай Цезарь, разрушив дотла столько городов и умертвив в боях десятки тысяч всадников и пехотинцев, в конце концов и сами расстались с жизнью. Гераклит, столько рассуждавший о всемирном пожаре, умер от водянки; не помог ему и коровий помет, которым он был намазан. Демокрита ¹ заели паразиты, Сократа убили тоже своего рода паразиты. Но какой вывод из всего этого? Ты взшел на корабль, совершил плавание, достиг гавани — пора слезать. Если тебя ждет другая жизнь, то, так как боги вездесущи, они будут и там. Если же это будет состояние бесчувственности, то тебе не придется более терпеть от страданий и наслаждений и служить оболочке, которая настолько хуже того, кто у нее в плену. Ибо последний есть дух и гений, оболочка же — прах и тлен (3).

Не расточай остатка жизни на мысли о других, если только дело не идет о чем-либо общепольном. Ведь, раздумывая о том, что кто делает и ради чего он это делает, что кто говорит, замышляет и предпринимает, ты упускаешь другое дело: все подобное отвлекает от забот о собственном руководящем начале. Надлежит, следовательно, удалять из связи своих представлений все бесцельное и праздное, а в особенности все, внушаемое любопытством и злобой. Следует приучать себя, далее, только к таким мыслям, относительно которых на внезапный вопрос: «О чем ты теперь думаешь?» — ты мог бы, не обвиняясь, откровенно ответить, что о том-то и том-то, ибо из них непосредственно явствует, что все они преисполнены искренности и благожелательности и достойны существа общежительного, гнушающегося мыслями о чувственном удовольствии и даже вообще о наслаждении, всякой строптивостью, завистью, подозрительностью и вообще всем тем, что заставит тебя покраснеть, если ты сознаешься, что оно было в тебе. Ведь подобный человек, никогда не оставляющий попечения о том, чтобы быть в числе наилучших, есть жрец и пособник богов. Он дружен и с живущим внутри его божеством, которое делает человека недосягаемым для наслаждений, неуязвимым для каких бы то ни было страданий, чуждым всякой гордыне, нечувствительным к какому бы то ни было проявлению злобы, борцом в величайшей борьбе, где он должен противостоять всем страстям, побуждает его глубоко проникнуться справедливостью и от всей души приветствовать все происходящее и выпадающее ему на долю, а о том, что говорит, делает или помышляет другой человек, думать нечасто и только если этого необходимо требует великое и общепольное дело. Он занят исключительно своими личными делами, а постоянным предметом его размышлений является жребий, предуготовленный ему строением Целого. Первое он стремится довести до совершенства, а что касается второго, то он твердо уповает на его благость. Ибо жребий, выпадающий на долю каждого, и приговорен ему, и полезен для него². Он помнит также, что все разумное в родстве между собой, что заботится о всех людях соответственно природе человека и что ценно одобрение не всех людей, а только живущих согласно природе. Он никогда не упускает из виду, что представляют собою те, кто живут не так, каковы они дома и вне дома, ночью и в течение дня, и с кем, и какую водят дружбу. И похвалу людей, которые и сами-то себя не удовлетворяют, он не ставит ни во что (4).

Не поступай ни против своей воли, ни вразрез с общим благом, ни как человек опрометчивый или поддающийся влиянию какой-нибудь страсти, не облакай свою мысль в пышные формы, не увлекайся ни многоречивостью, ни многоделанием. Пусть божество в тебе будет руководителем существа мужественного, зрелого, преданного интересам государства, римлянина, облеченного властью, чувствующего себя на посту, подобного

человеку, который, не нуждаясь ни в клятве, ни в поручителях ³, с легким сердцем ждет зова оставить жизнь. И светло у тебя будет на душе, и ты не будешь нуждаться ни в помощи извне, ни в том спокойствии, которое зависит от других.

Итак, следует быть правым, а не исправляемым (5).

Если ты находишь в человеческой жизни что-нибудь лучшее, нежели справедливость, истина, благоразумие, мужество, одним словом, удовлетворенность твоего духа самим собой, где он может указать тебе путь действия, согласный с правым разумом, и своей участью, где выпадающее на долю не зависит от выбора, если, говорю я, ты видишь что-нибудь лучшее, нежели это, то положи всю свою душу на то, чтобы испытать оказавшееся наилучшим. Если же ничто не кажется тебе лучшим, нежели живущий в тебе гений, подчинивший себе отдельные стремления, исследующий свои представления, сделавший себя недоступным для обольщения чувств, как говорил Сократ, подчинивший себя богам и заботящийся о людях, если по сравнению с этим ты находишь все остальное мелким и ничтожным, то не уделяй места ничему другому, что, раз прельстивши и склонивши тебя, уже не даст тебе возможности безраздельно отдаться служению единственно тебе принадлежащему благу. Ведь непозволительно же рядом с благом разума и гражданственности ставить что-либо чужеродное, как-то: одобрение толпы, власть, богатство, жизнь, полная наслаждений. Но все это, если ты припишешь ему хотя бы незначительную ценность, внезапно овладеет тобой и увлечет за собой. Ты же, говорю, искренно и свободно избирай лучшее и держись его.— «Но лучшее — это полезное».— Если оно полезно для тебя как существа разумного, то береги его; если для тебя как животного, отрекись от него. Оберегай способность суждения от надменности, чтобы иметь возможность осторожно производить исследование (6).

Никогда не считай полезным для себя то, что когда-либо побудит тебя преступить обещание, забыть стыд, ненавидеть кого-нибудь, подозревать, клясть, лицемерить, пожелать чего-нибудь такого, что прячут за стенами и замками. Ведь тот, кто отдал предпочтение своему духу, гению и служению его добродетели, не надевает трагической маски, не издает стенаний, не нуждается ни в уединении, ни в многолюдстве. Он будет жить — и это самое главное,— ничего не преследуя и ничего не избегая. Его совершенно не беспокоит, в течение ли большего или меньшего времени его душа будет пребывать в телесной оболочке, и, когда придет момент расставания с жизнью, он уйдет с таким же легким сердцем, с каким он стал бы приводить в исполнение что-нибудь другое из того, что может быть сделано с достоинством и честью. Ведь всю свою жизнь он только и думает о том, чтобы не дать своей душе опуститься до состояния, недостойного разумного и призванного к гражданственности существа (7).

В душе человека, облагороженного и претерпевшего очищение, ты не найдешь ни гнойников, ни скверны, ни скрытой порчи. Когда бы ни настигла его судьба, его жизнь не будет неокончена, как про трагического актера говорят, что он оставил сцену, не окончив и не доиграв роли. В нем нет ничего рабского, вынужденного, нет навязчивости, отчужденности, нет ничего, заслуживающего порицания и боящегося света (8).

Относись бережно к способности составлять себе убеждение. От нее всецело зависит, чтобы не возникло в руководящем тобой начале никакого убеждения, несогласного с природой и строем разумного существа. Она же предписывает нам не быть скорыми на решения, относиться с благожелательностью к людям и слушаться богов (9).

Отринув все, держись лишь этих немногих правил ⁴. Помни также, что каждый живет лишь настоящим, ничтожно малым моментом; все же остальное или уже прожито, или покрыто неизвестностью. Ничтожна жизнь каждого, ничтожен тот уголок земли, где он живет, ничтожна и самая долгая слава посмертная: она держится лишь в нескольких кратковечных поколениях людей, не знающих и самих себя, не то что тех, кто уже давно опочил (10).

К вышеуказанным предписаниям нужно прибавить еще одно. Следует давать определение или описание каждого представляющегося предмета, чтобы без покрова и в расчленении всех частей видеть самое его сущность и называть его и все то, из чего он состоит и на что разложится, соответствующими именами. Ведь ничто так не содействует возвышенному настроению, как способность планомерного и истинного проникновения во все встречающееся в жизни и умение встать относительно его на такую точку зрения, чтобы сразу решить: какому миру и какая от него польза, в чем его ценность как для Целого, так и для человека, гражданина высшего Града, по отношению к которому все остальные государства только отдельные домохозяйства, что есть, из чего слагается и сколько времени будет длиться то, что возбуждает теперь мое представление, и какую добродетель следует к нему применить, кротость ли, мужество, правдивость, верность, простоту, самоудовлетворенность или что-либо в этом роде. Поэтому в каждом отдельном случае следует дать себе отчет: вот это исходит от бога, это происходит в силу связи, предопределенного соединения, такого же сочетания и судьбы, это же обязано своим существованием моему единоплеменнику, сородичу и согражданину, хотя и не знающему, чего требует от него природа. Но я-то ведь знаю и поэтому отношусь к нему благожелательно и справедливо, согласно естественному закону общения. Вместе с тем я стремлюсь определить и относительную ценность вещей собственно безразличных ⁵ (11).

Если ты, следуя правому разуму, будешь старательно, ревностно и любовно относиться к делу, которым ты в данный момент занят, и, не глядя по сторонам, будешь блюсти чистоту своего гения, как будто уже пора с ним расстаться, если ты будешь поступать так, ничего не ожидая и не избегая, но довольствуясь наличной деятельностью, согласной с природой, и геройским правдолюбием во всем, что ты говоришь и высказываешь,— ты будешь жить хорошо. И никто не в силах помешать этому (12).

Как врачи всегда имеют под рукой инструменты и приборы на случай внезапной операции, так и ты имей наготове основоположения для познания вещей божеских и человеческих и во всех даже самых незначительных действиях помышляй о связи тех и других. Без соображения с божественным не сделаешь хорошо ничего человеческого, и наоборот (13).

Пора уgomониться. Иначе тебе не придется прочесть ни твоих воспоминаний, ни деяний древних римлян и греков, ни тех отрывков из писателей, которые ты отобрал себе под старость. Итак, спеши к цели и, оставив пустые надежды, сам, пока еще не поздно, приди себе на помощь, если только ты сколько-нибудь заботаешься о самом себе (14).

Люди не знают, сколь многозначны такие слова, как ворошить, сеять, покупать, бездействовать, усматривать надлежащее; для этого знания нужны не телесные очи, а некий другой орган зрения (15).

Тело, душа, дух. Телу принадлежат ощущения, душе — стремления, духу — основоположения. Способностью получать впечатления обладают и скоты, стремления проявляются бурно и в диких зверях, и в андрогидах⁶, и в Фаларисе, и в Нероне, пользоваться духом для внешнего соблюдения обязанностей могут люди, и не признающие богов, и изменяющие своей родине, и творящие, запершись у себя, всякие гнусности. Если все это, согласно сказанному, общо всем, то одному лишь хорошему человеку свойственно любить и приветствовать происходящее и сопряженное с ним, не осквернять живущего в его груди гения, не беспокоить и не смущать его обилием представлений, а сберечь его чистым, строго послушным богам, не говорящим никогда вразрез с истиной и не делающим ничего вразрез со справедливостью. Если даже все люди откажутся поверить, что он живет так просто, скромно и счастливо, то он не будет сердиться ни на кого из них и не сойдет с пути, ведущего к цели жизни, к которой следует подойти чистым, спокойным, с легким сердцем и с безропотной покорностью своей судьбе (16).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда внутреннее господствующее начало верно природе, то его отношение ко всему происходящему таково, что оно всегда может легко приноровиться к возможному и данному. Ведь оно не испытывает любви к какой-нибудь определенной материи, но к предпочтительному стремится лишь условно, заступающее же место последнего обращает в материал для себя. Оно подобно огню, овладевающему тем, что брошено в него: слабая лампада была бы потушена, а яркое пламя мгновенно охватывает попавшее в него, пожирает его и вздымается благодаря этому еще выше (1).

Ничего не следует делать зря и никогда не поступать иначе, как сообразно строгим правилам искусства (2).

Люди ищут уединения, стремятся к деревенской тиши, к морским берегам, в горы. И ты также привык более всего желать этого. Все это, однако, говорит лишь о крайнем невежестве, ибо в любой момент ты можешь удалиться в самого себя. Ведь самое тихое и безмятежное место, куда человек может удалиться, — это его душа. В особенности же человек, который найдет внутри себя то, взглядевшись во что, он тотчас преисполнится спокойствием; под спокойствием же я разумею здесь не что иное, как сознание своей добропорядочности. Почаще же разрешай себе такое уединение и черпай в нем новые силы.

Пусть будут установлены краткие и основные положения, первого соприкосновения с которыми будет достаточно, чтобы разогнать всю печаль и отправить тебя обратно недосаждующим на то, к чему ты возвращаешься. На что ты, в самом деле, будешь досаждать? На порочность людей? Но если ты поразмыслишь над положением, гласящим, что разумные существа рождены друг для друга, что терпение есть часть справедливости, что люди заблуждаются против своей воли, если ты вспомнишь, что столько людей враждовавших, подозревавших, ненавидевших, спорничавших умерло и обратилось в прах, то скоро успокоишься. — Но не досадуешь ли ты на удел, доставшийся тебе в силу устройства Целого? Возобнови в своей памяти дилемму: «Или промысел, или атомы» — и те положения, которыми доказывается, что мир подобен Граду. — Тебя смущает еще состояние тела? Подумай о том, что дух, сосредоточившийся в самом себе и познавший свою собственную мощь, не смешивается с тихо или порывисто движущейся жизненной силой, и обо всем другом, что ты слышал и одобрил относительно наслаждения и страдания. — Тебя увлекает мечта о славе? Обрати внимание на то, как быстро все предается забвению, на хаос времени, беспредельного в ту и другую сторону, на суетность похвал, изменчивость и безрассудство тех, которые, по-видимому, тебя ценят, на незначительность пространства, пределами коего слава ограничена. Ведь вся

земля только точка. А какой крошечный уголок ее занимает место твоего пребывания? А сколько здесь тех, кто будет проглавлять тебя, и что они собой представляют?

Вспомни же, наконец, об удалении в свою собственную обитель и, главное, не разбрасывайся, не суетись, но будь свободным и смотри на вещи, как муж, гражданин, смертный! Среди истин, которые всегда должны быть под рукой, заметь особенно две. Во-первых, вещи не касаются души, но пребывают в покое вне ее; причины жалоб коренятся в одном лишь внутреннем убеждении. Во-вторых, все то, что ты видишь, подлежит изменению и вскоре исчезнет. Размышляй постоянно и о том, скольких изменений ты уже был свидетелем. Мир — изменение, жизнь — убеждение (3).

Если духовное начало у нас общее, то общим будет и разум, в силу которого мы являемся существами разумными. Если так, то и разум, повелевающий, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то и закон общий, если так, то мы граждане. Следовательно, мы причастны какому-нибудь гражданскому устройству, а мир подобен Граду. Ибо кто мог бы указать на какое-нибудь другое общее устройство, которому был бы причастен весь род человеческий? Отсюда-то, из этого Града, и духовное начало в нас, и разумное, и закон. Откуда же иначе? Ведь как все то во мне, что обладает свойствами земли, есть частица какой-нибудь земли, влажное — частица другого элемента, животворящее, теплое и огневидное берут начало каждое в своем источнике (ибо ничто не возникает из ничего, как и не превращается в ничто), точно так же и дух откуда-нибудь да происходит (4).

Смерть есть такая же тайна природы, как и рождение. В одном случае соединение, в другом — разложение одних и тех же элементов. Вообще в них нет ничего, что могло бы быть для кого-нибудь постыдным, ибо нет ничего не соответствующего одухотворенному существу или разуму его строения (5).

Людям этого рода свойственно поступать таким образом — это необходимо. Не желать этого — все равно что не желать, чтобы в смоковнице был сок. Вообще помни о том, что по истечении самого незначительного промежутка времени вы оба, и ты, и твой супротивник, умрете; а вскоре затем не будет помину и о ваших именах (6).

Устрани убеждение, устранится и жалоба на вред. Устрани жалобу на вред, устранится и самый вред (7).

То, что не делает человека худшим, чем он есть, не делает худшей и его жизнь и не вредит ни внешней, ни внутренней стороне его существа (8).

Польза вынуждает природу поступать таким образом (9).

Все совершающееся свершается согласно справедливости; если будешь наблюдать внимательно, то убедишься в этом. Все совершается, говорю я, не только согласно определенному порядку, но и согласно справедливости, точно кто-то распределил все сообразно достоинству. Продолжай же начатое тобою наблюдение и, что бы ты ни делал, делай с той мыслью, чтобы стать хорошим в истинном значении этого слова. Храни эту мысль во всех твоих начинаниях (10).

Не проникайся ни тем убеждением, которого держится обидчик, ни тем, которое он хочет навязать тебе, но все рассматривай в его подлинной истине (11).

Всегда следует быть готовым к двоякому. Во-первых, делать только то, что внушает разум царствующей и законодательствующей в тебе части на пользу людей. Во-вторых, изменить свое мнение, если кто-либо поправит тебя и разубедит в чем-нибудь. Но изменять свое мнение следует, только сообразуясь с чем-нибудь столь убедительным, как справедливое, общая польза и тому подобное, а отнюдь не потому, что такое изменение кажется приятным или сулит славу (12).

«Обладаешь ли ты разумом?» — «Обладаю». — «Почему же ты не пользуешься им? Ведь если он будет делать свое дело, что останется тебе желать?» (13)

Ты существовал как часть Целого. Тебе предстоит исчезнуть в породившем тебя, правильнее, ты, в силу изменения, будешь поглощать его семенообразным разумом ¹ (14).

На жертвеннике много кусочков ладана. Один из них попал сюда раньше, другие позже — разницы здесь нет никакой (15).

Если ты проникнешься известными основоположениями и отдашься служению разуму, то через десять дней покажешься богом тем, кому теперь кажешься зверем и обезьяной (16).

Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уж близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся стать хорошим (17).

Сколько досуга выигрывает тот, кто не смотрит на то, что сказал, сделал или подумал его ближний, но лишь на то, что он делает сам, чтобы соблюсти в своих действиях справедливость и благочестие! По слову Агатона ², не выискивать следует пороки других, а идти прямой дорогой, не уклоняясь в сторону (18).

Тот, кто мечтает о посмертной славе, упускает из виду, что каждый, помнящий о нем, сам скоро умрет, за ним последует и тот, кто унаследовал ему, и так до тех пор, пока не угаснет вся память, пройдя поколения помнивших и обреченных. Но допусти, что бессмертны помнящие о тебе и неистребима память. Что тебе до этого? Я не говорю уже, что это — ничто для умершего. Но что до похвалы живому, кроме разве имущественных выгод? Оставь же теперь заблаговременно заботы об этом суетном даре, зависящем только от людской молвы (19).

Все прекрасное, чем бы оно ни было, прекрасно само по себе: похвала не входит в него составной частью. Поэтому от похвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Я имею здесь в виду и то, что называется прекрасным с обычной точки зрения, как, например, материальные вещи и произведения искусства. А в какой похвале могло бы иметь нужду действительно прекрасное? Не более, чем закон, не более, чем истина, не более, чем благожелательность, чем порядочность. Что из всего этого прекрасно вследствие похвал или извращается благодаря порицанию? Разве смарагд от отсутствия похвалы становится хуже? А золото, слоновая кость, пурпур, мрамор, цветок, растение? (20)

Если души продолжают существовать, то каким образом воздух из века вмещает их в себе? — А каким образом вмещает в себе земля тела погребаемых в течение стольких веков? Подобно тому как здесь тела, после некоторого пребывания в земле, изменяются и разлагаются и таким образом очищают место для других трупов, точно так же и души, нашедшие прибежище в воздухе, некоторое время остаются в прежнем виде, а затем начинают претерпевать изменения, растекаются и возгораются, возвращаясь обратно к семенообразному разуму Целого, и таким образом уступают место вновь прибывающим. Вот что можно ответить при предположении, что души продолжают существовать. Следует поразмыслить не только над числом погребаемых трупов, но и над числом живых существ, ежедневно поедаемых нами и другими плотоядными животными. А в каком количестве они уничтожаются и как находят свою могилу в телах тех, кому они были на потребу? И, однако, места для них хватает, ибо они преосуществляются в кровь и принимают свойства воздуха или огня.

Что могло бы помочь распознаванию истины в этом вопросе? Различие начала материи и причины (21).

Не следует бросаться из стороны в сторону, но при всяком стремлении сообразовываться со справедливостью и при всяком представлении блюсти понимание (22).

Мир! Все, что гармонирует с тобой, пристало и мне, и ничто для тебя заблаговременное и для меня не наступает слишком

рано или слишком поздно. Природа! Все созревающее в смене твоих времен — мне на потребу. Все исходит от тебя, все пребывает в тебе, все к тебе возвращается. Герой пьесы говорит: «О возлюбленный град Кекропса!»³ Неужели же ты не скажешь: «О возлюбленный град Зевса!»? (23)

«Если хочешь достичь душевного спокойствия,— говорит философ⁴,— то ограничь свою деятельность немногим». Но не лучше было бы сказать «необходимым» и тем, что предписывает разум существа, от природы гражданственного, и при том, как он предписывает? В таком случае мы будем обладать не только тем душевным миром, который обусловливается прекрасными поступками, но и тем, который обусловливается их немногочисленностью. Ведь бóльшая часть того, что мы говорим и делаем, не необходима, и если бы кто-нибудь обошелся без этого, то был бы богаче досугом и беднее тревожениями. Поэтому в каждом отдельном случае следует спрашивать себя: «Относится ли это к числу необходимого?» И устранять следует не только не необходимые поступки, но и не необходимые представления, ибо за ними-то и следуют праздные поступки (24).

Сделай попытку, насколько тебе удастся жизнь хорошего человека, довольствующегося уделом, доставшимся ему в силу устройства Целого, удовлетворяющегося справедливостью своей собственной деятельности и благожелательностью своего настроения (25).

Осмислил ли ты предыдущее? Ознакомься тогда и с нижеследующим. Не мудри над собой, старайся быть простым. Прегрешает кто-нибудь? Он прегрешает против самого себя. Случилось с тобой что-нибудь? Прекрасно. Все случающееся с тобой было изначально суждено тебе и сопряжено с тобой в силу устройства Целого. Вообще же жизнь мимолетна, надо разумно и справедливо использовать настоящее. Не предавайся излишествам и в часы досуга (26).

Мир или стройный порядок или же смешение и путаница. Но несомненно первое. Или в тебе может существовать известный строй, а во всем должно быть настроение? И это, когда все различено, расчленено и находится в постоянном взаимодействии! (27)

Есть характеры мрачные, характеры женственные, упорные, зверские, ребяческие, скотские, вялые, фальшивые, нелепые, вероломные, тиранические (28).

Если чужд миру тот, кто не знает сущего в нем, то не менее чужд и не знающий происходящего. Беглец тот, кто уклоняется от разума гражданственности, слепец — смежающий очи духо-

вные, нищий — кто нуждается в другом и не имеет в самом себе всего полезного для жизни. Кто отступает и удаляется от разума общей природы, выражает неудовольствие происходящим — отступник от мира. Ведь порождает все происходящее та же природа, что породила и его. Отверженец Града тот, кто обособляет свою душу от души всех разумных существ — единой для всех (29).

Кто философствует без хитона, кто — без книг, кто — полуголый. «У меня нет хлеба,— говорит он,— и все же я верен разуму»⁵. И меня наука не кормит, а все же я остаюсь ей верным (30).

Люби то немудреное искусство, которое ты изучил, и в нем находи удовлетворение. Остаток жизни проживи, как человек, всей душой предавшийся, во всем касающемся его, на волю богов, и не желающий быть ни рабом, ни тираном по отношению к кому-нибудь из людей (31).

Окинь мысленным взором хотя бы времена Веспассиана, и ты увидишь все то же, что и теперь: люди вступают в браки, возвращают детей, болеют, умирают, ведут войны, справляют празднества, путешествуют, обрабатывают землю, льстят, предаются высокомерию, подозревают, злоумышляют, желают смерти других, ропщут на настоящее, любят, собирают сокровища, добиваются почетных должностей и трона. Что случилось с их жизнью? Она сгнула. Перенесись ко временам Траяна: и опять все то же. Опочила и эта жизнь. Взгляни равным образом и на другие периоды времени в жизни целых народов и обрати внимание на то, сколько людей умерло вскоре по достижении заветной цели и разложилось на элементы. Чаще же всего следует возвращаться к тем, которых ты знал лично, как людей, стремящихся к суетному и пренебрегавших делом, отвечавшим их собственному строю, не остававшихся ему верными и не довольствовавшихся им. Необходимо также помнить, что внимание, уделяемое каждому делу, оценивается по нему и должно быть соразмерно ему. Таким образом, если ты не будешь заниматься незначительными делами более, чем приличествует, то не придется тебе и разочаровываться (32).

Слова, бывшие некогда обычными, теперь нуждаются в пояснении. То же и с именами некогда прославленных мужей, как Камилл, Цезон, Волез, Леоннат⁶; скоро та же участь постигнет и Сципиона, и Катона, затем Августа, а потом очередь и Адриана, и Антонина. Все кратковечно и вскоре начинает походить на миф, а затем передается и полному забвению. И я еще говорю о людях, в свое время окруженных необычайным ореолом. Что же касается остальных, то стоит им испустить дух, чтобы «не стало о них и помину»⁷. Что же такое вечная слава? Сущая суета.

Но есть ли что-нибудь, к чему следует отнестись серьезно? Только одно: праведное помышление, общепользная деятельность, речь, неспособная ко лжи, и душевное настроение, с радостью приемлющее все происходящее, как необходимое, как предуготворенное, как проистекающее из общего начала и источника (33).

Предайся добровольно Клото ⁸, и пусть она ставит тебя в те условия, которые пожелает (34).

Все мимолетно: и тот, кто помнит, и то, о чем помнят (35).

Постоянно думай о том, что все возникающее возникает в силу изменения, и приучай себя к мысли, что ничто так не любит природа Целого, как изменять существующее и творить новое подобное. Ибо все существующее есть некоторым образом семя того, что из него произойдет. Ты же считаешь семенем только засеянное в землю или утробу матери — и коснеешь в невежестве (36).

Твой конец уже близок, а ты все еще не отрешился от всего искусственного, все еще не свободен от треволнений, все еще опасаясь вреда извне, не преисполнен благосклонности ко всем, не понимаешь, что мудрость исключительно в справедливой деятельности (37).

Вникни в руководящее начало людей, в то, что их озабочивает, к чему они стремятся и чего избегают (38).

Зло коренится для тебя не в руководящем начале других людей и не в превращениях и изменениях твоего тела.— «Но где же?» — В твоей способности составлять себе убеждение о зле. Пусть эта способность смолкнет, и все будет хорошо. Пусть эта способность пребывает в покое даже тогда, когда наиболее ей близкое, ее тело, режут, жгут, когда оно гноится и гниет, т. е. пусть она рассудит, что нет ни добра, ни зла в том, что равно может случиться как с дурным, так и с хорошим человеком. Ведь то, что одинаково может случиться как с живущим вразрез с природой, так и с живущим согласно ей, то и не согласно с природой, и не идет вразрез с ней (39).

Ты всегда должен мыслить мир как единое существо, с единой сущностью и единой душой. Подумай о том, как все сводится к его же единому ощущению, как создает он все единым стремлением, как все содействует возникновению всего, какая во всем связь и соответствие (40).

«Человек — это душонка, обремененная трупом», — как говорит Эпиктет (41).

Нет ничего дурного в том, чтобы претерпеть изменение, как нет ничего хорошего в существовании благодаря ему (42).

Время есть река возникающего и стремительный поток. Лишь появится что-нибудь, как уже пронесется мимо, но пронесится и другое, и вновь на виду первое (43).

Все происходящее так же обычно и известно, как роза весной и виноград осенью. Таковы и болезнь, и смерть, и клевета, и злоумышление, и все то, что радует или огорчает глупцов (44).

Последующее всегда родственно предыдущему. Здесь мы имеем дело не со счислением разнородного, лишь насильственно приводимого к единству, а со связью, сообразной разуму. И подобно тому как гармонически слажено все сущее, и все возникающее являет не бессмысленное чередование, а чудесную внутреннюю близость (45).

Всегда помни изречение Гераклита: «Для земли смерть стать водой, для воды — воздухом, для воздуха — огнем, и наоборот». Следует помнить и о человеке, забывшем, куда ведет путь ⁹, и о том, что люди отступают от проникающего Целое разума, с которым они находятся в самом непрерывном общении, и что чуждым кажется им то, с чем они сталкиваются каждый день, и о том, что не нужно говорить и поступать, как во сне (ибо и тогда нам кажется, будто мы говорим и действуем), и что не следует поступать, подобно детям, т. е. слепо следуя примеру родителей (46).

Если бы кто-нибудь из богов сказал тебе, что ты умрешь завтра или уже во всяком случае послезавтра, то едва ли ты стал бы очень добиваться, чтобы это произошло послезавтра, если ты только не труслив до низости. Ибо насколько же ничтожна разница! Точно так же не считай очень важным, умрешь ли ты по истечении многих лет или же завтра! (47)

Всегда размышляй о том, сколько умерло врачей, часто хмуривших чело над ложем больного, сколько математиков, гордившихся своими предсказаниями смерти другим людям, сколько философов, распространявшихся о смерти и бессмертии, сколько воителей; загубивших множество людей, сколько тиранов, пользовавшихся своей властью над чужой жизнью с таким *в ы с о к о м е р и е м*, точно они сами были бессмертны, сколько умерло, так сказать, целых городов, как Геликия ¹⁰, Помпея, Геркуланум и бесчисленное множество других. Перебери одного за другим и тех, кого ты знал лично: один хоронит одного, другой — другого, а затем умирают и сами — и все это в течение

краткого промежутка времени. Вообще следует смотреть на все человеческое как на мимолетное и кратковечное — то, что было вчера еще в зародыше, завтра уже мумия или прах. Итак, проведи этот момент времени в согласии с природой, а затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая олива: славословя природу, ее породившую, и с благодарностью к произведшему ее дереву (48).

Будь подобен скале: волны беспрестанно разбиваются о нее, она же стоит недвижимо, и вокруг нее стихают взволнованные воды.

Я несчастен потому, что со мной случилось то-то и то-то.— Отнюдь нет. Наоборот, я счастлив потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломлен настоящим, не трепещу перед грядущим. Случиться ведь это могло со всяким, но не всякий бы остался чуждым печали. Почему же первое более несчастье, нежели второе счастье? Назовешь ли ты вообще несчастьем для человека то, что не препятствует человеческой природе достичь ее цели? Но кажется ли тебе таким препятствием то, что не идет вразрез с требованиями человеческой природы? В чем же заключаются эти требования? Ты знаешь их. Разве случившееся мешает тебе быть справедливым, великодушным, благоразумным, рассудительным, осторожным в суждениях, правдивым, скромным, откровенным и обладать всеми другими свойствами, в наличности которых особенность человеческой природы? Не забывай же впредь при всяком событии, повергающем тебя в печаль, пользоваться основоположением: «Не событие это является несчастьем, а способность достойно перенести его — счастьем» (49).

Простое, но действительное средство для того, чтобы научиться презирать смерть,— это воскрешать в памяти тех, кто жадно цеплялся за жизнь. Чем им лучше, нежели умершим преждевременно? Лежат где-нибудь и Катилян, и Фабий, и Юлиан, и Лепид¹¹, и им подобные, многих схоронившие, а затем погребенные и сами. Разница во времени вообще незначительна, да и при каких условиях, с какими людьми и в каком жалком теле придется провести это время! Итак, не считай всего этого важным. Оглянись назад — там безмерная бездна времени, взгляни вперед — там другая беспредельность. Какое же значение имеет по сравнению с этим разница между тем, кто прожил три дня, и прожившим три человеческих жизни? (50)

Всегда иди кратчайшим путем. Кратчайший же — путь согласный с природой: он в том, чтобы блюсти правду во всех речах и поступках.

Подобное решение избавит тебя от утомления, борьбы, притворства и тщеславия (51).

КНИГА ПЯТАЯ

Если тебе не хочется подыматься чуть свет, то тотчас же скажи себе: «Я встаю, чтобы приняться за дело человеческое. Неужели же я буду досадовать на то, что иду на дело, ради которого я создан и послан в мир! Неужели мое назначение — греться, растянувшись на ложе?» — «Но последнее приятнее». — «Так ты создан для наслаждения, а не для деятельности и напряжения сил? Почему ты не смотришь на растения, пичужек, муравьев, пауков, пчел, делающих свое дело и, по мере сил своих, способствующих красоте мира? Ты же не желаешь делать дела человеческого? И не спешишь к тому, что отвечает твоей природе?» — «Но ведь нужно и отдохнуть». — «Согласен. Однако природа установила для этого известную меру, как установила ее и для еды, и для питья. Но ты все же идешь дальше меры и дальше того, что достаточно. В деятельности же своей ты не достигаешь этой меры, не доходишь до границ возможного, ибо ты не любишь самого себя. Иначе ты бы любил и свою природу, и ее требования. Другие, любящие свое искусство, всецело отдаются своему делу, забыв и помыться, и поесть. Ты же меньше ценишь свою природу, нежели гравер — гравирование, танцор — танцы, сребролюбец — деньги, честолюбец — славу. Все они, когда увлекутся, предпочитают не есть и не спать, только бы приумножить то, к чему лежит их душа. Неужели же общепользная деятельность кажется тебе менее значительной и менее достойной усилий?» (1).

Как легко, отбросив и подавив всякое тягостное и неподобающее представление, тотчас же достичь полного мира душевного (2).

Считай себя достойным всякого слова и дела, согласных с природой. Пусть не смущают тебя чьи-нибудь последующие упреки и пересуды, но если можешь сделать или сказать что-нибудь прекрасное, то смело берись за это! Ведь у людей свое руководящее начало, и следуют они своим стремлениям. Не смотри на это, но иди напрямки, следуя своей природе и общей, ибо един путь той и другой (3).

Я буду идти, неуклонно держась природы, пока не свалюсь; лишь тогда я отдохну, отдав свое дыхание тому, из чего я черпал его ежедневно, и возвратившись туда, откуда изошло семя моего отца, кровь матери, молоко кормилицы, в ту землю, которая столько лет кормила и поила меня, которая носит меня, топчущего ее и пользующегося сверх меры ее дарами (4).

Ты не можешь никого удивить своей быстрой сообразительностью. Пусть так. Но есть многое другое, относительно чего ты не можешь сказать: «Я не рожден для этого». Проявляй же те

свойства, которые всецело зависят от тебя: чистосердечие, серьезность, выносливость, пренебрежение к наслаждениям, довольство своей судьбой, немногочисленность потребностей, благожелательность, свободу, умеренность, отсутствие пустословия и высокомерия. Знаешь ли ты, со скольких сторон ты еще мог бы проявить себя, относительно которых нельзя было бы сослаться на природную неспособность, и все же добровольно остаешься на прежнем уровне? Или же к тому, чтобы роптать, жадничать, льстить, во всем винить свое жалкое тело, потворствовать ему, превозноситься и испытывать подобные душевные волнения, также принуждает тебя какая-нибудь прирожденная неспособность? Нет, клянись богами, нет! Напротив, ты давно бы уже мог отделаться от всего этого. Если же ты действительно признаешь в себе недостаточную быстроту понимания и сообразительности, то этот недостаток следует уничтожить упражнением, а не потворствовать своей лени, махнув на него рукой (5).

Одни люди, сделав кому-нибудь одолжение, склонны требовать от него признательности. Другие не склонны к этому, но все же в глубине души считают его своим должником и отдают себе отчет в том, что они сделали. Есть, наконец, и такие, которые некоторым образом и не отдают себе отчета в том, что они сделали; они подобны лозе, приносящей виноград и ничего не добывающей после того, как произведет свой плод: так бегают лошади, так выслеживает собака, так собирает мед пчела. Человек же, сделавший добро, не кричит об этом, а переходит к другому делу, как лоза, которая в урочное время должна вновь принести виноград.— «Итак, следует быть в числе тех, которые, делая добро, некоторым образом не отдают себе отчета в том, что они делают?» — «Да». — «Но добро и есть именно то, в чем необходимо отдать себе отчет; ведь человеку, преданному общему благу, свойственно знать, что его деятельность отвечает общему благу, и, ей-же-ей, желать, чтобы и другие знали об этом». — «Ты говоришь правду. Но ты не улавливаешь смысла сказанного и потому будешь одним из тех, о которых я упомянул раньше. Ведь и их вводит в заблуждение видимость разумной убедительности. Но если ты хочешь понять сказанное, то не бойся, что тебе придется из-за этого упустить какое-нибудь общепольное дело» (6).

Молитва афинян: «Пролейся, пролейся дождем, благодатный Зевс, над пашнями и полями афинскими». Или вообще не следует молиться, или молиться с такой простотой и благородством (7).

Смысл выражений: «Асклепий назначает такому-то верховую езду, холодные обмывания или ходьбу босиком» и «Природа Целого назначает такому-то болезнь, или увечье, или лишение чего-нибудь» — вполне совпадает. Ведь в первом случае слово «назначает» значит: он определил такому-то то-то, как споспе-

шествующее его здоровью, а во втором — что приходящееся на долю каждого определено ему, как спешествующее его судьбе. Поэтому мы и говорим, что нечто «пришлось» на нашу долю, подобно тому как строители говорят о четырехугольных камнях в стенах или пирамидах, что они «пришлись» друг к другу, если они находятся в каком-нибудь гармоническом сочетании. Ведь единая гармония проникает все. И подобно тому как из всех тел слагается мир — совершенное тело, так и из всех причин слагается судьба — совершенная причина. Мои слова должны быть понятны и для людей совсем простых. Ведь они же говорят: «Судьба ниспослала ему это». Следовательно, такому-то ниспосылается то-то, такому-то назначается то-то. Будем же относиться к этому так же, как к тому, что назначает Асклепий. Ведь и в последнем случае многое нам не по вкусу, однако надежда на здоровье побуждает нас с радостью пойти на это. Пусть же исполнение и осуществление замыслов общей природы кажется тебе чем-то подобным твоему здоровью. Поэтому приемли с радостью все совершающееся, даже если оно кажется тебе тягостным, ибо оно ведет к известной цели, к здравью мира, благоденствию Зевса и успеху его начинаний. Ибо он никому не ниспослал бы этого, если бы это не способствовало благу Целого. Ведь и природа любой вещи не производит ничего, что не было бы на потребу подвластному ей. Итак, следует любить все происходящее с тобой по двум основаниям. Во-первых, оно произошло с тобой, было предназначено тебе и как бы имело в виду тебя, будучи связано с тобой еще силой изначальной причины. Во-вторых, оно является причиной благоусущности, совершенства и, ей-же-ей, самого существования миродержавного правителя. Ведь Целое будет извращено, если ты хоть в чем-нибудь нарушишь согласие и связь как частей его, так и причин. Но именно это ты и делаешь по мере своих сил, когда выражаешь недовольство чем-нибудь и как бы устранишь его (8).

Не следует ни негодовать, ни падать духом, ни разочаровываться, если тебе не вполне удастся во всем действовать согласно правильным основоположениям. Пусть ты потерпел неудачу, все же нужно вновь вернуться к тому же, быть довольным, если в большинстве случаев ты поступаешь достойно человека, и любить то, к чему ты возвращаешься. К философии следует возвращаться не как ребенок к своему дядьке, но как страдающие глазами к своим лекарствам, губке или яйцу, другие — к целебной мази или водяному душу. Тогда легко тебе будет повиноваться разуму и ты найдешь в нем свое успокоение. Помни же, что философия желает того же, что и твоя природа; ты же желаешь и другого, несогласного с природой. Но что более привлекательно? Разве наслаждение не сбивает нас на ложный путь именно благодаря тому, что кажется таким? Вникни, однако, не будут ли более привлекательны великодушие, свобода, простота, праведность, благочестие. А что привлекательнее самого

разумения, если под ним понимать способность соображения и познания, счастливо преодолевающую все препятствия? (9)

Сущее настолько сокрыто от нас, что многим философам, и не заурядным, оно представляется совершенно непостижимым. И даже сами стоики признают его труднопостижимым. Наше согласие с чем-нибудь не есть нечто неизменное. Где, в самом деле, человек, не менявший своих взглядов? Перейди теперь к самим окружающим тебя предметам: как все кратковечно и мимолетно, как легко может стать достоянием распутника, блудницы или разбойника! Присмотришь, далее, к нравам твоих современников: с трудом можно ладить даже с самым уживчивым из них, чтобы не сказать, что кое-кто из них еле выносит самого себя. Я отказываюсь понять, что в этом мраке, в этой грязи, при такой текучести и материи, и времени, и движения, и движимого могло бы еще стать предметом почитания или же вообще серьезного отношения. Наоборот, следует бодро ждать своего естественного конца, не досадуя на его замедление и утешая себя следующими двумя положениями. Во-первых, со мной не может случиться ничего, что не отвечало бы природе Целого. Во-вторых, я могу не делать ничего против моего божества и гения. Ибо никто не может принудить меня к этому (10).

Какое употребление делаю я теперь из моей души? Вот вопрос, который следует себе ставить во всяком положении и исследовать далее, что происходит с тою частью моего существа, которую называют производящей. Чья душа теперь у меня? Не ребенка ли? Не юноши ли? Не слабой ли женщины, или тирана, или скота, или дикого зверя? (11)

Что представляет собою то, что большинству людей кажется благом, ты мог бы узнать хотя бы из следующего. Если кто-нибудь помышляет о каких-нибудь истинных благах, как разумение, благоразумие, справедливость, мужество, то, задаваясь такими мыслями, он не рисковал бы выслушать известное изречение: «От благ и т. д.»¹, ибо оно здесь совсем неуместно. Но если кто помышляет о том, что кажется благом большинству людей, то он не только выслушает изречение комического поэта, но и охотно согласится с ним, как с метким словом. И большинство людей представляет себе так это различие; иначе это изречение не было бы столь оскорбительно и непристойно. Ведь если применять его к богатству и тому, что служит роскоши и славе, то мы вполне согласны с ним, как с удачным и остроумным словом. Сделай же следующий шаг и спроси себя, следует ли чтить и считать благом то, при мысли о чем вполне уместно замечание: «Приобретшему эти блага в изобилии некуда будет и помочиться» (12).

Я состою из начала причинного и материального. Ни то ни другое не перейдет в небытие, как и не возникло оно из небытия.

Поэтому каждая часть моего существа по изменении делается какой-нибудь частью мира, последняя, изменившись, в свою очередь делается другой частью мира, и так бесконечно. Ведь и я возник в силу изменения, и те, кто породили меня, и т. д. также бесконечно. Все это остается верным и в том случае, если мир подчинен закону размеренных периодов ² (13).

Разум и искусство разумной жизни суть способности, до-вольствующиеся собой и делами, согласными с ними. Их стремление направляется свойственным им началом, их путь прямо ведет к положенной им цели. Поэтому согласные с ними действия называются правильными, что указывает на правильность пути (14).

Ничто из того, что не принадлежит человеку, поскольку он человек, не может быть названо свойственным человеку. Все это не составляет требований человека, не предписывается природой человека, не является совершенством человеческой природы. Не в этом и цель человека, а следовательно, и завершение цели — благо.

Ведь если бы, далее, что-нибудь из этого было свойственно человеку, то не могло бы быть свойственно ему пренебрежение и противодействие по отношению к этому и не был бы достоин похвалы тот, кто стремится не нуждаться в этом; будь это благом, не мог бы быть хорошим человек, отказывающий себе в чем-нибудь подобном. На самом же деле человек тем лучше, чем полнее его отречение от этого или чем легче он переносит лишение чего-нибудь такого (15).

Каковы по большей части твои представления, таковым же будет и твое помышление. Ибо душа пропитывается этими представлениями. Пусть же она постоянно пропитывается у тебя представлениями вроде нижеследующих. Где есть возможность жить, там можно и хорошо жить: при дворе можно жить, следовательно, там можно и хорошо жить. И далее: каждая вещь стремится к тому, ради чего она была создана, а в том, к чему она стремится,— ее цель; но где цель каждой вещи, там же ее польза и благо. Благо же разумного существа — общение. А что мы созданы для общения — это доказано уже давно. Разве не очевидно, что низшие существа созданы для высших, а высшие друг для друга? Одушевленные — выше неодушевленных, из одушевленных же высшими являются разумные (16).

Стремиться к невозможному — безумно. Но невозможно, чтобы дурные люди не поступали соответствующим образом (17).

Ни с кем не случается ничего такого, чего он не в силах был бы вынести. Случается то же самое и с другими, и они, потому

ли, что не знают, что с ними случилось, или потому, что желают щегольнуть своим возвышенным образом мыслей, остаются твердыми и непоколебимыми. Было бы ужасно, если бы невежество и тщеславие оказались сильнее разумения (18).

Сами вещи отнюдь не соприкасаются с душой. Им нет доступа в душу, они не могут ни изменить ее, ни привести ее в движение. Изменение же и движение в ней лишь от нее самой. И каким будет для нее все предлежащее ей — зависит от того, каких суждений она сочтет себя достойной (19).

Человек является для нас существом наиболее близким, поскольку мы обязаны делать людям добро и не тяготиться ими. Поскольку же кто-нибудь из них противодействует исполнению моих обязанностей, постольку он становится для меня не менее безразличным, нежели солнце, ветер, дикий зверь. Все это может воспрепятствовать какой-либо деятельности, но для стремления и настроения, в силу полагаемого условия и способности претворения, препятствия возникнуть не может. Ведь душа претворяет и изменяет каждое препятствие в предпочтительное; то, что было препоной для данного действия, становится средством для другого действия, а то, что стояло на пути, само указывает путь (20).

Чти наиболее совершенное из существующего в мире; им будет то, что всем пользуется и всем правит. Равным образом почитай наиболее совершенное из существующего в тебе: оно сродни первому. Ибо и в тебе оно то, что пользуется всем другим, а твоя жизнь направляется им (21).

Что не причинит вреда Граду, не вредит и гражданину. Каждый раз, когда возникает представление о вреде, применяй следующее правило: «Если это не приносит вреда Граду, то не приносит и мне». Если же Граду причинен вред, то не сердиться следует на виновного, а указать ему его заблуждение (22).

Чаще размышляй о том, с какой быстротой пронесится и исчезает из виду все сущее и происходящее. Ибо сущность подобна непрерывно текущей реке; действия беспрестанно сменяют друг друга, причины подлежат бесчисленным изменениям. И нет, по видимому, ничего устойчивого, а рядом с нами безмерная бездна прошедшего и грядущего, в которой все исчезает. Так не глупцом ли будет тот, кто станет гордиться чем-нибудь подобным, или волнуется по его поводу, или же жалуется, точно дело идет о бремене, которому предстоит длиться века? (23)

Вспомни о сущности в ее целом: в какой ничтожной доле ты участвуешь в ней; о времени в его целом, от которого тебе уделен лишь краткий и мимолетный срок; о судьбе: какой незначительной частицей ее ты являешься! (24)

Кто-нибудь поступает плохо по отношению ко мне? Ну что ж, это его дело. У него свое душевное настроение и свой образ действий. Я же таков, каким желает, чтобы я был, общая природа, и поступаю так, как желает, чтобы я поступал, моя собственная природа (25).

Руководящая и господствующая часть твоей души не должна поддаваться влиянию медленных или порывистых движений в теле. Ей следует не смешиваться с телом, а отмежеваться от него и происходящее в его членах ограничить их пределами. Если же оно сообщается душе другим путем, в силу общения и соединения ее с телом, то в таком случае не нужно пытаться противодействовать ощущению, ибо оно существует согласно природе. Руководящее начало не должно только прибавлять от себя убеждения о добре и зле (26).

Живи в общении с богами! Но в общении с богами живет тот, кто постоянно являет им свою душу довольной своим уделом, действующей согласно желаниям гения, которого Зевс дал каждому человеку как наставника и руководителя и который есть частица его самого. Этот гений есть дух и разум каждого из нас (27).

Будешь ли ты сердиться на человека, от которого пахнет потом или у которого скверно пахнет изо рта? Что ему делать? Такой уже у него рот и такие подмышки, что против его воли исходит от них такой запах. «Но ведь человек,— возразят мне,— обладает разумом и может, при некотором внимании, усмотреть, в чем его недостаток».— Правильно. Но в таком случае и ты обладаешь разумом. Пусть же разумное убеждение в тебе приведет в движение разумное убеждение в другом. Доказывай, напоминай. Если он услышит тебя, то исцелится, и не будет уже нужды в гневе.

Не следует уподобляться ни трагическому актеру, ни блуднице (28).

Ты можешь здесь жить так, как рассчитываешь жить, уйдя отсюда. Если же тебя лишают этой возможности, то расстанься с жизнью, но как человек, не усматривающий в этом никакого зла. Дым ест мне очи, и я ухожу³. Считаешь ли ты это особым подвигом? Но пока ничто не гонит меня вон, я остаюсь свободным и никто не помешает делать то, что я желаю. Желания же мои согласны с природой существа разумного и общежительного (29).

Дух Целого требует общения. Поэтому менее совершенные существа он создал ради более совершенных, а более совершенные приносовил друг к другу. Ты видишь, какое он всюду установил подчинение и соподчинение, каждому дал в меру его

достоинства и привел наиболее совершенные существа к единомыслию (30).

Как ты вел себя до сего дня по отношению к богам, родителям, братьям, супруге, детям, учителям, воспитателям, друзьям, родственникам, домочадцам? Можешь ли ты сказать о себе:

«До сих пор никого не обидел ни словом, ни делом?»⁴

Вспомни, сколько ты пережил и сколько имел мужество перенести. Вспомни, что история твоей жизни уже близка к окончанию и срок служения — на исходе. Вспомни, сколько ты видел прекрасного, ко скольким наслаждениям и страданиям отнесся с пренебрежением, как презирал суетную славу и сколько раз показал себя праведным по отношению к неправедным (31).

Как могут люди без образования и неучи смутить покой человека образованного и знающего? Кого же следует назвать образованным и знающим? Того, кто знает начало, и цель, и разум, проникающий все сущее и извечно управляющий всем по размеренным периодам (32).

Еще немного — и ты прах или кости; останется одно имя, а то и его нет. Имя же — пустой звук и бездушное эхо. Все блага, ценимые в жизни, суетны, бrenны, ничтожны и подобны молодым псам, кусающим друг друга, и капризным детям, то смеющимся, то вновь плачущим. Верность же и стыд, справедливость и истина удалились

с пространной земли на Олимп⁵.

Что же еще удерживает тебя тут? Все воспринимаемое чувствами изменчиво и неустойчиво, сами чувства смутны и легко поддаются в обман, а сама наша душонка — испарина крови. Разве не суетно желание пользоваться славой у таких созданий? Почему же не ожидаешь ты с легким сердцем своего уничтожения или изменения во что-нибудь другое? Но как быть до тех пор, пока не наступил еще этот момент? Чтить и славить богов, делать добро людям, не тяготиться ими, но и не сближаться с ними слишком, помнить, что все, находящееся вне твоего бrenного тела и такой же жизненной силы, не принадлежит тебе и от тебя не зависит (33).

Если ты можешь избрать правильный путь и надлежащим образом составлять свое убеждение и действовать, то можешь и быть счастливым. Две особенности общи как душе бога, так и душе человека и всякого разумного существа. Во-первых, ничто чуждое душе не может оказаться для нее препятствием. Во-вторых, душа может полагать свое благо в праведном настроении и действии и ими ограничить свое стремление (34).

Если что-нибудь не является ни пороком во мне, ни действием моего порока и в то же время не причиняет вреда Целому, то стоит ли мне по его поводу тревожиться? Но что могло бы причинить вред Целому? (35)

Не отдавайся всецело полету своего воображения, но помогай другим по мере возможности и поскольку они заслуживают, даже если у них ощущается недостаток в вещах безразличных. Но не воображай, что этот недостаток означает вред: зла тут нет никакого. Старец, уходя, настоятельно требует у своего питомца кубарь, хотя и знает, конечно, что это всего-навсего игрушка. Так же и тут. Но когда ты говоришь с трибуны...⁶ Человек, не забыл ли ты, о чем идет речь? — «Да. Но ведь все так стремятся к этому». — Неужели же на этом основании и ты должен стать глупцом?

Куда бы я ни попал, я могу быть счастлив. Счастлив же тот, кто уготовил себе благую участь. Благая же участь — это благие склонности души, благие стремления, благие дела (36).

КНИГА ШЕСТАЯ

Сущность Целого податлива и послушна. Разум же, управляющий ею, не таит в себе никакой причины, которая могла бы побудить его делать зло. Ведь зла в нем нет, он ничего злого не делает, и ничто не терпит от него вреда. Но все возникает и совершается согласно ему (1).

Пусть будет для тебя безразлично, терпишь ли ты, исполняя свой долг, от холода или зноя, клонит ли тебя ко сну, или ты уже выспался, плохо ли о тебе отзываются или хорошо, собираешься ли умирать или сделать что-нибудь другое. Ведь смерть есть одна из наших жизненных задач, и для ее решения достаточно надлежащего выполнения текущих дел (2).

Не довольствуйся поверхностным взглядом. От тебя не должны ускользнуть ни своеобразие каждой вещи, ни ее достоинство (3).

Все предметы подлежат очень быстрому изменению; им предстоит или испариться (если сущность всего едина), или же рассеяться (4).

Правящий разум знает самого себя, знает, что делает и с какой материей имеет дело (5).

Лучший способ оборониться от обиды — это не уподобляться обидчику (6).

В одном ищи радости и успокоения: в том именно, чтобы от одного общепольного дела переходить к другому, памятуя о боге (7).

Руководящее начало само себя побуждает и направляет. Оно делает себя таким, каким желает, и от него же зависит сделать так, чтобы все казалось ему таким, каким оно само желает (8).

Все совершается согласно природе Целого, а не какой-либо другой, объемлющей ли ее извне, или таящейся внутри, или же обособленной (9).

Или смешение, сплетение и рассеяние, или же единение, порядок и промысел. Если допустить первое, то что может побудить меня оставаться далее в этой дикой путанице и смятении? О чем мне еще заботиться, как не о предстоящем превращении в землю? Что может волновать меня? Что бы я ни делал, и до меня дойдет рассеяние. Если же допустить второе, то я преисполняюсь благоговения и мужества и уповаю на промысел (10).

Если обстоятельства понудят тебя изменить своему душевному равновесию, то поспеши вернуться к самому себе и не отступать сверх необходимости от размеренных движений своей души. Ведь чем чаще будешь ты возвращаться к гармонии, тем более и более будешь укрепляться в ней (11):

Если бы у тебя были одновременно и мачеха, и родная мать, то ты, конечно, относился бы к первой с уважением, но тебя, однако, постоянно тянуло бы к матери. Таковыми являются для тебя двор и философия. Постоянно же возвращайся к философии и ищи в ней успокоения; благодаря ей и жизнь при дворе не будет тебе в тягость, и сам ты не будешь в тягость другим (12).

Относительно мясных блюд и вообще подобных кушаний можно приучить себя к такому взгляду: это вот труп рыбы, это — труп птицы или поросенка. Равным образом фалернское вино — выжатый сок винограда, пурпур — шерсть овцы, окрашенная кровью улитки, соитие — трение известных органов и выбрасывание семени, соединенное с особыми спазмами. Такого рода представления, доходя до самых вещей и проникая в них, дают возможность увидеть, каковы они на самом деле. Так следует поступать всю жизнь. Если какие-либо вещи кажутся нам безусловно заслуживающими нашего одобрения, следует обнажить их, прозреть всю их суетность и устранить ореол, придаваемый им рассказами. Ибо ничто не способно так вводить в заблуждение, как тщеславие, и проводит оно тебя более всего тогда, когда тебе кажется, что ты занят самым серьезным делом. Посмотри-ка, что говорит Кратет ¹ о самом Ксенократе (13).

Большинство людей восторгается обыкновенно самыми обыденными вещами, относящимися к мертвой или растительной природе ², как-то: камнями, досками, смоковницами, виноградными лозами, маслинами. Несколько более развитые люди — с существами одушевленными, как стадами мелкого или крупного скота. Люди, стоящие на следующей ступени развития,— тем, что одарено разумной душой, не имеющей, однако, вселенского характера, но обладающей специальными познаниями или же какими-нибудь дарованиями или даже лишенной их: сюда относится обладание большим числом рабов. Тот же, кто чтит душу разумно-вселенскую и гражданственную, не смотрит уже ни на что другое. Его более всего занимает, как сохранить разумность и уважение к обществу в своей душе и помочь в том же своему ближнему (14).

Одно спешит к существованию, другое спешит из него, и из того, что возникло, кое-что уже исчезло. Поток изменения постоянно обновляет мир, как непрерывное течение времени постоянно сообщает юности беспредельной вечности. Что могло бы стать для кого-нибудь предметом почитания в этом потоке бегущих явлений, ни на одном из которых нет возможности остановиться? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь вздумал облюбовать одну из пролетающих птиц, а она уже скрылась из глаз. Такова же и жизнь каждого из нас — испарение крови и вдыхание воздуха. Ведь нет разницы между однократным забором и возвращением воздуха (что мы производим ежедневно) и возвращением самой способности дыхания, полученной тобой вчера или позавчера, при рождении, туда, откуда ты ее первоначально получил (15).

Ценно не выдыхание воздуха, имеющееся и у растений, и не вдыхание его, которым обладают и скоты, и звери, не способность получать извне представления и определяться стремлением, не стадная жизнь и не питание; все это ничем не лучше обратного выделения остатков пищи. Но что же, наконец, ценно? Выражение одобрения? Нет. Следовательно, и не выражение одобрения с помощью языков; ведь к этому-то именно и сводится то доброе имя, которое может дать толпа.

Итак, ты отрелся и от суетной славы. Что же остается ценного? Мне кажется, деятельность, согласная с присущим тебе строем, и верность ему, т. е. именно то, на что направлены и все занятия, и искусства. Ведь всякое искусство стремится к тому, чтобы его произведения соответствовали тому делу, для которого они были приготовлены: этого добивается и садовод, заботящийся о виноградной лозе, и укротитель коней, и собачник. А к чему стремятся воспитание и обучение? Это-то и ценно. И если в этом отношении все обстоит благополучно, то ты уже не будешь нуждаться ни в чем другом. Но ты не можешь отказаться

и от многих других ценностей? В таком случае ты не будешь обладать ни свободой, ни самоудовлетворенностью, ни безмятежностью. Тебе по необходимости придется завидовать, ревновать, подозревать тех, которые способны отнять у тебя ценные тобою вещи, и злоумышлять против тех, которые обладают ими. Вообще, ощущающий недостаток в чем-нибудь из них необходимо должен прийти в замешательство и начать хулить богов. Если же ты будешь бережно относиться к собственной душе и ценить ее, ты будешь удовлетворен самим собой, будешь ладить с людьми и соглашаться с богами, т. е. хвалить все, что они ниспошлют и назначат тебе (16).

Элементы несутся вверх, вниз и в круговорот. Движение же добродетели не следует ни одному из этих направлений, но есть нечто более божественное: оно идет вперед верным, хотя и не легко определяемым путем (17).

Что делают люди! Своих современников, живущих вместе с ними, они прославляют не желают. А сами между тем чрезвычайно высоко ставят славу у потомков, которых они никогда не видали и не увидят. Ведь это почти то же, что огорчаться по поводу того, что уже предки не пели тебе хвалы (18).

Если что-либо тебе не по силам, то не решай еще, что оно вообще невозможно для человека. Но если что-нибудь возможно для человека и свойственно ему, то считай, что оно доступно и тебе (19).

Во время гимнастических упражнений кто-нибудь оцарапал тебя ногтем или ударом головы поставил синяк. Мы не придаем значения этому, не обижаемся и не будем в дальнейшем смотреть на него как на злоумышленника, хотя и будем его беречься не как врага, однако, или человека подозрительного; мы просто будем спокойно уступать ему путь.— Пусть будет так же и в остальной жизни: многого не должны мы ставить в счет тем, кто как бы упражняется вместе с нами на жизненной арене. Ведь можно же, как я сказал, уклоняться от встреч, не подозревая и не ненавидя (20).

Если кто-нибудь может с очевидностью доказать мне, что я неправильно сужу или действую, то я с радостью изменяюсь. Ибо я ищущ истины, от которой еще никто никогда не потерпел вреда. Терпит же вред тот, кто упорствует в своем заблуждении и невежестве (21).

Я исполняю свой долг. Ничто другое не отвлекает моего внимания: это или нечто неодушевленное, или неразумное, или заблудшее, или же не знающее пути (22).

К существам неразумным и вообще ко всем вещам и предметам относись с великодушием и достоинством, как существо, обладающее разумом, к тому, что не обладает им. К людям же, как существам разумным, относись, как к равным. И всегда призывай богов. И пусть будет для тебя неважно, сколько времени продлится такая деятельность. Достаточно и трех таких часов (23).

Смерть уравнила Александра Македонского с его погонщиком мулов. Ибо они или были поглощены семенообразными потенциями (λόγοι σπερματικῆ) мира, или же распались на атомы (24).

Подумай о том, сколько явлений возникает в теле и душе каждого из нас в течение одного момента времени, и ты не будешь удивляться тому, если несравненно более или, вернее, все сосуществует в том Едином и Целом, которое мы называем миром (25).

Если кто-нибудь спросит тебя, как пишется имя «Антонин», то неужели же ты станешь выкрикивать каждую из составляющих его букв? А если на тебя будут сердиться, будешь ли ты также сердиться в свою очередь? Разве ты не перечислишь спокойно и по порядку все отдельные буквы? Помни же, что и всякая обязанность составляется из отдельных моментов, которые можно перечислить. Их-то и должно блюсти и без суетливости, не отвечая раздражением на раздражение, надлежащим образом исполнять очередное дело (26).

Не жестоко ли не позволять людям стремиться к тому, что им кажется пристойным и полезным? Но, досадуя на их заблуждения, ты некоторым образом не позволяешь им этого. Ведь они же всегда стремятся к тому, что им представляется пристойным и полезным.— «Но на самом деле это не так».— Тогда поучай и указывай, но не выходи из себя (27).

Смерть кладет предел способности получать ощущение определяющим нас стремлениям, блужданию мысли и служению телу (28).

Позор, если в той самой жизни, в которой тебе не отказывается служить тело, отказалась бы служить душа (29).

Не иди по стопам Цезарей и не позволяй себя увлечь — ведь это бывает. Старайся сохранить в себе простоту, добропорядочность, неиспорченность, серьезность, скромность, приверженность к справедливости, благочестие, благожелательность, любвеобилие, твердость в исполнении надлежащего дела. Употребь все усилия на то, чтобы остаться таким, каким тебя желала

сделать философия. Чти богов и заботься о благе людей. Жизнь коротка; единственный же плод земной жизни — благочестивое настроение и деятельность, согласная с общим благом. Во всем будь учеником Антонина. Подражай его настойчивости в деятельности, согласной с разумом, никогда не изменявшей ему уравновешенности и благочестию, ясности его чела, вежливости в обращении, презрению к суетной славе и рвению в познании вещей. Он никогда не проходил мимо чего-нибудь, не рассмотрев его внимательно и не отдав себе в нем ясного отчета. Как терпеливо переносил он несправедливые упреки, не отвечая на них тем же! Как ни в чем не обнаруживал он опрометчивости и как невосприимчив он был к клевете! Как тщательно исследовал он характеры и поступки! Как далек он был от желания все хулить, от пугливости, подозрительности и софистики! Как скромны были его требования, когда подымался вопрос о помещении, ложе, одежде, еде, услугах, и как он был трудолюбив и сдержан! Благодаря своему простому образу жизни, он мог оставаться в одном месте до вечера, а естественные нужды удовлетворять лишь в определенные часы. Как он был верен и ровен в своих дружеских отношениях! Как терпеливо выслушивал он тех, которые откровенно высказывались против его мнения, и как радовался, если кто-нибудь предлагал лучшее! Как он был благочестив и в то же время чужд суеверия! Пусть свой последний час ты встретишь с такой же спокойной совестью, как он! (30)

Очнись и приди в себя! Проснувшись же и убедившись, что тебя тревожили только сны, ты вновь пробудись и смотри на все происходящее так же, как ты только что смотрел на сонные видения (31).

Я состою из тела и души. Для тела все безразлично, ибо оно не способно к различию. Для души же безразлично все то, что не есть ее действие. А все ее действия зависят от нее же самой. Но и из действий — лишь имеющие отношение к настоящему. Ибо будущее и прошедшее — уже безразличны (32).

Труд для руки и ноги не идет вразрез с природой, пока рука и нога делают то, что им свойственно. Точно так же и труд для человека как человека не идет вразрез с природой, пока он делает то, что свойственно человеку. Но если он не идет вразрез с природой, то он и не есть зло (33).

Сколько наслаждений испытали грабители, распутники, отцеубийцы, тираны! (34)

Не замечаешь ли ты, что простые ремесленники, приспособляясь до известной степени ко вкусу невежд, тем не менее крепко держатся разума своего искусства и не отстают от него?

Не ужасно ли, что архитектор или врач более чтят разум своего искусства, нежели человек свой собственный разум, общий у него с богами! (35)

Азия, Европа — только уголки мира, весь океан — капля в мире, гора Афон — ком земли в мире. Все настоящее — мгновенье вечности. Все ничтожно, непостоянно, подлежит исчезновению. Все исходит от одного общего руководящего начала непосредственно или же в силу необходимой связи. И пасть льва, и яды, и все вредоносное, как шипы или тина, есть сопринадлежность совершенного и прекрасного. Не воображай же, что оно чуждо тому, что ты чтить, но постоянно возвращай мыслью к источнику всего (36).

Кто видел настоящее, тот уже видел все, бывшее в течение вечности, и все, что еще будет в течение беспредельного времени. Ибо все однородно и единообразно (37).

Чаще размышляй о связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношении. Ибо все они как бы переплетены между собою и поэтому в содружестве друг с другом, следуя друг за другом в определенном порядке. Это объясняется непрерывностью движения, общей согласованностью и единством сущности (38).

Приспособляйся к обстоятельствам, выпавшим на твою долю. И от всего сердца люби людей, с которыми тебе суждено жить (39).

Всякое орудие, приспособление, утварь будут в хорошем состоянии, если будут исполнять дело, ради которого они созданы, хотя здесь создавший эти предметы и не находится при них. Что же касается вещей, созданных природой, то творческая сила находится внутри их и пребывает с ними. Поэтому ее следует особенно чтить и быть уверенным, что если ты будешь вести себя согласно ее пожеланиям, то все будет тебе по душе. Точно так же и все, принадлежавшее к Целому, по душе ему (40).

Если ты сочтешь за благо или зло что-либо, не зависящее от твоего выбора, то тебе придется за наличность подобного зла или отсутствие подобного блага обращаться с упреками к богам и ненавидеть людей, действительно являющихся причиной наличности зла или отсутствия блага или только подозреваемых в этом; при таком отношении к подобным вещам нам придется во многом поступать несправедливо. Если же мы будем считать благом или злом только то, что зависит от нас самих, то не будет уже никакой причины обвинять бога или объявлять войну людям (41).

Все мы содействуем единой общей цели, одни со знанием и пониманием, другие бессознательно. Поэтому-то, думается мне, Гераклит и говорит, что и спящие также действуют и содействуют происходящему в мире. Но каждый содействует по-своему: и разнужданный хулитель, и тот, кто пытается противодействовать происходящему и устранить его. И такие люди нужны миру. Следовательно, тебе предстоит решить, к кому себя сопричислить. Тот, кто правит Целым, все равно использует тебя надлежащим образом и обратит тебя в одного из содействующих и соучастников. Но пусть твое участие не будет подобно тому дурному и глупому стиху в драме, о котором упоминает Хрисипп³ (42).

Разве солнце берется за дело дождя или Асклепий за дело Деметры? А светила? Не разнятся ли они между собой и не содействуют ли они в то же время друг другу? (43)

Если боги задавались каким-нибудь намерением относительно меня и должествующего произойти со мной, то их намерение прекрасно. Ведь бога, лишённого намерений, трудно и помыслить. А по какой причине должны они были бы стремиться причинить мне зло? Какой прок был бы от этого им или Целому — предмету их наибольших забот? Если же они не имели никаких намерений относительно меня лично, то уже, конечно, имели относительно Целого вообще; но и в таком случае я должен приветствовать и любить свой удел, как соединённый необходимой связью с Целым. Если же у богов вообще нет никаких намерений (такая вера противоречила бы благочестию), то не будем ни приносить жертв, ни молиться, ни клясться, не будем, одним словом, делать ничего такого, что мы делаем, как люди, убеждённые в существовании богов и в их общении с нами. Но если даже у богов нет никаких намерений относительно нас, то ведь я сам могу иметь намерения относительно самого себя — и должен рассмотреть, что мне полезно. Каждому полезно то, что согласно с его строем и природой. Моя природа — существа разумного и гражданственного. Для меня, как Антонина, град и отечество — Рим, как человека — мир. И только полезное этим двум градам есть благо для меня (44).

Происходящее с каждым из нас полезно Целому — этого достаточно. Но при внимательном наблюдении можно убедиться и в том, что вообще все, полезное для одного человека, полезно и другим людям. Полезное следует тут брать в более широком смысле, распространяя его и на вещи безразличные (45).

Постоянное повторение представлений в амфитеатре и тому подобных местах может под конец опротиветь, и однообразие — сделать зрелище докучным. То же приходится терпеть и всю жизнь. Ибо и вверху, и внизу — все одно и то же и из одного и того же. Но до коих же пор? (46)

Постоянно думай о смерти различного рода людей, посвятивших себя различным занятиям, принадлежавших к всевозможным племенам, и дойди таким образом до Филистиона, Феба, Ориганиона ⁴. Затем перейди к другим классам. И нам придется отправиться туда же, куда отошло столько красноречивых ораторов, столько знаменитых философов, как Гераклит, Пифагор, Сократ, столько героев древности, а за ними столько военачальников и тиранов, затем Евдокс, Гиппарх, Архимед и другие люди, даровитые, возвышенного образа мыслей, трудолюбивые, искусные, уверенные в себе, и даже такие обличители тщеты и мимолетности человеческой жизни, как Менипп и ему подобные. Все они — помни об этом — уже давно лежат в земле. Что в этом ужасного для них? А что для тех, имена которых уже совсем позабыты? Лишь одно действительно ценно: прожить жизнь, блюдя истину и справедливость и сохраняя благожелательность по отношению к людям живым и несправедливым (47).

Если ты хочешь доставить себе радость, то подумай о добродетелях людей, с которыми ты живешь. Один отличается деловитостью, другой скромностью, третий щедростью, другой еще чем-нибудь. Ничто не доставляет такой радости, как образ добродетелей, проявляющихся в нравах живущих с нами людей и встречающихся в более или менее тесном единении. Поэтому всегда имей их перед глазами (48).

Разве ты досадуешь на то, что в тебе столько-то весу, а не в сто раз больше? Точно так же не досадуй на то, что тебе суждено прожить известное число лет, а не больше. Довольствуйся уделенным тебе временем, как ты довольствуешься уделенной тебе сущностью (49).

Попытайся убедить их. Действуй даже вопреки их воле, если это предписывается разумной справедливостью. Если же кто употребит насилие против тебя, то ищи убежища в удовлетворении самим собою, в спокойствии духа и воспользуйся препятствием для проявления другой добродетели. И помни, что твое стремление всегда условно и ты не добиваешься ничего невозможного. Но чего же именно ты добиваешься? Только подобного стремления. Но его ты достигнешь, если даже то, к чему ты стремился, останется неосуществленным (50).

Честолюбец видит свое благо в чужом действии. Преданный наслаждению — в испытываемом им состоянии. Разумный же человек — в своей деятельности (51).

Вполне возможно не составлять себе никакого убеждения по поводу этого и избавить душу от тревожений. Ибо сами вещи по природе своей не принимают деятельного участия в составлении наших суждений (52).

Приучай себя внимательно относиться к словам других людей и старайся по возможности проникнуть в душу говорящего (53).

Не приносящее пользы улью не принесет ее и пчеле (54).

Если бы матросы вздумали бранить кормчего или больные — врача, то кого бы они стали слушать? Или как мог бы первый добиться спасения пловущих, а второй — выздоровления больных? (55).

Сколько людей, с которыми я вместе пришел в мир, уже оставили его! (56)

Страдающему разлитием желчи мед кажется горьким; страдающие бешенством боятся воды, а детям кажется прекрасным мяч. На что же я буду гневаться? Или ты думаешь, что заблуждение менее способно к таким действиям, нежели разлитие желчи у больного или яд у страдающего бешенством? (57)

Никто не может тебе помешать жить согласно разуму твоей природы и ничто не происходит вопреки разуму общей природы! (58)

Что представляют собою те, которым они желают понравиться, и ради каких выгод, и с помощью каких поступков? Как быстро поглощает все вечность и сколько она уже поглотила! (59)

КНИГА СЕДЬМАЯ

Что такое порок? То самое, что ты уже часто видел. И что бы ни произошло, всегда будь готов сказать: «Ведь это то самое, что я уже часто видел». Вообще, куда ни повернись, всюду найдешь одно и то же: оно составляет содержание истории древней, средней и новой, к нему же сводится в данный момент жизнь государств и отдельных домохозяйств. Нет ничего нового; все и обычно, и кратковечно (1).

Что могло бы свести на нет основоположения, кроме угашения соответствующих им представлений? Но в твоей власти всегда вновь вызывать к жизни эти представления. Я могу составить себе о данном предмете надлежащее убеждение. А если так, то чего же мне тревожиться? То, что вне моей души, не имеет решительно никакого отношения к моей душе. Усвой это — и ты на правильном пути. Ты можешь еще воскреснуть. Смотри же снова на вещи так, как ты смотрел некогда,— в этом и есть воскресение (2).

Суетные заботы о внешнем блеске, сценические представления, приобретение стад мелкого и крупного скота, бои гладиаторов, драка щенят за брошенную им кость и рыб за корм в садке, кропотливая работа муравьев, беготня испуганных мышей, движения кукол, потягиваемых за веревочку,— все это явления одного порядка. Среди всего этого следует хранить благожелательность, без заносчивости, но не упускать из виду, что ценность каждого человека определяется ценностью предметов его стремлений (3).

При каждой речи следует обращать внимание на то, что говорится, при каждом стремлении — на то, что происходит. В первом случае нужно следить за смыслом, во втором раньше всего смотреть на преследуемую цель (4).

Хватит ли моих душевных сил для этого или же нет? Если хватит, то я воспользуюсь ими для дела как орудием, данным мне природой Целого. Если же не хватит, то я уступлю это дело тому, кто сможет его лучше исполнить, если только оно не является моею обязанностью, или же свершу что сумею, призвав на помощь того, кто, воспользовавшись и моим разумом, осуществит требуемое в данный момент общим благом. Ибо, делаю ли я что-нибудь своими силами или же с помощью другого, стремиться следует лишь к тому, что требуется общим благом и согласно с ним (5).

Сколько людей, некогда прославленных, ныне предано забвению! А сколько из тех, что прославляли их, уже давно в могиле? (6)

Не стыдись прибегать к помощи другого. Тебе предстоит выполнить свою задачу, подобно воину при штурме стен. Что, если ты вследствие хромоты не сможешь один влезть на стену, а при помощи других это могло бы удасться тебе? (7)

Пусть не тревожит тебя будущее! Ведь ты достигнешь его, если это будет нужно, обладая тем же разумом, которым ты пользуешься в настоящем (8).

Все сплетено друг с другом, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь чуждое всему остальному. Ибо все объединено общим порядком и служит к украшению одного и того же мира. Ведь из всего составляется единый мир, все проникает единый бог, едина сущность всего, един закон, един и разум во всех одухотворенных существах, едина истина, если только едино совершенство для всех существ одного и того же рода и причастных одному и тому же разуму (9).

Все материальное очень скоро исчезает в мировой сущности, каждое причинное начало очень скоро поглощается мировым разумом. И память обо всем не менее скоро находит свою могилу в вечности (10).

Для разумного существа одно и то же действие согласно и с природой, и с разумом (11).

Нужно быть правым, а не исправляемым (12).

Каково отношение между членами сплошного и единого тела, таково же и между разделенными пространством разумными существами, созданными для соучастия в едином деле. Эта мысль глубже западет в тебя, если ты будешь часто говорить себе, что ты являешься членом Целого, состоящего из разумных существ. Если же ты назовешь себя частью, то не будешь еще любить людей от всего сердца и деятельность на благо других не доставит тебе еще окончательного удовлетворения. В этой деятельности ты будешь видеть только свой долг, а не свое собственное благо (13).

Пусть с тем, что может претерпеть от чего-либо приходящего извне, происходит что угодно; потерпевшее и будет жаловаться, если пожелает. Я же, если не буду убежден, что случившееся — зло, не понесу вреда. Не быть же убежденным — зависит от меня самого (14).

Кто бы что ни делал или ни говорил, я должен оставаться хорошим человеком. Так золото, изумруд или пурпур могли бы сказать: «Что бы кто ни говорил или ни делал, а я должен остаться изумрудом и сохранить свою окраску» (15).

Руководящее начало не является причиной своего замешательства, не внушает, например, себе ни страха, ни сокрушения. Если же кто-нибудь другой может устрашить его или причинить ему огорчение, то пусть он и делает это, ибо само оно сознательно не создаст для себя такого состояния.

Тело само должно позаботиться, если может, о том, чтобы не претерпеть чего-либо, и сказать, если так случится. Душа же, которая, собственно, и боится, и печалится, и составляет, одним словом, убеждение относительно всего этого, не будет претерпевать ничего, если только ты не заставишь ее разбираться во всем этом.

Руководящее начало само по себе ни в чем не нуждается, если только само не возбудит в себе нужды. Поэтому оно не знает ни волнений, ни препятствий, если не создаст их для самого себя (16).

Блаженствовать — значит обладать благим гением или таким же руководящим началом. Что же ты тут делаешь, воображение?

Уйди же, ради богов, так же, как и пришло, ты не нужно мне! Явилось же ты в силу застарелой привычки. Я не гневаюсь на тебя, только уйди (17).

Бойтся кто-нибудь изменения? Но что может возникнуть без изменения? Что более мило или более свойственно природе Целого? Мог бы ты сам пользоваться баней, если бы дерево не было способно к изменению? Мог бы ты питаться, если бы пища не была способна к изменению? А что другое из полезного могло бы осуществиться без изменения? Неужели ты не видишь, что изменение, претерпеваемое тобой, вполне подобно упомянутым и что оно равно необходимо для природы Целого? (18)

Все тела несутся в мировой материи, как в стремительном потоке; они тесно связаны с Целым, действуя заодно с ним, подобно нашим членам в их отношении друг к другу.

Сколько Хрисиппов, сколько Сократов, сколько Эпиктетов поглотила уже вечность! Пусть эта мысль приходит тебе в голову по поводу каждого человека и каждой вещи (19).

Меня занимает только одно: как бы не сделать чего-нибудь такого, что не согласуется со строем человека, или так, как не согласуется, или же так, как в данный момент не согласуется с ним (20).

Скоро ты забудешь обо всем, и все, в свою очередь, забудет о тебе (21).

Человеку свойственно любить и заблуждающихся. Ты достигнешь этого, если проникнешься мыслью, что они сродни тебе, что прегрешают они по неведению и против своей воли, что еще немного, и тебя, и их настигнет смерть и что никто из них — это самое главное — не причинил тебе вреда, ибо не сделал твое руководящее начало худшим, нежели оно было до того (22).

Для природы Целого вся мировая сущность подобна воску. Вот она слепила из нее лошадку; сломав ее, она воспользовалась ее материей, чтобы вылепить деревцо, затем человека, затем еще что-нибудь. И все это существует лишь самое краткое время. Для ларца нет ничего ужасного в том, чтобы быть разобранным, как и в том, чтобы быть сколоченным (23).

Лицо, искаженное гневом, есть нечто совершенно противостественное. Если такое выражение повторяется часто, оно как бы умерщвляет человеческий облик, совершенно погашает его, так что никоим образом нельзя его восстановить. Из этого уже можно понять, что оно противоречит разуму.

Если мы лишимся и сознания заблуждений, то для чего еще жить? (24)

Природа-вседержительница скоро изменит все то, что ты видишь, и из его сущности создаст что-нибудь другое, а затем и еще что-нибудь новое, дабы вечно юным пребывал мир (25).

Если кто прегрешил против тебя, то тотчас же отдай себе отчет, каково было его убеждение о добре и зле, когда он прегрешал. Уяснив себе это, ты будешь жалеть его и не станешь ни удивляться, ни гневаться. Ведь если твое убеждение о добре совпадает с его убеждением или подобно ему, то ты обязан отпустить его вину. Если же ваши убеждения о добре и зле расходятся, то тебе легче будет сохранить доброжелательность по отношению к заблуждающемуся (26).

Не думай о том, чего у тебя нет, как о чем-то имеющемся у тебя, но из того, что у тебя есть, избери наиболее значительное и сообрази по его поводу, сколько усилий ты бы положил на то, чтобы заполучить его, если бы его не было. Но остерегайся в то же время, как бы, сосредоточив свое внимание на этом, ты не приучил себя ценить его слишком высоко и таким образом не лишился бы спокойствия духа, в случае если его когда-либо не окажется налицо (27).

Сосредоточься в самом себе. Разумное и руководящее начало по природе таково, что довольствуется собой в своей праведной деятельности и проистекающем из нее спокойствии (28).

Искорени воображение.— Положи конец влечениям.— Не выходи за пределы настоящего.— Познай происходящее как с тобой, так и с другими.— Разложи и раздели все предметы на начало причинное и начало материальное.— Думай о последнем часе.— Предоставь чужим заблуждениям оставаться там, где они имели место (29).

Старайся проникнуть мыслью в смысл речи. И пусть твой дух углубляется в возникающее и действующее (30).

Простота, скромность и безразличие к тому, что лежит между добродетелью и пороком, да служат тебе украшением.— Люби род человеческий.— Повинуйся богу.— Ведь поэт говорит: «Все сообразно с законом».— «А что, если существуют одни только элементы?» — Достаточно помнить, что все сообразно закону ¹ (31).

О смерти: или рассеяние, если все атомистично, или угашение и изменение, если все едино (32).

О страдании: если оно невыносимо, то смерть не преминет скоро положить ему конец, если же оно длительно, то его можно стерпеть. Душа сохраняет свой мир силою убеждения,

и руководящее начало не становится хуже. Члены же, пораженные страданием, пусть заявляют об этом, если могут (33).

О славе. Вглядишься в образ мыслей честолюбцев, каков он и каково то, к чему они стремятся и чего избегают. На берегу морском один слой песка наносится на другой и скрывает его под собой. Точно так же и в жизни: бывшее раньше очень быстро исчезает под тем, что наступает вслед за ним (34).

Слова Платона: «Думаешь ли ты, что душе возвышенной и объемлющей своим взором все время и все сущее, жизнь человеческая покажется чем-нибудь значительным?» — «Это невозможно», — сказал он. — «Следовательно, и смерть подобный человек не сочтет за нечто ужасное?» — «Отнюдь нет» ² (35).

Слова Антисфена: «Делать добро и пользоваться в то же время дурной славой — в этом есть нечто царственное» (36).

Позор, если лицо послушно велениям души, принимая вид и выражение, сообразные с ней, сама же душа не в силах придать себе надлежащий вид и выражение (37).

Что пользы гневаться на вещи? Дела нет
До наших чувств вещам ³... (38)

Будь и богам бессмертным, и нам, земнородным, отрадой ⁴ (39).

Нельзя, чтобы в день свой не пожата жизнь была,
Как спелый колос, — не жил сей, не умер тот ⁵ (40).

Хотя б меня с двумя детьми забыли вы,
Цари небес, — все ж разум есть и правда в том ⁶ (41).

Мне сопутница — Правда; со мною — Добро ⁷ (42).

Пусть не увлекает тебя ни чужое отчаяние, ни ликование (43).

Слова Платона: «На это же я представляю справедливое возражение: «Нехорошо ты судишь, милый друг, если думаешь, что сколько-нибудь дельный человек должен учитывать возможность остаться в живых или умереть, а не смотреть в своем действии только на то, справедливо или несправедливо он действует и достойно ли человека хорошего или дурного» (44).

«Таково-то, мужи афинские, истинное положение вещей. Если кто сам себе назначил известный пост, считая его наилучшим, или же был назначен на оный начальником, то должен и оставаться на нем, подвергаясь опасностям и не считаясь ни с чем, ни со смертью, ни с чем-либо другим, кроме постыдного» ⁸ (45).

«Но, мой милый, вникни-ка, не есть ли благородное и доброе нечто другое, нежели спасение чужой или своей жизни. Ведь истинный муж должен желать не того, чтобы прожить столько-то времени, и не должен цепляться за жизнь, а, понадеявшись в этом на бога и поверив женщинам, что от судьбы не уйдешь, должен помышлять только о том, каким бы это образом прожить то время, которое суждено жить, возможно лучше»⁹ (46).

Наблюдай движение светил как принимающий участие в нем и постоянно размышляй о переходе элементов друг в друга. Ибо подобные представления очищают от грязи земной жизни (47).

Прекрасны слова Платона: «Кто делает предметом своих речей человека, тот должен, как бы с вершины горы, обозреть все земное: сорища, походы, полевые работы, браки, разводы, рождения, смерти, шумные судьбища, пустыни, различные племена варваров, празднества, похороны, ярмарки, смешение разнородного и сложенное из противоположностей»¹⁰ (48).

Оглянись на прошедшее: сколько переворотов пережили уже государства! Можно предвидеть и будущее. Ведь оно будет совершенно в том же роде и не выйдет из ритма происходящего ныне. Поэтому и безразлично, будешь ли ты наблюдать человеческую жизнь в течение сорока лет или же десяти тысяч лет. Ибо что увидишь ты нового? (49)

Все назад притечет: что взрастила земля,
Обратится в прах;
А небесный посев, от земли вознесен,
Расцветет в небесах¹¹.

Это — или разложение сплетенных между собой атомов, или подобное же рассеяние бесчувственных элементов (50).

Питьем и яством, зельями волшебными
Мнят отвести от устья смерти дней русло¹².

.....
Коли ветер от богов налетит, мы должны
И труды претерпеть без роптанья¹³ (51).

Есть люди, превосходящие тебя в искусстве борьбы. Но пусть никто не превзойдет тебя в преданности общему благу, в скромности, в покорности всему совершающемуся, в снисходительности к заблуждениям ближних (52).

Где есть возможность действовать в соответствии с разумом, общим богам и людям, там нет ничего ужасного. Ибо, где возможно достичь пользы путем верно направленной и отвечающей нашему строю деятельности, там не следует опасаться какого-либо вреда (53).

Всюду и всегда в твоей власти и довольствоваться благочестиво своим наличным жребием, и относиться справедливо к находящимся налицо людям, и исследовать внимательно различные представления, дабы не проникло в них ничего несообразного (54).

Не оглядываясь на руководящее начало других людей, а вперяй свой взор туда, куда ведет тебя природа — природа Целого тем, что случается с тобой, и твоя природа тем, что надлежит тебе делать. Каждому же существу надлежит делать то, что соответствует его строю. Не все неразумные существа, в силу своего строя, предназначены для разумных существ (как и всюду менее совершенное для более совершенного), разумные же существа — друг для друга. Поэтому первое место в строе человека занимает его общественность. Второе — неподатливость по отношению к состояниям, испытываемым телом; ибо движению разумному и духовному свойственно отмежевываться и никогда не сдаваться перед движением чувств и стремлений — последние суть движения животные, духовное же желает первенствовать и не быть осиленным ими, что и справедливо, так как оно по природе должно пользоваться всеми ими. Как на третье, в строе разумного существа, следует указать на ограждение себя от опрометчивости и обмана. Заручившись всем этим, руководящее начало должно идти своим прямым путем, обладая тем, что принадлежит к его составу (55).

Представь себе, что ты уже умер, что жил только до настоящего момента, и остающееся время жизни, как доставшее тебе сверх ожидания, проводи согласно с природой (56).

Люби только то, что случается с тобой и предопределено тебе. Ибо что могло бы более соответствовать тебе? (57)

Что бы ни случилось, имей перед глазами тех, с которыми случилось то же самое и которые предавались по этому поводу гневу, изумлению, жалобам. Где они теперь? Нигде. Что же, и ты хочешь уподобиться им? И не хочешь, предоставив эти чуждые тебе движения тем, кто вызывает, и тем, кто претерпевает их, направить все свои помыслы на то, как бы использовать и то и другое? Использовать же ты можешь превосходно, не имея недостатка в материале. Только будь внимателен к себе и желай быть превосходным во всем, что делаешь. И помни, что и в том и в другом случае материал деятельности есть нечто безразличное (58).

Смотри внутрь себя. Внутри источник добра, который никогда не истощится, если ты не перестанешь рыть (59).

И тело должно иметь известную осанку, не быть вертлявым ни в движении, ни в жестах. Ведь выражается же душа в лице,

придавая ему разумность и благообразие,— того же можно требовать и от всего тела. Но соблюдать все это следует без изысканности (60).

Искусство жизни более напоминает искусство борьбы, нежели танцев. Оно требует готовности и стойкости и в отношении к внезапному и непредвиденному (61).

Постоянно думай о том, каковы те люди, признания которых ты добиваешься, и каково их руководящее начало. И ты не будешь ни винить их за невольные прегрешения, ни нуждаться в их признании, если заглянешь в источник их убеждения и стремления (62).

«Всякая душа,— говорит он,— лишается истины против своей воли»¹⁴. Но точно так же и справедливости, и благоразумия, и благожелательности, и всего другого в этом роде. В высшей степени необходимо постоянно думать об этом, ибо тогда ты будешь более кротко относиться ко всем (63).

При каждом страдании вспомни тотчас же о том, что оно не постыдно и не делает правящей души худшей, ибо оно не действует пагубно ни на ее разумность, ни на ее общественность. При большинстве страданий можешь призвать на помощь слова Эпикура: «Это страдание не нестерпимо и не вечно, если только ты будешь помнить о его границах и не будешь ничего примышлять от себя». Помни также о том, что многое тягостное для нас тождественно со страданием, хотя мы и не замечаем этого, как, например, сонливость, жара, скука. Поэтому если ты тяготишься чем-нибудь подобным, то скажи самому себе: «Я не превозмог страдания» (64).

Старайся даже по отношению к нижестоящим существам не испытывать тех чувств, которые люди испытывают друг к другу (65).

Почем мы знаем, что Сократ был выше Телауга по своему внутреннему настроению? Ведь для этого недостаточно знать, что Сократ умер более славной смертью, что он с большим успехом обличал софистов, что он проявил бóльшую выносливость, проводя ночи на морозе, и, по-видимому, большее благородство, отказавшись исполнить приказ о задержании Льва Саламинца¹⁵, и что он гордо выступал по улицам¹⁶; истина этого к тому же еще может быть подвергнута большому сомнению. Но следует рассмотреть, какой душой обладал Сократ, мог ли он довольствоваться справедливостью в отношении к людям, благочестием в отношении к богам, не досадовал ли он на порочность людей, не потакал ли чьему-либо невежеству, не смотрел ли на ниспосылаемое ему природой Целого как на нечто

чуждое или не тяготился ли им как чем-то нестерпимым и не приобщал ли своего духа к состояниям тела (66).

Природа не так уж тесно связала тебя с телом, чтобы ты не мог отбжеваться и свое дело делать сам. Ведь вполне возможно стать богоподобным человеком, оставаясь никому не известным. Всегда помни об этом, а также о том, что блаженная жизнь предполагает чрезвычайно немногое. И если ты потерял надежду стать диалектиком или физиком, то не должен еще оставлять попечение о том, чтобы быть свободным, преданным общему благу и послушным богу (67).

Живи безропотно в ничем не омрачаемом веселии духа, если даже все люди осыпают тебя всевозможными упреками, а дикие звери терзают бессильные члены твоего телесного покрова. Что, в самом деле, может помешать душе сохранить, несмотря на все это, свой внутренний мир, истинное суждение о всем окружающем и готовность использовать выпадающее ей на долю? Способность суждения здесь как бы обращается к событию: «Таково ты по своей сущности, хотя люди и мнят тебя чем-то другим». Способность использования обращается к нему же: «Я искала тебя, ибо все настоящее всегда является для меня материалом разумной и гражданской добродетели, все же в целом — искусства человеческого или божеского. Ибо все происходящее имеет отношение к богу или человеку — не является чем-то новым и несподручным, а знакомым и легким» (68).

Совершенство характера выражается в том, чтобы каждый день проводить, как последний в жизни, быть чуждым суетливости, бездеятельности, лицемерия (69).

Бессмертные боги не досадуют на то, что им в течение столь долгого времени придется иметь дело с таким множеством столь дурных существ; напротив, они всячески пекутся о них. Твой же конец уже близок, а ты теряешь терпение, сам будучи к тому же одним из них! (70)

Смешно, стараясь избежать чужой порочности — что невозможно, не стараться избежать своей собственной — что вполне возможно (71).

Что разумная и гражданственная способность находит неразумным и идущим вразрез с общественностью, то она основательно считает ниже своего достоинства (72).

Если ты сделал добро, а другой испытал добро, то чего же ты, уподобляясь глупцам, стремишься еще к чему-то третьему, вроде славы доброго человека или награды? (73)

Никто не устает получать пользу. Польза же сопряжена с действием, согласным с природой. Не уставай же получать пользу, принося ее! (74)

Некогда стремление природы Целого направилось на создание мира. Ныне же или все происходит в силу необходимой связи, или же и наиболее ценное, предмет особого стремления руководящего начала мира, отдано на произвол случая. Если ты будешь помнить об этом, то ко многому отнесешься спокойнее (75).

КНИГА ВОСЬМАЯ

И то, что ты уже не можешь прожить достойно философа всей жизни или жизни зрелых лет, но и многим другим, да и тебе самому, ясно, что ты далек от философии,— также отвращает от тщеславия. Итак, ты запятнал себя, так что и славу философа тебе приобрести уже нелегко; противодействует этому и твое положение. Но если ты действительно познал, в чем самая суть, то отрешись от того, чем ты кажешься, но будь доволен, если тебе удастся провести остаток жизни в согласии с желаниями своей природы. Подумай же об этих желаниях, и пусть ничто другое не отвлекает тебя: ведь ты делал попытки и, проблуждав по стольким направлениям, нигде не нашел благой жизни. Ни в силлогизмах, ни в славе, ни в наслаждении, нигде. Но где же она? В том, чтобы исполнять требования человеческой природы. Каким же образом ты исполнишь их? Если будешь обладать основоположениями, от которых зависят стремления и поступки. Что это за основоположения? Касающиеся добра и зла. Согласно им, ничто не будет для человека добром, что не делает его справедливым, благоразумным, мужественным, свободным, и ничто не будет злом, что не производит противоположного вышеуказанному (1).

При каждом поступке задавай себе вопрос: «Каково его отношение ко мне? Не придется ли мне раскаиваться в нем?» Еще немного, и я уже мертв и все для меня исчезнет. Если моя настоящая деятельность достойна существа разумного, общественного, подчиняющегося тому же закону, что и бог, то чего еще мне желать? (2)

Что Александр, Гай (Юлий Цезарь) и Помпей по сравнению с Диогеном, Гераклитом и Сократом? Эти последние проникали взором в суть вещей, со стороны причины и со стороны материи, и руководящее начало в них всегда оставалось верным самому себе. А сколько забот было у первых, и от чего только они не зависели! (3)

Люди будут делать одно и то же, как ты ни бейся (4).

Прежде всего не смущай своего покоя. Ведь все согласно с природой Целого; еще немного времени, и ты будешь ничто и нигде, как и Адриан, и Август. Затем, сосредоточившись на своем деле, вникни в него и, памятуя о том, что тебе надлежит быть хорошим человеком, и о том, каковы требования человеческой природы, неуклонно исполняй эти требования и говори так, как тебе кажется наиболее соответствующим справедливости; только блюди благожелательность и скромность и избегай лицемерия (5).

Природа Целого занята тем, что существующее в одном месте перемещает в другое, изменяет его, изъе­млет отсюда и переносит туда. Все подлежит изменению, и нечего поэтому опасаться, как бы ни произошло чего-нибудь нового. Все обычно, но и удел у всего равный (6).

Природа каждого существа удовлетворена, если находится на правильном пути. Природа же разумного существа на правильном пути, если не соглашается ни с ложью, ни с неясностью в представлениях, если направляет стремления исключительно на общее благо, склонность и отвращение питает только к тому, что зависит от нас самих, и без ропота приемлет все ниспосылаемое ей общей природой. Ведь она же есть часть общей природы, подобно тому как природа листа есть часть природы дерева. Разница только в том, что природа листа есть часть природы, лишенной чувств и разума и могущей столкнуться с препятствиями, природа же человека есть часть природы, не знающей препятствий, разумной и справедливой; эта природа привлекает все к участию во времени, материи, причинности, деятельности, событиях, соблюдая равенство и сообразуясь с достоинством. Но ты убедишься в этом, сравнивая не отдельные свойства между собой, а совокупность свойств одного существа с совокупностью свойств другого (7).

Ты лишен возможности читать. Но ты не лишен возможности смирять гордость, преодолевать наслаждение и страдание, презирать суетную славу, не гневаться на людей бесчувственных и неблагодарных, более того, даже заботиться о них (8).

Пусть никто впредь не услышит от тебя жалоб ни на придворную жизнь, ни на твою собственную (9).

Раскаяние есть упрек, обращенный к самому себе за упущение чего-либо полезного. Полезное же необходимо есть и доброе в каком-нибудь отношении, и предмет заботы со стороны прекрасного и хорошего человека. Но такой человек не станет раскayиваться по поводу того, что упустил случай получить наслажде-

ние. Следовательно, наслаждение не есть ни полезное, ни доброе (10).

Что есть данный предмет сам по себе, по свойственному ему строению? Каков он со стороны сущности и материи? Каков со стороны причинности? Каково его назначение в мире? Сколько времени он существует? (11)

Когда ты с неохотой встаешь от сна, вспомни, что, согласно свойственному тебе строению и согласно человеческой природе, твое назначение — преследование общего блага; сон же есть нечто присущее и неразумным тварям. То же, что согласно с природой каждого, то ему наиболее приличествует, наиболее соответствует, даже наиболее для него привлекательно (12).

Постоянно и по возможности при каждом представлении применяй учения физики, этики и диалектики (13).

С кем бы тебе ни пришлось столкнуться, тотчас же обратись к себе так: «Каковы основоположения этого человека относительно добра и зла?» Если у него имеются какие-либо определенные основоположения касательно наслаждения и страдания, и их причин, а также касательно славы, бесславия, смерти, жизни, то в его поступках ничто не может показаться мне удивительным и странным. Кроме того, мне следует также помнить, что он вынуждается поступать таким образом (14).

Помни, что, как совестно изумляться, если смоковница производит смокву, гочно так же — если мир производит нечто, что производить ему свойственно. Ведь совестно же врачу и корабельщику предаваться изумлению, если какой-нибудь человек заполучил лихорадку или если поднялся противный ветер (15).

Помни, что изменение своего мнения и согласие с тем, кто указывает правильный путь, отнюдь не умаляют свободы. Ведь это твоя же деятельность, отправляемая согласно твоему же разуму (16).

Если это зависит от тебя, то зачем ты делаешь это? Если от другого, то к кому обращаешься ты с упреком? К атомам или богам? И то и другое достойно безумца. Ни на что не следует сетовать. Если можешь, исправь того, кто действует, если не можешь, исправь хотя бы самое дело. Если же и это для тебя невозможно, то какой для тебя прок в сетованиях? Зря же ничего не следует делать (17).

Умирающее не выпадает из мира. Если же оно остается здесь, то и изменяется здесь, и распадается на элементы — те же, что и самого мира, и твои. Изменяются и самые элементы, но не рошут (18).

Все существует для чего-нибудь, как, например, лошадь, виноградная лоза. Чему ты удивляешься? И солнце существует для какого-нибудь дела, да и остальные боги. Но для чего ты? Для наслаждения? Посмотри, выдерживает ли это критику (19).

Подобно бросающему мяч, природа во всем не менее направляет свое внимание на конец, чем на начало и пребывание. Что в самом деле хорошего для мяча в том, что он несется вверх, или дурного в том, что он стремится вниз или даже упал? Что хорошего для пузыря в том, что он вздулся, или дурного в том, что он лопнул? То же самое и о светильнике (20).

Выверни его (тело) наизнанку и посмотри, каково оно и каким оно становится от старости, от болезней, от излишеств.

Кратковечны и тот, кто хвалит, и тот, кого хвалят, и помнящий, и о ком помнят. К тому же все это разыгрывается в уголке какой-нибудь страны, да и здесь не все согласны между собой и отдельные люди сами с собою. Да и вся земля — песчинка (21).

Пусть твое внимание будет поглощено своим настоящим предметом, будет ли то основоположение, деятельность или выражение.

По заслугам ты терпишь это, предпочитая стать хорошим завтра, нежели быть им сегодня (22).

Делаю я что-нибудь? Я делаю это, считаясь с благоденствием людей.— Случается со мной что-нибудь? Я приемлю, считаясь с волею богов и источником всего, где берет начало все возникающее (23).

Каким представляется тебе омовение? Масло, пот, грязь, липкая вода — всё вещи, возбуждающие брезгливость. Таковы же и каждая часть жизни, и каждый предмет (24).

Люцилла пережила Вера, затем скончалась и сама, Секунда похоронила Максима, чтобы последовать за ним, Епитинхан — Диотима и сам умер вслед за ним, Антонин — Фаустину, а затем и сам был погребен, Целер — Адриана, а затем опочил сам. И так все. Где же все те мудрецы, провидцы, гордецы? Где, например, из мудрецов Харакс, Деметрий платоник, Евдемон и им подобные? Все мимолетно, все давно мертво. Некоторые были сразу позабыты, другие превратились в мифы, третьи исчезли уже и из мифов. Следует поэтому помнить, что или всему, что входит в состав тебя, предстоит распасться, или жизненной силе угаснуть, или измениться и быть перенесенной в другое место (25).

Деятельность, свойственная человеку, есть для него источник радости. Человеку же свойственны благожелательность к себе

подобным, презрение к чувственным побуждениям, различение убедительных представлений, созерцание природы Целого и происходящего согласно ей (26).

Важны три отношения: к облегающему тебя телу, к божественной причине, источнику всего случающегося со всеми, и, наконец, к живущим с тобою людям (27).

Страдание есть зло или для тела — в таком случае пусть тело и заявляет об этом, — или же для души. Но душа способна сохранить свойственные ей ясность и спокойствие и не признавать в страдании зла. Ведь всякое суждение и стремление, склонность и отвращение внутри нас, а сюда не проникает никакое зло (28).

подавляй воображение, постоянно говоря себе: «Теперь от меня зависит, чтобы в этой душе не было ни скверны, ни вожделения, ни вообще какого-либо смятения; но, созерцая все так, как оно есть, я буду пользоваться всем соответственно его ценности». Помни об этой способности, свойственной тебе от природы (29).

И в Сенате, и в беседе с частным лицом следует говорить с достоинством, но без напыщенности. Пусть речь твоя будет правдива (30).

Двор Августа, его жена, дочь, племянники, пасынки, сестра, Агриппа, родственники, домочадцы, друзья, Арей, Меценат, врачи, жрецы, — весь двор вымер. Перейди затем к другому, к смерти не отдельных людей, а целых родов, например Помпеев. На надгробных памятниках бывает начертано: «Последний такого-то рода». Подумай, сколько усилий затратили предки, чтобы оставить себе преемника, — и все же кто-нибудь да должен остаться последним. А затем уже смерть всего рода (31).

Жизнь следует слагать из отдельных действий и быть довольным, если каждое из них удовлетворяет своему назначению. Но никто не может помешать тебе в том, чтобы каждое твое действие удовлетворяло своему назначению. — «А препятствия извне?» — Таких нет для деятельности справедливой, благоразумной и обдуманной. — Но, может быть, какая-либо другая деятельность натолкнется на препятствия? Однако, благодаря спокойному отношению к самому препятствию и рассудительному переходу к данным условиям, на месте прежнего тотчас же появляется новое действие, пригодное для того сложения жизни, о котором идет речь (32).

Не превозносись, получая, и не ропщи, когда отдаешь (33).

Видел ли ты когда-нибудь отрубленную руку, или ногу, или отсеченную голову, лежащую отдельно от туловища? Таким делает себя, поскольку то от него зависит, тот, кто, обособляя себя, не приемлет происходящего или же делает что-либо идущее вразрез с общим благом. Ты отторгнут некоторым образом от единения, согласного с природой: ты рожден быть частью, но теперь сам отсекаешь себя. Однако здесь тебе предоставлено еще то преимущество, что ты можешь вновь привести себя к единению. Этому бог не позволил никакой другой части: вновь сойтись, будучи уже отделенной и отсеченной. Оцени же милость, которой он взыскал человека: он предоставил его власти не отторгать себя с самого начала от Целого и отторгнутому уже позволил вновь сойтись, срастись и занять положение части (34).

Как все другие способности разумного существа вложены в него природой Целого, точно так же мы получили от нее и следующую. Подобно тому как она все противостоящее и противодействующее ей обращает в свою пользу и включает в цепь необходимости, делая его своим частью, точно так же и разумное существо может претворить в материал для себя каждое препятствие и воспользоваться им, каковы бы ни были его прежние цели (35).

Пусть не смущает тебя мысль о твоей жизни в целом. Не раздумывай о том, сколько и какого рода страданий придется, по всей вероятности, перенести, но при каждом, угрожающем тебе, обращай к себе с вопросом: «Что, собственно, во всем этом такого, чего нельзя было бы перенести и стерпеть?» Ты постесняешься ответить утвердительно. Затем напомни себе, что тебя гнетет не будущее и не прошедшее, но всегда лишь настоящее. Последнее же еще умалится, если ты ограничишь его им самим и упрекнешь свою душу, если ей не под силу даже такое бремя (36).

Сидят ли и поныне Пантея или Пергам у гробницы Вера, а Ксабрий или Диотим у гробницы Адриана? Уже самый вопрос смешон. Но если бы они и сидели, то чувствовали бы это почившие? А если бы и чувствовали, то доставило бы это удовольствие? А если бы и доставило удовольствие, то стали бы сидевшие у их гробниц бессмертны? Разве не суждено им сначала превратиться в стариков и старух, а затем умереть? Но что стали бы делать покойники по их смерти? Все это — смрад, меха, наполненные тленом (37).

Если взор твой изощрен, говорит философ, докажи это на деле, разобравшись в самом мудреном ¹ (38).

Я не вижу в строении разумного существа добродетели, укращающей справедливость, но вижу добродетель, укращающую наслаждение, — воздержанность (39).

Откажись от своего убеждения относительно того, что кажется огорчающим тебя,— и ты сам в полной безопасности. «Но кто это «сам»? — «Разум». — «Но я не разум». — «Будь им». — Итак, пусть только разум сам не причиняет себе огорчения. Если же что-нибудь другое в тебе чувствует себя плохо, то пусть оно само и составляет убеждение о себе самом (40).

Препятствие для ощущения — зло животной природы. Препятствие для стремлений — также зло животной природы. Существуют, равным образом, и препятствия для растительной жизни, являющиеся злом для нее. Таким образом, и препятствие для духа есть зло духовной природы. примени все это к себе самому. Ты приходишь в соприкосновение со страданием или наслаждением? Пусть ведает это ощущение. В своем стремлении ты натолкнулся на препятствия? Если ты отдаешься стремлению безусловно, то это уже зло для тебя как существа разумного. Если же ты расширишь свой кругозор, то не потерпишь вреда и не встретишься с препятствиями. Деятельности же, свойственной духу, никто другой воспрепятствовать не может, ибо он недосыгаем ни для огня, ни для меча, ни для тирана, ни для клеветы. Шар, поскольку он существует, не может лишиться круглоты ² (41).

Я не заслуживаю того, чтобы огорчать самого себя, ибо никогда преднамеренно не огорчил кого-либо другого (42).

Повод для радости у каждого свой. Меня радует, если руководящее начало не проявляет признаков болезни, если оно не отвращается ни от кого-либо из людей, ни от того, что происходит с людьми, но взирает на все преисполненным благожелательности взором, все приемлет и всем пользуется сообразно его ценности (43).

Старайся расположить к себе современников. Те, кто предпочитают гнаться за славой у потомства, забывают, что грядущие поколения ничем не будут отличаться от настоящего, которым они тяготеют. И эти поколения также смертны. И вообще, что тебе до того, как они будут о тебе отзываться и каково будет их мнение о тебе? (44)

Возьми меня и забрось, куда пожелаешь. И там я сохраню свой гений благорасположенным, т. е. удовлетворенным, если его состояние и деятельность будут отвечать свойственному ему строению.

Стоит ли это того, чтобы из-за него болела моя душа и под действием приниженности, вожделения, смятения и страха сделалась хуже, нежели теперь? И есть ли вообще что-нибудь, что стоило бы этого? (45)

Ни с одним человеком не может случиться ничего такого, что не составляет удела человека; с быком, виноградной лозой, камнем — что не составляет их удела. Если же с каждым случается только то, что для него обычно и естественно, то на что же ты станешь негодовать? Общая природа не ниспослала тебе ничего такого, чего ты не мог бы претерпеть (46).

Если ты огорчаешься по поводу чего-либо внешнего, то угнетает тебя не сама эта вещь, а твое суждение о ней. Но устранить последнее — в твоей власти. Если же тебя огорчает что-либо в твоем собственном настроении, то кто мешает тебе исправить свой образ мыслей? Точно так же, если ты огорчаешься по поводу того, что не делаешь чего-либо, представляющегося тебе правильным, то не лучше сделать это, нежели огорчаться? — «Но этому препятствует нечто более сильное, чем я». — «Тогда не огорчайся, ибо не в тебе причина бездействия». — «Но жизнь лишается для меня цены, если я не сделаю этого». — «Уйди же из жизни без злобы, как ты опочил бы и по совершении своего дела, сохраняя благожелательность даже к тому, что стояло на твоём пути» (47).

Помни, что руководящее начало, если даже упорство его неразумно, становится неприступным, когда, сосредоточившись в самом себе, оно довольствуется тем, что не делает того, чего не желает. Что же, если оно судит о чем-либо разумно и осмотрительно? Поэтому душа, свободная от страстей, есть твердыня, ибо нет у человека более надежного убежища, скрывшись в которое он не боялся бы погони. Кто не видит этого — невежда, а кто видит и не пользуется этим убежищем — несчастен (48).

Не говори себе ничего, кроме того, что содержится в предшествующих представлениях. Тебе передают, что такой-то плохо о тебе отзывается. Но ведь о том, что благодаря этому ты терпишь вред,— тебе никто не сообщает. Я вижу, что ребенок болен. Да, вижу; но что он в опасности, я не вижу. Итак, оставайся постоянно в пределах первых представлений, ничего не примышляя к ним сам от себя, и с тобой ничего не будет. Или еще лучше, примысли, но как человек, знающий все происходящее в мире (49).

Огурец горек? Брось его. На твоём пути терновые кусты? Обойди их. Этого достаточно. Не задавайся еще вопросом: «Для чего существует нечто подобное в мире?» Ведь человек, посвященный в тайны природы, осмеет тебя, как осмеяли бы тебя плотник или сапожник, если бы ты упрекнул их в том, что в их мастерских ты видишь стружки и обрезки кожи от их изделий. У этих ремесленников есть, однако, куда выбросить остатки, природа же Целого не имеет ничего вне себя. Но именно самым удивительным в искусстве природы является то, что, ограничен-

ная сама собой, она превращает в самое себя все кажущееся внутри ее испортившимся, отжившим и бесполезным и что из всего этого она опять создает нечто новое. Таким образом, она не пользуется ни материей извне и не нуждается в месте, куда выкидывать гниль. Она довольствуется своим пространством, своей материей и свойственным ей искусством (50).

Не будь ни мешкотным в действиях, ни путаным в речах. Не отдавайся полету воображения, не предавайся чрезмерному отчаянию или ликованию и не заполняй всей жизни делами.

Люди убивают, рвут на части, преследуют проклятиями. Но чем это может помешать душе оставаться чистой, рассудительной, благоразумной, справедливой? Так, если кто-нибудь, подойдя к прозрачному и пресному роднику, стал бы изрыгать на него хулу, родник все же не перестанет бить ключом питьевой воды. И пусть он даже бросит в него грязи или навоза, родник очень скоро рассеет все это, смоеет и нигде не помутится. Когда же ты будешь обладать вечно бьющим родником, а не стоячим болотом? Если ты ни на час не будешь оставлять попечения о своей свободе, сопряженной с благожелательностью, простотой и скромностью (51).

Тот, кто не знает, что есть мир, не знает и места своего пребывания. Не знающий же назначения мира не знает ни того, кто он сам, ни того, что есть мир. Тот же, кто остается в неведении относительно какого-нибудь из этих вопросов, не мог бы ничего сказать и о своем собственном назначении. Кем же кажется тебе тот, кто стремится избежать порицания или удостоиться рукоплесканий и похвалы со стороны людей, не знающих ни где они, ни кто они? (52)

Ты жаждешь похвал со стороны человека, трижды проклинающего себя в течение одного часа? Ты желаешь нравиться человеку, который не нравится себе самому? Разве нравится себе тот, кто раскаивается почти во всех своих поступках? (53)

Пора не только согласовать свое дыхание с окружающим воздухом, но и мысли со всеобъемлющим разумом. Ибо разумная сила так же разлита и распространена повсюду для того, кто способен вбирать ее в себя, как сила воздуха для способного к дыханию (54).

Порок вообще ни в чем не вредит миру, порок же, присущий одной части, ни в чем не вредит другой. Он вреден только для того, кто имеет возможность избавиться от него, лишь только пожелает этого (55).

Для моей воли воля ближнего есть нечто столь же безразличное, как и его жизненная сила и тело. И хотя мы и рождены

преимущественно друг для друга, однако руководящее начало каждого из нас обладает собственной властью. В противном случае порок ближнего был бы злом для меня. Но бог решил иначе, дабы счастье или несчастье не зависело от кого-либо другого (56).

Солнце кажется льющим свой свет, этот свет разлит повсюду, но солнце не изливается. Ибо разлитие это есть распространение. Поэтому его лучи называются *Ακτίνες* от слова *Εκτείνεσθαι* (распространяться)³. А что такое луч, это ты узнаешь, если будешь смотреть на солнечный свет, проникающий через узкое отверстие в темную комнату. Он распространяется по прямой линии и как бы упирается в встретившееся ему плотное тело, являющееся преградой для находящегося за ним воздуха; здесь он останавливается, не соскальзывая вниз и не падая. Таковым же должно быть и разлитие души, отнюдь не изливанием, а распространением: встречающиеся же препятствия не должны подвергаться с ее стороны насильственному и грубому напору, она не должна падать, но твердо держаться и освещать то, что приемлет ее. Ибо то, что не пропускает света, само лишает себя его (57).

Боящийся смерти боится или остаться вовсе без ощущений, или получать ощущения иного рода. Но если он будет лишен ощущений, то не будет ощущать никакого зла, если же он приобретет новый вид ощущения, то он станет другим существом, и его жизнь не прекратится (58).

Люди рождены друг для друга. Поэтому или вразумляй, или же терпи (59).

Одно дело полет стрелы, другое — полет духа. Дух, даже и обходя препятствия и исследуя предмет со всех сторон, все же тем не менее держится прямого направления и стремится к цели (60).

Старайся проникнуть в руководящее начало каждого и предоставь каждому проникать в начало, руководящее тобою (61).

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Совершающий несправедливость — впадает в нечестие. Ведь природа Целого создала разумные существа друг для друга, и поэтому они должны помогать друг другу, по мере достоинства, а отнюдь не вредить. Очевидно, что преступающий это желание природы проявляет нечестие по отношению к старейшему из божеств. И тот, кто лжет, также проявляет нечестие по отношению к тому же божеству. Ведь природа Целого есть природа

сущего; сущее (ὄντα) же находится в тесной связи с тем, что существует в данный момент (ὄψάρχουτα) ¹. Это же божество именуется также и истиной, ибо оно есть первопричина всех истин. Следовательно, тот, кто лжет преднамеренно, впадает в нечестие, поскольку он совершает несправедливость своим обманом; тот же, кто лжет без намерения,— поскольку он разногласит с природой Целого и поскольку он вносит смятение, противоборствуя природе мира. Ведь позволяющий увлечь себя, вопреки своему желанию, к тому, что противоположно истине, противоборствует ей потому, что природа сообщила ему задатки, пренебрегши которыми он уже не в состоянии различить ложного от истинного. Впадает в нечестие также и тот, кто стремится к наслаждению, как к добру, и избегает страданий, как зла. Ибо такому человеку неизбежно придется часто сетовать на общую природу, которая якобы не считается с достоинством, оделяя людей дурных и хороших, так как часто дурные утопают в наслаждениях и обладают средствами к их достижению, на стороне же хороших — страдание и то, что его порождает. К тому же боящийся страдания будет бояться и чего-либо имеющего произойти в мире, что уже нечестиво. Стремящийся, далее, к наслаждениям не остановится и перед несправедливостью — а это очевидное нечестие. Кто желает следовать природе в единомыслии с ней, тот должен относиться одинаково к тому, к чему одинаково относится общая природа (а она не создавала бы и того и другого, если бы не относилась одинаково к тому и другому). Несомненно, следовательно, что впадает в нечестие тот, кто неодинаково относится к страданию или наслаждению, или смерти и жизни, или славе и бесславию, которыми одинаково пользуется природа. Я говорю, что общая природа одинаково пользуется всем этим, вместо того чтобы сказать, что все это, сообразно известному порядку, одинаково происходит со всем возникающим и сопутствующим ему в силу некоего исконного стремления промысла, по которому он, изойдя из некоего начала, предустановил настоящий строй вещей, заключив в себе семена грядущего и разграничив творческие потенции существований, изменений и чередований (1).

Выбыть из числа людей, не вкусив от лжи всяческого лицемерия, излишества, чванства, мог бы только совершеннейший человек. Вторым будет тот, кто оставляет жизнь, пресытившись всем этим. Или ты предпочитаешь погрязать в пороке и опыт еще не убедил тебя бежать от пагубы? Ибо извращение помыслов есть несравненно бóльшая пагуба, нежели какая-либо порча и перемена к худшему в окружающем нас воздухе. Последняя пагубна для животных, поскольку они животные, первая же для людей, поскольку они люди (2).

Не презирай смерти, но будь расположен к ней, как к одному из явлений, желаемых природой. Ведь разложение есть явление

того же порядка, что молодость, старость, рост, зрелость, прорезывание зубов, обрастание бородой, седина, оплодотворение, беременность, роды и другие действия природы, сопряженные с различными периодами жизни. Поэтому человек рассудительный должен относиться к смерти без упорства, отвращения или кичливости, но ждать ее, как одного из действий природы. И как ты теперь ждешь, пока дитя выйдет из утробы твоей жены, так следует ждать того часа, когда твоя душа сбросит с себя эту оболочку. Если же ты хочешь средства немудреного, но действительного, то лучше всего примирит тебя со смертью внимательный взгляд на предметы, которые тебе предстоит покинуть, и мысль о характере людей, с которыми твоей душе уже не придется соприкасаться. Ибо хотя и не следует гневаться на них, а, наоборот, надлежит и заботиться о них, и переносить их с кротостью, но в то же время не нужно забывать, что разлука предстоит тебе не с людьми единомыслящими. Ведь если вообще есть что-нибудь в жизни, что влекло бы к ней и в ней удерживало, то лишь одно: возможность жить в общении с людьми, усвоившими те же основоположения, что и мы. Но теперь ты видишь, насколько тягостно разномыслие с окружающими, и можешь воскликнуть: «Поспеш, смерть! чтоб мне самому не забыть о себе!» (3)

Прегрешающий прегрешает против самого себя; совершающий несправедливость совершает ее по отношению к самому себе, делая себя дурным (4).

Часто совершает несправедливость и воздерживающийся от какого-либо действия, а не только действующий (5).

Достаточно наличности правильного убеждения, действия, имеющего целью общее благо, и настроения, благожелательного ко всему, что происходит в силу внешней причины (6).

Устрани воображение, останови стремление, подави склонности: пусть властвует над тобой руководящее начало (7).

Одна душа распределена между неразумными животными и одна мыслящая душа — между разумными. Ведь и земля одна для всего земного, и видим мы благодаря одному свету и дышим одним воздухом — все мы причастные зрению и жизни (8).

Все причастное чему-либо общему стремится к однородному с ним.

Все земное тяготеет к земле, все влажное сливается воедино, равно как и воздушное; так что нужны преграды и усилие, чтобы разобщить их. Огонь уносится вверх вследствие огня элементарного, но в то же время тяготение ко всякому здешнему огню для общего воспламенения настолько сильно в нем, что легко

возгорается всякое сколько-нибудь сухое тело, ибо в его составе не много такого, что препятствует воспламенению. И поэтому все причастное общей разумной природе равным образом стремится к родственному ему или даже в большей степени. Ведь поскольку оно совершеннее по сравнению с другим, постольку в нем сильнее склонность к сближению с себе подобным и слиянию с ним воедино. Уже у неразумных существ можно найти улы, стада, вскармливание потомства, некоторое подобие любви. Это объясняется тем, что у них есть души, и склонность к совместной жизни в существах относительно совершенных проявляется с большей силой, нежели в растениях, камнях или деревьях. У разумных же существ имеются государства, содружества, домохозяйства, совещания, а на войне союзы и перемирия. У существ еще более совершенных единение осуществляется даже вопреки разделяющему их пространству, каково, например, единение звезд. Таким образом, известная степень совершенства может породить согласие даже между существами, отстоящими друг от друга. Взгляни же теперь на то, что происходит. Одни только разумные существа забывают ныне о стремлении и склонности друг к другу, только среди них не замечается слияния воедино. Но как ни избегают люди единения, все же им не уйти от него, ибо природа сильнее их. При некотором внимании ты убедишься в правильности моих слов. Легче поэтому найти нечто земное, не соприкасающееся ни с чем земным, нежели человека, не находящегося в общении с человеком (9).

Приносит плод и человек, и бог, и мир. Все приносит плод в урочное время. Если же по привычке это выражение применяется преимущественно к виноградной лозе и т. п.— то это ничего не значит. Плод разума двоякий, общий и частный, и обязанное ему существованием таково же, каков он сам (10).

Если можешь, исправь заблуждающегося; если же не можешь, то вспомни, что на этот случай тебе дана благожелательность. И боги благожелательны к подобным людям. В некоторых отношениях они даже являются их пособниками в здоровье, богатстве, славе,— так далеко простирается милость богов. И ты можешь поступать так же. Или же ответь на вопрос: «Кто тебе мешает?» (11)

Переноси страдание, не как человек, видящий в этом свое несчастье, и не как желающий стать предметом сострадания или удивления. Желай только одного: действовать и воздерживаться от действия в согласии с требованиями разума гражданственности (12).

Сегодня я избег всякой напасти, вернее, я отринул всякую напасть, ибо она была не вне меня, а внутри — в моих убеждениях (13).

Все это обычно в отношении опыта, мимолетно в отношении времени, мерзостно в отношении материи. Все остается тем же, каким было при тех, которых мы предали земле (14).

Вещи находятся вне нас, существуя сами по себе, не зная ничего о себе самих и не высказывая ничего. Что же высказывается о них? Руководящее начало (15).

Добро и зло разумного и гражданского существа не в испытываемом состоянии, а в деятельности; точно так же как и добродетель, и порок его не в испытываемом состоянии, а в деятельности (16).

Для камня, брошенного вверх, нет ничего дурного в том, чтобы упасть вниз, и ничего хорошего в том, чтобы нестись вверх (17).

Проникни внутрь присущего им руководящего начала, и ты увидишь, каких судей ты боишься и как они судят о собственных делах (18).

Все подвержено изменению. И ты сам находишься в процессе постоянного перехода в другое и частичного умирания. Да и весь мир (19).

Проступки другого человека следует оставлять при нем (20).

Прекращение деятельности, приостановка стремления и способности убеждения и вообще смерть отнюдь еще не есть зло. Подумай только о возрастах, как-то: детство, юность, молодость, старость. Ведь и в них всякое изменение — смерть. Но разве все это страшно? Подумай, далее, о своей жизни при деде, затем при матери и при отце и, всюду наталкиваясь на всяческие различия, изменения и прекращения, спроси себя: «Разве страшно все это?» Но в таком случае не страшны и прекращения, приостановка и изменение всей жизни (21).

Обратись к руководящему началу, присущему тебе, Целому, и твоему ближнему. К присущему тебе, чтобы внедрить в него справедливость, к присущему Целому, чтобы вспомнить, чьей частью ты являешься, к присущему твоему ближнему, чтобы знать, действовал ли он по неведению или со знанием, и в то же время не упускать из вида, что он — родной тебе (22).

Как ты самходишь в состав гражданского общества, точно так же и всякое твое действие должно входить в состав гражданской жизни. Если же какое-либо не имеет отношения, непосредственного или же более отдаленного, к общей цели, то оно дробит жизнь, нарушает ее единство, подымает бунт, уподобляясь тому

человеку, который, будучи одним из участников народного собрания, не желает подчиняться общему согласию (23).

Ребяческие распри, ребяческие игры, душонки, обремененные трупами,— зрелище, достойное «Царства мертвых»² (24).

Обратись к исследованию свойств причинного начала и расмотри его в отрешении от начала материального. Затем определи время, которое оно в лучшем случае сможет просуществовать при данных свойствах (25).

Ты очень много перенес из-за того, что не довольствовался деятельностью своего руководящего начала, согласной с его назначением. Но довольно (26).

Когда какие-нибудь люди порицают тебя, или ненавидят, или дурно отзываюся о тебе, то подойди вплотную к их душе, проникни внутрь и посмотри, что они собой представляют. Ты увидишь, что тебе незачем тревожиться относительно того, каково мнение этих людей о тебе. Однако относиться к ним следует с благожелательностью, ибо по природе они друзья тебе. Ведь и боги оказывают им всяческую поддержку сновидениями и прорицаниями в том, на что направлены их помыслы (27).

Неизменен круговорот мира в своем движении вверх и вниз, из вечности в вечность. Или мысль Целого стремится к каждому явлению в отдельности — если так, то приемы результаты ее стремления,— или же ее стремление было однократно, все же остальное возникает в силу необходимой связи, будучи некоторым образом заключено друг в друга, или же, наконец, существуют только атомы, неделимые частицы. Словом, если бог, то тогда все хорошо, если же случай, то пусть он не властвует хотя бы над тобой.

Скоро всех нас покроет земля, затем изменится и она, и то, что произойдет из нее, будет изменяться до бесконечности. И кто, пораздумав над набегающими друг на друга с такой быстротой волнами изменений и превращений, не преисполнится презрения ко всему смертному? (28)

Сущность Целого подобна стремительному потоку: она все уносит с собой. Как жалки все эти политики, которые воображают себя действующими по-философски! Хвастливые глупцы. Поступай же, человек, так, как требует в данный момент природа. Стремись к цели, если имеешь возможность, и не озирайся по сторонам, знает ли кто об этом. Не надейся на осуществление Платонова государства, но будь доволен, если дело подвигается вперед хотя бы на один шаг, и не смотри на этот успех как на нечто, не имеющее значения. Кто изменит образ мыслей людей?

А что может выйти без такого изменения, кроме рабства, стениний и лицемерного повиновения? Теперь можешь начать приводить примеры Александра, Филиппа, Деметрия Фалернского. Я посмотрю, знали ли они, чего желает общая природа, и воспитывали ли они самих себя. Если же они только играли роль, то никто не заставит меня подражать им. Дело философии просто и скромно; не увлекай меня на стезю тщеславия (29).

Окинь сверху взором бесчисленные скопища людей, бесчисленные религиозные обряды, суда, плывущие по всевозможным направлениям и в бурю, и в затишье, многообразии всего возникающего, сущего, исчезающего. Подумай также и о той жизни, которой жили при других, и о той, которой будут жить после тебя, и о той, которой живут теперь варварские племена. Подумай о том, сколько людей вовсе не знают и твоего имени, сколько забудут тебя в самом непродолжительном времени, сколько сейчас, может быть, хвалят тебя, а очень скоро станут порицать, и о том, что нет ничего значительного ни в памяти, ни в славе, ни в чем-либо другом (30).

Безмятежность в отношении ко всему происходящему в силу внешней причины, справедливость во всех действиях, причиной которых являешься ты сам, иначе говоря, стремление и деятельность, направленные на дело общего блага, как отвечающие твоей природе (31).

Ты можешь устранить очень многое из того, что тяготит тебя, как корнящееся всецело в твоём убеждении. И широкий простор откроется перед тобой, если ты охватишь мыслью весь мир, подумаешь сначала о вечном времени, а затем о быстроте изменения, которому поочередно подлежат все отдельные вещи, о том, как краток промежуток между их возникновением и исчезновением, о бездне времени до их возникновения и беспредельности после их исчезновения (32).

Все, что видишь, скоро рухнет, а вслед за ним подвергнутся той же участи и наблюдающие это разрушение. И тот, кто умирает в самом преклонном возрасте, не будет иметь никакого преимущества перед умершим прежде времени (33).

Каково руководящее начало в них, каковы их интересы и что нужно, чтобы снискать их любовь и уважение! Пусть их души предстанут перед тобой обнаженными. В каком самообольщении они находятся, когда думают, что вредят своим порицанием или приносят пользу похвалами (34).

Утрата чего-либо есть не что иное, как изменение. Но изменение есть излюбленный прием природы Целого, согласно которой все создается наилучшим, таким же созидалось из века и таким

же будет в бесконечном времени. Неужели же ты скажешь, что все создается дурным и всегда будет дурным и что у стольких богов не нашлось силы, способной все привести в надлежащий вид, что мир осужден пребывать в неизбывном зле? (35)

Гленна материя, входящая в состав каждого существа: вода, пыль, кости, прах. Мрамор, далее, есть затверждение земли, серебро и золото ее осадки, одежда — волосы животных, пурпур — кровь; таково же и все остальное. И даже жизненная сила, меняющая одно состояние на другое, есть нечто подобное (36).

Довольно жалкой жизни, ропота и обезьянничанья. Что тревожит тебя? Что в этом нового? Что выводит тебя из себя? Причинное начало? Вникни в него. Или материя? Рассмотря ее. Кроме же этого ничего нет. Но постарайся же, наконец, относиться к богам с большей простотой и расположением.

Все равно, наблюдать ли одно и то же сто лет или три года (37).

Если кто-нибудь впал в заблуждение, то он же и терпит зло. Но, может быть, он и не впадал в него (38).

Или все происходит как бы в едином теле, беря начало в едином духе, и часть не должна роптать на то, что происходит в Целом, или же существуют атомы и ничего, кроме смешения и рассеяния. Что же тревожит тебя? Скажи руководящему началу: «В тебе царят смерть и разложение, ты звероподобно, лицемерно, твое место в стаде на пастбище» (39).

Боги или безвластны, или же властны. Если они безвластны, то зачем ты молишься им? Если же они властны, то не лучше ли молиться о том, чтобы не бояться ничего, не желать ничего, не огорчаться ничем, нежели о наличности или отсутствии чего-либо? Ведь если боги вообще могут содействовать людям, то могут содействовать и в этом. Но ты, быть может, скажешь: «Боги предоставили это моей власти». В таком случае не лучше ли пользоваться тем, что в твоей власти, достойно свободного человека, нежели стремиться к тому, что не зависит от тебя, подобно рабу или нищему? Но кто тебе сказал, что боги не принимают участия в том, что в нашей власти? Начни молиться об этом и увидишь. Вот человек, который молится: «Хорошо бы добиться обладания этой женщиной!» Ты же молись: «Хорошо бы не желать обладания ею». Другой: «Хорошо бы избавиться от этого человека!» Ты молись: «Хорошо бы не нуждаться в этом избавлении!» Третий: «Хорошо бы сохранить ребенка в живых!» Ты молись: «Хорошо бы не бояться потерять его!» Переделай на этот лад все молитвы и посмотри, что из этого выйдет (40).

«Во время болезни,— говорит Эпикур,— меня не занимали телесные страдания, и с посещавшими меня я не беседовал о подобных вещах. Я продолжал свои начатые ранее научные работы, интересуясь главным образом тем, как мысль, несмотря на свою причастность к подобным движениям в теле, сохраняет тем не менее свой внутренний мир, преследуя свойственное ей благо». «И врачам,— продолжает он,— я не дал повода возгордиться, точно они неведь что для меня делают, но жизнь моя протекала счастливо и хорошо». Подражай ему, если тебе случится заболеть или попасть в какое-нибудь другое опасное положение. Все школы сходятся в том, что не следует ни отрекаться от философии при каких бы то ни было обстоятельствах, ни вторить невеждам, ничего не знающим о природе, но все свое внимание отдавать делу, которым в данный момент занят, и средствам, которыми оно приводится в исполнение (41).

Когда тебя возмутит чье-либо бесстыдство, тотчас же спроси себя: «Возможно ли, чтобы в мире не было людей без стыда?» Нет, невозможно. Не требуй же невозможного. Ведь и этот человек один из тех людей без стыда, которые должны быть в мире. Этот же вопрос пусть будет у тебя наготове и по отношению к человеку вероломному и ко всякому, совершающему какой-нибудь проступок. Если ты будешь помнить, что люди такого рода не могут не существовать, то будешь благосклоннее к каждому из них в отдельности. Полезно также тотчас же подумать о том, какую добродетель сообщила природа человеку против подобных проступков. Ведь против неблагодарности она, в качестве противоядия, сообщила нам кротость, против других пороков — какую-нибудь другую способность. Вообще тебе дана возможность вразумлять заблудших: ибо всякий прегрешающий уклоняется от своей цели и блуждает. Но терпишь ли вред ты? Ты не найдешь ни одного из тех, на кого ты так негодуешь, кто своими действиями мог бы сделать твою душу худшей, а в ней-то и коренится все вредное и злое для тебя. Что дурного или необычного в том, если необразованный человек поступает как таковой? Подумай, не следует ли тебе винить самого себя в том, что ты не ждал от такого человека такого рода проступков. Ведь разум побуждал тебя к размышлению о том, что подобные проступки весьма вероятны со стороны этого человека, и тем не менее ты по своей забывчивости удивляешься, если он совершил проступок. Важнее всего, однако, при жалобах на чье-либо вероломство или неблагодарность обращать взор на самого себя. Ведь несомненно же, что ты заблуждался, если верил в возможность верности со стороны человека такого склада, или же, оказывая благодеяние, не отрешался от всяких соображений и не черпал удовлетворения в самом своем поступке. Если ты сделал добро человеку, что остается тебе еще желать? Разве не достаточно того, что ты совершил что-либо согласно своей природе,

но ты требуешь еще награды за это? Это все равно, как если бы глаз потребовал бы платы за то, что он видит, или ноги за то, что они ходят. Подобно тому как эти члены созданы для определенного назначения, выполнив которое, сообразно своему строению, они почитают себя удовлетворенными, точно так же и человек, рожденный, чтобы творить добро, сделавши какое-нибудь доброе дело или как-либо иначе поспособствовавши общему благу, выполняет тем свое назначение и должен считать себя удовлетворенным (42).

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Будешь ли ты когда-либо, душа, доброй, простой, единой и, в своем обнажении, более явственной, нежели облакающее тебя тело? Вкусишь ли когда-либо от настроения дружбы и любви? Настанет ли когда-нибудь момент, когда ты не будешь ничего желать и ни о чем не будешь мечтать, ни об одушевленном, ни о неодушевленном, ради испытания наслаждения, ни о времени для возможного продления этих наслаждений, ни о местности, стране, благодатном климате, ни о согласии с людьми? Будешь ли ты, наоборот, довольствоваться наличным положением, радоваться всему, что имеется налицо, и убедишь ли ты себя в том, что все у тебя есть, все обстоит хорошо для тебя, и существует по воле богов, и будет обстоять хорошо все, что любезно богам, и будет ими ниспослано на благо существа совершенного, доброго, справедливого, прекрасного, которое все порождает, все сдерживает, все объемлет и охватывает все разрушающееся для создания нового, подобного ему? Будешь ли ты когда-нибудь способна сожительствовать с богами и людьми таким образом, чтобы не жаловаться на них, но и не навлекать на себя их осуждения? (1)

Следи за тем, какие требования предъявляет твоя природа к тебе, как подчиняющемуся одной только природе. Затем исполняй эти требования и допускай их, если это не ухудшает твоей животной природы. Далее, нужно следить за тем, чего требует твоя животная природа, и принимать все ее требования, если исполнение их не ухудшает твоей разумной природы. Но разумное есть в то же время и гражданственное. Применяй эти правила и не бросайся из стороны в сторону (2).

Все случающееся или таково, что ты от природы способен перенести его, или же таково, что ты не способен к этому. Поэтому если с тобой случается что-нибудь, что ты способен перенести, то не досадуй, но переноси, как и свойственно тебе. Если же ты не способен перенести его, то и тогда тебе нечего досадовать, ибо, уничтожив тебя, оно погибнет и само. Помни, однако, что ты способен перенести все, что твое убеждение может

сделать терпимым и сносным, полагая, что тебе полезно и приличествует сделать это (3).

Если кто-нибудь заблуждается, то вразуми его, сохраняя благожелательность, и укажи на его ошибку. Если же не можешь сделать этого, то вини себя или же не вини никого (4).

Что бы ни случилось с тобой — оно предопределено тебе из века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием (5).

Существуют ли атомы или же единая природа — прежде всего следует установить, что я являюсь частью Целого, управляемого природой; затем, что я некоторым образом связан с частями, однородными мне. Ведь если я буду помнить об этом, то, поскольку я буду сознавать себя частью, я не буду недоволен ничем, ниспосылаемым Целым, ибо то, что полезно Целому, не может быть вредно части. В Целом же нет ничего, что не было бы полезно ему: это общо всем природам, но природа мира имеет то преимущество, что нет внешней причины, которая могла бы заставить ее произвести что-нибудь вредное для нее самой. Итак, поскольку я буду помнить, что я являюсь частью такого Целого, — я буду рад всему происходящему. Поскольку же я нахожусь в известной родственной связи с однородными мне частями — я буду воздерживаться от того, что идет вразрез с общим благом. Наоборот, я всегда буду иметь в виду тех, кто мне родственны, направлю все свое стремление на общепользное и отвращу его от противоположного. Если все это будет выполнено, то жизнь будет, несомненно, протекать счастливо, как нельзя не признать счастливой жизнь гражданина, отдающего свои силы на деятельность, полезную его согражданам, и приветствующего все то, чем оделит его государство (6).

Части Целого, объемлемые по природе миром, необходимо подлежат гибели или, что означает то же самое, изменению. Если это, будучи по природе необходимым, является в то же время злом для них, то и с Целым, при постоянном изменении его частей, нарочито предназначенных к гибели, не все обстоит благополучно. Но не сама ли природа решила причинить зло своим частям, создав их доступными и даже необходимо подверженными ему, или же это случилось без ее ведома? Как то, так и другое — невероятно. Если же кто-нибудь, оставив в стороне природу, пришлет изменение естественным свойствам вещей, то не смешно ли, с одной стороны, утверждать, что части Целого изменяются в силу своих естественных свойств, а с другой стороны, дивиться и негодовать по поводу этого, точно это идет вразрез с природой? Тем более что каждая вещь разлагается на то же, из чего и состоит. Ибо на самом деле имеет место или рассеяние элементов, входивших в состав вещи, или же превраще-

ние плотного в то, что обладает свойствами земли, а животворящего в то, что обладает свойствами воздуха, так что все, в конце концов, поглощается разумом Целого, которое или периодически возгорается, или же обновляется силою вечных времен. И не воображай, что плотное и животворящее, имеющееся теперь в тебе, существует с самого момента твоего рождения. Ибо все это в тебе со вчерашнего или позавчерашнего дня, будучи обязано своим существованием пище и вдыхаемому воздуху. Поэтому изменяется лишь то, что получено тобою извне, а не то, чем ты обязан своей матери. Допусти даже, что привзошедшее к тебе и составляет все своеобразие твоего существа,— это, думается мне, отнюдь не поколеблет значения сказанного выше (7).

Приложивши к себе такие наименования, как хороший, скромный, правдивый, рассудительный, нестроптивый, благородный, ты должен внимательно следить за тем, чтобы не переменить их на другие; а если ты лишился этих наименований, поспеши вновь вернуться к ним. Помни же, что «рассудительность» означает для тебя осмысленное и вдумчивое отношение ко всякой вещи, «нестропивость» — добровольное подчинение уделу, непосланному тебе общей природой, «благородство» же — превознесение разумной части над медленными или порывистыми движениями плоти, над суетной славой, над смертью и тому подобным. Если ты соблюдешь себя в верности этим наименованиям, не гоняясь за тем, чтобы и твои ближние прилагали к тебе их, то ты будешь другим и начнешь другую жизнь. Ведь продолжать оставаться таким, каким ты был по сие время, влачить такую пагубную и нечистую жизнь, достойно только человека тупого, цепляющегося за жизнь, и подобного тем полуживым и покрытым ранами и кровью гладиаторам, которые все же умоляют оставить их в живых до завтра, когда им в таком виде вновь придется испытать на себе силу тех же когтей и зубов. Итак, старайся сжиться с этими немногими именами. И если ты сможешь оставаться верным им, то оставайся, как бы переселяясь на некие острова блаженных; если же почувствуешь, что падаешь и не в силах устоять, то имей решимость удалиться в какое-нибудь укромное место, где ты не поддашься соблазну, или же совсем расстанься с жизнью, но без ропота, просто, свободно и скромно, свершив в жизни хотя бы одно дело — подобный расчет с жизнью. Но тебе гораздо легче дастся память об этих наименованиях, если ты будешь помнить о богах и о том, что они желают, чтобы все разумные существа не лстили, а уподоблялись им, и чтобы смоковница исполняла назначение смоковницы, собака — назначение собаки, пчела — назначение пчелы, человек — назначение человека (8).

Ненависть, война, страх, вялость, рабство будут ежедневно сводить на нет те священные основоположения, которые ты

не осмыслил надлежащим образом, не уделив им должного внимания. Но на все следует смотреть и все делать так, чтобы и практическая способность получила свое довершение и теоретическая приходила в деятельность, а из всеобъемлющего познания родилась та уверенность в себе, которая не выставляет себя напоказ, но которую и не скроешь. Когда же, наконец, ты приобщишься искренности, серьезности и того познания каждой вещи, которое откроет тебе, какова она по своей сущности, какое место занимает в мире, сколько времени суждено ей просуществовать, что входит в ее состав, кому она может достаться и кто может дать ее и отнять? (9)

Паук горд, завлекши муху; кто гордится, подстрелив зайчонка, кто — поймав сетью мелкую рыбешку, кто — одолев вепря, кто — медведя, а кто — сарматов. Но разве не окажутся они все разбойниками, если поисследовать их основания? (10)

Усвой себе метод рассмотрения всех вещей в их постоянном переходе друг в друга; всегда думай об этом и упражняй себя в этой области. Ибо ничто так не способствует возвышенному настроению. Такой человек уже совлек с себя тело и, под влиянием мысли о том, как немного еще осталось до того момента, когда он оставит все это, выбыв из числа людей, всецело отдался справедливости в своих собственных действиях и природе Целого во всем остальном. А что другие говорят о нем или думают или как они поступают по отношению к нему — об этом он нисколько не заботится, довольствуясь лишь осуществлением справедливости в своих настоящих поступках и любовью к своему настоящему делу; он отрекся от всех забот и суетных стремлений и не желает ничего, кроме как неуклонно исполнять закон и в этом неуклонном исполнении следовать богу (11).

К чему нужны догадки, когда ты имеешь возможность узнать, что надлежит сделать? Если ты знаешь, то, сохраняя благосклонность, иди вперед по этому пути, не уклоняясь в сторону, а если не знаешь, то остановись и привлекли к совету лучших людей. Если же ты встретишь на этом пути какие-либо препятствия, то иди вперед, учитывая наличные обстоятельства и держась того, что признал за справедливое. Ибо достижение его есть наилучшее, уклонение от него — наихудшее. Тот, кто во всем следует разуму, не суетлив и в то же время деятелен, весел и вместе с тем уравновешен (12).

Пробудившись от сна, тотчас же спроси себя: «Касается ли тебя, если кто-нибудь другой делает что-либо справедливое и прекрасное?» — «Нет, не касается». — «Уж не забыл ли ты, каковы люди, которые с таким весом высказывают другим похвалу и порицание, на ложе, за столом, что они делают, чего

избегают, к чему стремятся, что они похищают, что отнимают не посредством рук и ног, а наиболее ценной своей части, которая, при желании, могла бы дать жизнь верности, скромности, истине, закону, благому гению?» (13)

Человек просвещенный и скромный обращается к всё дающей и всё отбирающей назад природе со словами: «Дай, что пожелаешь, и возьми обратно, что пожелаешь». Говорит же он так не из дерзновения, а повинувшись природе и благоволя ей (14).

Немного еще осталось. Живи словно на горе ¹. Ведь совершенно безразлично, жить ли здесь или там, если человек повсюду в мире, как в Граде. Пусть люди увидят и познают в тебе истинного человека, живущего согласно природе. Если им будет невтерпеж, пусть убивают. Ведь это лучше, чем жить таким образом (15).

Не все же разглагольствовать о том, каким должен быть хороший человек, пора и стать им (16).

Постоянно думай о вечности в ее целом, и о сущности в ее целом, и о том, что каждая отдельная вещь по сравнению с сущностью — малое зерно, по сравнению с временем — поворот бурава (17).

Останавливаясь мыслью на каждом отдельном предмете, представляй его себе уже разложившимся, подвергшимся изменению и как бы гниению или рассеянию, или же обреченным на своего рода смерть (18).

Подумай, каковы эти люди, когда едят, спят, совокупляются, испражняются и т. д., а затем, каковы они, когда корчат из себя важных господ, чванятся или гневаются и расточают укоризны с высоты своего величия. Скольким они незадолго до того служили и за какую цену и во что они вскоре превратятся? (19)

Каждому пристало то, что стало его уделом в силу природы Целого, и именно тогда, когда стало (20).

«Любит дождь земля; любит его и священный эфир» ². Мир любит создавать то, что должно возникнуть. Поэтому я говорю миру: «Я люблю то же, что и ты». И разве не в том же смысле говорят: «Такой-то вещи любо то-то»? ³ (21)

Или ты продолжаешь жить здесь — и к этой жизни ты уже привык, или ты удаляешься в другое место, согласно своему желанию, или же умираешь, и твое служение кончилось. Этим исчерпано все. Поэтому будь спокоен (22).

Для тебя всегда должно быть ясно, что этот клочок земли ничем не отличается от других и что живущие на нем испытывают то же самое, что и живущие на вершине горы, или на морском берегу, или еще где-нибудь. И ты согласишься со словами Платона о пастухе, заключенном в стенах горной хижины и доящем овец ⁴ (23).

Что для меня мое руководящее начало и каким я его теперь делаю? К чему я применяю его теперь? Не лишено ли оно разума? Не отрешено ли и не отторгнуто ли от общения? Не спаяно ли оно и не смешано ли с телом так, что следует его движениям? (24)

Скрывающийся от властителя — беглец. Властвует же закон, и беглец тот, кто нарушает закон. Но и сокрушающийся, и гневающийся, и боящийся не желает чего-либо происшедшего, происходящего или имеющего произойти в силу порядка, установленного мироправителем, который есть закон, определяющий каждому причитающееся ему. Поэтому и тот беглец, кто боится, или сокрушается, или гневается (25).

Оплодотворивший утробу матери удаляется; в дальнейшем берется за дело другая причина и довершает образование младенца. Какое было начало и каков конец! Ребенок глотает пищу, а за дальнейшее принимается другая причина и создает ощущение, стремление и вообще жизнь, силу и все остальные свойства человека. А сколько их и каковы они! Вникай же во все происходящее в такой сокровенности и созерцай действующую здесь силу так же, как и силу, заставляющую тела падать вниз или подниматься вверх, не телесными очами, однако с не меньшей ясностью (26).

Постоянно размышляй о том, что все происходящее ничем не отличается от происходившего ранее и имеющего произойти в будущем. Пусть предстанут перед твоим взором целые периоды жизни и сходные друг с другом положения, которые известны тебе или из собственного опыта, или из истории более раннего времени, как-то: весь двор Адриана, весь двор Филиппа, Александра, Креза. Ибо повсюду здесь одно и то же, только действующие лица другие (27).

Всякий сокрушающийся и выражающий неудовольствие по поводу чего-нибудь должен напоминать тебе поросенка, который бьется и визжит при заклинании. Но недалеко от него ушел и тот, кто на своем ложе в одиночестве оплакивает про себя тяготеющий над нами рок. Ты же подумай о том, что только разумному существу дана возможность добровольно следовать событиям,— простое же следование необходимо для всех (28).

Перебирая мысленно все предметы своей деятельности, спрашивай себя относительно каждого в отдельности, не потому ли смерть страшна, что связана с лишением его (29).

Если тебя возмущает чье-либо заблуждение, то, тотчас же оглянувшись на себя, пораздумай, в каком сходном заблуждении повинен ты сам, почитая, например, благом деньги, наслаждение, суетную славу или что-нибудь в этом роде. Ведь, усмотрев такое заблуждение, ты скоро забудешь о гневе, в особенности если сообразишь вместе с тем, что тот человек вынуждается быть таким. Что ему остается делать? Если можешь, однако, то освободи его от этого принуждения (30).

Подумав о Сатироне сократике, представь себе Евтиха или Гимена, подумав о Евфрате — Евтихия или Сильвана, подумав об Алкифроне — Тропеофора, подумав о Ксенофонте — Критона или Севера, подумав о самом себе — кого-либо из Цезарей, и так поступай во всем⁵. Затем задайся вопросом: «Где они все?» Нигде или неведомо где. Ибо таким образом тебе станет ясно, что все человеческое — есть дым, ничто; в особенности если ты вспомнишь, что однажды изменившееся уже не возникнет вновь в течение беспредельного времени. Чего же ты добиваешься? Почему тебе недостаточно провести достойно свой краткий век? Какого материала и каких условий деятельности ты избегаешь? Ибо что такое все это, как не упражнение для разума, созерцающего всю жизнь точным и отвечающим природе вещей взглядом? Не отступай же до тех пор, пока не освоишься со всем этим, как усваивает себе все здоровый желудок, как сильный огонь обращает в пламя и свет все брошенное в него (31).

Пусть никто, утверждающий о тебе, что ты человек не искренний и не хороший, не говорит правды, но пусть ошибается всякий, думающий о тебе что-нибудь подобное. Ведь все это зависит от тебя. Кто, в самом деле, мешает тебе быть хорошим и искренним человеком? Только реши раз навсегда не жить, если не быть таким. Ибо если ты не таков, то разум не удерживает тебя (в жизни) (32).

Что при данном материале было бы правильнее всего сделать или сказать? Что бы это ни было, это может быть сделано или сказано. И не ссылайся на препятствия.

Ты прекратишь свои стенания только тогда, когда почувствуешь, что для тебя делать при данном и наличном материале свойственное строю человеческой природы есть то же самое, что привольная жизнь для приверженцев наслаждения, ибо каждая возможность действовать согласно своей особой природе должна почитаться радостью. Но эта возможность имеется всюду. Ни цилиндру, ни огню, ни воде, ни всему остальному, относящемуся к мертвой и неразумной природе, не дана возможность всегда

находиться в свойственном им движении: множество препятствий мешает этому. Дух же и разум могут, преодолевая все препоны, сохранять направление, которое от природы свойственно им и которое они желают. И, памятуя о той легкости, с которой движется, все преодолевая, разум, как огонь движется вверх, камень вниз, цилиндр по склону, ты уже не стремишься ни к чему иному. Остальные же препоны или относятся к телу, которое тот же труп, или же (без убеждения о них и склонности самого разума) не в силах ни подавить тебя, ни причинить какое-либо зло: иначе тот, на чьем пути они встретились, тотчас же сделался бы дурным. Стоит только, чтобы с каким-нибудь другим созданием приключилось какое-либо зло, как, благодаря этому, само препятствующее становится хуже — здесь же, если хочешь знать, человек делается и лучшим, и более достойным похвалы, если только он надлежащим образом использует обстоятельства. Вообще же помни, что ничто не вредит гражданину, что не вредит Граду, и ничто не вредит Граду, что не вредит закону. Но все эти так называемые невзгоды не вредят закону, а не вредя ему, не вредят ни Граду, ни гражданину (33).

Человеку, проникшемуся истинными основоположениями, даже самое краткое и общеизвестное выражение может напомнить о состоянии, свободном от печали и страха:

Ветер на землю срывает листву

Так поколения людей ⁶.

И порождение твое — та же листва. И те люди, которые громко и с такой уверенностью прославляют тебя, или же, наоборот, проклинают, или втайне порицают и поносят, — листва, равно как и те, которые унаследуют память о тебе. Ибо все это возникает, «едва лишь весна возвратится» ⁷, затем ветер сносит это на землю, а потом лес порождает взамен прежней новую листву. Но кратковечность обща всему. Ты же всего избегаешь и ко всему стремишься, точно оно должно длиться вечно. Еще немного — и ты смежишь очи, и того, кто похоронит тебя, будет вскоре оплакивать кто-нибудь другой (34).

Здоровый глаз должен видеть все доступное зрению и не говорить: «У меня пристрастие к зеленому цвету», ибо это уже признак болезни глаз. Точно так же и здоровые слух и обоняние должны быть готовы воспринять любой звук или запах, а здоровый желудок должен одинаково относиться ко всякой пище, как мельница ко всему, что она предназначена смалывать. Поэтому и душевно здоровый человек должен быть готов ко всякого рода событиям. Тот же, кто говорит: «Мои дети должны остаться в живых, все люди должны хвалить меня, что бы я ни делал», подобен глазу, имеющему пристрастие к зеленому цвету, или зубам, предпочитающим мягкую пищу (35).

Никто не бывает настолько удачлив, чтобы его смерть не вызвала в ком-либо из окружающих чувства злой радости. Пусть он был превосходным и мудрым человеком — все же найдется в конце концов кто-нибудь, кто про себя скажет: «Наконец-то мы можем вздохнуть свободно, избавившись от этого наставника. Правда, он никому из нас не был в тягость, но все же мы чувствовали, что он втайне осуждает нас». Вот что скажут о превосходном человеке. Что же касается нас, то сколько в нас других свойств, которые побуждают многих желать избавления от нас? Подумав об этом в смертный час, ты с большею легкостью расстанешься с жизнью, сказавши себе: «Я расстаюсь с той жизнью, в которой даже самые близкие мне люди, для которых я положил столько трудов, о которых так горячо молился и заботился, даже они желают моего устранения, надеясь на то, что это, быть может, принесет им какое-нибудь облегчение. Какой же смысл кому бы то ни было желать более продолжительного пребывания в жизни?» Все это, однако, не должно побудить тебя относиться к окружающим при расставании менее благожелательно: оставаясь верным своему характеру, относись к ним дружески, благосклонно, кротко. С другой стороны, не расставайся с ними и так, точно тебя отрывают от них, но пусть это твое расставание будет подобно безболезненному отделению души от тела при хорошей смерти. Ведь и с ними спаяла и связала тебя природа. Теперь же она разлучает нас. И я расстаюсь с ними, как с родными, но не упираюсь и не оказываю сопротивления — ибо и эта разлука одно из действий природы (36).

Приучай себя при всяком, по возможности, действии другого человека задаваться вопросом о цели, которую он думает достичь им. Начни с самого себя и исследуй прежде всего самого себя (37).

Помни о том, что все, руководящее тобою, таится внутри тебя самого. Здесь — дар слова, здесь — жизнь, здесь, если хочешь знать, — человек. Никогда не отождествляй с ним облекающую его оболочку и те органы, которые на ней образовались. Они подобны плотничьему топору, различаясь только тем, что даны нам от природы. И будь эти части лишены движущей и сдерживающей их причины, от них было бы не больше пользы, чем от веретена для ткача, от пера для пишущего, от бича для возницы (38).

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Свойства разумной души: она созерцает самое себя, расчленяет себя, делает себя такой, какой желает, сама пользуется приносимым ею плодом (в то время как плодами растений

и порождениями животных пользуются другие), достигает свойственной ей цели, когда бы ни был положен предел жизни. При пляске, сценическом представлении и тому подобном всякая помеха лишает законченности всю деятельность. Не так здесь: в какой бы части и в каком бы месте ни была прервана деятельность разумной души, она исполняет свое предназначение полностью и без нехваток, так что может сказать: «Я взяла свое». Разумная душа облетает, далее, весь мир и окружающую его пустоту, исследует его форму, проникает в беспредельную вечность, постигает периодическое возрождение Целого и понимает, и сознает, что наши потомки не увидят ничего нового, как и наши предки не видели ничего сверх того, что видим мы, но что человек, достигший сорока лет, если он обладает хоть каким-нибудь разумом, в силу общего единообразия некоторым образом уже видел все прошедшее и все имеющее быть. Разумной душе свойственны также и любовь к ближним, и истина, и скромность; она ничего не ставит выше себя, что свойственно и закону. Таким образом, нет никакой разницы между правым разумом и разумом справедливости (1).

Ты будешь относиться с презрением к веселой песне, к танцам, ко всем видам борьбы, если разделишь всю мелодию на отдельные звуки и относительно каждого задашь себе вопрос: «Не перед ним ли я не могу устоять?» Ведь ты постыдишься же ответить утвердительно. Поступай соответственно этому с танцами, относительно отдельных движений и положений, равно как и с борьбой во всех ее видах. Помни же, что во всем, за исключением добродетели и ее действий, следует тотчас же переходить к рассмотрению частей и из их расчленения черпать презрение к целому. Примени то же самое и ко всей жизни (2).

Душе, готовой ко всему, не трудно будет, если понадобится, расстаться с телом, все равно, ждет ли ее угашение, рассеяние или новая жизнь. Но эта готовность должна корениться в собственном суждении, проявляя себя не слепым упорством, как у христиан, а рассудительностью, серьезностью и отсутствием рисовки: только тогда она убедительна и для других (3).

Я сделал что-нибудь для общего блага? Следовательно, я принес пользу самому себе. Никогда не расставайся с этой мыслью и не отказывайся от нее ни в каком положении (4).

В чем твое искусство? В том, чтобы быть хорошим. Но разве достигнешь ты в нем совершенства иначе, нежели с помощью познания как о природе Целого, так и об особом строе человека? (5)

Первоначально трагедии должны были напоминать зрителям о том, что известные события по природе происходят известным

образом, и о том, что развлекающее их на сцене не должно быть тягостным для них и на большей сцене — в жизни. Ибо зрители воочию убеждаются, что известные события должны совершаться именно таким образом и что приходится мириться с ними и тем, которые восклицают: «О, Китерон!»¹ Авторы этих трагедий говорят подчас нечто дельное. Лучшим примером может служить:

Хотя б меня с двумя детьми забыли вы,
Цари небес,— все ж разум есть и правда в том.

И далее:

Что пользы гневаться на вещи?

И —

Нельзя, чтоб в день свой не пожата жизнь была,
Как спелый колос.

И другое в том же роде. После трагедии появилась древняя комедия, нравоучительно откровенная и самой резкостью своей полезная для обличения тщеславия. Для этой цели и Диоген кое-что заимствовал из нее. Подумай же теперь, в чем существо появившейся затем средней комедии и для чего, наконец, была введена новая, перешедшая, мало-помалу, в мимическое искусство. Никто не станет отрицать, что и здесь можно найти кое-что полезное. Но какую цель преследует все это направление поэтического и драматического творчества? (6)

Насколько же очевидно, что нет условий жизни, более благоприятных для философствования, нежели те, в которых ты теперь находишься! (7)

Ветвь, отсеченная от другой ветви, не может не оказаться отсеченной и от всего ствола. Точно так же и человек, порвавший с одним человеком, отторгает себя от всего общества. Но ветвь не сама себя отсекает, человек же сам отдаляется от своего ближнего, возненавидев и чуждаясь его, и не сознает, что тем самым отсекает себя и от всей гражданской общины. Правда, Зевс — зиждитель общственности — даровал нам способность вновь сойтись с теми, кто нам близок, и вновь занять свое место в качестве членов целого. Однако если это отделение повторяется, то отделившееся делается все более неспособным к объединению и восстановлению в прежнее положение. И вообще между ветвью, с самого своего произрастания жившей одной неразрывной жизнью со всем растением, и той, которая была отсечена, а потом привита вновь,— есть существенная разница, что бы ни говорили садовники: последняя срастается, правда, но не до полной неотличимости² (8).

Люди, препятствующие тебе идти путем, согласным с правым разумом, не смогут отвратить тебя от правильных поступков; точно так же они не должны лишать тебя благожелательности

к ним самим. Следи за собой одинаково как в том, так и в другом отношении: не только за обоснованностью суждений и действий, но и за кротостью в отношении к тем, которые стараются помешать тебе или раздосадовать как-либо иначе. Ведь гнев на них не менее обличает бессилие, нежели отказ от действия или уступка под влиянием страха. И то и другое — измена своему назначению: у одного эта измена выражается в страхе, у другого в отчужденности от того, кто по природе родной ему и друг (9).

Ни одна природа не уступает искусству, ибо искусства только подражают той или иной природе. Если так, то природа, наиболее совершенная и объемлющая все другие, не может быть превзойдена хотя бы самым изощренным искусством. Но все искусства созидают менее совершенное ради более совершенного; следовательно, так же поступает и общая природа. Здесь берет начало и справедливость, которая порождает и прочие добродетели. Ибо справедливое не будет соблюдено, если мы будем стремиться к вещам безразличным, или легко даваться в обман, или же будем судить опрометчиво и легкомысленно (10).

Предметы, преследуя и избегая которые ты лишаешься мира душевного, не приступают к тебе, но ты некоторым образом сам приступаешь к ним. Пусть смолкнет твое суждение о них — и они лежат недвижимо; а тебя никто не увидит ни преследующим, ни бегущим (11).

Душа сохраняет свойственную ей шарообразную форму, когда не тянется за чем-либо внешним и не стягивается вовнутрь, не удлиняется и не оседает вниз, но излучает свет, в котором она зрит истину, как всех вещей, так и таящуюся в ней самой (12).

Меня кто-нибудь станет презирать? Это его дело. Мое же дело — не оказаться достойным презрения вследствие какого-нибудь поступка или слова. Он будет ненавидеть меня? Опять-таки его дело. Я все же буду хранить благожелательность и благосклонность ко всему и всегда буду готов даже ему самому указать на заблуждение, без издевательства и не из желания выставить напоказ свое терпение, а из искреннего желания добра, как это делал Фокион³, если только он не лицемерил. Таким должно быть внутреннее настроение, и боги должны видеть в тебе человека, ни на что не досадующего и не злобствующего. Ибо что могло бы быть злом для тебя, если ты делаешь свойственное твоей природе и приемлешь то, что одновременно для природы Целого, как одушевленный только одним желанием — чтобы так или иначе осуществилось общепольное (13).

Презирающие друг друга — друг другу угождают, а желающие превзойти друг друга — пресмыкаются друг перед другом (14).

До какой низости и лицемерия нужно дойти, чтобы сказать: «Я намерен быть искренним в отношениях с тобой». Что делаешь ты, человек? Не следует предупреждать об этом — это выяснится само собой: содержание твоих слов должно быть запечатлено на твоем челе. Ты таков — и тотчас же твой взор выдаст это, как возлюбленный тотчас же читает все в глазах любящего. Вообще человек искренний и хороший должен быть подобен потливому, чтобы ставший рядом с ним волей-неволей почувствовал его, лишь только к нему приблизится. Искренность же, выставляемая напоказ, опаснее кинжала. Нет ничего омерзительнее волчьей дружбы. Избегай ее более всего. Человека хорошего, благожелательного и искреннего — узнаешь по глазам; этих свойств не скроешь (15).

Душа обладает способностью устроить жизнь наиболее совершенным образом, если только человек будет безразлично относиться к вещам безразличным. Безразлично же будет относиться тот, кто каждую из этих вещей рассматривает в расчленении, а не в целостном виде и помнит, что ни одна из них не навязывает нам убеждения о себе и не приступает к нам, но что они недвижны, составляем же суждение о них мы сами, как бы записывая в самих себя, хотя можем и не записывать, можем и стереть тотчас же запись, если она занесена без нашего ведома; кто помнит также и о том, что такого рода внимание потребуется лишь на недолгое время и что жизнь близится к концу. Но что, однако, трудного во всем этом? Если это согласно с природой — находи в нем радость и не тяготись им, если же противно природе — ищи того, что согласно с твоей природою, и спеши к нему, хотя бы оно и не обещало славы. Ибо всякому должно быть дозволено искать свое благо (16).

Ты должен знать, где берет начало каждая вещь, из чего она состоит, во что изменяется, какой она будет по изменении и почему она не претерпит при всем этом никакого зла (17).

Следует отдать себе отчет, во-первых, в том, каково твое отношение к людям, и в том, что люди рождены друг для друга, ты же, сверх того, поставлен над людьми, как баран над стадом овец или бык над стадом коров. Обоснуй это глубже, начав с положения: «Если не атомы, то вседержительница — природа». Но если так, то менее совершенные существа существуют ради более совершенных, более же совершенные друг для друга.

Во-вторых, — в том, каковы люди за столом, на ложе и т. д., в особенности же какую власть имеют над ними их основоположения и с каким самомнением они делают свое дело.

В-третьих, — в том, что если в данном случае люди поступают правильно, то не следует сердиться на них, если же неправи-

льно, то, очевидно, против воли и по неведению. Ведь всякая душа против воли лишается как истины, так и отношения к другому человеку, сообразного его достоинству. Ведь людям же очень не нравится слыть несправедливыми, неблагодарными, жадными и, одним словом, заблуждающимися по отношению к ближним.

В-четвертых,— в том, что ты и сам во многом заблуждаешься и подобен им; если же и не впал в какие-нибудь заблуждения, то не чужд порождающим их склонностям. Так, если от подобных заблуждений удержали тебя трусость, честолюбие или какое-нибудь другое дурное побуждение.

В-пятых,— в том, что ты даже не уверен, заблуждаются ли они. Ведь чужая душа — потемки ⁴. И вообще многому следует поучиться, прежде чем с уверенностью высказываться о чужих поступках.

В-шестых,— в том, что предаваться чрезмерной досаде или негодованию — значит забыть о мимолетности человеческой жизни и о предстоящей всем скорой смерти.

В-седьмых,— в том, что не поступки людей в тягость нам — их настоящее место в руководящем начале этих людей,— а наши убеждения. Устрани же убеждения, пожелай освободиться от суждения об этих поступках как о чем-то ужасном — и гнева как не бывало. Но как устранить их? Размышляя о том, что для тебя нет ничего постыдного в этих поступках. Ибо если ты будешь считать злом не только постыдное, то и тебе не избежать многих заблуждений и стать разбойником или еще чем-нибудь в этом роде.

В-восьмых,— в том, насколько последствия гнева и огорчения по поводу чего-либо более тягостны, нежели то, что вызывает гнев и огорчение.

В-девятых,— в том, что благожелательность, если она искренняя, а не напускная, есть нечто неодолимое. Что, в самом деле, сделает тебе самый разнузданный насильник, если ты останешься неизменно благожелательным к нему и, при представившемся случае, будешь кротко вразумлять его, а в тот самый момент, когда он собирается сделать тебе зло, ты, сохраняя спокойствие, обратишься к нему: «Не нужно, сын мой: мы рождены для другого. Я-то не потерплю вреда, но ты потерпишь». Далее, следует толково и в общем виде показать ему, что это действительно так и что ни пчелы, ни животные, рожденные для стадной жизни, не поступают таким образом. Но это нужно сделать без насмешки и издевательства, а любвеобильно, без затаенной обиды, не принимая учительского тона и не стремясь удивить присутствующих, но или с глазу на глаз, или, если присутствуют посторонние...

Помни об этих девяти правилах, как бы получив их в дар от муз. И пока еще жив, стань, наконец, человеком! Следует в равной степени избегать как гнева, так и лести в отношениях к людям: и то и другое противно общественности и приносит вред.

В приступе гнева никогда не забывай, что ярость не свидетельствует о мужестве, а, наоборот, кротость и мягкость и более человечны, и более достойны мужа; и сила, и выдержка, и смелость на стороне такого человека, а не на стороне досаждующего и ропчущего. Чем ближе к бесстрастию, тем ближе и к силе. Как огорчение, так и гнев обличают бессилие. И огорчающийся, и гневающийся — ранены и выбыли из строя. Если хочешь, то прими и десятый дар от самого Мусасгета. Требование, чтобы дурные люди не заблуждались, — безумно, ибо означает стремление к невозможному. Соглашаться же с тем, чтобы они были таковыми по отношению к другим, и в то же время требовать, чтобы они не заблуждались по отношению к тебе, — нелепо и достойно тирана (18).

Следует более всего беречься четырех извращений руководящего начала и пресекать их, лишь только их заметишь, обращаясь к себе в каждом случае так: «Это представление не необходимо, это — подрывает устои общества, эти слова были бы нечистосердечны, а говорить не от чистого сердца должно быть противно твоему смыслу». Четвертое же увещание — это то, когда ты обращаешься к себе с таким упреком: «Это твое состояние означает поражение и сдачу более божественной твоей части, не устоявшей против менее ценной и смертной части, против тела и его грубых наслаждений» (19).

Жизненная сила в тебе и все огневидное, входящее в смешение, хотя и стремятся по своей природе вверх, однако, подчиняясь распорядку Целого, удерживаются в твоем составе. Все же, обладающее свойствами земли и влажное, хотя и стремится вниз, однако не падает, а занимает несвойственное ему по природе положение. Таким образом, и элементы подчиняются Целому, оставаясь, даже вопреки себе, там, где им указано, до тех пор, пока оттуда же не будет дано знака к разложению. Не ужасно ли после этого, что только твоя разумная часть не повинуется и досадует на занимаемое ею место, хотя ей и не предписывается ничего противоречащего ей, а только согласное с ее природой; она же не желает ни с чем считаться и стремится к противоположному. Ибо всякое уклонение в сторону несправедливости, излишеств, гнева, огорчения, страха есть не что иное, как измена природе. Но руководящее начало оставляет свой пост и тогда, когда выражает недовольство по поводу чего-либо происходящего. Ибо оно не менее предназначено к благочестию и богопочитанию, нежели к справедливости. Ведь и эти добродетели входят в понятие общечеловечности; более того, они даже старше справедливости (20).

Кто не имеет единой и неизменной цели жизни, тот не может оставаться единым и неизменным в течение всей жизни. Но сказанного еще недостаточно, если не прибавить, какова должна

быть эта цель. Ведь как убеждение одинаково не относительно всех каких бы то ни было благ, признаваемых большинством, но лишь относительно некоторых, имеющих общее значение, так и цель должна быть установлена общественная и гражданственная. Кто сообразует с этой целью все свои личные стремления, тот во всем будет поступать одинаково и таким образом останется верным себе (21).

Подумай о мыши полевой и домашней, об ее испуге и беготне (22).

Сократ называл мнения большинства людей ламиями — пугалом для детей ⁵ (23).

Лакедемоняне во время представлений устраивали чужестранцам сиденья в тени, сами же садились где попало (24).

Сократ на вопрос Пердикка, почему он не едет к нему, ответил: «Чтобы не погибнуть самым постыдным образом», т. е., воспользовавшись одолжением, не иметь возможности отплатить тем же ⁶ (25).

В писаниях Ефесцев ⁷ рекомендуется постоянно вспоминать о ком-либо из древних, отличавшихся добродетелью (26).

Пифагорейцы советовали бросать по утрам взгляд на небо, чтобы вспомнить о том, что всегда исполняет свое дело, оставаясь верным своему пути и образу действий, и о порядке, чистоте и обнажении. Ибо светила не знают покровов (27).

Подумай о Сократе, набросившем на себя овчину, когда Ксантиппа ушла из дома, захватив его одежду, и о его ответе друзьям, не знавшим, куда деваться от стыда, когда увидели его одетым таким образом ⁸ (28).

Ты не станешь учить письму и чтению, прежде чем не научишься сам. Тем паче — жизни (29).

Рабом рожден ты: части нет тебе в речах ⁹ (30).

Во мне засмеялося сердце ¹⁰ (31).

Станет бесстыдной хулой поносить суеслов добродетель ¹¹ (32).

Безумно искать смокв зимой. Но безумец и тот, кто тоскует о ребенке, которого уже нет (33).

«Лаская своего ребенка,— говорил Эпиктет,— следует сказать самому себе: быть может, завтра он умрет».— «Но ведь это.— накликание беды».— «Ничего подобного,— отвечал он,—

это обозначение одного из действий природы. Иначе и слова: «Колосья пожинаются» — также являлись бы накликаньем беды» (34).

Виноград зеленый, зрелый, выжатый — все это переход не в то, чего вообще нет, а в то, чего теперь нет (35).

Изречение Эпиктета: «Нет насилия, которое могло бы лишить нас свободы выбора» (36).

«Нужно,— говорит он,— установить правила, определяющие, когда следует давать свое согласие. Что касается стремлений, то необходимо следить за тем, чтобы они не были безусловны, были направлены на общее благо и сообразовались бы с достоинством. От влечений же следует вообще воздерживаться, но не отвращаться ни от чего, что не в нашей власти» (37).

«Спор идет,— говорит Эпиктет,— не о пустяках, а о том, быть ли безумным или нет» (38).

«Что вы предпочитаете,— спросил Сократ,— иметь ли души разумных существ или неразумных?» — «Разумных». — «Но испорченных или неиспорченных?» — «Неиспорченных». — «Почему же вы не стремитесь к ним?» — «Мы обладаем ими». — «Почему же вы тогда спорите и препираетесь?»¹² (39).

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Все то, чего ты желаешь достичь окольными путями, ты можешь иметь уже теперь, если только будешь доброжелательно относиться к самому себе. А именно, если ты оставишь прошлое, будущее предоставишь промыслу, сам же исключительно займешься настоящим, сообразуя его с благочестием и справедливостью. С благочестием для того, чтобы любить свой удел, ибо природа приноровила его к тебе и тебя к нему. Со справедливостью — чтобы свободно и без уверток говорить истину и поступать всегда согласно закону и считаясь с достоинством, и чтобы не служили для тебя препятствием ни чужой порок, ни убеждения, ни пересуды, ни ощущения облекающего тебя тела: пусть разбирается в них тело, испытывающее их. Итак, если ты, уже приблизившись к концу, оставишь все, будешь чтить лишь свое руководящее начало и божественное в тебе, будешь бояться не того, что когда-нибудь жизнь прекратится, а того, что никогда не начнется жизнь, согласная с природой, то станешь человеком, достойным произведшего тебя мира, перестанешь быть пришельцем в своем отечестве, не будешь дивиться каждодневно происходящему, как чему-то нежданному, и находиться в зависимости то от того, то от другого (1).

Бог зрит руководящее начало каждого из нас в обнажении от материальной оболочки, коры, наростов. Ибо Бог соприкасается лишь с тем, что простекло и изошло от него в руководящее начало, и притом лишь своим разумом. Если бы ты приучил себя поступать так же, то избавил бы себя от многих хлопот. Разве не богат досугом тот, кто не обращает внимания на облегающую плоть, а тем паче уже не смотрит на платье, жилище, славу и им подобные покровы и прикрасы? (2)

Ты состоишь из трех частей: тела, жизненной силы и духа. Из них первые две твои постольку, поскольку тебе приходится заботиться о них, и только третья действительно принадлежит тебе. Если ты отстранишь от себя, то есть от своего духа, все то, что делают и говорят другие, или что делал и говорил ты сам, все, что тревожит тебя, как имеющее быть, что не зависит от твоего выбора, относясь к облегающему тебя телу или прирожденной ему жизненной силе, все, что вне тебя увлекает за собой кругом обтекающий вихрь, и таким образом твой дух, изъятый из среды, с которой сопрягла его судьба, будет чист и свободен устроить жизнь по-своему, творя справедливое, приемля происходящее и говоря истину; если, говорю я, ты отдалишь от руководящего начала приставшее к нему от напора страстей и относящееся к прошедшему или будущему, будешь походить на Эмпедоклов.

Шар всюду равный себе, одиночеством радостным гордый¹, будешь думать только о той жизни, которой ты живешь, т. е. о настоящем, то сможешь остаток своей жизни провести безмятежно, благородно и в дружеском общении со своим гением (3).

Я часто дивился тому, что каждый, любя себя больше других, в то же время своему убеждению о себе придает меньшее значение, нежели убеждению других. Если бы поэтому представший бог или преисполненный мудрости учитель повелел кому-нибудь не думать и не размышлять про себя ни о чем, о чем он не объявил бы тут же во всеуслышание, то никто не выдержал бы и одного дня. Таким образом, мы более стесняемся своих ближних,— что-то они подумают о нас,— нежели самих себя (4).

Как это так случилось, что боги, устроившие все так прекрасно и с такой любовью к людям, просмотрели только ту несообразность, что люди вполне достойные, как бы заключившие союз с божественным началом и, благодаря своим благочестивым деяниям и святости жизни, крепко сдружившиеся с ним, после своей смерти не возрождаются к новой жизни, а угасают навсегда? Если даже это и так, то все же будь уверен, что если бы должен был иметь место другой порядок, то они бы его и установили. Ведь если бы он был справедлив, то был бы и возможен, и если бы он был согласен с природой, то природа и произвела бы его. Из того же, что он не имеет места (если только его действительно нет), ты можешь с уверенностью заключить, что

он и не должен был осуществиться. Ведь ты и сам замечаешь, что, подымая такие вопросы, ты обращаешься к справедливости богов; но ты не мог бы обращаться к ним таким образом, если бы они не были наилучшими и в высшей степени справедливыми. Но в таком случае они не могли, вразрез с разумом и справедливостью, отнестись с небрежением к какому-либо недосмотру в миропорядке (5).

Приучай себя и к тому, что тебе кажется невыполнимым. Ведь левая рука, вообще говоря, более слабая, нежели правая, повода держит сильнее, ибо к этому она приучена (6).

Подумай о том, в каком состоянии будут твои тело и душа, когда тебя настигнет смерть, о краткости жизни, о зияющей бездне вечности за тобой и пред тобой, о бессилии всего материального (7).

Рассматривай причинные начала вещей в обнажении от всяких наростов, в поступках же — их цели. Подумай о том, что такое страдание, что — наслаждение, что — смерть, что — слава, о том, что всякий является сам причиной своих треволнений, что один человек не может воспрепятствовать другому, что все основано на убеждении (8).

Пользуясь основоположениями, ты должен уподобляться кулачному бойцу, а не гладиатору. Ведь стоит только последнему лишиться меча, которым он сражается, и конец ему, тогда как у первого руки всегда при себе, и ему нужно только сжать их в кулак (9).

Следует разобраться в свойствах самих вещей, различая в них материю, причинное начало и цель (10).

Как велика власть человека: он может не делать ничего, кроме того, что должно заслужить похвалу бога, и приветствовать все, что бог ниспошлет ему. Ведь все это согласно с природой (11).

Не следует делать упреков ни богам, ибо они ни в чем не заблуждаются ни добровольно, ни против воли, ни людям, ибо они заблуждаются против воли. Следовательно, никому не нужно делать упреков (12).

Как смешон и невежествен тот, кто дивится чему-либо из происходящего в жизни! (13)

Или роковая необходимость и непреложный порядок, или благодный промысел, или же беспорядочная, никому не подвластная сумятица. Если непреложная необходимость, то чего же ты упираешься? Если промысел, доступный мольбам, то сделай

себя достойным божественной помощи. Если же никем не руководимая сумятица, то будь доволен уже тем, что среди этого вихря ты сам обладаешь в себе некоторым руководящим началом духа. И если даже вихрь увлечет тебя — то пусть он увлекает тело, жизненную силу и прочее, ибо разума он не увлечет (14).

Свет лампы ярок и не теряет своего блеска, пока не будет погашен. А истина, справедливость и благоразумие в тебе должны угаснуть до твоей смерти? (15)

Если кто-нибудь вызывает в тебе представление о заблуждении, в которое он впал, то скажи себе: «Откуда я знаю, что это заблуждение? Или если это и есть заблуждение, то не наказал ли он уже сам себя, уподобившись тому, кто вырвал себе глаза?»

Не желающий, чтобы дурные люди заблуждались, подобен тому, кто не желает, чтобы плоды смоковницы получали сок из нее, чтобы малые дети плакали, конь ржал, чтобы совершалось вообще все необходимое. Что делать человеку такого склада? Если у тебя хватит смелости, то попытайся исцелить его (16).

Если это не приличествует, не делай этого, если ложь, не говори. Твое стремление должно всегда быть направлено на то, чтобы усмотреть, каково само по себе то, что возбуждает представление в тебе, и исследовать его, различая в нем начало причинное и начало материальное, цель и время, пределами которого оно ограничено (17).

Пойми же, наконец, что в себе самом ты имеешь нечто более совершенное и божественное, нежели то, что вызывает страсть, или вообще, что влечет к себе. Что теперь заполняет мою душу? Не страх ли, или подозрение, или вожделение, или что-нибудь другое в этом роде? (18)

Во-первых, не следует поступать зря и без цели. Во-вторых, следует сообразоваться только с одной целью, общим благом, и ни с чем другим (19).

Еще немного времени, и ты исчезнешь, равно как и все то, что ты видишь, и все те, кто живет сейчас. Ибо все подлежит изменению, превращению и исчезновению — дабы, вслед за ним, возникло другое (20).

Все основано на убеждении; оно же зависит от тебя. Устрани поэтому, когда пожелаешь, убеждение, и, как моряк, обогнувший скалы, обретешь спокойствие, гладь и тихую пристань (21).

Любая отдельная деятельность, прекратившаяся в урочное время, не терпит зла от самого прекращения, да и тот, кто был

занят ею, не терпит зла от ее прекращения. Точно так же и совокупность деятельностей — именуемая жизнью,— если прекратится в урочное время, не потерпит зла от самого прекращения, да и тот, кто вовремя положит конец этому ряду, не испытывает зла. Время же и срок указывает природа, иногда природа каждого в отдельности, как в старости, во всех же случаях без исключения природа Целого, изменение частей которой поддерживает весь мир в вечной юности и расцвете. Все же полезное Целому всегда прекрасно и благовременно. Итак, прекращение жизни ни для кого не есть зло, не будучи постыдным, если оно не зависит от нашего выбора и не идет вразрез с требованиями общественности; но оно есть благо, если оно благовременно для Целого, полезно ему и в своем движении с ним согласуется. Поэтому и сподвижник божий тот, кого бог движет по своим путям, а его собственное разумение — к божеским целям ² (22).

Всегда следует иметь под рукой следующие три положения. Относительно своих действий помни, что ты не должен поступать ни зря, ни иначе, нежели поступила бы сама справедливость, относительно же совершающегося вне тебя,— что оно обязано своим существованием или случаю, или промыслу. Но не следует ни жаловаться на случай, ни роптать на промысел. Во-вторых, наблюдай за ростом каждого существа от зародыша — до одушевления, и от одушевления — до расставания с душой, и отдай себе отчет, из чего оно слагается и во что разлагается. В-третьих, знай, что если бы ты, внезапно поднявшись вверх над землей, бросил бы взгляд на человеческие дела и на многоизменчивый ход их, то преисполнился бы презрения к ним, имея в то же время возможность созерцать столько существ, обитающих окрест, в воздухе и эфире, и что, сколько бы раз ты ни подымался таким образом, ты всегда увидишь одно и то же, единообразное и кратковечное. И этим-то мы гордимся! (23)

Отбрось убеждение — и ты спасен. Но кто может помешать тебе его отбросить? (24)

Если ты негодуешь по поводу чего-либо, то ты забыл о том, что все совершается согласно с природой Целого, о том, что заблуждение другого не касается тебя, о том также, что все совершалось всегда таким образом, будет совершаться и ныне совершается повсюду, и о том, в каком родстве отдельный человек со всем родом человеческим, не по крови и общему происхождению, а по духу. Ты забыл также о том, что дух каждого есть бог и от него исходит, о том, что ничто не принадлежит никому неотъемлемо, но и его ребенок, и его тело, и самая душа его достались ему из того же источника, о том, что все основано на убеждении и что каждый живет исключительно настоящим и лишь его может лишиться (25).

Постоянно вспоминай о тех, которые предавались чрезмерному негодованию по какому-нибудь поводу, или превзошли всех в славе, удаче, вражде, или были осыпаны какими-либо дарами судьбы. Затем задай себе вопрос: «Где все это теперь?» Дым, прах и миф или даже не миф. Подумай также и о всем том, чему примерами могут служить Фабий Катуллин в своем поместье, Люсий Луп в своих садах, Стертиний в Баях, Тиверий на Капри, Велий Руф, и вообще о пристрастии к чему-либо, связанном с самоумнением, о ничтожности всех предметов стремлений и о том, насколько более достойно философа проявлять на предоставленном ему материале справедливость, благоразумие и непритязательное послушание богам. Тщеславие же отсутствием тщеславия есть самый нестерпимый вид тщеславия вообще (26).

Вопрошающим: «Где ты видел богов или откуда узнал об их существовании, что так ревностно считаешь их?», отвечай: «Во-первых, боги доступны и зрению. Далее, души своей я тоже никогда не видал, и, однако же, чту ее. Точно так же и относительно богов: испытывая беспрестанно проявления их силы, я узнал из этого о их существовании и преклоняюсь перед ними» (27).

Спасение жизни в том, чтобы относительно каждой вещи исследовать, какова она сама по себе в целом, что в ней от начала материального, что от причинного, всей душой отдаваться осуществлению справедливого и говорить истину. Что же остается затем, как не наслаждаться жизнью, связывая одно доброе дело с другим так, чтобы не оставалось даже кратчайшего промежутка? (28)

Солнечный свет един, хотя и дробится стенами, горами и бесчисленным множеством других предметов. Едина общая сущность, хотя она и раздроблена между бесчисленным множеством отдельных и своеобразных тел. Едина душа, хотя она и раздроблена между множеством существ и особых образований. Едина разумная душа, хотя и кажется разделенной. Другие же сопринадлежащие части, как-то жизненные силы и материальные начала, бесчувственны и чужды друг другу; однако и их сдерживают в единстве разумное начало и их собственная косность. Разуму же свойственно особое тяготение к тому, что ему родственно, он сближается с ним, и это стремление к общению не может быть отделено от него (29).

Чего ты добиваешься? Долгой жизни? Иначе говоря, ты желаешь получать ощущения, стремиться, развиваться и идти вспять, пользоваться речью, размышлять? Но что из всего этого кажется тебе достойным желания? Если же все презренно, то перейди к последнему: повиновению разуму и богу. Но с почитанием их

несовместима досада по поводу того, что смерть лишит нас когда-нибудь всего указанного выше (30).

Какая частица безмерного и беспредельного времени уделена каждому из нас? Еще немного — и она исчезнет в вечности. А какая частица всей сущности? Какая — мировой души? На каком клочке земли мы пресмыкаемся? Раздумав над всем этим, не считай важным ничего, кроме одного: действовать так, как предписывает твоя природа, и мириться со всем, что создаст общая природа (31).

Как пользуется собой руководящее начало? Ведь в этом — все. Остальное же — зависит оно от твоего выбора или не зависит — тлен и дым (32).

Ничто так не склоняет к презрению смерти, как мысль о том, что и те, которые наслаждение считали благом, а страдание злом, также презирали смерть (33).

Человеку, для которого добро только то, что благовременно, для которого все равно, совершить ли большее число действий, согласных с правым разумом, или меньше, и которому безразлично, созерцать ли мир более долгое или более краткое время, — такому человеку и смерть не страшна (34).

«Человек, ты был гражданином этого великого Града. Не все ли тебе равно, пять лет или три года? Ведь повиновение законам равно для всех. Что же ужасного в том, если из Града отсылает тебя не тиран и не судья неправедный, а та самая природа, которая тебя в нем поселила? Так претор отпускает со сцены принятого им актера». — «Но ведь я же провел не пять действий, а только три». — «Вполне правильно. Но в жизни три действия — это вся пьеса. Ибо конец возмещается тем, кто был некогда виновником возникновения жизни, а теперь является виновником ее прекращения. Ты же ни при чем, как в том, так и в другом. Уйди же из жизни, сохраняя благожелательность, как благожелателен и тот, кто отпускает тебя» (35).

А. Ф. Лосев

ПОЗДНИЕ СТОИКИ

Предыдущие разделы эллинистической эстетики, существовавшей под знаком борьбы за последний универсализм, уже вполне определенно показали нам как передовую, так и весьма недостаточную позицию эстетики данного времени. Принцип субъективизма, с огромной силой выдвинутый в начале раннего эллинизма и давший замечательные плоды стоической, эпикурейской и скептической эстетики, уже во II в. до н. э. начинает трещать по швам. Да и мог ли какой бы то ни было субъективизм в течение более или менее долгого времени прельщать античные умы? Уже в самом начале мы находим в раннеэллинистической эстетике весьма яркие и даже художественные картины космической жизни, которые, правда, характеризовались теперь, в период субъективизма, при помощи проецирования внутренних переживаний человека на весь космос, но которые тем не менее не переставали быть грандиозными и возвышенными. Но и этот космологизм, как мы видели, оказался недостаточным во II—I вв. до н. э. Посидоний вполне сознательно порвал со старым и суровым стоицизмом и стал наполнять его более мягкими элементами, заимствованными из арсенала классического платонизма. Получилась стоически-платоническая эстетика, следы которой мы могли замечать во всех тех попытках сближения разных философских направлений ради достижения всеобщего универсализма, который мы находили в дальнейшем. Такое же положение дела, то есть борьбу с ригоризмом прежних стоиков и перевод прежних стоических концепций на язык платонизма, аристотелизма и пифагореизма, мы находим и в эту последнюю перед неоплатонизмом эпоху, о которой нам придется сказать несколько слов.

§ 1. СТОИЦИЗМ I в. н. э.

1. Общая характеристика

Поздних стоиков отличают как от ранних стоиков III—II вв. до н. э. Зенона, Хрисиппа и Клеанфа (ими мы занимались выше, ИАЭ¹ V, с. 83—178), так и от средних стоиков II—I вв. до н. э. во главе с Панетцем и Посидонием, которые были создателями так называемого стоического платонизма (ими мы тоже занимались выше, ИАЭ V, с. 661—724). Поздние стоики, если миновать менее известные имена,— это Люций

¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979.—*Сост.*

Анной Сенека из Кордубы в Испании (ок. 4 г. до н. э.— 65 г. н. э.), Эпиктет из Гиераполя во Фригии (ок. 55—135 гг. н. э.) и Марк Аврелий (121—180 гг. н. э.), римский император с 161 по 180 г. н. э. Эта группа поздних стоиков продолжает нести на себе особенности древнего стоицизма и в то же время обладает большой, если не историко-философской, то, во всяком случае, историко-культурной новизной.

а) Морализм здесь остается на первом плане. Настоящее подлинное произведение искусства — это сам человек в его внутреннем состоянии. Старая стоическая теория мудреца если в чем-нибудь и смягчается, то, во всяком случае, остается у поздних стоиков на первом плане. Человек является не только произведением природы, но и произведением божества, которое трактуется и как создатель человека, и как промысл всех его деяний, и как их фаталистическая предопределенность. Только божество это мало чем отличается от космоса вообще, а космос трактуется как универсальное государство. Тот, кто понял свое подлинное положение в мире, тот обязательно чувствует себя гражданином неба; он — космополит. Во всех этих отношениях провести какую-нибудь заметную разницу между поздними стоиками, с одной стороны, и средними и ранними стоиками, с другой стороны, очень трудно. Все стоики любых античных эпох презирали внешние блага, не стремились к богатству и даже к обыкновенному достатку, вместе с киниками имели своим идеалом Геракла, который прославился своей трудовой жизнью, подвигами и повиновением своему отцу Зевсу, а также Диогена Синопского, который, живя в своей бочке, тоже прославился своим презрением ко всему внешнему и своим постоянным стремлением выработать у себя абсолютную невозмутимость и безмятежный покой.

б) Вместе с тем поздние стоики внесли как в свой стоицизм, так и вообще в историю античной культуры некоторого рода новшество, которое едва ли где-нибудь раньше осуществлялось в такой последовательной и ясно выраженной форме. Это новшество заключалось в том, что человеческая личность теряла здесь не только то гордое величие, с которым она выступала в период классики, когда вечность, красота и постоянство движений небесного свода были идеалом также и для внутренней жизни человеческой личности; но она теряла и ту если не гордую, то, во всяком случае, огромную силу внутренней морали, когда внутренняя жизнь человека объявлялась наивысшим и максимально достойным произведением искусства. Поздние стоики первых двух веков нашей эры удивляют чувством чрезвычайной *слабости* человеческой личности, ее полного *ничтожества*, ее безвыходности, ее невероятной покорности судьбе. Древние стоики в случаях запутанности жизненной ситуации еще рекомендовали самоубийство для прекращения борьбы с бесконечными пустяками человеческой жизни и ради презрения к ним. Самоубийство как моральный выход для гордого мудреца до некоторой степени допускали еще и Сенека, и знаменитый историк Тацит. Однако совсем другую моральную картину мы находим, когда читаем о предписаниях человеческого поведения вообще у поздних стоиков. Это — с одной стороны.

С другой стороны, у поздних стоиков мы замечаем невероятно большую повышенность интереса к *интимным религиозным переживаниям*.

Дело доходит до того, что эти наивные мудрецы начинают жаждать какого-то искупления свыше, какого-то спасения от мучительных противоречий жизни, которое даст им божество ввиду их слезных молений. Все кругом только зло, все кругом только буря мучительных и неодолимых противоречий, все кругом — ничтожно, несчастно, бессильно. Человеку остается только быть покорным судьбе и молиться о даровании какого-то чудотворного спасения, об искуплении несчастного человеческого существа. Космос со своим Логосом, конечно, остается на месте. Объективная красота мироздания, конечно, остается так же, как она была у древних стоиков. Но все дело заключается теперь в том, что на эту космическую красоту стало некогда даже и взирать. Какая уж там красота космоса, когда человеку буквально некуда деться ни внутри себя, ни вне себя! И какие там еще могут быть искусства, когда человеческая личность запуталась сама в себе и ей теперь уже не до красоты и не до искусства! Вся красота и все искусство, вообще говоря, структурно остаются теми же самыми, какими они были в древнем стоицизме, но, конечно, вся эта эстетическая и художественная область у поздних стоиков неимоверным образом морализуется. Конечно, хорошо быть скульптором. Но зачем же тебе учиться скульптуре, когда сам ты безобразен и ничтожен, когда сам ты так далек от красоты статуй. Нет, уж лучше вырабатывать свою внутреннюю статую, лучше вырабатывать красоту своей внутренней и внешней жизни, чем заниматься скульптурой и прочими искусствами, которые сами по себе не имеют ровно никакого значения. Науки, искусства и ремесла могут быть полезными в практической жизни человека, и в этом смысле поздние стоики никогда их не отрицали, и, в частности, не отрицали они и пользы искусства. Однако запомним раз навсегда: дело вовсе не в красивых статуях, а в красивой человеческой личности; и дело вовсе не в прекрасной постройке, осуществленной искусным архитектором, а в том, что сам-то ты должен быть прекрасным домом добродетели, сам ты должен уметь построить свою моральную жизнь в виде красивейшего и искуснейше продуманного архитектурного строения.

Поскольку вовсе не история этики является здесь нашим предметом, но история эстетики, подробное изложение позднестоической морали никак не может входить в нашу задачу. Но анализ древнего стоицизма уже показал нам с полной очевидностью, что стоицизм никогда не был просто учением о морали и что, проповедуя наивысшее произведение искусства в виде морального совершенства человека, он волей-неволей вторгнулся в область эстетики, и не только вторгнулся. Она-то и оказывалась высшим достижением морального совершенства. В структурном и методологическом отношении эта концепция древних стоиков осталась и у поздних стоиков. Но только что указанные нами особенности позднего стоицизма, несомненно, деформировали этико-эстетическую позицию древнего стоицизма, лишивши ее силы, энергии, гордости и величавости самосознания. Внутренний человек у поздних стоиков, конечно, тоже оставался наивысшим произведением искусства. Однако произведение это создавалось среди ничтожных мелочей жизни, создавалось в слезах, в сознании бессилия перед общим грехопадением и с жалобной надеждой на божью помощь. Все это было свидетельством того,

что античная эстетика в своих поисках последнего универсализма уже проходила все эти внутренние состояния субъекта вплоть до их полного ничтожества ¹.

в) Иначе и не могла быть исчерпана та позиция субъективизма, которую мы постулировали выше как основание всей эллинистически-римской эстетики. И только после исчерпания всех возможностей субъективного понимания красоты становилась ясной вся недостаточность этой позиции субъективизма, с которой началась эллинистическая эстетика. И только после исчерпания всех возможностей позиции изолированного субъективизма стала ясной необходимость покинуть эту позицию и перейти к такой эстетике, которая уже больше не будет зависеть от ограниченности человеческой субъективности и которая создаст такую концепцию, когда человеческая субъективность, как, впрочем, и надчеловеческая объективность, станет только частным, хотя и необходимым, принципом.

Очень велико историко-культурное и историко-эстетическое значение позднего стоицизма, невзирая на то, что он был только продолжением древнего стоицизма, и несмотря на ту малую роль, какую играла в нем эстетика. Между прочим, это и делало поздних стоиков прямыми предшественниками будущего неоплатонизма.

з) Необходимо заметить, да из предыдущего это должно быть ясным и само по себе, что одной из самых ярких особенностей позднего стоицизма является *полное пренебрежение проблемами логики*. Читатель хорошо помнит, какое огромное место занимала логика в системе раннего стоицизма. Это место настолько велико и настолько глубоко определяется им вся стоическая система, в том числе и эстетика, что значительную часть нашего специального изложения стоической эстетики мы посвятили проблемам чисто логическим (ИАЭ V, с. 86—138). Нечего и говорить о том, что у поздних стоиков логика вообще перестала быть одной из трех философских дисциплин (логика, физика, этика). Поздние стоики могли бы и без логики как специальной дисциплины все-таки сохранять какой-нибудь интерес к проблемам логики. Но никакого интереса к проблемам логики ни в виде специальной дисциплины, ни в виде отдельных логических проблем мы у поздних стоиков не находим. Само слово «логос» древние стоики, развивая и углубляя общегреческое понимание этого термина, положили в основу всей своей и логики, и физики, и этики. Оно действительно для них — и логическое построение, и языковая структура. Стоики начального периода стоицизма тончайшим образом разработали такие категории, как лектон ² или как телесное и бестелесное, систематически разработали теорию

¹ О том, что это было еще далеко не христианство, хорошо пишет Е. М. Штаерман в статье «Эпиктет и его место в римском стоицизме» (Вестник древней истории. 1975. № 2. С. 208—209).

² Лектон — одно из важнейших понятий философии стоиков. Буквально оно означает «высказываемое». Согласно Э. Целлеру, этим термином стоики обозначали содержание мышления как такового, мысль в объективном смысле, в ее отличии от вещей, с которыми мысль соотносится, от слов, при помощи которых она выражается, и от деятельности души, посредством которой мысль производится. Подробнее см.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. С. 93—138.— *Сост.*

логического суждения и грамматического предложения, дали целую систему как логических категорий, так и грамматических частей речи. Они глубоко и весьма ловко оперировали такими моментами и всякого языкового, и всякого логического построения, как иррелевантная значимость. А перенеся свою теорию логоса на объективный мир, они рисовали замечательную по своей торжественности и мрачному величию картину мироздания в виде огненного Слова, которое было для них одновременно и провидением, и безликой судьбой.

Все эти элементы старого стоицизма почти целиком отсутствуют у поздних стоиков. К логике у них, как сказано, нет совершенно никакого интереса. Правда, некоторые результаты раннестойческого учения о логосе, вроде учения о добродетели, о мудреце, о внутреннем человеке как о наивысшем произведении искусства, о мировом Логосе с его совмещением провиденциализма и фатализма,— все это у поздних стоиков осталось нетронутым. Однако все эти проблемы решались у них совершенно в другом стиле. А стиль этот, как мы сказали, определялся чувством полного ничтожества человеческого субъекта, его неспособностью стать на собственные ноги и его зависимостью от божественных милостей, доходящей до какой-то почти христианской потребности в искуплении. Христианства здесь не было. Но формально и структурно, не по своему содержанию и не по сущности своего морализма, а скорее чисто методологически поздние стоики, несомненно, уже приближались к христианству, хотя сами они и были его противниками, даже ненавистниками. В качестве императора Марк Аврелий даже известен своим специально учрежденным гонением против христиан, в результате которого появлялись все новые и новые мученики, не желавшие признавать императора богом. Поэтому о внутреннем родстве поздних стоиков с христианством не может быть и речи. Тем не менее, повторяем, такой своей оценкой человеческой личности как греховной, падшей и ничтожной и такой жадной вырваться из оков злого мира, которая была почти воплем об искуплении,— такого рода проблемами поздние стоики, несомненно, близко подходили к христианству и к неоплатонизму, наглядным образом свидетельствуя уже об исчерпании той позиции субъективизма, на которой стояла вся эллинистически-римская эстетика и этика.

2. Люций Анней Сенека

Этот Сенека, которого еще называют Сенекой Младшим в отличие от его отца, Сенеки Старшего (который был известен как ритор и теоретик ораторского искусства), написал много произведений, дошедших до нас, а также десять драм, из которых девять — трагедии и одна — так называемая претекста, то есть историческая драма. Мироззрение и стиль, а также и эстетика Сенеки до сих пор еще не изучены настолько, чтобы можно было ограничиться ссылками на какие-нибудь капитальные исследования из этой области и тем самым считать свою задачу решенной. И проза Сенеки, и его драмы содержат в себе чрезвычайно оригинальное эстетическое мироощущение, формулировать которое в настоящее время не очень-то просто. Наша задача упрощается тем, что

мы рассматриваем Сенеку в плоскости позднего римского стоицизма, а этот стоицизм был не чем иным, как стоическим платонизмом, предначинателями которого были еще Панеций и Посидоний, изложенные у нас в ИАЭ V, с. 661—724. Уже стоический платонизм, как мы показали это в своем месте, был попыткой расширить первоначальную позицию субъективизма, которую занимали раньше стоики. Очень рано после основания стоицизма, через каких-нибудь 150—200 лет, зародилась живейшая потребность ввести кроме субъективизма еще и объективистский принцип, который вначале мыслился по моделям классического платонизма. С точки зрения сурового и неприступного стоицизма платонизм звучал, конечно, гораздо мягче, гораздо человечнее и гораздо больше давал простора для человеческих построений и для ориентировки среди окружающего хаоса жизни. Черты этого стоического платонизма заметны и у Сенеки, и у Эпиктета, и у Марка Аврелия. И нужно сказать, что в этом многовековом направлении античной мысли платонизм начинал играть все большую и большую роль, оттесняя на задний план и слишком непоколебимую стоическую атараксию, и слишком телесный внешний мир, в котором тоже постепенно начинали находить все больше и больше человеческие черты. В этой борьбе за последний универсализм стоически-платоническая эстетика сыграла огромную роль. Но и ей не удалось достигнуть тех последних формул универсализма, на которые была способна античность, но которых даже эпоха поздних стоиков все еще не могла дать в окончательном виде.

а) Сенека-стоик. Но в его время уже невозможно было рассуждать только стоически. Мы знаем, что тут было огромное влияние Посидония. И относительно Сенеки мы могли бы это утверждать даже и в том случае, если бы он не ссылался на Посидония. Сенека, стало быть, стоический платоник. Однако его стоический платонизм совсем не похож на стоически-платоническую тенденцию, например, Цицерона. У последнего мы заметили (ИАЭ V, с. 729—739) только внесение тенденции отвлеченного идеализма в общестоическую философию. Цицерон хотел как-то осмыслить субъективизм художественного сознания и принужден был внести сюда осмысливающе-идеальные моменты. Этим же занят и Сенека, причем его мысль идет дальше, чем у Цицерона. Однако не это является центральной идеей Сенеки. Сенека еще и совсем с другой стороны примыкает к традиции стоического платонизма и совсем иначе продвигает его вперед.

Обратимся на минуту назад. Эллинизм — это, вообще говоря, философская *секуляризация*, во всяком случае, в своем раннем периоде. Не только эпикурейство, которое всегда было столпом вольнодумства, но и стоицизм, именно стоицизм был с самого начала очень напористой секуляризацией мысли, если сравнивать его с учением Платона или Аристотеля. Секуляризация растет вплоть до середины II в., до Панеция, в котором необходимо видеть ее высшую точку. С этого времени — поворот. Ведь всякий либерализм является либерализмом только до поры до времени. Кончается либерализм и секуляризация — и начинается сакрализация, воздвигание новых абсолютов. Так было и в Греции во II в. С Панецием прекратилась античная философская секуляризация, и с Посидония началась сакрализация.

Но и тут все совершалось не сразу. Сначала мы тоже имеем как бы только еще *опыт, ощущение* сакрализации. Сначала мысль еще бессильна тут же и обосновать сакрализованное бытие и сакрализованного человека и дает только полумифологическое-полуобывательское построение. По-видимому, Посидоний, учивший о магии, астрологии, ведовстве и прочем, является в значительной мере той стадией философского сознания, когда крайний субъективизм только еще начинает видеть в своем изолированном существовании некую мистическую необходимость. Цицерон, говорили мы, пошел за этой философией далеко не в полном ее объеме. В интересующей нас эстетической области он ограничился только введением *логической* тенденции платонической философии. И вот — совсем другое у Сенеки.

б) Сенека — это гораздо более зрелая ступень философского сознания, чем Посидоний, хотя и он многое скорее только еще смутно предчувствует, чем сознательно формулирует. *Он отличается от Посидония склонностью к внутреннему переживанию того, что Посидоний внешне вводил как магию, астрологию и пр.* Сенека понимает эти вещи *духовно, внутренне, жизненно-лично*. Сенека не так мифологичен, как Посидоний. Можно сказать, он совсем не мифологичен, но мы только остереглись бы его рассуждения о душе и о теле признать чистым морализмом. Давая различные советы, переходящие в целые рассуждения о «страхе смерти», о «недоверии к счастью», о «презрении к богатству», о «покорности судьбе» и т. п., Сенека требует гораздо больше, чем просто приличного поведения и достойной смерти. В его опыте уже чувствуется наличие или предощущение «умных» созерцаний, восхождения к «чистому уму», которое почти ничего общего не имеет с выправкой приличного житейского поведения.

Так вот эти-то мистические предощущения мы и находим в эстетике Сенеки, хотя у него и очень много морализма. Но сознательное проведение мистицизма как философской проблематики уже выходит за пределы стоического платонизма, и в его пределах мы натываемся только на смутные намеки неоплатонического мистицизма.

Теперь обратимся к текстам.

в) Прежде всего коснемся *отвлеченно-логической* стороны художественного образа и посмотрим, пошел ли Сенека в этом отношении дальше Цицерона или нет.

Рассмотрим 65-е письмо к Люцилию. Тут Сенека излагает *учение «о причинах»* применительно к художественной области. Хотя в дальнейшем он и считает учение о множественности причин недостаточным, все же можно с полной уверенностью утверждать, что эти пять причин и для него являются основными. Сенека пишет (Epist. ad. Luc. 65, 2—10; Hense, Краснов): «Как тебе известно, по учению стоиков, в созидании вещей участвуют два элемента: материя и причина. Материя инертна, способна принимать любую форму и мертва, пока ничто не приводит ее в движение. Причина же, или разум, придает материи форму, дает ей, по своему усмотрению, то или другое назначение и производит из нее различные вещи. Итак, должно быть нечто, из чего состоит предмет, и затем то, что создало его. Первое есть материя, второе — причина».

«Искусство подражает природе. Поэтому то, что я сказал о всем мире, можно приложить и к произведениям человека. Так, статуя предполагает и материю, из которой она сделана, и художника, который придал материи известную форму. Бронза, из которой отлита статуя, есть материя, а скульптор — причина. То же самое можно сказать о всех других вещах: в них два элемента: то, из чего сделана вещь, и то, что ее произвело».

«Таким образом, по учению стоиков, причина — одна, а именно то, что производит. Аристотель же предполагает, что причина является в трех видах. Он говорит: «Первая причина — это сама материя, потому что без нее ничего не могло бы быть; вторая причина — творец; третья — форма, которая придается всякой вещи, как статуе». Эту последнюю причину Аристотель называет *eidos*. «Наконец, четвертая, сверх перечисленных, есть — побуждение к созданию (*propositum totius operis*)». «Поясно это на примере. Первая причина статуи — бронза. Ибо никогда она не была бы сделана, если бы не было материала, из которого ее можно было бы отлить или изваять. Вторая причина — скульптор. Ибо не могла бы бронза сама по себе принять форму статуи, если бы не были приложены к ней опытные руки художника. Третья причина — форма. Ибо если бы не было у статуи определенной формы, она не была бы копыеносцем, или мальчиком с повязкой, или чем-либо еще другим. Четвертая причина есть побуждение к ваению; ибо если бы его не было, не была бы изваяна и сама статуя. Под этим побуждением следует разуметь то, что заставило художника приняться за работу, то, ради чего он ее исполнил. Побуждением могли быть деньги, если он ваял для продажи, или слава, если он искал известности, или благочестие, если он изготовлял ее в дар для храма. Конечно, и побуждение следует считать причиной: ведь нельзя же не назвать причиной вещи того, без чего не было бы самой вещи?»

«К этим четырем причинам Платон прибавил пятую — образец (идею), который он называет *idea*. Образец — это то, что созерцает художник, когда выполняет свой замысел. При этом, конечно, не имеет особого значения то обстоятельство, где находится созерцаемый художником образец: вне его или только в его воображении. Бог имеет в себе образцы всех вещей, и в его разуме содержится и число миров, которые он хочет создать, и образы их. Словом, бог исполнен тех бессмертных, неизменных, нетленных образов, которые Платон называет *ideai*. Так, хотя люди умирают, но идея человека, по которой образованы люди, остается бессмертна, и, хотя люди болеют и меняются, она нетленна и неизменна. Следовательно, по Платону, существует пять причин: из чего, чем, каков, ради чего и по образу чего. Всякая вещь есть результат этих причин. Так, в статуе, взятой нами для примера, то, из чего она сделана, есть бронза; то, чем она сделана, — скульптор; то, по образу чего она сделана, — образец, по которому изваял ее художник; то, ради чего она сделана, — побуждение, руководящее скульптором в его работе. Наконец, результат этих причин — сама статуя. Точно так же, по словам Платона, и весь мир образован этими причинами: богом, сотворившим его; материей, из которой мир создан, то есть внешним видом и мировым порядком; образцом, по подобию которого бог сотворил этот

великий и прекрасный мир, и побуждением, ради которого он его создал. Этим последним побуждением была благодать божия. Отсюда Платон заключает: «Какая причина тому, что бог сотворил мир? Та, что бог благ. У доброго же нет недоброжелательства. И потому он создал мир наилучшим из возможных миров».

Этот текст интересен во многих отношениях, и тут требуется многое подчеркнуть и оттенить.

Прежде всего очень важно введение в число основных причин того, что Сенека называет «побуждением» к творчеству. Этот полупсихологический, полутрансцендентальный принцип сам по себе уже достаточно характерен для эллинистически-римской эстетики, чтобы нужно было его комментировать. Мы знаем происхождение и сущность этого субъективизма, и здесь мы должны упомянутый принцип только выдвинуть, подчеркнуть.

Более интересен для нас пятый принцип. Сенека вполне четко различает «форму», которую он называет по-гречески *eidos*, и *идею*, которая он также именует платоновским термином *idea*. Казалось бы, какая же тут может быть разница? И то и другое есть чистое осмысление вещи. Зачем же тут два термина? «Идея» есть *образец*, который созерцается художником. В сущности говоря, ничего иного Сенека здесь и не утверждает. «Эйдос» есть смысл вещи, взятый сам по себе; «идея» же есть смысл вещи, взятый в аспекте его функционирования в качестве «образца», это смысл не сам по себе, но — для иного. В письме 58, 16 сл. мы находим еще такое утверждение. Если нужно с кого-нибудь нарисовать портрет, то «образцом» является самый этот человек. Его лицо, с которого ум живописца списывает портрет, есть «идея». Само же оформленные вещи есть «idos» (то есть *eidos*). Когда рисуется портрет Вергилия, то «идеей» является лицо Вергилия, образец для будущего произведения, а то, что художник извлек из него и вложил в свое произведение, это — «эйдос». Если статуя имеет некое лицо, это — эйдос. Но если сам образец имеет некое лицо, всматриваясь в которое художник оформил статую, это — «идея». Тут неясно, что же такое «идея» и «эйдос».

Но тут-то перед нами и есть весьма знаменательный шаг вперед, который, однако, не так просто формулировать. Можно рассуждать так. Существует физическая вещь, и существует (объективно существует вместе с нею же) ее смысловая форма. Но вот я *воспринимаю* эту вещь и *познаю* ее. Что же делается с ее смысловой формой? Я ее познаю иначе, чем вы, да и сам я в разное время и воспринимаю и познаю ее по-разному. Следовательно, кроме объективной смысловой формы вещи есть еще и моя субъективная смысловая форма, которой в самой-то вещи нет, но она есть в моем сознании, и она-то и создает полную конкретность восприятия. То же и у вас, и у всякого другого.

Можно ли такое рассуждение считать преодолением субъективизма? Конечно нет. Это не только не есть преодоление, это утверждение его в самой конкретной, в самой интимной реальности. Как раз то самое, что в вещах наиболее конкретно, оно-то, оказывается, и есть мое собственное порождение, а вовсе не есть смысловое состояние самих вещей.

И вот существует теория реальности не просто смысла, но *понимаемого* смысла, объективной реальности *понимаемого предмета*. Когда вещь не просто мыслится, но еще и понимается, то есть так или иначе интерпретируется, она делается *выразительной*, как бы *расписанной, фигурно разделанной*. И вот вся эта смысловая выразительность тоже оказывается реальной — в том же самом виде, в каком реально и отвлеченно-смысловое. Существует не только смысл сам по себе, то есть отвлеченно-мыслимый смысл, но и смысл *выразительный*, смысл не для себя, а для иного, смысл понимаемый, умно-фигурный. И это не просто чувственный образ вещи, для которого не нужна чистая смысловая выразительность, но именно *умный образ* вещи, выразительно-умный образ вещи, «идея» вещи, а не просто ее «эйдос». И Сенека очень отчетливо говорит: «Не имеет особого значения то обстоятельство, где находится созерцаемый художником образ, вне его или только в его воображении». «Идея» все равно реальна (не вещественно, а в смысловом отношении реальна); и, конечно, категория «места» — «здесь», «там» и прочее — к ней совершенно не применима.

В связи с этим разрешается и несколько курьезный вопрос о взаимоотношении эйдоса и идеи в 58-м письме. Дело в том, что один и тот же предмет может быть и эйдосом и идеей в зависимости от точки зрения. Вещь, данная сама по себе, содержит в себе свое смысловое оформление, которое есть эйдос; данная в аспекте понимания или интерпретации, она есть уже идея. Художественное произведение, данное в смысле нашего интерпретирующего понимания, но взятое само по себе, оформлено некоторым эйдосом; рассмотренное же как продукт художнического понимания и воспроизведения, оно есть идея.

Таким образом, Сенека, желая обосновать художественную структуру, как она появилась из интимной глубины сознания, постулирует ее смысловую реальность не только в отвлеченном виде, но и во всей ее созерцаемой конкретности. Цицерон, говоря о своей «*cogitata species*» (ИАЭ V, с. 486), «о своем мысленном образе», требовал только, чтобы в нем видели не просто психологическую текучесть, но и смысловую устойчивость, не подверженную внесмысловой текучести. Сенека же простирает эту устойчивость и на все конкретное и созерцательно-наглядное содержание художественного образа, требуя, чтобы и здесь не было сведения на простую психологическую, хотя бы и творческую, текучесть.

В данном месте, а в особенности если принять во внимание и все космологически-теологические моменты в приведенном тексте, мы видели *гораздо более зрелый продукт стоического платонизма*, чем у Цицерона и Посидония. Тут не только введена сфера чистого и объективного смысла, но *она доведена и до стадии выразительности*, до степени бытия понимаемого, то есть так или иначе нами интерпретируемого. Не нужно только смешивать это с классическим платонизмом. Там обосновывалась текучая вещественность бытия и возводилась к объективно-смысловой выразительности идеи. Здесь же она обосновывается не сама по себе, но — тем, как она зрима изолированному субъекту. Здесь, конечно, тоже выход к объективно-смысловой выразительности идеи. Но это будет выход к чрезвычайно

детализированной выразительности, включая и всю стихию субъективного сознания, тоже долженствующего найти свой коррелят в объекте, в то время как у Платона и Аристотеля их мировой Ум был только апофеозом абстрактной всеобщности.

Однако этим еще не кончается вопрос о «причинах» в применении к художественному образу. Сенека, приведя рассуждение о пяти причинах в 65-м письме, тут же считает это рассуждение недостаточным. Он пишет: «Мне кажется, что число причин, перечисленных Платоном и Аристотелем, или слишком велико, или слишком мало. Ибо если они называют причиной все, без чего не было бы явления, то они назвали их слишком мало. Можно бы в числе причин назвать еще время; ибо вне времени ничего не может быть; можно назвать место, ибо если бы не было места, то ничего не могло бы произойти; наконец, можно назвать движение: без него ничто не возникает и не гибнет; без движения нет изменений, нет искусства. Мы же, стоики, именуем только первую и самую общую причину. Она проста, как проста и материя. Мы занимаемся лишь вопросом, какова эта причина, этот творческий разум, или бог. Те же причины, которые названы выше, не суть отдельные и независимые причины, но все вытекают из одной, из той, которая творит. Ты говоришь, что форма — причина, но эту форму придает созданию ее творец: она часть причины, а не причина. Образец тоже не причина, но лишь необходимое орудие причины. Образец тоже необходим художнику, как резец или пила. Без них не может обойтись искусство. И, однако, никто не считает их элементами или причинами искусства. «Но,— возражали мне,— побуждение, ради которого художник предпринимает труд, несомненно причина». Пусть так, но оно не есть основная причина, а только приводящая. А таких приводящих причин множество; мы же говорим лишь о главной причине. Наконец, когда весь мир или законченное творение называют причиной, то тут говорят уже не с достаточной точностью: ибо большая разница между творением и его причиной».

Было бы, однако, ошибочно принимать это рассуждение Сенеки за отрицание самой нужности и полезности учения о «причинах» и думать, что для Сенеки все действительно покрывается только использованием «первой» и самой общей причины. Сенека не отрицает эти «причины». Он хочет только их обобщить и вывести из некоего универсального принципа. Однако он явно не имеет возможности дать учение об этом универсальном принципе и формулирует его в выражениях, близких к ходячим богословским и даже просто обыденным воззрениям. И здесь мы тоже видим, что стоический платонизм уже созревает для большой и универсальной проблемы дедукции всех принципов знания и бытия, хотя у него и нет еще для этих формул соответствующего логического аппарата.

2) Нечто вроде этого же мы имеем у Сенеки в связи с другой проблемой эстетики — с разделением искусства на виды. Этот текст Сенеки со ссылкой на Посидония (Epist. ad Luc. 88, 21—24) мы приводим в ИАЭ V, с. 719. Из этого рассуждения вполне отчетливо обнаруживается стоическая оценка искусства: искусство признается в последнем счете лишь как искусство нравственно высокой жизни, хотя дело тут

не столько в устранении искусства, сколько в искании его более внешне-го смысла.

Из этой основной стоической оценки искусства вытекает и прочее. То же самое 88-е письмо Сенеки является в этом отношении одним из самых замечательных документов античной эстетики. Приведем несколько говорящих самих за себя цитат (88, 1—10):

«Ты хочешь знать, что я думаю о свободных профессиях. Я нисколько не уважаю и отнюдь не считаю хорошим ничего, что делается для денег. Эти продажные профессии полезны только до тех пор, пока служат для упражнения ума, но не поглощают его целиком. Ими следует заниматься только тогда, когда ум еще не способен ни на что большое. На них следует пробовать свои силы, но не посвящать им себя вполне. Называют их свободными профессиями, очевидно, потому, что они достойны свободного человека. Однако истинно свободным может считаться только одно занятие, делающее нас свободными, а именно, возвышенное, чистое, высокое занятие философией. Все остальное ничтожно и мелко. Да и можно ли считать хорошою ту профессию, которую занимаются гнуснейшие и ничтожнейшие люди? Не учиться нам следует такому делу, а разучиваться».

«Иные ставят вопрос: могут ли свободные искусства сделать человека хорошим? Искусства даже не обещают этого и не ставят себе таких целей. Грамматики занимаются наукой о правилах речи, или, если понимают свой предмет шире,— о правилах прозы, или, наконец, в самом широком объеме своего предмета, также и стихов. Очевидно, ни один из этих трех предметов не ведет к добродетели. Конечно, ни наука о слогах и словообразовании, ни содержание исторических басен или законы стихосложения не могут устранить страха, укротить волнение и обуздать страсти. То же можно сказать о геометрии и музыке: в них нет ничего такого, что заставило бы перестать бояться и желать. А между тем тому, кто не умеет этого,— ни к чему все остальное. Итак, всегда надо обращать внимание на то, учит ли учитель добродетели или нет; и если он не учит ей, его наука не дает ничего; если он учит добродетели, он — философ».

«Хочешь ли убедиться в том, до какой степени далеки учителя свободных искусств от обучения добродетели? Обрати внимание хотя бы на то, до какой степени не схожи между собой их уроки; а между тем должно бы существовать сходство между лицами, учащими одному и тому же. Если они, например, учат, что Гомер был философ, то при помощи самых своих доказательств они отрицают это. В самом деле, то уверяют они, что он был стоик и учил, что выше всего добродетель, что следует умерщвлять страсти и не отказываться от праведной жизни даже ценой бессмертия, то выставляют они Гомера эпикурейцем, прославляющим мирное состояние общества, проводящего жизнь среди пиров и пения, то перипатетиком, учащим о различных родах блага, то академиком (скептиком), отрицающим достоверность всего. Очевидно, что ничего из этого нет в том, кому приписывается все это сразу. Ибо одно исключает другое. Но допустим даже, что Гомер был философом. Очевидно, он стал им ранее, чем писал стихи; итак, будем лучше учиться тому, что сделано мудрым Гомером».

«Мне кажется совершенно неинтересным исследовать, кто был старше, Гомер или Гесиод, отчего так скоро состарилась Гекуба, хотя она была моложе Елены, или определять возраст Патрокла и Ахилла. Неужели полезнее изучать, где блуждал Одиссей, чем заботиться о том, чтобы не заблуждаться самому? Грамматики не ленятся исследовать вопрос, где скитался Одиссей, между Италией и Сицилией или за пределами известного нам мира, ибо, казалось бы, нельзя блуждать так долго в столь тесном пространстве. А между тем нас самих ежедневно носят душевные бури, а наша немощь повергает нас во все беды, испытанные Одиссеем. Тут нет недостатка ни в чудовищах, устрашающих взор, ни во врагах. В наших блужданиях тоже есть чудовища, упивающиеся человеческою кровью и поющие коварные льстивые речи; есть и кораблекрушения, и все разнообразие бедствий. Итак, научи меня лучше, как любить родину, жену, отца, как приплыть к далекому берегу спасения, хотя бы претерпев крушение. К чему разбирать вопрос, нарушила Пенелопа супружескую верность, или сдержала свое слово, или, наконец, подозревала, что тот, кого она видела, и есть Одиссей, еще раньше, чем узнала это? Научи меня лучше, что такое целомудрие, и как велико благо, заключающееся в нем, и должно ли оно ограничиваться телом, или также следует соблюдать его и в помыслах».

«Перехожу к музыке. Ты учишь меня сочетанию высоких и низких тонов, тому, как получается гармония двух струн, издающих разные тоны. Научи меня лучше, как добиться гармонии в моей душе, как уничтожить разногласие в моих мыслях. Ты перечисляешь мне минорные тоны, научи лучше, как не жаловаться среди несчастий».

У Сенеки читаем далее (88, 18—20): «Я не нахожу оснований для причисления к разряду свободных художников живописцев, скульпторов, ваятелей и остальных служителей роскоши. Точно так же я не считаю свободной профессию кулачных бойцов и всех причастных к парфюмерному делу и грязи. В противном случае пришлось бы еще, пожалуй, назвать свободными художниками парфюмеров, поваров и остальных людей, прилагающих свои таланты к услаждению наших прихотей. В самом деле, объясни мне, есть ли хоть тень свободы в этих жалких и противных людях, тела которых жирны и упитанны, души же болезненны и вялы? Точно так же я не признаю за свободные те искусства, которым наши предки обучали молодежь: метание дротиков, упражнения с копьем, верховая езда, умение владеть оружием. Они не учили своих детей ничему из того, что полезно в мирное время. Но военные искусства не питают и не развивают добродетели. Ибо нет пользы в искусстве управлять конем и умении пользоваться уздой, когда сам отдаешься на произвол разнузданных страстей. Что пользы остаться победителем в кулачных и других боях и постоянно быть побежденным гневом?»

«Итак, свободные художества бесполезны?» Для добродетели — да; для многого же другого они полезны. Ведь и ремесла, и ручной труд доставляют весьма многое для жизненных удобств, но не имеют никакого отношения к добродетели. «Тогда почему учат детей свободным художествам?» Не потому, что эти последние способны дать добродете-

тель, но потому, что они готовят нашу душу к восприятию ее. Как первоначальное обучение не дает еще знания свободных художеств, но подготавливает к ним, так и свободные искусства не ведут к добродетели, но подготавливают к ней путь».

Свободные искусства не могут научить нас мужеству, верности, воздержанию, человеколюбию, простоте, скромности и умеренности, честности, щедрости, милости. Конечно, они как-то нужны для добродетели. Пища, например, тоже нужна для добродетели, но она сама по себе не есть добродетель. Без дерева нет корабля, но само по себе дерево еще не есть корабль. Впрочем, и науки, и сама философия подвергаются Сенекой очень строгому осуждению, если они занимаются чистым знанием и не ставят своей центральной задачей насаждение добродетели.

Повторяем: Сенека не против искусства, и он сам об этом говорит очень отчетливо. Но искусства еще не есть добродетель, а только путь к ней. Подлинного же значения искусства здесь Сенека, по-видимому, не касается.

§ 2. ЭПИКТЕТ И МАРК АВРЕЛИЙ

1. Эпиктет

Следующим после Сенеки значительным философом позднего стоицизма был Эпиктет. Эпиктет — фригийский раб, ученик известного римского стоика Музония Руфа, впоследствии отпущенный на свободу и приобретший большую популярность; сам, как кажется, ничего не писал. До нас дошли «Беседы», или диатрибы, Эпиктета в четырех книгах, записанные его учеником Флавием Аррианом.

Прежде всего у Эпиктета бросается в глаза полное бессилие и ничтожество человеческой личности. Из множества весьма выразительных текстов, свидетельствующих об этой чрезвычайно низкой оценке человеческого субъекта, его бесконечной слабости и обреченности, приведем лишь некоторые. И хотя иногда у Эпиктета вслед за этими суждениями следуют попытки противопоставить им традиционный стоический идеал отрешенного мудреца, это ему никогда не удается. Духом отчаяния и упадка пронизана вся книга Эпиктета.

«Когда вы насыщаетесь сегодня, вы сидите и плачете о завтрашнем дне, где вам взять поесть. Рабское ты существо, если получишь, то будет, если не получишь, то уйдешь: дверь открыта. Что ты сокрушаешься? Где тут еще место слезам? Какое тут основание для лести? Почему завидовать другому?» (I, 9, 19—21, Souilnē, Таронян). «Человек, если ты — кто-то, гуляя один, разговаривай с собой самим, не прячься в хоре» (III, 14, 2). «Родные, домашние, друзья, репутация, привычные места, времяпровождение — все это чужое» (III, 24, 68). «Повсюду разбойничьи шайки, тираны, бури, нужда, утрата самых близких. Где найти убежище? Как совершить свой путь, не подвергнувшись нападениям разбойников? Каких сопровождающих выждав, пройти свой путь в безопасности? Кому вверившись? Такому-то, богачу, консулу. И что мне толку? Его

самого грабят, он и сам стенает, сокрушается. А что, если мой спутник сам, обратившись против меня, окажется моим грабителем? Что мне делать? Стану другом цезаря. Раз я его друг, никто меня не обидит. Прежде всего, для того чтобы стать им, сколько должен я перетерпеть и перестрадать, сколько раз и сколькими разбойниками быть ограбленным! Затем, если я стану его другом,— он тоже смертный. А если сам он вследствие какого-нибудь обстоятельства станет враждебным ко мне? Не лучше ли, наконец, удалиться куда-нибудь в пустыню? Ну, а туда лихорадка не приходит? Что же будет со мной? Неужели невозможно найти спутника безопасного, честного, сильного, нековарного?» (IV, 1, 92—97).

Наконец, всю эту страшную картину крайнего человеческого бессилия и отчаяния завершает и как бы увенчивает следующее «утешение» Эпиктета: «В самом деле, если достаточно быть одному, чтобы быть одиноким, говори, что и Зевс во время мирового воспламенения одинок и жалуется сам себе: „Несчастный я! Нет у меня ни Геры, ни Афины, ни Аполлона, ни вообще брата или сына, или внука, или родственника“» (III, 13, 4). Всякий человек, и даже бог, даже сам Зевс, слаб, одинок и несчастен.

Отсюда Эпиктет определяет и задачи философии. По Эпиктету, «начало философии... есть осознание своего бессилия и несостоятельности в необходимых вопросах» (II, 11, 1). Эпиктет видит в философии не свободную бескорыстную деятельность гордого, спокойного и бесстрастного мудреца, как это было у древних стойков, а упование и надежду жалкого отчаявшегося человека. Отсюда его известное сравнение философии с больницей: «Школа философа, люди,— это лечебница. Выходить оттуда должны, испытав не удовольствие, а боль. Вы ведь входите туда не здоровые, а — кто с вывихнутым плечом, кто с нарывом, кто со свищом, кто с головной болью. И вот я сяду и буду произносить перед вами речь с ноематишками и эпифономатишками¹, чтобы вы выходили, расхваливая меня, тот уходя с таким же плечом, с каким пришел, тот — с такой же головой, тот — с тем свищом, тот — с тем же нарывом? И вот ради того молодым людям уезжать из дому, оставлять своих родителей, друзей, родных и брeнное имущество, чтобы говорить тебе: „О! Когда ты произносишь речи с эпифономатишками?“» (III, 23, 30—32). Эпиктет вообще не придает большого значения теоретической философии и наукам. «Что есть задача добродетели? Спокойствие. Так кто же совершенствуется? Прочитавший много сочинений Хрисиппа? Да разве добродетель заключается в том, чтобы постичь Хрисиппа? Ведь если она заключается в этом, то в согласии с таким признанием совершенство заключается не в чем ином, как в том, чтобы постигать множество сочинений Хрисиппа. Прекрасно, клянусь богами, совершенствуешься ты, человек! Что за совершенствование!» (I, 4, 5).

¹ Ноема и эпифеномена — риторические фигуры мысли. Ноема («мысль») — это такая фигура, когда говорящий высказывает свою мысль не прямо, но дает понять ее. Эпифеномой называется заключительное восклицание, содержащее в себе оценку изложенного факта.— *Сост.*

Конечно, для того чтобы знать и выполнять волю природы, надо правильно и основательно постигнуть ее (II, 17, 27; III, 2, 21), а для этой цели служит стоическая наука — физика и логика. Эпиктет нигде открыто не отрицает за ней этого значения, но, по существу, она ему нисколько не интересна. Единственная безусловная цель философии — это добродетель, а диалектика есть всего лишь орудие ее достижения (I, 7, 1), риторика же играет совсем уж подчиненную роль и не имеет ничего общего с сущностью философии (I, 8, 4). «Объект добродетельного человека — его собственная высшая духовная часть, а тело — объект врача и учителя гимнастики, земля — объект земледельца» (III, 3, 1).

Эпиктет нигде открыто не порывает с учениями старых стоиков, при случае он даже защищает стоическую ортодоксию (см., например, I, 5 — «Против академиков»; I, 23 — «Против Эпикура»; I, 20 — «Против эпикурейцев и академиков»; III, 22 — «О киническом образе жизни»). Но никакого внутреннего существенного значения эти стоические учения для него не имеют.

«Те, кто вобрал в себя голые теоретические правила, тотчас же хотят изрыгнуть их, как страдающие желудком — пищу. Прежде всего перевари их, затем не изрыгай вот так. Но ты покажи нам какое-то изменение в своей высшей духовной части, происшедшее в результате усвоения их, как атлеты показывают свои плечи, окрепшие в результате упражнений и еды, как овладевшие искусствами показывают результаты того, чему они научились... Вот это ты нам покажи, чтобы мы увидели, что ты научился поистине чему-то философскому. Но нет: «Придите, послушайте мои чтения толкований». Ищи, ищи, на кого тебе извергнуть их. «Да я же вам, истолкуя сочинения Хрисиппа, как никто, разберу стиль чистейшим образом, присовокуплю, пожалуй, и все обилие Антипатра и Архедема». Неужели ради этого молодые люди должны оставить свою родину и своих родителей, чтобы прийти послушать твои истолкования выражений? Разве не должны они вернуться к себе терпимыми, готовыми к содействию, не подверженными страстям, невозмутимыми, имея некое такое средство для жизни, с помощью которого смогут правильно переносить все, что случается и что будет случаться к украшению их?» (III, 21, 11—9).

Вся философия, которую проповедует Эпиктет, имеет ярко религиозный характер. Раздавленному, беспомощному, отчаявшемуся человеку остается только одна последняя надежда и последнее упование — на милость божию. Внимание Эпиктета сосредоточено на божестве, он говорит о божественном промысле и его отеческом попечении о людях (I, 3, 1), о нравственном совершенстве божества и его всеведении, об обязанностях человека по отношению к богу (II, 18, 19; II, 19, 29). «Человек, не будь неблагодарным, как и не будь непомящим о том, что лучше. За зрение и слух и, клянусь Зевсом, за самую жизнь и все содействующее ей, за сухие плоды, за вино, за оливковое масло будь благодарным богу» (II, 23, 5).

Само нравственное благо есть дар божества, а безнравственность есть безбожие. «От бога исходит польза. Но и от блага исходит польза. Следовательно, естественно, что где сущность бога, там заключается

и сущность блага. Что же есть сущность бога? Плоть? Ни в коем случае. Земля? Ни в коем случае. Слова? Ни в коем случае. Ум, знание, разум правильный» (II, 8, 1—2). «Существуют некие как бы по закону установленные наказания для тех, кто не повинуется божественному установлению» (III, 11, 1). Эпиктет, подобно старым Stoикам, защищает веру в предсказания и вообще одобряет поклонение народным богам, хотя его собственная религиозность носит, конечно, несравненно более напряженный, интенсивный и интимный характер. Вся жизнь человека, по мнению Эпиктета, должна быть хвалой божеству, неустанно пекущемуся о людях.

Человеческий дух, по Эпиккету, родствен божеству, человек — это божественное существо, «сын Зевса» (I, 3, 21), часть божества, отсюда вложено в него сознание нравственного долга, мирового гражданства, братской любви ко всем и т. д. «Ты — сколок бога, ты содержишь в себе какую-то частицу его. Так почему же не ведаешь ты об этом своем родстве?» (II, 8, 11). В каждом человеке живет демон, то есть божественное начало. «Природа наша состоит из двух составных частей — из тела, что представляет в нас общность с животными, и из разума и мысли, что представляет в нас общность с богами» (I, 3, 3). Эпиктет резко отделяет дух от тела: тело состоит из грязи, праха, оно подвластно внешней необходимости, душа же свободна и подвластна лишь богу (IV, 1, 100). «Мы как некими оковами связаны телом и его имуществом» (I, 9, 11). «Человек — это душонка, обремененная трупом», — цитирует Марк Аврелий изречение Эпиктета (Marc. Aug. IV, 4, 1). Но в этом бренном мертвом теле человек помышляет об общении с Зевсом (Epict. II, 19, 27).

Бросая общий взгляд на философию Эпиктета, мы, однако, не можем сказать, что его не интересует никакая эстетика. Наоборот, эстетическое отношение к жизни выражено у него очень сильно. Но все дело заключается в том, что Эпиктет был подавлен хаосом жизни и конкретно не знал, как ему эту эстетику применить. Чтобы читатель удостоверился в этом, пусть он прочитает главу III, 1, которая, можно сказать, целиком только и посвящена эстетике. Не без удивления мы удостоверяемся, что красоту Эпиктет понимает не иначе, как подражание природе, будучи в этом вполне согласным с древними Stoиками. Но что такое для него природа? И на этот вопрос Эпиктет старается отвечать старинным Stoическим образом. Природа берется здесь не просто как глобальный хаос жизни, но в этом хаосе всегда ищется им иное назначение. Совершенно по природе то, что соответствует своему назначению. А отсюда вытекает, во-первых, бесконечное разнообразие прекрасных предметов, поскольку каждый предмет имеет свое собственное назначение, а во-вторых, наиболее совершенным предметом является человек со своими высшими разумными способностями. «Юноша, кого хочешь ты делать прекрасным? Познай сначала, кто ты есть, и вот так украшай себя. Ты — человек, то есть смертное живое существо, способное пользоваться представлениями разумно. А что значит «разумно»? Согласно с природой и совершенным образом. Что же в тебе исключительное? Живая сущность? Нет. Смертная сущность? Нет. Сущность способности пользоваться представлениями? Нет. Исключитель-

ное в тебе — это разумная сущность. Вот ее украшай и придавай ей красоту. А кудри предоставь уложившему их, как ему самому было угодно» (III, 1, 24—26).

Очень важно не упускать из виду то обстоятельство, что высшая разумность красоты нисколько не мешает этим стойкам находить красоту в любых предметах и что этим, несомненно, ослабляется исходный моралистический ригоризм стоицизма. Эпиктет, например, в очень смелой форме высказывает такую мысль: «Скажи мне,— обратился он [т. е. Эпиктет] к тому,— не считаешь ли ты, что и среди собак некоторые прекрасные, и среди лошадей, и так — среди каждого вида остальных живых существ? Считаю,— сказал тот.— Значит, и среди людей одни — прекрасные, а другие — безобразные? Как же иначе? — Ну, а по одному и тому же ли основанию называем мы прекрасными в своем роде особей всех видов или среди каждого вида — по-особому? Тебе это будет видно вот как. Поскольку мы видим, что собака по природе создана для одной цели, лошадь — для другой, соловей — для какой-то иной, то не было бы нелепым заявить вообще, что каждая особь именно тогда прекрасна, когда она обладает самым лучшим соответствием своей природе, а поскольку природа каждого вида различна, то по-разному, мне кажется, прекрасны особи каждого из них. Не так ли? — Тот согласился.— Так именно то, что делает собаку прекрасной, не делает ли это лошадь безобразной, а именно то, что делает лошадь прекрасной, не делает ли это собаку безобразной, поскольку их природа различна?» (III, 1, 1—4).

Таким образом, эстетика Эпиктета оказывается достаточно живой и разнообразной. А поскольку понятие красоты связывается здесь с принципом совершенного осуществления цели, для чего само понятие цели должно обладать достаточно идеальным характером, то не будет ошибкой сказать, что эстетика Эпиктета в значительной мере является тем самым, что мы раньше называли стоическим платонизмом. Но, конечно, само собой разумеется, что этот стоический платонизм строится у Эпиктета иначе, чем это было раньше, и он тоже в сильнейшей степени связан с тогдашней культурно-исторической обстановкой.

Эпиктет, конечно, прежде всего *стоический платоник*, как и все поздние стоики. Однако нельзя не заметить, что стоический платонизм сильно прогрессирует в I—II вв. н. э. в направлении внутреннего беспокойства, постоянной духовной озабоченности, страха и ужаса перед хаосом жизни и небывалой напряженности внутреннего самочувствия. Эстетическая область имела для стоиков начального периода столь большое значение, что они прямо говорили об ее самодовлении и умели весьма виртуозно объединять с ней свой основной моральный ригоризм. Нельзя сказать, что у Эпиктета эстетическая область совсем отошла на задний план. Наоборот, ввиду какого-то истерического чувства своего ничтожества такой стоик фактически оказывается еще более заинтересованным в тех эстетических радостях, которые могла бы ему дать жизнь в случае ее правильного устройства. Но вот, оказывается, и вся окружающая жизнь, и сама человеческая душа слишком ничтожны, слишком снижены в своей моральной значимости, слишком далеки от настоящей красоты. Поэтому эстетика у Эпиктета не то чтобы отрицается целиком,

а является скорее предметом весьма томительного, капризного и настойчивого, весьма мучительного и нервного стремления.

Очень ошибается тот историк эстетики, который найдет у Эпиктета только отсутствие эстетики. Наоборот, она присутствует здесь гораздо более интенсивно, чем у древних стоиков, но в виде какой-то мучительной недостижимости, присутствует весьма интенсивно, хотя в то же самое время и отрицательно.

Величайшим почитателем и поклонником Эпиктета был Марк Аврелий, последний значительный римский стоик, философия которого может рассматриваться как последнее завершение античного стоицизма и одновременно его полный внутренний распад.

Марк Аврелий еще в большей мере, чем Эпиктет и все предшествующие стоики, занимается исключительно этическими проблемами и очень далек от всякой логики, физики и диалектики. Ведь задача заключается не в исследовании земных и подземных глубин, но в общении с внутренним демоном и честном служении ему (II, 13).

Философия Марка Аврелия возникла из чувства полной беспомощности, слабости, ничтожества и покинутости человека, доходящей до совершенного отчаяния и безысходности. Марк Аврелий дает прямо-таки классические выражения этому чувству: «Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бrenно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе — сновидению и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение» (II, 17 Роговин). «Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности!» (II, 12). «Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагоприятными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми» (II, 1). «Люди всегда будут делать одно и то же, как ты ни бейся» (VIII, 4). «Все мимолетно: и тот, кто помнит, и то, о чем помнят» (IV, 35). «Скоро ты забудешь обо всем, и все, в свою очередь, забудет о тебе» (VII, 22). «Человек — это душонка, обремененная трупом, как говорил Эпиктет» (IV, 41). «Все человеческое есть дым» (X, 31). Таких мест у Марка Аврелия можно найти множество. Сознание собственной слабости, беспомощности и ничтожества проявляются у императора Марка Аврелия, пожалуй, еще гораздо сильнее и острее, чем у раба Эпиктета.

Соответственно этому обостренному чувству тоски и отчаяния у Марка Аврелия в невероятной степени возрастает обращение к божеству, вера в божественное откровение, вообще значение религиозного элемента в философии. По сообщениям историков и биографов, Марк Аврелий поощрял и официальный культ, тщательно выполнял все свои жреческие обязанности и усердно участвовал в языческих богослужениях (SHA, Antonin. 13; ср. Lucian. Alexander 48). Но у Марка Аврелия дело никоим образом не ограничивается этой чисто формальной и гражданской религией. Нет, здесь мы имеем очень напряженные, очень интимные, очень нервные отношения к божеству. Из всего этого хаоса и смятения, невероятного ничтожества и беспомощности человеческой личности есть, по Марку Аврелию, лишь один выход: обращение к божеству,

внутреннее, интимное общение с ним, отрешение от всего внешнего, погружение в собственную душу (II, 6, 7; V, 19; VI, 31; VII, 28; VIII, 1). Марк Аврелий требует не просто стоической апатии и нравственного очищения, речь идет не просто, как у древних стоиков, о том, что мудрец не должен волноваться ничем внешним, но о том, что все внешнее вообще не должно существовать для души и соприкасаться с ней (X, 1). Здесь явственно уже приближение к неоплатоническому учению об экстатическом очищении и обнажении души. Собственно экстатический момент здесь, правда, отсутствует, поскольку у Марка Аврелия еще нет сверхумного погружения в божественную сущность, но само это приближение говорит о необычайном возрастании роли религиозного у поздних стоиков.

Также и во внешнем, космическом мире чрезвычайно усиливается значение божественного промысла, все совершеннейшим образом устрояющего и организующего (II, 3). Мир составляет единое живое целое, все части которого внутренне взаимосвязаны. «Все сплетено друг с другом, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь, чуждое всему остальному. Ибо все объединено общим порядком и служит к украшению одного и того же мира. Ведь из всего составляется единый мир, все проникает единый бог, едина сущность всего, един закон, един и разум во всех одухотворенных существах, едина истина, если только едино совершенство для всех существ одного и того же рода и причастных к одному и тому же разуму» (VII, 9). Мест, гласящих о природе и единстве целого, о неразрывной связи всего в божественном миропорядке, у Марка Аврелия великое множество (II, 3, 9, 16; IV, 14; V, 30; VI, 1, 9, 38; VII, 13, 18, 19 и т. д.). Приведем лишь еще одно очень яркое место. «Ведь единая гармония проникает все. И подобно тому как из всех тел слагается мир — совершенное тело, так и из всех причин слагается судьба — совершенная причина» (V, 8). Все, что представляется людям тягостным и бесцельным,— все это имеет цель в системе целого, также и зло, которое отчасти есть неизбежная оборотная сторона добра, отчасти же не касается внутренней сущности и истинного счастья человека (IV, 5, 10, 37).

В антропологии Марка Аврелия много моментов, сближающих его с платонизмом и закономерно включающих в ряд представителей стоического платонизма. Человек состоит из трех частей: грубой материи, или тела; более тонкой материи, или жизненной силы, и третьей, нетелесной сущности — разума или духа, который и есть собственное Я человека (II, 2; III, 16; XII, 3). «Бог зрит руководящее начало каждого из нас в обнажении от материальной оболочки, коры, наростов. Ибо бог соприкасается лишь с тем, что проистекло и изошло от него в руководящее начало, и притом лишь своим разумом» (XII, 2). Души спустя некоторое время после смерти возвращаются к мировой душе, или божеству, а плоть возвращается к элементам (IV, 14, 21; V, 13; XII, 5). Нечего и говорить, насколько все это далеко от древнестоического материализма и пантеизма.

Но у Марка Аврелия мы находим и множество ортодоксально стоических положений об автаркии, о независимости мудреца и т. д. В этом, между прочим, проявляется античный характер его философии,

поскольку при всей своей мягкости и терпимости к человеческой слабости Марк Аврелий весьма далек от христианства. «Не расточай остатка жизни на мысли о других» (III, 4). «Пусть не увлекает тебя ни чужое отчаяние, ни ликование» (VII, 43). Достижение внутренней гармонии, внутреннего порядка и покоя рассматривается как основная и единственная цель философии. И в освобождении от зла жизни, в приведении своей души в порядок эстетика играет далеко не последнюю роль. Искусство в полном соответствии с воззрениями старых стоиков трактуется как искусство разумной жизни, мудрец — высшее произведение искусства. «Ничего не следует делать зря и никогда не поступать иначе, как сообразно строгим правилам искусства» (IV, 2). «Люби то немудреное искусство, которое ты изучил, и в нем находи удовлетворение. Остаток жизни проживи как человек, всей душой предавшийся во всем касающемся его на волю богов и не желающий быть ни рабом, ни тираном» (IV, 31). «Разум и искусство разумной жизни суть способности, довольствующиеся собой и делами, согласными с ними» (V, 14). «Искусство жизни более напоминает искусство борьбы, нежели искусство танцев» (VII, 61).

Необходимо сказать, что, несмотря на всю упадочность в оценках человеческого субъекта у Марка Аврелия, этот человеческий субъект кое-где выступает у него все же с гораздо большей эстетической значимостью, чем у Эпиктета. Прежде всего об этом свидетельствуют уже приведенные у нас сейчас мысли Марка Аврелия о гармонии души. Как-никак, Марк Аврелий все же мыслит возможность гармонического и вполне упорядоченного внутреннего состояния человека, что у Эпиктета было только мучительным и бесплодным порывом. Конечно, оба автора настолько низкого мнения о человеческой душе, что единственный выход для них — это только милость божья. Это — факт. И тем не менее у Марка Аврелия еще хватает внутренней силы для того, чтобы проповедовать какую-то *гармонию души*, пусть хотя бы и чисто моральную, причем эта гармония, несомненно, является для него чем-то *самодовлеющим*. Достаточно привести один поразительный текст из Марка Аврелия, чтобы убедиться в том, как в эту эпоху морального развала у античных мыслителей все еще маячили черты общеантичной красоты, вполне самодовлеющей и не испытывающей нужды ни в чем постороннем для своего функционирования. Марк Аврелий пишет (IV, 20): «Все прекрасное, чем бы оно ни было, прекрасно само по себе: похвала не входит в него составной частью. Поэтому от похвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Я имею здесь в виду и то, что называется прекрасным с обычной точки зрения, как, например, материальные вещи и произведения искусства. А в какой похвале могло бы иметь нужду действительно прекрасное? Не более, чем закон, не более, чем истина, не более, чем желательность, чем порядочность. Что из всего этого прекрасно вследствие похвал или извращается благодаря порицанию? Разве смазывается от отсутствия похвалы становится хуже? А золото, слоновая кость, пурпур, мрамор, цветок, растение?»

Считать ли такого рода рассуждения платонизмом или не считать, — во всяком случае каждый должен согласиться, что здесь, в эту смутную эпоху приближающегося конца античности, у Марка Аврелия все еще

порой мелькает общеантичная влюбленность в красоту, в чистую и бескорыстную красоту, которая имеет значение сама по себе и которая ровно ни в чем не нуждается.

Такое же общеантичное эстетическое чувство превосходства природы над искусством Марк Аврелий тоже находит нужным выразить в тексте, который мы сейчас приведем и который, как это ясно, только из-за внешних причин не получил у Марка Аврелия подробного развития, но который тем не менее все же свидетельствует и о наличии подобного рода проблемы в эстетике Марка Аврелия, и о принципиальной возможности для него развивать эту область до целой системы. Именно, у Марка Аврелия читаем (XI, 10): «Ни одна природа не уступает искусству, ибо искусства только подражают той или иной природе. Если так, то природа, наиболее совершенная и объемлющая все другие, не может быть превзойдена хотя бы самым изощренным искусством. Но все искусства создают менее совершенное ради более совершенного; следовательно, так же поступает и общая природа. Здесь берет начало и справедливость, которая порождает и прочие добродетели. Ибо справедливое не будет соблюдено, если мы будем стремиться к вещам безразличным или легко даваться в обман, или же будем судить опрометчиво и легкомысленно».

Если вникнуть в это рассуждение Марка Аврелия, то необходимо будет сделать тот вывод, что у него здесь просто не было достаточно настойчивой потребности, чтобы углубляться в проблему соотношения природы и искусства. Ясно, что эта проблема у него не только была, но что он решал ее в определенном, древнестойческом смысле (ср. у нас ИАЭ V, с. 158—164). Природа для него, конечно, выше искусства постольку, поскольку она есть и творящее и творимое одновременно, в то время как искусство в обычном смысле слова организует только мертвую материю, и организация эта является только областью творимой, но никак не творящей. А там, где в человеке творящее и творимое совпадают, там создаются уже не обыкновенные искусства, но создается сам человек, так как внутренний и морально совершенный человек как раз и есть подлинное произведение искусства. Но такое подлинное произведение искусства является не чем иным, как продолжением и развитием все той же природы. Внутренний человек сам и своими силами создает свою внутреннюю красоту подобно тому, как и природа тоже создает свою собственную красоту сама и из своих собственных ресурсов. Такая эстетика, правда, не очень мирится с упадочной оценкой человеческого субъекта, которую мы находим в позднем стоицизме. Но для нас и эта черта является чрезвычайно важной и даже драгоценной. Ведь получается, что даже в периоды самого мрачного морализма античный человек все еще никак не мог забыть светлых и веселых идеалов беззаботной и самодовлеющей мыслящей общеантичной эстетики.

Печатается по: *Лосев А. Ф.* Эллинистическо-римская эстетика I—II вв. н. э. М., 1979. С. 307—333.

МАРК АВРЕЛИЙ

Атмосфера глубокого и подлинного трагизма окружает образ Марка Аврелия. Юлий Цезарь погиб, когда то жизненное его дело, которому уготовано было торжество в истории римской цивилизации, уже совершилось, и эта смерть не могла остановить ни внутреннего преобразования республиканского строя, ни романизации европейского Запада; можно сказать, личная катастрофа лишь засвидетельствовала прочность закладываемого здания. Юлиан провел жизнь в безнадежной борьбе, защищая обреченный на гибель культурно-общественный уклад; его царствование осталось каким-то мимолетным недоразумением, которое не ослабило и не задержало союза христианства с империей: здесь было лишь бессилие угадать дух времени, слабость воображения, поработенного прошлым,— все то, что не отличает Юлиана среди ряда других утопистов реакции, если не обращать внимания на его личное благородство и бескорыстие.

Совершенно иначе сложилась историческая судьба Марка Аврелия. В целях его государственной деятельности, как и в самой его натуре, не было ничего утопического. Он шел по тому широкому пути правового и морального оздоровления империи, на котором он имел предшественников, подобных Траяну, Адриану и Антонину; им завершился тот поистине золотой век Римской империи, когда ее представители совмещали со старыми, унаследованными от республики устоями новую универсальную культуру, символически выражающуюся в словах: *раx готапа* ². Это была монархия, как нельзя более далекая — несмотря на внешние формы — от азиатской деспотии и едва ли не приближающаяся к типу пожизненной стратегии, описанной в «Политике» Аристотеля. Если верить афоризму, что у всякого народа есть правительство, которого он заслуживает, то населению империи II века нельзя отказать в весьма высокой исторической оценке.

Но как все это было не прочно. Марк Аврелий заканчивал, а не открывал блестящую главу из истории римской монархии. Он получил власть из рук Антонина Пия, которому он посвятил столь прочувствованную характеристику в своих «Размышлениях», — и он должен был передать эту власть сыну Коммоду, духовный кругозор коего ограничивался цирком и удовольствиями в уровень со вкусом конюхов и кулачных борцов. Господство философии, за которое Марк Аврелий получил, впрочем, от позднейших историков более порицаний, чем похвал, уступает место господству разнузданного насилия. Империя входит в полосу того хозяйственного и культурного кризиса, который отбросил ее к более элементарным формам быта и подготовил средние века. Защита империи от напора с Севера и Востока, которую так обдуманно вел Марк Аврелий, следуя и здесь своим предшественникам, становится

¹ Котляревский С. А. (1873—1939) — историк, правовед и общественный деятель, профессор государственного права Московского университета. Подробнее о нем см.: «Веги. Из глубины». М., 1991. С. 570—572.— *Сост.*

² Римский мир (*лат.*).— *Сост.*

задачей все менее посильной для римского государства. Реформы Диоклетиана и Константина восстанавливали столь расшатанный государственный порядок, но какое расстояние отделяет этот бюрократический деспотизм от представлений о властителе как слугителе общего блага, представлений, которые мы найдем у Марка Аврелия. Его дело было разрушено, и не без основания в глазах Ренана день смерти Марка Аврелия является «решительным моментом, когда определена была гибель старой цивилизации», которая, казалось, еще носила в себе столько жизненных сил. Было что-то символическое в самой семейной судьбе императора.

Но Марк Аврелий-император был все же лишь случайностью, которая выпала на долю Марка Аврелия-мыслителя. Истинное содержание его духовной жизни, которое открывается в «Размышлениях», сосредоточивалось всегда вокруг сущности и судьбы человеческой души, ее отношений к космосу, к божественному провиденью. И можно сказать, в этих «Размышлениях» преодолевается указанный выше исторический трагизм. Что значит жизнь империи, противопоставленная жизни космоса, что значат исторические заблуждения, ошибки, даже преступления, если над всем господствует необходимость и эта необходимость есть в то же время провиденье? Эти мысли не приводили ни к равнодушию, ни к бегству от обязанностей, но создавали перспективу, которая соединяла благородного римского императора со всеми последующими веками. Дело государственного строительства и государственной защиты было разрушено, но остался строй мысли, обращенный к душе, миру и Богу, остался и окрыляющий эти мысли пафос: им не грозит уничтожение, ибо человечество никогда не разучится их понимать. На них лежит печать вечности, как она лежит на еврейских пророках, несмотря на политическую катастрофу, постигшую еврейский народ, на греческих трагиков, несмотря на гибель эллинского полиса.

Марк Анний Вер, ставший впоследствии, после того как Антонин усыновил его, Марком Аврелием Антонином, родился в 121 году. Его отец умер в весьма юном возрасте, и главная забота о воспитании Марка пала на его деда Анния Вера, который был дважды консулом и, по-видимому, пользовался расположением императора Адриана, состоявшего с ним в отдаленном родстве. Автор «Размышлений» был всегда проникнут чувством благодарности к людям, которым он считал себя обязанным, и нас не может удивлять, что первые строки этих «Размышлений» посвящены его деду, отцу и матери. «Деду Веру я обязан уравновешенностью и незлобивостью; славе родителя и оставленной им по себе памяти — скромностью и мужественностью; матери — благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов, и сверх того простым образом жизни, далеким от всякой любви к роскоши». В этой семейной среде получил Марк Аврелий и первые представления об обязанностях правителя, о праве и свободе граждан; он вспоминает о брате Севере, который познакомил его с жизнью Тразея, Гельвидия, Катона, Диона и Брута и дал ему идеал государства, с равным для всех законом, и идеал царя, заботливо хранящего

свободу подвластных. Республиканские традиции были живы в этой семье, несмотря на ее близость к престолу Цезарей. Но в еще большей степени Марк Аврелий чувствовал подобную благодарность к своим учителям. Важнее всего — личное влияние и общение с учителем: оно гораздо более достижимо при семейном воспитании, чем в школе, и Марк Аврелий считал себя счастливым, что в детстве и юности он не посещал школ, а пользовался уроками учителей дома (I, 4). Он получил обычное грамматическое и риторическое образование, которое дало ему и хорошее знакомство с греческой литературой, сказывающееся и в «Размышлениях», — с Гомером, быть может, Гесиодом (XI, 32), Софоклом (XI, 6), Еврипидом, Аристофаном (VII, 38 etc). Без сомнения, эти уроки оказали влияние и на его стиль, отмеченный глубоким чувством меры: как мало расточителен он на метафоры и образы и какой содержательной, выразительной оболочкой мысли служит этот стиль. «Расстаться с жизнью так же легко, как легко падает созревшая олива, благословляя природу, которая ее породила, и благодаря дереву, которое ее произвело» (IV, 48). «Люди убивают, рвут на части, преследуют проклятиями. Но чем это может помешать мысли остаться чистой, рассудительной, благоразумной, справедливой? Так если кто-нибудь, подойдя к прозрачному и свежему роднику, станет изрыгать на него хулу, — родник все же не перестанет бить ключом питьевой воды. И пусть он даже бросит в него грязью или навозом, родник очень скоро все это рассеет, смоет и не замутится. Когда же ты будешь обладать этим вечно текущим источником?» (VIII, 51). Насколько увлекался сам Марк Аврелий в своей юности уроками риторики, можно видеть из его писем к Фронтону, который, впрочем, имел огорчение видеть, как у его питомца это увлечение уступило место более глубокой страсти — к философии. Впоследствии он считал возможным даже благодарить богов, что не сделал больших успехов в риторике и поэтике, которые могли бы полонить его внимание и силы и отвлечь от философии.

Читая прославления философии у Марка Аврелия, мы всегда должны помнить, какое место она занимала в культурном обиходе Римской империи. Она должна была как бы заменить ту «древнюю доблесть», которая считалась достоинством исконного нравственного уклада, но которая, по общему признанию, могла сохраниться лишь при безвозвратно утраченной простоте и элементарности жизни. Философии предназначалось руководство нравственной жизнью отдельного человека и целого общества; с другой стороны, она выполняла как бы функции религии, сама отделяясь от последней все менее и менее явственной чертой. Поскольку религия продолжала охранять и освящать данный государственный порядок, она сосредоточивалась в культе императоров — здесь рядом с личным благоутворением, имевшим столько образцов в греческом мире, сохранился апофеоз государства. За пределом этого политического исповедания оставалась область возрастающего религиозного синкретизма: греко-римский пантеон постоянно заслонялся восточными образами, и культ населения империи, начиная с Рима, как нельзя более отражал ее этнографическую и культурную пестроту.

Вместо национальных религий, имевших строгую обособленность, образуется космополитическая религиозная среда, среди которой так

легко создается представление, что разнообразные имена и образы богов, своеобразные их культы суть лишь внешняя оболочка, скрывающая единую истину. «Фригийцы,— говорит в «Золотом осле» Апулея своему поклоннику Изиды,— древнейшие из всех народов, называют меня матерью богов и Пессинунтскою богиней; афиняне — кекропской Минервой; жители острова Кипра — пафосской Венерой; критяне, искусные в метаньи стрел,— Дианой-охотницей; сицилийцы, говорящие тремя языками, именуют меня стикской Прозерпиной; элевзинские жители — древней богиней Церерой; иные называют меня Юноной, другие Беллоной, иные Гекатой, другие Немезидой; но эфиопы, озаряемые всегда первыми лучами восходящего солнца, и египтяне, самые древние и самые мудрые из людей, почитают меня точным и собственным моим именем, то есть богиней Изидой, и только они истинно и праведно служат мне перед алтарями». Там, где религиозный образ не берется в его непосредственном виде, там открывается путь для символического истолкования, как это мы видим в истории всех религий, и в таком истолковании всегда есть и элемент философский. Уже ранний стоицизм Зенона, Клеанфа и Хрисиппа широко применял метод аллегорического объяснения мифов, причем Кронос и Рея оказывались временем и материей, Гефест — огнем, Аполлон и Артемида — солнцем и луной и т. п. Но чем больше в стоической философии моральные интересы получали преобладание, тем менее уже можно было довольствоваться чисто натуралистическими истолкованиями. У Сенеки, Музония и особенно у Эпиктета мы уже видим прежде всего стремление раскрыть внутренний нравственный смысл религии: и самая стоическая доктрина принимает известный религиозный характер. Гастон Буассье в своей монографии о римской религии изображает резкий контраст между римским обществом конца республики, полным равнодушия и скептицизма, для которых лучшим историческим свидетельством являются письма Цицерона, и обществом времен Антонинов с глубоким тяготением к религии, культу, положительной вере. Стоическая философия преобразовывается в соответствии с этими потребностями. Позже и она оказывается слишком интеллектуалистичной, слишком много предоставляющей логическому разуму; ее место займет неоплатонизм с его возвеличением мистического экстаза; но во дни юности Марка Аврелия в образованных кругах голос стоической философии, как религиозно-моральной законодательницы, звучал еще громко и авторитетно, и ее не могли дискредитировать едкие насмешки в лукиановском стиле. Употребляя выражение, столь обычное в католической церкви, можно сказать, что стоицизм притязал на «печенье о душах» (*ciga animarum*), и эти притязания признавались законными. Философ обращался в проповедника; проповедник не довольствовался ролью популярного ротора и стремился быть реформатором нравственности. Стоя у изголовья умирающего, провозжая осужденного на казнь, он умел разгонять страх смерти, давать душе мир и утешенье; он же умел проникать в дома высшей аристократии, во дворцы цезаря, брал в свои руки воспитание детей его, как это впоследствии с таким несравненным искусством научились делать иезуиты. Можно было бы говорить о своеобразном идеале стоической теократии, как духовного правления обществом,—

что иное стояло в центре забот Григория VII и Инокентия III? — если бы не чувствовались искусственность и парадоксальность в употреблении слова «теократия» там, где нет церкви и нет определенного исповедания. Насколько широко могло в эту эпоху осуществляться влияние стоицизма, лучше всего показывают дошедшие до нас сведения о таких его народных учителях и проповедниках, как Демонакс и Дион Хризостом.

Эта религиозно-нравственная сторона стоицизма оставила наиболее сильное впечатление на Марка Аврелия. Он узнал ее в особенности от Юния Рустика, которому он выражал признательность в своих «Размышлениях» (I, 7) за то, что не увлекся теоретическими спекуляциями, и за знакомство с Эпиктетом. В этом смысле Марк Аврелий является весьма ярким представителем позднейшего стоицизма, для которого физика и логика совсем заслоняются этикой. Он готов благодарить богов за то, что не погрузился ни в силлогизмы, ни в исследования небесных явлений. Правда, он в то же время советует постоянно применять учения не только этики, но и физики и логики (VIII, 13), но едва ли сам следовал данному совету. Не видим мы у Марка Аврелия интереса к положительной науке: он не знает того, что мог бы знать современник Птоломея и Галена. Но здесь уже сказалась одна из самых роковых черт в истории этих последних веков античной цивилизации — полный разрыв религиозно-моральных интересов и научной любознательности, полное забвение в этом смысле аристотелевской традиции. Так подготовилось то несколько преувеличенное в традиционном изображении, но все же достаточно поразительное научное бесплодие европейского средневековья.

Но если эти уроки философии были односторонни в смысле умственной пищи, они могущественно влияли на волю и характер впечатлительного ученика. Желая освободиться от потребностей, он, несмотря на довольно неустойчивое здоровье, вел самый суровый, аскетический образ жизни, спал на голых досках, и только неотступные просьбы матери побудили его смягчить режим и положить на свое жесткое ложе звериную шкуру. В своих сношениях с людьми он отличался исключительной правдивостью, которая давала повод императору Адриану, допуская игру слов, называть его не «Verus», а «Verissimus»¹. Но этот аскетизм и эта личная нравственная строгость не лишали его понимания и интереса к той государственной жизни, в которой ему предстояло играть столь ответственную роль. Последнюю определило решение императора Адриана, который усыновил и назначил своим преемником Антонина Пия, с тем чтобы Антонин, в свою очередь, усыновил Марка Вера. Император, очевидно, хотел создать известную форму наследственной передачи власти, которая могла бы обеспечить до некоторой степени государственный порядок, нарушаемый преторианскими переворотами: усыновление же, по римскому взгляду, было всецело равнозначуще естественному происхождению. Из намеков христианской апологии Афинагора, обращенного к Марку Аврелию и Коммоду, можно думать, что и сам император Марк Аврелий в установленном престолонаследии видел важное преимущество для государства, ради которого он был

¹ Verus — истинный, правдивый; verissimus — правдивейший (лат.).— *Сост.*

готов признаться своим преемником Коммода. Это решение Адриана искупало много грехов, которыми были омрачены последние годы его царствования; оно было осуществлено за несколько месяцев до смерти императора — короткий срок, в течение которого его симпатия, вообще непостоянная, не могла измениться.

Марку Аврелию было 17 лет, когда императорский престол занял Антонин Пий. Симпатичный образ этого императора, сохранившийся в источниках, находит полное подтверждение в словах самого Марка Аврелия, для которого Антонин навсегда оставался настоящим политическим искусством и политической морали. Изложив все, чем он обязан Антонину, автор «Размышлений» еще возвращается к нему и в своей к нему близости видит особую милость богов. «Их я должен благодарить и за то, что мною руководил властитель и отец, который стремился искоренить во мне всякое тщеславие, внушал мысль, что, и живя при дворе, можно обходиться без телохранителей, без факелов, статуй и подобной показной роскоши, но вести жизнь весьма близкую к жизни частного человека и при этом не относиться более пренебрежительно или легкомысленно к обязанностям правителя, касающимся общественных дел». В свою очередь Антонин платил ему полным доверием. Немедленно по вступлении на престол он сделал его сотоварищем по консульству и вообще дал ему положение соправителя, дал возможность разделить все труды и всю ответственность власти. Здесь не было и тени той подозрительности, которая часто проявлялась в Риме у императоров к их предполагаемым преемникам. Несомненно, Антонин показал Марку Аврелию, что возможно обладать высшей государственной властью, не искажающе ни в чем нравственной природы властителя, и для него стало идеалом остаться частным человеком на престоле, выполняя в то же время с полной добросовестностью свои государственные обязанности. Все эти отношения закреплены были браком Марка Аврелия с Фаустиной, дочерью императора, которая, однако же, мало была похожа на своего отца и еще меньше подходила к духовному облику мужа. Брак сделался для Марка Аврелия источником тяжелого семейного положения, которое было ясно его современникам, хотя сам он переносил его с великодушием и всепрощением. Тяжесть особенно усугубилась, когда стал подрастать сын Коммод, представлявший, несмотря на физическое сходство, такой явный контраст Марку Аврелию — контраст, который даже породил легенду, будто он сын гладиатора. Может быть, здесь сказалось инстинктивное возмущение против каприза наследственности, который, однако, был достаточно знаком римлянам, сложившим пословицу: *pater egregius filius gregarius*¹. Впрочем, Коммод далеко не был «gregarius» — заурядным: на нем лежала печать какого-то вырождения.

Таким образом, для Марка Аврелия переход к императорской власти не представлял чего-нибудь особенного, не являлся переломом в его внутренней и даже внешней жизни. Он не захотел быть даже единоличным правителем и взял в сотоварищи своего приемного брата Луция Вера, также получившего титул Августа. Последний,

¹ Отец выдающийся, сын заурядный (*лат.*).— *Сост.*

однако, при своем бездеятельном и распушенном характере не оказывал императору никакой помощи и нередко оказывался существенной помехой в делах; впрочем, и к нему Марк Аврелий относился со своим обычным неистощимым терпением и снисходительностью.

Насколько Марку Аврелию удалось применить те высокие морально-политические принципы, которые мы находим в его «Размышлениях»? Мы знаем, что к подобным произведениям нужно относиться с крайней осторожностью. В какие ошибки попал бы историк, если бы он принял за чистую монету все содержащееся в «Antimachiavel» Фридриха II или «Наказе» Екатерины II и увидел бы в них как бы программы его деятельности! Иное впечатление получаем мы от Марка Аврелия: здесь философия не расходится с текущей работой, и опыт императора ни в чем не опровергает самых продуманных и прочувствованных его мыслей. Поэтому о царстве философии здесь можно говорить совсем с иным правом, чем по поводу представителей просвещенного абсолютизма XVIII века. Важно не то, что Марк Аврелий окружил себя философами риторамы, что он сделал государственными людьми своих старых наставников, что среди консулов и проконсулов его царствования мы находим Ирода Аттика, Фронтон, Юлия Рустика, Клавдия Севера, Прокула. Важнее, что в его собственном сознании между философией и жизненной практикой не существует никакого антагонизма. Тезис, гласящий, что философское исповедание может ни к чему не обязывать, представился бы ему чудовищным. В этом смысле Марк Аврелий скорее может напоминать о деятелях средневековой теократии, для которых *temporalia* отнюдь не должны расходиться со *spiritualia*. Известно, какие неразрешимые конфликты возникали на этой почве между убежденными требованиями церкви и инстинктом самосохранения у светского государства.

Но здесь и раскрывается одна из самых замечательных сторон личности Марка Аврелия: он как нельзя более далек от всяких утопий, он сознательно их отвергает. Философия остается законом жизни, но философ должен понимать все несовершенство человеческого материала, всю крайнюю медленность усвоения людьми высших моральных и интеллектуальных истин, всю громадную силу сопротивления, заключающуюся в историческом быте. Нельзя насильственно обновить мир, ввести совершенный порядок, ибо никакой властитель не властен над мыслями и чувствами людей. Трагизм здесь лежит в роковом несоответствии между высотой настроения того, кто желает быть благодетелем человечества, и прозаичностью итогов. «Всеобщая причина есть как бы стремительный поток: он все уносит с собой. Как жалки все эти преисполненные самомнения люди, мнящие, что они по-философски ведут дела государства!.. Чего ты хочешь, человек? Делай то, чего от тебя требует в настоящее время природа. Не надейся осуществить республику Платона и будь доволен движением вперед хотя бы на один шаг — и не считай этот успех маловажным. Кто может изменить образ мысли людей? а без такого изменения что может быть, кроме рабства, стонов и лицемерного повиновения?» (IX, 29). Не чувствуется ли в этих словах самая высшая форма бескорыстия, непонятная для фанатиков прогресса, какими бы благо-

родными мотивами они ни руководились. Блаженны не видевшие и уверовавшие, говорит Евангелие. Блаженны те, кто, никогда не забывая о пределах, поставленных человеческой природе, никогда не обольщаясь возможностью их перейти, находят в себе силу неустанно работать для приближения к никогда не осуществимому идеалу.

Деспотизм отвлеченной формулы был Марку Аврелию чужд, как всякий деспотизм. Можно сказать, ему присущ ужас афинского или римского республиканца перед тиранией. Он чувствует себя глубоко признательным своему наставнику Фронтону, который показал ему, сколько низости, коварства и лицемерия заключается в тиранической власти. «Не иди по стопам Цезарей»,— предостерегает он самого себя (VI, 30). Он не скрывал от себя моральные опасности, угрожавшие повелителям Римской империи,— опасности, жертвами которых пали Нерон и Домициан, и как ни выделялся для него Антонин своими добродетелями, двор, окружавший последнего, был в его глазах лишь повторением двора Филиппа, Креза, всех других Цезарей (X, 27).

Была ли в глазах его республика высшей формой по сравнению с монархией? По общему смыслу «Размышлений» можно думать, что самое различие этих форм не представлялось ему особенно существенным. Монархия оправдывается, когда монарх видит в себе вождя людей и в то же время человека: Марк Аврелий предпочитает сравнивать его не с пастухом — это предполагало бы притязание на высшую породу,— а с бараном или быком, которые идут впереди стада.

Практически это сказывалось и в постоянном стремлении императора хранить остатки республиканского строя. Он усердно посещал заседания Сената и оставался там, пока консул не произносил обычной формулы: «*nihil vos moramur patres conscripti*»¹ — и заседание закрывалось. Конечно, это были лишь символические акты, не способные изменить того, что для самых упорных республиканцев стало очевидной политической реальностью. Вопрос мог идти в конце концов лишь о том, в какую сторону направится деятельность государства, приводимого в движение единоличной волей.

Здесь Марку Аврелию не требовалось пролагать новых путей. Уже Нерва и Траян положили основы общественной благотворительности, уже они в своем законодательстве признали принцип, в силу коего у государства есть отеческие обязанности относительно своих сочленов. Этим окончательно устранялось столь живучее в Риме представление о верховенстве рода и семьи. Так, при Траяне созданы были фонды, предназначенные на покрытие издержек по воспитанию бедных детей: Марк Аврелий расширил полномочия заведующих этими фондами прокураторов и сделал эти прокуратуры одной из высших должностей в империи; не остановился он и перед крупными издержками фиска, создавая ряд своеобразных касс для помощи детям обоего пола. Римские барельефы на Форуме напоминают об учреждениях, имеющих в виду призрение девочек,— учреждениях, созданных при Антонине и расширенных при Марке Аврелии. Последний создал даже особую должность претора, имеющего блюсти интересы детей-сирот.

¹ «Мы вас больше не задерживаем, отцы-сенаторы (*лат.*).— *Сост.*

Это внимание к ребенку, идущее рядом с расширением прав женщин, является лучшим показателем нового духа, который проникает законодательство империи.

Не менее чувствуется он в другой сфере — в признании и охране прав раба: говорить о праве здесь, конечно, можно лишь в моральном, не юридическом смысле, — в последнем раб не мог быть субъектом права. Но это не мешало законодательству Римской империи обеспечивать его личность от посягательства на жизнь и честь, от жестокого обращения, обеспечить целостность его семьи, неприкосновенность его пекулиума¹, существенно ограничить, если не устранить, его продажу для борьбы со зверьями в амфитеатре и, наконец, всячески облегчать и поощрять отпущение на волю. Марк Аврелий предоставил в известных случаях рабам наследовать после своих господ. Значительно улучшилось также прежде весьма прекрасное положение вольноотпущенников.

Император вдвойне чувствовал себя призванным сохранять этот путь — как наследник и ученик человеколюбивого Антонина и как исповедник стоической философии; ибо стоицизму обязано римское право тенденцией к защите всякой человеческой личности, к осуществлению начал равенства. Эта философия поднялась над ограниченностью племенной и социальной и возвысилась до общечеловеческого. Из нее римские юристы почерпнули убеждение, что рабство нарушает естественное право, — убеждение, которое так далеко отстоит от взглядов Платона и Аристотеля. Императорам II века принадлежит заслуга укрепления и проведения в жизнь этого нового понимания, которое не будет утрачено среди политической и моральной анархии III века. Так и движение в сторону гражданского равноправия не в состоянии остановить пороки и преступления руководителей римской государственной жизни, и знаменитый эдикт 212 г., давший, правда, по мотивам фискальным, равноправие всем свободным обитателям империи, связан с именем Каракалы, одного из худших императоров, которого вообще имел Рим.

Можно прибавить здесь заботы Марка Аврелия о более правильной раздаче продовольствия народу — этой своеобразной государственной функции, которая едва ли может быть правильно оценена, когда мы к ней прикладываем столь ей далекие социально-политические критерии современности, старания улучшить административный и судебный механизм. Незначительный успех этих последних стараний часто приводил в доказательство государственной неспособности императора. Задача организовать местное управление оказывалась, однако, не под силу и таким людям, как Траян. Впоследствии она была выполнена путем энергичной бюрократизации империи и прикрепления куриалов², для которых почетное право стало тяжелой обязанностью. Но, разумеется, идти по этому пути, который так ярко запечатлелся в *Codex Theodosianus*³, Марк Аврелий не желал. В принуждении он всегда видел лишь необходимое зло, которое должно быть употребляемо в возможно

¹ Личное имущество. — *Сост.*

² В Древнем Риме члены городских советов. — *Сост.*

³ Свод ранневизантийского права, изданный при императоре Феодосии II в 438 г. — *Сост.*

малых дозах. Бессильный перестроить римскую государственность, он стремился несовершенство законов и учреждений возместить мягкостью режима. Император, в своих «Размышлениях» выразивший глубокую уверенность, что искренняя доброта непреодолима, и здесь не давал слову расходиться с делом. Даже когда Авидий Кассий поднял против императора восстание, обманувши то доверие, которое неизменно ему оказывал Марк Аврелий, несмотря на многократные предостережения, — даже тогда последний ни в какой мере не поддался чувству гнева или мести. Он не мог предупредить убийства Кассия, но он дал полную амнистию его сторонникам. Город Антиохия за участие в восстании потерял лишь на короткое время право публичных игр. Это была мягкость, которая могла казаться слабостью. История возмущения Кассия показывает, однако, что она оказалась целесообразной и содействовала умиротворению империи. Во всяком случае, она не имела ничего общего с повторяющимся столько раз типом бесхарактерного добродушного монарха, который являлся игрушкой в руках своих приближенных. Марк Аврелий вел эту политику великодушия вполне сознательно, с полным чувством ответственности, не делая себе никаких иллюзий относительно нравственных качеств окружающей среды.

Именно эти основные черты его мировоззрения и господствующее в нем настроение ставили определенные границы его преобразовательной деятельности. Здесь особенно характерно его отношение к играм амфитеатров. Как относился к ним император, об этом мы могли бы догадаться, если бы даже в «Размышлениях» не было рассеяно соответствующих намеков. У него могло оставаться лишь чувство отвращения — и, однако, он не уничтожил этих игр, он их даже посещал. Правда, он почти старался показать, что кровавое зрелище его не интересует — он в цирке читал, писал, давал аудиенции. Но не было ли здесь странной двойственности? Уолтер Патер, давший в *Magius the Epicurean* такое психологически замечательное изображение духовной атмосферы эпохи, заставляет своего героя видеть в амфитеатре императора, погруженного в чтение, равнодушного к проливаемой крови и раздающимся стомам: здесь Марий впервые чувствует бессилие стоицизма удовлетворить высшим требованиям человечности, здесь в его душе совершается перелом, который приведет его под сень новой веры, дающей силу сострадать и любить... Мы понимаем, как переживает эту сцену Марий, — но правильно ли он истолковывает видимое холодное равнодушие императора? Надо помнить, какое здесь он встречал сопротивление. Когда Марк Аврелий отправил на войну гладиаторов, это вызвало почти возмущение. «Он хочет отнять у нас развлеченья и заставить нас философствовать». Он мог только добиться, чтобы под канатом, по которому ходили акробаты, разостланы были матрасы и чтобы оружие борцов имело притупленное острие; он не мог победить жестокой страсти римского населения. Едва ли он ее преувеличивал — достаточно вспомнить, как трудно было искоренять эти игры уже в христианской империи IV века.

Главное содержание царствованию Марка Аврелия дали, однако, его труды по защите империи. Не было чувства, более ему далекого, чем стремление к военной славе. В осуждении ее он идет не менее далеко, чем

Тертуллиан и другие христианские писатели. «Паук гордится, если захватил муху, другой — если поймает зайца, третий — если уловит в сеть рыбешку, четвертый — если овладеет вепрем, пятый — сарматом; а если исходить из принципов, что они как не разбойники?» (X, 10). Что значит слава Александра, Гая, Помпея перед лицом Диогена, Гераклита, Сократа? (VIII, 3). Его пренебрежение к военной славе, однако, совершенно не похоже на эротический, изнеженный пацифизм Тибулла и на мечтания Виргилия о золотом веке. Пребывание на войне только тяготило его, но к делу защиты государства он относился со всем вниманием и добросовестностью. Войну с парфянами вел Луций Вер, но роль этого распущенного и бездеятельного человека, не способного дисциплинировать ни себя, ни других, едва ли не была номинальна. Главная тяжесть упала на его помощников, назначенных Марком Аврелием, который не делал себе иллюзий относительно способностей Луция Вера,— и выбор командующего состава, за исключением, может быть, Авидия Кассия, талантливого, но честолюбивого и недостоверного, оказался блестящим. Опасность на Востоке была устранена.

Серьезнее она была на европейском Севере и Северо-Востоке. Значение германского мира, расстилающегося у границ Римской империи, было оценено Тацитом. Пока эти народы пребывали во взаимной раздробленности, их можно было не замечать, но как только из них образовались большие сплоченные союзы, все политическое равновесие римского мира нарушалось. С одним из таких союзов, сложившимся в Богемии, Моравии и Северной Венгрии и приведшим в движение германские и негерманские племена, которые двинулись на юг от Дуная, прямо угрожая империи,— пришлось иметь дела и Марку Аврелию. Значительная часть его жизни прошла на берегах Дуная, в борьбе с маркоманами и квадами. План кампании был чрезвычайно продуманный и, в конце концов, увенчавшийся успехом: это была такая тактика, рассчитанная на выносливость и упорство римского солдата, методическая, медленная, не гонящаяся за блестящими победами и построенная на строгой экономии силы. Паннония была очищена, варвары прогнаны на левый берег Дуная. В то же время Марк Аврелий избегал всякой бесполезной жестокости, всякого вероломства и относительно врагов; не видел он опасности и в известном проникновении германцев на римскую территорию, полагая, что эти романизированные варвары явятся лучшей защитой против грядущих нашествий. Он в широких размерах допустил германцев в римские легионы, дал им на известных условиях земли в Дакии, Паннонии, Мезии, Римской Германии и оставил в то же время достаточную военную силу на Дунае, которая могла бы отразить посягательства на территорию и пределы империи. Проникнутый стоическим универсализмом, он не чувствовал какого-либо предубеждения против варварских народов; скорее можно заметить ноты насмешки и раздраженья в отзывах об азиатском Востоке. Мысль влить в организм Римской империи свежие соки этих народов, которых Тацит хотел поставить как образцы современному обществу,— подобная мысль была достойна великого и проницательного ума, но и этот ум не мог бы предвидеть, как быстро пойдет эта инфильтрация и как мало способности сопротивления заключала в себе римская культура.

Памятником этих походов императора остается колонна, украшающая до сих пор Piazza Colonna в Риме; Сикст V поставил на верх ее статую ап. Петра, но барельефы, изображающие военные сцены, сохранились хорошо. Более, однако, чем эти барельефы, уже отмеченные чертами артистического упадка, о годах, проведенных императором на берегах Дуная, напоминают «Размышления». Там, среди вечерних досугов, написана часть их. Они открывают нам прежде всего то глубокое чувство одиночества, которое должен был испытывать их автор, оторванный от общества людей, с которыми он мог бы разделить свои самые дорогие мысли, и не менее глубокое сознание долга, которое заставило его посвящать всю энергию внутренне столь чуждому для него делу.

Этот гармонический образ, который создается при сопоставлении внутренней работы с внешней историей жизни, не роднит ли Марка Аврелия с идеалами, которые приносила античному миру новая уже столь могущественная в конце II века сила — христианство? Мы знаем, что в христианской традиции замечается стремление, так сказать, приблизить к себе великого язычника, смягчить или даже затупить факты, свидетельствовавшие о его враждебном настроении, противопоставить им другие. Пусть Марк Аврелий преследовал христиан; христианские авторы не хотели накладывать на него клеймо гонителя. «Великий и добрый» — так называет его христианский автор сивиллиного стиха, живший в III веке. «Справьтесь с вашими анналами,— убеждает Тертуллиан римских магистров,— вы увидите, что монархи, которые свирепствовали против нас, принадлежали к числу людей, гонения со стороны коих могут служить только к чести гонимых. Наоборот, изо всех монархов, которые признавали божеские и человеческие законы, назовите хотя бы одного, который бы гнал христиан. Мы же можем привести в пример одного из них, который объявил себя нашим покровителем,— мудрого Марка Аврелия. Он не отменил открытых эдиктов, изданных против наших собратьев, но он уничтожил их последствия, установив суровые казни, угрожающие нашим обвинителям». Наконец, Мелитон, епископ Сардский, обращаясь в своей апологии прямо к императору и напоминая ему о гонениях Нерона и Домициана и о терпимости Адриана и Антонина, прибавляет: «Что касается до тебя, ты имеешь к нам те же чувства (как Адриан и Антонин), но обладаешь еще более высокой философией и филантропией; мы уверены, что ты сделаешь все, что мы от тебя попросим».

Здесь, естественно, вспоминается легенда, связанная с одним из драматических эпизодов похода против квадов. Армия оказалась отрезанной от источников питьевой воды; истощенная жаждой и усталостью, она очутилась в месте, где варвары могли легко ее уничтожить. Римлянам угрожала катастрофа, которая по своим последствиям была бы гораздо более для них роковой, чем гибель Вара, как вдруг разлилась буря, на римское войско хлынул благодатный дождь, освеживший солдат, а в сторону варваров пошел сильнейший град и стала ударять молния, так что ими овладела полная паника. Это было чудо, по обычной версии, обязанное молитвам Марка Аврелия, действовавшим на Юпитера. На римской колонне мы видим, как «дождливый Юпитер» (Iupiter pluvialis) напояет римлян и поражает варваров.

Другое, менее распространенное предание приписывает чудо египетскому магу Арнуфу, который заклял Гермеса. Наконец, версия, принятая значительной частью христианских писателей, утверждает, что римская армия была спасена молитвами коленопреклоненных воинов-христиан: их Бог, а не Юпитер послал бурю; при этом прибавлялось, что Марк Аврелий, пораженный чудом, написал письмо Сенату с воспрещением всяких преследований против христиан.

Эта тенденция христианских историков и апологетов далеко расходится с истиной: Марк Аврелий никогда не был другом христиан. Единственное место в его «Размышлениях», где упоминается о христианах, показывает, что он оставался холодным перед их готовностью принять мученье и смерть за свое исповедание; в этой готовности он усматривал даже нечто суетное и театральное (XI, 3). Не может быть также и речи об отмене прежде действовавших и направленных против христиан законов — прежде всего закона о *collegia illicita*¹. Наконец, не подлежит сомнению, что его царствование было запятнано актами кровавого преследования христиан. Достаточно вспомнить здесь героических мучеников Лионской и Вьеннской церковей — одно из наиболее потрясающих событий из истории раннего христианства. Правда, инициатива здесь шла не от императора, а от местных властей и местного населения. При громадности и физической децентрализации империи участь христиан вообще зависела прежде всего от местных исполнителей закона — и мы видим, как одни провинции могли пользоваться полным религиозным миром, тогда как в других происходили жестокие гонения. Однако нельзя отрицать всякое участие Марка Аврелия в деле лионских христиан. Его легат обращался к нему с вопросом, и ответ императора был более жесток, чем аналогичный ответ Траяна на запрос Плиния. Марк Аврелий предписывал освободить всех ренегатов и предать смерти упорствующих. Едва ли в этом случае есть основание не доверять церковной традиции, хотя отвратительная сцена жестокости, разыгравшаяся при казни, не могла быть отнесена к желаньям императора. Также и Малая Азия при Марке Аврелии обагрилась кровью христианских мучеников, а знаменитый Поликарп, епископ Самосский, кончил жизнь на костре. Можно, конечно, сослаться на различные апологии, которые подавались императору и которые как будто показывали, что известная терпимость существовала — мыслима ли была бы пробная апология от имени какой-нибудь признанной ереси, обращенная к инквизиции! Но если авторы апологий, подобно Мелитону и Афиногору, не подвергались преследованиям, они не могли бы похвалиться и каким-либо успехом.

Объяснить это отношение Марка Аврелия не представляется трудным. Нужно ли прежде всего напоминать, что последовательная и полная терпимость есть чуть ли не самое редкое явление в человеческой истории. И это если даже оставить в стороне религиозные организации, построенные на принципе преемства и авторитета, забыть о клерикальных и антиклерикальных ненавистях. В свое время Локк дал не менее блестящую защиту свободы религиозной, чем свободы политической,

¹ Недозволенная коллегия (*лат.*) — собрание, имеющее преступный характер; в первые века нашей эры к их числу относились и любые собрания христиан.— *Сост.*

и все-таки он не распространял терпимость на католиков и атеистов. Можно сказать, у английского мыслителя мы совсем не видим фанатизма: в католиках он видел прежде всего исконных врагов протестантской Англии, ее государственности и национальности, в атеистах — людей, лишенных той санкции, которая одна в состоянии обеспечить нравственный образ мыслей и действий. Но никаких следов фанатизма, какой-либо политической или религиозной ненависти мы не находим и у Марка Аврелия. Именно христианам он ставит в вину фанатизм, тем более предосудительный, что он соединен с тщеславием и страстью к эффектам. Он не понимал христианских мучеников, но их не понимал и Эпиктет; и для него здесь был лишь ожесточенный фанатизм (Arggiani, Epict, Dissert IV, VII, 6). В глазах императора христиане — люди суеверные, без умственной любознательности и нравственного достоинства; они к тому же для поверхностного взгляда даже в конце II века могли казаться разновидностью иудаизма, а к евреям, по свидетельству Аммиана Марцеллина, император относился с брезгливой враждебностью. Можно сказать, что вообще и в наплыве и распространениях восточных культов Марк Аврелий, совершенно непохожий здесь на Адриана, видел моральную опасность и вред.

Всех этих антипатий было бы, очевидно, недостаточно, чтобы императору изменила его обычная снисходительность к заблуждающимся. Против христиан действовал он или, во всяком случае, не останавливал действий местных властей как ответственный руководитель римского государства. Христианство посягало на религиозные устои этого государства, которые трудно было бы отделить от политических — его исповедники отказывались принять участие в официальном культе. Пусть христианские апологеты доказывают, что их единоверцы — добрые граждане, исполняющие все обязанности, что они молятся за императора и за процветание империи, — в глазах представителей римской государственности, и притом чуждых вульгарным предрассудкам, они оставались инородным телом. Можно сказать, применяя понятие, которым так злоупотребляли в защите клерикальной и антиклерикальной нетерпимости, христианам ставилось в тяжелую вину нарушение морального единства; а так как заботы о последнем легче было встретить у лучших, чем у худших императоров, то и среди преследователей христианства, вопреки апологиям, мы видим далеко не только Неронов и Домицианов, как и самая терпимость к нему являлась часто плодом простого равнодушия. В этом смысле сирийские императоры III века, сами чуждые римской государственной традиции и политическим предрассудкам, могли проявить гораздо большую широту, чем Траян и Марк Аврелий, могли подобно Александру Северу ввести Основателя христианства в избранный ими пантеон культов.

Несомненно, однако, Марк Аврелий заблуждался здесь и политически. Внутренний процесс, переживаемый христианской церковью и общинами, приближал их к примирению с империей, а не отдалял. Те настроения, которые отразились в Апокалипсисе, как и хилиастические¹ образы, уступают место более спокойному отношению.

¹ Хилиазм (от греч. *chiliàs* — тысяча) — учение о предстоящем тысячелетнем царстве Божьем на земле.— *Сосм.*

В церкви торжествует течение, враждебное крайностям, не принимающее ни эзотерической догматики гностиков, ни преувеличенного ригоризма донатистов¹. Личное озарение, пророческий дар отступили на задний план: на первый выдвигается иерархия и дисциплина. Псевдоклементины, послания Игнатия, трактаты Ириния призывают к послушанию, верности епископам. В борьбе с ересью укрепляется епископальная организация церкви и уже вырисовывается особый авторитет римского престола. Торжество начал организации епископского авторитета само по себе психологически разрушало непримиримость отношения к государству. Недалеко время, когда христианская община Антиохии обратится к императору Аврелиану за разрешением спора, кто является ее законным епископом. Обращенная к Марку Аврелию апология Мелитона уже предвидит союз империи с христианской церковью, исторические судьбы коих связаны настолько крепко, что временные недоразумения не могут их разъединить. Мелитон как бы проводит реформу Константина. Можно ли было при этом, оценивая политически христианство, принимать во внимание лишь отказ принести жертву гению императора?

Но если общее направление в развитии раннего христианства достаточно выяснено исследователями XIX века, если они смогли выделить ядро тех мыслей и чувств, вокруг которых кристаллизовалось мировоззрение пастырей и пасомых, для язычников конца II века все это оставалось закрытым. Различные оттенки для них сливались в единый цвет: здесь могли разобраться только редкие специалисты, подобные Цельсу. Средний римлянин этой потребности внимательнее всмотреться в христианскую среду вовсе не чувствовал, и Марк Аврелий здесь не отличался от среднего римлянина. Его философское мировоззрение давало ему как бы априорно определенную оценку христианству, в котором он видел лишь одно из многочисленных препятствий для здоровой государственной жизни.

Эти препятствия не сломили энергии императора, но еще более укрепили чувство человеческого бессилия. Тяжелее для него трудностей, подчас могущих казаться неразрешимыми, внутреннего устроительства и внешней защиты империи, было сознание, что он говорит на непонятном для окружающих языке, что они им тяготеют, принимая его морально-философские интересы за несносный педантизм. В «Размышлениях» мы находим заметку о чувстве злорадства, с которым встречается смерть самого достойного человека: нельзя не видеть в ней автобиографической основы. «Никто не бывает столь счастлив, чтобы его смерть не вызвала в ком-либо из окружающих чувства злой радости. Пусть он был добродетелен и мудр; все же найдутся в конце концов какие-нибудь люди, которые про себя скажут: наконец мы можем вздохнуть свободно, освободившись от этого наставника. Правда, никто из нас от него не страдал, но все же мы чувствовали, что в душе он осуждает нас» (X, 36).

¹ Донатисты — раннехристианская секта IV в., основанная карфагенским епископом Донатом; члены секты были сторонниками религиозной строгости и, в частности, требовали сурового осуждения христиан-отступников, выдававших по приказу императора Диоклетиана свои священные книги для сожжения.— *Сост.*

Жизнь для Марка Аврелия все более становится приготовлением к смерти, которой посвящено так много места в последних книгах «Размышлений». И он встретил ее с глубоким спокойствием. В лагерной стоянке на берегу Дуная, около нынешней Вены, заболел он тяжелой болезнью, смертельный исход которой признал сразу, и уже не принимал ни пищи, ни питья. Сыну своему Коммоду он завещал окончить войну и не покидать армии; окружающим он напоминал о необходимости выполнить долг. Поручая Коммоду их заботам, он прибавил характерную оговорку: «если тот окажется этого достойным». Был ли здесь бессознательное стремление уменьшить ответственность, лежавшую на императоре, который признал Коммоду наследником? Для Марка Аврелия монархическая наследственность могла быть лишь средством, не целью. Быть может, он и не видел вокруг себя других достойных преемников. Он представил Коммоду солдатам, сохраняя спокойное выражение лица при тяжком страдании; вообще его выносливость в болезни поражала окружающих. Умер он 17 марта 180 г. совершенно один: даже сына он не допустил остаться у постели во избежание заразы.

Источники единодушно изображали скорбь армии и народа. Марк Аврелий всегда был так чужд какого-либо искания популярности; теперь обнаружилось, на каких глубоких и подлинных чувствах держалась его популярность. Он так часто в своих «Размышлениях» вскрывал всю тщету посмертной славы — теперь она была ему дана. По словам Геродиана, «не было человека в империи, который бы принял без слез известие о кончине императора. В один голос все называли его — кто лучшим из отцов, кто доблестнейшим из полководцев, кто достойнейшим из монархов, кто великодушным, образцовым и полным мудрости императором — и все говорили правду». По отзыву Капитолина, «такое было почтение к этому великому властителю, что в день его похорон, несмотря на общую скорбь, никто не считал возможным оплакивать его участь; так все были убеждены, что он возвратился в обитель богов, которые лишь на время дали его земле. Когда еще не кончился торжественный обряд его похорон, сенат и римский народ провозгласили его «богом благосклонным» (*Deus propitius*), чего не было раньше и что не повторялось позже. Был воздвигнут в честь его храм, установлена коллегия жрецов, получивших имя Антониниев. Не только ему воздавались божеские почести, но считали нечестивцами тех, кто не имел в своем доме его изображения». Это был апофеоз совершенно иного рода, чем обычные формальные апофеозы, и он оказался много более прочным. Перед памятью Марка Аврелия благоговейно склонялись такие не похожие на него властители, как Септимий Север, Диоклетиан и Константин. В нем видели сочетание мудрости с той правдивостью, которая способна испугать и чужие грехи. «Ты сам,— говорил Капитолин, обращаясь к Диоклетиану,— ты видишь в нем бога — и он для тебя не обычное божество; ты обещал ему особое почитание, давая обет, подражал его примерам».

«Размышления» Марка Аврелия разделяются на книги и главы — но их порядок чисто внешний. Некоторым единством обладает лишь

первая книга, где Марк Аврелий вспоминает своих родных, наставников и близких людей и объясняет, чем он им обязан, заканчивая перечислением всего того, чем он обязан богам. Мы имеем своеобразный дневник — не внешних событий, а мыслей и настроений, более важных в глазах автора, чем внешние события. Можно сказать, что «Размышления» представляют полную противоположность другой книге, которая также писалась среди военных тревог — Комментариям о галльской войне Юлия Цезаря. Здесь заботливо устранено всякое проникновение в глубь душевных переживаний, весь интерес также исключительно поглощен объективным миром, как у Марка Аврелия миром субъективным. Цезарь преследовал цели политической апологии, хотя беспритязательность и свежесть его рассказа так хорошо скрывают его мотивы. Марк Аврелий обращался лишь к самому себе — он хотел закрепить переживания, которые могли служить моральной поддержкой и побуждением. Никогда не думал он этими строками влиять на других или исправлять их. Отсюда глубокая искренность, которая интуитивно воспринимается всяким читателем «Размышлений» и которой так недостает многим автобиографиям и исповедам, отсюда и непринужденность формы: Марк Аврелий не искал ее, как не ищут, делая отметки на полях книги. Император с благодарностью вспоминает о грамматике Александра, который научил его не выходить из себя по поводу всякого варваризма или солецизма ¹ собеседника. Нет риторических забот, но выражение всегда точно и ясно передает не только мысль, но и окружающий ее душевный фон.

Отсутствию внешнего плана соответствует и в содержании отсутствие чего-нибудь напоминающего философскую систему. Весьма часто в тексте мы встречаем слово *δούματα*, которое постоянно напоминает, насколько существенны для каждого человека эти руководящие им начала. Как далеко, однако, это греческое слово от современного придаваемого ему значения; догматизм совершенно чужд Марку Аврелию — это черта, бросающаяся в глаза сразу. Нет ничего ошибочнее в этом смысле видеть в нем догматического последователя стоицизма.

Прежде всего прочность моральных истин не связана для него с тем или другим представлением о мире. У него нет определенной космологии — хотя бы той, которую выработал стоицизм. Он склоняется к этой последней в ее общих чертах, но достоверность ее нигде не стоит для него вровень с достоверностью нравственных начал, к которым обращается человек. Дело не только в том, что интерес Марка Аврелия сосредоточен на этих последних, как это вообще мы наблюдаем в позднейшем стоицизме, и не только в его сомнениях относительно возможности постигнуть физическую истину; для него, если даже правы не стоики, а эпикурейцы, и, если миром управляет не единый закон, а самый случай, если все сводится к игре атомов, побуждения человека к добру этим не устраняются и привязанность к миру не усиливается. Эта мысль повторяется чрезвычайно часто. «Или все происходит как бы в едином теле, беря начало в едином духе, и часть не должна роптать на то, что происходит в целом, или же существуют атомы и ничего кроме их

¹ Неправильный стилистический или грамматический оборот. — *Сост.*

смешения и рассеяния. Что же тревожит тебя?» (IX, 39). «Если не атомы, то вседержительница природа» (XI, 18). «Существуют ли атомы или единая природа — прежде всего следует установить, что я являюсь частью целого, управляемого природой» (X, 6). «Может быть, мир подвержен периодическому возгоранию (как думали старые стоики — Зенон, Клеанф, Хрисипп); может быть, он вечен и не подвержен гибели (к этому склонялись позднейшие — Зенон из Тарса, Панеций, Посидоний)» (X, 7). «Может быть, круговращенье вселенной раз навсегда предопределено мировым разумом, может быть, его повторяющимися решениями; место, занимаемое человеком в мире, от этого не меняется» (IX, 28). А на достоверное познание мира кто решится притязать. «Вещи настолько сокрыты от нас, что многим философам, и незаурядным, они представлялись совсем непостижимыми; и даже сами стоики признают их трудно постижимыми: всякое наше согласие с чем-нибудь не есть нечто неизменное — где можно найти человека неменявшегося?» (V, 10). Поэтому, когда в «Размышлениях» мы читаем, что человеческому телу свойственны элементы, огненные, воздушные, водяные и земляные (XI, 20), автор пользуется лишь распространенной гипотезой, не возводя ее на степень категорической истины.

Это отсутствие догматизма освобождает от сектантского духа, от преувеличенного прославления одной философской школы за счет других. Когда Марк Аврелий находит родственные ему мысли у Эпикура, он не боится их брать, не боится и признать в представителе гедонистической философии мудрого учителя жизни (IX, 41; XII, 34).

Отказ от категорических утверждений, отсутствие догматизма не есть еще, конечно, равнодушие. Мир, состоящий из хаоса и атомов, неравноценен миру, управляемому единым разумом. Диалектически нельзя выйти из поставленной перед нашей беспомощностью альтернативой, но общий характер мироздания и наше самосознание согласуются более со вторым, чем с первым решением. Человек находит в мире необходимость; опыт его бессилия научает его быть фаталистом. «Чтобы с тобой ни случилось, оно предопределено тебе из вечности, и сплетенье причин изначально связало твое существование и происшедшее в нем событие» (X, 5). Но эта необходимость устрашает лишь поверхностный взгляд; для более проникновенного она превращается в провиденье. Постоянно у Марка Аврелия повторяется эта альтернатива: слепой случай или разумная необходимость — только один раз появляется трилемма: роковая необходимость, или благостное провиденье, или же беспорядок и господство никем не управляемого случая (XII, 14). Но господствующий взгляд в «Размышлениях» видит эту необходимость в ее нравственном аспекте. «Все происходящее происходит не только согласно определенному порядку, но и согласно справедливости, как будто кто-нибудь распределял все сообразно заслугам». Таким образом, самый фатализм уже не подавляет человека, а ободряет его. Мудрый должен всецело восчувствовать действие вселенского разума среди кажущегося хаоса и мнимых побед зла; он не обвинит природу за то, что «она раздает жизнь и смерть, славу и бесславие, радость и горе, богатство и бедность, не делая различий между добрыми и злыми» (II, 11; IX, 1). Марк Аврелий хорошо знал, насколько сильно

подымается здесь возмущенное чувство справедливости, и он стремится его успокоить, показывая несоответствие нашего ограниченного мерила и неисповедимых бесконечностей космоса. Природа никогда не может быть всецело понятной человеку, но она и не должна быть для него чужой: ему дается ей следовать; «жить сообразно природе» — заповедь не одного стоицизма, а всей античной этики; разногласие начиналось только там, где спрашивали, что надо понимать под природой? Нужно ли ее искать в обособленной человеческой личности или в целом мироздании? является ли согласно Протагору человек мерой всех вещей или «все вещи», всё — мерою для человека? Стоики, как известно, решительно отстаивали второе толкование, отстаивали физический и моральный коммунизм бытия. Марк Аврелий не считал возможным диалектически доказать разумность целого, он, по-видимому, допускал возможность морального отношения к жизни даже при чисто атомистическом мировоззрении, но он сам испытывал как бы религиозное благоговенье перед природой в ее целом. Следование природе должно быть чудно горечи и ропота. «Беглец — тот, кто скрывается от своего властителя; и если властвует закон, то и нарушитель закона должен быть назван беглецом. Но и тот, кто сокрушается, гневается, боится, — тот не желает чего-нибудь совершившегося, совершающегося или имеющего совершиться, в силу порядка, установленного мироправителем — законом, который определяет каждому подобающее. Итак, тот, кто боится, сокрушается или гневается, тоже беглец» (X, 25). Природа, велениям коей должен повиноваться человек, — есть единство и целость, которое не может быть дано в чувственном опыте отдельного человека (XI, 5); выражаясь термином Д. Бруно и Спинозы, это скорее *natura naturans*, чем *natura naturata*¹. Это единство не только разумно; оно божественно.

Догматизм религиозный присущ «Размышлениям» не в большей мере, чем догматизм философский. «В теологии, — говорит Ренан, — Марк Аврелий колеблется между чистым деизмом, политеизмом, истолкованным в физическом смысле, как его истолковывали стоики, и своеобразным космическим пантеизмом. Он не держится за одну гипотезу более, чем за другую, и пользуется безразлично тремя словарями — деистическим, политеистическим и пантеистическим». Ни один не может притязать на исключительное право раскрытия людям божественной тайны. Одно представлялось Марку Аврелию несомненным: наличность в мире божества; атеизм противоразумен. «Если тебя кто-нибудь спросит: где ты видел богов или откуда узнал о их существовании, что так ревностно их почитаешь, отвечай: во-первых, они доступны и нашему зрению; а затем и души своей я никогда не видел, однако же чту ее. Так и с богами: и наблюдая постоянно проявления их силы, я узнал из этого, что они существуют, и поклоняюсь им» (XII, 27). Но что представляют эти боги, являются ли они лишь аспектами созидающего разума — *σπερματικός λόγος*, о котором учили стоики и на который часто ссылается Марк Аврелий? Несомненно, мы найдем у него тенденцию к монотеизму. Если мир един, то един наполняющий его бог, един и общий закон,

¹ Природа творящая, чем природа сотворенная (*лат.*). — *Сост.*

едина и истина (VII, 9). Учение о посредниках между божеством и человеком, та демонология, которая так принялась на почве религиозно-философского синкретизма, остается ему чуждой. Общение человека с божеством осуществляется прежде всего самопознанием, а затем и молитвой. По-видимому, для Марка Аврелия первое может заменять второе: молитвы есть ее лишь словесное выражение внутреннего чувства, и как таковое она должна быть проста и свободна наподобие приводимой им молитвы афинян о дожде (V, 7).

Но как примирить молитву со всеобщим предопределением? Это трудность, непреодолимая лишь для религиозного утилитаризма. В глазах Марка Аврелия молитва есть символ покорности человека миру, а не средство изменить его вечный ход. Мудрый и в молитве может лишь сказать природе: дай, что хочешь, и возьми, что хочешь (X, 14),— слова, которые так напоминают обращение Августина к Богу: *da mihi quod iubes, et iube quod vis*¹. Такое обращение понятно, если божество или боги не являются простыми равнодушными зрителями мирового процесса — место, которое им соглашалась отвести эпикурейская теология. Обычная у Марка Аврелия дилемма — слепой случай или разумная необходимость, выражается иногда в утверждении или отрицании божеского промысла. Второе нечестиво, ибо при нем падает смысл всего культа, как смысл молитвы, но оно логически допустимо и не устраняет этической самодеятельности человека (VI, 44). Сам Марк Аврелий, однако, решительно принимает первое,— и поэтому для него сливаются задачи космодицеи и теодицеи. Зло, которое мы видим в мире, не оправдывает ропота ни на природу, ни на богов: богоборство не только Манфреда и Каина у Байрона, но и Прометея в стихотворении Гете, апеллирующего от жалких и эгоистичных небожителей к всемогущему времени и вечной судьбе,— должно быть признано возмущением против самого времени и самой судьбы. Марк Аврелий далек от обычных ссылок на целесообразность природы, устроенной к услугам человека; он чужд здесь всякого антропоморфизма и отнюдь не склонен изображать человеческую действительность в сколько-нибудь розовых красках. Но страданье и зло для нас перестают быть таковыми, если мы себе представим всю бесконечную эфемерность нашего существования в потоке целого: космическая справедливость несоизмерима со справедливостью человеческой — но она есть справедливость. В самых наших жалобах, обращенных против богов, мы предполагаем их благую природу: иначе сетовать на них было бы столь же безумно, как сетовать на бездушные атомы (XII, 5). Марка Аврелия не удовлетворила бы теодицея, которая дается в книге Иова и которая выводит всемогущую божественную волю за пределы добра и зла — и добро и зло суть как бы лишь установления этой воли. Мораль имеет некоторое самостоятельное существование от религии; она возможна и при скептицизме, хотя последний для нее неблагоприятная почва: как говорится в платоновском Эвтифроне, святое не потому свято, что его желают боги, а потому его и желают боги; что оно свято. Поэтому для Марка Аврелия не требуются религиозно-метафизические постулаты в смысле Канта.

¹ «Дай мне, что пожелаешь, и пожелай, что сочтешь нужным» (*лат.*).—
Сост.

Мораль не теряет смысла, если мы окружены лишь бесконечностью и атомами.

Место человека в мире изображается в «Размышлениях» в двух как бы противоположных аспектах. С одной стороны, постоянно возвращаются напоминания о всей эфемерности человеческой жизни. Земля есть лишь точка в бесконечном пространстве, Европа и Азия лишь уголки мира, человек — ничтожный миг времени. «Всегда вспоминай, сколько умерло врачей, так часто хмуривших брови над ложем больного, сколько астрологов, с важным видом предсказывавших другим смерть, сколько философов, рассуждавших о смерти и бессмертии, сколько воителей, уничтоживших множество людей, сколько тиранов, пользовавшихся своей властью над чужими жизнями так, как будто бы они были сами бессмертны, сколько умерло, так сказать, целых городов, подобных Геликии, Помпее, Геркулану и бесчисленному множеству других» (IV, 48). Огромное большинство исчезает из памяти окружающих; лишь некоторые превращались в мифы, но и эти мифы обречены на забвение (VIII, 25). Нет более суетной заботы, чем забота о посмертной славе. Реален лишь настоящий миг — но что он значит перед лицом бесконечности в прошлом и бесконечности в будущем? И все-таки человеческий дух есть высшее, что мы находим в мире; по образцу его мы представляем душу целого (VI, 14; XII, 32). Предвосхищая Августина и Петрарку, Марк Аврелий зовет человека искать уединения не столько среди деревенского простора, в горах, на берегах морей, сколько уходя внутрь самого себя, в свою душу. Человек не есть его поступки; вся его ценность лежит в его душе. Нам недостаточно знать, как Сократ умер, какое он выказал искусство в спорах с софистами, какую выносливость к ночной стуже, какое благородное мужество в отказе исполнить приказ об аресте невинного человека, — нам нужно еще знать его душу, исполнен ли он был справедливости к людям и святости перед богами (VII, 66). И опять-таки Марк Аврелий и здесь остается чуждым какому-либо антропологическому догматизму; нельзя признать за последний указание, что человеку присущи три элемента: телесный, жизненный и разумный — σφαιρικόν, πνευματικόν и νοῦς (XII, 3), или что душе присуща сферическая форма (XI, 12). Господствующий мотив Марка Аврелия и здесь чисто этический.

Человек есть частица мира; его поведение входит в общий план судьбы или промысла. «Стремление к невозможному безумно». Но возможно ли, чтобы злые люди не поступали как злые? (V, 17) Самое чувство гнева должно падать, когда мы вспомним, что порочный не мог действовать вопреки своей природе. Но это не значит, чтобы у человека была отнята всякая свобода и с него снята всякая ответственность. Марк Аврелий подошел к великой философской проблеме необходимости и свободы, разрешить которую в пределах стоического детерминизма он, естественно, не был в состоянии. Его понимание этики осталось слишком интеллектуалистическим, как то было и у Сенеки, и у Эпиктета, как, можно сказать, вся древняя этика при свете нашего религиозного и философского опыта представляется проникнутой интеллектуализмом. Грех — в основе заблуждение и незнание. И в глазах Марка Аврелия, не по своему выбору, но всегда вопреки себе человеческая душа

лишается истины — равным образом справедливости, благополучия, кротости. Как всегда в интеллектуалистической этике, проблема зла лишается своей трагической безвыходности, и нет необходимости в искуплении, которое превышало бы человеческие силы. С другой стороны, фатализм Марка Аврелия совершенно свободен от той беспощадности в оценке заблуждающихся и погрешающих, которая так часто вырабатывается на почве религиозной веры в предопределение — хотя бы в кальвинизме.

Философия дает человеку возможность постигнуть свое место в мире и исполнить свои обязанности. Она делает это, вовсе не требуя от своего последователя слепо замкнуться в учение единой школы: ничто так не чуждо Марку Аврелию, как дух философского сектантства и педантизма, от которого не вполне был свободен Сенека. Дело философии просто и скромно; она не увлечет своего последователя на путь тщеславия. Может ли она, столь могущественная и царственная в глазах Марка Аврелия, переделать человека? Если порочность последнего вытекает из сознания, разве нельзя ему дать знание, переубедить? Теоретически Марк Аврелий это признает: человек не должен смотреть на своего согрешающего собрата, как на неисправимого, и, если ему не удастся удержать другого от зла, он должен обвинять самого себя. Это требование, которое не допустит человек до поспешных осуждений и недостойного гнева, но оправдывается ли жизненным опытом такая способность переубеждать? Опыт автора «Размышлений» не оставлял здесь для него места иллюзиям. «Люди будут делать то же самое, хотя бы ты перед ними разорвался на части» (VIII, 4). Не оказалась ли всякая философия бессильной изменить вкусы Коммода? Мораль основана на покорности человека природе в целом. Она создает то качество духа, которое Марк Аврелий называет простотой: человек должен быть простым (IV, 26). Здесь имеется в виду не только отсутствие лишнего, тем более роскошного во внешней жизни,— этого рода простота представлялась Марку Аврелию делом здорового вкуса,— но именно внутреннее настроение, чуждое всякой аффектации и раздвоенности. Ни философия, ни боги не предъявляют к людям преувеличенных требований. Не чувствуется ли здесь и утомление перед множеством условностей, которое несет с собой культура?

Эта душа, беспритязательная и покорная провиденью, на зло может отвечать только добром. Марк Аврелий не перестает проповедовать кроткое благожелательное отношение к людям вообще, в том числе и к врагам. «Люби человеческий род. Следуй богу» (VII, 31). Даже ненавидящие тебя — по природе твои друзья (IX, 26). Гнев, обезображивающий черты человеческого лица, искажает и наш духовный облик. Дополняя те мотивы, которые хотел дать человеку для борьбы с гневливостью Сенека в *De ira*, Марк Аврелий предлагает, по числу Муз, девять *memento*, которые бы должны представляться памяти, когда встречаешь злые дела. Здесь напоминание и о собственном грехе, и о незнании, как источнике зла, и о кратковременности человеческой жизни — и особенно о всепобеждающей силе доброты, когда она искренна. «Что сделает тебе разнузданный насильник, если ты останешься неизменно благожелательным к нему и, когда представится случай, будешь его кротко вразумлять, и в ту самую минуту, когда он захочет тебе

сделать зло, спокойно ему скажешь: «Сын мой, не поступай так; мы рождены для другого. Ты принесешь вред не мне, а себе» (XI, 18).

Вот новые слова и новые чувства. Идеал любви и всепрощение — это не идеал ни античной религии, ни античной философии в ее классический период. У Артемиды не дрогнула рука, когда она поражала детей Ниобеи, ни у Аполлона, когда он сдирал кожу с Марсия. Среди кардинальных добродетелей Платона не отведено места кротости и доброты. Настроения, которые, по-видимому, были так знакомы Востоку, отголоски которых можно найти в древнем Китае, Индии, Иудее, странно чужды классической древности. Они высказывались чаще на ее закате — в эпоху религиозного и морального синкретизма: здесь открывается великая заслуга римского стоицизма, как он запечатлелся в произведениях Сенеки, Музония, Эпиктета и как он повлиял на Марка Аврелия. В своем первоначальном виде нравственная доктрина стоиков заключала слишком много безжизненного ригоризма, при котором между чистой добродетелью и чистым пороком не существует никакой середины и все уклонения от добродетели равно важны. Беря пример, приводимый Цицероном, не значило ли это, что убить своего отца или зарезать петуха суть действия, подлежащие равному осуждению? С другой стороны, позднее из учения о безразличных вещах (*ἀδιάφορα*) выработалась мелочная, чисто иезуитская казуистика. От них в одинаковой степени удален гуманный идеализм Марка Аврелия и его указанных предшественников. Как уже указывалось, этот идеализм вовсе не предполагал фальшивой идеализации человеческой природы. Лесть столь же недопустима, как гнев. Человек должен быть добр и терпелив с людьми, но от него нельзя требовать, чтобы он близко к ним подходил (V, 33).

Было бы, однако, ошибочно думать, что этика «Размышлений» чисто пассивна, что она требует от людей только покорности и терпения. Сама кратковременность жизни есть призыв человека к работе (III, 1); добро, как и зло, добродетель, как и порок, — не в претерпевании, а в деятельности (IX, 16), да и самое воздержание от действия в иных обстоятельствах обнаруживает порочность (IX, 5). Столь добросовестный в исполнении своих жизненных обязанностей, Марк Аврелий отнюдь не склонен освободить от них человека под предлогом, что он достиг полного философского понимания. Ему вполне чужда идея мистической аристократии духа, которую мы так часто встречаем в истории религии и которая так свойственна была неоплатонизму. Личное положение императора слишком научило его видеть в человеке «политическое животное», выражаясь словами Аристотеля, в его морали много отведено социальным обязанностям; в этом он идет дальше и Сенеки и Эпиктета. Благо отдельного человека не может расходиться с благом общества: «...пока не терпит вреда государство, не терплю его и я» (V, 22), как, с другой стороны, бесполезное улье не может быть полезно пчелам (VI, 54). Муж, гражданин, римлянин, император должен стоять на посту, ожидая звука трубы, который призовет его из жизни (III, 5). Но эти социальные обязанности не ограничиваются стенами родного города, они охватывают все человечество и превращаются в часть отношения человека к миру. Римский император в своем универсализме не разошелся с фригийским рабом. Если Аристофан заставляет актера говорить:

«о, возлюбленный город Кекропса», то еще правильнее будет сказать: «о, возлюбленный город Зевса» (IV, 23). Человек есть гражданин высшего града, относительно которого остальные государства как бы отдельные дома (III, 11). Этот высший град стоиков, с которыми люди связаны в силу естественного закона, более основного, чем случайные распоряжки исторического государства, и в то же время закона божественного, подготавливает образ августиновского града Божия. Но своеобразии нравственно-политического учения Марка Аврелия заключается в том, что космополитизм не устраняет текущих гражданских обязанностей и не разлагает государственной дисциплины.

Эта возвышенная мораль, мужественная и в то же время человеколюбивая, имеет ли какую-нибудь санкцию? Марк Аврелий обещает ее последователям лишь одну награду — полное спокойствие духа, при котором человек уже не нуждается ни в одиночестве, ни в многолюдстве, когда достигнуто полное равновесие и внутри и вовне с окружающим миром (III, 7). Но подобное спокойствие так же эфемерно во времени, как и сама жизнь. Что остается от моральных призывов перед лицом всемогущей смерти? Бесконечная важность этого вопроса нимало не укрывалась от Марка Аврелия, и он никогда бы не согласился со Спинозой, что мудрого должна заботить жизнь, а не смерть. Ведь смерть отбрасывает тень на всю человеческую жизнь, и никакое сияние последней не может этой тени рассеять. Чувство, которое составляет едва ли не самый глубокий лейтмотив в отношении к миру у Л. Н. Толстого, проникает всю душу римского императора. Выработка разумного, нравственного, философского, религиозного взгляда на смерть — все эти эпитеты в основе тождественные — составляет главную тему «Размышлений».

И прежде всего человек должен понять, что самый уход из мира не есть что-либо страшное и печальное. С одной стороны, жизнь есть бесконечное повторение: тот, кто видел сегодняшний день, видел вечность (VI, 37, 46). Марку Аврелию, как и стоическому мировоззрению вообще, чужда идея прогресса; человек, умирая, не чувствует того, что судьба не довела его найти новые, лучшие дни на земле; самое настроение, так сказать, здесь питается образами кругообразного движения и вечного возврата. С другой — весь мир есть непрерывное изменение (IV, 3), вечный гераклитовский поток, где смерть, по существу, не отличается от рождения; оба они одинаково для людей таинственны и одинаково просты (IV, 5). Главное же — и наша жизнь, и жизнь всех людей, представленная на фоне бесконечного пространства и бесконечного времени, становится ничтожной точкой, одним мигмом; ее можно сравнить со сновиденьем; все проходит как дым и прах; как сегодняшние слова, которые завтра уже забыты (XII, 27). В этих мыслях, к которым столь часто возвращается Марк Аврелий, мы видим иногда полное совпадение с Экклезиастом (напр., гл. I, ст. 9—11), как ни глубоко различие в религиозно-моральном фоне.

Эта мысль о краткости жизни и непрочности всего окружающего является самым могущественным лекарством против страданий. При ней человек может их прекратить, добровольно покинув жизнь; в допущении самоубийства Марк Аврелий следует общей традиции стоиков.

С какой настойчивостью и разнообразием форм рекомендует его Сенека. «Видишь ли ты отвесную скалу? Вниз с нее идет путь к свободе. Видишь ли то море, ту реку, тот источник? Там в их глубине живет свобода. Видишь ли ты низкое, засохшее, бесплодное дерево? На нем висит свобода. Видишь ли ты свою гортань, свое горло, свое сердце? Все это убежище против рабства. Если тебе эти выходы слишком трудны, если они требуют слишком много мужества и силы и ты спрашиваешь, где путь к свободе, смотри, туда ведет каждая жила в твоём теле», «лучшее установление вечного закона то, что вход в жизнь нам дан один, а выходов много... Лишь в этом мы не можем жаловаться на жизнь: она не держит никого» (epis. 70, 12). Марк Аврелий не одобряет этого театрального искания смерти, которое, как указывалось, он приписывал христианам (XI, 3); но человеку, который не может устранить препятствие, мешающее ему жить достойно, он предлагает с миром в душе выйти из жизни (VIII, 47). Когда мы вспоминаем римские саркофаги с их барельефными изображениями цветущей, чувственно-веселой жизни, с их надписями, полными иногда ясного спокойствия, иногда иронической усмешки (саркофаг Анния Октавия в Латеранском музее), у нас невольно рождается предположение, что рассеять страх смерти великим моралистам и мыслителям тогда было легче, чем теперь.

Античному миру, как это доказано в блестящей книге Родэ «Psyche», вообще были мало свойственны определенные представления о загробной судьбе души. В своей «Апологии» Платон заставляет Сократа высказывать альтернативу — погружения в вечный сон или личного общения с ранее умершими. Несомненно, что общая тенденция стоицизма не благоприятствовала идее личного бессмертия; не находим ее мы и у Марка Аврелия. У него тоже альтернатива, но она отличается от сократовской: или душа погибает, или же переходит в другую форму (IV, 3). Если даже со смертью погашается всякое сознание, человеку нет основания страшиться этого «ничто». Но как и в предшествующих альтернативах, Марк Аврелий, не считая возможным абсолютно достоверное решение и не ставя от него в абсолютную зависимость прочности человеческой нравственности, склоняется к признанию разумной необходимости и божеского промысла — так и здесь склоняется к безличному бессмертию — слиянию человеческого духа с мировым разумом. Может быть, души умерших некоторое время наполняют воздух — согласно стоическому взгляду, они обладают известной материальностью, — как тела умерших наполняют землю: потом и эти последние сами становятся землей, и души погружаются в στερρατικός λόγος. Личное бессмертие здесь исключено, и Марк Аврелий почти готов сожалеть об этом пробеле в мироздании. «Как случилось, что боги, устроившие все так прекрасно и с такой любовью к людям, просмотрели одно: и самые лучшие из людей, вошедшие в тесное общение с божественным началом и всего более приблизившиеся к ним своей святостью и своим благочестием, раз они умрут, не рождаются снова, но угасают навсегда». Но это недоумение лишь мимолетно: Марк Аврелий слишком верил в мудрость и благость промысла, и если установлен настоящий порядок, значит, он соответствует благу и гармонии мира (XII, 5).

А если это так, то и срок жизни каждого предопределен, «человек, ты был гражданином этого великого града; не все ли тебе равно, пять лет или три года: повиноваться закону приходится одинаково всем. Что же ужасного в том, что из града отсылает тебя не тиран, не судья несправедливый, а природа, тебя в нем поселившая. Так отпускает со сцены распорядитель взятого им актера. Но ведь я провел не пять актов, а только три? Ты прав. Но в жизни три действия — вся драма. Конец определяет тот, кто ранее был виновником возникновения жизни, а теперь виновник ее прекращения; ты же чужд тому и другому. Итак, уйди из жизни с благим чувством, как благ и отпускающий тебя». После стольких образов ничтожества человеческой жизни в мировом процессе — образов, обвешанных настроением, напоминающим католический *requiem*, эти заключительные, простые слова — звучат как разрешительная молитва, залог последнего примирения.

По словам бл. Иеронима: «стойки в весьма многом согласны с нашим учением». Христианская легенда, которую принимал уже Тертуллиан, рассказывала об общении Сенеки и ап. Павла. Мы видели, что и Марк Аврелий, несмотря на несомненные факты преследования, не был причислен к врагам христианства. И в «Размышлениях» мы найдем много мест, родственных христианству. И, однако, ясно, что в этом стоицизме не заключалось внутренних возможностей стать религией, преобразующей античный мир.

Прежде всего даже у Марка Аврелия осталось слишком много интеллектуализма. Главное орудие стоической проповеди — убеждение и рассуждение были бессильны заразить массу. Проповедник, может быть, полон чувства, и все-таки он боится обратиться к чувству. По словам Марка Аврелия, удовольствие, получаемое от пения и танцев, исчезает, если мы проанализируем их элементы (XI, 2). В области религиозной этот анализ не есть ли гораздо более могущественное средство разрушения, чем созидания? Религиозное полное обращение в жизни человека, которое для него становится вторым рождением, никогда не определяется интеллектуалистической необходимостью — ее нет в истории Павла и Августина, Франциска и Ратисбонна. Стоицизм имел поэтому слишком мало обаяния для людей, которые как раз в создании и распространении великих религий играли первенствующую роль. Правда, зато у Марка Аврелия мы найдем свободу от религиозного и метафизического догматизма: он требует от человеческого ума минимальных жертв. Но многие ли могли воспользоваться этой свободой и не оставалось ли у массы здесь простого пробела? Отмеченный в «Размышлениях» нейтралитет между деизмом, политеизмом и пантеизмом решительно недостаточен. Сами стойки инстинктивно это чувствовали и старались не разрушать народной религии; не имея возможности совершить религиозного преобразования, они принуждены были выступить в роли религиозных консерваторов. Но эта роль, по существу, им несвойственная — ведь вульгарное многобожие никогда не могло бы принять их космологии — была в достаточной мере неблагодарна среди полного религиозного синкретизма.

Стоицизм не способен утолить жажды искупления, которая была одним из главных стимулов этого синкретизма,— не способен опять-таки уже потому, что для него зло и грех казались лишь формой познания. Что давало это человеку в том состоянии, которое изображает ап. Павел: «...не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». Нет культа, этого источника стольких религиозных переживаний. Нет братской близости, которая создается единством этих переживаний, общими уверенностями, общими надеждами, ибо нет этих уверенностей и надежд. Кротость, которую проповедует Марк Аврелий, не свободна от сознания собственного превосходства: следует любить людей, которые, вероятнее всего, этой любви совсем не заслуживают. Цельс возмущался христианской моралью, которая последних делает первыми, которая дает преимущество блудному сыну перед его достойным братом. Но там эта переоценка обычных ценностей во имя милосердия, побеждающего внешнюю справедливость, там признание общей греховности шли рядом с чувством общего сыновства, там родоначальник христианской теологии и первый проповедник церковной дисциплины мог вознести любовь выше языков ангельских и человеческих, выше веры и надежды (I Коринф., 13). Именно этой восторженности чувства не было у стоицизма. Марк Аврелий дал этике социальную окраску — но выполняет ее заветы отдельный человек в своей замкнутости. Для того чтобы соединить людей в Высшем граде, нужно было что-то еще кроме общего происхождения и естественных прав, нужно было этот общечеловеческий идеал наполнить более непосредственным содержанием.

Наконец, эта мораль, столь автономная, столь бескорыстная, видела свое высшее назначение в том, чтобы приготовить человека к смерти. Она отказывалась дать ему надежды на загробное существование. При свете ее философские доводы в пользу бессмертия, которыми напутствовал в Федоне умирающий Сократ своих учеников, теряют силу. Это слияние с космическим разумом слишком походит на полное уничтожение. И если сам Марк Аврелий почувствовал здесь какую-то космическую непонятную несправедливость, то насколько больше мог ее чувствовать его средний современник, у которого не было такой глубокой покорности, глубокой веры в мировой разум. Тем более что эта вера требовалась в кредит. Если необходимость для Марка Аврелия есть провиденье, то и провиденье принимает оболочку естественной, физической необходимости. Эвдемонистический инстинкт в человеке не получает никакого удовлетворения, вера в нравственный миропорядок подвергается тяжким испытаниям; выдержит ли их средний человек? Тем более что он имел выбор. Эпикурейская философия выработала мудрую диететику наслаждений тела и духа. Религиозное движение с Востока приносило надежду на возрождение к высшей, лучшей жизни; в христианстве эта надежда становится уверенностью. Не чувствуем ли мы у самого Марка Аврелия, что стоическая нравственность бессильна преобразовать мир? Она всегда будет уделом немногих избранных.

При таких условиях ясно, что стоицизм не мог остановить поступательного шествия христианства. Его значение здесь нельзя сопоставлять даже с религией Митры, в которой замечались такие поразительные

аналогии с христианством и которая шла навстречу и этой жажде искупления, и потребности в обновленном культе, и тяготению к мистическому. Отсюда, говоря отвлеченно, могла развиться религия, которая бы охватила массы, более приспособленные к человеческой психологии, чем манихейство, и более богатые религиозным содержанием, чем ислам. Перед стоицизмом эти отвлеченные возможности не существовали. Здесь причина благосклонности к нему христианских писателей: они готовы были в нем увидеть бледное отражение христианской истины, тогда как митраизм представлялся им дьявольским плагиатом. Во всяком случае стоицизм в большей мере подготовлял почву для христианства, чем его задерживал. Им широко воспользовались христианская мысль и христианская литература, преимущественно на латинском Западе, в особенности разрабатывая систему морали. Наконец, огромно его косвенное воздействие через преобразованное римское право, давшее столько образцов праву каноническому.

Если же мы отрешимся от этой культурно-исторической обстановки, в которой стоической проповеди были поставлены довольно узкие пределы, если мы возьмем «Размышления» Марка Аврелия как одно из произведений морального самосознания, значение этой книги для нас может только возрасти. Не связанные ни с какими догматами, не пытаясь поднять завесы над тайной мирового порядка, «Размышления» остаются полными содержания, когда ряд исторических догм безвозвратно разрушен, религиозная по своему господствующему тону мысль Марка Аврелия освобождается от односторонностей интеллектуализма и сближается с тем вечным смыслом, который лежит под историческими оболочками христианства. Новая наука также показывает человеку всю эфемерность его жизни, в бесконечном космическом времени и пространстве; она опровергла его антропоцентрические притязания, против которых восстал Марк Аврелий, и обнаружила бесчисленные нити, связывающие его со строением и процессом Вселенной. Не идет вразрез здесь и новая этика, которая этому космическому фатализму противопоставляет идею достоинства человеческой личности с ее религиозными санкциями и ее политическими и социальными выводами. И наконец, вся новая культура дает человечеству один урок — терпимости в высшем смысле слова, благодарного признания тех идеалов, которые для сектантски воспитанного ума кажутся непримиримо противоречивыми. Мы преклоняемся перед св. Игнатием и перед Джордано Бруно, перед Августином и перед Галилеем, перед Франциском Ассизским и перед Спинозой — они все сочлены «высшего града» человеческой культуры, — и в этом избранном обществе почетное место обеспечено и Марку Аврелию.

Печатается по:
«Памятники мировой литературы. Античные писатели. *Марк Аврелий*. Наедине с собой. *Размышления*». М., 1914. С. IX—LVI.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КОММЕНТАРИЯХ
В КАЧЕСТВЕ ОТСЫЛОК НА ИСТОЧНИКИ

- Apolloḍ.— Аполлодор. «Мифологическая библиотека» [Л., 1972].
- Apul. Met.— Апулей. «Метаморфозы» [«Апология. Метаморфозы Флориды». М., 1993].
- [Аристотель]. Ethic. ad Nicom.— «Никомахова этика» [Соч., т. 4. М., 1984].
Meth.— «Метафизика» [Соч., т. 1. М., 1975].
Polit.— «Политика» [Соч., т. 4].
Rhet. Rhetoric.— «Риторика» [«Античные риторика». М., 1978].
- Athenaei. Deipn.— Атеней. «Пирующие софисты».
- Aug. De Civit. Dei.— Августин. «О граде Божьем». Epis. Ad Maced. «Письма. К Македонию».
- Aul. Gell. att.— Авл. Геллий. «Аттические ночи» [Томск, 1993].
- Cassiod. de artib. litt.— Кассиодор. «Институции», ч. II.
- Caes. Bel. Gal.— Юлий Цезарь. Галльские войны [«Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. О Галльской войне». М., 1991].
- Cic. Acad., Acad. Qu.— Цицерон. «Учение академиков».
Brut. «Брут».
Cato maior. «О старости» [«О старости. О дружбе. Об обязанностях». М., 1974].
de amic. «О дружбе».
De Finib., de fin., Fin., Verg.— «Речь против Гая Верреса. О кознях» [Речи. М., 1993, т. I].
De legib. «О законах».
De nat. Deor. «О природе богов» [Философские трактаты. М., 1985].
De offic., off. «Об обязанностях».
De orat. «Об ораторе». [Три трактата об ораторе. М., 1994].
- Diod. Sic.— Диодор Сицилийский. «Историческая библиотека» [т. 1—6. Спб., 1774—1775].
- Diog. Laert.— Диоген Лаэртский. «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» [М., 1979].
- Dio. Cass.— Дион Кассий. «Римская история» [«Поздняя греческая проза». М., 1961].
- Epictet. Diss.— Эпиктет. «Беседы» [Вестник древней истории. 1975, № 2—4; 1976, № 1—2].
Man.— «Настольные заметки стоической морали» [Казань, 1883].
- Evrip. Orest.— Еврипид. «Орест» [Пьесы. М., 1960].
- Herod.— Геродот. «История» [М., 1993].
- [Hesiodos]. Opp. et Des.— Гесиод. «Труды и дни» [«Эллинские поэты в переводе В. В. Вересаева». М., 1963].
- Homer. Ilias.— Гомер. «Илиада».
Odys.— «Одиссея».
- Horat. Carm.— Гораций. «Оды».
Carmen Seculare. «Юбилейный гимн».
Ep. «Эподы».
Serm. «Сатиры».
[Собр. сочинений. Спб., 1993].

- [Jos. Flav.] Antiquit.— Иосиф Флавий. «Иудейские древности» [т. I—II. М., 1994].
- Liv., T. Livii.— Тит Ливий. «История Рима от основания города» [т. I—III. М., 1990—1994].
- Lucr., Lucret. de rer. nat.— Лукреций. «О природе вещей» [М., 1937].
- M. Aurel.— Марк Аврелий.
- Ovid Amor.— Овидий. «Любовные элегии».
- Fast. «Фасты».
- Metam., Metamorph.— «Метаморфозы».
- Pont. «Письма с Понта» [Собр. соч., т. I—II, Спб., 1994].
- Plin. epp.— Плиний Младший. «Письма» [М., 1984].
- Plin. N. H.— Плиний Старший. «Естественная история» [Катон. Варрон. Колумелла. Плиний. «О сельском хозяйстве». М., 1957].
- Plutarch. Brut.— Плутарх. «Брут» [Сравнительные описания. М., 1994, т. II].
- De adul. et amici discrim. «О юношестве и различиях в дружбе».
- De Superstit. «О суеверии».
- Lib. de Monarchia, Democratia et Oligarchia. «Книга о монархии, демократии и олигархии».
- Vit. Anton. «Антоний» [Сравнительные жизнеописания, т. II].
- Vita Coriolani. «Кориолан».
- Vita Demetr. Poliorcet. «Деметрий» [Там же].
- Sull. «Сулла» [Там же, т. I].
- Quintill. declamat.— Квинтилиан. «Обучение оратора».
- Sall. Bell. Iugurt., Iug.— Саллюстий. «Югуртинская война» [Сочинения. М., 1981].
- Senec. Apdcolocyntosis. Сенека. «Отыквление» (Сатира на смерть императора Клавдия).
- Consol. ad Marc. «Утешение Морции» [Брам М. Классики философии. Т. I. Спб., 1907].
- Consolat. ad Helv. «Утешение Гельвеция».
- De brev. vit. «О краткости жизни».
- De clem. «О кротости».
- De provid. «О проведении» [Керчь, 1901].
- De vita beat. «О счастливой жизни».
- De tranq. animi. «О спокойствии души».
- Ep., Epist. «Нравственные письма к Луцилию» [М., 1977].
- Natur. Quaest.— «Вопросы естествознания» [Древнеримские мыслители. Свидетельства. Тексты. Фрагменты. Киев, 1958].
- [Сенека-отец]. Controvers.— «Контroversии».
- Sext Empir, contra Mathem.— Секст Эмпирик. «Против математиков» [Соч., в 2-х т. Т. 1—2. М., 1975—1976].
- Stob.— Стобей. «Антология».
- Sueton. Aug., Oct., Octav.— Светоний. «Август».
- Saes. «Юлий Цезарь».
- Calig. «Калигула».
- Tib. «Тиберий» [«Жизнь двенадцати цезарей». М., 1990].
- Tac. Agricol.— Тацит «Жизнеописания Юлия Агриколы».
- Annal.— «Анналь» [Соч., в 2-х т. М., 1993, т. I].
- Tertul. De anima.— Тертуллиан. «О душе».
- Valer. Max.— Валерий Максим. «Достопримечательные деяния и высказывания».
- Vergil. Aen., Aenis.— Вергилий. «Энеида».
- Ecl. «Эклоги» («Буколики») [«Буколики. Георгики. Энеида». М., 1971].
- Xenophon. Memor. Socr.— Ксенофонт. «Воспоминания о Сократе» [«Сократические сочинения». Спб., 1993].

Луций Анней Сенека (ок. 4 г. до н. э.— 65 г. н. э.), младший сын римского «всадника» и известного риторика Луция Аннея Сенеки Старшего, родился в испанском городе Кордубе (Кордова). Уже в юности он увлекался философией, хотя первоначально отец оказывал на него более сильное влияние, чем его учителя-философы — Сотион, Фабий Папирий и Аттал,— и Сенека Младший пошел бы по стопам Сенеки Старшего. Но, едва ступив на путь государственной деятельности, он серьезно заболел и, с трудом преодолев в себе искушение покончить жизнь самоубийством, на много лет уехал в Египет, где лечился и писал естественно-научные трактаты.

Вернувшись в Рим при императоре Калигуле, Сенека входит в Сенат, где быстро добивается успехов как оратор, чем вызывает ревнивую и злобную зависть у самого императора. В 41 г. по наущению жены императора Клавдия Мессалины, прославившейся своим распутством, Сенека был сослан на Корсику, где пробыл семь лет. Лишь в 48 г. после смерти Мессалины он был помилован и по возвращении в Рим стал наставником будущего императора Нерона. С 54 г. после воцарения Нерона Сенека фактически определяет всю римскую политику. В 62 г. он вышел в отставку. Доносчики связали его имя с неудавшимся разговором Пизона, и Сенека по приказу Нерона покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены (то же сделала и его жена). Последние минуты его жизни описаны в «Анналах» Тацита (XV, 63).

Сенека, несомненно, посетил сей мир в одну из его роковых минут, и отпечаток трагической раздвоенности, безусловно, лежит на всем его творчестве и даже на его облике. Был ли он при этом «блажен» — бог весть...

От Сенеки сохранилось двенадцать небольших трактатов («диатриб»), три больших трактата («О милосердии», «О благодеяниях», «Естественно-исторические вопросы»), «Нравственные письма к Луцилию», девять трагедий на мифологические сюжеты, несколько эпитаграмм и политический памфлет на смерть императора Клавдия («Отыквление божественного Клавдия»), написанный в форме менипповой сатиры. От некоторых других его сочинений сохранились небольшие фрагменты.

Из всего этого богатого наследия современный отечественный читатель практически знаком лишь с «Нравственными письмами к Луцилию», полный перевод которых, выполненный С. А. Ошеровым, был издан у нас в 1977 г. и с тех пор несколько раз переиздавался (целиком или в сокращенном варианте). Остальные сочинения Сенеки из числа переведенных на русский язык печатались в недоступных широкому читателю дореволюционных журналах и хрестоматиях.

О БЛАГОДЕЯНИЯХ

Печатается по тексту перевода, опубликованному в харьковском журнале «Вера и разум» в 1889—1897 гг. Фамилия переводчика не указана, но, вероятнее всего, им был П. Краснов, который с 1884 г. печатал в журнале «Вера и разум» перевод избранных писем Сенеки к Луцилию. В настоящем издании сохранены — в несколько сокращенном виде — комментарии, сделанные переводчиком. Во вступительной заметке, открывающей публикацию перевода, сказано следующее:

«Предпринимаемая перевод сочинения Сенеки «De Beneficiis», мы имели в виду продолжить труд, начатый в журнале «Вера и разум» за 1884 год. Там был помещен перевод некоторых избранных писем этого философа с целью познакомить читателей с произведениями Сенеки как «одного из популярнейших в свое и последующие времена римских писателей».

В предисловии переводчиком «писем» было <...> указано на важное значение его произведений, представляющих собою «кодекс нравственных правил, которые выработал ум древних в руководство к достижению на земле высшего блага или счастья». Указано было и на то значение, какое произведения этого философа могут иметь и «в настоящее время — при свете христианского учения, служа во многих частных случаях руководством к жизни». Но, заслуживая серьезного внимания, как один из наиболее выдающихся представителей древней философии и как мыслитель, наблюдения и советы которого не лишены значения и пользы

для настоящего времени, Сенека должен иметь для нас живой интерес главным образом по тому отношению, в котором учение его находится к христианству. В настоящем случае мы и желаем несколько подробнее указать на это отношение.

Признано, что учение Сенеки содержит в себе такие элементы морали, каких нельзя найти ни у кого другого из античных писателей и которые приближают его к учению христианства. «Нет ни одного писателя древности, — говорит Баур, — из сочинений которого можно было бы представить столько мест, сходных по мысли с некоторыми местами Св. Писания, ни одного, который бы в характере своего образа мыслей проявил столь много христианского». И в самом деле, учение Сенеки в некоторых случаях поразительно приближается к христианскому. Таковы мысли его о Боге, как Творце и Промыслителе мира, премудром и любвеобильном Отце и воспитателе рода человеческого, источнике всякого блага и любви, о Боге, как существе духовном и непостижимом для людей; таков идеал нравственно совершенного человека, начертанный Сенекою; таково учение его о любви, как основе всех человеческих отношений, и мотивах нравственной деятельности, которые заимствуются им не столько из понятия о чистой добродетели, сколько из понятия о божестве. «Надо, — говорит он, — чтить Бога посредством добродетели». Учение его, проповедующее всеобъемлющую любовь, совершенно чуждо того аристократизма и партикуляризма, которые были столь свойственны другим древним писателям, не исключая и гуманнейших из них (например, Платона). Подобно тому как ап. Павел выступил на борьбу с узким партикуляризмом подзаконного иудейства, проповедуя, что в царстве Христовом нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, и Сенека среди язычников учил, что «человек для человека должен быть священным», что «расположением его пользуется всякий, носящий имя человека, хотя бы ничего более и не говорило в его пользу». Далее, у того же философа мы встречаем учение о том страшном времени, когда обнаружатся все помышления и поступки людей и произойдет совершенное изменение мира, — учение, поразительно сходное с библейским учением о будущем суде и загробном воздаянии. Причина происхождения такого поразительного сходства до сих пор остается недостаточно выясненною и подает повод для самых разнообразных суждений. Из некоторых дошедших до нас свидетельств христианской древности мы узнаем, что еще в III в. среди западных христиан существовало предание о дружеских отношениях философа Сенеки к ап. Павлу по возникшей между ними переписке¹. Собрание писем ап. Павла к Сенеке и Сенеки к ап. Павлу сохранилось и до настоящего времени, но неподлинность их теперь вполне доказана. Тем не менее вопрос об отношении Сенеки к христианству вообще и к ап. Павлу в частности до сих пор не разрешен окончательно. Одни, как, например, Баур и др., полагают, что учение Сенеки было продуктом естественного развития человеческого ума, дошедшего до раскрытия высоких истин; другие, как, например, Крейер, допускают возможность личного знакомства Сенеки с проповедниками христианства в Риме и учением их и влияния сего последнего на образ мыслей знаменитого философа.

Книги «о благодеяниях» и возбуждают, главным образом, интерес потому, что, после писем к Луцилию, в них всего более заключается таких мыслей, которые приближают учение Сенеки к христианству. В этом отношении следует обратить внимание особенно на те места переводимого сочинения, где говорится об обязанности человека к Божеству, которые должны состоять в благоговении, любви, благодарности и добродетельной жизни, — в стремлении приближаться к Его бесконечным совершенствам; где советуется побеждать зло добром, бескорыстно помогать ближним; где раскрывается учение о бесконечной любви Божества к человеческому роду.

Благодаря высоте нравственного учения, важности предмета и той полноте и обстоятельности, с какою этот предмет обследован, сочинение «О благоде-

¹ Так, бл. Иероним (331—420 г.) вносит Сенеку в список писателей, дружественных христианству, и упоминает о переписке Сенеки с ап. Павлом. Об этой же переписке упоминает и бл. Августин (Epist. 153 Ad Mased). Наконец, еще одно указание на сношения ап. Павла с Сенекой и переписку между ними мы находим в одном памятнике, известном под заглавием «De passione Petri et Pauli», происхождение которого относят некоторые к началу II в. Составление его приписывалось Лину, епископу Римскому, но неподлинность его теперь вполне доказана. Желаящие ознакомиться с перепиской могут обратиться в журнал «Православное обозрение» за 1883 г., с. 115—160.

ниях», по справедливому замечанию Дидро¹, «представляет собою прекраснейшее произведение, составленное для пользы не одного Нерона и Либералия, но и всех людей». Анализируя с глубоким знанием человеческого сердца и его тайн разнообразные проявления духовной жизни, с глубокой пронизательностью открывая и подмечая различные ненормальности во взаимных отношениях людей, Сенека лучше и обстоятельнее всех древних моралистов исследовал такую важную область проявлений нравственного чувства, как благотворительность, которая, по его замечанию, «служит главнейшим связующим звеном для человеческого общества».

Что касается внешней стороны переводимого сочинения Сенеки, то здесь, к сожалению, замечается важный недостаток. Недостает именно последовательности и точности в изложении мыслей. Манера автора рассуждать в данном случае способна иногда вызывать нетерпение в самом преданном читателе. У него нет определенного плана. «Он сходит с дороги, чтобы сорвать прекрасную мысль или чтобы пустить стрелу сатиры». Другого рода неудобство и затруднение, возникающее при чтении рассматриваемого сочинения, но уже зависевшее не от автора, заключается в пропусках и позднейших вставках в первоначальный текст, внесенных в средние века. Такими недостатками в особенности отличается 9-я глава 1-й книги, которую некоторые из комментаторов уподобляют «осколкам прекрасной статуи».

Время написания переводимого сочинения может быть определено только приблизительно. В конце первой книги есть, между прочим, довольно неуважительный отзыв об императоре Клавдии, чего, очевидно, не могло быть сделано при жизни этого подозрительного и враждебно относившегося к Сенеке государя. С другой стороны, в этом сочинении нигде нет и отзыва о Нероне, как о человеке, облагодетельствовавшем автора, что было бы весьма уместно сделать в рассматриваемом сочинении. Наоборот, мы здесь встречаем даже осторожный намек на неблагодарность императора к своему бывшему наставнику. «Наставники,— пишет Сенека,— и благодеяния их нами забываются, так как мы оставили отрочество». Подобный намек, конечно, не имел бы смысла, если бы сделан был в то время, когда наставник императора пользовался расположением своего питомца и был осыпан его милостями. На основании приведенных соображений обыкновенно предполагают, что книги «De Beneficiis» написаны Сенекою в последние годы его жизни (т. е. в 63—65 г. н. э.), когда, замечая ненависть к себе со стороны Нерона, наш философ удалился от двора, избегал различных почестей и редко появлялся в городе, отговариваясь нездоровьем. В письме VIII Сенека пишет, что он удалился «не только от людей, но и от дел, для того чтобы потрудиться для потомков и написать для них нечто такое, что могло бы принести им пользу». Под этими трудами для потомства всего естественнее, полагают, разуметь составление книг нравственного содержания.

Что касается лица, которому адресовано переводимое сочинение, то наши сведения о нем крайне скудны. В нравственных «Письмах к Луцилию» (XCI, I), где Сенека сообщает о пожаре в колонии Lugdunum (Лион), он замечает, между прочим, о Либералии: «Нашего Либералиса опечалила весть о пожаре, дотла спалившем Лугдунскую колонию». Отсюда предполагают, что Либералий был уроженцем Лугдунской колонии, или нынешнего Лиона. Во всяком случае несомненно, что это был человек весьма известный и заслуживавший уважения. Сенека называет его «человеком превосходным по природе и расположению к благодеяниям». Род Эбуциев, по замечанию Ruhkopf'a, был знатен и небезызвестен уже Цицерону, а прозвание Либералиев, как можно видеть из Светония, принадлежало даже Флавиам и Сальвиям.

При переводе мы руководствовались следующими текстами и комментариями сочинений Сенеки:

1. L. Annaei Senecae opera a Justo Lipsio emendata et Scholiis illustrata. Editio tertia, atque ab ultima Lipsii manu Antverpiae a. MDCXXII.
2. L. Annaei Senecae philosophi opera omnia recognovit et illustravit Fridericus Ernestus Ruhkopf. Volumen IV. Lipsiae MDCCCXVIII.
3. Collection des auteurs latins de M. Nisard. Paris. MDCCCLXII.
4. Annaei Senecae opera recognovit Fridericus Haase. Lipsiae. MDCCCLXXXIV».

¹ В его соч.: «Essai pur les Regnes de Claude et de Neron et pur les moeurs et les écrits de Senecue».

¹ «Qui beneficium non rededit, magis peccat, qui non datcitius» — Первый погрешает по той причине, что, уже будучи должен,— не возвращает, а последний — по той, что не одождает. Таким образом, первый совершает проступок — более тяжкий, а последний — по времени более ранний и, как сказано: «предваряет проступок неблагодарного».

² Одни из комментаторов приписывают этот стих Актию, знаменитому римскому трагику, другие — некоему Сиру, сочинителю комедий.

³ In calendario. Так называлась домовая книга, где отмечалась ежемесячная уплата процентов.

⁴ Пойманные слоны обыкновенно укрощались голодом и привязывались к тем, кто подавал им после того пищу (*Плиний*).

⁵ Ср.: Plin. ерр. III, 4: «Природа устроила так, что прежние благодеяния забываются, если не напоминать о них новыми. Люди, которые многим нам обязаны, если раз в чем-нибудь им отказать, помнят только о том, в чем было им отказано».

⁶ В таком виде обыкновенно рисовали граций живописцы и изображали скульпторы.

⁷ Пасифея была выдана замуж за Сон, а Харита — за Гефеста.

⁸ Сотканые из фригийской шерсти и украшенные шитьем, которое впервые введено фригийцами, как полагает Плиний.

⁹ От греч. εὐρύς — широкий и νεμεσσι — раздавать.

¹⁰ Этот случай рассказывает Диоген Лаэртский (II, 34).

¹¹ Отточиями обозначены места, утраченные в дошедших до нас текстах сочинений Сенеки.

¹² Injuriae summa.

¹³ Т. е. предмет благодеяния (см. главу 6).

¹⁴ Именно такие, которые могут быть оказаны безо всякого ущерба с нашей стороны. Все подобное полезно для принимающих и необременительно для дающих. Ср.: Cic. De offic. I, 16, 7—8.

¹⁵ Подобным же почти образом делит благодеяния и Аристотель. Rhetoric. I. 5.

¹⁶ Опись имущества в казну, ссылка, изгнание.

¹⁷ Родной кров — domus paterna.

¹⁸ Т. е. всего полезнее такое благодеяние, при помощи которого мы имеем возможность принести себе пользу и заручиться помощью людей сильных.

¹⁹ Venationem, т. е. самих зверей, взятых на охоте и приспособленных к охоте. Как-то: львов, слонов и т. п., которые в древних римских цирках выпускались для борьбы друг с другом или с особыми гладиаторами, так называемыми бестиариями, в те дни, когда давались зрелища, предназначенные для народного увеселения.

²⁰ Подобное же повествование встречается у Плутарха (Lib. de Monarchia, Democratia et Oligarchia, с. 2). Но у него речь идет не о коринфянах, а о мегарцах. Вообще Сенека с предубеждением относится к Александру Великому.

²¹ Философы и риторы древности, в особенности же стоики, склонны были восхвалять Геракла и ставить его образцом мужества, справедливости и благоразумия. Ср.: Xenophon. Memor. Socr. II, 1, 21.

²² Stabularii — содержатели постоянных дворов, во времена Апулея пользовались весьма малым уважением. См.: Metam. I, 56 sq.

²³ Сауро — χατηρός — продавцы вина и пицы были в презрении, по свидетельству Горация. Serm. I, 1, 31 и др.

²⁴ Mimici — комические актеры, находились в презрении за свои непристойные зрелища и подобного же рода образ жизни.

²⁵ Имеются в виду пиришества, которые давали публично различные честолюбцы для достижения своекорыстной цели. Этот обычай осуждали стоики.

²⁶ На получение после него наследства. Очевидно, речь идет о поиске наследства после лиц бездетных. Чем невоздержаннее была жизнь таких одиноких людей, тем более возбуждались надежды в людях, домогавшихся после них наследства.

²⁷ Т. е. стоикам.

²⁸ Так как, по учению стоиков, добродетель есть свойство души, согласное с природой и разумом, то отсюда следует, что ни одна благородная сила души не могла быть таковой, кроме той, которая согласовалась с разумом и, таким образом, становилась добродетелью.

²⁹ Отчим Нерона, первый муж Агрипины.

³⁰ Август был бережливее, но давал благоразумно.

³¹ Клавдий, по отзыву Сенеки, был человек недалекого ума и хотя много жаловал, но зато много и отнимал.

Книга вторая

¹ Начинающегося с XII, 3 и продолжающегося до конца 1-й книги.

² «Adversus ducentem» — образ заимствован из комического танца древних греков, называвшегося *χορδός*, во время которого один из танцующих тащил бечеву, взявшись за которую следовали и остальные танцоры.

³ Букв. лица — *frontis infirmitas*. На лице выражается обыкновенно печаль, стыд и другие чувства. Отсюда: *frontis infirmitas* — способность лица легко выражать эти чувства. *Firma frons* — способность не выражать волнующих душу чувств.

⁴ Это подтверждает вся история римского народа. Благодаря такому взгляду римляне древних времен обнаруживали необыкновенную твердость и терпение в несчастиях.

⁵ Подобную мысль Сенека проводит и в своих письмах.

⁶ Как пример подобной предупредительности, Сенека ниже (гл. 10) приводит философа Аркесилая. Подобным образом Архелай, царь Македонский, одарил Эврипида без всякой просьбы со стороны последнего.

⁷ Так, у высокопоставленных лиц подаяние или милость оказывается через различных посредников, а не самим благотворителем. Приходится просить домоправителя или другое приближенное лицо похлопотать за себя.

⁸ Подобную мысль встречаем в следующей эпиграмме Марциала:

Первым делом «я дам», говоришь ты мне, Цинна, на просьбу,
Ну а потом ты даешь сразу же, Цинна, отказ.
Я и дающих люблю, и не против отказа я, Цинна,
Но иль давай, или дай сразу же, Цинна, отказ.

(Перевод Ф. А. Петровского)

⁹ Так поступали тираны древности. Гай Калигула дал приказание убивать таким образом, чтобы «жертва чувствовала, как умирает».

¹⁰ Известно, подразумевается ли здесь историк Фабий Рустик или другое лицо. Об этой личности упоминает Тацит (*Annal.* XIII, 20; XIV); о Непоте ничего не известно.

¹¹ Об этом рассказывают Плутарх (*de adul. et amici discrim.* 32), который называет этого друга Апельлием, и Диоген Лаэртский (IV, 37), называющий его Ктесибием. Последний рассказывает, что Ктесибий, нашедши кошелек, воскликнул: «это шутки Аркесилая».

¹² Известно кто. А что касается упоминаемого здесь триумvirата, то здесь имеются в виду Антоний, Лепид и Октавий; последний в данном случае и вообще часто называется Цезарем (см. *Sueton.* Oct. 7, 27). Между законами Корнелиевских, проведенных диктатором Суллой (672 г. от основания Рима), был один относительно проскрипции и лиц, ей подвергавшихся. Закон этот был в действии при Октавии и некоторых других. Имена осужденных преступников выставлялись публично на так называемых «*tabulae proscriptiois*», их имущество конфисковывалось. О настоящей проскрипции триумvirов, которая была в 711 г. (от основания Рима), см.: *Plutarch, vit. Anton.* с. 19 и сл. и *Dio Cass.* 47, 3 и сл.

¹³ Липсий полагает, что это был тот самый Помпей, которого впоследствии Гай Калигула принудил умереть голодной смертью, так как он был богатым в свое время человеком, о чем Сенека говорит также и в «*De Tranq. Anim.*». XI. Но, кажется, это был другой Помпей, так как он принадлежал к роду Пеннов.

¹⁴ «*Soccatus*» — это было необычным для римлян, и Цицерон сильно упрекал Верреса за то, что тот «*soccatus in publico stetit*» (появляется в легкой обуви в общественном месте). Дома у римлян вообще употреблялись *soleae*, в местах же

публичных они появлялись в *calceati* (в сапогах). Гай же явился на суд даже (*in muliebrī socco*) — в женском башмаке.

¹⁵ Ср.: *Cicero, de offic.* I, 14 и сл.

¹⁶ По отношению к Александру Великому Сенека часто проявлял несправедливость. См. выше 1, 13. Впрочем, в данном случае эпитет сумасброд («*vaesanus*») прилагается Сенекою к Александру, кажется, неискренно, так как непосредственно затем присоединяется похвала.

¹⁷ Здесь Сенека, по-видимому, намекает на Деметрия, о котором говорит ниже (VII, 41).

¹⁸ Имеется в виду Антигон I Одноглазый, полководец и друг Александра Македонского, ставший после его смерти царем Сирии (306—301 гг. до н. э.). См.: *Plutarch, vita Demetr. Poliorcet.* 29.

¹⁹ Правилom школы киников было презирать богатства и нуждаться как можно в меньшем. *Diogen Laert.*, VI, 105.

²⁰ Здесь разумеется известная в древности игра в мяч «*pila trigonalis*», которая велась тремя только игроками, стоявшими по трем концам треугольника; игра состояла в том, что они мяч бросали поочередно.

²¹ Отсюда и до конца книги Сенека отвечает на вопрос: как следует вести себя при получении благодетелей?

²² Примером может служить царь Ферарийский в Фессалии, которому, говоря словами Цицерона (*de nat. Deor.*, III, 28), «не желал пользы тот, который раскрыл ему мечом нарыв, от лечения которого отказались врачи».

²³ Об этом рассказывает *Aul. Gell. Noct. att.*, V, 13 и др.

²⁴ Марк Брут во время гражданской войны примкнул к Помпею, но после неудачных действий возвратился к Юлию Цезарю. *Plutarch. Brut.*, IV. Впрочем, если не ошибаемся, один Сенека рассказывает, что Брут возвратился к Цезарю уже с намерением убить его.

²⁵ Трое погибли от железа, один — от молнии.

²⁶ Примером может служить Цицерон, который после удачной защиты Росция Америна нашел себе врага в лице Хрисогона, равно и Суллы, вольноотпущенником которого был Росций. Вследствие этого, оставив Рим, Цицерон удалился в Азию. Подобным образом сам Сенека оскорбил Гая Калигулу, который едва не дал приказания умертвить его (см.: *Dio. Cass.*, 59, 19).

²⁷ Отец Юлия Агриколы, жизнь которого описал Тацит.

²⁸ *Carceres* — место в цирке, откуда скакбюдроной (сорокоходы) начинали бег. Чиновники, заправлявшие играми, давали сигнал, отодвинув железные и деревянные запоры, задерживавшие сорокоходов, после чего сорокоходы выскакивали, причем выскакивший после старался догнать и опередить первого.

²⁹ См.: *Sueton. Tib.* 49.

³⁰ В этой главе Сенека, чтобы показать благодетяния богов, пользуется телсологией, которую стойки признавали, так как, по их учению, все произведено ради богов и людей.

³¹ Между этими философами первое место занимает Теофраст, ученик Аристотеля, который, говоря, умирая, обвинял природу в том, что она воронам дала более продолжительную жизнь, чем людям (*Cic. Tusc.* III, 28). Подобное замечание об эпикурейцах см.: *Lucretii de rer. nat.* V, 201 и сл.

³² Ср.: *Cic. de amic.* 5 etc.

³³ *Prætexta* (*Sc. toga*) — тога, обложенная червленой опушкой, как знак отличия и высокого положения лица, ее надевавшего.

Книга третья

¹ Т. е. в степени и образе проявления. Это имеет отношение к положению стоиков, что все грехи равны, поскольку согрешающие отступают от исполнения закона.

² Подобное же сравнение мы находим у Плутарха (*De Superstit.*, VI) относительно атеистов и людей суеверных. Первых он сравнивает со слепыми, а вторых — с обладающими плохим зрением и первых поэтому считает худшими.

³ Добродетелью — не в смысле стоиков, по учению которых добродетель есть совершенный разум (*Cic. Acad. Qu.* I, 10) «*ratio perfecta*», но добродетелью —

в смысле доброго расположения и убеждения в том, что необходимо воздать благодарность за благодеяния, как скоро есть к тому удобный случай и средства.

⁴ Patrocinium — собственно: защита пред судом.

⁵ Situs — здесь: нечистота, ржавчина, по-гречески ἐνρῶς — или иногда — πῖνος. Ср. Senec. Ep. 58, 3.

⁶ Мысль эту мы находим еще у древних. Они часто порицали непостоянство людей, которые новое предпочитают старому и благодаря этому увлекаются пристрастием к новизне. Ср.: Homer. Odys. I, 351 и сл.; Horat. Carm III. 29, 33. Herod. III, 81. Epictet Diss. 1, 24.

⁷ Возможно, Сенека здесь имел в виду современные ему нравы, и в особенности своего питомца Нерона.

⁸ В данном случае Эпикур имеет в виду не мудрых людей, а посредственных или даже глупых, как это видно из Cicero. De fin. I, 17. Ср.: Senec. De vit. beat., VI; De brev. vit., X, 2.

⁹ В школах риториков. Подобный пример судебного взыскания с неблагодарного сохранил для нас Сенека-отец в Controvers. lib. IV.

¹⁰ Так, например, афиняне напоминали о тех услугах, какие они оказали грекам и лакедемонянам во время войны с персами.

¹¹ Этот обычай персов восхваляет Ксенофонт в своей Киропедии I, 2, 7. Ни у какого другого народа древности не полагалось подобных взысканий за неблагодарность.

¹² Т. е. прописанную в векселе или условии (stipulatione).

¹³ Si appello — жалуюсь и требую частным образом.

¹⁴ Нельзя представлять на суд такого дела, которого не может судить судья.

¹⁵ Формула эта, или инструкция, давалась претором для руководства судьям (judices), которые должны были принимать свои решения и руководствоваться в ходе следствия и обсуждения дел предписаниями, заключавшимися в этой формуле. Таких формул не давалось так называемым посредникам, или «сведущим третейским судьям» («arbitri»), которые обыкновенно назначались от претора. Эти «arbitri» не были связаны, подобно «judices», строгими формами закона, а решали дела, сообразуясь с естественным чувством справедливости и добра. Отсюда все процессы, не подчиненные строгим формулам, назывались «arbitria» — в отличие от так называемых «actiones», которые решались согласно строгим постановлениям права.

¹⁶ В деле благодарности не может быть предписано определенной юридической формулы, так как нет относительно этого предмета определенных законов и не установлено определенного понятия о сущности благодеяния.

¹⁷ Cautiones — документы, в которых должник давал известное обязательство кредитору.

¹⁸ Ubi ratio jus dicit. Ratio (разум) — противопоставляется здесь мудрости — sapientia. По учению стоиков, только мудрый может судить о сущности благодеяний и о тех делах, которые преимущественно касаются духовной жизни людей.

¹⁹ Для уголовных процессов по закону Юлия назначались особые выборные судьи — «judices selecti» — из сенаторов и всадников, разделенные на пять декурий. Имена этих судей заносились в особую таблицу, или реестр (album — белая доска). Право на вступление в число сенаторов и всадников, как известно, давал определенный имущественный ценз.

²⁰ В некоторых процессах судьи назначались по жребию. Отсюда «выступить» — значит быть выбранным по жребию.

²¹ По театральному закону Росция, изданному в 67 г. до н. э., сорок первых рядов в театре предоставлялись только всадникам с цензом не менее 400 000 сестерциев.

²² Суровые римские законы предоставляли родителям почти неограниченную власть над детьми. Отец мог три раза продавать своего сына, и последний не мог получить независимости от отца без особенного обряда.

²³ Благодаря такому взгляду на родителей император Клавдий, по рассказу Светония, отпустил однажды без всякого наказания юношу, уличенного в преступлении, после того как отец признал в нем доброго сына в отношении к себе. «Он имеет, — сказал Клавдий, — своего цензора». Suet. Claud., 16.

²⁴ То, что относится к почестям, славе и т. п. Так Цицерон называет ornamenta — украшениями сословия всадников имущественный ценз.

²⁵ Т. е. предписаны известные условия выполнения долга этого, объявлены награды и плоды этого выполнения.

²⁶ Т. е. по поводу этого дела никогда нельзя привлечь в суд, как за оскорбление. Никогда нельзя требовать назад своего благодеяния, как требуют того, что дано в долг.

²⁷ *Stipulatio* — юридический договор, заключенный в форме вопроса и ответа. Его можно назвать словесным контрактом. *Stipulationes*, или контракты, сделанные на основании распоряжения претора или судьи, назывались *stipulationes praetoriae, iudiciales*; добровольные же — *conventionales*.

²⁸ *Paratii*, или маклеры, сводили между собою лиц, желающих выгодно отдать взаем свои деньги и выгоднее занять. С той и другой стороны они получали, конечно, приличное вознаграждение.

²⁹ «*Opnati*» — преимущественно о всадниках. Здесь имеются в виду свидетели, избранные из почтенных граждан. Упоминаемые выше словесные контракты (*stipulationes*) обходились обыкновенно без подписи. Некоторые кредиторы не удовлетворялись ими и требовали собственноручной подписи того лица, которое у них занимало деньги.

³⁰ Подобную мысль мы встречаем у Сенеки в его сочинении *De clem.* 1, 22, 2.

³¹ У римлян даты какого-нибудь события обозначались в соединении с именами правивших в эти года консулов. Например: «*Оргеторию* в консульство М. Мессалы и М. Пизона вступил в тайное соглашение со знатью» (*Caes. Bel. Gal.* 1, 2). В Риме некоторые женщины в один год имели по несколько мужей. О такой распущенности нравов свидетельствуют Ювенал (*VI*, 228) и Марциал (*VI*, 7). Во времена цезарей разводы совершались, как скоро это было желательно мужу или жене. Не требовалось даже общего согласия супругов.

³² *Apud alium gestata est, apud alium mansit*. Прогулка в носилках (*gestatio*) была любимым развлечением древних римских матрон. Места для таких прогулок назывались *gestationes*. Отсюда *apud aliquem gestari* — прогуливаться на носилках в чьем-либо владении или саду. *Manere* — оставаться у кого-либо на всю ночь. У древних был обычай по различным причинам оставаться на ночь у знакомых. Поэтому не находили ничего особенно неприличного в таком поведении матрон (*Sueton. Octav.*, 78).

³³ *Educatoris* — рабы-педагоги, которые сопровождали отроков в школу и в театр. Эти педагоги имелись только в богатых домах, но никогда не имели веса или значения. На них смотрели всегда с большим недоверием, несмотря на то что им поручали иногда часть обучения. Во времена императоров каждый мальчик имел дома своего собственного педагога.

³⁴ *Praeceptores* — наставники, которым поручалось умственное развитие и обучение юношей. Ср. *De benefic.* III, 3; VII, 28.

³⁵ О стойке Гекатоне см.: *Cic. off.* 3, 15, 63; 33, 89; *Diog. Laert.* VII, 2, 90, 91, 101—103.

³⁶ Такое различие между благодеянием, долгом и службой, установленное стойками, хотя и признавалось, но не всегда наблюдалось в Риме, как это можно видеть из *Cicer. De offic.* II, 19.

³⁷ Т. е. чистой гуманности, которая обнимает собою все то, что свойственно людям.

³⁸ Это учение стоиков заимствовано, как можно думать, из школы Сократа.

³⁹ *Certam* — непоколебимую, самодовлеющую.

⁴⁰ Т. е. часто своей жизнью господа бывают обязаны благодеянию рабов.

⁴¹ По римским законам рабы не могли иметь ни своей воли, ни личности, ни собственности. Господин, которому принадлежал раб, имел над ним право собственности, как над вещью, и мог по произволу продать его, истязать, убить, пока Петрониев закон и некоторые законоположения Антонина Пия и др. не ограничили произвола рабовладельца; так что за убийство раба он стал подлежать наказанию. Что приобретал раб, то принадлежало его господину, за исключением сбереженных денег, выдававшихся на пищу, так называемых «*resulium*».

⁴² Часто таким именем у пифагорейцев и др. следовавших за ними философов называлось человеческое тело. См.: *Consolat. ad Helv.* С. 12, 8.

⁴³ Здесь говорится о той непостижимой быстроте, с какой человеческая мысль может возноситься даже к звездам. Ср. выше II, 29.

⁴⁴ Деньги эти выдавались помесечно или поденно. Бережливые рабы составляли из них небольшой капиталец (*peculium*), которого не мог отнять даже господин.

⁴⁵ Известно, что рабов иногда обучали так называемым свободным искусствам (*artes liberales vel ingenuae*). См.: *Horat. Ep. II, 2, 27. Senec. Ep. XXVII, 5.* Так, например, Плавт, Теренций и Эпиктет были рабами.

⁴⁶ Неизвестно, где Хрисипп говорит о рабах. Полагают, что он рассуждал об этом предмете в книге *De concordia*.

⁴⁷ Так называемый «*praefectus urbis*». (См. *Suet. Aug. 37.*) Учреждение этой должности приписывается Августу.

⁴⁸ Замечательный город, часто упоминаемый в истории II Пунической войны (например, Ливий, 23.37, 27.41), во внутренней части Лукании, области в Южной Италии. Город этот находился при соединении рек *Sora* и *Aciris* (Страбон VI, 254).

⁴⁹ Писатель, составивший римскую летопись от Гальского пожара до своего времени в двадцати трех книгах. Жил он неизвестно в какое время, но во всяком случае раньше Тита Ливия.

⁵⁰ Марсы — племя, жившее в Средней Италии. Об этом происшествии рассказывает Макробий, который называет Веттия пелигнийцем. Эпизод этот произошел в союзническую Италийскую войну в 665 г. от основания Рима, когда предводителем римлян был Помпей.

⁵¹ Древний главный город пелигнов в Самнии, вблизи реки Атерна. Этот город был во время союзнической войны центром союза и назначен столицей предполагавшегося нового государства, почему некоторое время назывался *Italica*.

⁵² Война эта велась между Марием и Суллой. Рабам за убийство и предательство господ давались награды, свобода, 10 тысяч драхм и права гражданства. Приведенный случай рассказывается у Аппиана, Валерия, Максима и Макробия.

⁵³ Доносы особенно усилились с введением закона об оскорблении величества (Тас. Апп., I, 72).

⁵⁴ Это выражение заимствовано из обычной формулы, которая встречается у Тибулла (I, 2, 12) и у Сенеки (*lib. IV, 31*), где она приводится в следующем виде: «Что я сказал дурного, пусть обратится на меня и на мою голову».

⁵⁵ Смысл такой: я буду стараться не гневаться на тебя, потому что в случае примирения снова придется тебе сделать подарок. Таким образом, мои собственные выгоды требуют того, чтобы я относился к тебе благосклонно.

⁵⁶ *Imagines* — сделанные из воска изображения предков, или восковые маски, висевшие в атриуме (атриум была первая зала по входе в дом), в маленьких стелных шкафах. Они так соединялись гирляндами цветов, что все вместе образовывали родословное дерево. Под ними подписывались *tituli*, чтобы обозначить имя, сан и деяние умершего. Право иметь эти изображения имели только те, предки которых имели курильное достоинство (куриалы — высшее сословие городов Римской империи). При больших погребальных процессиях *imagines* несли впереди, причем присутствующие надевали эти восковые маски, представляя предков.

⁵⁷ Т. е. небо, ибо, по учению стоиков, из него получают свое начало души людей. Ср.: *Senec. Epist. XLIV*.

⁵⁸ Так, например, род Юлиев приписывал свое происхождение Венере. См.: *Liv. I, 4.*

⁵⁹ Дорожное или зимнее платье, длинный простой плащ без рукавов из плотной материи или кожи.

⁶⁰ Т. е. благодеяние сына бывает обязано своим происхождением благодеянию родителя и поэтому не может превосходить его.

⁶¹ Сенека указывает на эти реки, вероятно, потому, что они в его время были границами Римской империи.

⁶² Кормилицы по большей части были рабынями-гречанками (*Aul. Gell. 12, 1*).

⁶³ Подобно тому как легче умереть, прежде чем начнешь бояться смерти, т. е. в детстве или отрочестве, так тем более нужно ценить сохранение жизни человеку,

чувствующему всю цену ее, чем дарование ее существу, которое еще не в состоянии сознавать свое бытие и наслаждаться им.

⁶⁴ Обычай бросать детей был дозволен еще правом Ромула, т. е. древним обычаем, но выбрасывать дозволялось только уродливых или слишком слабых детей. Несмотря на это ограничение, отцы действовали часто произвольно и бросали детей и по другим причинам, например по причине своей бедности, а правило не решалось вмешиваться. Но всегда на это смотрели как на безнравственный и неестественный поступок. Законы против этого, однако, начали издаваться лишь со II в. до н. э. Еще в V в. Гиерокл жалуется на этот бесчеловечный обычай. Известно, что сам Аристотель запрещал воспитывать детей, обиженных природой (Polit. VII, 16).

⁶⁵ Corona pavalis — кроме Агриппы веноч получил еще только М. Варрон. Агриппой, по свидетельству историков, были воздвигнуты следующие сооружения: водопровод (Dio Cas. 54, 12, 57, 11), бани, арка Нептуна, пантеон и проч. Агриппа родился в простой семье в 63 г. до н. э. и был близким другом императора Августа. Он был женат на племяннице последнего, Марцелле, и исполнял высшие государственные должности. Умер 51 года от роду.

⁶⁶ Имеется в виду Юлий Цезарь.

⁶⁷ Сципион Африканский, старший. Событие это, о котором рассказывали Ливий (21, 46) и Полибий (10, 3), было в 536 году от основания Рима в кавалерийской схватке с Ганнибалом при Тицине. Сципиону в это время было семнадцать лет, и поэтому он носил еще юношескую тогу с пурпуровой каймой (praetextatus).

⁶⁸ Нельзя думать, чтобы все это было сделано Сципионом-сыном по отношению к своему отцу. История говорит, что отец Сципиона, оставив консульство, удалился в Испанию и там погиб в 544 году от основания Рима. Скорее это место нужно понимать так: «вообрази, что Сципион оказал своему отцу все благодеяния, какие только сын может оказать, и тогда сопоставь его с его отцом».

⁶⁹ Имеется в виду закон Юлия (Августа) «de maritandis ordinibus» в новой редакции 9 г. н. э., названный lex Julia et Papia Poppaea (Suet. Oct.; 34. Tac. ann. 3, 25. Dio Cas. 36, 1 сл); закон этот был направлен против безбрачия и ограничивал наследственные права людей, не состоящих в браке и бездетных, кроме того, заключал некоторые постановления о разводе.

⁷⁰ Награды эти были обещаны законом «Papia Poppaea».

⁷¹ Ex postea moneta. Вероятно, здесь Сенека высказывает свое собственное мнение (а не вообще мнение стоической школы), черпает из собственных сокровищ (moneta), тогда как вышеприведенные мысли принадлежали Гекатону или Хрисиппу.

⁷² Т. е. в настоящем случае добро, делаемое нашими детьми.

⁷³ Рассказ о сицилийских юношах повторяется в кн. VI, гл. 36 de benef.

⁷⁴ Плутарх все, сказанное Сенекой об Антигоне, приписывает сыну Антигона Полиоркету, врагом которого был Птолемей I, царь египетский.

⁷⁵ Об этом обстоятельстве рассказывает Цицерон de off. III, 31, 5 сл. lib. 7, 4 etc.

Книга четвертая

¹ Саллюстий. Bell. Jugurt. 54: «Magis cum cura dicendum». Подобные же выражения встречаем у Ливия (XXXV, 9) и у Тацита.

² Имеются в виду эципурейцы.

³ «Saepius in ultro tributis sit». Известно, что «ultrotributa» назывались деньги, которые подрядчики (manicipes, conductores) получали из государственной казны на исполнение общественных построек (Liv. 39, 44.) Подобно тому как государство, раздавая ultrotributa, несет большие издержки, так и добродетель требует для себя нередко великих затрат.

⁴ «Honestum per se expetendum est» — это было главным положением учения стоиков. (Ср.: Cicero. De Finib. III, 11.)

⁵ По этому поводу Сенека рассуждает в своем сочинении De vita beat. cap. 9—12 и Epist. 74.

⁶ «Signum petere». В военном языке signum = tessera — дощечка, на которой писали пароль и которую полководец передавал трибунам и другим властям.

⁷ Изливают — fundunt. Такое выражение употреблялось и в применении к расходам на театральные зрелища. Мысль, выраженная здесь Сенекой, живо напоминает собой: Мф. V, 45; Лк. VI, 35; Деян. XIV, 15—16.

⁸ По этой причине — itaque, т. е. потому, что у него нет и не может быть никаких побуждений делать благодеяния.

⁹ Подобным же образом Цицерон (*De legib.*) приписывает Эпикуру такое изречение: «Бог не заботится ни о себе, ни о других». Сенека пишет об этом в своей «Сатире на смерть императора Клавдия» (см. наст. изд. С. 200). Сам Эпикур в своем послании к ученику и другу своему Геродоту пишет: «Ни деятельность, ни заботы, ни гнев, ни милости не свойственны высшему блаженству: они составляют принадлежность немощи, страха и нужды в чужой помощи». (*Diog. Laert. X. 77.*) Здесь же приводится следующее изречение Лукреция, одного из последователей Эпикура: (*Deus*) «Nec bene promeritis capitur, neque tangitur», т. е. «Его (Бога) не трогают ни заслуги, ни гнев».

¹⁰ Таким образом, Эпикур, в данном случае, очевидно, противоречит всеобщему убеждению людей, тогда как он же сам, доказывая бытие Божие, придает весьма большое значение этому убеждению.

¹¹ Подобные мысли с большей подробностью развиваются у Цицерона в его сочинении «*De natura deorum*».

¹² Природа (*natura*) здесь разумеется в смысле — мир (*mundus*). В природе мы находим источник питания и разнообразных наслаждений, для всех более или менее доступный.

¹³ Т. е. рыбы.

¹⁴ Птицы.

¹⁵ Таковы, например, Нил и др. Ср.: *Natur. Quaest. III, 26.*

¹⁶ О таких целебных источниках, известных в древности, мы находим известия у Плиния. Горячие источники, как известно, были, например, в Байях, в Кампании.

¹⁷ Стихи заимствованы из *Виргилия* (Георг. II, 160). *Lar* — озеро в Транспаданской Галлии, образуемое рекой Аддой, славное прелестью своих берегов; *Бенак* — озеро Верхней Италии, также известное живописностью берегов.

¹⁸ Своими златоносными песками в древности были известны: Рейн, Тахо и другие реки.

¹⁹ Добыватели металлов обыкновенно определяли местонахождение руды по цвету поверхностной почвы и другим внешним признакам.

²⁰ Древние римляне имели обычай украшать полы и стены своих жилищ мозаикой, состоящей из мелких кусочков мрамора различных форм и цветов. Эти кусочки назывались обыкновенно «*crustae*».

²¹ Потолки бывали иногда составлены из позолоченных и раскрашенных пластинок. Ср.: *Ios. Flav. Antiquit. VIII, 3.*

²² Здесь Сенека, по-видимому, отступает от мнения некоторых стоиков о том, что мир некогда погибнет в пламени, и противоречит самому себе, так как и сам он учит о превращении мира в огонь. Ср.: *Lib. IV, 8 и др.*

²³ Приведенные стихи — гимн Юпитеру, сочиненный Клеанфом, философом, жившим в 260 г. до н. э. Он был учеником Зенона и преемником его по управлению стоической школой. Приведенный гимн Клеанфа сохранился у Стобея (1, 2, 12).

²⁴ Эти последние зубы, полагавшие, по представлению древних, предел юношеского возраста, назывались у римлян «*genuini*», или «*maxillares*», у греков *κραντήρες*, *σοφρονιστήρες* (зубы мудрости). Плиний считает, что они вырастают у человека приблизительно в двадцатилетнем возрасте (*N. H. XI, 37*). Гиппократ относит срок появления их несколько далее, именно он говорит, что они появляются «в четвертую седмицу лет».

²⁵ «В семени, — говорит Сенека в другом своем сочинении, — заключена основа (*ratio*) всего будущего человека. Еще нерожденное дитя имеет уже закон вырастания бороды и седых волос, ибо в малом и скрытом теле существуют очертания всего тела и последующего возраста». (*Natur. Quaest. III, 29.*) Из этих семян, находящихся сначала в скрытом состоянии, Бог выводит и развивает таланты. Последние слова 6-й главы IV кн. *De Benefic.* приводятся у Тертуллиана в его сочинении *De anima*, XX.

²⁶ Подобную же мысль мы встречаем у Сенеки в его сочинении *Quaestae Naturae* (II, 45). «Хочешь назвать Его (Бога) природой? — говорит он. — Не погрешить». Подобным образом Плиний говорит: «Сила природы есть то же самое, что мы называем Богом» (I, 7).

²⁷ Римский Юпитер признавался, как и греческий Зевс, небесным Отцом, властителем неба, от которого исходят все небесные явления. Поэтому он назывался *Fulminator, Tonitrualis, Pluvius, Serenator, Lucetius* и др. Как высочайший и совершеннейший (*Optimus, Maximus*), он был, по преимуществу, покровителем Римского государства. По преданию, сообщаемому Ливием (I, 12), однажды во время войны против сабинцев по молитве Ромула, соединенной с обетом, Он остановил бегство римлян с поля битвы и водворил порядок в их рядах. Отсюда Он получил название: *Stator*, т. е. останавливающий бегство. Прозвание «*Stabilitor*», по предположению Липсиуса, есть только разяснение предшествующего эпитета: «*Stator*».

²⁸ Благодаря такому разнообразию наименований божества к Юпитеру иногда обращались с такой формулой молитвы: «*Sive talis, sive talis vocari malis*» (*Horat. Carmen saeculare*).

²⁹ Здесь мы видим пример аллегорического толкования мифов, усвоенного стоиком Зеноном и его последователями. Попытки такого толкования, впрочем, встречаются еще на первых порах существования греческой философии. Так, например, Анаксагор, Метродор и другие философы и даже поэты, как, например, Пиндар, понимая нелепость мифологических повествований в их буквальном значении, следуя примеру Ксенофана и других, пытались объяснять мифы из обстоятельств того времени, к которому эти мифы были обязаны своим происхождением. Подобно стоикам, как известно, старались давать аллегорическое объяснение мифам неоплатоники (*Sext. Empir. Contra Mathem. IX, 18*). В сочинении св. Иустина Мученика «*Cohortat ad gentes*» приводится, между прочим, стих, приписываемый Орфею, где также утверждается единство Божества под различными именами: «Зевс, Гадес, Гелиос, Дионис».

³⁰ Отец Либер — он же Дионис, или Вахх, сын Зевса и Семелы, бог вина, покровитель искусства, земледелия и пр. Название Либер римляне обыкновенно производили от *liber* — свободный, выражая этим именем свободу и распущенность его культа. В данном месте Либеру приписывается открытие производительной силы человеческого семени.

³¹ Геркулес у стоиков нередко представляется олицетворением мудрости. Сожжение его на горе Эте аллегорически объяснялось как превращение мира в огонь.

³² Меркурий (Эрмий), по верованиям древних, был виновником разнообразных открытий и изобретений: лиры и сиринги (многоствольной флейты), букв и чисел, мер и т. д. Все свойства этого бога основываются на его ловкости, уме и хитрости.

³³ Мысль о том, что Божество наполняет собой свое творение, повторяется у Сенеки в *Epist. 41* и *83*. Ср.: *Seneca ap. Lactant. VI, 24*.

³⁴ Римляне обыкновенно носили три имени, из которых первое — «*praenomen*» (напр., «*Lucius*») давалось сыну обычно на 9-й день после рождения. Другое имя было родовое — *nomen gentilicium* (*Annaeus*) и третье — *cognomen*, показывавшее *Stirps* или *familia*, которых в роду было много (*Seneca*). Кроме этих трех имен некоторые имели еще четвертое (*agnomen*), которое служило или для обозначения семейства в тесном смысле, или было титулом за славные подвиги, например *Scipio Africanus*.

³⁵ *Depositum reddere*. *Depositum* называлась вещь, врученная кому-либо с условием возвратить ее по востребованию. Кто уклонялся от возвращения депозита, тот подвергался так называемой *infamiae* (лишению некоторых прав), а кто отпирался от получения вверенного ему депозита, тот, по определению XII таблиц, должен был уплатить двойную стоимость утаенной им вещи.

³⁶ Так, например, когда человек, находящийся в здравом уме, вручит на сохранение какое-нибудь смертоносное оружие или вещество и затем, лишившись рассудка, станет требовать свои вещи обратно, то было бы неблагоприятно их возвратить ему.

³⁷ *Debitores nobis deos delegat. Debitorem delegate* — юридический термин, обозначающий представление суду вместо себя другого лица, обязующегося уплатить долг. Отсюда — *delegatio*, уплата денежной суммы через перевод на третье лицо.

³⁸ Iudicem misit — судебный термин; употреблявшийся применительно к судьям, назначавшимся на должность председателя народных собраний (комий).

³⁹ Выше, как мы видели, Сенека доказывал, что мы должны сознавать себя обязанными своим благодетелям и после того, как возвратим их благодеяния.

⁴⁰ В Риме, как только против кого-нибудь возбуждалось обвинение в уголовном преступлении, подсудимый, а также его друзья и клиенты надевали обыкновенно траурные платья (vestis sordida, sordes). Liv. 2. 61, 3. 58; Cic. verr. 1, 58 и др. Ср. De Benefic. II, 34, 3.

⁴¹ Тускулан и Тибуртин — знаменитые виллы.

⁴² Мир (mundus) — подразумевается небо (coelum) с движением небесных светил.

⁴³ Работоторговцы (mangones) занимались обыкновенно образованием и обучением рабов, кормили их хорошей пищей и одевали в приличные одежды. Все это делалось, конечно, для того, чтобы выгоднее сбыть рабов.

⁴⁴ Приведенные стихи заимствованы из Ovid. Amor (III, 4, 4):

Сторожа, строгий супруг, к молодой ты приставил подруге.
Полно, себя соблюдать женщины надо самой.
Коль не от страха жена безупречна, то впрямь безупречна,—
А под запретом она хоть не грешит, а грешна...

(Перевод С. Шервинского)

Что касается законов против прелюбодеяний, то известен закон Августа «Demaritanis ordinibus», изданный в новой редакции в 9 г. н. э. Он обыкновенно назывался «Lex Iulia» и Papia Poppaea (Suet. Oct. 34; Tac. Annal. 3.25).

⁴⁵ Именно такое дело, которое дает какой-нибудь плод помимо себя. Так, например, мы возделываем поля, пасем стада и т. п. не ради этих занятий, но ради происходящей от них для нас же самих пользы.

⁴⁶ Наложить руку «injicere manum» — юридический термин. Наложение руки (legis actio per manus injectionem) применялось в древности истцом к обвиненному должнику, чтобы поставить его в рабоподобное положение и этим принудить к уплате. Manus injectio вообще применялось к тому, на кого заявляли притязания как на своего раба (Liv. 3, 44).

⁴⁷ Подобная же мысль прекрасно раскрыта Аристотелем (Ethic. ad Nicom. IX, 7). «Благотворители,— говорит он,— более любят тех, кому они оказали благодеяния, во-первых, кажется, потому, что эти последние их должники, во-вторых, потому, что, даже не имея никакой надежды извлечь из них пользу, они считают их своим творением, подобно тому как художники и поэты любят свои произведения, а родители — своих детей; наконец — потому, что мы находим наслаждение в сознании силы и энергии» и т. д.

⁴⁸ Неблагодарный называется бесполезным даже для самого себя потому, что, будучи всеми презираем, он тем самым вредит самому себе.

⁴⁹ Следует припомнить известное изречение, вложенное поэтом в уста Медеи (Ovid. Metam. VII, 20):

Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь.

(Перевод С. Шервинского)

⁵⁰ Пример подобного рода людей, требующих благодарности даже от оскорбленных ими лиц, может представлять Домициан, о котором повествует Тацит, Agricol. 42.

⁵¹ Подобную же мысль приводит Цицерон как принадлежащую специально стоикам (De offic. 1, 7, 5). Ср. Lucret. V, 201 и др.

⁵² Advocare — призывать в суд в качестве защитника (юридический термин).

⁵³ Ср.: Epist. CXXXIII: «Суеверие есть самое безумное из заблуждений: оно страшится тех, кого должно любить».

⁵⁴ По учению Эпикура Бог проводил блаженную, но чуждую всякой деятельности и попечения о людях жизнь в пространстве между многочисленных миров. Пространство это Эпикур называет та μετακόσμος (букв. «междумирие»). У Цицерона и других оно носит название: «intermundium» (Cic. De finib. II, 22).

⁵⁵ По мнению Эпикура, было бесчисленное множество миров, а следовательно, и небес.

⁵⁶ Эпикур различает частицы «неделимые и неизменяемые». Мисае — тончайшие атомы.

⁵⁷ Добродетель, как известно, не отрицаема была Эпикуром, который учил, что удовольствие немислимо без добродетели. Но добродетель он понимал несколько иначе, чем стоики, именно добродетель он смешивал с благоразумием. Руководствуясь во всем благоразумием, эпикурейцы изо всех действий своих старались извлекать пользу. По мнению же стоиков, добродетель сама по себе, независимо от расчетов практического благоразумия, должна быть последней и высшей целью наших стремлений.

⁵⁸ Т. е. в награду за свою признательность ожидает другого нового благодеяния.

⁵⁹ «*Natum jacti*» — выражение, употреблявшееся относительно искателей наследств, которые при помощи подарков, различных услуг и т. п. старались как бы ловить (*piscari*) богатых, но не имевших прямых наследников людей. Ср.: *Horat. II Serm.*, 5, 25; *Senec. Epist.* 8, 3 и др.

⁶⁰ «*Intra conscientiam clusus est*» — т. е. кроме душевного расположения, ничем не может проявить своего чувства благодарности.

⁶¹ «*Non ut gratus, sed ut solutus sum*». Здесь, как видно, снова разъясняется отличие благодарности в собственном смысле от уплаты долга, т. е. внешнего проявления чувства благодарности через материальное вознаграждение. Ср.: *Benef.* I, 5 и др.

⁶² «*Compressis manibus*» — образное выражение, обозначающее состояние покоя, употреблялось в виде пословицы.

⁶³ «*Non numerat suffragia, sed una sententia vincit*». — Образ взят из судебной практики. В так называемых народных судах (*judicia populi*) по уголовным преступлениям приговор (*sententia*) был возглашаем председательствующим чиновником при подсчете голосов (*suffragia*) выборных судей. Приговор обыкновенно выносился согласно мнению большинства. Не так, по мнению Сенеки, выносит свой приговор наша совесть: она руководствуется одним собственным суждением. Подобная же мысль Сенеки высказывается устами Демокрита: «Для меня один человек — что целый народ» (*Ep.*, VII, 10).

⁶⁴ Дыба — *equuleus* — особый снаряд для пытки, сделанный наподобие лошади, к которому привязывались руки и ноги истязуемого. При поднятии этой дыбы члены растягивались до такой степени, что кости выходили из суставов.

⁶⁵ «*In illo cardine positi*» — букв. «будучи положены при дверной скобе».

⁶⁶ Мысли о красоте добродетели, по-видимому, заимствованы у Платона из «Федры». В другом месте Сенека еще более красноречиво изображает величие и красоту добродетели: «Если бы нам можно было видеть душу человека добродетельного, — восклицает он, — то какой бы прекрасный, какой святой и лучезарный в (своем) величии кротости лик мы увидели!» (*Ep.* 115, 3 и сл.)

⁶⁷ Безопаснее (*tutior*) относится к безопасности от внешних врагов, а «более беспечным» (*secutior*) — к внутреннему спокойствию души.

⁶⁸ Подобный образ впервые был уподоблен Гесиодом. (*Opp. et. DD.* 265 и след.)

⁶⁹ Солнце и луна, по представлению древних, влияют на благорастворение тепла и влаги и таким образом дают всему жизнь. Так, например, Цицерон утверждает, что «от луны пристокает все то, чем питаются живые существа». (*De natur. deor.* II, 15.)

⁷⁰ «*Ipse mundus*» — мир, вселенная, по воззрению стоиков, есть живое, реальное существо, знающее вещи, направляющее наши судьбы, любящее нас и творящее нам добро. Таким образом, Бог отождествляется со вселенной: Бог есть душа мира, его управляющий разум, его верховный закон, движущее начало, теплота. Но все существующее имеет материальную сторону. Поэтому если Божество есть душа мира, то мир, как материя, есть тело Божества. «Две причины, — говорит Сенека, — заключаются в природе, по учению стоиков: причина и материя. Материя — инертна, причина — разум, дающий материи форму. Первая и главная причина должна быть простой, ибо и материя проста. Что такое первопричина? Это действующий разум, т. е. Бог» (*Ep.* LXV). «Мир — единый отец всего» (*Benef.* III, 28, 2); «выше и прекраснее его ничего нет» (*Dial.* XII, 8, 4). Мир — есть одно из названий Божества: «желаешь ли ты назвать Его (Бога) — миром — не ошибешься» (*Nat. Quaest. Lib.* II, 45). «Мир (т. е. материя) — храм бессмертных богов, единственно их достойный» (*Benef.* VII, 7, 3). «Начало мира — влага; конец его — огонь» (*Nat. Quaest.* III, 13, 1, 2). Форма мира — сферическая (*Cassiod., de artib. litt.*, с. 7). Таковы в кратких чертах

религиозные воззрения Сенеки. Вообще теология стоической школы представляет пантеистический натурализм, поскольку Бог отождествляется со вселенной; с другой стороны, на нее можно смотреть как на золотую середину между пантеизмом и теизмом в собственном смысле слова, поскольку в ней Бог представляется живым реальным существом.

Благочестие стоиков с почтением относилось и к религиозным формам язычества. Кроме Юпитера оно допускало существование низших богов и видело их то в небесных светилах, то в силах природы. В глазах римских стоиков мифы суть аллегории, имеющие внутренний смысл.

⁷¹ Звезды, как мы уже заметили, по представлению стоиков, были божествами низшего порядка. Отсюда — то важное влияние, какое приписывается им по отношению к природе и людям. Небесные светила, по учению Сенеки, «всегда в работе» (*Nat. Quaest. Lib. II, 5*). От их движения «зависят судьбы народов» (*Consol. ad Marc. c. 18*) и каждого человека в отдельности. Они влияют на высоту уровня воды в реках, на плодородие земли, распределение тепла и влаги и т. п. (*Nat. Quaest. Lib. III, 26; De Benefic. Lib. IV, 23* и др.) Все звездное небо, как известно, древние делили по известным знакам или фигурам, отмечая отдельные группы звезд фигурами, представляющими людей, или зверей, или даже орудия и сосуды. Созвездия зодиака в позднейшее время были следующие: овен, телец, близнецы, рак, лев, дева, весы, скорпион, стрелец, козерог, водолей, рыбы.

⁷² «*Obscuro gradu*» — мы замечаем их движение, но не понимаем, по каким законам и каким образом оно совершается.

⁷³ Т. е. стоики. Здесь у автора продолжается спор с эпикурейцами, стремившимися из всего извлекать пользу. «Жить сообразно с природой» — было постоянным правилом стоиков. Это значило то же самое, что жить согласно с законом Божественным, с разумом, ибо разум — присущее природе Божественное начало (*De Benef. IV, 7*). Принципом Зенона, основателя стоической школы, было «жить согласно, гармонично». К этому чисто формальному принципу Клеанф и Хрисипп сделали прибавку: «согласно с природой».

⁷⁴ «*Stultus*» — таким именем стоики обозначали, в противоположность мудрецу (*sapiens*), всякого человека, не подчиняющегося в своей жизни разуму. «Все волнения души, — говорит Цицерон, — философы называют болезнями и утверждают, что ни один глупец не чужд этих болезней. Но люди, подверженные болезни, не бывают здоровы душой, и, следовательно, души всех безрассудных находятся в болезни. Таким образом, все безрассудные безумствуют». (*Tusc. disput. III, 4*).

⁷⁵ *Nulli enim dare poterit*. По мнению стоиков, не было еще и нет на свете такого мудреца, который был бы вполне свободен от всех недостатков. Все люди более или менее причастны этим недостаткам.

⁷⁶ Против учения стоиков о том, что каждый человек заражен всеми видами пороков, выступили все философские школы древности. Против них приводят примеры, взятые из истории. Аристид, например, приводится обыкновенно как образец честности. Как известно, он получил от своего народа почетное прозвание Справедливый. Знаменитый Фабий Кунктатор получил прозвание Медлителя за то, что своей медлительностью спас Рим во время войны с Ганнибалом. Спокойствие и рассудительность в соединении с мужеством и самоотверженностью были отличительными чертами его характера (*Cic. De offic. I, 24, 84; Sato major 4, 10; Livius 28, 40*). Деций Старший, одержав в 340 г. до н. э. блистательную победу, добровольно пожертвовал собственной жизнью (*Lib. 8, 6*). Муций, по всей вероятности, тот юноша, который в 508 г. до н. э. во время войны римлян с царем Порсенной пробрался в неприятельский лагерь с намерением умертвить царя и освободить таким образом свой родной город. После неудачной попытки его схватили и угрожали смертью, но он, как сообщает предание, положил свою руку на стоящую вблизи жаровню, дабы показать, что нисколько не боится смерти. С тех пор он получил прозвание Сцевола, т. е. левша (*Lib. 2, 12* и сл.). Камилл, в 390 г. до н. э. по занятии Рима кельтами был назначен диктатором. Он собрал войско, разбил неприятелей и вновь отстроил разрушенный ими город. За это он получил титул «*patet patriae*» («отец отечества») (*Lib. V, 50* и сл.).

⁷⁷ Линкей был одним из аргонавтов, одаренный в высшей степени острым зрением. См.: *Apollod. 3, 10, 3*.

⁷⁸ *Ventorum statos flatus, pas.* — муссоны, пассаты и другие постоянные ветры.

⁷⁹ «Congiarium» (от *congius* — мера жидких и сыпучих тел) — дары, раздававшиеся при императорах народу от казны и состоявшие из масла, вина, хлеба, денег и пр.

⁸⁰ «*Frumentum publicum*» (зерновой хлеб) — раздавался в Риме от казны беднейшей части населения.

⁸¹ Имена всех, желавших получить вспомоществование от казны, обыкновенно вырезались на доске, а записанным таким образом выдавались особые билеты, по предъявлении которых отпускались жертвуемые продукты.

⁸² Это изречение заимствовано у Аристотеля (*Stob. 35. De bonitate*), который, после того как его обвиняли в пособничестве недостойному, заметил, что он дал «не человеку, но человечеству».

У Авлия Геллия приводится подобное же изречение, приписываемое Аттику (*Aul. Gell. IX, 2*).

⁸³ «*Nomines novi*» в Риме назывались лица, достигшие высших должностей, не обладая знатностью рода. Таковы, например, были: Катон, Цицерон, Марий. Сам Сенека — у Тацита — называет себя: «*Homo novus*» (*Annal. XIV, 53*).

⁸⁴ Цицерона-сына император Август в 724 г. от основания Рима назначил так называемым «*consul suffectus*», т. е. заступившим место выбывшего в течение года ординарного консула — единственно ради заслуг отца, которого высоко чтит Август (*Dio Cass. 51, 19. Plin. XXII, 6*). Сын не унаследовал ни одного из высоких качеств своего отца. У Сидония Аполлинария мы находим о нем такой отзыв: «Сына М. Цицерона римский народ не признал речистым» (*Lib. VII, ep. 14*). Это был человек ограниченного ума и, кроме того, отличался нетрезвостью.

⁸⁵ Цинна был сыном дочери Гнея Помпея (*De clem. 1, 9*). В 758 г. от основания Рима (Рим, согласно исчислениям Варрона, был основан в 753 г. до н. э.) он был возведен в должность ординарного консула (*Dio Cass. 55, 22*).

⁸⁶ Под именем Секста Помпея в настоящем случае надобно подразумевать не сына Помпея Великого, который был только назначен консулом, но вскоре убит, а сына Секста Помпея, сделанного консулом в 718 г. от основания Рима. Было две или три фамилии Помпеев, принадлежавших к роду Помпея Великого. Многие из членов этой фамилии были назначаемы в «*consules suffecti*» единственно из уважения к великому имени своего сородича.

⁸⁷ Фабий Персидский был сделан консулом в царствование Тиберия в 786 г. от основания Рима. Персидским он прозывался в память о победе, одержанной над персами его знаменитым предком Павлом Эмилием. Род Фабиев был патрианским и древнейшим; происхождения, вероятно, сабинского. Во время войны с вейентами Фабии получили позволение защищать границы от врагов — одним своим родом. Это повело к битве 306 Фабиев и их клиентов при речке Кремере, в которой весь отряд был уничтожен после геройского сопротивления. Фабий Веррукоз — тот самый, который у позднейших писателей получил почетное прозвание «*Sunctor*» («Медлитель» — из-за сдерживающей войны, которую он вел против войск Ганнибала). Фабий Аллоброгик, будучи консулом, в 121 г. до н. э. победил в большой битве аллоброгов в Галлии, за что был удостоен блистательного триумфа. Цицерон упоминает о нем как об ораторе (*Mug. 36*).

⁸⁸ По верованию древних, недостойное поведение жреца, равно как и присутствие нечестивых, отнимало силу у молитвы добрых людей перед богами. Ср. Горация:

Противна чернь мне, чуждая тайн моих.
Благоговете молча: служитель муз —
Досель неслыханные песни
Девам и юношам я слагаю.
(Перевод Н. С. Гицбургера)

⁸⁹ Ср. Горация:

Мы завистливы, — доблесть нам
Ненавистна, но лишь скрылась, скорбим по ней!
(Перевод Г. Ф. Церетели)

(*Carm.*, III, 24, 31).

⁹⁰ Аридей — брат Александра Великого по отцу. По смерти последнего он был сделан царем Македонским и на седьмом году своего царствования убит Олимпиадой.

⁹¹ Гай Цезарь — имеется в виду Калигула. Отец его Германик — сын Друза и Антонии, усыновленный своим дядей по отцу — Тиберием. Это был достойный и заслуживающий уважения человек, но Провидение не даровало ему ни долголетия, ни царского сана. Он правил в должности квестора и претора и был отравлен по ненависти Тиберия. Дед Калигулы — Друз Германик, брат Тиберия. Тацит называет его: «*brevēs et infaustos populi Romani amōges*», т. е. кратковременным и несчастливым предметом любви народа римского.

Прадед Калигулы — Тиберий Клавдий, как известно, не отличался ни доброй славой, ни подвигами. Поэтому здесь лучше иметь в виду вообще предков Клавдиева рода.

⁹² О Мамерке Скавре сохранились самые неблагоприятные отзывы Тацита: «Мамерк Скавр, отличавшийся выдающейся знатностью и блестящим ораторским дарованием, но запятнавший себя постыдным образом жизни» (Ann. VI, 20). Сенека-отец отзывается о нем следующим образом: «Скавр не только самый красноречивый из людей, но и самый распутный» (Contrar. Lib. I). Он погиб при Тиберии, и в его лице окончательно угас знаменитый и древний род Скавров. Дед его — М. Эмилий Скавр — из знатного, но обедневшего рода, ловкий и хитрый человек, одаренный значительным ораторским талантом (Cic., Brut. 29). В 115 г. до н. э. он был консулом и прославился изданием некоторых законов, а также триумфом над лигурийцами; сделался «*princeps senatus*» (наименование сенаторов, значившихся первыми в списке Сената и первыми подававших голос) и был главой посольства к Югурте (Sall. Jug. 15). Кратко, но метко характеризует его Саллюстий: «Человек знатный, деятельный, властолюбивый, жаждущий могущества, магистратур, богатств, но умевший хитро скрывать свои пороки», тогда как Цицерон везде хвалит Эмилия как человека своей партии (De orat. I, 49, 214 и др.).

⁹³ Азиний Поллион — сын К. Азиния Поллиона, славного оратора и историка (Tac. ann. 4, 34; Suet. Caes. 50; Quintill. 10, 1, 113). Сын не обладал выдающимся талантом отца, но отличался большой прямоотой характера (Tac. Annal. 1, 12). Он умер в 33 г. н. э.

⁹⁴ Испыгивать — *pati* — слово, обозначающее порочное действие.

⁹⁵ Мы — т. е. стоики, по учению которых источником наиболее достоверного познания о вещах признавались чувственные восприятия. Впечатления, возбужденные в наших чувствах внешними предметами, по их мнению, самым точным образом соответствуют находящимся вне нас вещам и точно сообщают нам их свойства (Cic. Acad. I, II, 42; Fin. III, 10, 33).

Не меньшую степень достоверности, однако, приписывали они и тем положениям, которые выведены из первоначального материала нашего познания, т. е. чувственных восприятий, отчасти посредством природной силы мышления, отчасти через научные доказательства. Что касается учения стоической школы о критерии достоверности, то здесь наблюдается некоторое противоречие. С одной стороны, достоверность чувственных восприятий и общих понятий, образованных путем естественного мышления, определяется присущей им внутренней, непосредственной силой убедительности для нашего сознания. Напротив, общие понятия и положения, образованные искусственным способом, приобретают силу достоверности только при помощи научного доказательства. Этому последнему иногда приписывается даже большая степень убедительности, чем непосредственному чувству (Zeller. Philosophie der Griechen. III Th. S. 76).

Доказывая возможность восприятия вещей, стоики в то же время утверждали, что знание в собственном смысле, полное и совершенное, может быть доступно только совершенному мудрецу, а не обыкновенным людям. «Истина неприкровенная, учит Сенека (Ep. 135, 6), пребывает только горе (*in alto*); она превыше нас (Ep. 65, 10); познание ее достигается последовательными усилиями целого ряда поколений: «Истина открыта для всех, ею никто не завладел» (Ep. 33, 11).

⁹⁶ Т. е. в своих действиях мы руководствуемся предположениями и соображениями рассудка, а не очевидным и непосредственным созерцанием истины. О различии между истинным и вероятным Сенека, между прочим, рассуждает в Ep. 118.

⁹⁷ В данном случае речь идет относительно учения стоиков о постоянстве, каким должен отличаться мудрец в своих намерениях и действиях. Наш философ

оправдывает свою школу от обвинения в том, что она не остается верной своему идеалу неизменности и постоянства.

⁹⁸ Брак у римлян, как известно, был двух родов: «*matrimonium iustum*», законный гражданский брак, и «*matrimonium iniustum*», признававшийся лишь на основании «*ius gentium*» (международного права) между римлянами и чужестранцами. Долгое время «*matrimonium iustum*» мог быть заключаем только между римскими гражданами: чужестранцы же (*peregrini*) не допускались к вступлению в законный брак с римскими гражданами. Вообще «*peregrini*» в Риме были отстраняемы от участия в государственных должностях и гражданских привилегиях. Но после того как император Каракалла всех свободных обитателей Римской империи объявил гражданами, число так называемой «*peregrini*» значительно уменьшилось. Позволение римлянам вступать в брак с чужестранцами также дано было уже после Сенеки.

Что касается самого Сенеки, то хотя он и был родом из Кордовы, т. е. был колонист, а не природный римлянин, но тем не менее он пользовался, как известно, всеми правами и привилегиями римского гражданина. Это объясняют тем, что Кордова была «*colonia patricia*», выходцы которой могли пользоваться различными правами (Plin. N. H. III, 1).

⁹⁹ «*In rem praesentem venturus fui*». Обыкновенно выражение: «*in rem praesentem venire*» употреблялось о явке для самоличного осмотра той местности, из-за которой шла тяжба. Но здесь, очевидно, это выражение употреблено в применении к юрисконсульту или адвокату, который обещает своему клиенту или другу защищать на суде его дело и не исполняет своего обещания.

¹⁰⁰ Т. е. напомнить себе быть осторожнее в будущем. У древних римлян, как известно, был обычай в известных случаях дергать за ухо лиц, вызвавшихся быть свидетелями на суде, причем произносилась обычная юридическая формула. Прикосновением к уху желали как бы пробудить память, ибо «место памяти», согласно Плинию, находится в самой глубине уха (Plin. N. H. XI, 45). Ср.: Vergil. Eclog. VI, 4.

¹⁰¹ «*Linguarium*», т. е. как бы денежный взнос за болтливость, подобный взносам, которые платились за приложение печатей (*segarium*) и т. п.

¹⁰² *Stigmata* — слова и знаки, которые в древности имели обыкновение выжигать на лбу или другой части тела преступников и беглых рабов.

¹⁰³ Наш философ не одобряет наказания, употребленного Филиппом. В данном случае он вполне последователен и верен самому себе, так как, отрицая необходимость суда над неблагодарным, отрицает и необходимость возмездия за неблагодарность. См.: *De benef.* III, VI—XIV.

¹⁰⁴ «Подарит ли тебе и т. д.?» — т. е. будешь таким же неблагодарным, как тот человек, о котором шла речь. Вопросительная форма — один из обычных риторических приемов Сенеки.

¹⁰⁵ Смысл такой: поощрение неблагодарных, подобных описанному выше злодею, заставило бы людей, из опасения подвергнуться участи гостеприимного хозяина, отказывать несчастным даже в просьбе одолжить воды или огня.

Книга пятая

¹ Рассмотрев важнейшие стороны обязанности благотворения, оказание и принятие благодеяний, автор, в угоду Либералию, переходит к вопросам хотя не стоящим в прямой связи с предметом речи, но имеющим косвенное отношение к нему.

² Эта мысль вытекает непосредственно из предшествовавшей. Как скоро Либералий считает оказываемыми себе те благодеяния, которые оказываются другим, то отсюда следует, что он готов и уплатить за них.

³ Ср.: Сенека, *Epist.* LXXIX: «слава — тень добродетели, она следует даже за теми, кто не желает этого».

⁴ По всей вероятности, автор имеет в виду рассуждения стоиков по поводу этого вопроса, быть может, Гекатона.

⁵ Т. е. здесь в смысле: от счастья не может зависеть нравственное качество и внутреннее достоинство наших намерений, но от него зависит, по крайней мере, осуществление на деле этих намерений.

⁶ Имеется в виду от состязания с другим в благотворениях.

⁷ Lacedaemonii vetant suos pancratio aut cestu decernere. Pancratiatum — особый вид борьбы у древних греков, соединенной с кулачным боем, причем руки не были ничем защищены. Панкратиасты боролись только ногами и корпусом.

Cestus — рукавица из толстой кожи, обитая железом, которую обыкновенно надевали кулачные бойцы. Руки при этом также обвивались ремнями, на которые насаживались гвозди и железные шишки. Вооруженный таким образом боец старался поражать своего противника в голову, шеку, шею и грудь. См.: Vergil Aen. V, 362. В Спарте такого рода состязания были запрещены Ликургом.

⁸ Creta — меловая черта или борозда для обозначения предела в ристалище и при забегах.

⁹ Трижды поверженный противником на землю борец считался совершенно побежденным. Плутарх сообщает, что Ликург запретил эти состязания.

¹⁰ Vox cadentis et tradere iuventibus. Сдача побежденного обыкновенно заявлялась через поднятие руки. Плутарх относительно Ликурга говорит, что он дозволил спартамцам только такие состязания, в которых не протягивается рука.

¹¹ Весьма возможно, что в настоящем случае Сенека намекает на свое личное положение. Как известно, он был осыпан милостями и богатыми дарами своего воспитанника Нерона (Tac. Annal. XIV, 53).

¹² Здесь приводится стоическое воззрение на добродетель мудреца. Идеал стоической морали складается, как известно, из двух элементов: отрицательного и положительного. С отрицательной стороны, совершенство мудрого должно заключаться в совершенном воздержании от всяких аффектов и пороков — в так называемой «апатии». С положительной стороны — оно полагается в жизни, совершенной согласной с требованиями разума и природы. Как таковой, мудрец должен считать благом в собственном смысле только внутреннее добродетельное расположение души и стремиться к достижению его. Все прочее, обычно почитаемое благом, как не имеющее нравственного достоинства и абсолютной ценности само по себе, должно быть для него безразличным. Таковы: материальные блага, телесное здоровье и сама жизнь. Таков теоретический идеал мудрого. Но на практике, в реальной жизни, стоики не могли указать ни одного человека, который бы вполне осуществил этот идеал и был достоин называться мудрым в собственном смысле. «Где ты найдешь того человека, которого мы столько веков ищем?» — спрашивает Сенека (De tranquill. an. VII, 4. Ср.: ср. 42, 1 и др.). Как на людей, более или менее близких к мудрости, стоики обыкновенно указывали на Сократа, Диогена, Антисфена, Катона и др. Но и эти не могли быть признаны с их точки зрения мудрыми, или, что то же, добродетельными в собственном смысле слова (см.: Diog. VII, 91; Epict. Man. 15; Sen. de const. VII, 1).

¹³ Здесь имеется в виду общеизвестный анекдот о Диогене, который в ответ на вопрос Александра Македонского, что бы он хотел получить в качестве благодеяния, просил только посторониться от солнца.

¹⁴ «Без войска» — «sine exercitu», т. е. при помощи одного страха и славы своих воинских подвигов. Мысль этого места довольно ясная. Гордый Александр не хотел знать того, что перечисленные народы доставили ему громадное царство, подчиняясь силе его оружия или будучи привлечены его славою и тем ужасом, который он внушал, и, таким образом, как бы оказали ему благодеяние.

¹⁵ Здесь имеется в виду известный философ — циник Диоген. Основные принципы стоической морали, как мы знаем, были заимствованы у цинической школы. Презрение к материальным благам, равнодушное отношение ко всему, что не принадлежало к внутреннему, духовному миру человека, составляло, между прочим, однородную характерную черту как цинической, так и стоической морали. Отсюда понятно, почему наиболее замечательные представители цинической школы, Антисфен, Диоген и др., пользовались высоким уважением стоиков и ставились ими в пример. Сенека в особенности восхищается Диогеном: его образом жизни, его истинно философским отношением ко всему внешнему, безразличному для духовной жизни человека (ср.: De tranquill. animi. 8, 4; Ep.: 90, 14 и много других мест).

¹⁶ Архелай, сын Пердикки II, царя Македонского, вступил на престол отца в 413 году до н. э. В последний период Пелопоннесской войны он был другом афинян. Покровительством распространению греческих нравов и греческого образования, проложением дорог и основанием городов он оказал большие услуги

своему государству. При дворе его жили такие представители греческой цивилизации, как Еврипид, Зевкис и др. Скончался он в 399 году, т. е. в тот же год, когда скончался Сократ (Diod Sic. XIV, 37). Относительно презрения Сократа к пригласениям и подаркам знатных людей и, между прочим, Архелая Македонского кратко упоминают Диоген Лаэртский (II, 25); Аристотель (Rhet. II, 23) и др.

¹⁷ Здесь разумеется то просвещение, которое уже распространилось почти по всей Греции и тем не менее еще не коснулось Архелая.

¹⁸ Стрижка волос в знак печали была в обычае у греков, но не у римлян (Suet. Calig. 5). Откуда взят этот рассказ про Архелая, неизвестно.

¹⁹ Имеется в виду свобода в обличении и порицании, за которую Сократ поплатился жизнью.

²⁰ Неизвестно, кто были эти стоики и в каких сочинениях приводились такие рассуждения.

²¹ Подобного рода мысли весьма часто встречаются у древних. Так, еще в «Илиаде» Одиссей говорит Пелиду:

Друг! не тебе ли родитель, Пелей заповедывал старец,
В день, как из Фтии тебя посылал к Атрею сыну?
Доблесть, мой сын, даровать и Афина и Гера богиня
Могут, когда соизволят; но ты лишь в персях горячих
Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше...
Так заповедывал старец.
(XI. 252—259).

(Перевод Н. Гнедича)

Ср. также Horat. Serm. II, 7, 83.

У стоиков — самообладание было возведено в степень одной из главных добродетелей еще Зеноном. Добродетель эта определялась ими как знание того, что надобно избирать, чего избежать и к чему относиться безразлично (Stob. 202). Подавление аффектов, т. е. движений души, выходящих из разумных пределов, должно было составлять важнейшую задачу стоического мудреца.

²² Обычный юридический термин.

²³ «Affuisse» (судебный термин) — защищать кого-нибудь в качестве патрона или адвоката. В республиканские времена адвокатами называли в Риме тех лиц, которых та или другая из сторон, участвующих в тяжбе, приглашала себе на помощь и которые не только дома подавали советы, но являлись и в суд, чтобы своим присутствием придать больший вес притязаниям той стороны, за которую они стояли. Совершенно отличны от них были патроны — судебные ораторы. Во времена императоров различие между адвокатами и патронами совершенно исчезло. Патронами также назывались богатые и знатные лица по отношению к покровительствуемым ими людям — клиентам. Между патронами и клиентами в некоторых случаях существовали особые, строго оговоренные законом отношения, нарушение которых наказывалось «sacratione caritatis». Такой патрон должен был, между прочим, защищать своего клиента и давать ему совет в судебных делах.

²⁴ Подобного рода статуи нередко ставили своим патронам их клиенты и вольноотпущенники.

²⁵ «Versuga» — оборот, обозначающий перемену кредиторов и погашение процентов процентами.

²⁶ Т. е. подобно тому, как, например, в игре в мяч посылающий его тотчас же становится принимающим и наоборот.

²⁷ Стоики, как известно, учили, что сумма материи, как целого, остается неизменной. Она не уменьшается и не увеличивается. Материя прибывает или убывает только в отдельных вещах. «Все только изменяется, но не уничтожается» (Sen. ep. 36, 10). После того как настоящий мир перестанет существовать, все обратится в первосущность всех вещей — «огневидный эфир», из которого по истечении некоторого времени произойдут снова те же самые предметы и лица, какие существовали в предшествующем мире, и т. д. до бесконечности (Zeller. Philos. d. Griech. III. S. 155).

²⁸ Указание на то, что самое первое, врожденное каждому живому существу стремление (prima naturae) направлено к его самосохранению и самозащите, играло очень важную роль в этической доктрине стоиков (Diog. Laert. VII, 85; Cic.

De offic. 1, 4 и др.). Отсюда непосредственно выводилось, что каждое существо, по природе своей, стремится к тому, что сообразно с его натурой (Cic. Fin. III, 5, 17, 6, 20) и что, следовательно, высшее благо и высшая цель или счастье может заключаться только в жизни, сообразной с природой (Stob. II, 134, 138 и др.). Но для сознательного разумного существа, каков человек, сообразной с природой деятельностью может быть только та, которая будет исходить из познания законов природы и своего собственного существа, как части этой природы, мирового разума (Stob. 134 и др.). Так обосновывалось стоическое учение о высшем принципе человеческой деятельности.

²⁹ Praestitisse — от praestare — глагола, употреблявшегося в юридическом языке относительно поручительств, договоров и прочих действий, предполагающих известное отношение к другому лицу.

³⁰ Здесь содержится указание на то место 1-й главы настоящей книги, где автор, предполагая рассуждать относительно предметов второстепенной важности, между прочим, замечает, что хотя этим он не сделает важного дела, но тем не менее не потратит даром и труда.

³¹ Автор, очевидно, имеет в виду разнообразные виды загадок и остроумных игр, бывших в ходу в его время. Ср.: Athenaei, Deipn. X.

³² Иногда благо определялось стоиками, по примеру Сократа, как полезное (Stob. II, 78; Cic. Fin. III, 10 и др.). Тогда они учили, что только добродетель полезна, но что, напротив, дурным людям ничто не может доставлять пользы, так как для разумного существа благо и зло полагаются исключительно в его деятельности (Stob. II, 188; M. Aurel. IX, 16). Таким образом, благо и польза совершенно совпадают с добродетельной, т. е. разумной, деятельностью (Zeller. Philos. Griech. III. S. 213).

³³ «Honesta et probabilis res est», т. е. «истинно благое и само по себе обладающее абсолютным достоинством и ценностью». Под таким названием добродетельные действия, как блага в собственном смысле, отличались стоиками от благ условных, т. е. таких, которые, будучи сами по себе в нравственном отношении безразличными, представлялись имеющими относительную ценность только потому, что могли отвечать требованиям человеческой природы, или служить вспомогательным средством для нравственной и разумной жизни, или тем и другим вместе. Такими благами считались, например, способности души, телесные преимущества, самая жизнь, материальные блага, богатство, честь и пр.

Сообразно этому различию и разделению благ различались и обязанности в отношении к ним. Обязанность нравственного усовершенствования — стремления к добру — различалась от так называемых «средних обязанностей», т. е. обязанностей стремиться к благам условным и удаляться от противоположных им зол.

Это учение об условных, второстепенных благах и «средних» обязанностях вызвано было необходимостью смягчить первоначальный ригоризм и парадоксальность стоической морали, дошедшей в своей крайности до противоречия законным требованиям человеческой природы. Таким образом, уступая этим требованиям, стоики были вынуждены признать благами, хотя и второстепенными, такие вещи, которые в нравственном отношении считались ими за безразличные. Но их уступки этим еще не ограничились. Они должны были умерить до некоторой степени и свои требования «апатии», допустить существование в душе мудреца движений, довольно близких к аффектам. Далее, они должны были закрыть и ту пропасть, которую полагали между мудрецами и невеждами. Не только их противники указывали на то, что в действительности нельзя найти ни одного мудреца, вполне осуществившего стоический идеал, но они и сами почти соглашались с этим (напр., Sen. tranq. an. 7, 4 и др.). Взамен действительной мудрости они допускали существование особого состояния, близкого к мудрости, почти тождественного с ней. Люди, находящиеся в таком состоянии, почти ничем не отличались от совершенных мудрецов, существовавших только в воображении стоиков. К разряду таких людей представители стоицизма относили тех философов и прославленных историй лиц, которые наиболее удовлетворяли их нравственному идеалу. На все же остальное человечество они смотрели, как на массу невежд, которым доступно лишь обладание благами низшего рода, исполнение лишь так называемых «средних обязанностей».

³⁴ «Puxis» — сосуд из букового дерева.

³⁵ Под «грязной и низменной» материей, очевидно, разумеются блага в собственном смысле, т. е. исключительно материальные, а не внутренние и духовные.

³⁶ Т. е. обыкновенных людей, толпу. Истина, познание о том, в чем заключается истинное благо и благотворительность, может быть доступна одним мудрецам.

³⁷ Имеется, очевидно, в виду известный парадокс стойков относительно того, что каждый человек, не достигший совершенной мудрости, подвержен всем порокам — в различных степенях проявления.

³⁸ «Fascibus suis» (букв.) — связками прутьев. Эти связки, носившиеся ликторами перед высшими чиновниками Рима, служили символами власти.

³⁹ Все полководцы, подходившие к Риму во главе войска, предварительно должны были представляться членам Сената за стенами города, близ храма Беллоны. Выражение «*in jussu Senatus*» («по приказанию Сената») — не вполне точно употреблено Сенекой, так как во времена республики Сенат не мог ничего «приказывать» (*jubere*); он только утверждал (*desegnebat*) приказания народа. По всей вероятности, автор употребил это выражение, применяясь к обычаям своего времени, т. е. эпохи императора, когда народ уже не издавал никаких приказаний.

⁴⁰ Vexillum — знамя, распускавшееся во время битвы.

⁴¹ Орлы, как известно, служили знаменем римских батальонов.

⁴² Гней Марций Кориолан, которого наш автор приводит как один из примеров неблагодарности, оказал сначала сам немало услуг своему отечеству. Но в 491 г. до н. э. он сделал попытку уничтожить должность народных трибунов, за что и был осужден на изгнание. Пылая мщением, Кориолан, во главе эквов и вольсков, подступил к самому Риму, предварительно разграбив и опустошив его окрестности. Только усиленная просьба женской депутации, во главе которой были мать и жена Кориолана, убедила его пощадить родной город (Plut. «*Vita Coriolani*» и Т. Livii II, 35).

⁴³ Известный заговорщик Катилина, между прочим, привлек к участию в своем заговоре галльское племя аллоброгов, обитавшее в бассейне реки Роны.

⁴⁴ Т. е. Катилина как бы желал, чтобы римские вожди были убиты аллоброгами, как жертвы мщения, на могилах древних галлов, осаждавших некогда Рим и побитых знаменитым Камиллом. Эти галльские могилы (*busta gallica*) находились среди города, в третьей или четвертой его части. Обычай умерщвлять врагов на могиле павших воинов и этой кровью умилостивлять души убитых — весьма древний. Так, например, в «Илиаде» повествуется о том, как на могиле Патрокла было убито 12 троянских юношей (Ilias. XXI, 26).

⁴⁵ Т. е. дал воинский сигнал — идти в Рим и начинать грабеж.

⁴⁶ Известно, что само появление Мариа на улицах Рима послужило сигналом к началу кровопролитнейшей резни. Кому из встречных он не отвечал на приветствие, тот был немедленно убиваем (Aug. *De civit. Dei* III). Таким образом, избиение римских граждан, устроенное Марием, по кровопролитию и жестокости равнялось избиению кимвров, которое принесло тому же Марию знаменитость и воинскую славу.

⁴⁷ Луций Корнелий Сулла (род. в 138 г. до н. э.) сначала служил некоторое время под начальством Мариа, но впоследствии вступил с ним в борьбу и вынужден был оставить Рим. После смерти Мариа Сулла поспешил в Италию, где тем временем против него образовалась сильная партия. После тщетной попытки примирения партий он с войском двинулся к Риму; в 82 году разбил своего противника, Мариа младшего, и осадил город Пренесту (в 20 милях от Рима). Затем, после кровопролитной битвы под самым Римом, у так называемых ворот Коллинских, он овладел столицей. На Марсовом поле у храма Беллоны он приказал на глазах Сената загнать два побежденных легиона в какое-то огороженное пространство (по одним сведениям, *ovile*, по другим, *villa publica*) и без всякого сожаления изрубить их, в то время как сам произносил речь. В виде контрибуции с побежденных врагов было взято 2 таланта. Сам Сулла принял звание диктатора и окружил себя различными почестями. В самый Рим он вступил в ноябре 82 г., и тогда же получили свое начало те ужасные проскрипции, жертвой которых стали тысячи граждан. Сделав некоторые важные преобразования и возвратив потрясенному государству

порядок и спокойствие, Сулла сложил диктатуру и остаток дней своих провел в мирных занятиях (ум. в 78 г.) (Plut. Sull. 36).

⁴⁸ *Согона сива* давалась обыкновенно за спасение жизни гражданина.

⁴⁹ Гней Помпей, прозванный Великим (род. в 106 г. до н. э.). Имея всего только 25 лет от роду, он уже был приветствован войском как полководец. Желая еще более упрочить свое положение, он постарался сблизиться с Цезарем и Крассом, откуда возник так называемый триумвират. Вскоре между Цезарем и Помпеем завязались и родственные узы — через брак последнего на дочери первого, вследствие чего связь между двумя триумвирами закрепилась еще более. Имея в виду семейные связи между Помпеем и Цезарем, наш автор и замечает, что во владении семейства Помпея находились две части государства (*in sua domo duae partes essent*).

⁵⁰ Так, например, Помпею были вручены чрезвычайные средства и полномочия для ведения войны с киликийскими морскими разбойниками, наводившими ужас на все Средиземное море. После низвержения Помпея беспорядки в Риме окончились, как известно, только диктатурой Цезаря.

⁵¹ Имеется в виду Гай Юлий Цезарь.

⁵² Об этом факте, по свидетельству Липсиуса, упоминает только один Сенека. Нигде нет указаний на то, чтобы Цезарь расположил с враждебной целью свой лагерь во Фламиниевом цирке, т. е. одном из римских кварталов, названном так по имени цирка, построенного в 221 г. до н. э. Впрочем, сам Цезарь пишет о себе, что, разместив войска в ближайших провинциях, сам он отправился в Рим (I Civil.). По предположению Липсиуса, приведенное сообщение Сенеки надо понимать так: Цезарь, по обычаю всех полководцев, представлялся Сенату близ храма Беллоны, находившегося возле Фламиниева цирка, причем поблизости расположились лагерьм воины, взятые им для собственной охраны.

⁵³ Порсенна, царь этрусков, во 2-м году республики напал на Рим и расположил свой лагерь на одном из римских холмов, так называемом *Janiculum*.

⁵⁴ Цезарь всегда удерживал за собой, в качестве диктатора, право употреблять военную силу.

⁵⁵ Марк Антоний (триумвир) (род. в 83 г. до н. э.), благодаря Цезарю получил звание авгура, народного трибуна и главное командование над войсками в Италии. При Фарсале он сражался вместе с Цезарем и был сделан *magister equitum* (главнокомандующим). Впоследствии Антоний сделался консулом вместе с Цезарем и содействовал всем планам последнего. После убийства Цезаря Антоний вскоре сумел воспользоваться обстоятельствами для достижения своих собственных целей. Тем не менее нигде нет сведений о том, чтобы он официально признал убийство Цезаря законным. Напротив, с его стороны предпринимались даже некоторые попытки отомстить за смерть своего патрона. Он восхвалял подвиги убитого и произнес над телом Цезаря яркую речь, чем старался разжечь ненависть народа к убийцам. По-видимому, замечание Сенеки «*juge saesum pronuntiavit*» есть риторическая фигура для выражения того, что Антоний не подверг убийц открытому преследованию и таким образом как бы молчаливо одобрил убийство Цезаря. Составив в союзе с Октавианом и Лепидом в 43 г. новый триумвират, Антоний произвел в Риме бесчеловечную резню и проскрипции. Сошедшись, под конец своей жизни, с египетской царицей Клеопатрой, он раздарил ей и ее детям много римских провинций и даже сделал в ее пользу завещание, окончательно возмущившее римский народ.

⁵⁶ «*Tributum spardonibus penderet*». Евнухи, как и всюду на Востоке, были самыми приближенными людьми к египетской царице Клеопатре. Таким образом, римские деньги переходили в распоряжение египетских евнухов.

⁵⁷ У Сенеки мы часто встречаем упоминание об этом Рутилии (см., например, *Consol. ad Marc. XXII, 2; De provid. 3*). Это было, как известно, знаменитый и доблестный муж, не оцененный своим отечеством. Он был сослан в Малую Азию, в Смирну, где подвергался опасности быть убитым Митридатом. Здесь он написал на греческом языке историю своего народа и на латинском свою биографию (*Athenaei 1, 1* и др.).

⁵⁸ Катон Утичский, несмотря на свои заслуги перед отечеством, при соискании претуры должен был уступить некоему Вацинию и ни разу не был избран в консулы (Plut.).

⁵⁹ Подобные же мысли о том, что для человека может иметь значение не продолжительность, а только качество его жизни, часто приводятся у Сенеки

и у других древних авторов (ср., например: Sen. ep. LXXVII, LXX; De brevit. vitae, c. 1; Ovid. Metamorph. X, 32).

⁶⁰ У древних рабы, как известно, считались не лицом, а скорее вещью, тогда как сыновья рассматривались как свободные личности и сами должны были отвечать за оказанные им благодеяния.

⁶¹ Правоведы изрекали обыкновенно свои ответы на вопросы клиентов прямо, решительно и кратко, не вступая в прения и не встречая никаких возражений.

⁶² Сорит (sorites) (букв.) — нагроможденный в кучу, «acervalis» — в логике называется сложное умозаключение, в котором для краткости опускаются посылки, служащие заключениями простых силлогизмов, входящих в состав сорита.

⁶³ Сенека во многих случаях высказывает, что он не разделяет древних поверий о том, будто погребение тела приносит великую пользу и душе покойника, не находя себя покоя. Несогласие с этим верованием высказывал еще и Цицерон в своей «Oratio pro Roscio Amerino» (cap. XXIV). Тем не менее погребение умершего в древности всеми вообще считалось долгом и обязанностью человеколюбия.

⁶⁴ Suggillatio — рубец или знак от раны, отсюда — наказание — castigatio.

⁶⁵ Известно, что Юлий Цезарь с особенным расположением относился к ветеранам, потому что благодаря их содействию он достиг своего величия. Многих он награждал земельными участками (Dio Cass. 43, 52), из-за которых у ветеранов нередко происходили ссоры с соседями. Упоминаемый Сенекой ветеран участвовал вместе с Цезарем в двух войнах в Испании: на реке Хусар (ныне Хисар) — против полководцев Помпея (в 705 г. от основания Рима) и при городе Мунде — против сыновей Помпея (в 708 г.). Приводимый факт находим у одного Сенеки.

⁶⁶ Меч особого рода, которым можно было и колоть и сечь (Diod. Sic. V, 33).

⁶⁷ Спорная дорога, пользоваться которой, по-видимому, запрещал ветерану сосед.

⁶⁸ Об этом факте сообщает один Сенека.

⁶⁹ Имеется в виду Хриз (Jlias I. 37 и сл).

Книга шестая

¹ Примеры рассуждений о подобных вопросах можно встретить, например, в 12-й главе V книги настоящего сочинения.

² «Omnium tibi scipiam faciam: tu illa, utcumque tibi visum erit, aut peragi jubebo, aut ad explicandum ludorum ordinem induci».

Образ, очевидно, заимствован из древних сценических представлений. В Риме, во время цирковых игр, был обычай перед началом представления носить по театру или амфитеатру статуи богов, за которыми в стройной процессии выступали в том порядке, в каком предполагалось представление, различные лица, участвовавшие в действии: бойцы, музыканты и пр. Таким образом, этой процессией как бы заранее объявлялся зрителям порядок (ordo) и состав предстоящего зрелища (ludi). Иногда же перед началом сценических игр публике прочитывался пролог, в котором излагалось содержание и порядок исполнения пьесы. Иногда же такой пролог вывешивался при входе в театр.

³ Вопрос этот, по всей вероятности, предлагали стоики, имена которых до нас не дошли. Определение сущности благодеяния, как мы знаем, приводилось автором выше.

⁴ Марк Антоний, как известно, после продолжительной борьбы должен был уступить Октавиану Августу и во время последней битвы, при Акциуме, сам лишил себя жизни.

Рабирий — эпический поэт, краткие замечания о котором встречаем у Квинтилиана (X, I, 90) и Овидия (Pont. IV, 16, 5). Впрочем, относительно произведений этого поэта у древних авторов нет никакого упоминания.

⁵ Т. е. к Октавиану Августу.

⁶ Приведенное обращение, несомненно, относится к личности Марка Антония, который, вступив в ожесточенную борьбу с Октавианом, порвав связывавшие его с последним узы дружбы и родства (Антоний был женат на сестре

Августа Октавиана), произвел большое опустошение и потрясение в римском государстве.

⁷ Т. е. жизнь, воспитание и прочие блага, которыми люди обыкновенно бывают обязаны своим родителям.

⁸ *Colonus* — нечто вроде арендатора или фермера.

⁹ *Tabellis manentibus pas.* — таблицы, на которых записан арендный контракт землевладельца с его колоном.

¹⁰ «*Delegatione et verbis perfecta solutio sit*».

Delegatio (букв.) — отправление, назначение; в настоящем случае перевод уплаты долга на другое лицо, т. е. когда выплачивают не сами, из своего собственного кошелька, но для получения денег отсылают истца к своему другому кредитору, банкиру или т. п.

¹¹ Древние юристы, подобно философам, полагали различие между самим актом или известным действием и объектом этого действия (*actioe et re*).

Так, понятие «*hereditas*», как скоро им обозначался самый акт «наследования», различалось ими от «наследства», т. е. тех вещей, на которые простиралось действие акта наследования. Но в обычном словоупотреблении слово «*hereditas*» могло безразлично употребляться и в смысле акта наследования, и в смысле предметов, составляющих наследство, вследствие чего собеседник Сенеки и мог укорить юристов за излишнюю скрупулезность в различении оттенков смысла одного и того же слова.

¹² В юридическом языке формулами обыкновенно назывались или те раз навсегда установленные формы изречений и предписаний закона, которые выдавались претором для руководства судьям, или те формы, в которых выражались различные судебные иски и жалобы, а также разные юридические документы: завещания, купчие и т. п.

¹³ *Abitto* — древний юридический термин, употребляемый относительно претора, когда он отсылал стороны, участвующие в тяжбе, к известному судье.

¹⁴ Стихи заимствованы из Вергилиевой «Энеиды», V, 162.

¹⁵ Причина неясности приведенного вопроса, очевидно, заключается в прилагательном «*invitus*», которое может означать то «нежелающий», то «незнающий».

¹⁶ Так, например, Август, по Светонию, при помощи холодной воды излечен был от опасной болезни (*Aug. 81; Dio Cass. 53, 30*).

¹⁷ Имеются в виду страшные часы так называемого «кризиса болезни».

¹⁸ Иногда судьи оправдывали подсудимого, обвиняемого каким-нибудь сильным лицом, только ради того, чтобы не показать пристрастными и действующими в угоду этому лицу. По такому побуждению, например, был оправдан Л. Котта, обвиненный Эмилием Сципионом (*Valer. Max. VIII, 1, 11*).

¹⁹ «*Et in unum testem de me rem demittit*». Иногда обвинитель, надеясь, что судьи поверят его собственному показанию и показанию одного какого-нибудь свидетеля, проигрывал дело вследствие такого самозамещения.

²⁰ Клеанф приводит этот пример в своем сочинении, о котором упоминает *Diog. Laert. (VII, 175)*.

²¹ Из истории известно немало примеров, когда честолюбивые люди достигали своих целей, помогая своим соотечественникам во время различных несчастий. Так, например, возвысился Кимон и др.

²² *Insula* — большой дом, разделенный на несколько квартир, сдававшихся внаем беднякам.

²³ «*Sed Tanquam imperatorem*». В древности, как известно, врачи не занимали вообще высокого общественного положения и за известную плату попадали как бы в полное распоряжение своего пациента, вследствие чего этот последний и мог в отношении к ним называться «повелителем» (*imperator*).

²⁴ См. комментарий 17.

²⁵ «*Injesta manu*» — приложив все старание и силу.

²⁶ «Низкими» занятиями (*sordida artificia*) считались все те, где не требовалось приложения особого ума или таланта, как-то: занятия рабов и вольноотпущенников, корчмарей, торговцев, ремесленников и пр.

²⁷ Откуда заимствован этот рассказ — неизвестно.

²⁸ Имеется в виду обычай награждать толпу во время игр и различных торжеств.

²⁹ Здесь намекается, очевидно, на современный самому автору факт. Так, известно, что цезарь Клавдий подарил всей Галлии полное гражданство, т. е. с правом голоса (*cum iure Suffragii*) Тас. *Annal.* XI, 23.

³⁰ Кандидаты на государственные должности, равно как и подсудимые, обязаны были объявлять начальству о своем имущественном цензе, своих наличных деньгах и долгах.

³¹ У древних стоиков солнце и луна считались разумными и одушевленными существами божественного достоинства, как образованные из огневидного эфира, носителя божественной силы. Отсюда понятно, что мог возникать серьезный спор относительно существования у этих светил свободной воли.

³² «*Repentino incendio*» — указание на известное стоическое учение о так называемом всемирном пожаре, в котором погибнет Вселенная и после которого все превратится в одну первоначальную стихию — огневидный эфир. Выражая это учение в популярно-мифологической форме, стоики утверждали, что со временем все боги погибнут и останется один Зевс (*Cic. De natug. deor.* I, 14 и др.).

³³ «*Vis sua*» — имеется в виду свойственная им твердость и постоянство. Ср.: *Nat. Quaest.* I.

³⁴ Т. е. при первом образовании космоса из огневидного эфира силой божественного разума.

³⁵ Развивая самым подробным и старательным образом учение о целесообразности и разумности природы, стоики утверждали, что все создано ради богов и людей. Неоднократные красноречивые рассуждения нашего автора о божественном промыслении мы встречаем в IV кн. «*De beneficiis*», гл. 3, 8, 11 и др. и в специальном его сочинении «*De providentia*».

³⁶ Указывается на то, что человек доступно движением не только по земле, но и по воде и по воздуху (при помощи лестниц и веревок) и даже устремление умственных взоров в бесконечную даль небес.

³⁷ Т. е. следит за движением небесных светил.

³⁸ По всей вероятности, имеется в виду мнение Эпикура о том, что человек представляет собою случайный агрегат атомов.

³⁹ Т. е. людям, полное воздаяние которым должно состоять, по учению нашего автора, не только из душевной признательности, но и из материального вознаграждения.

⁴⁰ Подразумеваются боги.

⁴¹ «Свободные искусства» — имеются в виду грамматика, музыка и другие науки и искусства — в противоположность «низким» занятиям (*sordida artificia*).

⁴² Вероятно, имеются в виду юноши, уже получившие «мужскую тогу» (*toga virilis*).

⁴³ Этот вопрос поднимался, по всей вероятности, какими-нибудь стоическими авторами, которым и следует в настоящем случае Сенска.

⁴⁴ «*Pravo amore fragrantibus*» — т. е. такою любовью, которой не может разделять возлюбленная по неравенству своего общественного положения и т. п.

⁴⁵ При штурмах лагерей обыкновенно старались разрушить вал при помощи особых кольев.

⁴⁶ Такой поспешностью человек, очевидно, заявляет, что благодеяние есть для него тяжелое бремя, с которым он старается как можно скорей развязаться.

⁴⁷ «*Ut infra beneficia sua jaceat*» — т. е. чтобы благодетель дошел до такого униженного состояния, в котором не мог бы даже сам для себя делать того, что прежде ради благотворительности делал для других.

⁴⁸ Т. е. первая половина молитвы, где испрашивается несчастье, более свойственна врагу, а вторая, где испрашивается благословение, — благодарному другу.

⁴⁹ Т. е. если умолчаны будут последние слова молитвы, где испрашивается помощь.

⁵⁰ Подразумевается богатство, материальные средства.

⁵¹ *Ex animi sui sententiam* — древняя формула для выражения того, что говорится вполне честно, свободно и в соответствии со своими задушевными мыслями.

⁵² Сенска рассказывает о воинственных намерениях и сборах Ксеркса в преувеличенной, риторической форме и допускает некоторые неточности. По свидетельству Геродота, у Ксеркса, кроме Демарата, были и другие благоразумные советники. Так, Артабан отговаривал царя от похода и порицал советы Мардония (*Herod.*

VII, 10). Демарат — лакедемонский царь, из отечества бежавший в Азию и гостеприимно принятый Ксерксом (Herod. VI, 70). Речь, вкладываемая Сенекой в уста Демарата, совершенно отлична от того, что рассказывает Геродот (VII, 102).

⁵³ *In primo monte* — т. е. при Фермопилах, где знаменитые 300 спартанцев, под предводительством царя Леонида, геройски сражались с персами.

⁵⁴ *Quum te, mutatis legibus suis, natura transmiserit* — указывается на знаменитые подвиги Ксеркса: соединение двумя мостами Геллеспонта и прорытие горы Афона, благодаря чему море как бы обратилось в сушу, а суша — в море.

⁵⁵ *Et tuis te viribus prement* — т. е. воспользуются многочисленностью и происходящей отсюда медленностью и неповоротливостью персидского войска и разобьют его, как это было при Саламине и при Платее.

⁵⁶ *Sua causa* — т. е. чрезмерная многочисленность войска сама по себе, и без других причин, приведет персов к гибели.

⁵⁷ *Divina atque humana impellentem* — указывается на произведенное Ксерксом опустошение и разрушение жилищ и храмов.

⁵⁸ Непрямую, изогнутую (*inclinatam*) повязку или тиару носили обыкновенно вожди, и только цари имели право носить прямую.

⁵⁹ Дочь императора Августа Юлия, как известно, за свое безнравственное поведение была послана отцом на о. Пандотарию (ныне св. Марии), затем в Региум, где и умерла голодной смертью в 768 г. от основания Рима.

⁶⁰ Статуя Марсия, известного фригийца, состязавшегося в музыке с Аполлоном, находилась на Римском форуме возле трибунала. Около этой статуи обыкновенно собиралась разгульная молодежь на свои оргии.

⁶¹ Агриппа и Меценат — известные вельможи и любимцы Августа, умершие раньше его.

⁶² Т. е. благоразумные и верные советы. Так, например, Крез, вначале отвергавший советы Солона, впоследствии, под гнетом несчастий, выражал желание всегда слушать советы этого мудреца (Herod. I, 30).

⁶³ У знатных римлян велись особые книги, в которые записывались имена клиентов, причем прием последних делился на несколько смен, в зависимости от степени близости к патрону. Номенклаторами, как известно, назывались рабы, на обязанности которых лежало запоминание имен клиентов и представление их господину.

⁶⁴ Эней вынес своего отца, Анхиза, на плечах из развалин горящей Трои (Virg. Aen. VI и др.). Рассказ о подвиге сицилийских юношей см. у Sen. «De Beneficiis», III, 37. Имена этих юношей, по преданию, были: Ананий и Амфином, или «Филоном и Галлий», из города Катаны.

⁶⁵ Деции — знаменитые мужи, обрекшие себя на жертву подземным богам для доставления победы Риму: отец во время латинской войны (414 г. от основания Рима) и сын во время Самнийской (457 г.).

⁶⁶ Каллистрат — знаменитый афинский оратор и полководец, своим красноречием побудивший к соревнованию Демосфена и пользовавшийся уважением последнего. Несмотря на свои услуги отечеству, он тем не менее был осужден на смертную казнь, бежал из отечества.

⁶⁷ Рутилий, римский консул, известный своей добродетельной жизнью и изгнанный из Рима приверженцами Суллы.

⁶⁸ Имеются в виду междоусобные войны между Марием и Суллой.

⁶⁹ Демад — знаменитый афинянин, сделавшийся из моряка оратором и своим красноречием смягчивший гнев Филиппа Македонского после его победы при Херонее (Diod. XVI, XVII).

⁷⁰ Имена этих искателей наследств мы встречаем только в настоящем месте. О подобных искателях упоминает еще Гораций (Serm. II, 5).

⁷¹ «*Libitinarii*» назывались содержатели и продавцы похоронных принадлежностей. Свое название они получили от Венеры Либитины, в храме которой продавались и давались напрокат необходимые похоронные принадлежности и где велись списки умерших.

⁷² Смысл такой: продавцы погребальных принадлежностей хотя ничего не приобретают, но ничего и не теряют от малочисленности умирающих, тогда как искатели наследств разоряются на тех, кто долго не оправдывал их надежд и не умирал, потому что для снискания расположения последних им приходилось часто делать дорогие подарки и приношения.

⁷³ Стих взят из Vergil. Aeneis, XII, II. Турн — царь рутулов, противник Энея, побежденный им.

⁷⁴ По учению стоиков, все добродетели, равно как и все пороки, равны между собой и составляют одно целое.

⁷⁵ Т. е. общественное мнение обязано воздавать должное нашим поступкам, а не управлять нами.

Книга седьмая

¹ Vergil.

² Один из стоиков.

³ На этом текст русского перевода трактата Сенеки обрывается. В оригинале имеется еще 20 глав.

О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

Печатается по: Древнеримские мыслители. Свидетельства. Тексты. Фрагменты. Киев, 1958. С. 47—74. Пер. С. Ц. Янушевского.

¹ Эдил — в Древнем Риме должностное лицо, ведавшее общественными играми, надзором за строительством и содержанием храмов, водопроводов, раздачей хлеба гражданам.

² В тексте: мир. Миропонимание стоиков носит монистический характер. Признавая единство движущей силы и вещества, духа и материи, они отождествляют мир с Богом. Из единой живой разумной стихии, телесной и в то же время духовной, образуется мир со всеми разнородными явлениями. В бесконечном круговороте преобразований эта стихия то составляет вселенную, то с воспламенением последней и прекращением ее существования возвращается в свое первоначальное состояние.

³ Номентан — неоднократно упоминаемый Горацием тип распутного мота. Марк Гавий Апиций, известный гастроном и мот, жил во время Августа и Тиберия. Когда он, истратив на роскошные пиры сто миллионов сестерциев, попал в долги и увидел, что у него остается лишь десять миллионов сестерциев, он отравился в убеждении, что продолжать жизнь с такими нищенскими средствами значило бы обречь себя на голодную смерть. Сенека, между прочим, говорит, что, выступивши учителем гастрономии в том городе, откуда некогда были изгнаны философы за мнимое развращение молодежи, Апиций оказал растлевающее влияние на своих современников. Его имя сделалось нарицательным. Так, Ювенал (XI, 2) гоэорит: «Чернь не хохочет ли больше всего над Апицием бедным?»

⁴ Обтянутый кожей бубен.

⁵ Другое чтение: «Что лучше разума может руководить разумными от природы существами?»

⁶ Собственно, два опасных вследствие отмелей залива у северных берегов Африки.

⁷ Заимствовано из «Георгик» Вергилия (I, 139—410):

Вздумали птиц силками ловить и при помощи клея,
И оцеплять со стаей собак обширные дёбри.

⁸ Другое чтение: «возделываемой земли».

⁹ Другое чтение: «...я, слабые люди, все-таки скороход».

¹⁰ Рутилий и Катон (Младший) упоминаются рядом с Сенекой в De benef, V, 17, 2. В начале I века до н. э. Рутилий жил в изгнании в Смирне, куда он отправился, проигравши процесс вследствие происков откупщиков податей, следовавших его за неподкупность. Ср. также VI, 37, 2.

¹¹ Другое чтение: «Да и трудно ли показаться слишком большим богачом...»

¹² Неоднократно упоминаемый Сенекой циник Деметрий прославился как благородный, искренний человек, твердо проводивший в жизнь свои убеждения и беспощадно бичевавший порочных людей, хотя бы они принадлежали к числу сильных мира сего (см.: Сенека, De benef, VII, 1, 3).

¹³ Более подробных сведений об этом Диодоре не имеется.

¹⁴ Заимствовано из «Энеиды» (IV, 653), где Дидона говорит: «Жизнь моя кончена: путь, судьбою мне данный, прошла я».

¹⁵ Место это следует понимать так: страсть так же мучительна для человека, как распятие на кресте. Люди, потворствующие своим страстям, как бы осуждают себя добровольно на казнь. Число казней равняется числу страстей. К тому же эти презренные рабы страстей позволяют себе оскорбительно отзывать о более достойных людях, которые, отрешившись от страстей, этим самым сняли себя с крестов.

¹⁶ При чтении: «sed viros suspice») это предложение отпадает.

¹⁷ Другое чтение и толкование: «Слыша свой смертный приговор, я буду сохранять такое же спокойное выражение лица, с каким объявлю смертный приговор преступнику и буду смотреть на его исполнение». Против этого можно возразить, что о своей смерти Сенека говорит в конце этой главы.

¹⁸ Другое чтение: «...и никто не ограничивал моей свободы».

¹⁹ Заимствовано из «Метаморфоз» Овидия (II, 327—328): «Здесь лежит Фатон, колесницы отцовской возница / Справиться с ней он не мог, но пал в предприятьи великом».

²⁰ Катон Младший — один из благороднейших юношей античного мира, старавшийся до конца жизни остаться верным себе. Ослепленный культом Цезаря, Моммзен дает блестящую в стилистическом отношении, но крайне пристрастную, в партийном духе написанную характеристику Катона. Объясняется это отчасти тем, что оба они, будучи людьми совершенно противоположных политических и философских убеждений, были в одинаковой степени фанатиками предвзятой идеи. Если безумен был Катон, то что сказать о пользующемся всемирной известностью ученом, который в порыве национального задора признает возможным «колотить славян по их башкам»? Более справедливо судит о Катоне Буассье, обращая внимание на то, что он был гордостью и образцом для местных людей. Республика, представлявшаяся Катону идеалом в сиянье славного прошлого, была для него, по меткому выражению Друмманна, сокровищем, охрана которого составляла задачу его жизни и по утрате которого жизнь его потеряла смысл. С непоколебимой верностью он защищал дело, которое считал справедливым, не изменяя ему даже тогда, когда боги отвернулись от него.

²¹ Когда Курий (цензор в 272 г.) и Корункания (консул в 280 г.) услышали, что в Афинах есть некий человек (разумеется Эпикур), который выдает себя за мудреца и утверждает, что во всех своих поступках мы должны руководствоваться чувством удовольствия, они выразили пожелание, чтобы такой взгляд усвоили самниты и сам Пирр, так как их легче можно будет победить, когда они будут предаваться удовольствиям.

²² Древнеримская серебряная, затем из сплава цветных металлов монета.

²³ Красс, известный богач, был убит в 53 г. парфянами.

²⁴ М. Порций Катон Старший (бывший цензор, 234—149 гг. до н. э.), известен как ярый националист, патриот, писатель, поклонник старины, борющийся неутомимо, но безуспешно со всякими новшествами в области религии, политики и общественной жизни. Ненависть и гнев, говорит Моммзен, сделали его оратором, который в совершенстве владел мечом и плугом и со своим ограниченным, но оригинальным здравомыслием обыкновенно попадал прямо в цель.

²⁵ Мелкая серебряная монета.

²⁶ Этот древнейший в Риме мост через Тибр вел к Яникулу. Мосты — обычная стоянка нищих, просящих у прохожих подаяние.

²⁷ Другое чтение: «...среди великолепной утвари».

²⁸ Другое чтение: «...и будучи обутым».

²⁹ Другое чтение: «с обнаженными плечами и искалеченными ногами» (подошвами).

³⁰ Анахронизм в устах Сократа, если принять во внимание, что здесь намекается на Александра Великого, который в упоении своим счастьем считал себя соперником Вакха.

³¹ Другое чтение: «...лучше».

³² Другие чтения: «потому что ненавидеть добродетель — несчастье, а порицать ее...», «потому что ненавидеть славных мужей и порицать добродетель».

³³ Другое чтение: «соблазнитель похищенных благородных отроков».

³⁴ «Будьте благоприятны языками», т. е. храните благоговейное молчание. Цитата из Горация («Оды», 3, 1, 2).

³⁵ Имеются в виду сочинения нравственной философии.

³⁶ Сistr — особого рода металлическая трещотка, бывшая в употреблении у жрецов египетской богини Изиды.

³⁷ Здание Сената.

³⁸ Главным образом в комедии «Облака».

³⁹ О странном обвинении Сократа в дурном влиянии на Алквида см. Воспоминания о Сократе Ксенофонта 1.2 12 сл. О преданности Федра софистам, о его циничном взгляде на любовь и о шаткости его нравственных понятий см. диалоги Платона «Федр» и особенно «Пир», где характерным для Федра является его похвальное слово в честь Эрота.

О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ

Печатается по: Древнеримские мыслители. Свидетельства. Тексты. Фрагменты. Киев, 1958. С. 81—83. Пер. И. К. Луппола.

САТИРА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ

Печатается по: Римская сатира. М., 1957. С. 111—123. Пер. Ф. А. Петровского.

Авторство Сенеки подтверждается античной традицией, в частности свидетельством историка Диона Кассия. Предполагают, что этой Сатирой Сенека отплатил императору Клавдию за свою долголетнюю ссылку на остров Корсику, а заодно и доставил удовольствие юному тогда Нерону.

Оригинальное название сатиры — «Апоколокитозис», что буквально означает «Отыквление»; написана она в жанре «менипповой сатиры», о которой подробнее см.: *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979, с. 129—137.

¹ 13 октября (54 г. н. э.).

² Т. е. римскими гражданами. Уравнение провинциалов-иностранцев в правах с римскими гражданами вызывало недовольство сенаторских кругов.

³ Курсивом набраны переводы греческих текстов.

⁴ Имеются в виду исторические труды Клавдия.

⁵ Намек на взятие и разрушение Рима галлами в 390 г. до н. э.

⁶ Остров Эриффея, где Геркулес убил великана Гериона — чудовище из трех сросшихся вместе тел — и угнал его стадо.

⁷ Игра слов: «петух» и «галл» (как называет Сенека Клавдия) по-латыни *gallus*.

⁸ В Афинах допускались браки со сводными сестрами.

⁹ Имеется в виду Рим.

¹⁰ Покровитель поэта Тибулла; будучи назначен начальником (префектом) города Рима, он через неделю отказался от этой должности.

ЭПИКТЕТ

Эпиктет (ок. 50 — ок. 140 гг.) родился рабом во фригийском городе Гиераполисе в середине I в. н. э. Имя Эпиктет — это, собственно, даже и не имя, а рабская кличка, означающая «прикупленный». Каким-то образом Эпиктет очутился в Риме и здесь был «прикуплен» могущественным императорским вольноотпущенником секретарем Нерона Эпафродитом. Эпафродит, сам бывший раб, отличался особенной жестокостью по отношению к своим рабам. Однажды в припадке гнева он стал избивать Эпиктета. «Ты мне сломал ногу», — возмущенно заметил ему Эпиктет. Тогда Эпафродит ударил его так сильно, что кость действительно переломилась. «Разве я не говорил тебе, что ты ее сломал», — также равнодушно произнес Эпиктет. Возможно, это всего лишь легенда,

на которые так щедро античность, и все же этот случай прекрасно объясняет тот смысл, какой вкладывал Эпиктет в слова, ставшие девизом всей его жизни: «Терпи и воздерживайся».

Известно, что в Риме Эпиктет изучал философию под руководством Эврата и стоика Музония Руфа. Когда и кем был освобожден Эпиктет, неизвестно, но в 94 г. он, будучи уже вольноотпущенником, вместе с другими философами был выслан из Рима по приказу императора Домициана. Эпиктет удалился в Эпир и здесь в городе Никополисе открыл собственную философскую школу. Вернувшись в Рим при императоре Траяне, Эпиктет быстро приобрел большую популярность. Слушать его приходили многие знатные римляне, в том числе и сенатор Флавий Арриан (ок. 95—175 гг.), автор истории походов Александра Македонского. Именно он и записал философские беседы Эпиктета, который сам ничего не писал (из подражания Сократу или же оттого, что был безграмотен?).

По своим взглядам Эпиктет — типичнейший представитель стоицизма. Его не интересуют ни логика, ни физика, ни даже теоретическое обоснование морали. Эпиктет прежде всего — проповедник-моралист.

Учение Эпиктета, в сущности, сводится к трем положениям:

— всякое существо, и следовательно человек, стремится к тому, что ему полезно;

— истинная сущность человека состоит в духовности, благодаря которой он родствен Божеству; обращаясь к этой своей природе, единственно ценной и свободной, человек находит счастье;

— дух человека по природе нуждается в совершенствовании и развитии, которые достигаются упорной работой над самим собой.

Умер Эпиктет в глубокой старости (ок. 140 г.), успев завоевать и громкую славу, и покровительство императора Адриана, но не изменив своим стоическим убеждениям и киническому образу жизни, т. е. в той крайней бедности, в какой он и провел всю свою жизнь. Женат он не был, лишь в старости сошелся с женщиной, чтобы она помогла ему ухаживать за взятым на воспитание ребенком одного из его друзей, который по бедности хотел подбросить его кому-нибудь.

Единственное оставшееся после него имущество — дешевая глиняная лампа, которую, по рассказу Лукиана, какой-то богач после смерти Эпиктета купил за 3000 драхм.

На могиле его было начертано: «Раб Эпиктет, хромой и бедный, как Ир, друг бессмертных».

После Эпиктета остались его «Беседы», записанные Аррианом (в 8 книжках, из которых до нас дошло лишь 4), и «Руководство», от которого уцелели лишь фрагменты (благодаря «Комментарию на Руководство Эпиктета» Симпликия). Афоризмы Эпиктета сохранились в сочинениях Марка Аврелия, Максима Тирского, в «Цветнике» греческого писателя V в. Иоанна Стобейского. Некоторые сведения о нем сообщают Авл Геллий, Лукиан, Ориген. Последний, в частности, пишет, что в его время христиане очень усердно занимались изучением Эпиктета. Несколько раз его сочувственно цитирует Августин.

В России с одобрением ссылаются на Эпиктета Тихон Задонский. Л. Н. Толстой непременно включает те или иные афоризмы и отрывки из Эпиктета в «Круг чтения». И все же из трех римских стоиков Эпиктет у нас наименее известен: его сравнительно поздно стали переводить и издавать, а научный перевод его «Бесед», выполненный Г. А. Тароном, появился лишь в наше время (в журнале «Вестник древней истории». 1975. № 2—4; 1976. № 1—2).

В ЧЕМ НАШЕ БЛАГО?

Избранные мысли римского мудреца

Печатается по: В чем наше благо? Избранные мысли римского мудреца Эпиктета. Книжки первая, вторая, третья, четвертая. М., 1904. Пер. В. Г. Черткова.

В этом издании переводчик не указан. Но им является В. Г. Чертков (1854—1936), друг и последователь Л. Н. Толстого, основатель издательства «Посредник». В 1911 г. В. Г. Чертков издал небольшую брошюру «Римский мудрец Эпиктет, его жизнь и учение» (М.: «Посредник»), в которой полностью воспроизвел свой перевод 1904 г., сопроводив его следующим разъяснением:

«Учение его [Эпиктета] дошло до нас через третьих лиц, которые записали его слова. При составлении настоящего сборника мне пришлось поэтому пользоваться наиболее достоверными из таких записей. Но так как в них изречения Эпиктета приведены не в виде связанного изложения, а в совершенно случайной последовательности, то как для избежания ненужных повторений и постоянного перескакивания с одного предмета на другой, так и вообще для большей вразумительности я сгруппировал эти изречения по предметам, которых они касаются. В этих беседах, следовательно, отрывочные мысли Эпиктета сплочены мною в последовательное и логически связанное изложение, насколько это мне казалось необходимым и возможным, причем я ничего решительно не «присочинил» от себя, т. е. не прибавил ничего такого, что если не буквально, то по существу, не заключалось где-нибудь в тех исторически авторитетных источниках об Эпиктете, которыми я пользовался» (*Чертков В. Г. Указ. соч. С. 16*).

АФОРИЗМЫ

Печатаются по: Афоризмы Эпиктета с прибавлением нескольких глав из его «Размышлений». С греческого перевел В. Алексеев. С введением и примечаниями. Спб., 1891. Издание А. С. Суворина (Дешева библиотека, № 213). С. 7—40.

Для настоящего издания текст перевода несколько отредактирован: устранены стилистические погрешности, явные архаизмы и т. п., впрочем, смысл перевода остался в неприкосновенности.

¹ Замечательное место, показывающее, что и в языческое общество I в. по Р. Х. начали проникать идеи, выразителем которых является христианство. Ни один греческий философ более раннего времени не выражал в такой резкой форме протест против существования рабства, не подвергал анализу самого понятия о нем. Напротив, лучшие умы Древней Греции, например Платон и Аристотель, смотрели на рабство как на вполне необходимое и естественное явление.

² Так называемые «паразиты». В Древней Греции гости имели право приводить с собой на обед других гостей, незваных и носивших характерное прозвище «теней», откуда и возник обычай, по которому на обед являлись докучливые паразиты. За хорошее или роскошный обед они готовы были служить предметом самых невозможных насмешек и переносить самые возмутительные обиды со стороны хозяев или гостей.

³ Философы эти были стоики, к которым принадлежал сам Эпиктет. Высшим благом, по учению стоиков, была жизнь «согласно природе», что достигается лишь на путях добродетельной жизни. Главными философскими противниками стоиков были эпикурейцы, считавшие, что высшее благо для человека — это удовольствие (впрочем, достигаемое тоже только с помощью добродетели). Именно от стоиков идет широко распространенное мнение об эпикурейцах как искателях и ценителях чувственных наслаждений.

⁴ Об общности жен у стражей Платон говорит в пятой книге «Государства».

⁵ Паконий Агриппин был изгнан Нероном за участие в заговоре Тразея и Гельвидия. Тацит пишет о нем как о человеке редкой твердости духа.

⁶ Известные в древности сорта мрамора. Первый зеленоватого цвета с полосками, второй — зеленого или черного цвета. Украшать дома мрамором начали в Риме только при Юлии Цезаре, легат которого Мамурра первым покрыл стены своего дома мраморными плитами.

⁷ См. об этом IV гл. «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта.

⁸ Именуются в виду начальные строки второй книги философской поэмы Лукреция «О природе вещей»:

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого.

⁹ То же говорит Гораций: «Пока ты будешь счастлив, у тебя найдется много друзей, в горе — ты будешь один».

¹⁰ Палестрой называлась школа борьбы, где молодежь занималась гимнастикой.

¹¹ Блаженного состояния человек, по учению стоиков, может достичь только бесстрашием, разумным управлением собственного поведения, подавлением страстей.

¹² Обол — мелкая медная монета в Аттике. Хэник — мера сыпучих тел.

¹³ Здесь Эпиктет имеет в виду две трагедии Софокла «Эдип-царь» и «Эдип в Колоне». Пол — известный трагический актер в афинском театре, современник Демосфена. Эпиктет довольно часто сравнивает человека с актером. Вот одно из наиболее известных его сравнений: «Не забудь, — ты актер и играешь в пьесе роль, назначенную автором. Коротка пьеса — коротка и роль, длинна — длинна и она. Даст он тебе роль нищего, — старайся вернее создать его тип, как и тип калеки, высшего правительственного лица или частного человека». (*Эпиктет. Основания стоицизма. Пер. В. Алексеева. Спб., 1888. С. 6.*)

¹⁴ Из атомов (неделимых частиц) состоит мир, по учению Демокрита (470—361 до н. э.), основателя атомистики; Анаксагор (500—428 до н. э.) учил, что материя каждого отдельного существа состоит из подобных друг другу частиц — гомеомер; Гераклит утверждал, что вселенная — живой огонь, постоянно воспламеняющийся и потухающий по своей мере; Эмпедокл признавал существование четырех первичных элементов, одним из которых является земля.

¹⁵ Это место, как и следующее, взято из «Аттических ночей» Авла Геллия, римского писателя II в. н. э. (кн. XVII, гл. 19 и кн. XIX, гл. 1). Фаворин — друг Авла Геллия, ритор при императоре Адриане. Ему принадлежит несколько сочинений на греческом, до нас не дошедших.

¹⁶ В дошедшем до нас виде «Размышления» Эпиктета состоят из четырех книг, четыре остальные — утеряны. Зенон — основатель стоической школы. Хрисипп — знаменитый его ученик, написавший 705 (!) сочинений, ни одно из которых до нас не дошло.

МАРК АВРЕЛИЙ

В приложении к настоящему изданию помещен обстоятельный очерк С. А. Котляревского (1873—1939 гг.) о Марке Аврелии (121—180 гг.). Здесь же хотелось бы сказать несколько слов о переводчике размышлений С. М. Роговине. В 4-м томе «Философской энциклопедии» (М., 1967. С. 515) о нем сказано: «Роговин Семен Миронович (10 июля 1885—3 мая 1938) — историк философии, проф. философии права Моск. ун-та. Перевел на рус. язык ряд произведений классиков философии». Автор статьи «Марк Аврелий в России» А. К. Гаврилов, в целом достаточно высоко оценивая качество роговинского перевода, отмечает, что этот перевод, долго служивший читателю, может быть не только признан для своего времени, но и теперь (*Марк Аврелий. Размышления. Л., 1985. С. 163*).

Добавим, что роговинский перевод, вышедший в 1914 г. в московском издательстве М. и С. Сабашниковых в серии «Памятники мировой литературы», является к тому же «двойным» памятником литературы: переводы стихотворных цитат, встречающиеся в тексте Марка Аврелия, выполнил Вячеслав Иванов.

В основу комментариев положены примечания С. М. Роговина; с учетом популярного характера настоящего издания филологическая часть их сокращена (оставлены лишь указания на «испорченность текста»), а фактологическая — несколько расширена.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Размышления

Печатается по: *Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. М., 1914. Пер. С. М. Роговина.*

Книга первая

¹ Как в настоящем, так и во всех остальных § первой книги, глагола («обязан»), выражающего отношение между упоминаемыми добродетелями, лицами,

о которых говорит Марк Аврелий, и им самим, не имеется. Он замещен предлогом «тара» (ав, от), начинающим каждый § и имеющим различные оттенки, не поддающиеся передаче одним русским предлогом. Можно только указать, что смысл всей книги не в выставлении напоказ собственных добродетелей, а в воздании должного благоговящему влиянию окружающих.

² В зажиточных семьях считали, что обучение в школах портит нравы детей.

³ Кого имеет здесь в виду Марк Аврелий, в точности неизвестно. Быть может, стойка Аполлония Халкидонского (см. комментарий 12 настоящей книги).

⁴ Зеленые и Голубые — партии на конских ристалищах, получившие свои названия по цветам наездников.

⁵ О Диогнете упоминает Капитолин в своем «Жизнеописании Марка Аврелия» (III), как о специалисте в живописи.

⁶ Разведение и бой перепелов — модный в то время спорт.

⁷ С. Роговин заменяет неизвестные ему имена (Бакхий, Тандасид и Маркиан) именами преподавателей Марка Аврелия, о которых упоминает Капитолин (III): Евтихийем, Андроном и Мецианом, преподававшими соответственно грамматику, геометрию и право.

⁸ По свидетельству Капитолина, Марк Аврелий уже с двенадцати лет вел почти аскетический образ жизни, рекомендуемый стоическим учением.

⁹ Стола — длинная туника с рукавами, часть туалета римской матроны, иногда носилась и мужчинами.

¹⁰ Синуесса — город в Лациуме на границе Кампании.

¹¹ Под «воспоминаниями об Эпиктете», возможно, имеются в виду «Диатрибы», записанные Аррианом, или же какие-нибудь другие записи (Рустика самого?) бесед или лекций Эпиктета.

¹² Стоик Аполлоний Халкидонский был приглашен Антонином Пием из Афин, чтобы взять на себя воспитание Марка Аврелия.

¹³ Секст из Херонеи — стоик, внук Плутарха.

¹⁴ Согласно учению стоиков, под природой следует понимать как общую, так и собственно человеческую природу, и так как наша природа является лишь частью целого, то жить согласно природе означает то же самое, что жить по опыту всего происходящего в природе.

¹⁵ Александр Грамматик, родом из Фригии, преподавал Марку Аврелию греческий язык. Из его трудов известен комментарий к поэмам Гомера.

¹⁶ Марк Корнелий Фронтон (ок. 100—170 г.) — знаменитый ритор, основатель школы фронтянцева, один из наиболее близких к Марку Аврелию людей. В его сочинениях сохранилось и несколько посланий к нему Марка Аврелия. См.: *Стрельникова И. П.* Письма Фронтона // Античная эпистолография. Очерки. М., 1967. С. 139—152.

¹⁷ Согласно Филострату, этот Александр исполнял обязанности секретаря Марка Аврелия.

¹⁸ Кого имеет здесь в виду Марк Аврелий, говоря о «брате моем Севере», сказать трудно. Родных братьев у него не было, его брат по усыновлению носил имя не Севера, а Вера и был менее всего достоин такой лестной аттестации. Возможно, что Марк Аврелий говорит о Клавдии Севере, перипатетике, своим учителем.

¹⁹ Марк Аврелий имеет в виду своего усыновителя, императора Антонина Пия.

²⁰ Текст основательно испорчен.

Лориум — небольшой городок на границе Этрурии и Лациума, любимая резиденция Антонина Пия. Ланувий и Тускулан — города в Лациуме.

²¹ См.: *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе (1,3); *Платон*. Пир (220 а).

²² См. прим. 18. По свидетельству Капитолина, брат Марка Аврелия по усыновлению Люций Вер, несмотря на свою порочность, относился к нему с любовью и уважением.

²³ По-видимому, рабы.

²⁴ Фаустина (ум. в 176 г.) — дочь Антонина Пия, жена Марка Аврелия с 145 г.; по единогласному свидетельству более беспристрастных историков, образец распутства и порока.

²⁵ Текст испорчен.

Каэта — город и гавань в Кампани.

²⁶ Страна Квадов занимала часть современной Венгрии. Грануя (Гран) — приток Дуная.

Книга вторая

¹ Πνεύματιον — уменьшительное от πνεύμα, одного из основополагающих и в то же время многозначных терминов стоической натурфилософии. Его первоначальное значение — теплый воздух, воздушное течение, «ток» (как передает кн. С. Н. Трубецкой в своем исследовании «Учение о Логосе в его истории». М., 1906. С. 42), но в различных сочетаниях он обозначает огонь, эфир, душу, разум, божество.

² Марку Аврелию в это время было немногим более 50 лет.

³ Марк Аврелий говорит об обычной точке зрения, так как с точки зрения стоиков все проступки одинаково тяжки.

⁴ Так как по неведению человек, боящийся смерти, признает ее злом и боится ее, как ребенок боится пугала, ошибочно считая его страшным. Взгляд Марка Аврелия на смерть — общий для всех стоиков.

⁵ Слова Пиндара, приводимые Платоном в «Геэтете», 173 е.

⁶ Гений (*по-греч.* «даймон») — дух-покровитель, личное божество человека. Наиболее знаменитый «даймон» — «страховой» гений Сократа, о котором он неоднократно рассказывает в платоновских диалогах («Федр», 242 с; «Феаг», 128 d-e) и «Апологии Сократа» (31d). Вот что говорит о нем Сократ в «Феаге»: «Благодаря божественной судьбе с раннего детства мне сопутствует некий гений — это голос, который, когда он мне слышится, всегда, что бы я ни собирался делать, указывает мне отступить, но никогда ни к чему меня не побуждает» (Платон. Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 122).

⁷ Моним из Сиракуз — ученик Диогена и Кратета. Он был рабом одного коринфского банкира, который прогнал его, когда Моним, наслушавшись кинической пропаганды, притворился сумасшедшим и выбросил из окна господские деньги. Диоген Лаэртский сообщает о нем, что «он был очень строг, всякое мнение презирал и стремился лишь к истине» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 261). Изречения Монима практически не сохранились. Известно его утверждение, что «лучше быть слепым, чем невежественным. Слепой может угодить в яму, невежда — в пропасть преступлений» (Антология кинизма. М., 1984. С. 179).

⁸ Город и стоянка римских легионов в Паннонии на правом берегу Дуная (в нынешней Австрии), где Марк Аврелий находился, вероятно, в 171—173 гг. во время войны с маркоманами.

Книга третья

¹ По свидетельству Диогена Лаэртского, Демокрит умер от дряхлости, по словам Лукреция Кара, он кончил жизнь самоубийством, почувствовав приближение старческого слабоумия.

² Игра слов, не поддающаяся передаче.

³ Марк Аврелий имеет здесь в виду особенность римского процесса. Если претор не находил возможным исчерпать дело в одно заседание, он отпускал ответчика, взяв с него обещание явиться на следующее. Исполнение этого обещания могло быть, в случае нужды, обеспечено или поручительством, или же торжественной клятвой.

⁴ В некоторых рукописях § 9—11 читаются как одно целое.

⁵ Признавая за единственное благо добродетель, за единственное зло порок, стоики, однако, считали возможным допускать некоторый аналог нравственной оценки и для вещей, не подходящих под эти понятия, по их терминологии «средних», различая и среди них предпочтительное.

⁶ Здесь слово «ἀνδροσέας» употребляется не только в смысле физического гермафродитизма, но и в смысле нравственного ничтожества.

¹ О понятии λόγος σπέρματικός С. Н. Трубецкой пишет следующее: «Всемирный Логос есть семя мира, он заключает в себе все частные логосы — семена всех вещей. Эти «сперматические логосы» исходят из него и возвращаются к нему, и через их посредство он зиждет и образует все» (*Кн. С. Н. Трубецкой. Указ. соч.* с. 46).

² Текст основательно испорчен. Агатон — известный трагический поэт конца V в., о котором не раз упоминает Аристотель в своей «Поэтике».

³ Из комедии Аристофана «Селяне». Кекропс — легендарный основатель Афин.

⁴ Изречение принадлежит Демокриту, как свидетельствуют Сенека и Стобей.

⁵ Марк Аврелий имеет в виду циников и, быть может, основателя стоической школы Клеанта, жившего в крайней бедности.

⁶ Какого именно Цезона — Фабия или Квинта (оба упомянуты Титом Ливием) имеет здесь в виду Марк Аврелий, неизвестно. Кто такой Волез — неизвестно; едва ли тот самый, о неимоверной жестокости которого рассказывает Сенека («О гневе» I, 2, 25). Леоннат — друг и соратник Александра Македонского.

⁷ См.: *Гомер. Одиссея* (I, 242).

⁸ Одна из трех Парк — богинь судьбы.

⁹ Намек на какую-нибудь басню или пословицу, а может быть, и на не дошедшее до нас изречение Гераклита, предпочитавшего язык образов языку понятий.

¹⁰ Город в Ахайе, затопленный морем в 373 г. до н. э.

¹¹ Имена неизвестны.

Книга пятая

¹ Марк Аврелий здесь лишь намекает на стих Менандра, а в конце § и приводит его в несколько измененном виде.

² Марк Аврелий имеет в виду учение Гераклита и стоиков о периодическом поглощении мира (мировой пожар) единой сущностью и обратном его выделении.

³ Марк Аврелий намекает на пословицу, согласно которой три вещи гонят человека из дома: дым, протекающая крыша и сварливая жена.

⁴ *Гомер. Одиссея* (IV, 690).

⁵ *Гесиод. Труды и дни* (195).

⁶ Марк Аврелий имеет в виду какую-нибудь басню, до нас не дошедшую. Текст испорчен.

Книга шестая

¹ История древней философии знает двух Кратетов: первый родом из Афин, второй — фиванец. Здесь, по всей вероятности, имеется в виду последний — циник. Ксенократ, ученик Платона, около четверти века стоявший во главе академии, был известен строгостью своих нравов и доблестью характера. Что именно говорил о нем Кратет — неизвестно. Как явствует из настоящего места, его отзыв сводился к упреку в тщеславии — в свое время в этом же упрекал Диоген Платона.

² Словами «мертвой или растительной природы» мы передаем специальные термины стоической натурфилософии, ἐξίς и φύσις, означающие две первые ступени проявления единого мирового начала. Следующими являются ψυχή (душа) и νοῦς, λόγος (дух, разум).

³ Хрисипп — ученик Клеанта и продолжатель его дела, один из плодovitейших писателей древности, систематик стоицизма. О нем было сказано: «Если бы не было Хрисиппа, то не было бы и Стои». Плутарх в сочинении «De stoicis. potit. adv. stoicos», XIII, приводит то его изречение, которое имеет здесь в виду Марк Аврелий. Людские пороки Хрисипп уподобляет нескладным стихам, попадающим иногда в комедиях; не имея цены сами по себе, они, однако, содействуют общему впечатлению, производимому пьесой.

⁴ Филистион — комический поэт, современник Сократа; то же имя носил и врач, родом из Локр, по мнению некоторых, автор известного в древности трактата о диете. — Кто такие Феб и Ориганион — неизвестно.

Книга седьмая

¹ Поэт, которому принадлежит приводимое Марком Аврелием изречение, неизвестен.

² Платон. Государство (VI, 486).

³ Еврипид. Беллерофонт. Пер. В. Иванова.

⁴ Неизвестного автора. Пер. В. Иванова.

⁵ Еврипид. Гипсипила. Пер. В. Иванова.

⁶ Неизвестного автора. Пер. В. Иванова.

⁷ Аристофан. Ахарняне (661). Пер. В. Иванова.

⁸ Настоящий и предыдущий § заимствованы из «Апологии» Платона.

⁹ Платон. Горгий (68).

¹⁰ В дошедших до нас сочинениях Платона этого отрывка нет.

¹¹ Еврипид. Хрисипп. Пер. В. Иванова.

¹² Еврипид. Просительницы. Пер. В. Иванова.

¹³ Неизвестного автора. Пер. В. Иванова.

¹⁴ Слова Платона, цитируемые Эпиктетом (Dissert. I, 28 и II, 22).

¹⁵ Этот эпизод известен из платоновой «Апологии». Сократ, с опасностью для своей жизни, отказался исполнить незаконное требование тридцати тиранов о задержании богатого гражданина, которого они собирались казнить.

¹⁶ Намек на известное место из «Облаков» Аристофана (362).

Книга восьмая

¹ Текст испорчен.

² Намек на (приведенный в XII, 3) стих Эмпедокла, для которого понятие шара есть исходный пункт натурфилософии и завершающее понятие этики.

³ Пример этимологии дурного вкуса, которая, с легкой руки Хрисиппа, стала большим местом стоических писаний.

Книга девятая

¹ Эта фраза доставила немало хлопот комментаторам. Дело в том, что при обычном словоупотреблении между глаголами εἶναι и ὑπαρχεῖν (в смысле «быть») трудно уловить какое-либо различие, и если Марк Аврелий хотел только сказать, что «все сущее находится в связи между собою», то странно, почему он не воспользовался более простым оборотом, «πρὸς ἀλλήλα». Мы передаем это место, относя «οντα» к вечно сущему, а «υπαρχοντα» — к возникающим и исчезающим явлениям.

² Жертва, приносимая умершим, чтобы вызвать их из подземного царства. Марк Аврелий, по всей вероятности, имеет здесь в виду одиннадцатую книгу «Одиссеи», носящую это заглавие и повествующую о сошествии героя поэмы в Гадес, царство теней.

Книга десятая

¹ Возвышенности особенно ценились древними в качестве мест для поселения.

² Отрывки стихов Еврипида, приводимые и Аристотелем в «Этике Никомаха» (I, 8).

³ Марк Аврелий, по принятой у стоиков манере, ищет сокровенный смысл в образах обыденной речи. Ему именно хочется видеть в общеупотребительном выражении φιλεῖ ἑνεσθαι подтверждение своей мысли о всепроникающей вселенской любви.

⁴ См.: Тезтет, 174 d-e. Платон говорит, что благополучие тирана или царя мало чем отличается от благополучия невежественного пастуха.

⁵ Большинство имен неизвестны. О Евфрате упоминают Эпиктет и Плиний. Алкифрон — греческий софист III века, Критон — друг и ученик Сократа. О Севере упоминалось в 1-й книге.

⁶ Гомер. Илиада, VI, 147—9. Пер. Н. Минского.

⁷ Там же.

Книга одиннадцатая

¹ *Софокл.* Эдип-царь. 1391.

² Текст испорчен.

³ Фокион — знаменитый афинский полководец и государственный деятель, известный своей неподкупной честностью и благородством. См. его жизнеописание у Плутарха.

⁴ Русская пословица довольно точно передает смысл греческой фразы.

⁵ Ср. диалоги «Критон» и «Федон». Ламии — существа, аналогичные нашим василискам.

⁶ Ср.: *Арист.* Риторика, II, XXIII. Сенека (*De benef.* 1, 5. С. 6) этот же эпизод связывает с именем Архелая, приглашавшего Сократа к себе в Македонию.

⁷ Ефесцы — ученики Гераклита.

⁸ Об этом эпизоде ничего не известно из других источников.

⁹ Автор неизвестен. Пер. В. Иванова.

¹⁰ *Гомер.* Одиссея, IX, 413.

¹¹ Неточная цитата из Гесиода «Труды и дни» (184). Пер. В. Иванова.

¹² Источник цитаты неизвестен.

Книга двенадцатая

¹ Ср. пер. А. В. Лебедева: «Круглый Шар (Сфайрос), наслаждающийся радостным одиночеством» (Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 351).

² В последних трех строках пять раз встречается глагол φέρω, и смысл их основан на различных его оттенках, с трудом поддающихся передаче.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авгий* (миф.) — элидский царь, конюшни которого, не очищавшиеся десятки лет, очистил Геракл за один день — 199
- Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан Август)* (63 до н. э.— 14 н. э.) — внучатый племянник Юлия Цезаря, с 27 до н. э. император Цезарь Август — 27, 44, 45, 67, 71, 149, 196, 201, 292
- Агатон* — выдающийся греческий трагик конца V — нач. IV в. до н. э., испытавший влияние софистов, персонаж «Пира» Платона — 289
- Аглая* (миф.) — одна из трех харит (граций) — 17
- Агриппа Марк Випсаний* (64/63—12 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, друг Августа; одержал победы в морских сражениях над Секстом Помпеем в 36 г. и над Клеопатрой и Антонием при Акции в 31 г.— 71, 149
- Агриппин (Паконий Агриппин)* — в правление Клавдия наместник провинций Крит и Киренаика — 258
- Азийский Поллион* (ум. 33 н. э.) — римский консул 23 г.— 96
- Александр Великий* (356—323 до н. э.) — царь Македонии с 336 г., полководец и завоеватель — 25, 26, 37, 106, 107, 158, 159, 282, 308
- Адриан П. Элий* (76—138) — римский император с 117 г.— 292
- Александр Грамматик* — уроженец Фригии, преподававший Марку Аврелию греческий язык — 273
- Александр Платоник* — секретарь Марка Аврелия — 273
- Алкивиад* (ок. 450 — ок. 404 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец, племянник Перикла, слушатель Сократа — 21, 192
- Амфей* — вольноотпущенник императора Клавдия — 203
- Андрон* — учитель Марка Аврелия, преподававший ему грамматику — 272
- Антигон I Одноглазый* (ок. 380—301 до н. э.) — полководец Александра Македонского, один из диадохов — 37, 38, 74
- Антисфен* (ок. 444—366 до н. э.) — греческий философ, сын фракийской рабыни, основатель кинической школы — 222
- Антоний Марк* (82—30 до н. э.) — римский политический деятель и полководец, покончивший с собой после того, как флот Октавиана одержал над ним победу при Акции в 31 г.— 44, 118, 128
- Антонин Пий* (86—161) — римский император с 138 г., усыновленный Адрианом и в свою очередь усыновивший Марка Аврелия — 292, 308, 309, 311
- Апиций М. Гавий* — известный чревоугодник времен императора Тиберия, промотавший свое состояние и покончивший с собой от страха, что не сможет больше вести жизнь на «подобающем уровне»; его именем назывались разные блюда — 176
- Аполлон* (миф.) — бог солнечного света, сын Зевса и Лето, покровитель Муз — 198
- Аполлоний Халкидонский* — философ-стоик, воспитатель Марка Аврелия — 273, 276
- Аридей* — брат Александра Македонского по отцу, убитый матерью Александра на седьмом году его правления — 96
- Аристид* (ум. ок. 468/467 до н. э.) — афинский политический деятель и полководец, помогавший Клисфену в проведении его реформ, первый архонт Афин (489—488 до н. э.), в древности образец справедливости и неподкупности — 93, 257, 262
- Аристон* — отец Платона — 71

- Аристотель* (384—322 до н. э.) — греческий философ и ученый-энциклопедист, воспитатель Александра Македонского — 191
- Аристофан* (ок. 445—386 до н. э.) — древнегреческий комедиограф — 191
- Аркасилай Питанский* (315—240 до н. э.) — греческий философ, представитель так называемой Средней Академии — 32, 42
- Арриан Флавий* (ок. 95—175) — римский офицер, ученик Эпиктета, автор исторических сочинений об Индии и о походах Александра Македонского — 269
- Аррунций* — римский аферист, занимавшийся выманиванием в свою пользу духовных завещаний — 153
- Архелай* (ок. 413—399 до н. э.) — царь Македонии — 107, 108, 268
- Архимед* (ок. 287—212 до н. э.) — греческий математик и механик — 259, 312
- Асиний Целер* — сын Галла Асиния, оратора и консула, участника заговора против императора Клавдия — 203
- Асклепий* (миф.) — бог врачевания, сын Аполлона и Кронида — 297, 298, 311
- Атенодот* — лицо неустановленное — 274
- Атерий* — римский аферист, вымогатель духовных завещаний — 153
- Ахилл* (миф.) — сын Пелея и Фетиды, один из величайших героев Троянской войны — 93
- Баба* — лицо неустановленное, в «Нравственных письмах к Луцилию» (XV, 9) Сенека упоминает его как образчик «жизни глупца» — 197
- Бион Борисфенский* (ум. ок. 240 до н. э.) — философ кинической школы — 162
- Брут Марк Юний* (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, один из организаторов и участников заговора против Юлия Цезаря — 41, 274
- Вакх* (миф.) — одно из имен греческого бога вина Диониса — 25, 159, 189, 196
- Варрон Марк Теренций* (116—27 до н. э.) — римский ученый-энциклопедист, автор более чем 600 произведений, из которых сохранились трактаты «О сельском хозяйстве» и «О латинском языке», а также фрагменты «Менипповых сатир» — 200
- Венера* (миф.) — римская богиня любви, тождественная греческой Афродите — 18, 200
- Вер Анний П.* — претор, отец Марка Аврелия — 272
- Веттий Валент* — врач и астролог, один из любовников Мессалины, казненный по приказу императора Клавдия — 203
- Веттий К.* (VII в. до н. э.) — претор племени марсов — 65
- Волез* — лицо неустановленное — 292
- Вулкан* (миф.) — римский бог огня, отождествлявшийся с греческим Гефестом — 201
- Галлион Луций Юний Анней* — брат Сенеки, в 51/52 г. проконсул провинции Ахайи, упоминаемый в «Деяниях апостолов» (18, 2); покончил с собой одновременно с Сенекой — 167
- Гарпократ* — вольноотпущенник императора Клавдия, которому он дал право ездить по Риму в носилках и устраивать всенародные зрелища — 203
- Гекатон* (I в. до н. э.) — греческий философ-стоик, ученик Панэтия, автор сочинений «О благах», «О добродетелях», «О страстях», «Изречения» и др. — 18, 39, 42, 62, 152
- Гельвидий Приск Старший* — народный трибун, в 66 г. н. э. отправленный Нероном в изгнание, казненный императором Веспасианом в 73/74 г. — 274
- Геракл* (миф.) — величайший герой греческих сказаний (см. также Геркулес) — 26, 124
- Гераклит Эфесский* (ок. 554—483 до н. э.) — древнегреческий философ — 265, 282, 294, 311, 312, 323
- Геркулес* — лат. форма имени Геракл — 25, 26, 80, 159, 198, 199, 200, 201
- Германик Гай Юлий Цезарь* (15 до н. э.— 19 н. э.) — римский полководец, приемный сын императора Тиберия, отец Калигулы и Агриппины; предполагается, что он был отравлен по приказанию императора Тиберия — 96
- Гесиод* (ок. 700 до н. э.) — первый исторически достоверно установленный греческий поэт — 17, 18

- Геспер* — лат. название вечерней звезды — 198
- Гиппарх* (190—125 до н. э.) — один из выдающихся астрономов античности — 312
- Гиппократ* (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — выдающийся греческий врач — 282
- Гомер* — легендарный греческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи» — 18, 126, 198
- Гораций Флакк Квинт* (65—8 до н. э.) — римский поэт — 203
- Горы, или Оры* — в греческой мифологии богини времен года — 18
- Гракс Гай Семпроний* (153—121 до н. э.) — народный трибун в 123—122 гг.; защитник интересов крестьянства, в разразившейся гражданской войне потерпел поражение и покончил с собой — 150
- Грилл* — отец Ксенофонта — 71
- Демад* — афинский оратор IV в. до н. э., сторонник промакедонской ориентации, в 319 г. казненный Кассандром (одним из диадохов Александра Македонского) — 153
- Демарат* (ок. 510—491 до н. э.) — спартанский царь, соправитель Клеомента I, отстраненный от власти и перешедший на службу к персидскому царю Ксерксу — 148
- Деметра* (миф.) — греческая богиня земледелия и плодородия — 311
- Деметрий* (I в. н. э.) — философ-киник, изгнанный из Рима при Нероне, Веспасиане и Домициане — 157, 158, 163, 182
- Демокрит из Абдеры* (460—371 до н. э.) — греческий философ-атомист — 191, 282
- Деций Мус Публий* — римский консул в 340 г. до н. э.; в битве с латинянами бросился в гущу врагов и своей гибелью обеспечил римлянам победу; его подвиг повторили в 295 г. до н. э. его сын в битве с самнитами и галлами и в 279 г. Деций (внук) в бою с Пирром — 93, 152
- Диоген Синопский* (ок. 412—323 до н. э.) — философ-киник, ученик Антисфена — 106, 107, 206, 232, 241 258
- Диогнет* — наставник Марка Аврелия, специалист по живописи — 272
- Диодор* — философ-эпикуреец — 182
- Дион* — сиракузский тиран, ученик Платона, убитый в 354 г. до н. э. — 274
- Дит, или Плутон* (миф.) — римский бог подземного царства — 203
- Дизистер* — римский консул, мелкий маклер — 200
- Домиций Агенобарб Луций* — консул в 54 г. до н. э., зять Катона, противник Юлия Цезаря, сражавшийся с ним на стороне Помпея и павший в битве при Фарсале — 66, 274
- Дор* — римский книгопродавец — 161
- Друзилла* — внучка царицы Клеопатры и Марка Антония, одна из трех жен вольноотпущенника императора Клавдия Антония Феликса, который, будучи правителем Иудеи, отличался особой жестокостью — 196
- Евдокс Книдский* (ок. 408—355 до н. э.) — греческий математик, астроном, географ и врач — 312
- Евфросина* (миф.) — одна из трех харит (граций) — 17
- Зевс* (миф.) — верховный греческий бог — 291, 298, 302
- Зенон из Китиона* (ок. 335 — ок. 262 до н. э.) — греческий философ, основатель стоической школы — 101, 102, 163, 182, 269
- Иксион* (миф.) — царь лапифов, наделенный Зевсом бессмертием и допущенный им к трапезам богов; пытался соблазнить жену Зевса Геру, за что был привязан в Тартаре к вечно вращающемуся огненному колесу — 204
- Калигула Гай Цезарь Германик* (12—41 н. э.) — римский император с 37 г., убитый преторианцами (личной гвардией римского императора) — 34, 42, 201, 202, 204
- Каллистрат* — афинский оратор и политик IV в. до н. э. — 152
- Камбис* — сын Кира II, царь персов с 529 по 522 г. до н. э., полководец и завоеватель, отличался жестокостью и деспотизмом — 159
- Камилл* (ум. 364 до н. э.) — римский полководец, удостоенный титула «второго основателя Рима» — 93, 292

- Камилл Аррунций Скрибониан Фурий* — сын наместника Далмации, поднявшего в 42 г. н. э. мятеж против Клавдия и убитого своими легионерами; в 52 г. Клавдий отправил в изгнание его сына за то, что тот якобы вопрошал халдеев, когда умрет Цезарь — 119
- Катилиан* — лицо неизвестное — 295
- Катилина Луций Сергий* (108—62 до н. э.) — римский претор, организовавший заговор с целью установления режима единоличной власти и разоблаченный Цицероном — 117, 119
- Катон Старший Марк Порций Цензорий* (234—149 до н. э.) — римский государственный и политический деятель, непримиримый враг Карфагена — 109, 182, 185, 274, 292
- Катон Младший (Утический) Марк Порций* (95—46 до н. э.) — правнук Катона Старшего, философ-стоик, республиканец, после победы Юлия Цезаря бросивший на собственный меч — 185, 290
- Катул* — философ-стоик — 274
- Кекропс, Кекроп* (миф.) — легендарный основатель Афин, изображавшийся получеловеком-полузмеем — 289
- Киллений* (миф.) — прозвище Гермеса, одного из наиболее многозначных богов: бог скотоводства, торговли, сна и сновидений, воровства и т. п.; он, в частности, в качестве проводника душ провожал умерших в преисподнюю — 202
- Кинфия* (миф.) — одно из имен Артемиды, богини луны, родившейся на горе Кинфе на острове Делосе — 196
- Кир II Великий* — персидский царь в 558—529 до н. э., основатель персидской державы, которого Ксенофонт в романе «Воспитание Кира» («Киропедия») изобразил как идеал правителя — 159
- Клавдий Нерон Германик* (10 до н. э.— 54 н. э.) — римский император с 41 г., отравленный своей четвертой женой Агриппиной, матерью Нерона; надгробную речь на похоронах Клавдия произнес Сенека, позднее написавший на него злую сатиру — 27, 196—204
- Клавдий Квадрицарий* — римский историкограф, представитель «младшей анналистики», живший во времена Суллы — 65
- Клеанф* (ок. 330 — ок. 230 до н. э.) — греческий философ, ученик Зенона Китионского, сменивший его на посту главы стоической школы — 116, 133, 134
- Клото* (миф.) — одна из Мойр (богинь судьбы), прядущая нить жизни — 197, 293
- Кориолан Гней Марций* — легендарный полководец и герой древнеримской истории, завоевавший в 493 г. до н. э. вольский город Кориолан; затем перешел на сторону вольсков, с которыми в 489—488 гг. выступил против Рима; уговоры матери и жены склонили Кориолана отступить от Рима, за что он был убит вольсками — 117
- Корнелий* — см. Сулла
- Корунканий Тиберий* — римский консул 280 г. до н. э.— 185
- Котта Мессалин Марк Аврелий* — друг Овидия, консул 20 г. до н. э., осужденный сенатом при императоре Тиберии; был известен распутным образом жизни — 203
- Красс Марк Лициний («Богатый»)* (115—53 до н. э.) — сторонник Суллы, победитель Спартака, убитый во время парфянского похода врагами, заманившими его на переговоры о перемирии — 185, 205
- Красс Фруги Марк* — римский консул 27 г. н. э.— 202
- Кратет* (кон. IV в. до н. э.) — философ-киник, ученик Диогена Синопского, учитель Зенона Китионского — 305
- Крисп Пассиен* — отчим Нерона, муж его матери Агриппины — 27
- Ксантиппа* — жена Сократа — 268
- Ксенократ* (ок. 395—312 до н. э.) — греческий философ, ученик Платона, с 339 г. глава Афинской платоновской академии — 305
- Ксенофонт Афинский* (430/435 — после 355 до н. э.) — греческий историк и писатель, ученик Сократа — 71, 261
- Ксеркс* — персидский царь в 486—465 гг. до н. э., организатор похода на Грецию — 147, 148
- Курий Дентат Маний* (ум. 272 до н. э.) — многократный консул, победитель во многих битвах, образец староримской доблести — 185

- Лампид* — греческий судовладелец — 260
- Лакеса, Лакесис* — одна из Мойр (богинь судьбы), букв.: «дающая жребий» — 197, 198
- Лентул Гней Корнелий* — консул 14 г. до н. э., авгур (в Риме — жрец-предсказатель), доведенный императором Тиберием, желавшим завладеть его богатствами, до самоубийства — 45
- Леоннат* (погиб в 322 до н. э.) — родственник и военачальник Александра Македонского — 292
- Лепид* — когномен (фамильное имя, которое у римлян ставилось на третье место после имени собственного и имени рода) рода Эмилиев — 295
- Либер* — в Древнем Риме бог, отождествляемый с греческим Дионисом — 80
- Ливий Друз Марк* — народный трибун 91 г. до н. э., стремившийся провести ряд земельных и судебных реформ и в том же году убитый политическими противниками — 150
- Ливий Тит* (59 до н. э.— 17 н. э.) — римский историк — 161
- Ликург* (IX—I-я пол. VII в. до н. э.) — легендарный законодатель Спарты — 257, 259
- Линкей* (миф.) — участник похода аргонавтов, отличавшийся небывалой остротой зрения; погиб в поединке с Диоскурами — 93
- Лицин* — царь Лугдуна (совр. Лион) — 199
- Максим Клавдий* — философ-стоик, наставник Марка Аврелия — 274, 276
- Манлий Торкват Тит* — военный трибун в 362 г. до н. э., диктатор в 353 и 349 гг., в 340 г. приказал казнить своего сына за то, что во время войны с латинянами тот нарушил его запрет сражаться вне строя; с тех пор имя Манлия Торквата стало символом римской дисциплины — 74
- Марон* — известный сыщик времен императора Тиберия — 66, 67
- Марий Гай* (156—86 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, победитель в Югуртинской войне и в войнах с тевтонами и кимврами, во время гражданской войны в 87 г. захватил Рим и с чрезвычайной жестокостью расправился со своими политическими противниками — 118
- Марсий* (миф.) — фригийский сатиры, вызвавший Аполлона на музыкальное состязание; Аполлон победил и содрал с него живого кожу — 149
- Менандр* — вольноотпущеник императора Клавдия — 204
- Менипп* (III в. до н. э.) — философ-киник и писатель-сатирик, создатель жанра «мениппеи» — 312
- Меркурий* (миф.) — в Древнем Риме бог торговли, купцов и прибыли — 18, 80, 197
- Мессала Корвин Марк Валерий* (ок. 64 до н. э.— 13 н. э.) — консул, триумфатор и авгур, первоначально республиканец, затем сторонник Антония, затем Октавиана; оратор, писатель, покровитель поэтов — 201
- Мессалина* (ок. 25—48) — третья жена императора Клавдия, прославившаяся своим развратом и жестокостью; в отсутствие Клавдия вышла замуж за Г. Сидония, чтобы провозгласить его императором; заговор был раскрыт вольноотпущенником Клавдия Нарциссом, Мессалина по приказанию Клавдия казнена — 201, 202, 203
- Меценат Г. Цильний* (ум. 8 до н. э.) — богатый римский всадник, покровитель молодых поэтов (Вергилия, Горация, Проперция), которых поддерживал и материально — 149
- Мециан* — воспитатель Марка Аврелия, преподававший ему право — 272
- Мирон* — вольноотпущенник императора Клавдия — 203
- Мнестер* — знаменитый актер (мим), один из любовников жены императора Клавдия Мессалины — 203
- Моним Сиракузский* — греческий философ-киник, ученик Диогена и Кратета, будучи рабом, притворился сумасшедшим, чем и добился свободы — 280
- Музы* (миф.) — у греков богини и покровительницы искусств и наук, дочери Мнемосины (Памяти) и Зевса — 18
- Муций Сцевола (Левша)* — легендарный герой Древнего Рима, который, попав в плен к этрускам, на глазах их царя Порсены сжег свою правую руку, чтобы доказать ему свое мужество; пораженный Порсена отпустил его и снял осаду Рима — 93

- Нарцисс* — вольноотпущенник и фаворит императора Клавдия — 203
- Неокл* — отец Фемистокла — 262
- Непот Марий* — претор во времена императора Тиберия, удаленный им из Сената с группой лиц, пользовавшихся репутацией расточителей и распутников — 31
- Нерон Клавдий Друг* Германик Цезарь (37—68) — римский император с 54 г. — 198, 286
- Нестор* (миф.) — старейший среди греческих героев, осаждавших Трою, известный своим красноречием и мудростью — 197
- Никий* (ок. 470—413 до н. э.) — афинский политический деятель и военачальник, заключил Никиев мир со Спартой (421 г.), во время своего последнего военного похода был взят в плен и казнен сиракузянами; отличался чрезвычайным трудолюбием и трудоспособностью — 262
- Номентан* — римский расточитель и прихлебатель, «воспетый» Горацием — 176
- Овидий Назон Публий* (43 до н. э. — 18 н. э.) — римский поэт — 84
- Октавий* (ум. 59 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, отец императора Августа — 71
- Онесикрит* — ученик Диогена Синопского, принявший с научной целью участие в походе Александра Македонского, описал жизнь гимнасофистов и утопическое государство в Индии — 159
- Ориганион* — лицо неизвестное — 312
- Павел* — претор во времена императора Тиберия — 66
- Пасифея* (миф.) — младшая из харит, обещанная Герой в жены богу сна (см.: Гомер, «Илиада», XIV, 230—291, 354—360) — 18
- Педон Помпей* — римский консул времен императора Клавдия — 203, 204
- Пиррон из Элиды* (ок. 360—270 до н. э.) — греческий философ, основатель школы скептицизма — 261
- Питтак* (VII—VI вв. до н. э.) — один из Семи мудрецов Древней Греции — 259, 260
- Пифагор* (ок. 540—500 до н. э.) — греческий философ и математик, основатель пифагорейской школы — 312
- Платон* (427—347 до н. э.) — греческий философ — 71, 98, 109, 133, 134, 138, 182, 191, 258
- Пол* — трагический актер в афинском театре, современник Демосфена — 268
- Полибий* — вольноотпущенник и фаворит императора Клавдия — 203
- Помпей Магн* («Великий») (106—48 до н. э.) — полководец и римский государственный деятель, один из главных претендентов на власть в ходе гражданской войны; потерпел поражение в битве при Фарсале и бежал в Египет, где был убит — 202
- Помпей Гней* — старший сын Помпея Великого, в 45 г. взятый в плен Юлием Цезарем и убитый — 118, 282
- Помпей Пенн* — лицо неустановленное — 34
- Помпей Секст* (73—35 до н. э.) — младший сын Помпея Великого, сторонник Сената, в 36 г. разбитый Агриппой при Милане — 96
- Порсенна* — этрусский царь, осадивший Рим после смерти последнего римского царя Тарквиния Гордого — 118
- Публий Петроний* — лицо неустановленное, возможно, что это римский консул-суффект, о котором упоминает Тацит — 204
- Рабирий* — римский эпический поэт — 128
- Ребиллий* — римский консуляр (т. е. бывший консул) во времена Юлия Цезаря — 42
- Регул Марк Атилий* — римский консул в 267 и 256 гг. до н. э., попав в плен в Африке, был послан карфагенянами в Рим для переговоров о мире; в речи перед Сенатом Регул отверг предложения Карфагена, но, будучи верен своему слову, вернулся в Карфаген, где был подвергнут мучительной смерти — 105
- Рустик Юлий* — наставник и друг Марка Аврелия, философ-стоик — 272, 276, 277
- Рутилий Руф Публий* (ок. 154—74 до н. э.) — римский государственный деятель, юрист, философ-стоик, ученик Панэтия; управляя провинцией Азия, боролся

со злоупотреблениями откупщиков-всадников, за что по возвращении в Рим был несправедливо осужден и изгнан — 119, 182

Руф — римский сенатор во времена императора Августа — 67

Руфрий Поллион — римский префект времен императора Клавдия — 203

Саллюстий Крисп Гай (86—35 до н. э.) — римский историк — 75

Сатурн (миф.) — древнеримский бог земледелия и урожая, отец Юпитера — 200

Сатурнин Лусий — римский консул во времена императора Клавдия — 203

Север Клавдий — учитель Марка Аврелия, философ-перипатетик — 274

Секст Херонейский — философ-стоик, внук Плутарха — 273

Секст Травл — римский всадник, казненный по приказу Нарцисса — 203

Сизиф (миф.) — легендарный герой, присужденный за обман богов поднимать на гору тяжелый камень, который, достигнув вершины, каждый раз срывается вниз — 204

Силан Аппий — муж матери Мессалины (жены императора Клавдия), тесть Клавдия — 202

Силан Луций — жених дочери императора Клавдия Октавии — 200, 201, 202

Силан Марк Юний — отец первой жены императора Клавдия, принужденный им в 38 г. до н. э. к самоубийству — 202

Силий Гай — римский сенатор, любовник Мессалины — 203

Скавр Мамерк Эмили — выдающийся римский оратор, автор трагедий, консул в 21 г. н. э. — 96, 97

Скрибония — свекровь дочери императора Клавдия — 202

Сократ (470—399 до н. э.) — греческий философ — 206, 219, 221, 223, 240, 241, 262, 268, 276, 282, 284, 312, 316

Солон (ок. 640—560 до н. э.) — афинский политический деятель и поэт, один из Семи мудрецов — 262

Софрониск — имя отца и одного из сыновей Сократа — 71

Сулла Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, с 83 г. диктатор — 118, 204

Сципион Эмили *Публий Корнелий* (185—129 до н. э.) — римский полководец, разрушитель Карфагена — 71, 72, 119, 152, 292

Талия (миф.) — одна из трех Муз, муза Комедии — 17, 18

Талфибий (миф.) — в греческой мифологии вестник Агамемнона, покровитель всех глашатаев, считавшихся его потомками — 203

Тантал (миф.) — сын Зевса, за обман богов осужденный испытывать вечный голод и жажду («танталовы муки») — 204

Тарквиний Гордый — последний царь Древнего Рима (508—507 до н. э.) — 41

Тиберий Клавдий Нерон (42 до н. э.— 37 н. э.) римский император с 14 г. н. э. — 31, 32, 66, 126

Тифон (миф.) — сын Геи и Тартара, чудовище с сотней драконьих голов — 197

Тразев Пэт Публий — римский сенатор, глава так называемой стоической оппозиции при Нероне, осужденный на смерть и покончивший с собой в 66 г. до н. э. — 274

Турн (миф.) — царь ругулов, противник Энея — 155

Фабии — древний римский патрицианский род — 96, 295

Фабий — римский всадник, казненный по приказу Нарцисса — 203

Фабий Аллоброгик — консул 121 г. до н. э., победитель аллоброгов в Галлии — 96

Фабий Максим Квинт Кунктатор («Медлитель») — римский полководец, прославившийся во время II Пунической войны своей тактикой уклонения от боя с Ганнибалом — 31, 96

Фабий Персий (Персидский) — консул во времена императора Тиберия — 42, 96

Фаворин (II в. н. э.) — греческий риторик и историк, от сочинений которого сохранились лишь фрагменты, друг Авла Геллия — 268, 269

Фаларис (VI в. до н. э.) — тиран из Акроганта, сжигавший своих врагов в бронзовом быке — 286

Фалес Милетский (624—546 до н. э.) — первый греческий философ, математик и астроном, один из Семи мудрецов — 261

Феб (миф.) — одно из имен Аполлона — 196, 197, 199

Феб — лицо неустановленное — 312

- Федр* — греческий философ, последователь Гиппия, именем которого назван один из диалогов Платона — 192
- Фемистокл* (524—459 до н. э.) — государственный и военный деятель Афин, один из героев греко-персидской войны — 262
- Феодот* — лицо неустановленное — 276
- Феофраст (Теофраст) из Эреса* (372—288 до н. э.) — греческий философ, ученик и друг Аристотеля, автор сочинения «Характеры» — 279
- Феронакт* — вольноотпущенник императора Клавдия — 203
- Фидий* (V в. до н. э.) — выдающийся греческий скульптор — 49
- Филипп Македонский* (382—336 до н. э.) — отец Александра Македонского — 100, 101
- Филистион* — древнегреческий поэт, современник Сократа — 312
- Фортуна* (миф.) — римская богиня счастья — 27, 48, 68, 80
- Фронтон Марк Корнелий* — римский оратор II в. н. э., воспитатель Марка Аврелия — 273
- Фуруний Гай* (I в. до н. э.) — римский политический деятель и оратор — 44
- Хариты* (миф.) — греческие богини красоты и женской прелести (рим. Грации) — 18, 19
- Христипп* (ок. 280 — ок. 204 до н. э.) — греческий философ-стоик — 18, 19, 38, 44, 64, 163, 269, 311, 316
- Цезарь Гай (Кай) Юлий* (100—44 до н. э.) — римский политический деятель, полководец и писатель — 41, 66, 96, 125, 165, 282
- Цезон* — лицо неустановленное — 292
- Цербер (Кербер)* (миф.) — пес, охраняющий вход в подземное царство Аида — 203
- Цинна* — внук Гнея Помпея, консул 5 г. н. э. — 95
- Цицерон Марк Туллий* (106—46 до н. э.) — римский оратор и политический деятель — 119, 161
- Цицерон-сын Марк Туллий* (род. 65 до н. э.) — понтифик, консул 30 г. до н. э., приближенный императора Августа — 95
- Эак* (миф.) — один из трех судей в подземном царстве, по другой версии мифа — привратник Аида — 204
- Эаринома* (миф.) — океанида, мать Харит (Граций) — 18
- Эдип* (миф.) — сын фиванского царя, по неведению убивший своего отца и женившийся на собственной матери; в античной литературе миф об Эдипе разрабатывали Софокл и Сенека — 268
- Эмпедокл из Агригента* (ок. 490 — ок. 430 до н. э.) — древнегреческий философ — 358
- Эней* (миф.) — сын троянца Анхеза и Афродиты, легендарный родоначальник римлян — 74, 152
- Эпаминонд* (IV в. до н. э.) — беотийский государственный деятель и полководец, погибший при Мантинее в 362 г. до н. э. — 257
- Эпиктет* — 209, 225, 240, 264, 267—270, 273, 293, 316, 356, 357
- Эпикур* (342/341—271/270 до н. э.) — греческий философ, последователь Демокрита — 53, 77, 87, 88, 177, 182, 191, 257, 321, 340
- Эсхин* (389 — ок. 314 до н. э.) — греческий оратор и политический деятель, противник Демосфена — 21
- Юнк Вергиллион* — римский сенатор, приближенный и любовник Мессалины, казненный по приказу императора Клавдия — 203
- Юнона* (миф.) — высшее женское божество римского пантеона, жена Юпитера — 18, 200
- Юпитер* (миф.) — верховное божество римлян (греч. Зевс) — 18, 19, 79, 190, 198, 200, 201
- Юст Катоний* — римский префект времен императора Клавдия — 203
- Янус* (миф.) — римское божество дверей и ворот, входов и выходов, изображавшееся двулицким, бог всяческого начала, в том числе и года (отсюда название месяца «январь») — 200

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Санов. О СТОИКАХ И СТОИЦИЗМЕ</i>	5
---	---

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА

О БЛАГОДЕЯНИЯХ	14
Книга первая	—
Книга вторая	28
Книга третья	51
Книга четвертая	75
Книга пятая	103
Книга шестая	127
Книга седьмая	156
О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ	167
О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ	193
САТИРА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ	196

ЭПИКТЕТ

В ЧЕМ НАШЕ БЛАГО? Избранные мысли римского мудреца	206
Книжка первая	—
Книжка вторая	216
Книжка третья	227
Книжка четвертая	242
АФОРИЗМЫ	252

МАРК АВРЕЛИЙ

НАЕДИНЕ С СОБОЙ. Размышления	271
Книга первая	272
Книга вторая	277
Книга третья	281
Книга четвертая	287
Книга пятая	296
Книга шестая	304
Книга седьмая	313
Книга восьмая	323

Книга девятая	332
Книга десятая	341
Книга одиннадцатая	349
Книга двенадцатая	357

П Р И Л О Ж Е Н И Е

<i>А. Ф. Лосев.</i> ПОЗДНИЕ СТОИКИ	364
<i>С. А. Котляревский.</i> МАРК АВРЕЛИЙ	386

КОММЕНТАРИИ	414
-----------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	454
--------------------------	-----

РИМСКИЕ СТОИКИ

Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий

В оформлении книги использовано изображение большой маски, именуемой «Уста истины», которая расположена на левом портике церкви Санта Мария (VI в. н. э.) в Космедине (Италия). Название маски происходит от распространенного суеверия, что она насылает кару на всякого, кто говорит неправду.

Заведующий редакцией *В. В. Голоднов*

Редактор *А. С. Кочеткова*

Художник *Т. С. Грудина*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 9814

ЛР № 010273 от 10.12.92.

Слано в набор 26.10.94. Подписано в печать 08.02.95.
Формат 60x90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 29.
Уч.-изд. л. 29,01. Тираж 26 000 экз. Заказ № 219. С 032.

Российский государственный
информационно-издательский Центр «Республика»
Комитета Российской Федерации по печати.

Издательство «Республика».
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ».
103473, Москва,
Краснопролетарская, 16.

СЕНЕКА

МАРК АВРЕЛИЙ

ЭПИКТЕТ

По природе, учили стоики, все человеческие существа равны... Это был идеал, который не мог быть соответственно осуществлен в Римской империи, но который влиял на законодательство, в частности в смысле улучшения положения женщины и рабов.

Христианство переняло эту часть учения стоиков вместе со многим другим. И когда, наконец, в XVII веке наступило время эффективно бороться против деспотизма, учение стоиков о естественном праве и естественном равенстве в своем христианском паряде приобрело практическую силу, которой во время античности не мог ему придать даже император.

Бертран Рассел